ИСТОРИЯ СРЕДИЗЕМЬЯ

КРИСТОФЕР ТОЛКИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕНИ

история написания

«ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ»

Часть первая

6

ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

Возвращение Тени

Джон Рональд Руэл Толкин, Кристофер Толкин

Часть первая. Первая фаза
Глава 1. ДОЛГОЖДАННОЕ УГОЩЕНИЕ
(I) Первая версия
(II) Вторая версия
(III) Третья версия
(IV) Четвёртая версия
(V) Складывающаяся повесть
Глава 2. ОТ ХОББИТОНА ДО ЛЕСНОГО УГЛА
Глава 3. О ГОЛЛУМЕ И КОЛЬЦЕ
Глава 4. К ФЕРМЕ МЭГГОТА И В БАКЛЕНД
Заметка о карте Шира
Глава 5. СТАРЫЙ ЛЕС И УИТИВИНДЛ
Заметка о Томе Бомбадиле
Глава 6. ТОМ БОМБАДИЛ
Глава 7. УМЕРТВИЕ
Глава 8. ПРИБЫТИЕ В БРИ
Заметка о песнях в «Гарцующем Пони»
Глава 9. ТОПОТУН И ПУТЬ К ЗАВЕРТИ
Глава 10. НАПАДЕНИЕ НА ЗАВЕРТЬ
Глава 11. ОТ ЗАВЕРТИ ДО БРОДА
Заметка о курсе Дороги между Завертью и Ри-

венделлом
Заметка о реке Хоарвелл
Заметка о реке Ривенделла
Заметка об Энтских землях
Глава 12. В РИВЕНДЕЛЛЕ
Заметка о хронологии
Глава 13. «ВОПРОСЫ И ПЕРЕДЕЛКИ»
Часть вторая. Вторая фаза
Глава 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХОББИТОН
Родословная
Глава 15. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ
Глава 16. ПРОМЕДЛЕНИЕ ОПАСНО
Глава 17. НАПРЯМИК ЧЕРЕЗ ГРИБНЫЕ ЗЕМЛИ
Глава 18. СНОВА ИЗ БАКЛЕНДА К УИТИВИНДЛУ
(i) Раскрытый заговор
(ii) Старый Лес
(iii) Том Бомбадил
Часть третья. Третья фаза
Глава 19. ТРЕТЬЯ ФАЗА (1): ПУТЬ В БРИ
Глава 20. ТРЕТЬЯ ФАЗА (2): ПОД ВЫВЕСКОЙ «ГАРЦУЮЩЕГО ПОНИ»
Глава 21. ТРЕТЬЯ ФАЗА (3): К ЗАВЕРТИ И РИВЕНДЕЛЛУ
Глава 22. НОВЫЕ СОМНЕНИЯ И НОВЫЕ НАМЁТКИ
Часть четвёртая. Повесть продолжается
Глава 23. В ДОМЕ ЭЛРОНДА

Глава 24. КОЛЬЦО УХОДИТ НА ЮГ
Очерк географии и современная карта
Глава 25. КОПИ МОРИИ

Часть первая. Первая фаза

Глава 1. ДОЛГОЖДАННОЕ УГОЩЕНИЕ

(I) Первая версия

Исходная писаная точка отсчёта «Властелина Колец» — его «первый зародыш», как много позже нацарапал на тексте мой отец, — сохранилась: рукопись в пять страниц, озаглавленная «Долгожданное угощение» (A long-expected party). Думаю, что именно к ней (а не ко второму, незаконченному наброску, вскоре за ней последовавшему) отсылал мой отец, когда 19 декабря 1937 года писал Чарльзу Фёрту в «Аллен энд Анвин»: «Я написал первую главу новой истории про хоббитов — „Долгожданное угощение“». Всего тремя днями ранее он писал Стэнли Анвину:

Полагаю, очевидно, что… требуется продолжение или преемник «Хоббита». Обещаю уделить этому мысли и внимание. Но я уверен, что Вы посочувствуете мне, когда я скажу, что построение тщательно проработанной и непротиворечивой мифологии (и двух языков) изрядно занимает ум, а Сильмарилли — в моём сердце. Так что бог весть, что из этого выйдет. Мистер Бэггинс начинался как комическая история среди условных и непоследовательных гномов в духе сказок братьев Гримм — и оказался втянут на самый

её край, так что даже Саурон Ужасный заглянул туда через кромку. А что ещё под силу хоббитам? Они могут быть смешны, но их комизм отдаёт мещанством, если не поставить его на фоне вещей более стихийных.

Из этого как будто ясно, что 16 декабря он не только ещё не начал писать, но и, по всей вероятности, даже не задумывался о существе «новой истории про хоббитов». Незадолго до того он расстался с рукописью третьей версии «Сильмариллиона», отослав её в «Аллен энд Анвин»; она была не окончена, и он всё ещё был погружён в неё с головой. В постскриптуме к этому письму Стэнли Анвину он, собственно, и подтвердил, что «Сильмариллион» (и кое-что ещё) был возвращён ему позднее в тот же день. И тем не менее за новую историю он, должно быть, взялся тут же, не сходя с места.

Когда он впервые занёс перо над бумагой, то вывел крупными буквами «When M», но остановился, не закончив последний штрих у «M», и написал вместо этого «When Bilbo…». Текст начинается изящным почерком, но письмо становится всё стремительнее и под конец вырождается в торопливые каракули, местами не вполне разборчивые. В рукописи немало правок.

Приводимый ниже текст представляет первоначальную форму, как я её оцениваю, — с оговоркой, что «первоначальное» и «непервоначальное» невозможно различить безупречно. Видно, что одни изменения были внесены в самый момент письма, и они включены в текст; другие же — характерные предвосхищения следующей версии, и они оставлены без внимания. В любом случае весьма вероятно, что версии этой начальной главы мой отец писал в быстрой последовательности одну за другой. Примечания к этой версии следуют сразу за концом текста (с. 17).

Первоначальная вступительная страница «Властелина Колец»

Долгожданное угощение[1]

Когда Бильбо, сын Бунго из семейства Бэггинсов, [отпраздновал >] приготовился отпраздновать свой семидесятый день рождения, в округе на день-другой пошли толки. Когда-то он ненадолго стяжал мимолётную славу среди жителей Хоббитона и Байуотера — однажды, 30 апреля, он исчез после завтрака и не появлялся вновь до обеденной поры 22 июня следующего года.

---

[1] Примечания: 1

Заглавие было вписано позднее, но, несомненно, до того, как глава была завершена, поскольку мой отец сослался на неё под этим заглавием в письме от 19 декабря 1937 года (с. 11). ↩ [broken link: #rn3_1]

Весьма странный поступок, которому он так и не дал никакого вразумительного объяснения и о котором написал бестолковый отчёт. После этого он вернулся к обычному образу жизни; и поколебленное доверие округи мало-помалу восстановилось, тем более что Бильбо, каким-то необъяснённым способом, сделался более чем зажиточным, если не сказать прямо богатым. По правде, поначалу толки вызывала скорее пышность угощения, нежели мимолётная слава, — в конце концов, та другая странная история случилась лет двадцать назад и помаленьку, как и подобает, забывалась. Точнее сказать, пышность приготовлений к угощению. Поле к югу от его парадной двери покрывалось шатрами. Приглашения рассылались всем Бэггинсам и всем Тукам (родне с материнской стороны), и Граббам (связанным лишь отдалённо); и Берроузам, Боффинам, Чаббам и Праудфутам — никто из которых не состоял с ним в родстве в пределах памяти местных летописцев; иные из них жили на другом краю шира, но все они, разумеется, были хоббиты. Не забыли даже Сэквилль-Бэггинсов, его двоюродную родню с отцовской стороны. Между ними и мистером Бильбо Бэггинсом, как иные из вас, верно, помнят, была распря. Но

приглашение, выписанное целиком золотом, было до того великолепно, что они склонились его принять; к тому же их родич уже давно знал толк в хорошей снеди, и столы его пользовались высокой славой даже в те времена и в той стране, когда еда ещё была тем, чем ей надлежит быть, и водилась в изобилии, чтобы всякий народ мог на ней поупражняться.

Все ждали приятного пиршества, хотя и побаивались послеобеденной речи хозяина. Он был склонен ввернуть кусочки того, что называл поэзией, и даже намекнуть, после стакана-другого, на нелепые приключения, которые, по его словам, приключились с ним давным-давно во время того смехотворного исчезновения. Пиршество вышло преприятное — поистине захватывающее развлечение. Закупка съестного по всему ширу на всю следующую неделю упала чуть ли не до нуля, но поскольку угощение мистера Бэггинса опустошило все лавки, погреба и склады на много миль вокруг, это было неважно. Затем настал черёд речи. Большинство собравшихся хоббитов пребывало теперь в благодушном расположении, и прежние их опасения позабылись. Они готовы были выслушать что угодно и приветствовать кликами каждую точку. Но к тому, чтобы их оше-

ломили, они готовы не были. А их ошеломили — полностью и неслыханно; у иных даже сделалось несварение.

— Дорогие мои, — начал мистер Бэггинс.

— Слушайте, слушайте! — отозвались они хором.

— Дорогие мои Бэггинсы, — продолжал он, встав теперь на стул, так что свет фонарей, озарявших огромный шатёр, заиграл на золотых пуговицах его расшитого жилета на виду у всех. — И дорогие мои Туки, и Граббы, и Чаббы, и Берроузы, и Боффины, и Праудфуты.[2]

— Праудфиты! — крикнул из задних рядов пожилой хоббит.

Фамилия его, конечно, была Праудфут, и носил он её по праву: ступни у него были громадные, на редкость мохнатые, и обе покоились на столе.

— А также дорогие мои Сэквилль-Бэггинсы, которых я наконец-то рад вновь приветствовать в Бэг-Энде, — продолжал Бильбо. — Сегодня мне исполняется семьдесят.

— Ура, ура, и долгих лет! — закричали они.

---

[2] Примечания: 2

После «Burroweses» следовало «and Ogdens», но это было вычеркнуто — почти наверняка в момент письма. «Proudfoots» сперва было написано как «Proudfeet», подобно тому как ранее в главе, но, как показывает следующее предложение, было изменено в самом акте письма. ↩ [broken link: #rn3_2]

Вот такое им было по нраву: коротко, понятно, бесспорно.

— Надеюсь, вы все веселитесь не меньше моего. Оглушительные клики, возгласы — да (и — нет), звуки труб и свистулек. Среди гостей было великое множество хоббитят, ибо хоббиты снисходительны к своим детям, особенно если выпадает случай лишний раз поесть. Хлопнули сотни музыкальных хлопушек. На большинстве значилось — Сделано в Дейле. Что это означало, знали лишь Бильбо да немногие из его племянников-Туков, но хлопушки были на диво чудесные. — Я созвал вас всех вместе, — продолжал Бильбо, когда стих последний клик, и что-то в его голосе заставило кое-кого из Туков насторожить уши, — прежде всего затем, чтобы сказать вам, что я безмерно вас люблю и что семьдесят лет — слишком краткий срок, чтобы прожить его среди столь превосходных и очаровательных хоббитов. — — Слушайте, слушайте! — — Я и вполовину не знаю половины из вас так, как хотел бы, и меньше половины из вас люблю вполовину так, как вы того заслуживаете. Кликов не было, лишь несколько хлопков — большинство пыталось это раскусить. — Во-вторых, чтобы отпраздновать мой день рождения и двадцатый год моего возвращения

— неловкий шорох. — И напоследок — чтобы сделать Объявление. Это он произнёс очень громко, и все, кто мог, выпрямились. — Прощайте! После обеда я ухожу. А ещё я женюсь.

Он сел. Молчание было сущим остолбенением. Нарушил его лишь мистер Праудфут, опрокинувший стол; миссис Праудфут поперхнулась посреди глотка.

Вот и всё. Это лишь к тому, чтобы пояснить, что Бильбо Бэггинс женился и имел много детей, ибо я собираюсь рассказать вам историю об одном из его потомков, и, прочти вы его воспоминания лишь до поры визита Балина — по меньшей мере за десять лет до этого дня рождения, — вы были бы озадачены.[3]

На самом же деле Бильбо Бэггинс исчез тихо и незаметно — кольцо было у него в руке ещё в то время, когда он держал речь, — посреди сумбурного взрыва разговоров, последовавшего за остолбенелым молчанием. В Хоббитоне его больше не видели. Когда за гостями прибыли повозки, прощаться было не с кем. Повозки укатывали одна за другой, нагруженные сытыми, но странно неудовлетворёнными хоббитами.

---

[3] Примечания: 3

Отсылка к заключению «Хоббита», когда Гэндальф и Балин заглянули в Бэг-Энд «несколько лет спустя». ↩ [broken link: #rn3_3]

Пришли (по уговору) садовники и вывезли в тачках тех, что ненароком засиделись. Опустилась ночь и миновала. Взошло солнце. Пришёл народ убирать шатры, и столы, и стулья, и фонари, и цветущие деревца в кадках, и ложки, ножи, тарелки и вилки, и крошки, и недоеденную снедь — совсем малый свёрток. Пришло и множество других. Бэггинсы, и Сэквилль-Бэггинсы, и Туки, и люди, у которых дел тут было и того меньше. К середине утра (когда даже наисытейшие снова были на ногах) у Бэг-Энда собралась изрядная толпа — незваная, но нежданной её не назовёшь. На большой белой доске у парадной двери было выведено: ВХОД. Дверь была открыта. На всём внутри висели ярлычки. «Мунго Туку, с любовью от Бильбо»; «Семолине Бэггинс, с любовью от племянника» — на корзине для бумаг; она написала ему уйму писем (по большей части с добрыми советами). «Карамелле Тук, с добрым приветом от дядюшки» — на стенных часах в прихожей. Хоть и неаккуратная, она была племянницей, которую он скорее любил, — пока однажды, опоздав к чаю, не объявила, что его часы спешат. Часы у Бильбо никогда не спешили и не отставали, и он этого не забыл. «Обо Тук-Туку, от внучатого племянника» — на перине; Обо редко просыпался раньше

полудня или бодрствовал после чая и храпел. «Горбодуку Граббу с наилучшими пожеланиями от Б. Бэггинса» — на золотом самописном пере; он никогда не отвечал на письма. «В пользование Анжелике» — на зеркале; она была юная Бэггинс и считала себя прехорошенькой.[4] «Иниго Грабб-Туку» — на полном обеденном сервизе; он был жаднейшим хоббитом, известным истории. «Амальде Сэквилль-Бэггинс в подарок» — на футляре серебряных ложек. Она была женой двоюродного брата Бильбо — того самого, которого он много лет назад, вернувшись, застал за обмериванием своей столовой (быть может, вы помните его подозрения насчёт пропадающих ложек; так или иначе, ни он, ни Амальда об этом не забыли).[5]

---

[4] Примечания: 4

В этом месте упоминался подарок Иниго Бэггинсу — футляр щёток для волос, но он был вычеркнут, очевидно в момент письма, поскольку сразу следом идёт подарок другому Иниго (Грабб-Туку). ↩ [broken link: #rn3_4]

[5] Примечания: 5

В этом отрывке были внесены различные изменения в имена и прочие подробности, не все из которых были подхвачены в третьей версии (вторая обрывается прежде этого места). Был уточнён подарок Мунго Тука (зонт), а Карамелла Тук из племянницы была переделана в кузину. Горбодук Грабб стал Орландо Граббом. Карандашные предложения для имени миссис Сэквилль-Бэггинс взамен Амальды — это Лоницера (Жимолость) и Гризельда, а её муж Саго (названный в следующем абзаце текста) стал Космо. ↩ [broken link: #rn3_5]

Разумеется, в доме у Бильбо была тысяча и одна вещь, и на всех висели ярлычки — на большинстве с неким умыслом (доходившим до сознания спустя время). Вся обстановка дома была роздана, но ни единого медяка, ни латунного колечка из украшений сыскать не удалось. Амальда была единственной Сэквилль-Бэггинс, помянутой ярлычком, — но затем в прихожей было объявление, гласившее, что мистер Бильбо Бэггинс передаёт желанную собственность, или жилую нору, известную как Бэг-Энд-Андерхилл, со всеми землями, к ней принадлежащими или присовокуплёнными, Саго Сэквилль-Бэггинсу и его жене Амальде, дабы они держали, владели, занимали или иначе распоряжались ею по своему усмотрению и разумению начиная с ближайшего 22 сентября. Было же тогда 21 сентября (день рождения Бильбо приходился на 20-е число этого приятного месяца). Так что Сэквилль-Бэггинсы всё-таки поселились в Бэг-Энде — хотя и пришлось им прождать лет двадцать. И немало же им пришлось помучиться, вынося всё помеченное ярлычками добро: ярлычки отрывались и путались, в прихожей пытались меняться, иные норовили улизнуть с тем, за чем [не] доглядывали, а всякий любопытный люд

принялся пробивать дыры в стенах и рыться в погребах, прежде чем их удалось выдворить. Они всё ещё тревожились о деньгах и драгоценностях. Как бы посмеялся Бильбо. Да он и смеялся — он предвидел, чем всё обернётся, и втихомолку наслаждался шуткой.

Ну вот, полагаю, всё и стало яснее ясного. Дело в том, что, вопреки своей послеобеденной речи, он вдруг ужасно устал от них всех. Туковость (не то чтобы все Туки когда-либо обладали этим своенравным свойством в избытке) совершенно внезапно и некстати ожила в нём вновь. А ещё одна тайна: спустив последние полсотни дукатов на угощение, он не оставил себе ни денег, ни драгоценностей, кроме кольца да золотых пуговиц на жилете. Всё прочее он растратил за двадцать лет (даже выручку за свою прекрасную…., которую продал несколько лет назад).[6]

Как же тогда он мог жениться? Прямо сейчас он и не собирался — он лишь сказал: «Я женюсь». Не вполне могу сказать почему. Это внезапно

---

[6] Примечания: 6

Ср. конец «Хоббита»: «Его золото и серебро были по большей части [после изменено на: в значительной мере] потрачены на подарки, как полезные, так и расточительные». Неразборчивое слово здесь могло бы быть arms («доспехи»), но на то не похоже; ср. то же место в «Хоббите»: «Его кольчуга была водружена на подставке в прихожей (пока он не отдал её на время в Музей)». ↩ [broken link: #rn3_6]

пришло ему в голову. Притом он полагал, что это событие, быть может, произойдёт в будущем — если он снова постранствует среди иных народов или где-нибудь сыщет более редкое и прекрасное племя хоббитов. А ещё это было своего рода объяснение. У хоббитов был любопытный обычай в том, что касалось свадеб. Они держали (всегда официально, а очень часто и на деле) в строжайшей тайне годами, на ком собираются жениться, даже когда знали сами. А потом вдруг шли и женились и уезжали, не оставив адреса, на неделю-другую (а то и подольше). Когда Бильбо исчез, соседи поначалу так и подумали. «Он взял да и женился. И кто бы это мог быть? — больше ведь, насколько нам ведомо, никто не исчезал». Даже спустя год они меньше удивились бы, вернись он с женой. Долгое время кое-кто полагал, что он держит её взаперти, и на время даже выросла целая легенда о бедной миссис Бильбо, которая была слишком уродлива, чтобы показываться на люди.

Так что вот Бильбо и сказал перед своим исчезновением: «Я женюсь». Он думал, что это — вкупе со всей кутерьмой вокруг дома (или норы) и обстановки — надолго займёт их и удовольствует, так что какое-то время никто не потрудится его

разыскивать. И он оказался прав — или почти прав. Ибо разыскивать его так и вовсе никто не стал. Они порешили, что он спятил и убежал, покуда не повстречает пруд, реку или крутой обрыв, и стало одним Бэггинсом меньше. Большинство, во всяком случае. О нём, конечно, глубоко горевали немногие из его младших друзей (…Анжелика и Сар……). Но не со всеми из них он простился — о нет. Это легко объяснить.

Описывая этот черновик в своей «Биографии», Хамфри Карпентер говорит (с. 185):

Причина его исчезновения, как она дана в этом первом черновике, состоит в том, что у Бильбо «не осталось ни денег, ни драгоценностей», и он отправлялся на поиски новых запасов драконьего золота. На этом первая версия начальной главы обрывается, не завершённая.

Но можно возразить, что на деле она была завершена: ведь следующий законченный черновик главы (третий — второй, кажется, наверняка не окончен и обрывается гораздо раньше) заканчивается лишь чуть дальше по ходу повествования (с. 34), а незадолго до конца содержит:

Но не все из них с ним простились. Это легко объяснить, что вскоре и будет сделано.

И объяснение не даётся, а откладывается до

следующей главы. Притом и в первом черновике не сказано столь определённо, что Бильбо «отправлялся на поиски новых запасов драконьего золота». То, что нехватка денег была причиной покинуть дом, — несомненно, однако подчёркнута и внезапная туковская гадливость к хоббитской пресности и условности, и на деле нет ни намёка на то, что́ Бильбо собирался делать. Вполне возможно, что 19 декабря 1937 года мой отец и сам не имел понятия. Стремительно написанная концовка текста сильно отдаёт неуверенностью направления (и в самом деле он сказал ранее в главе, что история будет об одном из потомков Бильбо).

Но, хотя никаких следов Гэндальфа нет, бо́льшая часть существенного и многие подробности самого угощения в том виде, в каком оно описано в «Братстве Кольца» (FR), проступают в самом начале, и даже некоторые обороты сохранились. Появляются Чаббы (или Чаббсы, с. 13), Боффины и Праудфуты — семейства же по имени Берроуз (Burrows в FR) и Грабб были упомянуты в конце «Хоббита», в именах оценщиков на распродаже Бэг-Энда, а земля хоббитов впервые названа «широм» (см., однако, с. 31). Но имена хоббитов лишь начинали свои протеевы превращения:

такие имена, как Саго и Семолина, будут отвергнуты как неподходящие, иные (Амальда, Иниго, Обо) не найдут места в окончательных родословных, а ещё иные (Мунго, Горбодук) будут отданы другим лицам; уцелела одна лишь тщеславная Анжелика Бэггинс.

(II) Вторая версия

Следующая рукопись, тесно опираясь на первую, ввела много нового материала — в первую очередь появление Гэндальфа и фейерверк. Эта версия обрывается на словах «Утро шло своим чередом» (FR, с. 45).

Рукопись была сильно выправлена, и очень трудно отличить изменения, внесённые в момент сочинения, от внесённых позднее: в любом случае третья версия, несомненно, последовала вплотную за второй, вытеснив её прежде, чем та была завершена. Этот второй текст я тоже привожу полностью, насколько он простирается, но в данном случае включаю практически все внесённые в него правки (в некоторых случаях первоначальное чтение дано в примечаниях, следующих за текстом на с. 25).

Глава 1

Долгожданное угощение

Когда Бильбо, сын Бунго, из почтенного семейства Бэггинсов приготовился отпраздновать свой

семьдесят первый[1] день рождения, в округе пошли кое-какие толки, и народ принялся освежать память.[2] Когда-то Бильбо стяжал недолгую дурную славу среди хоббитов Хоббитона и Байуотера — однажды, 30 апреля, он исчез после завтрака и не появлялся вновь до обеденной поры 22 июня следующего года. Весьма странный поступок, которому он так и не дал удовлетворительного объяснения. Он, конечно, написал о нём книгу, но даже те, кто её прочёл, никогда не принимали этого всерьёз. С хоббитами о драконах говорить без толку: они либо не верят тебе, либо им делается не по себе; и в том и в другом случае потом склонны тебя сторониться. Однако мистер Бэггинс вскоре вернулся к более или менее обычному образу жизни; и хотя поколебленное доверие

---

[1] Примечания: 7

«seventy-first» исправлено из «seventieth», но в тексте прощальной речи Бильбо «seventy-first» стояло с самого начала. ↩ [broken link: #rn4_1]

[2] Примечания: 8

В этом месте мой отец сперва написал:

Дважды до того он становился предметом местных новостей: редкое достижение для Бэггинса. В первый раз — когда он осиротел, едва достигнув сорока лет, из-за безвременной гибели отца и матери (в лодочной катастрофе). Второй раз был примечательнее.

Подобная участь, уготованная Бунго Бэггинсу и его жене, кажется крайне неправдоподобной в свете слов первой главы «Хоббита»:

Нельзя сказать, чтобы у Белладонны Тук были какие-либо приключения после того, как она стала миссис Бунго Бэггинс. Бунго, отец Бильбо, выстроил для неё роскошнейшую хоббитскую нору… и там они и оставались до конца своих дней.

Они кажутся маловероятной парой, чтобы «дурачиться с лодками», по выражению Старика Гэмджи, и осознание этого, несомненно, и было причиной, по которой мой отец тут же вычеркнул этот отрывок, но лодочная катастрофа не была забыта, и она стала участью (Ролло Болджера >) Дрого Бэггинса и его жены-Брендибак Примулы, для которых она была менее неправдоподобным концом (см. с. 37). ↩ [broken link: #rn4_2]

округи так до конца и не восстановилось, со временем хоббиты согласились простить прошлое, и Бильбо снова раскланивался со всей роднёй и соседями, кроме, разумеется, Сэквилль-Бэггинсов. С одной стороны, Бильбо каким-то необъяснённым способом сделался более чем зажиточным, а по правде — прямо-таки богатым. По правде же, толки вызывала пышность приготовлений к его дню рождения куда больше, чем его краткая и далёкая слава. В конце концов, та другая странная история случилась лет двадцать назад и почти забылась; угощение же должно было состояться в том самом сентябре. Погода стояла погожая, и поговаривали о фейерверке, какого не видывали со времён Старого Тука.

Время близилось. Чудно́го вида повозки с чудно́го вида свёртками начали взбираться на Холм к Бэг-Энду (жилищу мистера Бильбо Бэггинса). Прибывали они по ночам, и встревоженный народ выглядывал из дверей поглазеть на них. Иные правились диковинным людом, певшим странные песни, — эльфами или укутанными в капюшоны гномами. Одна огромная скрипучая фура с громадными неуклюжими светловолосыми Людьми наделала немало переполоху. На

ней красовалась большая B под короной.[3] Через мост у мельницы фуре было не перебраться, и Люди понесли груз на спинах в гору — топая по хоббитской дороге, как слоны. Когда они снова спустились с холма, всё пиво в трактире как сквозь землю провалилось. Позже на той неделе средь бела дня прикатила тележка. Правил ею в одиночку старик. На нём была высокая остроконечная синяя шляпа и длинный серый плащ. Хоббитята и хоббитянки бежали за тележкой до самого верха холма. В ней был груз фейерверков, что они и разглядели, когда её принялись разгружать: целые связки, помеченные красной G.

— G — значит „grand“, грандиозно! — кричали они, и это была лучшая догадка, на какую они были способны касательно её смысла. Немногие из их старших угадывали лучше: память у хоббитов, как правило, коротковата. Что до старичка,[4] то он скрылся за парадной дверью Бильбо и больше

---

[3] Примечания: 9

На этой стадии приключение Бильбо в «Хоббите» и его прощальное угощение разделяли всего 20 лет, и мой отец явно подразумевал, что B на фуре означает Bard (Бард), король Дейла. Позднее, когда годы сильно растянули, в Дейле в это время правил бы Бейн, сын Барда. ↩ [broken link: #rn4_3]

[4] Примечания: 10

В первоначальном «Хоббите» Гэндальф при первом появлении был описан как «a little old man» («маленький старичок»), но впоследствии слово «little» было убрано. См. с. 315. ↩ [broken link: #rn4_4]

не показывался.

Могло бы подняться какое-нибудь ворчание насчёт «закупаться у своих», но вдруг из Бэг-Энда хлынули заказы — в каждую лавку округи (и притом отмеренные щедрой мерой). Тут люди перестали попросту любопытствовать и преисполнились восторга. Они принялись вычёркивать дни в календаре до дня рождения Бильбо и высматривать почтальона в надежде на приглашения.

И вот приглашения хлынули потоком, почтовая контора Хоббитона была завалена, контору Байуотера засыпало с головой, и потребовались добровольные почтальоны. Нескончаемой вереницей шли они на Холм к Бэг-Энду, неся письма с сотнями учтивых вариаций на тему «благодарю, непременно буду». Всё это время, день за днём, а именно с [10-го >] 8 сентября, Бильбо никто не видел ни на улице, ни где-либо ещё. Он либо не отзывался на звонок, либо подходил к двери и кричал из-за её края: «Извините — занят!» Думали, он всего лишь пишет пригласительные карточки, но это было не совсем так.

Наконец поле к югу от его парадной двери — с одной стороны его окаймлял огород, с другой — дорога на Холм — начало покрываться палат-

ками и шатрами. Три хоббитских семейства из Бэгшот-Роу, что прямо под ним, были несказанно взволнованы. Был один особенно большой шатёр, до того большой, что дерево, стоявшее в поле, оказалось внутри, посреди него, продолжая расти.[5] Он был сплошь увешан фонарями. Ещё многообещающее было возведение огромной кухни в углу поля. Прибыл целый отряд поваров. Волнение достигло предела. Затем небо заволокло. Это было в пятницу, накануне угощения. Тревога стала острой. Наконец занялась суббота, [20 >] 22 сентября.[6] Солнце взошло, тучи рассеялись, развернули флаги, и веселье началось.

Мистер Бэггинс называл это угощением — но это было несколько праздников, скатанных в один и перемешанных. На что-нибудь да был приглашён чуть ли не всякий, кто жил поблизости — очень немногих забыли (по случайности), а поскольку те всё равно явились, это было неважно. Бильбо встречал гостей (и добавочных) у ворот

---

[5] Примечания: 11

Одинокое дерево в поле ниже Бэг-Энда уже было на иллюстрации Хоббитона, помещённой фронтисписом к «Хоббиту», как и огород Бильбо и хоббитские норы Бэгшот-Роу (хотя само это название появляется здесь впервые). ↩ [broken link: #rn4_5]

[6] Примечания: 12

20 сентября было датой дня рождения Бильбо в первой версии (с. 16). ↩ [broken link: #rn4_6]

лично. Он раздавал подарки всем подряд — добавочными были те, кто выходил через заднюю калитку и снова входил с парадной за второй порцией. Он начал с самых младших и малых и быстро вернулся к самым малым и младшим. Хоббиты дарят другим подарки на свои дни рождения — не очень дорогие, разумеется. Но система была неплохая. На деле в Хоббитоне и Байуотере, поскольку всякий день в году был чьим-нибудь днём рождения, выходило, что каждый хоббит получал подарок (а порой и не один) почти каждый день своей жизни. Но они от них не уставали. По этому случаю хоббитская мелюзга была вне себя от восторга — были игрушки, каких они отродясь не видели. Как вы и угадали, прибыли они из Дейла.

Попав в пределы усадьбы, гости пели, плясали, играли — и, конечно, ели и пили. Было три официальных трапезы: обед, чай и ужин, но обед и чай отличались главным образом тем, что в эти часы все разом сидели и ели. Питьё не прекращалось вовсе. Еда шла почти без перерыва с одиннадцатичасовой закуски до шести часов, когда начался фейерверк.

Фейерверк, конечно (как вы по крайней мере угадали), был от Гэндальфа, доставлен им лично и

им же запускался — главные потехи, а ещё щедро раздавали шутихи, хлопушки, бенгальские огни, факелы, гномьи свечи, эльфийские фонтаны, гоблинские тявкалки и громобои. Они, разумеется, были превосходны. Искусство Гэндальфа, понятно, делалось тем лучше, чем старше он становился. Были ракеты, как стая искрящихся птиц, певших сладкими голосами; были зелёные деревья со стволами из витого дыма: листва их распускалась, словно вся весна разворачивалась за считаные минуты, а сияющие ветви роняли тлеющие цветы на изумлённых хоббитов — лишь затем, чтобы те растаяли сладким ароматом, не коснувшись ни головы, ни шляпы, ни чепца. Были фонтаны бабочек, что взлетали на деревья; были столпы цветного огня, обращавшиеся в парящих орлов, или плывущие корабли, или стаю лебедей; были алые грозы и ливни жёлтого дождя; был лес серебряных копий, что разом взмыли в воздух с воплем, как идущее в атаку войско, и обрушились в Воду с шипением сотни раскалённых змей. И была ещё одна, последняя потеха, в которой Гэндальф несколько переусердствовал — в конце концов, он немало знал о хоббитах и их поверьях. Огни погасли, поднялся огромный дым, он принял форму горы, начал

светиться у вершины, вспыхнул пламенем алого и зелёного, и оттуда вылетел красно-золотой дракон (не в натуральную величину, конечно, но ужасающе живой): из пасти его било пламя, глаза свирепо глядели вниз, раздался рёв, и он трижды со свистом облетел толпу. Все пригнулись, иные попадали наземь. Дракон пронёсся, как курьерский поезд, и с оглушительным грохотом взорвался над Байуотером.

— Это значит, что пора ужинать, — сказал Гэндальф. Удачное замечание, ибо боль и тревога растаяли как по волшебству. Теперь нам и впрямь надобно поторопиться, ибо всё это не так важно, как казалось. Был ужин для всех гостей. Но был и особый званый обед в большом шатре с деревом. На тот обед приглашения ограничили двенадцатью дюжинами, или одним гроссом (помимо Гэндальфа и хозяина), и составляли его все главные хоббиты со старшими детьми, кому Бильбо приходился роднёй, или с кем был как-то связан, или кто хоть когда-нибудь хорошо с ним обошёлся, или к кому он питал особую приязнь. Приглашены были чуть ли не все живущие Бэггинсы; изрядно Туков (родня с материнской стороны); немало Граббов (свойственники его деда), дюжины Брендибаков (свойственники его

бабки), и разные Чаббы, Берроузы, Боффины и Праудфуты — иные из которых вовсе не состояли с Бильбо в родстве в пределах памяти местных летописцев; иные жили прямо-таки на другом краю Шира, но все они, разумеется, были хоббиты. Не обошли даже Сэквилль-Бэггинсов, его двоюродную родню с отцовской стороны. Между ними и мистером Бэггинсом, как вы, верно, помните, была некоторая холодность, тянувшаяся лет двадцать. Но приглашение, выписанное целиком золотом, было до того великолепно, что отказаться они сочли невозможным. К тому же их родич уже немало лет знал толк в снеди, и столы его пользовались высокой славой даже в те времена и в той стране, когда еда ещё была всем, чем ей надлежит быть, и водилась в изобилии, чтобы всякий народ мог упражняться как в разборчивости, так и в насыщении.

Все 144 особых гостя ждали приятного пиршества, хотя и побаивались послеобеденной речи хозяина. Он был склонен ввернуть кусочки того, что называл «поэзией», и порой, после стакана-другого, намекнуть на нелепые приключения, которые, по его словам, приключились с ним давным-давно — во время того смехотворного исчезновения. Ни один из 144 не был разочаро-

ван: пиршество вышло препиятное, поистине захватывающее развлечение — обильное, разнообразное и долгое. Закупка съестного по всей округе на всю следующую неделю упала чуть ли не до нуля, но поскольку угощение мистера Бэггинса истощило бóльшую часть лавок, погребов и складов на много миль вокруг, это было не очень важно.

После пиршества (более или менее) настал черёд Речи. Большинство собравшихся хоббитов пребывало теперь в благодушном расположении — на той сладостной стадии, которую они называли «заполнением уголков» (глоточками любимых напитков и кусочками любимых лакомств): прежние их опасения позабылись. Они готовы были выслушать что угодно и приветствовать кликами каждую точку. Но к тому, чтобы их ошеломили, они готовы не были. И всё же ошеломлены они, несомненно, были: поистине совершенно сражены; у иных даже сделалось несварение.

— Дорогие мои, — начал мистер Бэггинс, поднимаясь со своего места.

— Слушайте, слушайте, слушайте! — отозвались они хором и, похоже, не спешили последовать собственному совету. Тем временем Бильбо

покинул своё место, подошёл и встал на стул под освещённым деревом. Свет фонарей упал на его сияющее лицо; золотые пуговицы блестели на его расшитом цветами жилете. Все могли его видеть. Одна рука была у него в кармане. Другую он поднял.

— Дорогие мои Бэггинсы! — начал он снова. — И дорогие мои Туки, и Брендибаки, и Граббы, и Чаббы, и Берроузы, и Брейсгердлы, и Боффины, и Праудфуты.

— Праудфиты! — крикнул из задних рядов пожилой хоббит. Фамилия его, конечно, была Праудфут, и носил он её по праву: ступни у него были громадные, на редкость мохнатые, и обе покоились на столе.

«А также добрые мои Сэквилль-Бэггинсы, которых я наконец-то рад вновь приветствовать в Бэг-Энде. Сегодня мне исполняется семьдесят один!»

«Ура, ура! Долгих лет!» — закричали они и радостно забарабанили по столам. Бильбо держался превосходно. Вот такое им было по нраву: коротко, понятно, бесспорно.

«Надеюсь, вы все веселитесь не меньше моего». Оглушительные клики. Возгласы «да» (и «нет»). Звуки рожков и труб, дудок и флейт и прочих

музыкальных снарядов. Среди гостей было много хоббитят, ибо хоббиты снисходительны к своим детям в том, чтобы засиживаться допоздна, — особенно если выпадает случай задаром лишний раз их накормить (растить хоббитят требовало уймы провизии). Хлопнули сотни музыкальных хлопушек. На большинстве где-нибудь, внутри или снаружи, стояла метка «Дейл». Что это означало, знали лишь Бильбо да немногие из его близких друзей (ну и вы, конечно), но хлопушки были на диво чудесные. Внутри были инструменты — маленькие, но безупречной работы и чарующего звучания. И впрямь, в одном углу кое-кто из младших Туков и Брендибаков, решив, что Бильбо закончил речь (сказав всё, что нужно), составил теперь самодеятельный оркестр и грянул весёлый плясовой напев. Юный Просперо Брендибак[7] и Мелба Тук взобрались на стол и пустились отплясывать флип-флэп — премиленько, хоть и довольно резво. Но Бильбо ещё не закончил.

Выхватив рожок у одного из детей, он издал

---

[7] Примечания: 13

Просперо Брендибак сперва был написан как Орландо Брендибак, второй носитель этого имени: в списке подарков Бильбо в первой версии (с. 17, примеч. 5) Горбодук Грабб был изменён на Орландо Грабба. ↩ [broken link: #rn4_7]

три очень громкие ноты. Шум стих. «Я не задержу вас надолго», — воскликнул он. Снова грянули клики. «НО я созвал вас всех вместе ради Цели».

Что-то в его голосе заставило кое-кого из Туков насторожить уши. «Поистине ради трёх Целей. Прежде всего — чтобы сказать вам, что я безмерно вас всех люблю и что семьдесят один год — слишком краткий срок, чтобы прожить его среди столь превосходных и достойных восхищения хоббитов».

Грандиозный взрыв одобрения.

«Я и вполовину не знаю половины из вас так, как хотел бы, и меньше половины из вас люблю вполовину так, как вы того заслуживаете».

На сей раз кликов не было: это оказалось трудновато. Послышались редкие хлопки, но не все ещё успели это раскусить и понять, выходит ли в итоге комплимент.

«Во-вторых — чтобы отпраздновать мой день рождения и двадцатую годовщину моего возвращения». Кликов не было; раздался неловкий шорох.

«И напоследок — чтобы сделать Объявление». Это он произнёс так громко и внезапно, что все, кто мог, выпрямились. «С прискорбием объявляю, что — хотя, как я сказал, 71 год слишком

краткий срок среди вас, — это КОНЕЦ. Я ухожу. Я ухожу после обеда. Прощайте!»

Он сошёл со стула. Сто сорок четыре ошеломлённых хоббита откинулись назад, лишившись дара речи. Мистер Праудфут убрал ноги со стола. Миссис Праудфут проглотила большую шоколадку и поперхнулась. Затем настало полное молчание на добрых сорок мгновений, пока вдруг всякий Бэггинс, Тук, Брендибак, Чабб, Грабб, Берроуз, Брейсгердл, Боффин и Праудфут не заговорил разом.

«Хоббит спятил. Всегда говорил. Дурной вкус на шутки. Норовит содрать шерсть с наших пальцев (хоббитская присказка). Портит хороший обед. Где мой носовой платок. Не стану теперь пить за его здоровье. Выпью за своё. Где та бутылка. Никак жениться собрался? Уж не на ком-то из здешних нынче вечером. Да кто бы за него пошёл? К чему „прощайте“? Куда тут идти? Что он оставляет?» И так далее. Наконец услышали, как старый Рори Брендибак[8] (изрядно наевшийся, но всё ещё довольно смышлёный) кричит: «Да

---

[8] Примечания: 14

Очень похожий отрывок, передающий возмущённые отклики гостей, был добавлен в рукопись первоначального черновика в этом самом месте, но там «Да где он вообще?» кричал Иниго Грабб-Тук. Именно жадный Иниго Грабб-Тук получил обеденный сервиз (с. 15), и в этом отношении он уцелел в третьей версии главы. ↩ [broken link: #rn4_8]

где он вообще? Где Бильбо?»

Хозяина нигде не было и в помине.

На самом же деле Бильбо Бэггинс исчез тихо и незаметно посреди всех этих разговоров. Ещё держа речь, он уже теребил в кармане штанов маленькое кольцо.[9] Сходя со стула, он надел его — и в Хоббитоне его больше не видели.

Когда за гостями прибыли повозки, прощаться было не с кем. Повозки укатывали одна за другой, нагруженные сытыми, но странно неудовлетворёнными хоббитами. Пришли (по уговору) садовники и вывезли в тачках тех, что ненароком засиделись, заснув или утратив способность двигаться. Опустилась ночь и миновала. Взошло солнце. Хоббиты встали несколько позже. Утро шло своим чередом.

Этот текст я привёл полностью, поскольку, взятый вместе с первым, он даёт опорную точку при описании последующих, из которых даются лишь выдержки, но будет видно, что само Угощение — приготовления к нему, фейерверк, пиршество — уже достигло той формы, какую оно сохраняет в FR (с. 34–39), за вычетом немногих и совершенно второстепенных черт повествования

---

[9] Примечания: 15

«a small ring» («маленькое кольцо»): исправлено из «his famous ring» («его знаменитое кольцо»). ↩ [broken link: #rn4_9]

(да кое-где в тоне). Это тем поразительнее, когда осознаёшь, что на этой стадии мой отец всё ещё имел весьма смутное представление о том, куда движется: это было начало без места назначения (но см. с. 42–43).

Некоторые изменения, внесённые в рукопись ближе к концу, в приведённый выше текст не включены. В речи Бильбо его слова «Во-вторых, чтобы отпраздновать мой день рождения и двадцатую годовщину моего возвращения» и замечание «Кликов не было; раздался неловкий шорох» были убраны, и взамен подставлен следующий расширенный отрывок:

Во-вторых, чтобы отпраздновать НАШИ дни рождения: мой и моего почтенного и доблестного отца. Неловкое и опасливое молчание. Я лишь половина того человека, каким был он: мне 72, ему 144. Ваше число избрано, чтобы воздать честь каждому из его почтенных лет. Это было поистине ужасно — сущая головоломка, и кое-кто почувствовал себя оскорблённым, как лишние дни, втиснутые в календарь.

Это изменение всем своим видом принадлежит вплотную к написанию рукописи: оно ясно выписано чернилами и кажется отличным от разных разрозненных карандашных каракулей. Но види-

мость обманчива. С чего бы Бильбо так поминать старого Бунго Бэггинса, уже многие годы лежащего в земле? Бунго был чистокровный Бэггинс, «основательный и уютный» (как он описан в «Хоббите»), и наверняка основательно скончался в своей постели в Бэг-Энде. Назвать его «доблестным» кажется странным, а Бильбо говорить «я лишь половина того человека, каким был он» и «ему 144» — довольно безвкусной причудой.

Объяснение на деле простое: это говорил не Бильбо, а его сын, Бинго Бэггинс, который появляется в третьей версии «Долгожданного угощения». Этот текстологический момент не стоило бы тут поминать, не будь он столь разительным примером отцовского обыкновения использовать одну рукопись как основу для следующей версии, не правя её последовательно на всём протяжении: так и в этом случае он не внёс структурных изменений в раннюю часть истории, а вписал карандашом имя «Бинго» против «Бильбо» на последних страницах рукописи и (к немалому первоначальному замешательству редактора) тщательно переписал отрывок речи Бильбо, чтобы выходило, будто Бильбо лишился рассудка. Думаю, ясно, что именно внезапное возникновение этой радикально новой идеи и

заставило его забросить эту версию.

Другие торопливые изменения переправили «seventy-first» на «seventy-second» и «71» на «72» в каждом случае, и они тоже принадлежат к нарождавшейся новой истории. В этом тексте возраст Бильбо в первом предложении был 70, как и в первой версии, но был изменён на 71 по ходу главы (примеч. 1 выше). Число гостей на званом обеде было уже 144 в тексте, как он был написан изначально, но из этого числа ничего не делается; что оно избрано по особой причине, явствует лишь из расширенного отрывка речи, приведённого выше: «мне 72, ему 144. Ваше число избрано, чтобы воздать честь каждому из его почтенных лет». Кажется ясным, что изменение 71 на 72 было сделано потому, что 72 — половина от 144. Число гостей появилось первым, когда история ещё рассказывалась о Бильбо, и поначалу не имело значения сверх того, что это дюжина дюжин, гросс.

Можно отметить ещё несколько мелочей. Гэндальф присутствовал на званом обеде; Старик Гэмджи ещё не появился, но «старый Рори Брендибак» выходит на сцену (вместо Иниго Грабб-Тука, примеч. 8 выше); и Бильбо не исчезает в ослепительной вспышке. На каждой стадии

число поименованных хоббитских кланов растёт: так, здесь возникают Брендибаки, а Брейсгердлы были вписаны карандашом, чтобы появиться в третьей версии уже в основном тексте.

(III) Третья версия

Третий черновик «Долгожданного угощения» завершён и представляет собой добротную, чёткую рукопись со сравнительно немногими позднейшими исправлениями. В этом разделе нумерованные примечания снова даны в конце (с. 34).

Обсуждение изменения, внесённого в речь Бильбо во второй версии, уже указало на центральную новую черту третьей: история теперь рассказывается не о Бильбо, а о его сыне. По поводу этой замены Хамфри Карпентер заметил («Биография», с. 185):

Толкин ещё не имел ясного представления о том, про что будет новая история. В конце «Хоббита» он сказал, что Бильбо «оставался очень счастлив до конца своих дней, а были они необычайно долги». Так как же мог хоббит пережить новые приключения, достойные этого имени, не вступая в противоречие с этим? И не исчерпал ли он уже бóльшую часть возможностей характера Бильбо? Он решил ввести нового хоббита, сына Бильбо, — и дать ему имя семейства игрушечных коал-мишек, принадлежавших его детям,

«Бинго».[1] И он вычеркнул в первом черновике «Бильбо» и над ним написал «Бинго».[2]

Это объяснение правдоподобно. Однако в первом черновике мой отец написал, что история праздничного дня рождения «лишь служит к тому, чтобы пояснить, что Бильбо Бэггинс женился и имел много детей, ибо я собираюсь рассказать вам историю об одном из его потомков» (во второй версии нам вовсе не даётся никакого указания на то, что должно было произойти после угощения, — хотя, возможно, есть намёк на нечто подобное в словах (с. 22) «Теперь нам и впрямь надобно поторопиться, ибо всё это не так важно, как казалось»). С другой стороны, в ранних заметках есть прямые указания (с. 41) на то, что какое-то время именно Бильбо и предстояло пережить новое «приключение».

Первая часть третьей версии почти полностью

---

[1] Примечания: 16

Мне трудно в это поверить, и всё же, если это не так, совпадение странное. Если Бинго Бэггинс и впрямь получил своё имя из этого источника, я могу лишь предположить, что демонический нрав (составленный из маниакального религиозного деспотизма и страсти к разрушению посредством взрывчатки) главного Бинго (не говоря уже о нраве его ужасной жены), какими мы с сестрой их теперь помним, развился несколько позже. ↩ [broken link: #rn5_1]

[2] Примечания: 17

Замена была сделана не в первом черновике, а в карандашных исправлениях к концу второй версии (с. 27). ↩ [broken link: #rn5_2]

отлична от двух предыдущих, и я привожу её здесь целиком, с включением нескольких ранних изменений.

Долгожданное угощение

Когда Бинго, сын Бильбо, из хорошо известного семейства Бэггинсов приготовился отпраздновать свой [пятьдесят пятый >] семьдесят второй[3] день рождения, в округе пошли толки, и народ принялся освежать память. Бэггинсы в тех краях были довольно многочисленны и в целом уважаемы, но Бинго принадлежал к ветви семейства, что была немного со странностями, и о ней ходили кое-какие чудны́е истории. Отец Бинго, как иные ещё помнили, когда-то наделал немало шуму в Хоббитоне и Байуотере — он исчез однажды, 30 апреля, после завтрака, и не появлялся вновь до обеденной поры 22 июня следующего года. Весьма странный поступок, которому он так

[3] Примечания: 18

Изменение «fifty-fifth» на «seventy-second» было сделано одновременно с изменением 16 лет, в течение которых Бинго жил в Бэг-Энде после ухода родителей, на 33 (примеч. 6). Эти изменения были сделаны до завершения главы, поскольку далее в ней, в прощальной речи Бинго, исправленные числа присутствуют с самого первого написания. Когда в самом начале он написал «fifty-fifth birthday» и «16 years», мой отец, по-видимому, намеревался избавиться от мысли, появляющейся при переписывании второй версии (см. с. 27), будто число в 144 гостя избрано по внутренней причине, — поскольку на 55-й день рождения Бинго его отцу Бильбо было бы 127 (он покинул Шир 16 годами ранее, в возрасте 111, когда Бинго было 39). ↩ [broken link: #rn5_3]

и не дал удовлетворительного объяснения. Он, конечно, написал об этом книгу, но даже те, кто её прочёл, никогда не принимали этого всерьёз. С хоббитами о драконах говорить без толку: они либо не верят тебе, либо им делается не по себе, и в том и в другом случае потом склонны тебя сторониться.

Бильбо Бэггинс, правда, вскоре вернулся к обычному образу жизни (более или менее), и хотя репутация его так до конца и не восстановилась, он сделался признанной фигурой в округе. Его, пожалуй, больше никогда не считали «надёжным хоббитом», но, бесспорно, он был «при деньгах». Каким-то загадочным образом он, по-видимому, сделался более чем зажиточным, а по правде — прямо-таки богатым; так что, естественно, был вхож ко всем своим соседям и родне (кроме, разумеется, Сэквилль-Бэггинсов). Он сделал ещё две вещи, заставившие языки чесать: женился в семьдесят один год (поздновато, но для хоббита не слишком), взяв невесту с другого края Шира и задав свадебный пир памятного великолепия; и исчез (вместе с женой) незадолго до своего сто одиннадцатого дня рождения, и больше его не видели. Народ Хоббитона и Байуотера был обманут в надежде на похороны (не то чтобы

они ждали его погребения ещё много лет), так что им было о чём поговорить. Его жилище, его богатство, его положение (и сомнительное уважение округи) унаследовал его сын Бинго, как раз перед собственным днём рождения (который, по случайности, совпадал с отцовским). Бинго был, конечно, всего лишь юнцом тридцати девяти лет, у которого едва прорезались зубы мудрости, но он тотчас принялся поддерживать отцовскую славу чудака: он ни разу не надел траур по родителям и говорил, что не думает, будто они мертвы. На очевидный вопрос: «Так где же они?» — он лишь подмигивал. Жил он один и часто отлучался из дому. Он много водился с наименее благонравными членами семейства Туков (родня его бабки и друзья его отца), а ещё был привязан к кое-кому из Брендибаков. Те приходились роднёй его матери. Она была Примула Брендибак[4] из Брендибаков Бакленда, что за рекой Брендивайн, на другом краю Шира и на опушке Старого Леса

[4] Примечания: 19

Примула сперва была написана как Амальда. В первой версии (с. 16) Амальда было именем миссис Сэквилль-Бэггинс. В четвёртой версии «Долгожданного угощения», когда Бильбо вернулся в холостяцкое состояние, Примула Брендибак, более не его жена, осталась матерью Бинго. ↩ [broken link: #rn5_4]

— местности сомнительной.[5] Народ в Хоббитоне мало что знал о ней, да и о Брендибаках тоже; хотя иные слыхали, будто те богаты и были бы богаче, кабы не известное «безрассудство» — то есть щедрость, если что-то перепадало тебе.

Так или иначе, Бинго прожил в Бэг-Энде-Андерхилле вот уже [16 >] 33 года,[6] не давая никаких поводов для пересудов. Празднества его бывали порой, пожалуй, шумноваты, но хоббиты против такого шума время от времени не возражают. Деньги он тратил вольно и большей частью у своих. Теперь же округа уразумела, что он затевает нечто совсем необычное по части праздников. Естественно, память их пробудилась, языки зачесали, а богатство Бинго снова угадывали и пересчитывали у каждого очага. И

---

[5] Примечания: 20

Мой отец сперва написал здесь: «Брендибаки из Вуд-Итона на другом краю шира, на опушке Баквуда — местности сомнительной». Сперва он изменил (наверняка в момент письма) название брендибаковской твердыни с Вуд-Итон (деревня в долине Черуэлла близ Оксфорда) на Бери-Андервуд (где «Bury» — весьма распространённый элемент английских топонимов, происходящий от древнеанглийского byrig, дательного падежа от burg, «укреплённое место, город»); затем он ввёл название реки, заменил Бери-Андервуд на Бакленд, а Баквуд — на Старый Лес. ↩ [broken link: #rn5_5]

[6] Примечания: 21

Это изменение было сделано одновременно с «55» на «72» для лет Бинго на момент праздничного дня рождения; см. примеч. 3. ↩ [broken link: #rn5_6]

впрямь, пышность приготовлений совершенно затмила россказни стариков об отцовских исчезновениях.

«В конце концов, — как заметил старый Старик Гэмджи из Бэгшот-Роу,[7] — эти дела давние и быльём поросли, а вот это самое угощение случится в том самом месяце, что на дворе». Стоял ранний сентябрь, погожий как только можно пожелать. Кто-то пустил слух о фейерверке. Очень скоро было принято за истину, что будет фейерверк, какого не видывали больше столетия, со смерти Старого Тука.

Любопытно видеть, как проступают числа 111 и 33, хотя впоследствии они будут достигнуты иначе: здесь Бильбо был 111, когда покинул Шир, а Бинго прожил в Бэг-Энде 33 года до своего прощального угощения; впоследствии 111 стал возрастом Бильбо на момент угощения — когда оно снова сделалось его угощением, — а 33 — возрастом Бинго (Фродо) в то же время.

В этом отрывке мы видим также появление весьма важной топографии и топонимики: Бакленд, Брендивайн и Старый Лес. О первоначальных именах, написанных здесь, см. примеч. 5.

---

[7] Примечания: 22

Это первое появление Старика Гэмджи, живущего в Бэгшот-Роу (впервые упомянутом во второй версии, с. 21). ↩ [broken link: #rn5_7]

В изложении приготовлений к Угощению, самого́ Угощения и его непосредственных последствий в этой версии мой отец крайне тесно следовал выправленной второй версии (с. 19–25), добавляя ту или иную подробность, но по большей части делая немногим более, чем переписывая её (и, конечно, меняя где требуется «Бильбо» на «Бинго»). Привожу здесь перечень любопытных — хотя по большей части крайне мелких — сдвигов в новом повествовании. Ссылки на страницы относятся к страницам второй версии.

(20–21) «B под короной» на фуре, которой правят Люди, становится «B, выписанной жёлтым», а «B» в тексте было исправлено на «D» (то есть «Dale», Дейл).

Когда Люди снова спустились с Холма, добавлено, что «эльфы и гномы не вернулись», а прибывший «отряд поваров» был «в подмогу эльфам и гномам (которые, похоже, оставались в Бэг-Энде и занимались уймой таинственной работы)».

Появляется объявление о запрете входа на двери Бэг-Энда, и «в откосе был прорублен особый вход к дороге; устроены широкие ступени и большая белая калитка» (как в FR). Снова выходит

Старик Гэмджи: «он перестал даже делать вид, что копается в саду».

День угощения по-прежнему был субботой (22 сентября).

Многие игрушки («иные явно волшебные»), что прибыли из Дейла, были «и впрямь гномьей работы».

(22) Не Гэндальф, а Бинго в конце фейерверка говорит: «Это сигнал к ужину!», и хотя сперва было сказано, как и во второй версии, что общее число в 144 гостя не включает хозяина и Гэндальфа, это было вычеркнуто (см. с. 106, примеч. 12).

В списке гостей появляется новое хоббитское родовое имя: «и разные Берроузы, Слокумы, Брейсгердлы, Боффины и Праудфуты», но «Слокумы» затем были изменены на «Хорнблауэров», что было также добавлено в текст в последующих местах главы. Болджеры появляются в карандашных добавлениях и присутствуют с самого начала в четвёртой версии. В письме в газету «Обсёрвер», опубликованном 20 февраля 1938 года (Письма, № 25), мой отец сказал: «Полный список их зажиточнейших семейств таков: Бэггинс, Боффин, Болджер, Брейсгердл, Брендибак, Берроуз, Чабб, Грабб, Хорнблауэр, Праудфут, Сэквилль и Тук». — Граббы, свойственники деда Бинго, карандаш-

ным изменением стали свойственниками его бабки, а Чаббы обратным изменением сперва названы свойственниками его бабки, а затем деда.

Там, где в первой и второй версиях сказано, что иные из хоббитов на угощении прибыли «с другого края шира», теперь сказано, что иные из них «даже не жили в том графстве», изменённом на «в том Шире», и «в том Шире» сохранилось в четвёртой версии. Употребление «в том», а не «в этом», наводит на мысль, что позднейшее словоупотребление (ср. Пролог к ВК, с. 14: «Хоббиты называли её Широм, как область власти своего Тана») лишь нарождалось.

Холодок между Бэггинсами из Бэг-Энда и Сэквилль-Бэггинсами длился теперь не 20 лет, как в первых двух версиях, а «лет семьдесят пять с лишком»: это число выводится из 111 (возраст Бильбо при окончательном исчезновении) минус 51 (ему было «около пятидесяти лет или около того» во время его великого приключения, согласно «Хоббиту»), плюс 16 лет одинокого проживания Бинго в Бэг-Энде. «Семьдесят пять» было исправлено на «девяносто» (круглое число), что принадлежит к изменению 16 на 33 (с. 30).

(23) Бинго был склонен поминать «нелепые приключения своего „доблестного и прославлен-

ного“ отца».

(24) Два юных хоббита, что взобрались на стол и плясали, по-прежнему Просперо Брендибак и Мелба Тук, но Мелба была изменена карандашом сперва на Арабеллу, а затем на Аманду.

Бинго теперь сказал, как и Бильбо в FR (с. 38): «Меньше половины из вас я люблю вполовину так, как вы того заслуживаете».

«Вторая цель» Бинго выражена в точности теми словами, что были вписаны во вторую версию (см. с. 27): «чтобы отпраздновать НАШИ дни рождения: мой и моего почтенного и доблестного отца. Я лишь половина того человека, каким был он: мне 72, а ему 144», и т. д.

Последние слова Бинго «Я ухожу после обеда» были исправлены в рукописи на «Я ухожу сейчас».

(25) Собранные отклики после заключительных слов Бинго теперь начинаются так: «Хоббит спятил. Всегда говорил. И его отец. Он умер 33 года назад, точно знаю. 144 — всё вздор». А Рори Брендибак кричит: «Да где же Бильбо — тьфу, Бинго, я хотел сказать. Где он?»

После слов «в Хоббитоне его больше не видели» добавлено: «Кольцо было прощальным даром его отца».

С того места, где вторая версия обрывается на словах «Утро шло своим чередом», третья возвращается к первоначальному черновику (с. 15) и тесно следует ему почти до самого конца, используя по большей части те же обороты и в основном сохраняя первоначальный список (как он был выправлен, с. 17, примеч. 5) имён и ярлычков для получателей подарков из Бэг-Энда — каковые подарки теперь, разумеется, от сына Бильбо, Бинго.

Семолина Бэггинс названа «тётушкой, или троюродной сестрой»;

Карамелла Тук (позднее изменённая на Болджер) «была в чести среди младших и более дальних кузенов [Бинго]»;

Обо Тук-Тук, получивший перину, остался двоюродным дедом, но Обо был исправлен в рукописи на Ролло;

Горбодук (> Орландо) Грабб из первого черновика, получатель золотого самописного пера, становится Орландо Берроузом;

Мунго Тук, Иниго Грабб-Тук и Анжелика Бэггинс остаются, и перед миссис Сэквилль-Бэггинс в конце списка названы два новых одаряемых:

В собрание Хьюго Брейсгердла, от жертвователя: на (пустом) книжном шкафу. Хьюго был

большой охотник брать книги, но плохой возвращатель.

Козимо Чаббу — считай своим, Бинго: на барометре. Козимо имел обыкновение стучать по нему большим толстым пальцем всякий раз, как заходил в гости. Он боялся промокнуть и круглый год носил шарф и макинтош.

Грималде [> Лобелии] Сэквилль-Бэггинс, в подарок: на футляре серебряных ложек. Бильбо Бэггинс полагал, что она прибрала немало его ложек, пока его не было — лет девяносто с лишком назад. Бинго унаследовал это убеждение, и Грималда [> Лобелия] о том знала.

Упомянуто также, что «Бинго очень тщательно распорядился своими сокровищами: книгами, картинами и собранием игрушек. Для своих вин он нашёл весьма хороший (хоть и временный) приют. Бóльшая их часть досталась Мармадюку Брендибаку» (предшественнику Мериадока). Первоначальному черновику тесно следуют и в отсутствии всяких денег и драгоценностей, и в законном уведомлении, передающем Бэг-Энд Сэквилль-Бэггинсам (но двоюродный брат Бильбо теперь становится Ото, а вступление их во владение должно начаться с 24 сентября) — «и они всё-таки получили Бэг-Энд, хотя и пришлось

им прождать его на 93 года дольше, чем некогда ожидалось»: 111 минус 51 плюс 33, см. с. 31–32.[8] Появляется Санчо Праудфут, копающий в кладовой, где, как ему думалось, было эхо (как в FR, с. 48); подвергшийся телесному нападению со стороны Ото Сэквилль-Бэггинса, он был окончательно выдворен лишь стряпчими, сперва названными «Грабб и Берроуз», как в «Хоббите», затем изменёнными на «господа Яго Грабб и Фолко Берроуз (стряпчие Бинго)».

Заключение третьей версии я привожу целиком.

Дело в том, что деньги Бинго сделались легендой, и все были озадачены и встревожены — хотя всё ещё полны надежд. Как бы он посмеялся. Да он и был близок к тому, чтобы рассмеяться, в ту самую минуту, ибо находился внутри большого шкафа за дверью столовой и слышал бóльшую часть гомона. Сидел он внутри, конечно, не ради укрытия, а чтобы в него не врезались, будучи совершенно невидим. Смеяться ему приходилось довольно скрытно и беззвучно, но всё же

---

[8] Примечания: 23

Как упомянуто в примеч. 3, позднейшие числа 72 вместо 55 как возраст Бинго на этот день рождения и 33 вместо 16 как число лет, в течение которых он жил один в Бэг-Энде после ухода Бильбо, которые в ранней части текста появляются как исправления, в поздней части главы присутствуют с самого первого написания. ↩ [broken link: #rn5_8]

он наслаждался своей шуткой: всё выходило так похоже на его ожидания.

Полагаю, теперь это становится яснее ясного всем, кроме встревоженных и загребущих хоббитов. Дело в том, что (вопреки кое-чему в его послеобеденной речи) Бинго вдруг устал от них всех. На него нашёл буйный приступ туковости — не то чтобы все Туки обладали этим своенравным свойством в избытке, ведь матерями их были Чаббы, Хорнблауэры, Болджеры, Брейсгердлы, Граббы и кто только не, но Туки в целом были самыми весёлыми и непредсказуемыми из хоббитов. А ещё могу сказать вам кое-что, на случай если вы не догадались: у Бинго не осталось ни денег, ни драгоценностей! Считай что вовсе. Ничего, ради чего стоило бы раскапывать славную хоббитскую нору. Деньги в те дни шли необычайно далеко, и без них можно было раздобыть очень многое, но он спустил последние 500 дукатов на праздничное угощение. Это было с его стороны вполне по-брендибаковски широко. После этого у него не осталось ничего, кроме пуговиц на жилете, маленького кошеля-мешочка серебра да кольца. За 33 года он ухитрился истратить всё остальное — то есть всё, что осталось от его отца, который и сам кое-что потратил за пятьдесят

лет[9] (и которому требовались кое-какие путевые расходы).

Что ж, вот так. Всему приходит конец. Настал вечер. Бэг-Энд опустел и сделался мрачен. Народ расходился — по большей части пререкаясь и торгуясь. В сумерках с Холма доносились их голоса. Очень немногие вспоминали о Бинго. Они порешили, что он спятил и убежал, и стало одним Бэггинсом меньше, и дело с концом. Их, конечно, досадовала легендарная сумма денег, но тем временем их ждал чай. Были, конечно, и такие, кто сожалел о его внезапном исчезновении, — кое-кто из младших друзей был по-настоящему огорчён. Но не все из них с ним простились. Это легко объяснить, что вскоре и будет сделано.

Бинго вышел из шкафа. Смеркалось. Часы его показывали шесть. Дверь была открыта, ибо ключ он держал в кармане. Он вышел, запер дверь (оставив ключ) и взглянул на небо. Высыпали звёзды.

— Ночь будет погожая, — сказал он. — Вот потеха! Что ж, не буду заставлять их ждать. Ну, в путь. Прощайте! Он рысцой сбежал по саду, перемахнул через изгородь, пустился полем и прошёл,

---

[9] Примечания: 24

Следовало бы ожидать «шестьдесят» (111 минус 51): см. с. 31, 252. ↩ [broken link: #rn5_9]

как невидимый шорох в травах.

Замечание об именах хоббитов

Будет видно, что восторг перед именами и родственными связями хоббитских семейств Шира, из которых произросли бы ветвящиеся родословные, присутствовал с самого начала. Ни в чём мой отец не правил и не менял так обильно. Уже, помимо Бильбо, Бунго Бэггинса и Белладонны Тук, появившихся в «Хоббите», мы встретили:

Бэггинс: Анжелика; Иниго; Семолина

Болджер: Карамелла (вместо Карамеллы Тук)

Брейсгердл: Хьюго

Брендибак: Амальда > Примула; Мармадюк; Орландо > Просперо; Рори

Берроуз: Фолко; Орландо (вместо Орландо Грабба)

Чабб: Козимо

Грабб: Горбодук > Орландо; Яго

Грабб-Тук: Иниго

Праудфут: Санчо

Сэквилль-Бэггинс: Амальда > Лоницера или Гризельда > Грималда > Лобелия; Саго > Космо > Ото

Тук: Карамелла; Мелба > Арабелла > Аманда; Мунго

Тук-Тук: Обо > Ролло

(IV) Четвёртая версия

В рукопись третьей версии были внесены ещё два изменения, заключавшие в себе важный сдвиг. Сделаны они были тщательно, красными чернилами, но сопутствующие изменения далее по тексту внесены не были. В первом предложении главы (с. 28) «Бинго, сын Бильбо» было переправлено на «Бинго Болджер-Бэггинс», а в третьем предложении «отец Бинго» было переправлено на «дядя Бинго (и его опекун) Бильбо Бэггинс».

Таким образом, мы приходим к дальнейшей стадии, где «долгожданное угощение» по-прежнему Бинго, а не Бильбо, но Бинго ему племянник, а не сын, и брак Бильбо (как, думаю, было неизбежно) отвергнут.

Четвёртая версия — машинопись, выполненная моим отцом. Позднее она была сильно выправлена, но эти изменения принадлежат ко второй фазе написания «Братства Кольца», и здесь я их не учитываю. Только что упомянутые правки к третьей версии теперь включены в текст (который посему теперь начинается так: «Когда Бинго Болджер-Бэггинс из хорошо известного се-

мейства Бэггинсов приготовился отпраздновать свой семьдесят второй день рождения…»), но в остальном машинопись идёт точной копией третьей версии вплоть до слов «он был вхож ко всем своим соседям и родне (кроме, разумеется, Сэквилль-Бэггинсов)» (с. 29). Здесь она расходится.

Но народ его не очень-то донимал. Он часто бывал в отлучке. А если был дома, никогда не угадаешь, кого у него застанешь: хоббитов из вовсе небогатых семей, или люд из дальних деревень, гномов, а порой даже эльфов.

Он сделал ещё две вещи, заставившие языки чесать. В возрасте девяноста девяти лет он усыновил племянника — или, точнее (Бильбо разбрасывался званиями «племянник» и «племянница» довольно безрассудно), своего троюродного брата, Бинго Болджера, паренька двадцати семи лет. О нём слыхали очень мало, и притом не слишком хорошее (как они говорили). На деле же Бинго был сыном Примулы Брендибак (и Ролло Болджера, человека вовсе незначительного), а она была дочерью Мирабеллы Тук (и Горбодука Брендибака, человека довольно значительного); и она была одной из трёх примечательных дочерей Старого Тука, долгое время главы хоббитов, что жили за Водой. Так Туки снова вступают в

дело — всегда возмущающий элемент, особенно вперемешку с Брендибаком. Ибо Примула была Брендибак из Бакленда, что за рекой Брендивайн, на другом краю Шира и на опушке Старого Леса — местности сомнительной. Народ в Хоббитоне мало что знал о ней, да и о Брендибаках тоже; хотя иные слыхали, будто те богаты и были бы богаче, не будь они так безрассудны. Что сталось с Примулой и её мужем, в Хоббитоне доподлинно не знали. Ходил слух о лодочной катастрофе на реке Брендивайн — из тех дел, на какие способны Брендибаки. Одни говорили, что Ролло Болджер сызмала умер от обжорства; другие — что это его вес потопил лодку.

Так или иначе, Бильбо Бэггинс усыновил мастера Болджера, объявил, что сделает его наследником, переменил ему имя на Болджер-Бэггинс и ещё пуще оскорбил Сэквилль-Бэггинсов. Затем, незадолго до своего сто одиннадцатого дня рождения, Бильбо окончательно исчез, и в Хоббитоне его больше не видели. Родня и соседи лишились случая на похороны, и им было о чём поговорить. Но это ничего не меняло: жилище Бильбо, его богатство, его положение (и сомнительное уважение более влиятельных хоббитов) унаследовал Бинго Болджер-Бэггинс.

Бинго был всего лишь юнцом тридцати девяти лет, у которого едва прорезались зубы мудрости, но он тотчас принялся поддерживать дядину славу чудака. Он отказался надеть траур и в течение недели задал праздничный день рождения — себе и дяде (их дни рождения, по случайности, приходились на один день). Поначалу народ был шокирован, но он держался обычая год за годом, пока к нему не привыкли. Он говорил, что не думает, будто Бильбо Бэггинс мёртв. Когда его спрашивали очевидное: «Так где же он?» — он лишь подмигивал. Жил он один и часто отлучался из дому. Он много водился с наименее благонравными членами семейства Туков (родня его бабки), а ещё был привязан к Брендибакам (родне его матери).

Так или иначе, Бинго Болджер-Бэггинс был теперь хозяином Бэг-Энда-Андерхилла вот уже тридцать три года, не учиняя ничего возмутительного. Празднества его бывали порой шумноваты…

С Горбодуком Брендибаком и Мирабеллой Тук (одной из «трёх примечательных дочерей Старого Тука», что были упомянуты в «Хоббите») родословная теперь становится той, что в ВК, за исключением того, что муж Примулы Брен-

дибак (в третьей версии — Бильбо) — это Ролло Болджер, а не Дрого Бэггинс, и снова возникает лодочная катастрофа (см. с. 25, примеч. 2).

Отсюда и до конца машинопись очень тесно следует третьей версии (как она была выправлена), и добавить почти нечего. Бильбо, разумеется, повсюду становится «дядей» Бинго; Бинго был склонен поминать «нелепые приключения своего „доблестного и прославленного“ дяди» (см. с. 32). Но при этом изменении замечания Бинго в его речи о возрасте — своём и дядином — и о числе гостей на угощении остаются ровно теми же, и «Кольцо было прощальным даром его дяди» (там же).

Мелкие изменения в формулировках сдвигают текст к окончательной форме в FR; например, там, где в третьей версии Рори Брендибак описан как «изрядно наевшийся, но всё ещё смышлёнее многих», теперь о нём сказано, что его «рассудок не вполне затмили ни старость, ни неожиданность, ни непомерный обед». Но излагать хотя бы часть подобных изменений в выражениях между тесно родственными версиями было бы, очевидно, совершенно непрактично. Есть, однако, несколько мелких повествовательных сдвигов, которые я собираю в следующих заметках, с

указанием страниц, где соответствующие места находятся в более ранних версиях.

(30) Старику Гэмджи прибавилось слов:

«…Весьма приятный и складно говорящий благородный хоббит этот мистер Болджер-Бэггинс, как я всегда и говорил». И это была чистая правда, ибо Бинго всегда был очень учтив со Стариком Гэмджи, звал его «мистер Гэмджи» и обсуждал с ним картофель через изгородь.

(21, 31) День угощения теперь становится четвергом (а не субботой) 22 сентября (изменение, внесённое в машинопись, но тщательно, поверх подчищенного, и явно принадлежащее ко времени печатания).

(31) Никаких дальнейших упоминаний о Гэндальфе в главе после фейерверка нет.

(24, 32) Юные хоббиты, что плясали на столе, — это Просперо Тук и Мелисса Брендибак.

(32–33) Среди получателей подарков из Бэг-Энда меняется несколько имён: Карамелла (Тук >) Болджер становится Карамеллой Чабб; впавший в спячку Ролло Тук-Тук становится Фоско Болджером (и он дядя Бинго); Иниго Грабб-Тук, обжора, уцелевший с первого черновика, теперь Иниго Грабб, а Козимо Чабб, стучавший по барометру, становится Козимо Хорнблауэром.

(33) Теперь добавлено, что «беднейшие хоббиты весьма поживились, особенно старый Старик Гэмджи, которому досталось около полутонны картофеля»; что у Бинго было собрание волшебных игрушек; и что он с друзьями выпил почти всё вино, а остаток всё так же достался Мармадюку Брендибаку.

(16, 33) Законное уведомление в прихожей Бэг-Энда расширено, а следом идёт новый отрывок:

Эсквайр Бинго Болджер-Бэггинс, отбывая, сим завещает, передаёт и уступает в дар желанную собственность и недвижимость, или жилую нору, известную как Бэг-Энд-Андерхилл, со всеми землями, к ней принадлежащими и присовокуплёнными, эсквайру Ото Сэквилль-Бэггинсу и его жене Лобелии, дабы они совместно держали, владели, занимали, сдавали в аренду или иначе распоряжались ею по своему усмотрению начиная с двадцать четвёртого сентября семьдесят второго года вышепоименованного Бинго Болджер-Бэггинса и сто сорок четвёртого года Бильбо Бэггинса, каковые как прежние законные владельцы сим отказываются от всех притязаний на вышеназванную собственность начиная с вышеуказанной даты.

Уведомление было подписано: «Бинго Болджер-

Бэггинс за себя и за дядю». Бинго не был стряпчим и изложил всё подобным образом единственно затем, чтобы угодить Ото Сэквилль-Бэггинсу, который стряпчим был. Ото и впрямь был доволен, но чем — слогом или собственностью, — сказать трудно. Так или иначе, едва прочитав уведомление, он вскричал: «Наконец-то наше!» Так что, полагаю, всё было как надо, по крайней мере согласно правовым понятиям хоббитов. Вот так Сэквилль-Бэггинсы в конце концов и получили Бэг-Энд, хотя и пришлось им прождать его на девяносто три года дольше, чем некогда ожидалось.

(33) Стряпчие, выдворившие Санчо Праудфута, не появляются.

К отрывку, описывающему нрав Туков, сделано добавление: «и поскольку они унаследовали от Старого Тука и огромное богатство, и немалую отвагу, временами они обделывали дела с изрядным размахом».

(34) Упоминание о том, что Бильбо «кое-что потратил за пятьдесят лет», было изменено; текст теперь читается: «— то есть всё, что осталось ему от Дяди, ибо Бильбо в своё время кое-что потратил».

«Кое-кто был огорчён его внезапным исчезно-

вением; один или двое огорчены не были, ибо были в курсе, — но их не было в Бэг-Энде».

Так нигде и не объясняется, почему Бинго (или Бильбо в первой версии), для которого деньги были теперь жестокой заботой (и одной из причин ухода), попросту передал «желанную собственность, известную как Бэг-Энд», Сэквилль-Бэггинсам «в дар».

Предстояли ещё дальнейшие извивы в этой поразительно извилистой эволюции, прежде чем была достигнута окончательная структура, но именно в таком виде начальная глава простояла некоторое время, и Бинго Болджер-Бэггинс, «племянник», а точнее троюродный брат Бильбо Бэггинса, присутствует на всём протяжении первоначальной формы Книги I «Братства Кольца». Кратко изложу здесь главные сдвиги и стадии, встреченные доселе.

Долгожданное угощение

Версия I. Угощение даёт Бильбо, в возрасте 70 лет. («Я собираюсь рассказать вам историю об одном из его потомков».)

Версия II. Угощение даёт Бильбо, в возрасте 71 года.

Версия III. Бильбо женат и исчез из Хоббитона вместе с женой (Примулой Брендибак), когда ему

было 111. Угощение даёт его сын Бинго Бэггинс, в возрасте 72 лет.

Версия IV. Бильбо, неженатый, усыновил своего юного кузена Бинго Болджера (сына Примулы Брендибак), переменил ему имя на Бинго Болджер-Бэггинс и исчез из Хоббитона, когда ему было 111. Угощение даёт его приёмный кузен Бинго Болджер-Бэггинс, в возрасте 72 лет.

(V) Складывающаяся повесть

Именно к четвёртой версии (надпись на машинописи показывает, что она ушла в «Аллен энд Анвин») отсылал мой отец в письме Чарльзу Фёрту от 1 февраля 1938 года, через шесть недель после того, как он начал новую книгу:

Не спросите ли Вы у мистера Анвина, не пожелает ли его сын [Рейнер Анвин, которому тогда было двенадцать], весьма надёжный критик, прочесть первую главу продолжения «Хоббита»? Я её отпечатал. У меня нет в ней уверенности, но если бы он счёл её многообещающим началом, я мог бы прибавить к ней складывающуюся повесть.

Что же это была за «складывающаяся повесть»? Тексты «Долгожданного угощения» не дают тут зацепок, кроме того, что конец третьей версии (с. 34) ясно даёт понять: покидая Бэг-Энд, Бинго собирался встретиться и уйти вместе с кем-то из своих младших друзей — и на это уже есть намёк в конце первого черновика (с. 17); в четвёртой версии это повторено, и «один или двое» его друзей были «в курсе» — и «их не было в Бэг-Энде» (с. 39). Конечно, ясно и то, что Бильбо не мёртв; и (зная, что на деле должно было воспоследовать)

мы можем счесть упоминания о Бакленде и Старом Лесе (с. 29, 37) дальнейшими намёками.

Но есть кое-какие наброски того времени, написанные на двух сторонах одного листа бумаги, которые и впрямь дают некоторое представление о том, что́ «складывалось». Первый из них гласит:

Бильбо уходит с 3 племянниками-Туками: Одо, Фродо и Дрого [изменено на Одо, Дрого и Фродо]. У него лишь маленький мешочек денег. Идут всю ночь — на Восток. Приключения: вроде троллей: дом-ведьмин по пути в Ривенделл. Снова Элронд [добавлено: (по совету Гэндальфа?)]. Повесть в доме Элронда.

Где Г[эндальф], спрашивает Одо, — сказал, что я теперь достаточно стар и глуп, чтобы самому о себе позаботиться, сказал Б. Но смею думать, он объявится, это в его обыкновении.

Далее следует заметка о том, что если Одо верил не более чем четверти «россказней Б.», то Дрого был менее скептичен, а Фродо верил им «почти полностью». Нрав этого последнего племянника определился рано, хотя ему и суждено было исчезнуть (см. с. 70): он не предшественник Фродо в ВК. Всё это, по-видимому, написано в одно время. На первый взгляд это должно принадлежать ко

второй (незаконченной) версии «Долгожданного угощения», поскольку уходит именно Бильбо (впоследствии мой отец заключил слова «Бильбо уходит с 3 племянниками-Туками» в скобки и надписал сверху «Бинго»). Подразумевается, надо полагать, что, когда Бильбо отправлялся в путь с племянниками, Гэндальфа уже не было рядом.

Затем следует, карандашом: «Сделать возвращение кольца мотивом». Это, несомненно, отсылает к утверждению третьей версии, что «Кольцо было прощальным даром его [Бинго] отца» (с. 32).

После заметки, предлагающей пришествие дракона в Хоббитон и более героическую роль для хоббитов, — предложения, отвергнутого карандашным «Нет», — следует, по-видимому, написанное всё в одно время (но с позднейшим карандашным заголовком «Разговор Бинго и Бильбо»):

— Никому, — сказал Б., — не уйти от драконов совсем уж невредимым. Единственное средство — сторониться их (если можешь), как хоббитонцы, хотя и не обязательно не верить в них (или отказываться их помнить), как х[оббитонцы]. Я истратил все свои деньги, которые некогда казались мне чрезмерными, а следом ушли и

собственные [sic]. И не по нраву мне быть без — после того как [?имел] — да меня попросту манит. Ну, ну, дважды один не всегда два, как говаривал мой отец. Но как бы то ни было, думаю, я предпочёл бы скитаться бедняком, чем сидеть и зябнуть. А Хоббитон за 20 лет порядком к тебе прирастает, не находишь; то есть прирастает так, что и не снести. Так или иначе, мы уходим — и на дворе осень. Люблю осенние скитания.

Спрашивает у Элронда, что ему сделать, чтобы исцелить свою жажду денег и неприкаянность. Элронд рассказывает ему об острове. Британия? Дальний запад, где ещё царят эльфы. Путешествие на гибельный остров.

Хочу снова взглянуть на живого дракона.

Это, безусловно, Бильбо, и отрывок (хотя, конечно, не карандашный заголовок) предшествует третьей версии, как показывает упоминание «20 лет» (см. с. 22, 31). — Внизу страницы вот эти бледные карандашные каракули:

Бинго отправляется искать отца.

Ты сказал, что …. окончишь свои дни в довольстве — так и я надеюсь

Неразборчивое слово, возможно, «хочу». — На обороте страницы — следующий связный отрывок чернилами:

Кольцо: откуда его происхождение. Некромант? Не очень опасно, когда используется ради благой цели. Но оно взимает свою плату. Ты должен либо потерять его, либо потерять себя. Бильбо не смог заставить себя его потерять. Он отправляется на отдых [вычеркнуто: с женой], передавая кольцо Бинго. Но он исчезает. Бинго встревожен. Сопротивляется желанию пойти и отыскать его — хотя и немало разъезжает в поисках вестей. Не хочет терять кольцо, ибо чувствует, что оно в конце концов приведёт его к отцу.

Наконец он встречает Гэндальфа. Совет Гэндальфа. Ты должен разыграть исчезновение, и тогда кольцо, быть может, удастся обмануть, чтобы оно позволило тебе пойти схожим путём. Но ты должен по-настоящему исчезнуть и отказаться от прошлого. Отсюда «угощение».

Бинго доверяется друзьям. Одо, Фродо и Виго (?) настаивают, что пойдут тоже. Гэндальф настроен скептически. Вы разделите ту же участь, что и Бинго, сказал он, если дерзнёте с кольцом. Поглядите, что сталось с Примулой.

К этому были сделаны две карандашные правки: над «Виго(?)» мой отец написал «Мармадюк»; и он заключил в скобки последнее предложение. — Поскольку Бинго здесь сын Бильбо, эта заметка

принадлежит к третьей версии. Но гибель Примулы Брендибак в воде (более не жены Бильбо, но всё ещё матери Бинго) впервые зафиксирована в четвёртой версии (с. 37), и Кольцо никак не могло быть связано с тем событием; так что упоминание «Примулы» здесь должно отсылать к чему-то иному, от чего не осталось других следов.

Особенно примечательно предположение, что замысел Угощения возник из совета Гэндальфа Бинго касательно Кольца. И впрямь поразительно, что уже на этой стадии, когда мой отец ещё работал над начальной главой, столь многое в природе Кольца уже наличествовало в зародыше. — Последние две заметки — карандашом. Первая гласит:

Бильбо идёт к Элронду исцелить драконью тоску и оседает в Ривенделле. Отсюда частые отлучки Бинго из дому. Драконья тоска нисходит на Бинго. А также соблазн кольца.

С «частыми отлучками Бинго из дому» ср. «он часто отлучался из дому» в третьей версии (с. 29) и «Сопротивляется желанию пойти и отыскать его — хотя и немало разъезжает в поисках вестей» в приведённой выше заметке о Кольце. И последняя:

Сделать сомнительные края — Старый Лес

по пути в Ривенделл. К югу от Реки. Они сворачивают, чтобы вызвать Фродо Бр[ендибака] [надписано сверху: Мармадюка], сбиваются с пути, и их хватают Старик-Ива и умертвия. Появляется Т. Бомбадил.

«К югу» было изменено из «к северу», а «на Восток» написано на полях.

На отдельной странице (на самом деле — на обороте древнейшей сохранившейся отцовской карты Шира) есть краткая «схема», тесно связанная с этими последними заметками; в её заголовке мой отец впоследствии написал: «Генезис „Властелина Колец“».

Б.Б. отправляется в путь с 2 племянниками. Они сворачивают к Ю[гу], чтобы забрать Фродо Брендибака. Сбиваются с пути в Старом Лесу. Приключение со Стариком-Ивой и умертвиями. Т. Бомбадил.

Достигают Ривенделла и находят Бильбо. У Бильбо вдруг возникло желание снова посетить Глушь. Но встречает Гэндальфа в Ривенделле. Узнаёт о [sic; здесь, по-видимому, повествовательный замысел меняется] Гэндальф объявился в Бэг-Энде. Бильбо рассказывает ему о тяге к Глуши и к золоту. Действует драконье проклятие. Он уходит в Ривенделл между мирами и оседает там.

Кольцо должно в конце концов вернуться к Создателю — иначе оно влечёт тебя к себе. Не грязноватая ли уловка — передавать его дальше?

Любопытно видеть уже наличествующую мысль о том, что Бинго со спутниками свернут в сторону, чтобы «забрать» или «вызвать» другого хоббита, сперва названного Фродо Брендибаком, но изменённого на Мармадюка (Брендибака). Фродо Брендибак появляется также в первоначальных набросках ко второй главе (с. 45) как один из трёх спутников Бинго при его уходе из Хоббитона. Есть разные способы свести воедино все эти упоминания о трёх (или двух) племянниках, чтобы представить ряд последовательных формулировок, но имена и роли были ещё совершенно текучи и мимолётны, и никакой определённости тут не достичь. Лишь в первом полном тексте второй главы история становится ясной (на время): Бинго отправился в путь с двумя спутниками — Одо Туком и Фродо Туком.

Следует отметить, что Том Бомбадил, Старик-Ива и умертвия уже существовали за годы до того, как мой отец начал «Властелина Колец»; см. с. 115.

На отдельной странице — отступление о письмах. 11 февраля 1938 года Стэнли Анвин сообщил

моему отцу, что его сын Рейнер прочёл первую главу и был ею в восторге. 17 февраля мой отец написал Чарльзу Фёрту в «Аллен энд Анвин»:

Говорят, будто труда стоит лишь первый шаг. Я этого не нахожу. Уверен, что мог бы написать сколько угодно «первых глав». Я и впрямь написал их немало. Продолжение «Хоббита» всё там же, где и было, и у меня лишь самые смутные представления о том, как двигаться дальше. Никогда не помышляя ни о каком продолжении, я, боюсь, растратил все свои любимые «мотивы» и характеры на изначального «Хоббита».

А на следующий день он отвечал Стэнли Анвину:

Я крайне признателен Вашему сыну Рейнеру, и воодушевлён. В то же время мне оказывается слишком уж легко писать начальные главы — а пока что история не разворачивается. Времени у меня, к несчастью, очень мало, и его убавили довольно бедственные рождественские каникулы. Я столь многое растратил на изначального «Хоббита» (который не предполагал продолжения), что трудно сыскать что-либо новое в том мире.

Но 4 марта 1938 года, в ходе длинного письма Стэнли Анвину на другую тему, он сказал:

Продолжение «Хоббита» продвинулось теперь

до конца третьей главы. Но истории склонны выходить из-под власти, и эта приняла непредумышленный оборот. Мистер Льюис и мой младший мальчик читают её по кускам, как с продолжением. Мне неловко докучать Вашему сыну, хотя я ценил бы его замечания. Во всяком случае, если он захочет читать её выпусками — он может.

Этим «непредумышленным оборотом», вне всякого сомнения, было появление Чёрных Всадников.

Глава 2. ОТ ХОББИТОНА ДО ЛЕСНОГО УГЛА

Первоначальные рукописные черновики второй главы «Властелина Колец» не составляют законченного повествования, пусть даже самого чернового, а скорее разрозненные части повествования, местами более чем в одной версии, по мере того как история расширялась и менялась в ходе написания. То, что мой отец отпечатал первую главу к 1 февраля 1938 года (с. 40), но 17 февраля написал (с. 43), что, хотя первые главы даются ему легко, «продолжение „Хоббита“ всё там же, где и было», настоятельно наводит на мысль, что первоначальное черновое написание этой второй главы последовало за печатанием четвёртой версии «Долгожданного угощения».

Затем последовал машинописный текст с заглавием «Трое — компания, четверо — и подавно»; он будет приведён полностью, но прежде следует рассмотреть более ранние стадии истории (одна из них — в высшей степени любопытная).

Первый черновой рукописный набросок начинается с того, что Одо и Фродо Тук (но Фродо тут

же изменён на Дрого) сидят ночью на воротах и толкуют о событиях в Бэг-Энде в тот день, тогда как «Фродо Брендибак сидел на груде заплечных мешков и котомок и глядел на звёзды». Фродо Брендибак, по-видимому, был введён сюда из роли, уготованной ему в заметках, приведённых на с. 42–43, в одной из которых он был заменён Мармадюком (Брендибаком). Бинго, неслышно и невидимо подойдя сзади, столкнул Одо и Дрого с ворот, и после последовавшего подтрунивания черновик продолжается:

— Есть ли у вас троих хоть какое-то представление, куда мы идём? — сказал Бинго.

— Ни малейшего, — сказал Фродо, — если ты о том, где мы в конце концов окажемся. С таким капитаном этого нипочём не угадать. Но все мы знаем, куда направляемся сперва.

— Чего мы не знаем, — вставил Дрого, — так это сколько времени уйдёт у нас на дорогу пешком. А ты знаешь? Ты ведь обычно брал пони.

«Это ненамного быстрее, хотя и менее утомительно. Дай-ка вспомню — я никогда не проделывал этот путь второпях и обычно тратил пять с половиной недель (с уймой привалов). По правде, всякий раз, как я пускался по дороге в Ривенделл, со мной приключалось какое-нибудь

приключение, помягче или покруче».

— Что ж, — сказал Фродо, — отложим-ка нынче ночью кусочек пути за спину. Под звёздами славно, и прохладно.

— Лучше скоро на боковую да выйти спозаранку, — сказал Одо (который любил поспать). — Завтра успеем больше, коли начнём свежими.

— Я поддерживаю советника Фродо, — сказал Бинго. Так они и тронулись, вскинув мешки и сжав длинные палки. Они шли очень тихо, полями, вдоль живых изгородей и опушек небольших рощиц, пока не пала ночь, и в тёмных [?зелёных] плащах были совершенно невидимы безо всяких колец. И, разумеется, будучи хоббитами, они не производили шума — даже хоббитам неслышного. Наконец Хоббитон остался далеко позади, и огни в окнах последней фермы мерцали на вершине холма где-то вдалеке. Бинго обернулся и махнул рукой на прощание.

У подножия пологого холма они вышли на главную дорогу, что вела на Восток, — она бледно-серой лентой убегала во тьму меж высоких изгородей и тёмных, колеблемых ветром деревьев. Теперь они шагали по двое; немного болтая, порой напевая, часто отмеряя в такт милю-другую, не говоря ни слова. Над головой кружились

звёзды, и ночь близилась к концу.

Одо широко зевнул и сбавил шаг. «Меня так клонит в сон, — сказал он, — что я того и гляди свалюсь на дороге. Как насчёт места для ночлега?»

Здесь первоначальный начальный черновик обрывается. Примечательно, что хоббиты отправляются прямо в Ривенделл, и Бинго бывал там прежде несколько раз; ср. заметку, приведённую на с. 42: «Бильбо… оседает в Ривенделле. Отсюда частые отлучки Бинго из дому». Но нет никакого указания — да и не было — на то, отчего им надлежало бы куда-то особенно спешить.

Ясно, что, выйдя на Восточную Дорогу, хоббиты пустились по ней и пошли на восток. На этой стадии нет и намёка на боковую дорогу к Бакленду, да и вообще на то, чтобы Бакленд играл хоть какую-то роль в их замыслах.

Затем последовало переработанное начало. Дрого Тука убрали, оставив Одо и Фродо спутниками Бинго (Фродо теперь, по всей вероятности, Тук). Отрывок про Ривенделл исчез, а вместо него появляется план идти сперва, «чтобы забрать Мармадюка». Описание пути из Хоббитона теперь куда полнее и в основном достигает формы машинописного текста (с. 50); любопытно отметить здесь точку, где проступает дорога на Бакленд:

После привала на пригорке под редкими берёзками они снова двинулись дальше, пока не вышли на узкую дорогу. Она убегала, бледно-серая во тьме, вверх и вниз — но всё время полого взбираясь к югу. Это была дорога на Бакленд, поднимавшаяся прочь от главной Восточной Дороги в долине Воды и вьющаяся мимо подножий Зелёных Холмов к юго-восточному углу Шира, к Лесному Краю, как называли его хоббиты. Они шагали по ней, пока она не нырнула меж высоких изгородей и тёмных деревьев, тихо шелестевших сухой листвой в ночном воздухе.

Сравнение этого с описанием Восточной Дороги в первом черновике («бледно-серой лентой убегала во тьму меж высоких изгородей и тёмных, колеблемых ветром деревьев») показывает, что одно произошло из другого. Возможно, как следствие, пересечение Восточной Дороги опущено; просто сказано, что дорога на Бакленд отходила от неё (ср. иначе FR, с. 80).

После слов Одо (машинописный текст, с. 50) «Или вы, ребята, собираетесь спать на ходу?» следует:

> *The Road goes ever on and on*
> *down from the Door where it began:*

before us far the Road has gone,
and we come after it, who can;
pursuing it with weary feet,
until it joins some larger way,
where many paths and errands meet,
and whither then? – we cannot say.

Дорога всё бежит вперёд
от Двери, где её исток;
далёко Путь уже пролёг —
и мы вослед, кто сколько мог;
усталой поспешаем стопой,
пока не вступит в путь большой,
где сходятся и путь, и труд, —
а дальше что? — нам не дано.

В рукописи, как она написана, нет указания, кто произнёс эти стихи (для которых имеется также немало черновой проработки); в машинописном тексте (с. 52–53) они отданы Фродо и перенесены в более позднее место истории.

Затем второй черновик перескакивает на следующий день и подхватывает посреди фразы:

…по равнине меж высоких деревьев, что росли вразброс по лугам, когда Фродо сказал: «Я слышу,

по дороге позади нас едет конь!»

Они оглянулись, но изгибы дороги скрывали путника.

— Думаю, нам лучше уйти с глаз долой, — сказал Бинго, — или, во всяком случае, вам, ребята. Конечно, это не так уж важно, но мне не хотелось бы повстречать кого-нибудь из знакомых.

Они [надписано тогда же: Odo & F.] быстро сбежали влево, в небольшую лощинку у дороги, и легли плашмя. Бинго надел кольцо и сел в нескольких ярдах от колеи. Стук копыт приближался. Из-за поворота показался белый конь, и на нём сидел тюк — или так это выглядело: маленький человек, целиком закутанный в большой плащ с капюшоном, так что наружу глядели только его глаза, да виднелись внизу сапоги в стременах.

Конь остановился, поравнявшись с Бинго. Фигура высунула нос и потянула воздух; затем сидела безмолвно, словно прислушиваясь. Вдруг из-под капюшона раздался смех.

— Бинго, мальчик мой! — сказал Гэндальф, отбрасывая своё облачение. — Ты и твои парни где-то поблизости. А ну выходи, покажись, мне надо с тобой словечком перемолвиться!

Он повернул коня и поехал прямо к лощинке,

где лежали Одо и Фродо.

— Эгей! эгей! — сказал он. — Уже устали? Дальше нынче не пойдёте?

В этот миг Бинго снова появился. «Ну и ну, — сказал он. — Что ты делаешь в этих краях, Гэндальф? Я думал, ты ушёл с эльфами и гномами. И как ты узнал, где мы?»

— Легко, — сказал Гэндальф. — Никакого волшебства. Я увидел вас с вершины холма и знал, насколько вы ушли вперёд. Едва свернув за угол и увидев, что прямой отрезок впереди пуст, я понял, что вы где-то здесь свернули в сторону. А вы протоптали в высокой траве след, который мне виден — по крайней мере, когда я его ищу.

Здесь этот черновик обрывается, внизу страницы, и если мой отец и продолжал дальше этого места, то рукопись утрачена, но я склонен думать, что куда вероятнее он забросил его, потому что отказался от мысли, будто всадник — это Гэндальф, едва написав её. В высшей степени любопытно видеть, как непосредственно описание Гэндальфа перешло в описание Чёрного Всадника — и что изначальное принюхивание принадлежало Гэндальфу! На деле превращение одного в другого было впервые осуществлено карандашными изменениями в черновом тексте, вот так:

Из-за поворота показался белый [> чёрный] конь, и на нём сидел тюк — или так это выглядело: маленький [> приземистый] человек, целиком закутанный в большой [добавлено: чёрный] плащ с капюшоном, так что наружу глядели только его глаза [> так что лицо его было совершенно в тени]…

Если сравнить описание Гэндальфа в черновике с описанием Чёрного Всадника в машинописном тексте (с. 54), будет видно, что при дальнейшей отделке одно всё же остаётся очень тесно основанным на другом. Новый поворот истории и впрямь был «непредумышленным» (с. 44).

Дальнейшая черновая проработка начинается снова с заготовок к песне «На очаге огонь горит» и продолжается через второе появление Чёрного Всадника и приход Эльфов до конца главы. Этому материалу машинописный текст следует и впрямь очень тесно, и нет нужды рассматривать его далее (один-два мелких любопытных момента в развитии повествования упомянуты в Примечаниях). Есть, однако, отдельный рукописный раздел, не вошедший в машинопись, и этот весьма любопытный отрывок будет приведён отдельно (см. с. 73).

Привожу здесь машинописный текст — он

сделался крайне сложным, а ныне и весьма потрёпанным документом. Ясно, что, как только (или ещё прежде того) он его закончил, мой отец принялся его править, в некоторых случаях перепечатывая страницы (отвергнутые страницы сохранялись), а также вписывая там и сям множество других изменений, по большей части совсем мелких поправок в формулировках.[1] В приводимом ниже тексте я принимаю все эти правки молча, но некоторые ранние любопытные чтения подробно изложены в Примечаниях в конце (с. 65 и далее).

Трое — компания, четверо — и подавно[2]

Одо Тук сидел на воротах, тихонько насвистывая. Его двоюродный брат Фродо лежал на земле рядом с грудой котомок и заплечных мешков,

---

[1] Примечания: 25

Для правки машинописи на этой стадии мой отец пользовался чёрными чернилами. Это оказалось удачей, ибо иначе историческое распутывание текста было бы едва ли возможно: в более поздней фазе работы он вернулся к нему и покрыл его исправлениями синими и красными чернилами, синим мелком и карандашом. В одном случае, однако, добавление чёрными чернилами доказуемо принадлежит к поздней фазе. Поэтому возможно, что некоторые правки, принятые мной в текст, на деле более поздние, но ни одна не кажется мне такой, и в любом случае все изменения сколько-нибудь значимого для повествования свойства подробно изложены в следующих примечаниях. ↩ [broken link: #rn8_1]

[2] Примечания: 26

Смысл этого заглавия неясен. Однако оборот «Three's company, but four's more» («Трое — компания, а четверо — и подавно») употреблён

Мармадюком Брендибаком в ходе разговора в Бакленде, где он заявляет, что непременно будет в числе отряда (с. 103). Возможно, поэтому мой отец дал первоначальной второй главе это заглавие, полагая, что она протянется вплоть до прихода в Бакленд. Впоследствии он вычеркнул слова «and Four's More», но когда это было сделано, сказать нельзя. ↩ [broken link: #rn8_2]

глядел вверх на звёзды и вдыхал прохладный воздух осенних сумерек.

— Надеюсь, Бинго не заперли в шкафу или ещё где, — сказал Одо. — Он запаздывает: уже седьмой час.

— Не о чем тревожиться, — сказал Фродо. — Он объявится, когда сочтёт нужным. Может, ему пришла на ум какая-нибудь последняя неотразимая шутка или что-то такое: он ведь весьма по-брендибаковски устроен. Но он придёт, всё ладно; в конечном счёте дядюшка Бинго вполне надёжен.

Позади него раздался смешок. «Рад это слышать, — сказал Бинго, вдруг становясь видимым, — ибо нас ждёт очень Долгий Путь. Ну что, ребята, вы совсем готовы выступать?»

— Нечестно подкрадываться с этим кольцом на пальце, — сказал Одо. — В один прекрасный день ты услышишь, что я о тебе думаю, и будешь не так уж рад.

— Я и так уже знаю, — сказал Бинго, смеясь, — и всё же остаюсь вполне весел. Где мой мешок и палка?

— Вот, держи! — сказал Фродо, вскакивая. — Это твоя доля: мешок, котомка, плащ, палка.

«Уверен, вы навьючили на меня всё самое тя-

жёлое», — пыхтел Бинго, протискиваясь в лямки. Он был малость в теле.

— Ну-ну! — сказал Одо. — Не начинай вести себя по-болджеровски. Там нет ничего, кроме того, что ты сам велел уложить. Вес покажется легче, когда сбросишь малость своего собственного.

— Будь милостив к бедному разорившемуся хоббиту! — рассмеялся Бинго. — Не пройдёт и недели, как я стану тонок, что ивовый прут, уж это точно. Но что же теперь? Устроим совет! С чего начнём?

— Я думал, это решено, — сказал Одо. — Разве нам не надо первым делом забрать Мармадюка?

— О да! Я не о том, — сказал Бинго. — Я о нынешнем вечере: пройдём ли немного или много? Всю ночь или вовсе нисколько?

— Лучше отыскать какой-нибудь уютный уголок в стогу или где ещё да скоро на боковую, — сказал Одо. — Завтра успеем больше, коли начнём свежими.

— Отложим-ка кусочек дороги за спину нынче ночью, — сказал Фродо. — Хочу убраться подальше от Хоббитона. К тому же под звёздами славно, и прохладно.

— Голосую за Фродо, — сказал Бинго. И вот они тронулись, вскинув мешки и помахивая креп-

кими палками. Они шли очень тихо, полями, вдоль живых изгородей и краёв рощиц, пока не пала ночь. В тёмно-серых плащах они были невидимы безо всякой помощи волшебных колец, а поскольку все были хоббиты, не производили шума, слышного даже хоббитам (да и вообще диким тварям в лесах и полях).

Спустя некоторое время они перешли Воду к западу от Хоббитона, где она была не более чем вьющейся чёрной лентой, окаймлённой склонившимися ольхами. Теперь они были в Туковом краю и начали взбираться в Зелёный Холмистый Край к югу от Хоббитона.[3] Им виден был внизу мерцающий в пологой долине Воды посёлок. Вскоре он скрылся в складках потемневшей земли, а за ним — Байуотер у своего серого пруда. Когда огонёк последней фермы остался далеко позади, выглядывая из-за деревьев, Бинго обернулся и махнул рукой на прощание.

— Вот теперь мы и впрямь в пути, — сказал он. — Доведётся ли нам когда-нибудь снова взглянуть вниз, в эту долину.

---

[3] Примечания: 27

Во втором черновике начала главы, который в этом месте достиг практически формы машинописного текста, пересечение Восточной Дороги было опущено, и опущение сохраняется здесь (см. с. 47). ↩ [broken link: #rn8_3]

Пройдя около двух часов, они отдохнули. Ночь была ясная, прохладная и звёздная, но дымные клочья тумана наползали на холмы из ручьёв и глубоких лугов. Тонкоствольные берёзки, качаясь под холодным ветерком над их головами, чёрной сетью ложились на бледное небо. Они поужинали весьма скудно (для хоббитов) и снова двинулись дальше. Одо упирался, но остальной совет указал, что этот голый склон — не место для ночлега. Вскоре они вышли на узкую дорогу. Она убегала вверх и вниз, пока не растворялась серым в сгущавшейся тьме. Это была дорога на Бакленд, поднимавшаяся прочь от главной Восточной Дороги в долине Воды и вьющаяся через подножия Зелёных Холмов к юго-восточному углу Шира, к Лесному Углу, как называли его хоббиты. Немногие из них жили в той части.

По этой дороге они и шагали. Вскоре она нырнула в глубоко врезанную колею меж высоких деревьев, что шелестели сухой листвой в ночи. Было очень темно. Сперва они болтали или тихонько напевали что-то вместе: потом шагали в молчании, и Одо начал отставать. Наконец он остановился и широко зевнул.

— Меня так клонит в сон, — сказал он, — что скоро я свалюсь на дороге. Как насчёт места для

ночлега? Или вы, ребята, собираетесь спать на ходу?[4]

— Когда Мармадюк нас ждёт? — спросил Фродо. — Завтра вечером?

— Нет, — сказал Бинго. — Мы не доберёмся туда к завтрашнему вечеру даже форсированным маршем, разве что пройдём ещё много миль прямо сейчас. А мне, должен сказать, не хочется. Уже близится полночь. Но всё ладно. Я велел Мармадюку ждать нас послезавтра вечером; так что спешить некуда.

— Ветер с запада, — сказал Одо. — Если спустимся по другую сторону этого холма, на который взбираемся, должны найти местечко довольно сухое и укрытое.

На вершине холма, через который шла дорога, они набрели на участок ельника, сухой и пахнущий смолой. Сойдя с дороги, они углубились в густой мрак леса и набрали сухих сучьев и шишек для костра. Вскоре у подножия большой ели весело затрещало пламя, и они посидели вокруг него, пока их не начало клонить в дрёму. Затем, каждый в развилке корней огромного дерева, они свернулись в плащах и одеялах и вскоре

---

[4] Примечания: 28

В черновом тексте стихи «Дорога всё бежит вперёд» помещены здесь (см. с. 47). ↩ [broken link: #rn8_4]

крепко уснули.

Опасности не было: они всё ещё были в Шире. Несколько тварей подошли и поглядели на них, когда костёр угас. Лис, проходивший через лес по своим делам, остановился на несколько минут и принюхался. «Хоббиты! — подумал он. — Ну и ну, что дальше? Я слыхал немало россказней о чудны́х делах в этом Шире, но никогда не слыхал, чтобы хоббит спал под открытым небом, под деревом! Да их трое! За этим кроется что-то весьма странное». Он был совершенно прав, но больше так ничего об этом и не узнал.

Утро настало довольно бледное и промозглое. Бинго проснулся первым и обнаружил, что корень продавил ему дыру в спине, а шея одеревенела. Всё это уже не казалось такой потехой, как накануне. «И с чего я только отдал ту прекрасную перину этому старому пудингу Фоско?[5] — подумал он. — Корни были бы ему куда полезнее». «Просыпайтесь, хоббиты! — крикнул он. — Чудесное утро!»

— Что в нём чудесного? — сказал Одо, выглядывая одним глазом из-за края одеяла. — Вода для умывания согрета? Завтрак подайте к половине

---

[5] Примечания: 29

Фоско Болджер, дядя Бинго: см. с. 38. ↩ [broken link: #rn8_5]

десятого.

Бинго сдёрнул с него одеяло и перекатил его на Фродо, а затем, оставив их барахтаться, прошёл к опушке. На востоке солнце вставало красным из туманов, что лежали густо на всём мире. Тронутые золотом и багрянцем, осенние деревья вдали словно плыли без корней по призрачному морю. Чуть ниже него слева дорога ныряла в лощину меж двух склонов и исчезала.

Когда он вернулся, двое других уже развели хороший костёр. «Воды! — закричали они. — Где вода?»

— Я не держу воду в карманах, — сказал Бинго.

— Я думал, ты пошёл её искать, — сказал Одо. — Лучше сходи теперь.

— С чего бы? — спросил Бинго. — У нас оставалось довольно на завтрак ещё со вчерашнего вечера; или мне так думалось.

— Вот и думалось зря, — сказал Фродо. — Одо выпил последнюю каплю, я видел.

«Тогда пусть он сам идёт за добавкой, а не сваливает на дядюшку Бинго. У подножия склона есть ручей; дорога пересекает его как раз пониже того места, где мы вчера свернули».

В конце концов, разумеется, они пошли все, с флягами и маленьким котелком, что прихватили

с собой. Наполнили их в ручье, там, где он падал на фут-другой через небольшой выступ серого камня на своём пути. Вода была ледяной, и Одо отфыркивался, омывая лицо и руки. По счастью, у хоббитов не растут бороды (а и росли бы — они не стали бы бриться).

К тому времени, как их завтрак был окончен, а мешки снова увязаны, было по меньшей мере десять часов, и день обещал стать ещё прекраснее и жарче, чем день рождения Бинго, который уже казался делом давнего прошлого. Они спустились по склону, перешли ручей и поднялись на следующий склон, и к тому времени их плащи, одеяла, вода, снедь, запасная одежда и прочая поклажа уже казались тяжёлой ношей. Дневной переход обещал быть чем-то совсем иным, нежели прогулка по сельской местности.

Спустя время дорога перестала катиться вверх и вниз: она устало, зигзагами вскарабкалась на вершину крутого склона, а затем приготовилась спуститься в последний раз. Перед собой они увидели низины, испещрённые небольшими купами деревьев, что таяли вдали в мглистую лесную бурость. Они смотрели через Лесной Угол в сторону реки Брендивайн. Дорога вилась перед ними, будто обрывок бечёвки.

— Дорога тянется без конца, — сказал Одо, — а я без отдыха не могу. Самое время для второго завтрака.

Фродо сел на откос у обочины и поглядел на восток, в мглу, за которой лежала Река и край Шира, где он провёл всю свою жизнь. Вдруг он заговорил, словно вполголоса сам с собой:

The Road goes ever on and on
Down from the door where it began.
Now far ahead the Road has gone,
And we must follow if we can,
Pursuing it with weary feet,
Until it joins some larger way,
Where many paths and errands meet.
And whither then? We cannot say.

Дорога всё бежит вперёд
от Двери, где её исток.
Далёко Путь уже пролёг,
и мы пойдём, кто сколько мог,
усталой поспешая стопой,
пока не вступит в путь большой,
где сходятся и путь, и труд.

А дальше что? — нам не дано.[6]

— Похоже на стишок старого Бильбо, — сказал Одо. — Или это одно из подражаний Бинго? Звучит не больно-то ободряюще.

— Нет, я его сам сложил, или, по крайней мере, он мне пришёл на ум, — сказал Фродо.

— Я, во всяком случае, прежде его не слыхал, — сказал Бинго. — Но он очень напоминает мне Бильбо в последние годы, прежде чем он ушёл. Он часто говаривал, что во всей земле есть лишь одна Дорога; что она словно большая река: истоки её — у каждого порога, и всякая тропа — её приток. „Опасное это дело, Бинго, — выходить за порог, — говаривал он. — Ступаешь на Дорогу, и, если не удержишь ног, кто знает, куда тебя унесёт. Понимаешь ли ты, что это та самая тропа, что идёт через Лихолесье, и что, дай ты ей волю, она могла бы завести тебя и в более дальние, и в худшие места, чем Одинокая Гора?“ Он говаривал так на тропе у парадной двери в Бэг-Энде, особенно после того, как выходил на прогулку.

— Что ж, меня Дорога никуда не унесёт по мень-

---

[6] Примечания: 30

В FR (с. 82–83) в стихах в строках 4 и 8 стоит «I» вместо «we», но в остальном они те же; там, однако, это отзвук того, как их произносит Бильбо в первой главе (FR, с. 44). О самой ранней форме см. с. 47; и см. далее с. 246, примеч. 18. ↩ [broken link: #rn8_6]

шей мере час, — сказал Одо, скидывая мешок. Остальные последовали его примеру, прислонив мешки к откосу и вытянув ноги на дорогу. После отдыха они перекусили (скудно), а затем отдохнули ещё.

Солнце начинало клониться ниже, и послеполуденный свет лежал на земле, когда они спускались с холма. До сих пор им не встретилось на дороге ни души. Этим путём пользовались мало, а обычная дорога на Бакленд шла по Восточной Дороге до слияния Воды и реки Брендивайн, где был мост, а затем на юг вдоль Реки. Они снова трусили вперёд уже час с лишним, когда Фродо на миг остановился, словно прислушиваясь. Теперь они были на ровной земле, и дорога, после многих извивов, лежала прямо впереди через луга, усеянные высокими деревьями — передовыми дозорными надвигающихся лесов.

— Я слышу коня или пони, что едет по дороге позади, — сказал Фродо.

Они оглянулись, но поворот дороги не дал им разглядеть далеко.

— Думаю, нам лучше уйти с глаз долой, — сказал Бинго, — или, во всяком случае, вам двоим. Конечно, это не так уж важно, но у меня такое чувство, что мне не хотелось бы сейчас никому

попадаться на глаза.

Одо и Фродо быстро сбежали влево, в небольшую лощинку неподалёку от дороги, и легли плашмя. Бинго надел кольцо и шагнул за дерево. Стук копыт приближался. Из-за поворота показался чёрный конь — не хоббитский пони, а конь в полный рост; и на нём сидел тюк, или так это выглядело: широкий приземистый человек, целиком закутанный в большой чёрный плащ с капюшоном, так что снизу виднелись только его сапоги в стременах; лицо его было в тени и невидимо.

Когда конь поравнялся с Бинго, он остановился. Сидевшая в седле фигура застыла совершенно неподвижно, словно прислушиваясь. Из-под капюшона донёсся звук, будто кто-то принюхивается, ловя ускользающий запах; голова поворачивалась с одной стороны дороги на другую. Наконец конь снова двинулся, сперва ступая медленно, а потом перейдя на лёгкую рысь.

Бинго скользнул к краю дороги и следил за всадником, пока тот не уменьшился вдали. Он не мог быть вполне уверен, но ему показалось, что вдруг, прежде чем они скрылись из виду, конь и всадник свернули в сторону и въехали в деревья.

— Что ж, по-моему, это весьма странно и даже малость тревожно, — сказал Бинго про себя, возвращаясь к спутникам.

Те так и оставались плашмя в траве и ничего не видели; поэтому Бинго описал им всадника и его странное поведение.

— Не могу сказать почему, но я был совершенно уверен, что он высматривает или вынюхивает меня, и ещё я очень ясно почувствовал, что не хочу, чтобы он меня обнаружил. Никогда прежде не видывал и не чувствовал в Шире ничего подобного.

— Да что общего у кого-то из Большого Народа с нами? — сказал Одо. — И что он вообще делает в этих краях? Кроме тех Людей из Дейла на днях[7] я уж сколько лет не видал в нашем Шире никого из того Племени.[8]

— А я видел, — сказал Фродо, внимательно слушавший описание чёрного всадника. — Это напомнило мне о том, что я почти позабыл. Ран-

---

[7] Примечания: 31

Люди из Дейла: см. с. 20, 30. ↩ [broken link: #rn8_7]

[8] Примечания: 32

Следующая часть повествования, от «„А я видел“, — сказал Фродо» и вплоть до конца песни «На очаге огонь горит» (с. 57), была рано перепечатана взамен двух страниц первоначальной машинописи, и в историю было введено существенное изменение и расширение (см. примеч. 9 и 11). ↩ [broken link: #rn8_8]

ней весной я шёл по Северной Пустоши — знаешь, у самых северных границ Шира, — когда мне повстречался такой же всадник. Он ехал на юг, остановился и заговорил, хотя, похоже, не очень-то владел нашим языком; он спросил, не знаю ли я, где место под названием Хоббитон, и нет ли там какого народа по фамилии Бэггинс. Мне тогда это показалось очень странным; и было у меня странное, неуютное чувство. Я не мог разглядеть лица под капюшоном. Так и не услышал, объявился он в Хоббитоне или нет. Если я тебе не сказал, то собирался.

— Ты мне не сказал, а жаль, — сказал Бинго. — Я бы расспросил об этом Гэндальфа; и, верно, мы были бы осторожнее в дороге.

— Так ты что-то знаешь или догадываешься об этом всаднике? — сказал Фродо. — Кто он?

— Не знаю и гадать не хочу, — сказал Бинго. — Но почему-то не верю, что хоть один из этих всадников (если их двое) и впрямь был из Большого Народа — то есть из тех, кто вроде людей Дейла. Хотел бы я, чтоб Гэндальф был здесь, но теперь пройдёт немало времени, прежде чем мы его сыщем. В каком-то смысле, верно, мне следовало бы радоваться, но я ещё не вполне готов к приключениям и уж никак не ждал их

в нашем собственном Шире. Хотите ли вы двое продолжать Путь?

— Конечно! — сказал Фродо. — Я не поверну назад, и за целое войско гоблинов не поверну.

— Я пойду туда, куда идёт дядюшка Бинго, — сказал Одо. — Но что делать дальше? Двинемся ли сразу или останемся здесь и поедим?[9] Я бы не прочь куснуть и хлебнуть, но почему-то думаю, нам лучше отсюда уйти. Твои разговоры о принюхивающихся всадниках с невидимыми носами вселили в меня изрядное беспокойство.

— Думаю, мы теперь двинемся дальше, — сказал Бинго, — но не по дороге, на случай, если тот всадник вернётся или другой поедет следом. Сегодня нам надо одолеть ещё добрый кусок; до Бакленда всё ещё много миль.

---

[9] Примечания: 33

Эта первая часть перепечатанного раздела (см. примеч. 8) была изменена от прежней формы не сильно. В прежней Фродо описывал свою встречу с Чёрным Всадником «на Северной Пустоши» прошлой весной почти теми же самыми словами, но отклик Бинго был несколько иным:

— От этого делается ещё чуднее, — сказал Бинго. — Рад, что мне взбрело на ум не показываться на дороге. Но почему-то не верю, что хоть один из этих всадников был из Большого Народа — то есть из тех, кто вроде людей Дейла. Что же они были такое, любопытно? Хотел бы я, чтоб Гэндальф был здесь. Но он, конечно, ушёл сразу после фейерверка с эльфами и гномами, и теперь мы его увидим не скоро.

— Двинемся ли мы теперь или останемся здесь и поедим? — спросил Одо…

В поздних версиях «Долгожданного угощения» нет упоминаний о

Гэндальфе после фейерверка (см. с. 31, 38; 63). ↩ [broken link: #rn8_9]

Когда они снова тронулись, тени деревьев лежали на траве длинные и тонкие. Теперь они держались в полёте камня влево от дороги, но шли медленно, ибо трава была густая, кочковатая, а земля неровная. Солнце село красным за холмы у них за спиной, и наступал вечер, когда они дошли до конца прямого отрезка. Там дорога свернула к югу и снова начала виться, входя в лес древних, разбросанных вразброс дубов.[10]

Возле самой дороги они набрели на огромную тушу старого дерева.[11] Оно было ещё живо, и на мелких ветвях, что оно выпустило вокруг обломанных культей давно опавших сучьев, держалась листва, но ствол был полым, и внутрь можно было войти через большую трещину с дальней стороны. Хоббиты вошли и уселись на

---

[10] Примечания: 34

Там дорога свернула к югу: на карте Шира в FR дорога не сворачивает к югу «в конце прямого отрезка»; она сворачивает влево, или к северу, тогда как боковая дорога идёт дальше к Вудхоллу. Но на этой стадии дорога была лишь одна, и в месте, где хоббиты встретили Эльфов, она неуклонно спускалась, «забирая на юго-восток, к низинам реки Брендивайн» (с. 56). Несомненно, по недосмотру нынешний отрывок был сохранён с малыми изменениями в первоначальном издании FR (с. 86):

Солнце село красным за холмы у них за спиной, и наступал вечер, прежде чем они дошли до конца длинной ровной полосы, по которой дорога шла прямо. В этом месте она сворачивала несколько к югу и снова начинала виться, входя в лес древних дубов.

Лишь во втором издании 1966 года мой отец изменил текст в согласии с картой:

В этом месте она сворачивала влево и спускалась в низины Йейла, забирая к Стоку, но направо отходил просёлок, вьющийся через лес древних дубов по пути к Вудхоллу. «Вот наша дорога», — сказал Фродо.

Неподалёку от развилки они набрели на огромную тушу дерева…

В этом же причина того, что во втором издании «road» («дорога») было изменено на «lane» («просёлок») (а также «path», «way») почти во всех многочисленных последующих случаях в FR, с. 86–90: они шли по «просёлку» к Вудхоллу, а не по «дороге» к Стоку. ↩ [broken link: #rn8_10]

[11] Примечания: 35

Весь отрывок начиная с «Возле самой дороги они набрели на огромную тушу старого дерева» — это расширение в заменяющей машинописи (см. примеч. 8) нескольких фраз в более ранней:

Внутри огромного полого ствола старого дерева, обломанного и культяпого, но всё ещё живого и в листве, они отдохнули и поели. Их окутывали сумерки, когда они вышли и приготовились снова двинуться дальше. «Теперь я рискну и пойду дорогой, — сказал Бинго, который несколько раз ушиб пальцы ног о скрытые в траве корни и камни. — Мы, верно, поднимаем шум из ничего».

Хотя расширенное описание полого дерева было сохранено в FR (с. 86), второй эпизод с Чёрным Всадником сохранён не был, и дерево опять не имеет иного значения, кроме как быть местом трапезы хоббитов. В третьей главе Бинго, говоря с Мармадюком в Бакленде, поминает эту историю о Всаднике, услышанном, пока они сидели внутри дерева (с. 103); см. также примеч. 19 ниже. ↩ [broken link: #rn8_11]

полу из старых листьев и истлевшей древесины. Там они отдохнули и поели, тихо переговариваясь и в промежутках прислушиваясь.

Едва они закончили и подумывали снова двинуться в путь, как совершенно ясно услышали стук копыт, медленно идущих по дороге снаружи. Они не шелохнулись. Копыта остановились, насколько они могли судить, на дороге у самого их дерева, но лишь на миг. Вскоре они снова двинулись и затихли вдали — вниз по дороге, в сторону Бакленда. Когда Бинго наконец выбрался из дерева и оглядел дорогу в обе стороны, не видно было ничего.

— Весьма чудно́! — сказал он, вернувшись к остальным. — Думаю, нам лучше малость переждать здесь, внутри.

Внутри древесного ствола стало почти темно. «Право, думаю, теперь нам придётся идти, — сказал Бинго. — Мы нынче сделали очень мало и таким ходом не доберёмся до Бакленда к завтрашнему вечеру».

Их окутывали сумерки, когда они выползли наружу. Не было ни единого живого звука, ни даже птичьего оклика в лесу. Западный ветер вздыхал в ветвях. Они ступили на дорогу и снова оглядели её в обе стороны.

— Лучше рискнуть и идти дорогой, — сказал Одо. — Земля вне колеи слишком уж неровная, особенно в гаснущем свете. Мы, верно, поднимаем шум из ничего. Скорее всего, это просто заблудившийся странник; повстречай он нас, он бы лишь спросил дорогу на Бакленд или к Брендивайнскому мосту и поехал дальше.

— Надеюсь, ты прав, — сказал Бинго. — Но так или иначе ничего не остаётся, кроме открытой дороги. По счастью, она изрядно вьётся.

— А что, если он остановит нас и спросит, не знаем ли мы, где живёт мистер Болджер-Бэггинс? — сказал Фродо.

— Дай ему правдивый ответ: нигде, — сказал Бинго. — Вперёд!

Теперь они вступали в Лесной Угол, и дорога начала полого, но неуклонно спускаться, забирая на юго-восток, к низинам реки Брендивайн. На темнеющем востоке выступила звезда. Они шли в ряд и в ногу, и дух их воспрял; неуютное чувство исчезло, и они больше не вслушивались в стук копыт. Через милю-другую они начали тихонько напевать, как водится у хоббитов, когда смыкаются сумерки и выходят звёзды. У большинства хоббитов это песня перед сном или ужином, но эти хоббиты напевали походную песню (хотя,

конечно, и не без упоминания постели и ужина). Слова сложил Бильбо Бэггинс (а напев был стар, как холмы) и научил им Бинго, когда они хаживали по тропам долины Воды и толковали о Приключениях.

Upon the hearth the fire is red,
Beneath the roof there is a bed;
But not yet weary are our feet,
Still round the corner we may meet
A sudden tree or standing stone
That none have seen, but we alone.
Tree and flower and leaf and grass,
Let them pass! Let them pass!
Hill and water under sky,
Pass them by! Pass them by!

На очаге огонь горит,
под кровлей нас постель манит;
но не устали ноги в путь,
и за углом нас встретить, чуть —
вдруг дерево иль камень-столп,
что видел лишь наш малый сонм.
Дерево, цветок, листва, трава —

пусть пройдут! Пусть пройдут!
Холм и воды под небеса —
стороной! Стороной!

Still round the corner there may wait
A new road or a secret gate,
And even if we pass them by,
We still shall know which way they lie,
And whether hidden pathways run
Towards the Moon or to the Sun.
Apple, thorn, and nut and sloe,
Let them go! Let them go!
Sand and stone and pool and dell,
Fare you well! Fare you well!

И за углом нас, может, ждёт
дорога новая иль вход,
и, даже минув их с пути,
мы будем знать, как их найти,
и где сокрытые тропы бегут —
к Луне ли, к Солнцу ли ведут.
Яблоко, тёрн, орех да слива —
прочь, тропа! Прочь, тропа!

Песок и камень, дол и пруд —
будь здоров! Будь здоров!

Home is behind, the world ahead,
And there are many paths to tread
Through shadow to the edge of night,
Until the stars are all alight.
Then world behind and home ahead,
We'll wander back to fire and bed.
Mist and twilight, cloud and shade,
Away shall fade! Away shall fade!
Fire and lamp and meat and bread,
And then to bed! And then to bed!

Дом за спиной, а мир — вперёд,
и много троп ещё нас ждёт
сквозь тень, до самой кромки тьмы,
пока не вспыхнут все огни.
Тогда — мир сзади, дом вблизи,
вернёмся к очагу, ко сну.
Туман и сумрак, тень и мгла —
прочь, растай! Прочь, растай!
Огонь и хлеб, и снедь, и свет —

и на боковую! И на боковую![12]

Песня кончилась. «А теперь на боковую! А теперь на боковую!» — громко пропел Одо. «Тише! — сказал Фродо. — Кажется, я снова слышу копыта».

Они вдруг остановились и застыли, безмолвные, как тени деревьев, прислушиваясь. По дороге где-то позади раздавался стук копыт, но приближался он медленно и ясно в вечерней тишине. Быстро и тихо они соскользнули с дороги и забежали в глубокую тень под дубами.

— Не будем уходить слишком далеко! — сказал Бинго. — Не хочу, чтобы меня увидели, но на сей раз хочу разглядеть что смогу.

— Ладно! — сказал Одо. — Только не забудь про принюхивание!

---

[12] Примечания: 36

В версии песни из отвергнутой машинописи (см. примеч. 8) вторая и третья строфы были такими:

Home is behind, the world ahead,
And there are many paths to tread;
And round the corner there may wait
A new road or a secret gate,
And hidden pathways there may run
Towards the Moon or to the Sun.
Apple, thorn, &c.
Дом за спиной, а мир — вперёд,
и много троп ещё нас ждёт;

и за углом нас, может, ждёт
дорога новая иль вход,
и где сокрытые тропы бегут —
к Луне ли, к Солнцу ли ведут.
Яблоко, тёрн и т. д.
Down hill, up hill walks the way
From sunrise to the falling day,
Through shadow to the edge of night,
Until the stars are all alight; &c.
Под гору, в гору вьётся путь
от утра до заката, в муть,
сквозь тень, до самой кромки тьмы,
пока не вспыхнут все огни, и т. д.

↩ [broken link: #rn8_12]

Копыта приближались. Времени отыскать укрытие[13] получше, чем общая тьма под деревьями, у них не было; так что Одо и Фродо легли за большим стволом, а Бинго надел кольцо и прокрался на несколько ярдов вперёд, к дороге. Она серела бледной полосой гаснущего света сквозь лес. Над ней в смутном небе уже густо высыпали звёзды, но луны не было.

Стук копыт смолк. Бинго, вглядываясь, увидел, как что-то тёмное пересекло светлый промежуток меж двух деревьев и затем застыло. Это походило на чёрную тень коня, которого ведёт меньшая чёрная тень. Чёрная тень стояла у самого места, где они сошли с дороги, и покачивалась из стороны в сторону. Бинго почудился звук принюхивания. Тень склонилась к земле, а потом поползла к нему.

В этот миг раздался звук, подобный смешению песни и смеха. Голоса, ясные и прекрасные, взмывали и опадали в озарённом звёздами воздухе.

---

[13] Примечания: 37

В первоначальном наброске к этому отрывку Бинго предлагал сложить их поклажу в дупло старого обломанного дуба, а затем влезть на него, но это было отвергнуто, едва написавшись. Несомненно, именно здесь впервые появился мотив «полого дерева». ↩ [broken link: #rn8_13]

Чёрная тень выпрямилась и отступила.[14] Она взобралась на призрачного коня и словно растаяла, пересекши дорогу, во тьме по ту сторону. Бинго снова перевёл дух.

— Эльфы! — сказал Фродо взволнованным шёпотом за его спиной. — Эльфы! Как чудесно! Я всегда мечтал услышать, как эльфы поют под звёздами, но не знал, что они живут в Шире.

— О да! — сказал Бинго. — Старый Бильбо знал, что кое-кто из них бывает внизу, в Лесном Углу. Правда, по-настоящему они здесь не живут, но часто переходят реку весной и осенью. Я очень рад, что они здесь!

— Почему? — спросил Одо.

— Ты, конечно, не видел, — сказал Бинго, — но тот чёрный всадник (или другой такой же) остановился вот тут и уже полз к нам, когда началась песня. Едва заслышав голоса, он ускользнул.

— Принюхивался? — спросил Одо.

— Принюхивался, — сказал Бинго. — Это загадочно, неуютно загадочно.

— Давайте отыщем Эльфов, если сможем, —

---

[14] Примечания: 38

В первоначальном черновике мой отец сперва написал здесь: «Вдруг раздался звук смеха и скрип колёс на дороге. Тень выпрямилась и отступила». Это было вскоре заменено, причём скрип колёс так и не получил объяснения, но он наводит на мысль, что отец имел в виду какое-то вмешательство, отличное от Эльфов. ↩ [broken link: #rn8_14]

сказал Фродо.

— Слушай! Они идут сюда, — сказал Бинго. — Нам надо лишь подождать у дороги.

Пение приближалось. Один ясный голос вознёсся над прочими. Казалось, он пел на тайном эльфийском наречии, которого Бинго знал лишь малость, а другие — вовсе ничего, и всё же звук слов, сливаясь с напевом, словно обращался в их слушающей мысли в слова на их собственном языке, которые они понимали лишь отчасти. Фродо и Бинго потом сошлись на том, что песня была примерно такой:

Snow-white! Snow-white! O Lady clear!
O Queen beyond the Western Seas!
O Light to us that wander here
Amid the world of woven trees!

Светла! Светла! О Дева, свет!
Царица западных морей!
Ты — свет тому, кто здесь вослед
бредёт средь сплетшихся ветвей!

Gilthoniel! O Elbereth!
Clear are thy eyes and cold thy breath!
Snow-white! Snow-white! We sing to thee

In a far land beyond the Sea.

Гилтониэль! О Элберет!
Ясны глаза, хладен привет!
Светла! Светла! Поём тебе
в краю за Морем, вдалеке.

O Stars that in the Sunless Year
With shining hand by her were sown,
In windy fields now bright and clear
We see your silver blossom blown!

О Звёзды! В год, что солнца ждал,
её рукой посеян свет, —
в полях, где ветер засвистал,
сребрится ваш расцветший цвет!

O Elbereth! Gilthoniel!
We still remember, we who dwell
In this far land beneath the trees,
Thy starlight on the Western Seas.

О Элберет! Гилтониэль!
Мы помним, мы, чей здесь удел —
в лесной дали, в тени ветвей,
твой звёздный свет средь западных мо-

рей.[15]

Хоббиты сидели в тени у обочины. Вскоре Эльфы спустились по дороге к долине. Они проходили медленно, и хоббиты видели, как мерцает звёздный свет на их волосах и в их глазах.[16] Огней они не несли, и всё же, пока они шли, у их ног словно ложилось мерцание, подобное лунному свету над краем холмов перед самым восходом луны. Петь они перестали, и, когда проходил последний эльф, он обернулся, взглянул в сторону хоббитов и рассмеялся.

— Привет тебе, Бинго! — сказал он. — Ты припоздился — или, может, заблудился? Затем он громко окликнул кого-то на эльфийском наречии, и вся вереница остановилась и собралась вокруг.

---

[15] Примечания: 39

Это была ещё одна часть, перепечатанная заново. Отрывок непосредственно перед песней Эльфов в более ранней форме был иным:

Казалось, он пел на тайном эльфийском наречии, и всё же, пока они слушали, звуки — или звуки и напев вместе — словно обращались в их собственной мысли в странные слова, которые они понимали лишь отчасти. Фродо потом говорил, что, как ему показалось, он расслышал слова вроде таких:

В песне были и некоторые отличия, включая отвергнутую вторую строфу.

O Elbereth! O Elbereth!
O Queen beyond the Western Seas!
O Light to him that wandereth

Amid the world of woven trees!
О Элберет! О Элберет!
Царица за Морями, в дали!
О Свет тому, кто здесь, средь бед,
бредёт средь сплетшихся ветвей!
O Stars that in the Sunless Year
Were kindled by her silver hand,
That under Night the shade of Fear
Should fly like shadow from the land!
О Звёзды, что в Бессолнечный Год
её сребристою рукой зажглись,
чтоб Ночью тень, что Страхом жжёт,
как тень с земли умчалась ввысь!
O Elbereth! Gilthonieth!
Clear are thy eyes, and cold thy breath! &c.
О Элберет! Гилтониэт!
Ясны глаза, хладен привет! и т. д.

В последней строфе стоит форма «Gilthoniel». Найдены также обширные черновые проработки, в которых первая строка песни предстаёт и как «O Elberil! O Elberil!» (а третья — «O Light to us that wander still»); из них видно и значение «Бессолнечного Года», поскольку мой отец сперва написал «the Flowering Years» (Цветущие Годы) — с отсылкой к Двум Древам; см. «Квента Сильмариллион», §19, V. 212. — По-видимому, именно здесь имя Элберет было впервые применено к Варде, прежде быв именем одного из сыновей Диора, Наследника Тингола: см. V. 351. ↩ [broken link: #rn8_15]

[16] Примечания: 40

В первоначальном черновике здесь было добавлено, что Эльфы «были увенчаны красными и жёлтыми листьями»; отвергнуто, несомненно, потому что было темно, а огней они не несли. ↩ [broken link: #rn8_16]

— Ну и ну! Разве не чудо! — заговорили они. — Трое хоббитов в лесу ночью! Что бы это значило? Ничего подобного мы не видывали с тех пор, как ушёл милый Бильбо.

— Значит это, добрые мои Эльфы, — сказал Бинго, — попросту то, что нам, похоже, по пути с вами. Меня растил Бильбо, так что я люблю ходить пешком, даже под звёздами. А за неимением иной компании могу стерпеть и Эльфов!

— Но нам-то иной компании не надобно, а хоббиты так скучны, — рассмеялись они. — Ну же, расскажи нам всё! Видим, ты прямо распираешься тайнами, которые нам охота услышать. Хотя кое-что мы, конечно, знаем, а кое о чём догадываемся. Долгих лет — со вчерашнего! Мы, разумеется, обо всём прослышали от ривенделль-

ского народа.[17]

— Тогда кто же вы и кто ваш владыка? — спросил Бинго.

— Я — Гилдор, — сказал эльф, что окликнул его. — Гилдор Инглорион из дома Финрода. Мы изгнанники, одна из немногих дружин, что ещё остаются к востоку от Моря, ибо родня наша давным-давно вернулась на Запад. Мы — Премудрые эльфы, и эльфы Ривенделла нам родня.[18]

— О Премудрый Народ, — сказал Фродо, — поведайте нам о Чёрном Всаднике!

— О Чёрном Всаднике! — проговорили они вполголоса. — Почему вы спрашиваете о Чёрном Всаднике?

«Потому что три Чёрных Всадника нагнали нас нынче — или один трижды,[19] — сказал Бин-

---

[17] Примечания: 41

В более раннем месте главы (с. 52) машинопись читалась: «день ещё прекраснее и жарче, чем накануне (день рождения Бинго, который уже казался делом давнего прошлого)». Бинго со спутниками, разумеется, выступили вечером того дня, что следовал за праздничным днём рождения, и мой отец, осознав это, попросту изменил «before» («накануне») на «of» («день рождения Бинго») и убрал скобки, как в напечатанном тексте. Здесь же он не заметил и не изменил «yesterday» («вчерашнего») (см. также примеч. 24). Эти промахи странны, но, по-видимому, не имеют какого-либо особого значения.

Впоследствии видно, как эти Эльфы могли «обо всём прослышать от ривенделльского народа», ибо Бинго говорит Гилдору (с. 63), что Гэндальф «ушёл с гномами и ривенделльскими эльфами, едва кончился фейерверк». Об их встрече и впрямь упомянуто позже (с. 101). ↩ [broken link: #rn8_17]

[18] Примечания: 42

Машинопись идёт прямиком от «мы, разумеется, обо всём прослышали от ривенделльского народа» к «„О Премудрый Народ“, — сказал Фродо», а отрывок, начинающийся с «„Тогда кто же вы и кто ваш владыка?“ — спросил Бинго», является добавлением. В машинописи, как она была напечатана, предводитель Эльфов не назван по имени вплоть до конца, где, после того как они поели, «Бинго остался беседовать с Гилдором, предводителем Эльфов» (с. 62); все упоминания Гилдора до этого — исправления, внесённые чернилами. ↩ [broken link: #rn8_18]

[19] Примечания: 43

Как текст был напечатан, Бинго говорил: «Потому что мы видели сегодня двух Чёрных Всадников, или одного дважды». Изменённый текст сопровождает историю о Всаднике, что на миг приостановился у полого дерева (см. примеч. 11). ↩ [broken link: #rn8_19]

го, — и всего несколько мгновений назад один ускользнул, когда вы приблизились».

Эльфы ответили не сразу, а тихо заговорили между собой на эльфийском наречии. Наконец Гилдор обернулся к хоббитам. «Здесь мы более не станем об этом говорить, — сказал он. — Думаем, вам лучше пойти с нами. Как вы знаете, не в нашем это обычае, но ради Бильбо мы возьмём вас на нашу дорогу, и вы переночуете с нами нынче, если пожелаете».

— Воистину благодарю тебя, Гилдор Инглорион, — сказал Бинго, кланяясь.

— О Дивный Народ! Это удача сверх самых заветных моих надежд, — сказал Фродо.

Одо тоже поклонился, но вслух ничего не сказал.

— Скорее, славная удача? — шепнул он Бинго. — Полагаю, нам достанется по-настоящему хорошая постель и ужин?

— Об удаче своей посчитаешь поутру, — сказал Гилдор, словно к нему и обращались. — Сделаем что сможем, хотя и слыхали, что хоббитов трудно ублажить.

— Прошу прощения, — пролепетал Одо.

Бинго рассмеялся:

— Берегись эльфийского слуха, Одо!

— Свою удачу мы уже считаем, — сказал он Эльфам, — и думаю, вы убедитесь, что нам угодить очень легко (для хоббитов).

Он прибавил на эльфийском наречии приветствие, которому научил его Бильбо:

— Звёзды сияют над часом нашей встречи.

— Берегитесь, друзья! — со смехом воскликнул Гилдор. — Не выдавайте тайн! Тут знаток эльфийской латыни.[20] Бильбо и впрямь был добрым наставником! Привет тебе, друг эльфов, — сказал он, кланяясь Бинго, — ступай же теперь и присоединяйся к нашей дружине![21] Лучше иди в середине, чтобы не сбиться. Ты можешь устать прежде, чем мы сделаем привал.

— Почему? Куда вы идёте? — спросил Бинго.

«К лесам близ Вудхолла, там, внизу в долине. Это несколько миль, но это сократит твой завтрашний путь до Бакленда».

---

[20] Примечания: 44

Об «эльфийской латыни» (квенья) см. «Ламмас», §4, V. 172. ↩ [broken link: #rn8_20]

[21] Примечания: 45

Этот отрывок — переделка текста, как он был напечатан, который читался так:

«…нам угодить очень легко (для хоббитов). О себе же могу лишь сказать, что отрада встречи с вами уже сделала этот день днём светлого Приключения».

— Бильбо был добрым наставником, — сказал эльф, кланяясь. — Ступай же, присоединяйся к нашей дружине, и мы тронемся. Лучше иди в середине… ↩ [broken link: #rn8_21]

Они шагали в молчании и проходили, как тени и слабые отсветы, ибо и Эльфы, и хоббиты, когда хотели, умели ходить беззвучно. Песен они больше не пели. Одо начал клевать носом и раз-другой споткнулся, но всякий раз шедший рядом высокий эльф протягивал руку и спасал его от падения.

Леса по обе стороны густели; деревья были моложе и теснее, а по мере того как дорога шла ниже, попадалось много глубоких зарослей орешника. Наконец они свернули с дороги вправо: зелёная просека лежала почти незаметной сквозь чащу. По ней они и шли, пока вдруг не вышли на широкую поляну, серую под ночным небом. С трёх сторон её окаймлял лес, но на востоке земля круто обрывалась, и вершины тёмных деревьев, росших в лощине внизу, были вровень с их ногами. За ними низина лежала смутной и плоской под звёздами. Ближе же мерцали огоньки: деревня Вудхолл.

Эльфы уселись на траву и, казалось, более не обращали на хоббитов внимания. Они тихо переговаривались. Хоббиты завернулись в плащи и одеяла, и их одолела дремота. Ночь подвигалась, и огни в долине погасли. Одо уснул, положив голову на гладкий бугорок.

Из туманов на востоке поднялся бледно-золотой свет. Взошла жёлтая луна; стремительно вырвавшись из тени, она затем медленно и кругло полезла в небо. Все Эльфы разом грянули песню. Вдруг под деревьями с одной стороны вспыхнул костёр красным светом.

«Идите! — позвали Эльфы хоббитов. — Идите! Настало время речей и веселья».

Одо сел и протёр глаза. Он поёжился. «Идём, маленький Одо! — сказал эльф. — В чертоге огонь и кое-какая снедь для голодных гостей».

С южной стороны лужайки лес подступал вплотную. Здесь было пространство с травяным полом, но совершенно затенённое высокими деревьями. Стволы их шли, как колонны, по обеим сторонам, а переплетённые ветви образовывали кровлю над головой. Посередине пылал лесной костёр; на боках деревьев-колонн ровно, без дыма, горели факелы золотым и серебряным светом. Эльфы сидели вокруг костра на траве или на спиленных кругляках старых стволов. Иные сновали туда-сюда, разнося чаши и наливая питьё; другие приносили снедь на грудах тарелок и блюд и ставили их на траву.

— Скудна наша трапеза, — сказали они хоббитам, — ибо мы стоим в зелёном лесу вдали от

наших чертогов. Если когда-нибудь будете нашими гостями дома, мы попотчуем вас лучше.

— По мне, и для дня рождения недурно, — сказал Бинго.

На деле меньше всех в итоге съел именно Одо. Питьё в его чаше казалось сладким и благоуханным; он осушил её и почувствовал, как вся усталость соскользнула прочь, и всё же сон мягко сошёл на него. Он уже наполовину был окутан тёплыми грёзами, пока ел; и потом не мог вспомнить ничего, кроме вкуса хлеба — а хлеба такого, что был как лучший хоббитский хлеб, когда-либо испечённый (а это уж Хлеб так Хлеб), съеденный после долгого поста, только этот хлеб был ещё лучше. Фродо потом мало что помнил о еде или питье, ибо ум его был полон света под деревьями, эльфийских лиц, звука голосов, столь разных и столь прекрасных, что он чувствовал себя как наяву во сне. Но он помнил, как пил напиток, в котором были тепло золотого осеннего полудня и прохлада чистого родника; помнил и вкус плодов, сладких, как дикие ягоды, но более сочных, чем взращённые плоды хоббитских садов (а это уж плоды так плоды).

Бинго сидел, ел, пил и беседовал и попросту помнил, что отведал понемногу всех самых лю-

бимых своих блюд, но ум его был занят главным образом разговором. Он немного знал эльфийское наречие и слушал жадно. Время от времени он обращался к тем, кто ему прислуживал, и благодарил их на их собственном языке. Они улыбались ему и говорили со смехом: «Вот так самоцвет среди хоббитов!»[22]

Спустя время Одо и Фродо крепко уснули, и их подняли и унесли в беседки под деревьями; там их уложили на мягкие постели, и они проспали всю ночь. Но Бинго остался беседовать с Гилдором, предводителем Эльфов.[23]

— Почему вы избрали для отправления именно этот час? — спросил Гилдор.

— Что ж, по правде, он избрался сам, — ответил Бинго. — Я подошёл к концу своего богатства. Оно всегда удерживало меня от Путешествия, которого половина моего сердца желала с тех пор, как ушёл Бильбо, но теперь оно иссякло.

---

[22] Примечания: 46

Это предложение заменило следующее:

«Берегитесь, друзья, — со смехом сказал один. — Не выдавайте тайн! Тут знаток эльфийской латыни и всех наречий. Бильбо и впрямь был добрым наставником».

См. примеч. 21 и упомянутый там изменённый отрывок. ↩ [broken link: #rn8_22]

[23] Примечания: 47

Это первое появление имени Гилдор в тексте, как он был напечатан; см. примеч. 18. ↩ [broken link: #rn8_23]

Вот я и сказал своей домоседной половине: „Тебя тут ничто не держит. Путешествие, быть может, принесёт ещё богатства, как принесло старому Бильбо; да и в дороге без него проживёшь легче. Конечно, если хочешь остаться в Хоббитоне и зарабатывать на жизнь садовником или плотником — изволь“. Домоседная половина сдалась; ей не хотелось мастерить чужие стулья или растить чужой картофель. Она была мягкой и жирной. Думаю, Путешествие пойдёт ей на пользу. Но, разумеется, другая половина ищет на самом деле не богатства, а Приключения — попозже, нежели поскорее. Сейчас и она мягка и жирна, и находит, что ходьбы по Ширу с неё вполне довольно.

— Да! — рассмеялся Гилдор. — С виду ты всё ещё точь-в-точь обычный хоббит!

— Пожалуй, — сказал Бинго. — Но мой позавчерашний день рождения[24] уже кажется делом далёкого прошлого. И всё же хоббит я есть, и хоббитом останусь всегда.

— Я сказал лишь „с виду“, — ответил эльф. — Внутри ты кажешься мне весьма необычным хоббитом, ровно таким же необычным, как Бильбо, и думаю, с тобой и твоими друзьями при-

---

[24] Примечания: 48

Вместо «мой позавчерашний день рождения» в напечатанном тексте стояло «вчерашний»; см. примеч. 17. ↩ [broken link: #rn8_24]

ключатся странные вещи. Если отправляешься на поиски Приключения, обычно находишь его столько, сколько можешь осилить. И часто бывает так, что, когда думаешь, будто оно впереди, оно нежданно настигает тебя сзади.

— Похоже на то, — сказал Бинго. — Но я не ждал его ни впереди, ни сзади так скоро — да ещё в нашем собственном Шире.

— Но это не только твой Шир и не навеки, — сказал Гилдор. — Широкий Мир окружает его со всех сторон. Вы можете отгородиться, но отгородить его прочь не в ваших силах.

— И всё равно это тревожно, — сказал Бинго. — Я хочу добраться до Ривенделла, если смогу, — хотя слыхал, что в последние годы дорога легче не стала. Можешь ли ты что-нибудь сказать, чтобы направить или поддержать меня?

«Не думаю, что дорога покажется тебе чересчур трудной. Но если ты думаешь о том, кого зовёшь Чёрным Всадником, — это иное дело. Все ли причины своего тайного ухода ты мне назвал? Ничего ли не сказал тебе Гэндальф?»

«Ни намёка — по крайней мере, такого, чтобы я понял. Я редко видел его после ухода Бильбо, самое большее дважды в год. Видел прошлой весной, когда он однажды ночью объявился

внезапно, и тогда я рассказал ему о замысле Путешествия, который начинал складывать. Он как будто обрадовался и велел мне не откладывать дальше осени. Он пришёл снова помочь мне с Угощением, но тогда мы были слишком заняты, чтобы много говорить, и он ушёл с гномами и ривенделльскими эльфами, едва кончился фейерверк. Он намекнул, что я, может, снова встречу его в Ривенделле, и предложил мне держать путь сперва туда».

— Не позже осени! — сказал Гилдор. — Дивлюсь. И всё же он, может статься, не знал, что они в Шире; однако о них он знает больше нашего. Если он не сказал тебе больше, то и я не склонен — из страха отпугнуть тебя от Путешествия. Ибо, думаю, ясно, что твоё Путешествие началось как раз вовремя; по странной, как кажется, удаче ты выступил точно в срок. Тебе следует идти дальше, а не поворачивать назад, хотя ты и встретил приключение и опасность куда раньше, чем ждал. Тебе следует идти быстро, но будь осторожен и смотри не только вперёд, но и назад, а может, даже и в обе стороны.

— Хотел бы я, чтоб ты говорил яснее, — сказал Бинго. — Но рад услышать, что мне следует идти дальше, ибо этого я и хочу. Только вот те-

перь я скорее в сомнении, брать ли мне Одо и Фродо. Изначальный замысел был просто Путешествием, чем-то вроде затяжных (а может, и постоянных) каникул прочь от Хоббитона, и я уверен, что они не ждали иных приключений на долгий срок, кроме как вымокнуть и проголодаться. Мы и не подозревали, что нас будут преследовать.

«Да полно! Они должны были знать, что, коли вздумал странствовать прочь из Шира в Широкий Мир, надо быть готовым ко всему. Не вижу, чтобы было такая уж большая разница оттого, что нечто объявилось чуть раньше срока. Разве они не готовы идти дальше?»

«Готовы, так они говорят».

«Тогда пусть идут![25] Им повезло быть твоими спутниками, а тебе повезло, что они у тебя есть.

---

[25] Примечания: 49

Разговор Бинго и Гилдора до этого места, начиная с «Вы можете оттородиться, но оттородить его прочь не в ваших силах» (с. 63), — это последняя из заменяющих машинописных страниц. Отличия от прежней формы на деле весьма незначительны, кроме этих мест. Бинго не говорил, что Гэндальф велел ему не откладывать путешествие дальше осени, а просто: «Он помог мне и, похоже, счёл это хорошей мыслью»; и ответ Гилдора поэтому начинается иначе: «Дивлюсь. Он, может статься, не знал, что они в Шире; однако о них он знает больше нашего». И Бинго говорил, что Одо и Фродо «знают лишь, что я в Путешествии — чём-то вроде затяжных (а возможно, и постоянных) каникул прочь из Хоббитона; и держу путь сперва в Ривенделл». ↩ [broken link: #rn8_25]

Они тебе великая защита».

«О чём ты?»

«Думаю, Всадники не знают, что они с тобой, и их присутствие смешало след и сбило Всадников с толку».

«Боже мой! Всё это очень загадочно. Точно загадки разгадываешь. Но я всегда слыхал, что беседовать с Эльфами — это вот так».

— Так и есть, — рассмеялся Гилдор. — И Эльфы редко дают советы, но уж если дают — совет добрый. Я посоветовал тебе идти в Ривенделл со всей быстротой и осторожностью. Ничто другое, что я мог бы тебе сказать, не сделало бы этот совет лучше.[26] У нас свои дела и свои печали, и они мало касаются хоббитских путей или путей иных созданий. Наши тропы пересекают те пути редко и большей частью случайно. В нашей встрече, быть может, есть нечто большее, чем случайность, и всё же я не уверен, что мне следует вмешиваться. Но прибавлю ещё малость совета: если Всадник найдёт тебя или заговорит с тобой — не отвечай и не называй себя. И не пользуйся больше кольцом, чтобы ускользнуть от его поиска. Не знаю

---

[26] Примечания: 50

Вычеркнуто здесь из машинописи: «и это могло бы помешать тебе его принять». ↩ [broken link: #rn8_26]

наверное,[27] но догадываюсь, что использование кольца помогает им больше, чем тебе.

— Всё загадочнее и загадочнее! — сказал Бинго. — Не представляю, какие сведения были бы страшнее твоих намёков, но, полагаю, тебе виднее.

— Воистину виднее, — сказал Гилдор, — и больше я ничего не скажу.

— Что ж, ладно! — сказал Бинго. — Я теперь весь дрожу, но я тебе очень обязан.

— Будь твёрд сердцем! — сказал Гилдор. — Спи теперь! Поутру нас уже не будет, но мы разошлём вести по всей земле. Странствующие Дружины узнают о тебе и твоём Путешествии. Я нарекаю тебя другом эльфов и желаю тебе добра. Редко находили мы такую отраду в чужаках, и приятно слышать слова нашего собственного языка из уст иных странников Мира.

Бинго почувствовал, как на него нисходит сон, ещё прежде, чем Гилдор договорил. «Я теперь усну», — сказал он. Гилдор отвёл его в беседку рядом с Одо и Фродо, и он бросился на постель и тотчас впал в сон без сновидений.

Характерно, что, хотя действующие лица не те

---

[27] Примечания: 51

Вычеркнуто здесь из машинописи: «(ибо дело это вне забот таких Эльфов, как мы)». ↩ [broken link: #rn8_27]

же самые и история ещё не обладает ни размахом, ни весом, ни ощущением огромной опасности, какие придаёт вторая глава «Братства Кольца», добрая часть «Трое — компания» уже существовала, ибо, едва путешествие началось, налицо не только структура окончательного повествования, но и многое в подробностях, хотя впереди были бесчисленные изменения в выражениях, а в нескольких существенных отрывках глава после почти не менялась.

Хотя «Бинго» прямо приравнивается к позднейшему «Фродо», прочие соответствия сложнее. Правда, сравнивая текст в том виде, в каком он был на этой стадии, с окончательной формой в FR, можно сказать попросту, что «Одо» стал «Пиппином», а Фродо Тук исчез: из отдельных реплик этой главы, что сохранились в FR, едва ли не всякое замечание, сделанное Одо, было впоследствии отдано Пиппину. Но путь, которым это совершилось, на деле был странно извилист и отнюдь не сводился к простой замене одного имени другим (см. далее с. 323–324). Фродо Тук предстаёт существом менее ограниченным и более чутким, чем Одо, более восприимчивым к красоте и инакости Эльфов; именно он произносит «Дорога всё бежит вперёд», и именно ему сперва приписано

воспоминание о словах песни к Элберет (примеч. 15). Некоторый его отголосок, можно сказать, сохранён в Сэме Гэмджи (который, разумеется, придаёт развитой форме главы новое и совершенно особое звучание); это Фродо Тук, затаив дыхание, прошептал «Эльфы!», когда их голоса впервые послышались на спускающейся дороге.

Всего примечательнее то, что, когда история начала Путешествия, прихода Чёрных Всадников и встречи с Гилдором и его дружиной была написана — и написана так, что содержание её по сути впоследствии не изменилось, — Бинго не имеет ни малейшего понятия о том, чего Всадники от него хотят. Гэндальф ничего ему не сказал. У него нет причины связывать Всадников со своим кольцом и нет причины видеть в нём нечто большее, чем весьма удобное волшебное приспособление, — он, естественно, надевает его всякий раз, как проезжает Всадник.

Разумеется, то, что Бинго совершенно несведущ о природе преследующей угрозы и вконец сбит с толку чёрными конниками, не означает, что и мой отец был таков же. Есть несколько указаний на то, что на заднем плане возникли новые идеи, прямо в повествовании не переданные, но намеренно сведённые к тёмным намёкам на

опасность в словах Гилдора (что это было так, яснее видно будет в начале следующей главы). Возможно, именно «непредумышленное» превращение закутанного в плащ конника, нагнавшего их на дороге, из Гэндальфа в «чёрного всадника» (с. 48), соединившись с уже наличной мыслью о том, что кольцо Бильбо было тёмного происхождения и странных свойств (с. 42–43), и стало толчком к новым замыслам.

Из ранней переделки разговора между Гилдором и Бинго (см. с. 63 и примеч. 25) явствует, что Гэндальф предостерёг Бинго не откладывать выход дальше осени (хотя, по-видимому, не дав ему никакого повода для предостережения), и в обеих формах текста Гилдор явно что-то знает о Всадниках, говорит, что «по странной, как кажется, удаче ты выступил точно в срок», и связывает их с Кольцом: предостерегает Бинго не пользоваться им снова, чтобы ускользнуть от них, и намекает, что использование его «помогает им больше, чем тебе». (Кольцо в их разговоре не упоминалось, но мы можем предположить, что Бинго прежде рассказал Гилдору, что воспользовался им, когда проезжали Всадники.)

Идея Всадников и Кольца, несомненно, развивалась по мере того, как мой отец писал.

Думаю, весьма возможно, что, когда он впервые описывал остановки чёрных конников рядом с прячущимися хоббитами, он представлял их влекомыми одним лишь нюхом (см. с. 75); да и в любом случае неясно, каким образом использование Кольца «помогало бы им больше, чем тебе». Как я уже сказал, глубоко характерно, что эти сцены возникли сразу в ясной и памятной форме, которая никогда не менялась, но что их направленность и значение впоследствии будут безмерно расширены. «Событие» (можно сказать) было закреплено, а смысл его способен к неопределённому расширению; и это, раз за разом, видится как главнейшая черта отцовского письма. В FR из промежуточной главы «Тень прошлого» мы получаем некоторое понятие о том, что́ было то иное чувство, что боролось с желанием Фродо спрятаться, почему Гэндальф столь настоятельно запретил ему пользоваться Кольцом и почему его неудержимо тянуло надеть его, а прочитав дальше, мы знаем, что́ случилось бы, сделай он это. Здешние сцены по сравнению пусты, и всё же это те же сцены. Даже такие незначительные замечания, как «Не знаю и гадать не хочу» Бинго (с. 55) — в контексте просто выражение сомнения и неловкости, пусть

и с намёком на то, что Гэндальф, должно быть, что-то сказал, или, вернее, что мой отец начинал думать, будто Гэндальф что-то сказал, — уцелели, чтобы обрести куда более грозное значение в FR (с. 85), где мы очень хорошо представляем себе, о чём Фродо предпочёл не догадываться.

История Фродо Тука о встрече со Всадником на пустошах на севере Шира прошлой весной — предтеча того, как Сэм вдруг вспоминает, что в Хоббитон приходил Всадник и говорил со Стариком Гэмджи в вечер их отбытия, но странно, что начало охоты за «Бэггинсом» отнесено столь задолго (см. с. 74 и примеч. 4).

Вычёркивание слов Гилдора «ибо дело это вне забот таких Эльфов, как мы» (примеч. 27) любопытно. Сперва, думаю, мой отец мыслил этих Эльфов как «Тёмных эльфов», но теперь он решил, что они (а также Эльфы Ривенделла) — и впрямь «Высокие Эльфы Запада», и прибавил в словах Гилдора к Бинго на с. 60 (см. примеч. 18): они были «Премудрыми эльфами» (нолдор, или Гномами), «одной из немногих дружин, что ещё остаются к востоку от Моря», а сам он — Гилдор Инглорион из дома Финрода. С этими словами Гилдора ср. «Квента Сильмариллион», §28, в V. 332:

И всё же не все эльдалиэ желали покинуть

Ближние Земли, где они так долго страдали и так долго жили, и иные медлили многие века на Западе и Севере… Но всё, по мере того как тянулись века и Эльфийский народ угасал на земле, они с наступлением вечера отплывали от западных берегов этого мира, как делают и поныне, доколе нигде уже не осталось почти никого из их одиноких дружин.

Глава 3. О ГОЛЛУМЕ И КОЛЬЦЕ

Я уже высказал мысль, что к этой стадии мой отец знал о Всадниках и Кольце куда больше, чем Бинго, — и больше, чем позволил поведать Гилдору; и свидетельство тому находится в рукописном черновике, упомянутом на с. 48. Он начинается, во всяком случае, как черновик части разговора между Бинго и Гилдором, но беседа здесь переходит к темам, которые мой отец исключил из машинописной версии (с. 62–65). Гилдор тут ещё не назван по имени; и, по-видимому, именно в этом тексте он и проступил как отдельное лицо: сперва разговор идёт между Бинго и нерасчленённым множественным «они».

Отрывок начинается с как будто бессвязной фразы: «Поскольку он не рассказал спутникам, что́ обнаружил, думаю, и я вам не расскажу». (Не отсылает ли это к тому, что Бинго узнал от Эльфов?) Затем следует:

— Конечно, — сказали они, — мы знаем, что ты в поисках Приключения, но часто бывает так, что, когда думаешь, будто оно впереди, оно нежданно настигает сзади. Почему ты избрал для

отправления именно этот час?

— Что ж, час этот, знаете ли, был, в сущности, неизбежен, — сказал Бинго. — Я подошёл к концу своего богатства. А странствуя, я подумал, что мог бы сыскать ещё, как старый Бильбо, и уж по меньшей мере смогу легче прожить без всякого. Подумал ещё, что мне это пойдёт на пользу. Я становился рыхловат и жирноват.

— Да, — рассмеялись они, — с виду ты точь-в-точь обычный хоббит.

— Но хотя я кое-что умею — столярничать, садовничать, — мне почему-то не хотелось мастерить чужие стулья или растить чужие овощи ради куска хлеба. Видно, и мне передалась капелька драконьего проклятия. Я золото-ленив.

— Так Гэндальф тебе ничего не сказал? Ты ведь не бежал на самом деле.

— О чём ты? От чего?

— Да об этом чёрном всаднике, — сказали они.

— Я их совсем не понимаю.

— Так Гэндальф тебе ничего не сказал?

— Про них — нет. Он, конечно, давным-дав-

но предостерегал Бильбо насчёт Кольца.[1] „Не пользуйся им слишком часто! — говаривал он. — И только для пристойных целей. То есть не пользуйся им иначе как ради шутки или чтобы спастись от опасности и докуки, — не пользуйся во вред, или чтобы выведать чужие тайны, и уж конечно не для воровства или чего похуже. Ибо оно может взять над тобой верх“. Я не понимал.

Я редко видел Гэндальфа после ухода Бильбо. Но около года назад он пришёл однажды ночью, и я рассказал ему о замысле, который начинал складывать, — покинуть Бэг-Энд. „А как же Кольцо? — спросил он. — Осторожен ли ты? Будь осторожен непременно: иначе оно тебя одолеет“. По правде, я почти никогда им и не пользовался — и не пользовался снова после того разговора вплоть до своего дня рождения.

— А кто-нибудь ещё о нём знает?

— Не могу сказать, но думаю, что нет. Бильбо держал это в строгой тайне. Он всегда говорил мне, что я единственный, кто о нём знает (в Ши-

---

[1] Примечания: 52

Собственная мысль моего отца здесь, конечно, прозрачна. Бинго заводит речь о Кольце так, будто оно как-то связано со Всадниками, тогда как он явно задуман неспособным даже догадаться об их значении, и в черновиках нет и намёка на то, что Кольцо упоминалось до этого места. ↩ [broken link: #rn9_1]

ре).[2] Я никому больше не рассказывал, кроме Одо и Фродо — моих лучших друзей. Я старался быть для них тем же, чем был для меня Бильбо. Но даже им я не говорил о Кольце, пока несколько месяцев назад они не согласились идти со мной в это Путешествие. Они никому не скажут — хотя меж собой мы часто о нём толкуем. — Ну, что вы обо всём этом думаете? Вижу, вас распирает от тайн, но ни одной мне не угадать.

— Что ж, — сказал Эльф. — Я об этом знаю немного. Тебе надо как можно скорее найти Гэндальфа — думаю, идти следует в Ривенделл. Но я полагаю, что Владыка Кольца[3] тебя ищет.

— Это хорошо или плохо?

— Плохо, но насколько плохо — сказать не могу. Достаточно плохо, если он хочет лишь вернуть кольцо (что вряд ли); хуже, если он хочет платы; и совсем уж скверно, если он хочет заодно и тебя

---

[2] Примечания: 53

(в Шире): сперва мой отец написал «кроме Гэндальфа». Слова «(в Шире)», вероятно, означают именно это и не более: то есть никто, кроме Бильбо и Бинго, а вне Шира — только Гэндальф и всякий иной, кому Гэндальф мог бы рассказать. ↩ [broken link: #rn9_2]

[3] Примечания: 54

Это, по-видимому, первый случай употребления оборота The Lord of the Ring («Владыка Кольца», в единственном числе), а The Lord of the Rings («Владыка Колец») встречается ниже (примеч. 6). (The Lord of the Ring мой отец дал как заглавие новой книги в письме к Аллену энд Анвину от 31 августа 1938 года.) ↩ [broken link: #rn9_3]

(что весьма вероятно). Мы полагаем, что спустя многие годы он наконец-то прознал, что кольцо было у Бильбо. Отсюда и расспросы о Бэггинсе.[4] Но почему-то поиски Бэггинса не удались, а потом, должно быть, что-то открылось о тебе. Но по странной удаче ты, верно, задал своё угощение и исчез как раз тогда, когда они дознались, где ты живёшь. Ты сбил их со следа, но теперь они идут по нему горячо.

— Кто они?

— Слуги Владыки Кольца — [?те], кто прошёл сквозь Кольцо.

На этом лист кончается, и следующий лист не связан напрямую с предыдущим, но среди отцовских бумаг они лежали вместе, и на обоих он (позднее) надписал «О Кольцепризраках». Второй пассаж — тоже часть разговора, но нет указания, кто говорящий (кто бы то ни был, он явно обращается к Бинго). Написан он был с огромной скоростью, и разобрать его крайне трудно.

Да, если Кольцо одолеет тебя, ты сам стано-

---

[4] Примечания: 55

Отсюда и расспросы о Бэггинсе: в рукописных черновиках это не упомянуто, но см. машинописную версию, с. 54 и примеч. 9. Следующая фраза — «Но почему-то поиски Бэггинса не удались, а потом, должно быть, что-то открылось о тебе» — возможно, объясняет рассказ о том, что Фродо Тук встретил Чёрного Всадника на Северной Пустоши ещё прошлой весной (см. с. 71). ↩ [broken link: #rn9_4]

вишься навеки невидим — и это жуткое, холодное чувство. Всё делается очень смутным, как серые призрачные картины на чёрном фоне, в котором ты живёшь, но обонять ты можешь яснее, чем слышать или видеть.[5] Однако у тебя нет силы, как у Кольца, делать невидимым что-то ещё: ты — кольцепризрак. Одежду носить ты можешь. [> ты просто кольцепризрак, и одежда твоя видима, если только Владыка не одолжит тебе кольца.] Но ты под властью Владыки Колец.[6]

Полагаю, что один (или несколько) из этих Кольцепризраков был послан добыть кольцо у хоббитов.

В самой глубокой древности Владыка Колец наделал множество этих Колец и разослал их по миру, чтобы уловлять народы. Он рассылал их всякому люду — у Эльфов их было много, и ныне в мире немало эльфов-призраков, но Владыка Колец не может ими править; гоблинам досталось много, и невидимые гоблины весьма злы и всецело под Владыкой; у гномов, не верю, чтоб

---

[5] Примечания: 56

Сперва мой отец написал здесь, что и одежда того, кто сделался навеки невидимым, тоже становится невидимой, но отверг это утверждение, едва написав. ↩ [broken link: #rn9_5]

[6] Примечания: 57

Это, по-видимому, первое появление оборота The Lord of the Rings; см. примеч. 3. ↩ [broken link: #rn9_6]

были; иные говорят, на них кольца не действуют: слишком они твёрды. Людям досталось мало, но их одолевали быстрее всего и ..... Люди-призраки тоже слуги Владыки. Доставались кольца и иным созданиям. Помнишь ли рассказ Бильбо о Голлуме?[7] Мы не знаем, откуда взялся Голлум, — уж точно не эльф и не гоблин; вероятно, и не гном; мы скорее склонны думать, что он и впрямь из древнего рода хоббитов. Ибо кольцо для него и для тебя действует, кажется, совершенно одинаково. Давным-давно [?он принадлежал] .... к мудрому, ловкорукому и тихоногому маленькому семейству. Но он скрылся под землю, и, хотя кольцом он пользовался часто, Владыка, очевидно, потерял его след. Покуда Бильбо снова не вынес его на свет.

Конечно, и сам Голлум мог прослышать вести — после битвы все горы были полны ими — и попытаться вернуть кольцо или донести Владыке.

На этом рукопись обрывается. Здесь — первый проблеск ранней истории Голлума; намёк на то, как зародилась охота за Кольцом; и первый

---

[7] Примечания: 58

После этой фразы мой отец написал: «Голлум, думаю, какой-то дальний родич гоблинской породы». Поскольку это противоречит следующей фразе, оно было явно отвергнуто в самый миг написания; позднее он его вычеркнул. ↩ [broken link: #rn9_7]

набросок мысли о том, что Тёмный Владыка раздал Кольца народам Средиземья. Кольца дарили невидимость, и (по меньшей мере подразумевается) эта невидимость была связана с участью (или хотя бы с опасностью) для носителей Колец: они становятся «призраками», а в случае гоблинов и людей — слугами Тёмного Владыки.

И вот на некой весьма ранней стадии мой отец написал главу, без номера и заглавия, в которой использовал только что приведённый пассаж, и это первый черновик (части) того, что в конце концов стало главой 2, «Тень прошлого». Как я уже отметил, во втором из этих двух пассажей, помеченных «О Кольцепризраках», неясно, кто говорит. Это может быть Гилдор, или Гэндальф, или (что, пожалуй, вероятнее всего) ни тот ни другой, а некто неопределённый, но в любом случае, думаю, мой отец, работая над черновым текстом второй главы, решил, что не станет заставлять Гилдора обсуждать эти материи с Бинго (как тот, несомненно, делает в первом из этих «кольцепризрачных» пассажей, с. 74), а приберёжёт их для наставлений Гэндальфа, — и что это и было отправной точкой главы, которую я теперь привожу и в которой, как я сказал, он использовал второй «кольцепризрачный» пассаж. Сразу

ли он написал этот текст, прежде чем перейти к третьей главе (IV в этой книге), сказать, кажется, невозможно, но то, что упомянут Мармадюк, показывает, что он предшествовал главе «В доме Тома Бомбадила», где впервые появляются «Мериадок» и «Мерри». Это, во всяком случае, удобное место, чтобы его поместить.

Впоследствии мой отец называл его «предисловием» (см. с. 224), и ясно, что он был написан как возможное новое начало книги, в котором Гэндальф в Бэг-Энде, незадолго до Угощения, рассказывает Бинго кое-что об истории и природе его Кольца, о грозящей ему опасности и о необходимости покинуть дом. Сочинён он был очень быстро и читается с трудом. Я ввёл пунктуацию там, где нужно, и кое-где молча вставил необходимые связующие слова. Есть много карандашных изменений и добавлений, которые здесь оставлены без внимания, ибо они предвосхищают позднейшую версию главы, но изменения, относящиеся ко времени сочинения, приняты в текст. Заглавия нет.

Однажды, давным-давно, двое сидели и беседовали в небольшой комнате. Один был кудесник, другой — хоббит, а комната была гостиной уютной и хорошо обставленной хоббитской норы,

известной как Бэг-Энд, Андерхилл, на окраине Хоббитона, посреди Шира. Кудесник был, разумеется, Гэндальф, и выглядел он почти таким же, как всегда, хотя девяносто с лишним лет[8] минуло с тех пор, как он в последний раз входил в историю, которую ныне помнят. Хоббит был Бинго Болджер-Бэггинс, племянник (а на деле троюродный брат) старого Бильбо Бэггинса и его приёмный наследник. Бильбо тихо исчез много лет назад, но в Хоббитоне его не забыли.

Бинго, конечно, постоянно думал о нём, и когда Гэндальф навещал его, разговор обычно возвращался к Бильбо. Гэндальф давненько не бывал в Хоббитоне: с тех пор как Бильбо исчез, его посещения сделались реже и тайнее. Народ Хоббитона на деле не видел его — во всяком случае, не примечал — много лет: он тихо подходил к двери Бэг-Энда в сумерках и входил без стука, и лишь Бинго (да один-два ближайших друга) знали, что он был в Шире. В этот вечер он проскользнул, как обычно, и Бинго был более обыкновенного рад его видеть. Ибо он был встревожен и хотел

---

[8] Примечания: 59
девяносто лет с лишком: см. с. 31–33. ↩ [broken link: #rn9_8]

объяснений и совета.[9] Они теперь говорили о Бильбо, о его исчезновении и в особенности о Кольце (которое тот оставил Бинго) — и о неких странных знамениях и предвестиях беды, назревающей после долгого времени мира и покоя.[10]

— Всё это очень странно — и крайне тревожно, а по правде и страшно, — сказал Бинго.

Гэндальф сидел в высоком кресле и курил, а Бинго подле его ног примостился на табурете, грея руки у небольшого костерка, словно ему было зябко, хотя на деле вечер для этой поры года был довольно тёплый [надписано сверху: в конце августа].[11] Гэндальф хмыкнул — звук мог означать «вполне согласен, но тут ничего не поделаешь» или же «что за глупость ты сказал». Настало долгое молчание.

---

[9] Примечания: 60

Нигде в этом тексте «тревога» Бинго более не поминается, и совет, которого он просит, всецело основан на том, что́ ему теперь рассказывает Гэндальф и что́ для него, очевидно, совершенно ново. Нет и дальнейших отсылок к «странным знакам и предвестьям зреющей беды», о которых сказано в следующей фразе, ни объяснения замечанию Гэндальфа (с. 81), что «Голлум, весьма вероятно, и есть начало нынешней нашей беды». ↩ [broken link: #rn9_9]

[10] Примечания: 61

На этом кончается первая страница рукописи. Вверху второй страницы мой отец надписал карандашом: «Gandalf and Bingo discuss Rings and Gollum» (Гэндальф и Бинго обсуждают Кольца и Голлума), и «Draft: Later used in Chapter II» (Черновик: позднее использовано в Главе II), и перенумеровал страницы (прежде не нумерованные) греческими буквами, начав с этого места. Так первая страница оказалась пропущена.

Но эти карандашные пометки явно сделаны много позже, и, на мой взгляд, они не бросают тени сомнения на то, что начальный раздел есть неотъемлемая часть текста. Возможно, когда-то он отделился и затерялся, но среди бумаг он лежал вместе с остальными. ↩ [broken link: #rn9_10]

[11] Примечания: 62

Слух об Угощении — решённом между Гэндальфом и Бинго в конце этого текста — начал расходиться в начале сентября (с. 30). ↩ [broken link: #rn9_11]

— Давно ли ты всё это знаешь? — спросил наконец Бинго. — И говорил ли ты когда-нибудь об этом с Бильбо?

— Многое я угадал сразу, — ответил Гэндальф медленно, словно роясь в памяти. Уже и ему дни путешествия, Дракона и Битвы Пяти Воинств начинали казаться далёкими — в почти легендарном прошлом. Быть может, даже он наконец начинал чуть-чуть ощущать свой возраст; да и в любом случае немало тёмных и диковинных приключений выпало ему с тех пор. — Многое я угадал, — сказал он, — но вскоре узнал больше, ибо побывал, как Бильбо, может, тебе и говорил, в земле Некроманта.[12] — На миг голос его сошёл до шёпота. — Но я знал, что с Бильбо всё ладно, — продолжал он. — Бильбо был в безопасности, ибо та сила была над ним невластна — так я думал, и был отчасти прав (хоть и не вполне). Я, конечно, приглядывал за ним и за ним — за кольцом, — но,

---

[12] Примечания: 63

В «Хоббите» (глава I) Гэндальф рассказал Торину в Бэг-Энде, что нашёл его отца Траина «в подземельях Некроманта». В «Повести Лет» (ВК, Приложение B) это, второе посещение Гэндальфом Дол Гулдура, состоялось в 2850 году, за сорок лет до рождения Бильбо; именно тогда он «убедился, что владыка её и впрямь Саурон» (ср. FR, с. 263). Но здесь смысл явно в том, что Гэндальф отправился в землю Некроманта уже после того, как Бильбо завладел Кольцом. Позднее мой отец изменил текст карандашом так: «ибо я ещё раз вернулся в землю Некроманта». ↩ [broken link: #rn9_12]

быть может, недостаточно тщательно.

— Уверен, ты старался как мог, — сказал Бинго, желая его утешить. — О дражайший и лучший друг нашего дома, да не оскудеет вовек твоя борода! Но, должно быть, это был немалый удар — когда Бильбо исчез.

— Вовсе нет, — сказал Гэндальф, вдруг возвращаясь к обычному своему тону. Он выпустил большую струю дыма с негодующим «пфф», и она свилась вокруг его головы, как облако на вершине горы. — Это меня не тревожило. С Бильбо всё в порядке. Это ты и все эти прочие милые, глупенькие, очаровательные, безмозглые, беспомощные хоббиты — вот кто меня заботит! Это был бы смертельный удар, если бы тёмная сила одолела Шир, и все эти весёлые, жадные, бестолковые Болджеры, Бэггинсы, Брендибаки, Хорнблауэры, Праудфуты и кто там ещё обратились в Призраков.

Бинго содрогнулся.

— Но с чего бы нам? — спросил он. — И зачем Владыке такие слуги, и какое всё это имеет отношение ко мне и к Кольцу?

— Это единственное оставшееся Кольцо, — сказал Гэндальф. — И хоббиты — единственный народ, из которого Владыка ещё никого не под-

чинил.

— В[13] древние дни тёмный владыка наделал множество Колец и раздавал их щедро, чтобы они разошлись по свету и уловляли народ. У эльфов их было много, и ныне в мире немало эльфов-призраков; у гоблинов было сколько-то, и призраки их весьма злы и всецело под властью Владыки. У гномов, говорят, было семь, но ничто не могло сделать их невидимыми. В них кольца лишь раздували пламя жадности, и в основании каждой из семи сокровищниц древних Гномов лежало золотое кольцо. Так Властелин и правил ими. Но сокровищницы эти разрушены, и драконы их пожрали, и кольца расплавлены — так, по крайней мере, иные говорят.[14] У людей было три кольца, а другие они находили в тайных местах, брошенные эльфами-призраками: люди-призраки — слуги Владыки, и они принесли ему все свои кольца обратно; пока наконец он не собрал в свои руки всё, что не было уничтожено огнём, — всё, кроме одного.

— Оно упало с руки эльфа, когда тот переплывал

---

[13] Примечания: 64

Здесь использован более ранний черновик о Кольцах: см. с. 75. ↩ [broken link: #rn9_13]

[14] Примечания: 65

См. FR, с. 60, и ВК, Приложение А, с. 357–358. ↩ [broken link: #rn9_14]

реку, и оно предало его, ибо он бежал от погони в древних войнах, и сделался видим врагам, и гоблины убили его.[15] Но рыба схватила кольцо и преисполнилась безумия, и поплыла вверх по течению, перепрыгивая через камни и водопады, пока не выбросилась на берег, не выплюнула кольцо и не издохла.

— Давным-давно жило у берега того потока мудрое, ловкорукое и тихоногое маленькое семейство.[16] Думаю, они были хоббитского рода или сродни праотцам праотцев хоббитов. Самого любопытного и пытливого в том семействе звали Дигол. Его занимали корни и начала; он нырял в глубокие омуты, рылся под деревьями и растениями, прокапывался в зелёные курганы и перестал глядеть вверх — на цветы, вершины холмов и птиц в вышине: голова и глаза его были опущены долу. Кольцо он нашёл в речном иле под корнями тернового куста; и надел его; и когда вернулся домой, никто из семейства не видел его, пока он носил кольцо. Он был рад своей на-

---

[15] Примечания: 66

Это первый зародыш истории о гибели Исилдура. ↩ [broken link: #rn9_15]

[16] Примечания: 67

Это тоже почерпнуто из текста, упомянутого в примеч. 13. ↩ [broken link: #rn9_16]

ходке и скрыл её, и пользовался кольцом, чтобы выведывать тайны, и обращал своё знание во зло, и сделался остроглазым и чутким ко всему недоброму. Неудивительно, что он стал весьма нелюбим и что вся родня сторонилась его (когда он был видим). Они пинали его, а он кусал их за ноги. Он начал бормотать себе под нос и булькать горлом. Потому его и прозвали Голлумом, и прокляли, и велели убираться подальше. Он скитался в одиночестве вверх по течению и ловил рыбу пальцами в глубоких омутах и ел её сырой. Однажды было очень жарко, и, склонившись над омутом, он почувствовал жжение на затылке, а слепящий свет от воды резал ему глаза. Он подивился, ибо почти забыл о солнце; и в последний раз поднял взгляд и погрозил ему кулаком, но, опуская глаза, увидел далеко впереди вершины Мглистых гор. И он подумал вдруг: „Под теми горами было бы прохладно и тенисто. Солнцу меня там нипочём не сыскать. А корни тех пиков — вот уж корни так корни; там, верно, погребены великие тайны, не открытые с начала времён“. И он двинулся ночью к горам, и нашёл нору, из которой вытекал ручей; и ввинтился внутрь, как червь, в самое сердце холмов, и исчез из всякого ведома. И кольцо ушло во тьму вместе с ним,

и даже Властелин потерял его. Но всякий раз, как он пересчитывал свои кольца, помимо семи колец, которыми владели и которые утратили Гномы, недоставало ещё одного.

— Голлум! — сказал Бинго. — Ты о том самом Голлуме, которого встретил Бильбо? Так вот его история? Как ужасно и печально. Мне противно думать, что он был связан с хоббитами, пусть и столь отдалённо.

— Но это же ясно следовало из собственного рассказа Бильбо, — сказал Гэндальф. — Только это и объясняет события — или отчасти объясняет. На задворках ума и памяти у обоих было очень много схожего — они понимали друг друга, право (если вдуматься), лучше, чем хоббиты когда-либо понимали гномов, эльфов или гоблинов.

— И всё же Голлум, должно быть, был — или есть — много старше старейшего хоббита, что когда-либо жил в поле или норе, — сказал Бинго.

— Это всё Кольцо, — сказал Гэндальф. — Конечно, долгая жизнь, что даёт Кольцо, — жизнь незавидная: скорее растянутая, нежели продолжающийся рост, — этакое истончение и истончение. Страшно изнурительно, Бинго, а в конце концов и мучительно. Даже Голлум под конец стал это чувствовать — чувствовать, что

не в силах больше терпеть, и смутно понимать причину муки. Он даже вознамерился от него избавиться. Но был слишком полон злобы. Если хочешь знать, я думаю, он начал было строить план, на исполнение которого у него уже не хватило духу. Открывать было больше нечего; не оставалось ничего, кроме тьмы, нечего делать, кроме как холодно есть и горестно вспоминать. Ему хотелось ускользнуть, оставить горы и вдохнуть вольный воздух, даже если это убьёт его, — как он, верно, и думал. Но это означало бы оставить Кольцо. А это нелегко. Чем дольше оно у тебя, тем труднее. Голлуму было особенно тяжело, ведь Кольцо было у него целые века, и оно язвило его, и он ненавидел его, и хотел, когда уже невмоготу станет держать его, передать другому, кому оно стало бы бременем, — [?привязав] себя как благословение и обернувшись проклятием.[17] Это, по правде, лучший способ избавиться от его власти.

— Так почему бы не отдать его гоблинам? — спросил Бинго.

— Не думаю, чтобы Голлум счёл это достаточно

---

[17] Примечания: 68

Эта фраза в первоначальном виде кончалась так: «и ему хотелось передать его кому-то другому». Именно к ней относится следующая фраза. ↩ [broken link: #rn9_17]

забавным, — сказал Гэндальф. — Гоблины и так уже столь мерзки и жалки, что тратить на них злобу было пустым делом. К тому же трудно было бы ускользнуть от охотников, если в придачу окажется ещё и невидимый гоблин. Но, полагаю, в конце концов он мог бы подбросить его им на пути (если бы набрался духу хоть что-то сделать); кабы не нежданное появление Бильбо. Помнишь, как он удивился. Но едва начались загадки, в уме его сложился план — или сложился наполовину. Смею думать, его старые дурные привычки взяли бы верх над решимостью, и он съел бы Бильбо, окажись это легко. Но был меч, помнишь. В душе, мнится мне, он никогда всерьёз и не надеялся улучить случай съесть Бильбо.

— Но он же так и не дал Бильбо кольца, — сказал Бинго. — Оно у Бильбо уже было!

— Знаю, — сказал Гэндальф. — Потому я и сказал, что родословная Голлума объясняет события лишь отчасти. За всем этим стояло, конечно, нечто куда более таинственное — нечто совершенно вне власти самого Владыки Колец, присущее лишь Бильбо и его великому Приключению. Над этими кольцами тяготел странный рок, и особенно над [?этим] одним. Они время от времени терялись и всплывали в странных местах.

Это уже однажды коварно ускользнуло от своего хозяина. Ускользнуло и от Голлума. Вот почему я так долго позволял Бильбо хранить кольцо.[18] Но сейчас я пытаюсь объяснить Голлума.

— Понимаю, — сказал Бинго с сомнением. — Но знаешь ли ты, что было после?

— Не очень ясно, — сказал Гэндальф. — Кое-что я слышал, а большее могу угадать. Думаю, наверняка Голлум под конец узнал, что Бильбо как-то заполучил Кольцо. Возможно, он скоро об этом догадался. Но в любом случае весть о позднейших событиях разошлась по всему Глухоманью и далеко за его пределы — на Восток, Запад, Юг и Север. Горы полнились шёпотами и слухами; и этого Голлуму хватило бы для размышлений.[19] Так или иначе, говорят, что Голлум покинул горы — ибо гоблинов там стало очень мало, а глубинные места — темнее и пустыннее прежнего, и власть кольца его оставила. Он, верно, чувствовал себя старым, очень старым, но менее

---

[18] Примечания: 69

Отрывок, начинающийся словами «Была какая-то чудна́я судьба», был добавлением, а слова «Вот почему я так долго позволял Бильбо хранить кольцо» отсылают к фразе, оканчивающейся «…особым для Бильбо и его великого Приключения». ↩ [broken link: #rn9_18]

[19] Примечания: 70

Ср. черновой отрывок, приведённый на с. 75: «Конечно, и сам Голлум мог прослышать вести — после битвы все горы были полны ими — и попытаться вернуть кольцо». ↩ [broken link: #rn9_19]

робким. Однако не думаю, чтобы он стал менее злобен. О том, что сталось с ним потом, вестей нет. Конечно, весьма вероятно, что ветер и сама тень солнечного света довольно скоро его прикончили. Но возможно, что и нет. Он был хитёр. Он мог укрываться от дневного и лунного света, пока медленно не привыкнет. У меня, по правде, есть ужасное подозрение, что он мало-помалу, крадучись, пробрался к тёмной башне, к Некроманту, Владыке Колец. Думаю, Голлум весьма вероятно и есть начало нашей нынешней беды; и что через него Владыка прознал, где искать это последнее, самое драгоценное и самое могучее из своих Колец.

— Какая жалость, что Бильбо не заколол эту мерзкую тварь, когда прощался, — сказал Бинго…

— Какой вздор ты порой несёшь, Бинго, — сказал Гэндальф. — Жалость! Это жалость его удержала. И он не мог бы этого сделать, не совершив дурного. Это было против правил. Сделай он так — у него не было бы кольца, кольцо завладело бы им тотчас. Он мог бы на месте стать призраком.

— Конечно, конечно, — сказал Бинго. — Что за вещи говорить о Бильбо. Милый старый Бильбо!

Но зачем он хранил эту штуку — или зачем ты ему позволял? Разве ты его не предостерегал?

— Предостерегал, — сказал Гэндальф. — Но даже над Бильбо оно имело некоторую власть. Чувство… Ему нравилось хранить его как памятку. Скажем честно — он продолжал гордиться своим Великим Приключением, и взглянуть порой на кольцо грело ему память и заставляло чувствовать себя самую малость героем. Но он, так или иначе, едва ли мог совладать с собой: если поразмыслить, избавиться от Кольца, раз уж оно у тебя, на деле вовсе не так просто.

— Почему? — спросил Бинго, поразмыслив. — Его можно отдать, выбросить или уничтожить.

— Да, — сказал Гэндальф, — или его можно отдать в руки Властелину. То есть если ты желаешь служить ему, и пасть в его власть, и весьма умножить его могущество.

— Но никто не пожелал бы такого, — сказал Бинго в ужасе.

— Никто из тех, кого ты способен вообразить, быть может, — ответил Гэндальф. — И уж точно не Бильбо. Вот что было ему трудно. Он не смел выбросить его, чтобы оно не попало в злые руки, не было употреблено во зло и не нашло путь обратно к Властелину, причинив много бед. По той

же причине он не отдал бы его дурным людям, а добрым — или тем, кого знал и кому доверял, — не отдал бы, потому что не желал обременять их им раньше, чем будет вынужден. И уничтожить его он не мог.

— Почему?

— А как бы ты его уничтожил? Ты пробовал когда-нибудь?

— Нет, но, полагаю, его можно расплющить, или расплавить, или то и другое.

— Попробуй, — сказал Гэндальф, — и узнаешь то, что Бильбо узнал давным-давно.

Бинго вынул Кольцо из внутреннего кармана и поглядел на него. Оно было гладкое и простое, без узора, герба или руны, но было оно золотое, и, пока он глядел, Бинго почудилось, что цвет его густ и прекрасен, а округлость совершенна. Оно было дивно хорошо и всецело драгоценно. Он было подумал бросить его в жаркие угли костра. И обнаружил, что не может сделать этого без борьбы. Он взвесил Кольцо в руке, а затем усилием воли сделал движение, будто бросая его в огонь, но обнаружил, что сунул его обратно в карман.

Гэндальф рассмеялся.

— Видишь? Ты всегда смотрел на него как на великое сокровище и наследие от Бильбо. Теперь

тебе не так-то легко от него избавиться. Хотя, по правде, даже если бы ты отнёс его на наковальню и собрал бы довольно воли, чтобы ударить тяжёлым молотом, ты не оставил бы на нём и вмятины. Твой костерок, понятно, даже если ты всю ночь будешь раздувать его мехами, едва ли расплавит хоть сколько-то золота. Но и старый Адам Хорнблауэр, кузнец, что дальше по дороге, не расплавил бы его в своём горне. Говорят, расплавить их может лишь драконий огонь, — но не легенда ли это, и остались ли ныне драконы, в которых древний огонь достаточно жарок? Сдаётся мне, тебе пришлось бы сыскать одну из Расселин Земли в глубинах Огненной Горы и обронить его в Тайный Огонь, если бы ты и вправду захотел его уничтожить.[20]

— После всех твоих речей, — сказал Бинго, полусерьёзно и полу в притворной досаде, — мне и впрямь хочется его уничтожить. Не возьму в толк, как Бильбо столько лет с ним мирился, если знал так много, — а ведь он порой им пользовался и подшучивал над ним при мне.

— Единственное, что стоит делать с такими опасными сокровищами, какими одаряет тебя

---

[20] Примечания: 71

Первое упоминание Огненной Горы и Расселин Земли в её недрах. ↩ [broken link: #rn9_20]

Приключение, — это относиться к ним легко, — сказал Гэндальф. — Бильбо после возвращения ни разу не пользовался кольцом всерьёз. Он знал, что дело это слишком серьёзное. И думаю, он хорошо тебя выучил — после того как избрал тебя наследником из всех хоббитов своей родни.

Снова настало долгое молчание; Гэндальф попыхивал трубкой с видимым довольством, хотя из-под век его глаза пристально следили за Бинго. Бинго глядел на красные угли, что начинали тлеть, когда свет угасал и комната медленно темнела. Он думал о баснословных Расселинах Земли и об ужасе Огненной Горы.

— Ну? — сказал наконец Гэндальф. — О чём ты думаешь? Строишь ли какие планы, осеняют ли тебя мысли?

— Нет, — сказал Бинго, приходя в себя и с удивлением обнаруживая, что сидит в темноте. — Или, пожалуй, да! Насколько я могу судить, мне придётся покинуть Хоббитон, покинуть Шир, оставить всё, и уйти, и увести опасность за собой. Я должен как-то спасти Шир, хотя бывали времена, когда я считал его слишком глупым и пресным и воображал, что большой взрыв или нашествие драконов пошли бы ему на пользу! Но теперь я так не чувствую. Я чувствую, что, покуда Шир

лежит позади, в безопасности и уюте, скитания и приключения будут мне сносны. Буду знать, что где-то есть опора, даже если самому мне больше никогда на неё не встать. Но, полагаю, идти мне придётся одному. Я чувствую себя, знаешь ли, совсем крохотным, и совершенно вырванным с корнем, и, ну, напуганным, надо думать. Помоги мне, Гэндальф, лучший из друзей.

— Выше нос, Бинго, мой мальчик, — сказал Гэндальф, бросая в огонь два небольших поленца и раздувая его ртом. Дерево тотчас вспыхнуло и наполнило комнату пляшущим светом. — Нет, не думаю, что тебе нужно или должно идти одному. Почему бы не попросить троих лучших друзей, не упросить их, не приказать им (если придётся) — я о тех троих, единственных троих, кому ты (быть может, неосторожно, но, быть может, и с мудрым выбором) рассказал о своём тайном Кольце: Одо, Фродо и Мармадюке [надписано сверху: Мериадоке]. Но идти надо быстро — и обрати это в шутку, Бинго, в шутку, в огромную шутку, в звонкую потеху. Не будь мрачен и серьёзен. Шутки и впрямь по твоей части. Вот что́ нравилось в тебе Бильбо (среди прочего), коли хочешь знать.

— И куда мы пойдём, и по чему будем держать путь, и в чём будет наш поиск? — спросил Бинго

без тени улыбки или проблеска шутки. — Когда огромная шутка кончится — что тогда?

— Покуда не имею понятия, — сказал Гэндальф вполне серьёзно, к великому удивлению и смятению Бинго. — Но это будет полная противоположность приключению Бильбо — для начала, во всяком случае. Ты пустишься в путь без всякого известного места назначения; и насколько у тебя вообще будет цель, она будет не в том, чтобы добыть новое сокровище, а в том, чтобы избавиться от сокровища, которое принадлежит (можно сказать) неизбежно тебе. Но и тронуться нельзя, не пойдя на Восток, Запад, Юг или Север; и какую сторону нам избрать? К опасности — и всё же не слишком опрометчиво и не слишком прямо к ней. Иди на Восток. Да, да, вот оно. Держи путь сперва в Ривенделл, а там посмотрим. Да, тогда и посмотрим. Право, я уже начинаю видеть!

Вдруг Гэндальф принялся посмеиваться. Он потёр свои длинные узловатые руки и хрустнул суставами пальцев. Он подался к Бинго.

— Я придумал шутку, — сказал он. — Так, грубый набросок — а ты пустишь в ход свой потешный ум.

И борода его заходила взад-вперёд, пока он долго шептал что-то Бинго на ухо. Костёр снова

прогорел — но вдруг в темноте раздался нежданный звук. Бинго покатывался со смеху.

Видно, что часть «голлумовского» пласта «Тени прошлого» (глава 2 в FR) была достигнута сразу и в значительной мере — пусть даже Дигол (позднее Деагол) здесь сам Голлум, а не его друг, которого тот убил; пусть Гэндальф никогда его не видел (и потому никак не объясняется, откуда он знает его историю, которая по самой природе своей могла быть почерпнута лишь из собственных слов Голлума); и пусть лишь предположительно сказано, что он в конце концов ушёл к Тёмному Владыке.

Важно понять, что, когда мой отец это писал, он работал в рамках истории, как она была впервые рассказана в «Хоббите». Как «Хоббит» появился впервые и как было вплоть до 1951 года, история гласила, что Голлум, повстречав Бильбо на краю подземного озера, предложил игру в загадки на таких условиях: «Если прелесть спросит, а оно не ответит, мы его съедим, моя прелесссть. Если оно спросит нас, а мы не ответим, мы дадим ему подарочек, голлум!» Когда Бильбо выиграл состязание, Голлум сдержал обещание и поплыл в своей лодочке обратно на островок посреди озера за своим сокровищем — кольцом, которое должно было стать его подарком Бильбо. Найти

его он не смог, ибо Бильбо держал кольцо в кармане, и, вернувшись к Бильбо, без конца просил прощения: «Он всё повторял: „Мы ссожалеем; мы не хотели сжульничать, мы хотели отдать ему наш единственный подарочек, если оно выиграет состязание“». — «„Неважно! — сказал он [Бильбо]. — Кольцо было бы теперь моим, если бы ты его нашёл; так что ты всё равно бы его лишился. И я отпущу тебя на одном условии“. — „Да, на каком? Чего оно от нас хочет, моя прелесть?“ — „Помоги мне выбраться отсюда“, — сказал Бильбо». И Голлум помог; и Бильбо «простился с гадким, жалким созданием». На пути вверх по туннелям Бильбо надел кольцо, и Голлум тотчас потерял его из виду, так что Бильбо убедился: кольцо таково, как ему и говорил Голлум, — оно делает невидимым.

Вот почему в нынешнем тексте Гэндальф говорит: «Я уверен, что в конце концов Голлум узнал, что кольцо досталось Бильбо», и вот почему мой отец заставил Гэндальфа развить мысль о том, что Голлум и впрямь готов был отдать кольцо: «ему хотелось… передать его кому-то другому… Думаю, он в конце концов мог бы подбросить его [гоблинам] на пути… если бы не нежданное появление Бильбо… едва начались загадки, в уме

его сложился замысел». Всё это тщательно продумано в соотнесении с текстом «Хоббита», каким он тогда был, чтобы снять грозную трудность: если Кольцо такого свойства, каким мой отец его теперь замыслил, как мог Голлум всерьёз намереваться отдать его незнакомцу, выигравшему состязание в загадках? — а первоначальный текст «Хоббита» не оставлял сомнений, что таково и было его настоящее намерение. Но любопытно заметить, что замечания Гэндальфа о родстве умов Голлума и Бильбо, которые сохранились в FR (с. 63–64), изначально возникли именно в этом контексте — чтобы объяснить, отчего Голлум готов был расстаться со своим сокровищем.

Обращаясь к тому, что рассказано о Кольцах в этом тексте: первоначальная мысль (с. 75) о том, что у Эльфов было много Колец и что в мире было много «эльфов-призраков», ещё налицо, но оборота «Владыка Колец не может ими править» уже нет. Гномы же, о которых сперва было сказано, что у них вовсе не было Колец, теперь имеют семь, каждое — основание одного из «семи кладов Гномов»; входит и их особый отклик на растлевающую силу Колец (хотя это уже предвосхищено в первом грубом черновике на эту тему: «иные говорят, на них кольца не действуют: слишком

они твёрды»). У Людей, о которых сперва сказано, что Колец у них было «мало», теперь их три — но «иные они находили в тайных местах, брошенные эльфами-призраками» (тем самым допуская больше трёх Чёрных Всадников). Однако главного замысла — Правящего Кольца — ещё нет, хотя оно, так сказать, уже ждало за кулисами: ведь сказано, что Кольцо Голлума было не только единственным, что не вернулось к Тёмному Владыке (помимо утраченных Гномами), — оно было «самым драгоценным и могучим из его Колец» (с. 81). Но в чём состояла его особая мощь, нам не сказано; не узнаём мы здесь и большего о связи между невидимостью, даруемой Кольцами, мучительным долголетием (которое теперь появляется впервые) и угасанием их носителей до «призраков».

Сильно подчёркнут и тот стержень нравственной воли, что потребен обладателю Кольца, дабы противиться его силе. Это видно в совете Гэндальфа Бильбо в первоначальном черновике (с. 74): «не пользуйся им во вред, или чтобы выведать чужие тайны, и уж конечно не для воровства или чего похуже. Ибо оно может взять над тобой верх», и ещё прямее — в его упрёке Бинго, который сказал, что жаль, что Бильбо не убил

Голлума: «Он не мог так поступить, не совершив зла. Это было против правил. А поступи он так — кольца у него бы не было: кольцо тотчас завладело бы им» (с. 81). Этот стержень остаётся в FR (с. 68–69), но выражен осторожнее: «Знай же, что он принял от зла так мало вреда и в конце концов спасся именно потому, что так начал своё владение Кольцом».

Глава 4. К ФЕРМЕ МЭГГОТА И В БАКЛЕНД

Третья из первоначальных последовательных глав сохранилась в полном виде лишь в машинописи, где она несёт номер «III», но не имеет заглавия; есть, однако, и неполные, очень грубые рукописные черновики, которые в машинописи были восполнены и улучшены, но по существу оставлены без изменений. Ближе к концу машинопись обрывается (примеч. 16) — не внизу страницы, — и остаток главы дан в рукописи; для этой части тоже существует черновой набросок.

Я снова привожу текст полностью, ибо в этой главе первоначальное повествование далеко отстояло от того, что в конце концов пошло в печать. Последующая правка была здесь весьма незначительна. Я принимаю в текст несколько рукописных изменений, которые, как мне кажется, по всей вероятности, одновременны с изготовлением машинописи.

Конец главы соответствует главе 5 FR «Раскрытый заговор»; на этой стадии никакого заговора не было.

III

Утром Бинго проснулся освежённым. Он лежал в беседке, образованной живым деревом, чьи ветви сплелись и склонились до самой земли; ложе его было из папоротника и травы — глубокое, мягкое и странно благоуханное. Сквозь трепещущие листья, ещё зелёные на дереве, светило солнце. Он вскочил и вышел.

Одо и Фродо сидели на траве у опушки леса; эльфов не было и следа.

— Они оставили нам плоды, питьё и хлеб, — сказал Одо. — Иди завтракать! Хлеб почти так же хорош, как вчера вечером.

Бинго подсел к ним.

— Ну что? — спросил Одо. — Выведал что-нибудь?

— Нет, ничего, — сказал Бинго. — Одни намёки да загадки. Но насколько я их понял, выходит, что Гилдор думает так: Всадников несколько; они охотятся за мной; они теперь и впереди, и позади, и по обе стороны от нас; назад идти бесполезно (по крайней мере, мне); нам надо как можно скорее добираться до Ривенделла, и если мы застанем там Гэндальфа — тем лучше; и что путь туда выйдет волнующий и опасный.

— Это, по-моему, куда больше, чем «ничего»,

— сказал Одо. — А как же насчёт принюхивания?

— Об этом мы не говорили, — отозвался Бинго с набитым ртом.

— А надо бы, — сказал Одо. — Я уверен, это очень важно.

— В таком случае Гилдор уж точно ничего бы мне не сказал. Зато он сказал, что вам, пожалуй, стоит пойти со мной. Я понял так, что за вами всадники не охотятся и что вы им скорее помеха.

— Великолепно! Одо и Фродо приставлены опекать дядюшку Бинго. Не дадут его обнюхать.

— Ладно! — сказал Бинго. — С этим решено. А как насчёт способа продвижения?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Одо. — Будем прыгать, скакать, бежать, ползти на брюхе или просто шагать с песней?

— Вот именно. И пойдём ли мы дорогой или рискнём срезать напрямик? Со временем выбора нет: идти надо засветло, потому что Мармадюк ждёт нас нынче вечером. Да и выйти надо как можно скорее: мы заспались, а впереди ещё добрых восемнадцать миль.

— Это ты заспался, — сказал Одо. — Мы-то давно на ногах.

До сих пор Фродо молчал. Он глядел поверх верхушек деревьев на восток. Теперь он повер-

нулся к ним.

— Я за то, чтобы идти напрямик, — сказал он. — Земля между здешними местами и Рекой не такая уж дикая. Нетрудно будет наметить направление, прежде чем мы сойдём с этого холма, и держаться его. Бакленд почти точно на юго-востоке от Вудхолла[1], вон там, среди деревьев. Мы изрядно срежем угол, потому что дорога уходит влево — кусок её виден вон там — а потом, ближе к Реке, заворачивает на юг.[2] Мы могли бы выйти на неё выше Бакленда, прежде чем по-настоящему стемнеет.

— Кратчайший путь — долгая задержка, — сказал Одо, — и я не вижу, чем Всадник на дороге хуже, чем в лесу.

— Тем, что в лесу он, верно, не так хорошо уви-

---

[1] Примечания: 72

На первый взгляд озадачивает, что Фродо говорит, будто «Бакленд почти точно на юго-востоке от Вудхолла», и тут же ниже — что они могли бы снова выйти на дорогу «выше Бакленда», поскольку дальше в этой главе (с. 100) Бакленд описан как «густо населённая полоса между Рекой и Старым Лесом», защищённая Изгородью миль сорока длиной, — область явно слишком обширная, чтобы говорить о ней «почти точно на юго-востоке от Вудхолла». Объяснение, однако, должно быть в том, что мой отец по ходу главы изменил значение имени Бакленд. Сперва Бакленд был местом, деревней, а не областью (при первом своём появлении оно заменило Bury Underwood, которое, в свою очередь, заменило Wood Eaton, с. 35, примеч. 5), и таким он оставался и здесь, но дальше в главе возникла деревня Баклбери-у-Реки (с. 92), и Бакленд стал тогда именем земли Брендибаков за Рекой. См. примеч. 5 и заметку о карте Шира, с. 107. ↩ [broken link: #rn10_1]

[2] Примечания: 73
См. заметку о карте Шира, с. 107. ↩ [broken link: #rn10_2]

дит и не сможет скакать так быстро, — сказал Бинго. — Я тоже за то, чтобы сойти с дороги.

— Ладно! — сказал Одо. — Пойду за вами в любое болото и канаву. Вы оба не лучше Мармадюка. Видно, меня перевесят трое против одного вместо двух, когда мы его подберём, — если вообще подберём.

Солнце снова припекало, но с запада начинали наползать тучи. Похоже было, что пойдёт дождь, если уляжется ветер. Хоббиты скатились по крутому зелёному откосу и нырнули в деревья внизу. Линию они взяли так, чтобы оставить Вудхолл по левую руку; прямо перед ними был довольно густой лес, хотя сверху казалось, что через милю-другую местность становится более открытой. Подлеска было много, и шли они не слишком споро. У подножия склона они набрели на ручей, бежавший в глубоко промытом русле с крутыми скользкими берегами, нависшими ежевикой. Перепрыгнуть не удавалось, и оставалось либо вернуться и взять новую линию, либо свернуть влево и идти вдоль ручья, пока не станет легче его перейти. Одо оглянулся. Сквозь деревья виден был верх откоса, спускавшегося с той зелёной высоты, которую они только что покинули.

— Гляньте! — сказал он, хватая Бинго за руку.

На вершине склона сидел на коне чёрный всадник; он словно покачивался из стороны в сторону, будто обводя взглядом всю землю к востоку.

Хоббиты отбросили всякую мысль о возвращении и быстро и бесшумно нырнули в самые густые кусты у ручья. В ложбине их отрезало от западного ветра, и очень скоро им стало жарко и тяжко. Кусты, ежевика, неровная земля и собственная поклажа — всё, что могло, держало их.

— Уф! — сказал Бинго. — Обе стороны были правы! Короткий путь вышел кривым, но под укрытие мы успели как раз вовремя. У тебя самый острый слух, Фродо. Слышишь — слышишь что-нибудь позади?

Они остановились, поглядели и прислушались, но не было ни знака, ни звука погони. Они снова двинулись, пока берега ручья не понизились, а русло не сделалось широким и мелким. Перейдя его вброд, они поспешили в лес на другом берегу, уже не вполне уверенные в направлении. Тропинок не было, но земля была довольно ровной и открытой. Кругом стоял высокий молодой дубняк вперемешку с ясенем и вязом, так что далеко видно не было. Листва вскидывалась вверх под внезапными порывами, и начали падать капли дождя; потом ветер стих, и дождь полил ровно.

Они быстро брели сквозь густую листву, а вокруг дождь барабанил и струился; они не разговаривали, но всё поглядывали по сторонам, а иногда и назад. Примерно через час Фродо сказал:

— Не взяли ли мы слишком к югу и не идём ли вдоль этого леса в длину? Сверху он казался узкой полосой, и мы, я бы думал, уже должны были его пересечь.

— Теперь нет смысла пускаться зигзагами, — сказал Бинго. — Пойдём дальше. Тучи, кажется, расходятся, и скоро мы, может, снова поймаем спасительный проблеск солнца.

Он был прав. Пройдя ещё милю, они увидели, как солнце блеснуло из рваных туч, и стало ясно, что они и впрямь забрали слишком к югу. Они подались немного влево, но вскоре решили — столько же по чутью, сколько по солнцу, — что пора устроить полуденный привал и поесть.

Дождь ещё перепадал, так что они уселись под вязом, чья листва была ещё густой, хоть и быстро желтела. Оказалось, что эльфы наполнили их фляги каким-то прозрачным золотистым питьём: оно скорее пахло, чем отдавало вкусом мёда из множества цветов, и чудесно освежало. Трапеза вышла весёлой, и вскоре они уже смеялись и

щёлкали пальцами в сторону дождя и чёрных всадников. Следующие несколько миль, чувствовали они, скоро останутся позади. Привалившись спиной к стволу, Одо тихонько запел про себя:

Ho! ho! ho! To my bottle I go
To heal my heart and drown my woe.
Rain may fall and wind may blow,
And many miles be still to go,
But under the elm-tree I will lie
And let the clouds go sailing by!

Хо! хо! хо! Я к бутылке иду —
сердце лечить, топить беду.
Пусть хлещет дождь и ветер свистит,
и долгий путь впереди лежит, —
а я под вязом разлягусь, друзья,
и пусть себе тучи плывут без меня!

Хо! хо! хо!———

Так и не узнать, был ли следующий куплет лучше первого, ибо как раз в это мгновение раздался звук, похожий на чих или на принюхивание. Песню свою Одо так и не докончил. Звук повторился: нюх, нюх, нюх; казалось, он совсем близко. Они вскочили на ноги и быстро огляделись, но

нигде поблизости от их дерева ничего не было видно.[3]

У Одо пропало всякое желание лежать и глядеть на плывущие тучи. Он первым уложился и был готов трогаться. Через несколько минут после последнего «нюх» они уже снова шли как могли быстро. Лес вскоре кончился, но особой радости им это не доставило, ибо земля сделалась мягкой и топкой, а хоббиты (даже в Путешествии) не любят грязи и глины на ногах. Снова сияло солнце, и вдали от деревьев им было и слишком жарко, и слишком открыто чужому глазу. Далеко позади осталась теперь та зелёная высота, где они завтракали; всякий раз, оглядываясь на неё, они ждали увидеть на фоне неба далёкую фигуру всадника. Но никто не появлялся; и по мере того как они шли, земля вокруг становилась всё более ручной. Пошли изгороди, ворота и дренажные канавы; всё выглядело тихо и мирно — самый обыкновенный уголок Шира.

— Кажется, я узна́ю эти поля, — сказал вдруг Фродо. — Они принадлежат старому фермеру

---

[3] Примечания: 74

Наспех набросанная карандашом пометка на машинописи здесь гласит: «Sound of hoofs going by not far off» («Звук копыт, проходящих невдалеке»). См. с. 287. ↩ [broken link: #rn10_3]

Мэгготу[4], если я только не заплутал вконец. Где-то поблизости должен быть просёлок, что ведёт от его двора на дорогу, мили на две выше Бакленда.[5]

— Он живёт в норе или в доме? — спросил Одо, не знавший этих краёв.

Любопытная была черта у хоббитов тех дней — что это различие считалось важным. Все хоббиты, разумеется, изначально жили в норах, но теперь, как правило, так жили лишь самые знатные и самые бедные. Знатные хоббиты обитали в роскошных подобиях простых нор былых времён; однако места для по-настоящему хороших хоббичьих нор находились не везде. Даже в Хоббитоне, одной из самых значительных деревень, были дома. Их особенно жаловали фермеры, мельники, кузнецы, плотники и тому подобный люд. Считалось, что обычай строить дома пошёл у хоббитов лесистых приречных краёв, где земля

---

[4] Примечания: 75

Maggot позднее было вычеркнуто карандашом и заменено на Puddifoot, но лишь в этом одном месте. На самой ранней карте Шира (см. с. 107) ферма помечена чернилами Puddifoot, изменённым карандашом на Maggot. Паддифуты из Стока упомянуты в FR, с. 101. ↩ [broken link: #rn10_4]

[5] Примечания: 76

Здесь Бакленд снова означает деревню (см. примеч. 1), но Баклбери появляется чуть позже (с. 92), причём имя это вписано поверх подчищенного. ↩ [broken link: #rn10_5]

была тяжёлой и сырой и не имела ни добрых холмов, ни удобных откосов. Там стали делать искусственные норы из грязи (а позже из кирпича), крытые соломой в подражание природной траве. Было это давным-давно, на самой кромке истории, но дома всё ещё считались новшеством. Беднейшие хоббиты по-прежнему жили в норах самого древнего пошиба — попросту в норах, с одним лишь оконцем, а то и вовсе без них.[6] Но Одо думал не о хоббичьей истории. Ему просто хотелось знать, где искать ферму. Если бы фермер Мэггот жил в норе, где-нибудь поблизости была бы возвышенность, но земля впереди выглядела совершенно плоской.

— Он живёт в доме, — ответил Фродо. — Нор в этих краях очень мало. Говорят, дома здесь и придумали. У Брендибаков, конечно, есть та их огромная нора в Баклбери, в высоком берегу за Рекой, но большинство их народа живёт в домах. Тут полно этих новомодных кирпичных домов — в своём роде неплохих, пожалуй; хотя глядятся они очень голо, если понимаешь, о чём я: ни приличного дернового покрова, всё нагое и костлявое.

---

[6] Примечания: 77

Суть этого отрывка о хоббичьих норах и хоббичьих домах была впоследствии помещена в Пролог. См. далее с. 294, 312. ↩ [broken link: #rn10_6]

— Это ж надо — лезть по лестнице наверх, чтобы лечь спать! — сказал Одо. — По мне, так это куда как неудобно. Хоббиты ведь не птицы.

— Не знаю, — сказал Бинго. — Это не так худо, как кажется; хотя сам я не люблю глядеть из верхних окон — слегка кружится голова. Есть дома в три яруса, спальни над спальнями. Я как-то давным-давно ночевал в таком, на каникулах; ветер всю ночь не давал мне уснуть.

— Вот незадача, если тебе нужен платок или ещё что внизу, а он, оказывается, наверху, — сказал Одо.

— Можно держать платки и внизу, коли пожелаешь, — сказал Фродо.

— Можно, да только не верю я, чтоб кто-нибудь так делал.

— Это не вина домов, — сказал Бинго, — это просто дурь хоббитов, что в них живут. Старые предания рассказывают, что Мудрые Эльфы строили высокие башни, и по своим длинным лестницам всходили лишь тогда, когда хотели петь или глядеть из окон на небо, а может, и на море. Всё они держали внизу или в глубоких залах, вырытых под пятой башен. Мне всегда думалось, что мысль о строительстве пошла во многом от Эльфов, хоть мы и пользуемся ею со-

всем иначе. Когда-то на земле далеко к западу, за окраиной Шира, стояли три эльфийские башни. Я однажды их видел. Они белели в свете Луны. Самая высокая стояла дальше всех, одиноко на холме. Сказывали, что с вершины той башни видно море, но не верю я, чтобы какой-нибудь хоббит на неё взбирался.[7] Если я когда-нибудь и поселюсь в доме, то всё, что нужно, буду держать внизу и подниматься только тогда, когда мне ничего не нужно, а может, стану ужинать наверху, в темноте, звёздной ночью.

— И таскать тарелки да прочее вниз, если только не скатишься со всей лестницы разом, — рассмеялся Одо.

— Нет! — сказал Бинго. — Тарелки и миски у меня будут деревянные, и я стану выбрасывать их в окно. Вокруг дома у меня будет густая трава.

— Но ужин-то тебе всё равно придётся тащить наверх, — сказал Одо.

— Ну тогда, пожалуй, не стану я ужинать на-

---

[7] Примечания: 78

Башни, выстроенные на западных побережьях Средиземья изгнанниками Нуменора, упомянуты во второй версии «Падения Нуменора» (V. 28, 30). — Суть этого отрывка тоже была впоследствии помещена в Пролог (см. примеч. 6), и там башни также названы «Эльфийскими башнями». Ср. «О Кольцах Власти» в «Сильмариллионе», с. 292: «Сказано, что башни Эмин Берайд были возведены не изгнанниками Нуменора, но воздвигнуты Гил-галадом для Элендиля, друга его». ↩ [broken link: #rn10_7]

верху, — сказал Бинго. — Это была просто мысль. Вряд ли я когда-нибудь вообще буду жить в доме. Сдаётся мне, что я стану просто бродячим нищим.

Этот весьма по-хоббичьи разговор тянулся ещё какое-то время. Он показывает, что всем троим снова делалось вполне уютно, по мере того как они возвращались в ручную и знакомую землю. Но даже незримое принюхивание не могло надолго омрачить дух этих превосходных и на редкость склонных к приключениям хоббитов — ни в какой земле.

Беседуя, они упорно шагали вперёд. Было уже за полдень, когда впереди и слева они увидели крышу дома, выглядывавшую из купы деревьев.

— Вот ферма Мэггота! — сказал Фродо.

— Думаю, мы её обойдём, — сказал Бинго, — и выйдем на просёлок с дальней стороны дома. Я ведь будто бы исчез, и мне не хотелось бы, чтоб меня видели крадущимся в сторону Бакленда — даже доброму фермеру Мэгготу.

Они пошли дальше, оставив усадьбу слева, скрытую в деревьях за несколько полей. Вдруг сквозь прореху в изгороди выскочил небольшой пёс и с лаем кинулся к ним.

— Сюда! Сюда! Джип! Джип! — раздался голос.

Бинго надел кольцо. Спрятаться остальным было уже некогда. Над низкой изгородью показалось большое круглое хоббичье лицо.

— Эгей! Эгей! И кто же вы такие, и что поделываете? — спросил он.

— Добрый вечер, фермер Мэггот! — сказал Фродо. — Да просто пара Туков, издалека́ вон оттуда, и худого, надеюсь, не делаем.

— Ну-ка, дайте поглядеть — вы, верно, будете мистер Фродо Тук, сын мистера Фолко Тука, коли я не обмишулился (а я редко мишулюсь: на лица память у меня редкостная). Вы гащивали у молодого мистера Мармадюка. Всякий друг мистера Мармадюка Брендибака — желанный гость. Уж простите, что говорил резко, пока вас не признал. К нам сюда порой заходит чудной народ. Слишком близко к реке, — сказал он, мотнув головой назад. — Тут всего час назад крутился очень чудной гость. Оттого я и вышел с псом.

— Какой такой гость? — спросил Фродо.

— Чудной гость, и задавал чудны́е вопросы, — сказал фермер Мэггот, качая головой. — Пойдёмте-ка ко мне в дом, выпьем, и потолкуем о новостях поудобнее, коли вы с приятелем не против, мистер Тук.

Было ясно, что фермер Мэггот выложит новости

только в своё время и на своём месте, и они смекнули, что дело может быть любопытным; так что Фродо и Одо пошли с ним. Пёс остался позади и, к досаде Бинго, прыгал и вертелся вокруг него.

— Что это стряслось с псом? — сказал фермер, оглянувшись. — Сюда, Джип! К ноге! — позвал он.

К облегчению Бинго, пёс послушался, хотя один раз обернулся и гавкнул.

— Да что с тобой такое? — проворчал фермер Мэггот. — Видать, нынче бродит что-то неладное. Джип чуть с ума не сошёл, когда тот чужак заявился, а теперь — будто видит или чует что-то, чего и нет вовсе.

Они вошли в кухню фермера и сели у широкого очага. Миссис Мэггот принесла им пиво в больших глиняных кружках. Варево было доброе, и Одо поймал себя на желании, чтобы они заночевали в этом доме.

— Слыхал я, в Хоббитоне знатно погуляли, — сказал фермер Мэггот. — Фейерверки и всё такое, и этот вот мистер Болджер-Бэггинс исчез, раздав всё своё добро. Чуднее ничего на своём веку не слыхивал. Видать, это всё оттого, что жил он с тем мистером Бильбо Бэггинсом. Матушка моя, бывало, чудны́е про него сказывала, когда я был

мальчишкой: не то чтоб он казался не очень-то приятным господином. Я мальцом не раз видывал, как он бродил в наших краях, и тот мистер Бинго с ним. Мы тут им интересуемся, потому как он из наших — наполовину Брендибак, так сказать. Мы и не думали, что выйдет что доброе из того, что он перебрался в Хоббитон, а народ там малость чудной, уж простите. Запамятовал, что вы сами из тех краёв.

— Да чудно́го народу в Хоббитоне хватает — и в Туколенде, — сказал Фродо. — Мы не в обиде. Но мистера Бинго мы знаем, то есть знали, очень хорошо. Не думаю, чтоб с ним приключилось худое. Угощение и впрямь вышло на диво, и не вижу, чтоб кому было на что жаловаться.

И он дал фермеру полный и забавный отчёт обо всём, что было, чем тот остался сильно доволен. Он притопывал ногами и хлопал себя по ляжкам, требовал ещё пива и заставил их пересказать большую часть истории своей жене, особенно про фейерверки. Ни тот, ни другой из Мэгготов фейерверков отродясь не видывали.

— Должно, на это любо-дорого поглядеть, — сказал фермер.

— Мне драконов не надо! — сказала миссис Мэггот. — А вот на том ужине я бы побывала охотно.

Будем надеяться, старый мистер Рори Брендибак переймёт эту мысль и закатит угощение в наших краях к своему следующему дню рождения. — А что, вы говорите, сталось с мистером Болджером-Бэггинсом? — спросила она, оборачиваясь к Фродо.

— Ну… э-э… ну, он исчез, знаете ли, — сказал Фродо. Ему почудилось, будто где-то совсем рядом с его ухом прошелестел призрак смешка, но он не был уверен.

— Вот-вот — это мне напомнило! — сказал фермер Мэггот. — Знаете, что сказал тот чудной гость?

— Что? — разом спросили Одо и Фродо.

— Ну, въезжает он в ворота и к самой двери на большом вороном коне; и сам весь чёрный, в плаще и капюшоне, будто не хочет, чтоб его признали. «Батюшки! — говорю я себе. — Вот один из Большого Народа! И что ему понадобилось в Шире?» Большого Народа мы тут видим немного, хоть они и переходят порой Реку, но про таких, как этот чёрный малый, я и не слыхивал. «Добрый вам день, — говорю. — Просёлок этот дальше не идёт, и куда б вы ни ехали, скорее всего вам — назад на дорогу». Не понравился мне его вид, и когда вышел Джип, тот разок принюхался и

взвыл, будто его укусили; поджал хвост и с воем дал стрекача.

— «Я приехал вон оттуда», — ответил он, этак чопорно и медленно, тыча назад на запад, через мои поля, в сторону Вудхолла. «Не видали ль вы ми-стера Бол-джера Бэг-гинса?» — спросил он чудны́м голосом и склонился ко мне, но лица я разглядеть не мог, так низко падал капюшон. По спине у меня будто мороз пробежал, но я не взял в толк, с чего бы ему так нагло разъезжать по моей земле. «Убирайся! — говорю. — Мистер Болджер-Бэггинс пропал, исчез, коли тебе угодно: сгинул в синюю даль, и можешь катиться за ним следом!»

— Тут он этак зашипел, вроде как осердился и опешил разом, сдаётся мне, и пришпорил своего громадного коня прямо на меня. Я стоял у ворот, да отскочил живо-проворно, а он проскакал в них и понёсся по просёлку как полоумный. Что вы на это скажете?

— Не знаю, что и думать, — сказал Фродо.

— Ну а я скажу вам, что думать, — сказал фермер. — Этот вот мистер Бинго впутался в какую-то беду и нарочно исчез. Ясное дело, есть народ, которому страх как охота его сыскать. Помяните моё слово — всё это пойдёт от каких-нибудь делишек старого мистера Бильбо. Сидел бы при Болджере

и не приставал бы к Бэггинсам. Чудной народ в этом Хоббитоне, не прогневайтесь. Это Бэггинсы втравили его в беду, помяните моё слово!

— Это, право, мысль, — сказал Фродо. — Очень любопытно то, что вы рассказываете. А прежде вы, верно, никого из этих — э-э — чёрных малых не видывали?

— Не припомню, — сказал фермер Мэггот, — и больше видеть не желаю. Ну, надеюсь, вы с приятелем останетесь да перекусите и выпьете со мной и с женой.

— Большое спасибо! — с сожалением сказал Одо. — Но боюсь, нам пора идти.

— Да, — сказал Фродо, — нам ещё порядочно идти до ночи, и мы, право, и так слишком засиделись. Но всё равно вы очень добры.

— Что ж! За ваше здоровье и удачу! — сказал фермер, потянувшись за своей кружкой. Но в этот самый миг кружка покинула стол, поднялась, наклонилась в воздухе, а затем вернулась пустой на своё место.

— Спаси и сохрани! — вскричал фермер, вскакивая. — Видали? Ну и денёк, ничего не скажешь. Сперва пёс, а теперь я сам вижу то, чего нет.

— О, я кружку тоже видел, — сказал Одо, не сумев скрыть ухмылки.

— Видали, стало быть! — сказал фермер. — Не вижу повода зубоскалить. — Он быстро и странно поглядел на Одо и Фродо и теперь, кажется, был только рад, что они уходят. Они простились вежливо, но наспех, сбежали со ступеней и вышли за ворота. Фермер Мэггот с женой стояли у дверей, перешёптываясь, и глядели им вслед, пока те не скрылись.

— Зачем тебе понадобилось откалывать эту дурацкую шутку? — сказал Одо, когда ферма осталась далеко позади. — Старик ведь сослужил тебе добрую службу с тем Всадником, или так мне показалось.

— Пожалуй, — раздался голос у него за спиной. — Но и ты сослужил мне довольно скверную службу, забравшись внутрь пить да болтать, а меня оставив на холоде. Мне досталось всего полкружки. А теперь мы запоздали. Заставлю-ка я вас после этого порысить.

— Покажи-ка нам, как рысят! — сказал Одо.

Бинго тотчас снова возник и понёсся по просёлку как мог быстро. Остальные поспешили за ним.

— Гляньте! — сказал Фродо, указывая в сторону.

Вдоль края просёлка, в грязи, размешанной

дневным дождём, виднелись глубокие следы копыт.

— Неважно! — сказал Бинго. — Из слов старого Мэггота мы и так знали, что он проехал этой дорогой. Тут уж ничего не поделаешь. Идёмте!

В просёлке им никто не встретился. День угасал, и солнце село в низкие тучи у них за спиной. Свет уже мерк, когда они дошли до конца просёлка и наконец снова вышли на дорогу.[8] Делалось прохладно, и тонкие пряди тумана выползали на поля. Сумерки были промозглые.

— Неплохо, — сказал Фродо. — Отсюда до переправы напротив Баклбери четыре мили. Доберёмся прежде, чем совсем стемнеет.

Теперь они свернули вправо по дороге, что бежала здесь совсем прямо, неуклонно приближаясь к Реке. На пути не было ни следа других путников. Вскоре впереди и слева, за смутной чередой призрачных ив по берегам реки, где дальний берег вздымался едва ли не в низкий холм, они различили огни.

— Вот и Баклбери! — сказал Фродо.

---

[8] Примечания: 79

снова вышли на дорогу: это, конечно, та самая дорога, по которой они шли изначально, «дорога на Бакленд»; в ту пору ещё не было насыпной дороги, что шла бы к югу от Брендивайнского Моста по западному берегу реки (и не было деревни Сток). ↩ [broken link: #rn10_8]

— Слава богу! — сказал Одо. — Ноги у меня сбиты, липкие и устали от грязи. Да и холодает. — Он угодил в лужу и поднял фонтан грязной воды. — Тьфу ты! — сказал он. — С меня нынешней ходьбы почти что довольно. Как думаете, есть ли надежда на баню сегодня?

И, не дожидаясь ответа, он вдруг затянул хоббичью банную песню:

O Water warm and water hot!
O Water boiled in pan and pot!
O Water blue and water green,
O Water silver-clear and clean,
Of bath I sing my song!

О, вода тепла и горяча!
О, вода, в горшке и котле журча!
О, вода — голуба и зелена,
О, серебром светла и чиста,
Про ванну пою я песнь!

O praise the steam expectant nose!
O bless the tub my weary toes!
O happy fingers come and play!
O arms and legs, you here may stay,

And wallow warm and long!

Хвала желанному пару — нос!
Усталым перстам — благо лохани!
Резвитесь, пальцы, в счастливой игре!
О руки и ноги, останьтесь здесь,
Барахтайтесь долго в тепле!

Put mire away! Forget the clay!
Shut out the night! Wash off the day!
In water lapping chin and knees,
In water kind now lie at ease,
Until the dinner gong!

Прочь слякоть! Забудь про глину и грязь!
Замкни эту ночь! Смой день долой!
В воде, что плещет подбородок и колени,
В воде, что добра, разлягусь без лени,
Покуда не грянет гонг!

— Право, мог бы и подождать, пока окажешься в ванне! — сказал Фродо.

— Предупреждаю, — добавил Бинго, — что мыться будешь последним, не то недолго тебе

барахтаться.

— Ну ладно, — сказал Одо, — только я предупреждаю: если пойдёшь первым, не вздумай вылакать всю горячую воду, не то утоплю тебя в твоей же ванне. Мне нужна баня горячая и чистая.

— Может, и вовсе не достанется, — сказал Бинго. — Не знаю, что устроил Мармадюк и где мы ночуем. Бань я не заказывал, а если они и будут, то, сдаётся мне, последние на долгий срок.

Разговор их увял. Они и вправду уже изрядно устали и брели, опустив подбородки и упёршись взглядом в собственные носки. Они порядком вздрогнули, когда вдруг сзади голос крикнул: «Эй!» А затем грянул громкой песней:

As I was sitting by the way,
I saw three hobbits walking:
One was dumb with naught to say,
The others were not talking.

Сидел я при дороге, глядь —
бредут три хоббита рядком:
один не знал, что и сказать,
а двое шли молчком.

‘Good night!’ I said. ‘Good night to you!’

They heeded not my greeting:
One was deaf like the other two.
It was a merry meeting!

«Доброй ночи! — молвил я. — И вам!»
Но не вняли мне в ответ:
все трое глухи, как и сам.
Вот так весёлый был привет!

— Мармадюк! — вскричал Бинго, обернувшись. — Откуда ты взялся?

— Вы прошли мимо меня, а я сидел у обочины, — сказал Мармадюк. — Видно, мне стоило лечь поперёк дороги, да только вы бы по мне прошлись и весело потопали дальше.

— Мы устали, — сказал Бинго.

— Оно и видно. Говорил же я, что устанете, — а вы напыжились да заважничали. «Пони? Тьфу! — сказал ты. — Так, размять ноги, пока не началось настоящее дело».

— Вышло так, что пони бы всё равно не больно помогли, — сказал Бинго. — У нас были приключения. — Он вдруг осёкся и оглядел тёмную дорогу из конца в конец. — Расскажем после.

— Помилуй! — сказал Мармадюк. — Но как же это подло с вашей стороны! Нельзя пускаться

в приключения без меня. И что это ты высматриваешь? Тут что, разгуливают большие злые кролики?

— Не будь таким Мармадючьим вот так сразу! В конце дня мне этого не вынести, — сказал Одо. — Дай-ка нам сойти с ног и поесть, а потом услышишь рассказ. Можно мне баню?

— Что? — сказал Мармадюк. — Баню? Да это снова собьёт тебя с тренировки. Баню! Дивлюсь я такому вопросу. А ну, выше подбородки и за мной!

В нескольких шагах дальше был поворот налево. Они спустились по тропинке, опрятной и ухоженной, окаймлённой большими белыми камнями. Она быстро вывела их на берег реки. Там была пристань, довольно большая, на несколько лодок. Её белые столбики мерцали в сумраке. Туман в полях начинал подниматься почти вровень с изгородями, но вода перед ними была темна, лишь несколько серых завитков, точно пар, курилось среди камышей по краям. Река Брендивайн текла медленно и широко. На другом берегу два фонаря мигали на другой пристани, от которой множество ступеней поднималось на высокий берег. За нею вздымался низкий холм, и из него, сквозь редкие пряди тумана, светило

множество круглых хоббичьих окон, красных и жёлтых. То были огни Брендихолла, древнего жилища Брендибаков.

Давным-давно Брендибаки перешли Реку (изначальную границу Шира с этой стороны), привлечённые высоким берегом и более сухой холмистой землёй за ним. Но семейство их (одно из старейших хоббичьих семейств) росло и росло, пока Брендихолл не занял весь низкий холм и не обзавёлся тремя большими парадными дверями, несколькими задними и по меньшей мере полусотней окон. Тогда Брендибаки и их многочисленные домочадцы принялись рыть, а позже и строить во все стороны. Так возникла деревня Баклбери-у-Реки. Изрядная часть земли на западном берегу реки всё ещё принадлежала семейству, почти до самого Вудхолла, но большинство собственно Брендибаков жило в Бакленде — густо населённой полосе между Рекой и Старым Лесом, своего рода колонии старого Шира.

Народ старого Шира, разумеется, рассказывал о баклендцах чудны́е байки, но на деле баклендцы были хоббиты, и не так уж сильно отличались от прочих хоббитов Севера, Юга или Запада — кроме одной черты: они любили лодки, и иные

из них умели плавать. К тому же с востока их не защищало ничего, кроме изгороди, ИЗГОРОДИ. Её насадили в незапамятные времена. Теперь она тянулась большою дугой от Брендивайнского Моста до Хейсенда, дальше всего отходя от Реки за Баклбери, — миль сорок из конца в конец.[9] Она была густой и высокой, и за нею постоянно ухаживали. Но, конечно, защитой она была не полной. Баклендцы запирали двери на замок, что тоже было в Шире не в обычае.

Мармадюк помог друзьям сесть в небольшую лодку, стоявшую у пристани. Затем отдал чалку и, взявшись за пару вёсел, погрёб через реку. Фродо и Бинго и прежде часто бывали в Бакленде. Мать Бинго была из Брендибаков. Мармадюк приходился Фродо двоюродным братом, ибо его мать Иоланда была сестрой Фолко Тука, а Фолко был отцом Фродо. Так что Мармадюк был Тук плюс Брендибак, а это обыкновенно давало живую смесь.[10] Но Одо так далеко на восток ещё не

---

[9] Примечания: 80

В FR (с. 109) расстояние — «добрых двадцать с лишком миль из конца в конец». См. с. 298. ↩ [broken link: #rn10_9]

[10] Примечания: 81

Эта родословная была впоследствии, разумеется, вовсе оставлена, но мать Мериадока (Мармадюка) осталась из Туков (Эсмеральда, вышедшая за Сарадока Брендибака, прозванного «Scattergold», «Сорящий золотом»). ↩ [broken link: #rn10_10]

забирался. Странное чувство охватило его, когда они пересекали медленную безмолвную реку, — будто он наконец тронулся по-настоящему в путь, будто переходит границу и оставляет прежнюю жизнь на другом берегу.

Они тихо вышли из лодки. Мармадюк привязывал её, когда Фродо вдруг прошептал:

— Слушайте, оглянитесь! Видите что-нибудь?

На покинутой ими пристани им померещился тёмный чёрный свёрток, сидящий в сумраке, — он словно вглядывался или вынюхивал, поводя туда-сюда над землёй, по которой они ступали.

— Что это там, во имя Шира? — сказал Мармадюк.

— Наше Приключение, которое мы оставили на том берегу, — или хотя бы надеюсь на это, — сказал Бинго. — Кони могут переправиться через Реку?

— При чём тут кони? Переправиться-то, верно, могут, коли умеют плавать, но я никогда не видел, чтоб они это здесь делали. Есть же мосты. Но при чём тут кони?

— Очень даже при чём! — сказал Бинго. — Но пойдёмте отсюда!

Он взял Мармадюка под руку и поспешно повёл его вверх по ступеням на тропу над пристанью.

Фродо оглянулся, но дальний берег уже заволокло туманом, и больше ничего не было видно.

— Куда ты ведёшь нас на ночь? — спросил Одо. — Не в Брендихолл?

— Уж конечно нет! — сказал Мармадюк. — Там не протолкнуться. Да и вы, я думал, хотите остаться в тайне. Я веду вас в славный домик на дальней стороне Баклбери. Это, увы, ещё на милю дальше, зато там уютно и в стороне от всех. Не думаю, чтоб нас кто-нибудь заметил. Тебе сейчас не захотелось бы повстречать старого Рори, Бинго! Он всё ещё рвёт и мечет из-за твоего поведения. С ним скверно обошлись на постоялом дворе в Байуотере в ночь угощения (там набилось ещё больше народу, чем в Брендихолле), а потом по дороге домой у него сломалась повозка, на холме над Вудхоллом, и в этих бедах он тоже винит тебя.

— Видеть его не хочу и не больно-то забочусь, что он говорит или думает, — сказал Бинго. — Я хотел выбраться из Шира незамеченным, просто чтобы довершить шутку, но теперь у меня есть и другие причины держаться в тайне. Поспешим.

Наконец они подошли к низенькому одноэтажному домику. Это была постройка старого образца, как можно более похожая на хоббичью нору: с круглой дверью, круглыми окнами и

низкой округлой дерновой крышей. К нему вела узкая зелёная тропинка, и окружала его лужайка зелёной травы, по краю которой росли густые кусты. Огней в нём не было видно.

Мармадюк отпер дверь, и свет приветливо хлынул наружу. Они быстро скользнули внутрь и затворили за собой и свет, и себя. Они оказались в просторной прихожей, из которой открывалось несколько дверей.

— Вот мы и пришли! — сказал Мармадюк. — Недурное местечко. Мы часто пользуемся им для гостей, благо Брендихолл так ужасающе набит Брендибаками. Я потихоньку приготовил его за последние день-два.

— Молодчина! — сказал Бинго. — Мне было страх как жаль, что тебе пришлось пропустить тот ужин.

— Мне тоже, — сказал Мармадюк. — А наслушавшись рассказов Рори и Мелиссы[11] (совершенно разных, но, полагаю, равно правдивых), я жалею ещё пуще. Зато я славно прокатился с

---

[11] Примечания: 82

Мелисса Брендибак появилась в четвёртой версии «Долгожданного угощения», где она плясала на столе с Просперо Туком (с. 38). ↩ [broken link: #rn10_11]

Гэндальфом, гномами и эльфами.[12] По пути мы встретили ещё эльфов,[13] и было дивное пение. Ничего подобного я прежде не слыхивал.

— Гэндальф не передавал мне вестей? — спросил Бинго.

— Нет, ничего особенного. Я спросил его, когда мы дошли до Брендивайнского Моста, не пойдёт ли он со мной обождать тебя, чтобы стать тебе провожатым и подмогой. Но он сказал, что спешит. Сказать по правде, если хочешь знать, он молвил так: «Бинго теперь достаточно взросл и достаточно глуп, чтобы малость позаботиться о себе сам».[14]

— Надеюсь, он прав, — сказал Бинго.

Хоббиты развесили плащи и палки и свалили поклажу на пол. Мармадюк прошёл вперёд и

---

[12] Примечания: 83

Бинго сказал Гилдору (с. 63), что Гэндальф «ушёл с гномами и ривенделльскими эльфами, едва кончился фейерверк». Это первое появление рассказа о том, что Мармадюк/Мериадок был в Хоббитоне, но рано оттуда уехал. ↩ [broken link: #rn10_12]

[13] Примечания: 84

По пути мы встретили ещё эльфов: это были эльфы из дружины Гилдора, которые, стало быть, уже знали об Угощении, когда Бинго, Фродо и Одо повстречали их (с. 68, примеч. 17). ↩ [broken link: #rn10_13]

[14] Примечания: 85

Ср. пометку, приведённую на с. 41: «Where is G[andalf] asks Odo — said I was old and foolish enough now to take care of myself said B.» («Где Г[эндальф], спрашивает Одо, — сказал, что я теперь достаточно взросл и глуп, чтобы позаботиться о себе сам, сказал Б.»). ↩ [broken link:

распахнул затворённую дверь. Оттуда вырвался отсвет огня и клуб пара.

— Баня! — вскричал Одо. — О благословенный Мармадюк!

— Кому в какую очередь: старшему первым или самому быстрому первым? Так и так ты будешь последним, Одо, — сказал Фродо.

— Ха-ха! — сказал Мармадюк. — За какого трактирщика вы меня держите? В той комнате три лохани, а ещё котёл над весёлой топкой, что, кажется, вот-вот закипит. Есть и полотенца, мыло, циновки, кувшины и всё прочее. Лезьте внутрь!

Все трое ринулись туда и затворили дверь. Мармадюк ушёл на кухню, и, пока хлопотал там, до него долетали обрывки соперничающих песен вперемешку с плеском и барахтаньем. Поверх всего вдруг взвился голос Одо, затянувшего напев:

Bless the water O my feet and toes!
Bless it O my ten fingers!
Bless the water, O Odo!
And praise the name of Marmaduke!

Славьте воду, о ноги мои и персты!
Славь её, о десяток пальцев моих!

Славь воду, о Одо!
И славь имя Мармадюка![15]

Мармадюк постучал в дверь.

— Скоро всё Баклбери прознает, что вы прибыли, — сказал он. — К тому же есть на свете и такая вещь, как ужин. Не могу же я долго жить одной хвалой.

Вышел Бинго.

— Ну и ну! — сказал Мармадюк, заглянув внутрь. Каменный пол был весь в лужах. Фродо обсыхал перед огнём, Одо всё ещё барахтался.

— Идём, Бинго! — сказал Мармадюк. — Начнём ужин, а их оставим!

Ужинали они на кухне, за столом у открытого огня. Вскоре подоспели и остальные. Одо явился последним, но быстро наверстал упущенное.

---

[15] Примечания: 86

Этот «напев» был исправлен на машинописи так:

Bless the water, O my feet and toes!
Praise the bath, O my ten fingers!
Bless the water, O my knees and shoulders!
Praise the bath, O my ribs, and rejoice!
Let Odo praise the house of Brandybuck,
And praise the name of Marmaduke for ever.
Славьте воду, о ноги мои и персты!
Славьте баню, о десять пальцев моих!
Славьте воду, о колени мои и плечи!

Славьте баню, о рёбра мои, и ликуйте!
Пусть славит Одо дом Брендибаков
и славит имя Мармадюка вовеки.

Эта новая версия принадлежит ко времени рукописной части в конце главы (примеч. 16). ↩ [broken link: #rn10_15]

Когда покончили с едой, Мармадюк отодвинул стол и придвинул стулья к огню.

— Приберёмся потом, — сказал он. — А теперь расскажи мне всё![16]

Бинго вытянул ноги и зевнул.

— Здесь так покойно, — сказал он, — и наше приключение как-то кажется довольно нелепым и не таким уж важным, как казалось там, снаружи. Но вот что было. Вчера за полдень нас нагнал сзади Чёрный Всадник (а кажется, будто неделю назад), и я уверен, он искал нас, или меня. После того он всё появлялся снова (всегда позади). Дайка вспомнить — да, всего мы видели его четыре раза, считая фигуру на пристани, и однажды слышали его коня,[17] и однажды нам почудилось, будто слышен лишь нюх.

— О чём ты толкуешь? — сказал Мармадюк. — Что такое чёрный всадник?

— Чёрная фигура на коне, — сказал Бинго. — Но я расскажу тебе всё по порядку.

---

[16] Примечания: 87

Здесь машинопись кончается, и остаток дан в рукописи; см. с. 109. ↩ [broken link: #rn10_16]

[17] Примечания: 88

и однажды слышали его коня: это отсылка к переделанному отрывку во второй главе, где рассказано, что Чёрный Всадник на миг остановил коня на дороге подле дерева, в котором сидели хоббиты (с. 55 и примеч. 11). ↩ [broken link: #rn10_17]

И он дал довольно складный отчёт об их путешествии, с редкими добавлениями и перебивками Фродо и Одо. Только Одо всё ещё твёрдо стоял на том, что почудившийся им нюх и впрямь был частью загадки.

— Я бы решил, что вы всё это сочинили, не повидай я нынче вечером ту чудну́ю тень, — сказал Мармадюк. — Что бы всё это значило, любопытно?

— Вот и мы о том же! — сказал Фродо. — Думаешь, есть что-нибудь в догадке фермера Мэггота, будто это как-то связано с Бильбо?

— Ну, это ведь всё равно лишь догадка, — сказал Бинго. — Я уверен, старый Мэггот ничего не знает. Я бы ждал, что эльфы мне скажут, будь у Всадников хоть что-то общее с приключениями Бильбо.

— Старый Мэггот малый довольно проницательный, — сказал Мармадюк. — За его круглым лицом кроется немало такого, что не выходит наружу в разговоре. Он одно время хаживал в Старый Лес и слыл человеком, который кое-что смыслит и в том, что за пределами Шира. Так или иначе, лучшей догадки у меня нет. Что вы намерены с этим делать?

— Делать нечего, — сказал Бинго, — кроме как

идти домой. Что мне-то затруднительно, ведь дома у меня теперь нет. Придётся просто идти дальше, как советовали эльфы. Но ты, конечно, можешь и не ходить.

— Конечно, пойду, — сказал Мармадюк. — Я пристал к затее просто потехи ради и уж точно теперь её не брошу. К тому же я вам понадоблюсь. Трое — компания, а четверо — и подавно. И если намёки эльфов означают то, что ты думаешь, Всадников по меньшей мере четверо, не считая незримого нюха и чёрного свёртка на пристани. Мой совет такой: давайте выйдем завтра ещё раньше, чем задумали, и поглядим, нельзя ли взять хорошую фору. Сдаётся мне, Всадникам придётся делать крюк к мостам, чтобы переправиться через Реку.

— Но нам ведь придётся идти почти тем же путём, — сказал Бинго. — Нам надо выйти на Восточную Дорогу у Брендивайнского Моста.

— Это не по мне, — сказал Мармадюк. — Думаю, дороги нам сейчас лучше избегать. Это пустая трата времени. Двигаясь к развилке у Моста, мы ведь, по сути, пошли бы обратно на запад. Надо срезать на северо-восток через Старый Лес. Я вас проведу.

— Да как же ты? — спросил Одо. — Ты что, бы-

вал там?

— О да, — сказал Мармадюк. — Все Брендибаки изредка туда захаживают, когда найдёт охота. Я часто хожу — только днём, конечно, когда лес тих и сонлив. Дорогу я всё же знаю. Если выйдем рано и поднажмём, к завтрашней ночи будем уже в безопасности, выбравшись из Леса. У меня припасены пять добрых пони — крепкие зверьки: не быстрые, конечно, но годные для долгого дневного перехода. Они стоят в сарае в полях за этим домом.

— Мне эта мысль совсем не по душе, — сказал Одо. — Я предпочёл бы встретить этих Всадников (раз уж нам суждено их встретить) на дороге, где есть надежда повстречать заодно и обыкновенных честных путников. Не люблю я лесов, и слыхал я чудны́е байки про Старый Лес. Сдаётся мне, Чёрным Всадникам там будет куда привольнее, чем нам.

— Зато мы, верно, выберемся из него прежде, чем они туда войдут, — сказал Мармадюк. — Да и вообще глупо, по-моему, затевая путешествие, полное приключений, начинать с того, чтобы пойти назад и трястись по скучной приречной дороге — на виду у всех бесчисленных хоббитов

Бакленда.[18] Может, ты ещё захочешь заглянуть в Холл и проститься со стариком Рори. Это было бы учтиво и пристойно, и он, чего доброго, одолжил бы тебе повозку.

— Так и знал, что ты предложишь какое-нибудь безрассудство, — сказал Одо. — Но спорить я больше не стану, если остальные согласны. Давайте голосовать — хотя я уверен, что останусь в одиночестве.

Так и вышло — хотя Бинго и Фродо не сразу решились.

— Ну вот! — сказал Одо. — Что я говорил нынче утром? Трое против одного! Что ж, остаётся лишь надеяться, что всё обойдётся.

— Раз уж решено, — сказал Мармадюк, — нам лучше лечь спать. Но сперва надо прибраться и уложить всё, что сумеем. Идёмте!

Прошло немало времени, прежде чем хоббиты покончили с уборкой, наведением порядка и укладкой припасов, нужных в дорогу. Наконец они улеглись — и спали в настоящих постелях (хоть и без простыней) в последний раз за много

---

[18] Примечания: 89

Это отсылка к дороге внутри Бакленда. Ср. с. 53: «обычный путь в Бакленд шёл по Восточной Дороге до слияния Водьи и реки Брендивайн, где был мост, а затем к югу вдоль Реки». ↩ [broken link: #rn10_18]

долгих дней.[19] Бинго долго не мог заснуть: ноги ныли. Он был рад, что утром поедет верхом. Наконец он провалился в смутный сон, в котором, чудилось ему, лежал под окном, что выходило на море спутанных деревьев, — а снаружи раздавалось сопение.

[19] Примечания: 90

Отсюда ясно, что мой отец ещё не предвидел захода хоббитов в дом Тома Бомбадила. ↩ [broken link: #rn10_19]

Заметка о карте Шира

Сохранилось четыре карты Шира, сделанные моим отцом, и две, сделанные мной, но лишь одна из них, думаю, может содержать слой, восходящий ко времени, когда писались эти главы (первые месяцы 1938 года). Здесь, впрочем, удобно дать кое-какие указания обо всех них.

I. Чрезвычайно грубая карта (воспроизведённая в качестве фронтисписа), складывавшаяся постепенно и исполненная карандашом и красными, синими и чёрными чернилами; простирается от Хоббитона на западе до Курганов на востоке. По замыслу своему это была первая, или по крайней мере первая из уцелевших. Иные черты сперва намечены карандашом, а затем обведены чернилами.

II. Карта в меньшем масштабе, бледным карандашом и синими и красными мелками, простирающаяся до Дальних Холмов на западе, но показывающая немногим более, чем русла дорог и рек.

III. Карта дорог и рек в большем масштабе, чем II, простирающаяся от Мичел-Делвинга на западе до Изгороди Бакленда, но без каких-либо назва-

ний (см. о карте V ниже).

IV. Карта в малом масштабе, простирающаяся от Зелёнохолмья до Бри, тщательно вычерченная чернилами и цветными мелками, но вскоре заброшенная и помечающая лишь немногие черты.

V. Подробная карта карандашом и цветными мелками, которую я сделал в 1943 году (см. с. 200) и в основу которой явно легла III (показывавшая лишь русла дорог и рек) и которой я близко следовал. Несомненно, III и была сделана моим отцом для этой цели.

VI. Карта, опубликованная в «Братстве Кольца»; её я сделал незадолго до выхода книги (то есть лет через десять после карты V).

В дальнейшем я рассматриваю лишь некоторые черты, возникающие по ходу этой главы.

«Бакленд почти точно на юго-востоке от Вудхолла» (с. 89). Бакленд и здесь был ещё именем деревни (см. примеч. 1 выше), Баклбери впервые появляется на с. 92. На карте I Баклбери и впрямь лежит на юго-востоке (или, строго говоря, на востоко-юго-востоке) от Вудхолла, но на карте II Переправа точно на востоке, а на III — на востоко-северо-востоке, откуда и изображение на моих картах V и VI. В первоначальном издании FR (с.

97) текст гласил здесь «Переправа на юго-востоке от Вудхолла», что было исправлено на «на востоке» в переработанном издании (второй завод 1967 года), когда мой отец заметил расхождение с опубликованной картой. Смещение это явно произошло непреднамеренно. (Между прочим, можно заметить, что все карты показывают Вудхолл на боковой дороге, том самом «просёлке», отходящем от дороги на Бакленд; см. с. 66, примеч. 10.)

«Дорога уходит влево… а потом, ближе к Реке, заворачивает на юг» (с. 89). Этот поворот к югу резко обозначен на карте I (и повторён на карте II), где дорога на Бакленд соединяется с насыпной дорогой выше деревни Сток (как говорит Фродо в FR, с. 97: «Она огибает северный край Болотища, чтобы выйти на насыпь от Моста выше Стока»). Ко времени написания этой главы насыпной дороги ещё не было (примеч. 8). Это ещё один случай, когда текст FR согласуется с картой I, но не с опубликованной картой (VI); в этом случае, однако, мой отец текста не исправил. На карте III дорога на Бакленд не «заворачивает на юг»: уйдя влево, или к северу (не доходя до Вудхолла), она тянется прямою линией прямо на восток, навстречу дороге от Моста. Этому я следовал на

своей карте V, но деревня Сток на III помечена не была, ибо та показывает лишь дороги и реки, и я поместил развилку прямо в деревне, а не к северу от неё. Хотя, как я ясно помню, карта V делалась в его кабинете и в беседе с ним, мой отец, должно быть, не заметил моей ошибки в этой точке. Опубликованная карта попросту следует V.

Здесь же можно отметить ещё одно. Мармадюк дважды (с. 100, 103) поминает «мосты» через Брендивайн, но ни одна из карт не показывает иного моста, кроме того, что нёс Восточную Дорогу, — Брендивайнского Моста.

Письмо моего отца к Стэнли Анвину, приведённое на с. 44, показывает, что эту главу он закончил к 4 марта 1938 года. Три месяца спустя, 4 июня 1938 года, он писал Стэнли Анвину:

Я давно собирался поблагодарить Рейнера за то, что он потрудился прочесть пробные главы, и за его превосходную критику. Она поразительно совпадает с критикой мистера Льюиса, которая тем самым подтверждается. Мне явно надлежит склониться перед моими двумя главными (и наиболее благожелательными) критиками. Беда в том, что «болтовня хоббитов» забавляет лично меня (и до некоторой степени также моего мальчика Кристофера) больше, чем приключения,

но я должен строго себя в этом обуздать. Как ни жаждал я взяться за дело, у меня не было случая прикоснуться к сочинительству со времени рождественских каникул.

И он прибавил, что не видит «никакой лазейки на месяцы вперёд». 24 июля он писал в письме к Чарльзу Фёрту в «Аллен энд Анвин»:

Продолжение «Хоббита» так и осталось там, где остановилось. Оно потеряло моё расположение, и я понятия не имею, что с ним делать. Во-первых, первоначальный «Хоббит» вовсе не был задуман с продолжением — Бильбо «оставался очень счастлив до конца своих дней, а они были необычайно долги»: фраза, которая видится мне почти непреодолимым препятствием для удовлетворительной связки. Во-вторых, едва ли не все «мотивы», какими я могу воспользоваться, были упакованы в первую книгу, так что продолжение покажется либо «жиже», либо попросту повторением. В-третьих: меня самого хоббиты как таковые безмерно забавляют, и я мог бы созерцать, как они едят и отпускают свои довольно глуповатые шутки, без конца, но я вижу, что это не так даже для самых преданных моих «поклонников» (вроде мистера Льюиса и ?Рейнера Анвина). Мистер Льюис говорит, что хоббиты

забавны лишь в нехоббичьих положениях. И наконец: ум мой по «повествовательной» части на деле поглощён «чистыми» волшебными сказаниями, или мифологиями, «Сильмариллиона», в которые даже мистер Бэггинс оказался втянут против моей первоначальной воли, и не думаю, что сумею намного выйти за их пределы, — разве что он будет завершён (а быть может, и издан), что подействовало бы освобождающе.

В начале этого отрывка мой отец повторял сказанное им в письмах от 17 и 18 февраля, приведённых на с. 43–44, когда им было написано не более чем «Долгожданное угощение». Но очень трудно понять, почему он сказал здесь, что находит фразу в «Хоббите» — будто Бильбо «оставался очень счастлив до конца своих дней, а они были необычайно долги» — «почти непреодолимым препятствием для удовлетворительной связки»: ведь написанное им на этой стадии было не о Бильбо, а о его «племяннике» Бинго, и в той мере, в какой Бильбо вообще упоминался, ничего не было сказано в доказательство того, что он не оставался счастлив до конца своих необычайно долгих дней.

Вот здесь-то повествование и остановилось — и оставалось остановленным месяцев шесть, а то

и больше. С обильной «болтовнёй хоббитов» по пути он довёл Бинго, Фродо и Одо до Бакленда на дороге в Ривенделл, куда Гэндальф их опередил. Они повстречали Чёрных Всадников, Гилдора с его дружиной эльфов и фермера Мэггота, причём их посещение кончилось куда менее благополучно, чем будет позже, из-за возмутительной выходки Бинго (комический потенциал которой отнюдь не был исчерпан); они переправились через Брендивайн и прибыли в домик, приготовленный для них Мармадюком Брендибаком. В только что приведённом письме к Чарльзу Фёрту он сказал, что «понятия не имеет, что с ним делать», но Том Бомбадил, Ива-Человек и умертвия уже мыслились как возможности (см. с. 42–43).

31 августа 1938 года он снова написал Чарльзу Фёрту, и теперь произошла великая перемена:

За последние два-три дня… я снова взялся за продолжение «Хоббита» — The Lord of the Ring. Оно теперь течёт само и совсем выходит из-под рук. Оно дошло примерно до Главы VII и продвигается к совершенно непредвиденным целям.

Он сказал «примерно до Главы VII» из-за неуверенности в делении на главы (см. с. 132).

Рукописный отрывок в конце нынешней главы (см. примеч. 16 выше) был, я в этом уверен, до-

бавлен к машинописи в это самое время и стал началом нового всплеска повествовательной энергии. Мой отец теперь решил, что путешествие хоббитов заведёт их в Старый Лес — ту «сомнительную область», что появилась в третьей версии «Долгожданного угощения» (с. 29) и где он уже в ранних заметках (с. 43) предположил, что хоббиты заплутают и будут схвачены Ивой-Человеком. И «продолжению „Хоббита“» даётся — впервые, по-видимому, — заглавие: The Lord of the Ring (см. с. 74 и примеч. 3).

Глава 5. СТАРЫЙ ЛЕС И УИТИВИНДЛ

В письме от 31 августа 1938 года, приведённом в конце прошлой главы, мой отец сказал, что «за последние два-три дня» он снова обратился к книге, что она «течёт сама и совсем выходит из-под рук» и что дошла она «примерно до Главы VII». Ясно, что за эти несколько дней хоббиты прошли через Старый Лес долиной Уитивиндла[1], погостили в доме Тома Бомбадила, спаслись от умертвия и достигли Бри.

Предварительных набросков первоначальной четвёртой главы очень мало, и те, что есть, я привожу здесь. Сперва идёт страница, набросанная мягким карандашом и ныне очень трудная для прочтения; я ввожу необходимую пунктуацию и небольшие связующие слова, что были опущены, и раскрываю начальные буквы, стоящие вместо имён.

Они сели на пони и поехали в туман. Проехав

---

[1] Примечания: 91

Первое появление имени Уитивиндл (Withywindle). — Прим. перев.: передача «Уитивиндл» здесь условна и подлежит пересмотру; в оригинале — Withywindle. ↩ [broken link: #rn12_1]

больше часа, они подъехали к Изгороди. Она была высока и оплетена серебряной паутиной.

— Как нам через неё перебраться? — сказал Одо.

— Есть путь, — сказал Мармадюк. Идя за ним вдоль Изгороди, они подошли к небольшому, выложенному кирпичом туннелю. Он спускался в овражек и нырял прямо под Изгородь, выходя ярдах в двадцати по ту сторону, где был заперт воротами из частых железных прутьев. Мармадюк отпер их, выпустил спутников и снова запер. Когда ворота защёлкнулись, всех вдруг кольнуло.

— Ну вот, — сказал Мармадюк. — Теперь вы покинули Шир — и [?снаружи], у самого края Старого Леса.

— А байки про него правдивы? — сказал Одо.

— Не знаю, какие байки ты имеешь в виду. Если те старые страшилки, что рассказывали нам няньки, про гоблинов, волков и тому подобное, — то нет. Но место чудно́е. Всё в Старом Лесу куда более живое, более сознающее, что вокруг творится, чем в Шире. И чужаков они не любят. Деревья за тобой следят. Но днём они немного что делают. [?Изредка] самые злобные могут уронить ветку, выставить корень или ухватить тебя длинными плетями. А вот ночью всё может стать

пренеприятным — так мне говорили. Я был в Старом Лесу лишь однажды, да и то лишь у края, уже затемно. Мне почудилось, что деревья все перешёптываются меж собой, хотя ветра не было, и ветви качались и шарили. Поговаривают, будто деревья и впрямь движутся, могут окружить чужака и зажать его. Когда-то они нападали на Изгородь, подходили и сажали себя прямо у неё, перевешиваясь через неё. Но мы выжгли землю вдоль всей восточной стороны на мили, и они от этого отступились. Живут и иные чудны́е твари в глуби Леса и по ту его сторону. Но я не слыхал, чтоб они были очень злы, — по крайней мере, днём. Что-то, однако, прокладывает тропы и держит их открытыми. Есть начало одной, большой и широкой, что идёт более или менее в нашу сторону. К ней-то я и держу путь.

Земля неуклонно повышалась, и, по мере того как пони брели вперёд, деревья делались темнее, гуще и выше. Не было ни звука, кроме редкой капели, но всех охватило и неуклонно росло неуютное чувство, что за ними наблюдают — с неодобрением, если не с неприязнью. Мармадюк попробовал запеть, но голос его вскоре опал до бормотания, а затем и вовсе замер. С треском упала наземь за их спинами небольшая ветка со

старого дерева. Они остановились, вздрогнув, и огляделись.

— Деревья, похоже, против моего пения, — бодро сказал Мармадюк. — Ладно, подождём, пока выйдем на место пооткрытее.

Здесь повествование переходит в заметки:

Прогалина, холмик, вид, солнце вверху, туман уходит, делается жарко

Деревья преграждают путь. Они сворачивают [?всё время ..... в сторону]

Старый Вяз*. Встреча с Томбомбадилом.

[Вычеркнуто: умертвия]

Стоянка на нагорьях

* «Старый Вяз» — в оригинале Old Man Willow, в ранних черновых набросках Willowman (букв. «ивовый человек»; в сборнике «Приключения Тома Бомбадила» — то же существо). Дерево здесь — ива, но вслед за каноном «вяз» сохранён для единства имени. — Прим. перев.

Если этот отрывок начинается как повествование и сходит на заметки, то другая страница — это прямо «набросок» истории, которую предстояло написать:

Тропа вьётся всё дальше, и они устают. Никакого вида им не открыть. Наконец они видят впереди голый холмик (увенчанный несколь-

кими соснами), глядящий вниз на тропу. Они доходят до него и находят, что туман ушёл, а солнце очень жаркое и почти в зените, 11 часов. Они отдыхают и едят. Но видят кругом лишь лес и не могут различить ни Изгороди, ни линии дороги к северу, тогда как голое нагорье на востоке и юге лежит вдали зелёно-серым. За холмиком тропа поворачивает к югу. Они решают её оставить и взять на северо-восток по солнцу. Но деревья преграждают путь. Они идут под гору, и ежевика, кусты, орешник и всякое такое им мешают. Всякий [?просвет] уводит их вправо. В конце концов, когда уже за полдень, они выходят к окаймлённой ивами реке — Уитивиндлу.[1] Мармадюк знает, что она течёт через лес с нагорий, чтобы влиться в Брендивайн у Хейсенда. Похоже, есть какая-то грубая тропа, идущая вверх по течению. Но великая дремота находит на них. Одо и Бинго не могут идти дальше без отдыха. Они садятся спиной к огромному вязу, пока Фродо и Мармадюк хлопочут о пони. Старый Вяз ловит Бинго и Одо. Вдруг вдали слышится пение. (Том Бомбадил не назван.) Вяз ослабляет хватку.

---

[1] Примечания: 91

Первое появление имени Уитивиндл (Withywindle). — Прим. перев.: передача «Уитивиндл» здесь условна и подлежит пересмотру; в оригинале — Withywindle. ↩ [broken link: #rn12_1]

Они выбираются к концу леса, когда наступает вечер, и взбираются на нагорья. Делается очень холодно — за туманом следует промозглая морось. Они укрываются под большим курганом. Умертвие забирает их внутрь. Они просыпаются и обнаруживают, что погребены заживо. Они кричат. Наконец Мармадюк и Бинго заводят песню. Снаружи — ответная песня. Том Бомбадил отворяет каменную дверь и выпускает их. Они идут на ночь в его дом. — Они скачут [?за ними] следом, но всякий раз останавливаются, когда Том Бомбадил оборачивается и глядит на них.

Итак, на этой стадии первая встреча хоббитов с Томом Бомбадилом должна была быть совсем краткой, и гостями его они становились лишь после спасения из кургана на нагорьях, но повествования в таком виде не найдено, и, несомненно, оно и не было написано.

Конечно, возможно, что иные предварительные черновики утрачены, но самый ранний из уцелевших текстов первоначальной четвёртой главы (с номером «IV», но без заглавия) выглядит как сочинение ab initio, со множеством слов, фраз и даже целых страниц, отвергнутых и заменённых в самый миг написания. На большей, впрочем, своей части это упорядоченная и раз-

борчивая рукопись, хоть и написанная быстро, и всё быстрее по мере продвижения (см. примеч. 3). Тем примечательнее, что этот текст одним махом достигает повествования в том виде, как оно напечатано в FR (глава 6, «Старый Лес»), с лишь самыми малыми отличиями — помимо иного состава действующих лиц (по большей части дело имён) и иного распределения «ролей», — и часто, на значительных протяжениях, почти точь-в-точь с выражениями окончательной формы. Мой отец вполне мог сказать, что The Lord of the Ring «теперь течёт сам».

Стоит отметить несколько частностей. Во-первых, что до действующих лиц, «реплики» по-разному распределены между первой формой и окончательной. Фредегара Болджера, разумеется, нет, чтобы провожать их у входа в туннель под Изгородью, и его вопрос «Как вы собираетесь через это перебраться?» (FR, с. 120) отдан Одо («Как нам через неё перебраться?», ср. с. 110). Стихи «О! Странники в сумрачном

краю»,[2] принадлежащие в FR Фродо (с. 123), здесь — Мармадюка, но изменены, вероятно сразу же, на Фродо Тука. Возражение Пиппина против того, чтобы идти тропой вдоль Уитивиндла (FR, с. 126–127), здесь — Бинго, а в сцене со Старым Вязом роли совершенно различны. В первоначальной версии именно Бинго и Одо вконец одолевает сон, и они приваливаются к вязовому стволу, а Мармадюк более стоек и встревожен накатывающей дремотой. Фродо Тук («более склонный к приключениям») спускается к берегу реки (как и Фродо Бэггинс в FR) и, заснув у подножия Вяза, опрокинут в воду и удержан под ним корнем, тогда как Мармадюк играет позднейшую роль Сэма — сгоняет пони, спасает Фродо (Тука или Бэггинса) из реки и обсуждает с ним, как высво-

---

[2] Примечания: 92

В стихах в первой строке стоит shadow-land вместо shadowed land, но в остальном они как в FR. Найден также черновой подступ к стихам в этом месте. Сперва мой отец написал: «O wanderers in the land of trees / despair not for there is no wood» («О странники в краю деревьев, / не отчаивайтесь, ибо нет леса»), но это было оборвано и предложено следующее:

think not of hearth that lies behind
but set your hearts on distant hills
beyond the rising of the sun.
The journey is but new begun,
the road goes ever on before
past many a house and many a door

over water and underwood
не помышляй об очаге, что за спиной,
но сердце устреми к далёким холмам
за восходом солнца.
Путь лишь едва начат,
дорога всё бежит вперёд
мимо многих домов и многих дверей
через воду и под сенью леса

↩ [broken link: #rn12_2]

бодить пленников из дерева. И всё же, несмотря на позднейшее перераспределение ролей в этой сцене и появление Сэма Гэмджи, старый текст очень близок к окончательной форме, как видно из такого примера (ср. FR, с. 128).

Мармадюк схватил его [Фродо Тука] за шиворот куртки, вытащил из-под древесного корня и уложил на берегу. Тот почти сразу очнулся, закашлялся и зафыркал.

— Знаешь, — сказал он, — ведь зверюга меня сбросила! Я почувствовал и увидел: толстый корень взял да и крутанулся, и сбросил меня в воду.

— Тебе приснилось, — сказал Мармадюк. — Я оставил тебя спящим, хоть и подумал, что место для сна ты выбрал довольно глупое.

— А как же те двое? — спросил Фродо. — Любопытно, какие сны привиделись им?

Они обошли к той стороне, что глядела на сушу. Тут Мармадюк и понял тот щелчок. Одо исчез. Трещина, в которой он лежал, сомкнулась так, что не видно было ни щёлки. Бинго попался: его трещина сомкнулась примерно по пояс…

Стоит упомянуть и несколько мелких частностей топографии. В наброске (с. 111) сказано, что холмик был увенчан соснами, и это сохрани-

лось: на нём был «узел сосен на вершине», под которыми сидели хоббиты. В FR (с. 124) холм уподоблен лысой голове, а деревья вокруг — «густым волосам, что обрывались резким кругом вокруг обритой макушки». — Когда позже они вышли к концу овражка и взглянули из-за деревьев на Уитивиндл, они оказались на вершине обрыва:

Вдруг лесные деревья кончились, и овражек завершился вершиной откоса, что был почти обрывом. Через него нырял поток и падал чередою малых водопадов. Поглядев вниз, они увидели, что под ними — широкое пространство травы и камышей…

Мармадюк сполз к реке и пропал в высокой траве и низких кустах. Спустя время он снова появился и окликнул их с лоскута дёрна футах в тридцати ниже. Он доложил, что между откосом и рекой земля довольно твёрдая…

В FR (с. 126) ясно, что хоббиты, идя по ручейку вниз по овражку, достигли уровня долины Уитивиндла, ещё будучи в глухом лесу:

Дойдя до прогалины, они обнаружили, что спустились через расщелину в высоком крутом откосе, почти обрыве. У его подножия было широкое пространство травы и камышей…

[Мерри] вышел на солнечный свет и пропал в

высоких травах. Спустя время он снова появился и доложил…

Затем, в первоначальной версии, возникает тревога о спуске пони с обрыва; на деле они спустились без труда, но Фродо Тук «слишком налёг на травянистый бугор, что торчал ступенькой, и последние футов пятнадцать кубарем полетел вниз головой; впрочем, внизу он не больно ушибся, ибо земля была мягкой». В FR (с. 127) хоббиты просто «вышли вереницей» из деревьев.

Последняя часть главы, в которой появляется Том Бомбадил и которая кончается теми же словами, что и в FR («золотой свет был кругом них»), так близка к окончательной форме,[3] что упомянуть нужно лишь одну малость. Здесь так же ясно, как в FR, что тропа, по которой шли

---

[3] Примечания: 93

К концу главы рукопись делается крайне беспорядочной. С того места, где Мармадюк и Фродо Тук обнаруживают, что Бинго и Одо пойманы Старым Вязом, мой отец сменил чернила на карандаш и, вырождаясь в торопливые каракули, глава словно бы иссякла по ходу их спасения Томом Бомбадилом, но впоследствии он стёр бóльшую часть карандашного текста или надписал его чернилами и продолжил чернилами до конца главы. Эта заключительная часть отступает от предварительного наброска, данного на с. 112, где хоббиты после спасения поднимались на Нагорья и были схвачены умертвием; здесь же, как и в FR, Том зовёт их к себе в дом и идёт впереди вверх по тропе вдоль Уитивиндла. Последняя часть рукописи, строго говоря, вероятно, есть позднейшее добавление, но дело это маловажное, ибо вся эта запись явно принадлежит к одному и тому же периоду работы, в конце августа 1938 года. ↩ [broken link: #rn12_3]

хоббиты вдоль Уитивиндла, лежала на северной стороне реки — той, с которой они спустились из леса, — и потому странно, что подход к дому Тома Бомбадила описан так:

Трава под ногами была гладкой и короткой, словно скошенной и обритой. Опушка леса позади была подстрижена и опрятна, как изгородь. Тропа была окаймлена белыми камнями и, круто свернув влево, перешла через мостик. Затем она вилась вверх, на вершину круглого холмика…

Но тропа уже шла по левому берегу реки, поднимаясь вверх по течению. Позднее этот текст был очень сильно выправлен, и версия FR почти достигнута, однако эта подробность сохранилась: «Тропа была обрамлена белыми камнями и, круто свернув влево, повела их через деревянный мостик». Ещё позднее слово «влево» было изменено на «вправо», подразумевая, что дом Тома Бомбадила лежал на южной стороне Уитивиндла. В FR о мостике не упомянуто. Карта Шира, сделанная моим отцом (см. с. 107: карта I), вероятно, показывает, что он передумал на этот счёт: исподний карандаш показывает «ТВ» с тёмной отметиной подле него на южной стороне, тогда как чернильный слой поверх показывает дом к северу от потока. См. далее с. 327–328.

Заметка о Томе Бомбадиле

Том Бомбадил, Голдберри, Старый Вяз и умертвие к тому времени существовали уже довольно давно, появившись в печати на страницах «The Oxford Magazine» (т. LII, № 13, 15 февраля 1934 года). В письме 1954 года мой отец сказал:

Не думаю, что Тома нужно философски толковать, и толкование его не улучшает. Но многие сочли его странной или даже неблагозвучной составляющей. По исторической правде, я вставил его потому, что уже «изобрёл» его независимо (он впервые появился в «Оксфорд мэгэзин») и хотел «приключения» по пути.*

* «Письма Дж. Р. Р. Толкина», № 153. Существенные замечания о Томе Бомбадиле есть в этом письме и в № 144.

На отдельном небольшом клочке бумаги найдены следующие стихи. Вверху страницы мой отец написал: «Дата неизвестна — зародыш Тома Бомбадила, явно так в середине 1930-х», и эта помета написана в одно время с текстом, который, безусловно, довольно поздний. Никакого следа текста, с которого он списан, нет.

(Молвил я)

‘Ho! Tom Bombadil
Whither are you going
With John Pompador
Down the River rowing?’

«Хо! Том Бомбадил,
куда ты держишь путь
с Джоном Помпадором,
гребя вниз по Реке?»

(Молвил он)

‘Through Long Congleby,
Stoke Canonicorum,†
Past King’s Singleton
To Bumby Cocalorum –

«Через Лонг-Конглби,
Стоук-Кэнониорум,
мимо Кингз-Синглтона
к Бамби-Кокалоруму —

To call Bill Willoughby
Whatever he be doing,
And ax Harry Larraby
What beer he is a-brewing.’

кликнуть Билла Уиллоуби,
чем бы он ни занимался,
да спросить Гарри Ларраби,
какое пиво он варит».

(И он запел)

‘Go, boat! Row! The willows are a-bending,
reeds are leaning, wind is in the grasses.
Flow, stream, flow! The ripples are unending;
green they gleam, and shimmer as it passes.

«Плыви, челнок! Греби! Гнутся ивы,
клонятся камыши, ветер гуляет в травах.
Теки, ручей, теки! Без счёта рябь бежит,
зеленью блестит и мерцает на ходу.

Run, fair Sun, through heaven all the morning,
rolling golden! Merry is our singing!
Cool the pools, though summer be a-burning;

in shady glades let laughter run a-ringing!'

Беги, ясное Солнце, по небу всё утро,
катись золотом! Весела наша песня!
Прохладны заводи, хоть лето и палит;
в тенистых прогалинах пусть смех звенит!»

† Средневековое название нынешнего Стоук-Кэнона в Девоншире.

Стихотворение, опубликованное в «The Oxford Magazine» в 1934 году, носило заглавие «Приключения Тома Бомбадила» (в более ранних формах — «История Тома Бомбадила»). Много лет спустя (1962) мой отец сделал его первым стихотворением в сборнике, которому оно дало заглавие (а также прибавил новое стихотворение, «Бомбадил плывёт на лодке», в котором тот встречает фермера Мэггота в Болотище). В этой поздней версии были сделаны разные изменения и введены отсылки к Уитивиндлу, но старое стихотворение по большей части сохранилось. В нём кроется исток многого в этой и следующих главах — смыкающаяся трещина в Великом Вязе (хотя в стихотворении в нём застрял сам Том), ужин из «жёлтых сливок и медовых сот, белого хлеба и масла», «ночные шумы», среди которых был стук

ветвей Старого Вяза по оконному стеклу, слова умертвия (которое в стихотворении было внутри дома Тома) «Я жду тебя» и многое другое.

Глава 6. ТОМ БОМБАДИЛ

Очень краткий набросок показывает первые мысли моего отца о следующей стадии путешествия хоббитов — об их посещении дома Тома Бомбадила.

Том Бомбадил спасает их от Старого Вяза. Он говорит, что ему повезло пройти этой дорогой, — он ходил к пруду с кувшинками за белыми кувшинками для Голдберри (моей жены).

Выясняется, что он знает фермера Мэггота. (Сделать Мэггота не хоббитом, а каким-то иным существом — не гномом, но сродни Тому Бомбадилу.) Они отдыхают в его доме. Он говорит, что единственный путь наружу — вдоль его тропы у Уитивиндла. Описание пиршества и [?ивового] огня. Множество шумов ночью.

Том Бомбадил будит их, распевая «дерри-дол» и распахивая все окна (он живёт в домике под склоном нагорья, лицом к опушке леса и [?восточному углу] чащи). Он велит им идти на север, но избегать высоких Нагорий и курганов. Он предостерегает их об умертвиях; учит их песне, которую надо петь, если умертвия их напугают,

или

Холодный день. Туман густеет, и они сбиваются с пути.

Этот замысел был написан с большой скоростью карандашом. Как вскоре станет видно, на этой стадии хоббиты провели у Тома Бомбадила лишь одну ночь и наутро ушли. Другой свод заметок, тоже явно предшествующий первому собственно повествовательному тексту, тоже очень труден для прочтения:

Мотив кувшинки — последние лилии лета для Голдберри.

Связь Тома Бомбадила с фермером Мэгготом (Мэггот не хоббит?).

Том Бомбадил — «абориген»; он знал землю до людей, до хоббитов, до умертвий, да, до некроманта — прежде чем эльфы пришли в этот край мира.

Голдберри говорит, что он «хозяин воды, леса и холма». Принадлежит ли вся эта земля ему? Нет! Земля и вещи принадлежат самим себе. Он не владелец, а хозяин, ибо принадлежит самому себе.

Описание Голдберри, с её волосами, жёлтыми, как ирисы-касатики, её зелёным платьем и лёгкими стопами.

Умертвия в родстве с Чёрными Всадниками. Не суть ли Чёрные Всадники конные умертвия?

Гости спят — слышен шум, словно ветер вздымается по краям леса и …….. сквозь стёкла, фронтоны и двери. Скачка [?коней] вокруг дома.

Первое собственно повествование (неполное) этой главы — очень грубая и трудная рукопись чернилами, делающаяся совсем уж грубой, прежде чем иссякнуть на первом утре в доме Бомбадила. Заглавия у него нет, но довольно странно проставлен номер «V или VI». Здесь, ещё более, чем в прошлой главе, окончательная форма — вплоть до самого конца — уже налицо во всём, кроме мелочей выражения.

Всего любопытнее история о снах хоббитов в эту ночь, рассказанная так:

Глухой ночью Бинго проснулся и услышал шумы: внезапный страх нашёл на него, [?так что] он не вымолвил ни слова, но лежал, слушая, затаив дыхание. Он услышал звук, словно сильный ветер завивался вокруг дома и сотрясал его, и вниз по ветру примчался топот, топот, топот: казалось, копыта неслись вниз по склону холма с востока, к самым стенам, и кругом, и кругом, копыта бухали, ветер дул, а потом всё замерло, уходя обратно вверх по холму и во тьму.

«Чёрные всадники, — подумал Бинго. — Чёрные всадники, чёрное воинство всадников», — и он подумал, достанет ли у него когда-нибудь храбрости даже поутру покинуть безопасность этих добрых каменных стен. Он полежал, слушая, какое-то время, но всё снова стихло, и спустя время он заснул. Рядом с ним лежал и грезил Одо. Он повернулся, застонал и пробудился в темноту, и всё же сон длился. Тук, тук, скрип: звук был как ветви, что трутся на ветру, прутики, как пальцы, скребущие стену и окно… [и т. д., как в FR, с. 138].

Звук воды — вот что услышал Фродо, проваливаясь в сон, и что медленно его пробуждало. Сперва вода тихо струилась вниз, а потом разлилась вокруг всего дома, журча под стенами… [и т. д., как в FR, с. 139].

Мериадок[1] всю ночь проспал в глубоком довольстве.

Как рассказано здесь, кажется, нет причин не понимать буквально, что Чёрные Всадники (или умертвия) и впрямь явились и скакали вокруг дома Тома Бомбадила в ту ночь. Видно, что прямо сказано: Бинго проснулся, а спустя время заснул. В первоначальном наброске, данном на с. 112

---

[1] Примечания: 94

Это первое появление имени Мериадок вместо Мармадюк в рукописи, как она написана изначально. ↩ [broken link: #rn14_1]

(где хоббиты отправлялись к Тому погостить лишь после того, как их схватило умертвие на Нагорьях), «Два умертвия скачут [?за ними] следом»; ср. также заметку на с. 118: «Умертвия в родстве с Чёрными Всадниками. Не суть ли Чёрные Всадники конные умертвия?» — а за нею: «Скачка [?коней] вокруг дома». Так или иначе, конец нынешнего текста (увы, нацарапанный столь причудливо, что истолковать его крайне трудно) ясен. Здесь, как и в позднейшей истории, проснувшийся Бинго глядит из восточного окна их комнаты на огород, серый от росы.

Он ожидал увидеть дёрн до самых стен, дёрн, весь иссечённый отпечатками копыт. На деле же вид ему застила высокая шеренга зелёных бобов на тычинах, но над ними и далеко за ними серая вершина холма вздымалась против восхода. Утро было серое, с мягкими облаками, за которыми лежали глуби жёлтого и бледно-красного. Свет быстро ширился, и красные цветы на бобах начали сиять на мокрых зелёных листьях.

Фродо глядит из западного окна, как Пиппин в FR, и видит Уитивиндл, исчезающий в тумане внизу, и цветник: «вяза же не было видно».

— Доброе утро, весёлые друзья! — сказал Том, распахнув восточное окно. Хлынул прохладный

воздух. — Солнце [?напечёт] вам, когда день постареет. Я гулял далеко, прыгал по вершинам холмов с тех пор, как [?настали] серые сумерки и канула ночь, мокрая трава под ногами…….

Когда они оделись, солнце уже встало над холмом, и облака таяли. В лесной долине деревья проступали, как высокие головы, поднимающиеся из вьющегося моря тумана. Они были рады завтраку — да и просто рады были снова проснуться, быть в безопасности и у весёлого исхода дня. Мысль об уходе тяготила их — и не только из страха перед дорогой. Будь то [?весёлая] дорога и дорога домой, им всё равно хотелось бы здесь помешкать.

Но они знали, что этому не бывать. И Бинго в сердце своём чувствовал, что топот копыт был не только сном. Им надо бежать поскорее, не то… [?настигнут] здесь. И он порешил добыть такой помощи и совета, какие [?старый] Бомбадил мог или захотел бы дать.

— Хозяин, — сказал он, — мы не можем отблагодарить тебя за твою доброту, ибо она превыше благодарности. Но нам надо уйти, против нашего желания и поскорее. Ибо ночью я слышал всадников и боюсь, что нас преследуют.

Том поглядел на него.

— Всадников, — сказал он. — Мёртвых людей [?скачущих на ветру. Давно уж они не являлись сюда.] Что за блажь умертвиям покидать свои старые курганы? Странный вы народ, чтобы выйти из Шира, [?ещё страннее, чем поведали мне вести.] Теперь вам лучше рассказать мне всё — и я дам вам совет.

Здесь текст обрывается, но за ним следуют такие заметки карандашом:

Сделать так: внезапно дождливый день. Они проводят его в доме Тома и рассказывают ему историю, а он — про Старого Вяза и про .....[2] Он встревожен из-за всадников, но говорит, что подумает над советом. Следующий день погож. Он ведёт их на вершину холма. Они .... курганы.

Вот где вошла история о дождливом втором дне, проведённом в долгой беседе с Бомбадилом; прежде этого погода должна была проясниться, и хоббиты должны были уйти, рассказав Тому свою историю и получив его совет. В этом самом

---

[2] Примечания: 95

Слово очень похоже на badgers («барсуки»). Если так, это, должно быть, отсылка к барсукам, что захватили Тома Бомбадила в стихотворении («За полу его схватили, в нору Тома затащили, по своим ходам носили»); см. «Приключения Тома Бомбадила» (1962), с. 12–13 (стихи, описывающие встречу Тома с барсуками, в поздней версии оставлены почти без изменений). В следующем тексте этой главы Том рассказывал хоббитам «нелепую историю про барсуков и их чудные повадки», когда Бинго надел Кольцо; это сохранилось в FR. ↩ [broken link: #rn14_2]

раннем повествовании Бинго был настолько убеждён в подлинности услышанного им ночью, что завёл об этом речь с Томом, и Том, кажется, принимает его всерьёз, и в этом контексте слово «На деле» (сохранённое в FR) в «На деле же вид ему застила высокая шеренга бобов на тычинах» наводит на мысль, что иначе он и впрямь увидел бы дёрн, «весь иссечённый отпечатками копыт».

За первым последовало второе повествование, очевидно написанное сразу же после первого, и оно полное. Здесь глава имеет номер «V», всё ещё без заглавия. Первый текст теперь отточен и упорядочен в выражениях, утро сулит дождь, и новая версия становится — вплоть до места, где кончался первый, — едва отличимой от версии FR, кроме как в деле «снов». Они всё ещё рассказаны тем же недвусмысленным языком, словно были подлинными ночными событиями, но дальше о них не сказано ничего сверх того, что сказано в FR. В окончательной истории сон Фродо — видение Гэндальфа, стоящего на острие Ортанка, и нисхождения Гвайхира, чтобы унести его прочь, но это видение всё ещё сопровождается звуком Чёрных Всадников, скачущих прочь с Востока, и именно этот звук разбудил его. Всё ещё сказано, что поутру он думал найти землю

вокруг дома помеченной копытами, но теперь это не более чем способ подчеркнуть живость его ночного переживания.

Остаток второй версии главы в общем подходит необычайно близко к окончательной форме,[3] но любопытных отличий немало.

В долгой беседе Тома Бомбадила с хоббитами на второй день голос его описан как «всегда нараспев или прямо-таки поющий» (ср. FR, с. 140: «Часто голос его обращался в песню»). Отрывок про Старого Вяза сперва был написан так:

Среди его речей там и сям много говорилось о Старом Вязе, и Мерри узнал довольно, чтобы утолить себя[4] (более чем довольно, ибо знание это было не из уютных), хотя и недостаточно, чтобы понять, как этот серый, жадный, прикованный к земле дух оказался заточён в величайшем Вязе Леса. Дерево не умерло, хотя сердце его сгнило, пока злоба Старика тянула силу из земли и воды и растекалась, как сеть, как тонкие нити корней

---

[3] Примечания: 96

История о дождливом втором дне у Бомбадила была написана ab initio карандашом, затем часть рукописи надписана чернилами; для последней части главы, начиная с ужина на второй день, есть и карандашный черновик, и рукопись чернилами. Но ясно, что вся эта работа была непрерывной и перекрывающейся. ↩ [broken link: #rn14_3]

[4] Примечания: 97

Вопрос о Старом Вязе накануне ночью задаёт Мерри (в FR — Фродо); то есть тот, кто не был заточён в дереве. ↩ [broken link: #rn14_4]

в почве и незримые пальцы-прутики в воздухе, пока не заразила или не подчинила почти все деревья по обе стороны долины.[5]

Речь Бомбадила про умертвий с Курганов сохранилась почти слово в слово в FR (с. 141–142), с одним отличием: вместо «Тень вышла из тёмных мест далеко-далеко» в FR здесь стоит «Тёмная тень поднялась из самой середины мира»; в исподнем карандашном тексте (см. примеч. 3) читается «тёмная тень поднялась с Юга». В конце его речи, где в FR стоит «всё дальше и назад уходил Том, распевая, в древний звёздный свет», в нынешней версии — «и ещё дальше уходил Том, распевая, назад, прежде Солнца и прежде Луны, в старый звёздный свет».

Подробность, достойная замечания, — фраза в старой версии: «Минули ли утро и вечер одного дня или многих дней, Бинго сказать не мог (да и наверное так и не узнал)». Слова в скобках вскоре предстояло убрать, когда датировка пути к Бри сделалась точной; хоббиты гостили у Бомбадила 26-го и 27-го сентября и ушли утром 28-го (см. с. 160).

---

[5] Примечания: 98

Отрывок, очень близкий к тому, что в FR (от «Слова Тома обнажали сердца дерев»), был подставлен, вероятно, пока рукопись была в работе или вскоре после. ↩ [broken link: #rn14_5]

Ответ Тома Бомбадила на вопрос Бинго «Кто ты, Хозяин?» имеет несколько любопытных отличий от окончательной формы (FR, с. 142):

— Э, что? — сказал Том, садясь, и глаза его блеснули во мраке. — Я Абориген, вот кто я, Абориген этой земли. [Сразу вычеркнуто: Я говорил на множестве[6] языков и звался многими именами.] Помяните моё слово, весёлые друзья: Том был здесь прежде Реки и Деревьев. Том помнит первый жёлудь и первую дождевую каплю. Он прокладывал тропы прежде Большого Народа и видел, как пришёл Малый Народ. Он был здесь прежде королей, могил и [призраков >] умертвий. Когда эльфы уходили на запад, Том был здесь уже — прежде чем согнулись моря. Он видел, как Солнце взошло на Западе, а Луна за ним следом, прежде чем был установлен новый порядок дней. Он знал тьму под звёздами, когда она была безбоязненной, — прежде чем Тёмный Владыка пришёл Извне.

В FR Том Бомбадил называет себя «Старейшим», а не «Аборигеном» (ср. заметки, данные на с. 117: «Том Бомбадил — „абориген“»), а отсылка здесь к тому, что он видел, как «Солнце взошло на Западе,

---

[6] Примечания: 99

В оригинале a mort — просторечное «великое множество». ↩ [broken link: #rn14_6]

а Луна за ним следом», была опущена (хотя «Том помнит первый жёлудь и первую дождевую каплю», что сохранилось, говорит о том же). Слова эти крайне удивительны, ибо в «Квенте Сильмариллион», которую мой отец отложил лишь в конце предыдущего года, рассказано, что «Рана [Луна] была изготовлена и снаряжена первой и первой взошла в область звёзд, и была старшею из светил, как Сильпион — из Древ» (V. 240); и Луна впервые взошла, когда Финголфин ступил на Средиземье, а Солнце — когда он вступил в Митрим (V. 250).

Том Бомбадил был «здесь» во время Эпох Звёзд, прежде чем Моргот вернулся в Средиземье после уничтожения Древ; не к этому ли событию отсылал он в словах (сохранённых в FR) «Он знал тьму под звёздами, когда она была безбоязненной, — прежде чем Тёмный Владыка пришёл Извне»? Надо сказать, что вряд ли Бомбадил назвал бы Валинор за Великим Морем «Извне», тем более что это было за многие века «прежде чем согнулись моря», когда потонул Нуменор; куда естественнее было бы толковать это слово как «Внешняя Тьма», «Пустота» за Стенами Мира. Но в мифологии, как она была, когда мой отец начинал «Властелина Колец», Мелькор вошёл

в «Мир» вместе с прочими Валар и не покидал его вплоть до окончательного своего поражения. Лишь с возвращением отца к «Сильмариллиону» по завершении «Властелина Колец» вошёл рассказ, найденный в изданной книге (с. 35–37), о Первой Войне, в которой Мелькор был побеждён Тулкасом и изгнан во Внешнюю Тьму, откуда тайно вернулся, пока Валар отдыхали от трудов на острове Алмарен, и низверг Светильники, положив конец Весне Арды. Похоже, стало быть, что либо Бомбадил на деле отсылает к возвращению Моргота из Валинора в Средиземье, вместе с Унголиант и неся Сильмарилли, либо же мой отец уже к этому времени развил новое представление о ранней истории Мелькора.

После отсылки к фермеру Мэгготу, от которого Том Бомбадил почерпнул своё знание о Шире и которого он «как будто почитал особой более важной, чем им мнилось» (FR, с. 143), этот текст прибавляет: «Мы сродни, он и я. В некотором роде: дальне и давно, но довольно близко для дружбы» (в первоначальном черновике: «Мы в родстве, сказал он, дальнем, очень дальнем, но довольно близком, чтобы считаться»). Ср. заметки, данные на с. 117, о возможности того, что фермер Мэггот вовсе не был хоббитом, а существом совершенно

иного рода, сродни Бомбадилу.[7] В конце этого отрывка отсылка FR к сношениям Тома с эльфами и к тому, что он имел вести о бегстве Фродо (Бинго) от Гилдора, в нынешнем тексте отсутствует. (Том, правда, сказал ранее, FR, с. 137, что он и Голдберри слышали об их странствии и «смекнули, что вы вскоре спуститесь к воде», и это есть в обоих первоначальных текстах.)

О том, как Том расспрашивал Бинго, здесь сказано, что Бинго «поймал себя на том, что рассказывает ему о Бильбо Бэггинсе, и о собственной своей истории, и о деле своего внезапного бегства больше, чем рассказывал прежде даже трём своим друзьям»; в FR (с. 144) это стало «рассказывает ему о Бильбо, и о собственных своих надеждах и страхах больше, чем рассказывал прежде даже

---

[7] Примечания: 100

Возможно, некоторые карандашные поправки к машинописи третьей главы были внесены в это время и в этой связи. Слова Фродо Тука о фермере Мэгготе, «Он живёт в доме» (с. 92), были так расширены: «Он не хоббит — во всяком случае, не чистый хоббит. Он довольно крупный, и под подбородком у него растут волосы. Но семья его владеет этими полями испокон веку». А когда Мэггот появляется (с. 94), «большое круглое хоббичье лицо» было изменено на «большое круглое лицо в обрамлении волос». Впоследствии, в Прологе к ВК, хоббиты Истфартинга были описаны как «довольно крупные и тяжелоногие»: «было хорошо известно, что в значительной доле крови они Стуры, как и показывал пушок, что у многих рос на подбородках. Ни у одного Харфута или Фэллохайда не было и следа бороды». См. с. 294.

Уже раньше был намёк на то, что фермер Мэггот не вполне таков, каким кажется, — в замечании Мерри (с. 103): «Он одно время хаживал

в Старый Лес и слыл человеком, который кое-что смыслит и в том, что за пределами Шира». Это сохранилось в FR (с. 113). ↩ [broken link: #rn14_7]

Гэндальфу». Можно заметить, что в старом повествовании до сих пор не было и намёка на то, что уход Бинго из Хоббитона был «внезапным бегством», — разве что в «предисловии», данном в Главе III, где Гэндальф сказал ему перед Угощением: «Но уходить тебе надо поскорее» (с. 83).

Эпизод с Томом и Кольцом рассказан почти теми же словами, что и в FR, с единственным и весьма малым отличием: когда Бинго надел Кольцо, Том вскричал: «Эй, ты куда это, Бинго? Чего ухмыляешься? Устал болтать? Сними-ка это своё Кольцо и посиди-ка минутку. Нам надо ещё потолковать…» Против этого мой отец позднее написал: «Сделать прозрение яснее» — и заменил (после «ты куда это?»): «Думал, я не увижу, когда ты надел Кольцо? Ха, Том Бомбадил ещё не настолько слеп. Сними своё золотое Кольцо и посиди минутку».

Наконец, в самом конце главы стишок, которому Том Бомбадил научил хоббитов петь, если они будут в нём нуждаться, отличается от того, что в FR:

> *Ho! Tom Bombadil! Whither do you wander?*
>
> *Up, down, near or far? Here, there, or*

yonder?

By hill that stands, wood that grows, and by the water falling,

Here now we summon you! Can you hear us calling?

Хо! Том Бомбадил! Куда ты странствуешь?

Вверх, вниз, вблизи, вдали? Тут, там — иль где блуждаешь?

Холмом стоящим, лесом, что растёт, и падающей водой —

Тебя мы ныне кличем! Слышишь ли наш зов?

Этот стишок сперва стоял в следующей главе, когда Бинго пел его в кургане, но там он был заменён, ещё во время написания, на «Хо! Том Бомбадил, Том Бомбадилло!» и т. д., как в FR (с. 153). В нынешнем месте мой отец написал на полях: «Или вставить стишок в главе VI» — что и было сделано (FR, с. 145).

Глава 7. УМЕРТВИЕ

Самые ранние мысли моего отца о встрече с умертвием (записанные, пока он работал над историей хоббитов в Старом Лесу) приведены на с. 112. Принявшись писать эту главу, он начал с карандашного черновика[1], который довёл историю до пробуждения хоббитов у стоячего камня в полом кольце на Нагорьях и до того, как они сводят оттуда своих пони в туман (FR, с. 149). Как и многие его предварительные черновики, этот был бы почти нечитаем, не следуй он ему близко в первой полной рукописи (чернилами), ибо слова, которые без контекста можно истолковать десятком способов, тогда опознаются сразу. В этом случае он сделал не более, чем улучшил торопливые формулировки черновика и прибавил отрывок с видом на север от каменного столпа, с тёмной линией вдали, которую Мерри принял за деревья, окаймляющие Восточную Дорогу.

---

[1] Примечания: 101

Этот черновик на деле непрерывен с черновиком для главы о Бомбадиле (с. 123, примеч. 3), но вскоре после мой отец провёл на карандашном тексте черту между «и со свечами отвёл их обратно в спальню» и «В ту ночь они не слышали никаких шумов», проставив номер главы «VI?». ↩ [broken link: #rn15_1]

Если черновик и продолжался за этой точкой, ныне он утрачен, но на деле рукопись чернилами вполне могла быть первичным сочинением. Есть, однако, очень грубый карандашный набросок сюжета с того места, где «Бинго приходит в себя внутри кургана», и этот набросок ведёт историю до Ривенделла. Он написан так быстро и ныне столь блёкл, что, как ни бьюсь, я не могу разобрать его весь. Худшая часть, впрочем, в начале — от того, как Бинго обнаруживает себя в кургане, до того, как Том будит Одо, Фродо и Мерри, и по тому, что разборчиво, видно, что, при всей сжатости и скупости, все существенные черты повествования были налицо. Поэтому я не стану пытаться передать эту часть, а приведу остаток наброска полностью здесь, ибо он представляет большой интерес, показывая мысли моего отца о дальнейшем ходе истории на этом этапе — то есть прежде чем глава «Умертвие» была завершена.

Том поёт песню над Одо, Фродо, Мерри. Воспряньте ныне, весёлые …!

…….[2] [?столпа] и как они разлучились. Том кладёт на золото благословение или проклятие и оставляет его на вершине кургана. Никто из

---

[2] Примечания: 102

Неразборчивое слово начинается с Expl, но остаток, кажется, не (Expl)anation — «объяснение». ↩ [broken link: #rn15_2]

хоббитов ничего не возьмёт, но Том берёт брошь для Голдберри.

Том говорит, что пойдёт с ними, побранив их за то, что спали у каменного столпа. Вскоре они находят Дорогу, и путь кажется коротким. Они сворачивают на Дорогу. Сзади [?скачут] следом. Том оборачивается и поднимает руку. Они отлетают назад.[3] Когда падают сумерки, они видят … огонёк. Том прощается — ибо Голдберри будет ждать.

Они спят в трактире и слышат вести о Гэндальфе. Весёлый трактирщик. Застольная песня.

Бегло пройти остаток пути до Ривенделла. Есть ли всадники на Дороге? Заставить их по глупости свернуть в сторону, чтобы навестить Тролльи Камни. Это их задерживает. Однажды наконец они остановились на возвышении и устремили взгляд вперёд, к Броду. Сзади скачут. Семеро (3? 4?) Чёрных Всадников спешат по Дороге. На них золотые кольца и венцы. Бегство через Брод. Бинго [надписано сверху: Гэндальф?] бросает камень и подражает Тому Бомбадилу. Ступайте назад, прочь скачите! Всадники останавливаются как

---

[3] Примечания: 103

Ср. набросок, данный на с. 112: «Два умертвия скачут [?следом] за ними, но всякий раз останавливаются, когда Том Бомбадил оборачивается и глядит на них». ↩ [broken link: #rn15_3]

поражённые, и, глядя снизу вверх на хоббитов на берегу, хоббиты не видят лиц под их капюшонами. Ступайте назад, говорит Бинго, но он не Том Бомбадил, и всадники въезжают в брод. Но как раз тогда слышен грохочущий рёв, и огромная [?стена] воды, ворочая камни, с рёвом несётся вниз по реке с гор. Прибывают эльфы.

Всадники отступают, в смятении, как раз вовремя. Хоббиты скачут что есть мочи к Ривенделлу.

В Ривенделле спящий Бильбо, Гэндальф. Кое-какие объяснения. Кольчуга Бинго в кургане и тёмные скалы — (трое хоббитов промчались мимо скал, как вдруг все они оказались [?отрезаны]??) Гэндальф спустил воду с дозволения Элронда.

Гэндальф поражён, услышав о Томе.

Совет хоббитов с Элрондом и Гэндальфом.

Поход к Огненной Горе.

Этот замысел на том и кончается. Хотя сцену у Брода — с внезапным вздыманием Бруинена (и криком Бинго/Фродо Всадникам: Ступайте назад!) — мой отец уже задумал, Бродяжник (Strider; поначалу так не названный) проступит лишь с сильно возросшей значимостью Трактира (который здесь впервые появляется) в Бри в следующей главе; и нет ни намёка на Заверть

(Weathertop). Если «тёмные скалы» — это те «два огромных стоячих камня», сквозь которые Бинго/Фродо прошёл в тумане на Нагорьях (FR, с. 150) — в первой версии они названы «стоячими скалами», — то странно, что обсуждение этого отложено до прихода хоббитов в Ривенделл; но, возможно, слова «кое-какие объяснения» подразумевают, что Гэндальф сумел пролить свет на случившееся.[4] О «кольчуге Бинго в кургане» см. с. 223. Расселины Земли в недрах Огненной Горы названы Гэндальфом как единственный жар, достаточно великий, чтобы уничтожить кольцо Бильбо (с. 82); здесь впервые Огненная Гора входит в историю как цель, к которой они в конце концов будут держать путь.

Первая полная рукопись этой главы (озаглавленная просто «VI» и, как обыкновенно на этой стадии, без заглавия) вполне разборчива на большей части своего протяжения, но, как столь часто, становится быстрее и грубее, оканчиваясь торопливым карандашом. Его мой отец местами

---

[4] Примечания: 104

В очень ранней форме главы «Многие встречи» (отрывок, сохранённый слово в слово в FR, с. 231–232) Бинго говорит Гэндальфу в Ривенделле: «Ты, кажется, уже много знаешь. Я не говорил остальным о Кургане. Сперва это было слишком ужасно, а потом было о чём ещё подумать. Откуда ты узнал о нём?» И Гэндальф отвечает: «Ты долго говорил во сне, Бинго». Но сомневаюсь, что это относится к делу. ↩ [broken link: #rn15_4]

прошёл чернилами — отчасти чтобы улучшить выражение, отчасти чтобы прояснить собственный почерк; это, безусловно, принадлежит к тому же периоду, но уже после того, как он начал следующую главу.

Как и в двух предыдущих главах, окончательная форма главы 8 FR («Туман на Курганных Нагорьях») в значительной мере уже налицо: на большей части протяжения впоследствии были внесены лишь самые малые изменения. В дальнейшем я отмечаю те различия, что кажутся мне любопытными, хотя большинство весьма незначительны.

В первом абзаце песня и видение «во сне или наяву» рассказаны теми же словами, что в старом тексте, но приписаны не одному Бинго (Фродо в FR), а всем хоббитам.

Когда они оглянулись на лес и увидели холмик, на котором отдыхали перед спуском в долину Уитивиндла, «росшие там пихты виднелись теперь маленькими и тёмными на Западе» (см. с. 113).

Когда хоббиты разлучились в тумане и Бинго жалобно вскричал «Где вы?» (FR, с. 150), у моего отца сперва была на уме совсем иная история:

— Сюда! Сюда! — раздались голоса, вдруг ясные и недалёкие, справа. Слепо ринувшись к ним, он

вдруг ткнулся в хвост пони. Несомненно хоббичий голос (это был Одо) испуганно вскрикнул, и [он] упал, споткнувшись обо что-то на земле. Это что-то пнуло его и взвыло.

— На помощь! — крикнуло оно несомненным голосом Одо.

— Слава богу, — сказал Бинго, катаясь по земле в объятиях Одо. — Слава богу, я нашёл тебя!

— И впрямь слава богу! — облегчённо сказал Одо. — Но непременно ли надо было удирать без предупреждения, а потом сваливаться с неба прямо на меня?

Мой отец отверг это, едва написав, и написал вместо того, как в FR: «Ответа не было. Он стоял и слушал» и т. д.

Первая версия заклинания умертвия была отвергнута и заменена формой, что значится в FR (с. 152), но внесённые изменения были весьма незначительны, кроме строки 7, где вместо «пока тёмный владыка не поднимет руку» в первой версии стояло «пока король тёмной башни не

поднимет руку».[5] В черновых пробах к этому стиху мой отец написал: «Тёмный владыка восседает в башне и глядит на тёмные моря и тёмный мир», а также «рука его простирается над холодным морем и мёртвым миром».

Рука, «ступающая на пальцах», подползала к Фродо Туку (к Сэму в FR), и там, где в FR «Фродо повалился вперёд на Мерри, и лицо Мерри было холодным», в старой версии Бинго повалился вперёд на Фродо Тука. В изменённых приписываниях, когда «состав действующих лиц» был переменён, нет очевидного порядка; так, далее в главе Одо говорит «Где моя одежда?» (Сэм в FR), а когда Том Бомбадил говорит «Одежды своей вы больше не найдёте», именно Фродо Тук спрашивает «Что ты хочешь сказать?» (Пиппин в FR). В целом я далее не отмечаю таких частностей, если они не кажутся значимыми.

---

[5] Примечания: 105

«Тёмная башня» Некроманта упомянута Гэндальфом в тексте, данном в Главе III (с. 81), и восходит на деле к «Хоббиту», где в конце главы VII «Чудное жильё» Гэндальф говорит о «тёмной башне» Некроманта на юге Лихолесья. Но трудно с уверенностью сказать, где на этой стадии мой отец воображал Тёмную Башню. Том Бомбадил говорит (с. 129), что он «не хозяин Всадникам, что выходят из Чёрной Земли далеко за пределами его края», и имя Мордор, безусловно, уже возникло: ср. вторую версию «Падения Нуменора» (V. 29, 31): «И пришли они наконец даже к Мордору, Чёрной Стране, где Саурон, что на языке номов именуется Ту, отстроил заново свои твердыни». См. далее с. 218, примеч. 17. ↩ [broken link: #rn15_5]

Об отвергнутой форме стишка, которому Том Бомбадил научил хоббитов и который Бинго пел в кургане, см. с. 123. Первые две строки отвергнутого стишка были использованы позже в главе, когда Том уходит за пони (FR, с. 155).

Когда Мерри сказал «Что это, во имя чудес?», нащупав золотой обруч, что соскользнул ему на один глаз, старая версия продолжается: «Тут он осёкся, и тень легла на его лицо. „Я начинаю вспоминать, — сказал он. — Мне думалось, я умер, — но не будем об этом говорить“». О Людях Карн-Дума (FR, с. 154) не упомянуто.

Имена, что Том Бомбадил даёт пони, восходят к самому началу, за исключением «Востроуха», который сперва звался «Четвероногом»! Когда он велел сокровищам, лежащим на солнце на вершине кургана, лежать там «вольными для всякого, кто найдёт, — птицы, зверя, эльфов ли, людей и всех добрых созданий», он прибавил: «Ибо создателей и владельцев этих вещей здесь нет, и день их давно минул, и создатели не смогут потребовать их назад, пока мир не будет исправлен». А когда он взял брошь для Голдберри, он сказал: «Прекрасна была та, что давным-давно носила её на плече, и Голдберри будет носить её ныне, и мы не забудем их — сгинувший народ,

древних королей, детей и дев и всех тех, кто ходил по земле, когда мир был моложе».

Тогда как в наброске, данном на с. 125, хоббиты отказываются взять что-либо из сокровища в кургане, в первом тексте история такова, что Том выбрал для них «бронзовые мечи, короткие, листовидные и острые», но более ничего не сказано в их описание (ср. FR, с. 157), хотя следующее было добавлено карандашом и, возможно, принадлежит ко времени написания рукописи: «Эти, сказал он, были сделаны многие века назад людьми с Запада. Они были врагами Владыки Кольца». Рукопись продолжается:

и они повесили их на кожаные пояса под куртками, хотя пока и не видели в них толку. Битва никому из них не приходила на ум как одно из возможных приключений, к которым могло привести их бегство. Насколько Бинго мог припомнить, даже великий и героический Бильбо как-то умудрялся не пускать в ход свой малый меч даже на гоблинов, — и тут он вспомнил пауков Лихолесья и потуже затянул пояс.

О намёках в словах Тома в FR на историю Ангмара и приход Арагорна здесь, разумеется, нет и помину.

Как уже отмечено, конец главы грубо набросан

карандашом и местами надписан чернилами. Переход через ров — границу старого королевства, о которой «Том, казалось, помнил что-то печальное и не хотел много говорить», — и их выход наконец к Дороге почти таковы, как в FR (с. 158), но остаток лучше привести полностью, как он сперва набросан карандашом, насколько это можно разобрать.

Бинго съехал на тракт и поглядел в обе стороны. Никого не было видно.

— Ну вот, наконец-то мы снова здесь! — сказал он. — Полагаю, из-за короткого пути Мерри мы потеряли не больше дня. Впредь лучше держаться торной дороги.

— Лучше держаться, — сказал Том, — и скакать быстро.

Бинго поглядел на него. Чёрные всадники снова вернулись в его мысли. Он чуть тревожно оглянулся на заходящее солнце, но дорога была бурой и пустой.

— Думаешь, — спросил он, запинаясь, — думаешь, нас будут — э-э — преследовать нынче ночью?

— Не нынче ночью, — сказал Том. — Нет, не нынче ночью. Может, и не на следующий день. Может, и не в ближайшие дни.

Следующий отрывок весьма беспорядочен, и мало что можно разобрать (в первом карандашном тексте); надписанный чернилами, он гласит:

Но наверное сказать не могу. Том не хозяин Всадникам, что выходят из Чёрной Земли далеко за пределами его края. — Всё равно хоббитам хотелось, чтобы Том пошёл с ними. Они чувствовали, что он знал бы, как с ними обойтись, — если кто и знал. Теперь они наконец вступали в земли, вовсе им незнакомые, лежащие за пределами всех, кроме самых дальних, преданий Шира, и они начинали чувствовать себя по-настоящему одинокими, изгнанными и довольно беспомощными. Но Том теперь желал им последнего прощания, веля держаться бодро и скакать дотемна без остановки.

Карандашный текст продолжается:

Но он ободрил их — немного, — сказав, что, по его догадке, Всадники (или некоторые из них) ищут теперь среди курганов. Ибо он, кажется, думал, что Всадников и умертвий связывает какое-то родство или сговор. Если так, в конце концов могло оказаться к лучшему, что они были схвачены. От него они узнали, что в нескольких милях по дороге была старая деревня Бри, на за-

падной стороне Холма Бри.[6] В ней был трактир, которому можно доверять: «Белый Конь» [надписано сверху: Гарцующий Пони]. Хозяин был добрый человек и небезызвестен Тому. «Только помяните моё имя, и он обойдётся с вами честно. Там вы уснёте крепко, а после утро споро отправит вас в путь. Ступайте теперь с моим благословением». Они умоляли его дойти с ними до трактира и выпить с ними ещё разок. Но он рассмеялся и отказался, сказав: «Тому надо приглядеть за домом, и Голдберри ждёт». Затем он повернулся, подбросил шляпу, вскочил на спину Лампкина и поехал за насыпь, прочь, распевая, в сгущающиеся сумерки.

Этот отрывок, вплоть до «Ступайте теперь с моим благословением», был отвергнут, и новая версия написана чернилами на отдельном листе; этот второй текст совпадает с прощальной речью

---

[6] Примечания: 106

Сперва мой отец поставил «старая деревня, в которой был трактир», но изменение на «старая деревня Бри, на западной стороне Холма Бри. В ней был трактир» почти наверняка сделано по ходу письма (как и «Гарцующий Пони» над «Белым Конём»). Здесь это имя появляется впервые, основанное на Брилле (Brill) в Бакингемшире, месте, которое он хорошо знал, ибо оно сидит на холме в Малом Королевстве «Фермера Джайлса из Хэма» (см. Carpenter, Biography, с. 160). Имя Brill происходит от старобриттского слова bre «холм», к которому англичане прибавили своё собственное слово hyll; ср. ВК, Приложение F (с. 414), и «Руководство по именам во „Властелине Колец“» (в сборнике Lobdell, A Tolkien Compass, 1975), статья Archet. ↩ [broken link: #rn15_6]

Тома в FR, с. 159 («Том даст вам добрый совет…»), но здесь он выписан стихотворными строками и с такими отличиями: «достойный хозяин» — Барнабас Баттербур, а не Барлиман, и отсылка к нему сопровождается такими строками:

> *He knows Tom Bombadil, and Tom's name will help you.*
>
> *Say 'Tom sent us here' and he will treat you kindly.*
>
> *There you can sleep sound, and afterwards the morning*
>
> *Will speed you upon your way. Go now with my blessing!*
>
> *Keep up your merry hearts, and ride to meet your fortune!*
>
> *Он знает Тома Бомбадила, и Томово имя вам поможет.*
>
> *Скажите: «Том прислал нас сюда» — и он встретит вас радушно.*
>
> *Там вы уснёте крепко, а после поутру рассвет*
>
> *Споро отправит вас в путь. Ступайте теперь с моим благословением!*
>
> *Храните сердца весёлыми и скачите*

навстречу удаче!

Что эти переделки позднее первого карандашного черновика следующей главы, видно из того, что на всём протяжении того черновика трактирщика звали Тимоти Тайтус, ещё не Барнабас Баттербур (с. 140, примеч. 3).

Конец этой главы снова надписан чернилами, но, насколько я могу разобрать, лишь чтобы прояснить почти нечитаемый карандашный текст:

Хоббиты стояли и глядели ему вслед, пока он не скрылся. Затем, с тяжёлым сердцем (несмотря на его ободрение), они сели на пони, не без оглядок назад вдоль Дороги, и медленно тронулись в вечер. Они не пели, не разговаривали и не обсуждали события прошлой ночи, а молча брели вперёд. Бинго и Мерри ехали впереди, Одо и Фродо, ведя запасного пони, — позади.

Совсем стемнело, прежде чем они увидели огоньки, мерцающие в некотором отдалении впереди. Перед ними вздымался Холм Бри, преграждая путь, тёмным склоном на фоне туманных звёзд, и под ним, на западной его стороне, уютно гнездилась деревенька.

Глава 8. ПРИБЫТИЕ В БРИ

Мой отец без перерыва перешёл к описанию жителей Бри. Впоследствии он надписал первоначальный карандашный текст чернилами, и в этом виде, по необходимости, я и привожу его здесь.[1]

В некотором смысле небольшая — в ней было, пожалуй, около пятидесяти домов на склоне холма и большой трактир из-за движения по Дороге (хотя теперь оно стало меньше прежнего). Но на деле это была деревня, выстроенная Большим Народом, — главным образом (ближайшее к Ширу оседлое поселение этого рослого и загадочного племени). Немногие в те дни селились так далеко на Западе, и народ Бри (вместе с соседними деревнями Стэддл и Крик) был общиной чудно́й и довольно обособленной, не принадлежавшей никому, кроме самих себя (и более привычной иметь дело с хоббитами, гномами и прочими чудны́ми обитателями мира, чем были или есть

---

[1] Примечания: 107

Обрывки исподнего текста на деле можно разобрать: довольно, чтобы показать, что замысел Бри как деревни Людей, хоть и с «хоббитами вокруг», был налицо. ↩ [broken link: #rn16_1]

привычны люди Большого Народа). Они были смуглолицы, темноволосы, широки, коренасты, веселы и независимы. Ни они, ни кто-либо другой не знал, почему и когда они поселились там, где жили. Земля в тех краях и на многие мили к востоку была в те дни довольно пуста.

Этот отрывок мой отец затем вычеркнул и начал заново. Он всё ещё нумеровал страницы непрерывно от начала Главы VI (истории об умертвии), но, дойдя до песни Бинго в трактире, осознал, что давно уже зашёл в новую главу, и проставил здесь «VII» — то есть в начале этого нового рассказа о народе Бри. И снова без заглавия.

Рукопись этой главы — документ чрезвычайно запутанный: карандаш, надписанный чернилами (порой остающийся отчасти разборчивым, порой нет), карандаш не надписанный, но перечёркнутый, карандаш, оставленный как есть, и свежее сочинение чернилами, вместе со вставками на листках и сложными указаниями для вставок. Нет оснований полагать, что «слои» значительно разнесены во времени, но история развивалась по мере того, как отец писал, и единственный способ дать связный текст — привести рукопись в её последней форме. Глава дана почти полностью, ибо, хотя многое было сохранено,

лишь по полному тексту ясно видно, какова́ была история, но для удобства я делю её в этой книге на две главы, разрывая повествование там, где кончается глава 9 FR («Под вывеской „Гарцующего Пони“») и начинается 10-я («Бродяжник»).

Взаимосвязи строения глав в дальнейшей части истории неизбежно сложны, и лучше всего их видно из таблицы:

[Здесь в оригинале — таблица соответствия черновых глав главам FR.]

В начале этого текста видно, что присутствие Людей в Бри было временно оставлено, и описание их облика в только что приведённом отвергнутом отрывке теперь применено к хоббитам земли Бри; трактирщик — хоббит, а у «Гарцующего Пони» круглая парадная дверь, ведущая в склон Холма Бри.

В Бри (и в соседних деревнях Комб и Арчет)[2] жил, конечно, хоббичий народ. Далеко не все хоббиты жили в Шире, но Чужаки были народ деревенский, чтобы не сказать (хотя в Шире часто так говорили) неотёсанный, и в большом счёте их не держали. Вероятно, их было куда больше рассеяно по Западу мира в те дни, чем вообража-

---

[2] Примечания: 108

Крик (с. 132) исчез навсегда (но ср. «Крикхоллоу»); Стэддл тоже, но лишь временно. ↩ [broken link: #rn16_2]

ли в Шире, хотя многие и впрямь были не лучше бродяг и скитальцев, готовых вырыть грубую нору в любом откосе и оставаться лишь столько, сколько им удобно. Однако жители деревень Бри, Комб и Арчет были народ оседлый (на деле не более деревенский, чем большинство их дальней родни в Хоббитоне) — но довольно чудно́й и независимый, и не принадлежали никому, кроме самих себя. Кожей они были смуглее, волосом темнее, чуть плотнее, заметно шире (и, пожалуй, малость крепче) среднего хоббита Шира. Ни они, ни кто-либо другой не знал, почему и когда они поселились именно там, но там они и были, в умеренном достатке и довольстве. Земля кругом была в те дни очень пуста на многие лиги, и мало кого (из Большого Народа или Малого) можно было встретить за дневной переход. Из-за Дороги трактир в Бри был довольно велик, но движение, на восток или на запад, стало меньше прежнего, и трактир служил теперь главным образом местом встреч праздных, словоохотливых, общительных или любопытных жителей деревень и чудны́х обитателей более дикого края вокруг.

Когда наши четверо хоббитов наконец въехали в Бри, они были очень рады. Дверь трактира была открыта. Это была большая круглая дверь,

ведущая в склон Холма Бри, у которого дорога сворачивала, петлёй уходя вправо, и пропадала во тьме. Из двери на дорогу лился свет, над нею качался фонарь, а под ним — вывеска: толстый белый пони, стоящий на задних ногах. Над дверью было выведено белыми буквами: «Гарцующий Пони. Хозяин Барнабас Баттербур».[3] Внутри кто-то пел песню.

Когда хоббиты слезали с пони, песня кончилась, и грянул взрыв хохота. Бинго шагнул внутрь и едва не врезался в самого большого и толстого хоббита, какого видывал за все свои дни в сытом Шире. Это был, очевидно, сам г-н Баттербур. На нём был белый фартук, и он сновал из одной двери в другую с подносом, полным наполненных кружек.

— Можно ли нам?.. — сказал Бинго.

— Минуточку, прошу прощения, — крикнул хозяин через плечо и сгинул в гомоне голосов и облаке дыма за дверью. Через миг он снова вынырнул, вытирая руки о фартук. — Добрый вечер,

---

[3] Примечания: 109

Барнабас Баттербур написано чернилами поверх первоначального имени карандашом: Тимоти Тайтус. Тимоти Тайтус было именем трактирщика в исподнем карандашном тексте на всём протяжении главы. Это имя уцелело от старой истории моего отца, от которой существует лишь пара страниц (несомненно, всё, что вообще было записано), но тот Тимоти Тайтус не имел ни малейшего сходства с г-ном Баттербуром. ↩ [broken link: #rn16_3]

господин, — сказал он. — Чего изволите?

— Постелей на четверых и стойла на пять пони, — сказал Бинго, — если это возможно устроить. Мы нынче проделали долгий путь. Вы, верно, г-н Баттербур?

— Так и есть, — ответил он. — Барнабас моё имя, Барнабас Баттербур к вашим услугам — если это возможно. Но дом почти полон, и стойла тоже.

— Я и боялся, что так, — сказал Бинго. — Слышал, дом у вас отменный. Нам особо советовал остановиться здесь наш друг Том Бомбадил.

— В таком случае всё можно устроить! — сказал г-н Баттербур, хлопая себя по ляжкам и сияя. — Заходите прямо внутрь! А как поживает старина? Сумасброден и весел, но веселья в нём больше, чем сумасбродства, ручаюсь! Что ж он сам не пришёл, вот бы повеселились! Эй! Ноб![4] Иди сюда! Где ты, мохноногий копуша? Бери сумки гостей! Где Боб? Не знаешь? Так выясни! Живо-живо. Не шесть же у меня ног, ни шести рук, ни шести глаз. Скажи Бобу, что пять пони надо поставить в стойла. Да хорошо смотри. Ну так освободи место,

---

[4] Примечания: 110

Ноба сперва звали Лоб; это уцелело до стадии рукописи чернилами и затем было изменено. ↩ [broken link: #rn16_4]

хоть бы и в спальнях им стоять![5] Заходите прямо внутрь, господа, все до одного. Рад знакомству! Как, бишь, вы назвались? Г-н Хилл, г-н Риверс, г-н Грин и г-н Браун.[6] Не скажу, чтоб слыхал прежде эти имена, но рад познакомиться и услыхать их теперь.

Имена Бинго, разумеется, выдумал на ходу, вдруг почувствовав, что вовсе не мудро оглашать их настоящие имена в хоббичьем трактире на большой дороге. Хилл, Риверс, Грин, Браун звучали для хоббитов куда более странными именами, чем для нас, и у г-на Баттербура были свои причины счесть их неправдоподобными. Однако пока он об этом ничего не сказал.

— Да что там, — продолжал он, — смею сказать, на свете полно чудны́х имён и чудно́го народу,

---

[5] Примечания: 111

Первоначальный карандашный текст шёл отсюда так:

Заходите прямо внутрь. Рад знакомству. Г-н Тук, вы сказали? Ох ты, помню это имя. Бывало, Туки и не думали отказываться проехаться сюда просто поболтать с моим стариком-отцом или со мной. Г-н Одо Тук, г-н Фродо Тук, г-н Мерри Брендибак, г-н Бинго Бэггинс. Дайте-ка подумать, что-то это мне напоминает? Неважно, припомнится. Одно вытесняет другое. Нынче малость занят. Понаехало народу. Эй, Ноб! Неси эти сумки (и т. д.)

Этот отрывок мой отец вычеркнул, пометив «хоббиты должны прятать имена», и написал карандашом на вставном листке два таких отрывка:

Г-н Фродо Уокер, г-н Одо Уокер — не скажу, чтоб встречал прежде это имя. (Бинго выдумал его на ходу, вдруг сообразив, что неразумно оглашать их настоящие имена в хоббичьем трактире на большой дороге.)

Как, бишь, вы назвались — все Уокеры, г-н Бен Уокер и три племянника. Не скажу, чтоб встречал прежде это имя, но рад знакомству.
Их тоже вычеркнули, и был принят отрывок, что следует в тексте («Заходите прямо внутрь, господа, все до одного…»), карандаш, надписанный чернилами. ↩ [broken link: #rn16_5]

[6] Примечания: 112

В исподнем карандашном тексте этого места мой отец написал Ферни, но тут же изменил на Хилл, а в тексте чернилами написал Феллоуз, но изменил на Грин. Позже, в отвергнутом карандашном черновике, г-н Баттербур говорит: «Да что вы, г-н Магворт. Что ж, покуда г-н Риверс и оба г-на Феллоуза тоже не исчезнут (не уплатив по счёту), он — желанный гость» (то есть исчезнуть в воздухе, как, по уверению Магворта, тот и сделал: FR, с. 173). ↩ [broken link: #rn16_6]

о каких мы тут и не слыхивали. Ширский народ мы нынче видим нечасто. Бывало, Туки-то, к примеру, частенько заезжали поболтать со мной или с моим стариком-отцом. Редкостно добрый народ были Туки. Говорят, в них была бри́йская кровь, и они не вполне походили на прочий ширский народ, но не мне о том судить. Да что там! Надо бежать. Но погодите-ка минутку! Четыре всадника и пять пони? Дайте подумать, что-то это мне напоминает? Неважно, припомнится. Всё в свой час. Одно вытесняет другое, как говорится. Нынче я малость занят. Понаехало народу, нежданно. Эй, Ноб! Неси эти сумки в комнаты гостей. Вот так. С седьмого по десятый по западному проходу. Поживей! Ужинать будете? Будете. Так я и думал. Скоро, не сомневаюсь. Хорошо, господа, скоро так и будет. Сюда вот! Эта комната, надеюсь, придётся вам в самый раз. Простите уж. Надо бежать. Тяжкий труд для двух ног, да я не худею. Загляну ещё попозже. Чего понадобится — звоните в колокольчик, и Ноб придёт. А не придёт — кричите!

Он умчался, оставив их слегка запыхавшимися. Он не переставал говорить с ними (вперемешку с раздачей приказов и наставлений другим снующим по проходам хоббитам) с той минуты, как поприветствовал Бинго, и до того, как ввёл их

в небольшую, но уютную отдельную гостиную. В очаге горел яркий огонёк; были там весьма удобные кресла и круглый стол, уже накрытый белой скатертью. На нём стоял большой колокольчик. Но Ноб, маленький круглый кудрявый краснолицый хоббит, прибежал хлопотать вокруг них задолго до того, как они подумали им воспользоваться.

— Чего-нибудь выпить желаете, господа? — спросил он. — Или показать вам ваши комнаты, пока готовится ужин?

Они умылись и уже наполовину осушили по доброй глубокой кружке пива, когда г-н Баттербур снова прибежал рысцой, а за ним Ноб. С ними вошёл славный запах. В мгновение ока стол был накрыт. Горячий суп, холодное мясо, свежие караваи, горы масла, сыр и свежие плоды — вся та добрая, простая, плотная еда, милая хоббичьему сердцу, была поставлена перед ними в изобилии. Они принялись за неё с охотой — не без мимолётной мысли (особенно в уме Бинго), что за это надо платить, а запас денег у них не бесконечен. Слишком скоро настанет пора, когда им придётся проходить мимо добрых трактиров (даже если

удастся их сыскать).[7]

Г-н Баттербур повертелся вокруг немного, а затем собрался уходить.

— Не знаю, не угодно ли вам присоединиться после ужина к обществу, — сказал он, стоя в дверях. — Но, может, вы предпочтёте отыскать свои постели. Всё же общество радо будет вас приветить, коли пожелаете. Путников из Шира — чужаками мы их зовём, не прогневайтесь — мы нынче видим нечасто, и любим послушать новости или какую новую песню, что у вас на уме. Но как вам угодно, господа. Звоните в колокольчик, если чего пожелаете.

Не было упущено ничего, чего бы они могли пожелать, так что в колокольчик звонить им не пришлось. Столь освежёнными и ободрёнными они почувствовали себя к концу ужина (около 55 минут ровной работы, не задержанной лишним разговором), что решили присоединиться к обществу. По крайней мере, Одо, Фродо и Бинго. Мерри сказал, что, по его мнению, там будет слишком душно.

— Я либо посижу тут тихонько у огня, либо

---

[7] Примечания: 113

Ср. слова Бинго к Гилдору, с. 62: «Я подошёл к концу своего богатства». Нынешний отрывок был отвергнут и в FR не появляется, но ср. с. 172, примеч. 3. ↩ [broken link: #rn16_7]

выйду подышать воздухом на улице. Следите за собой и не забывайте, что вы будто бы бежите тайно и что вы — г-н Хилл, г-н Грин и г-н Браун.

— Ладно, — сказали они.

— Сам берегись! Не заблудись и не забывай, что в доме безопаснее всего.

Затем они пошли и присоединились к обществу в большой общей зале трактира. Собрание было велико, как они обнаружили, едва глаза их привыкли к свету. Свет шёл главным образом от большого огня в широком очаге, ибо довольно тусклые лучи трёх ламп, свисавших с потолка, мутил дым. Барнабас Баттербур стоял у огня. Он представил их так быстро, что они не уловили и половины названных имён и не разобрали, кому принадлежат те, что уловили. Кажется, было несколько Магвортов (на их взгляд, чудно́е имя), а также другие, довольно ботанические имена вроде Рашлайт, Хизертоус, Ферни и Эпплдор (не говоря уж о Баттербуре);[8] были и кое-какие (для хоббитов) обычные имена вроде Бэнкс, Лонгхолс, Брокхаус, Сэндхивер и Туннелли, не безызвестные среди более деревенских жителей Шира.

---

[8] Примечания: 114

Appledore: «яблоня» (древнеангл. apuldor). — В FR (с. 167) эти «ботанические» имена — прежде всего имена семейств Людей в Бри. ↩ [broken link: #rn16_8]

Но они отлично обошлись и без фамилий (в том обществе ими почти не пользовались). С другой стороны, общество, едва обнаружив, что чужаки из Шира, расположено было дружелюбно и любопытствовало. Бинго и не пытался скрыть, откуда они, зная, что одежда и говор выдадут их тотчас. Но он объявил, что увлечён историей и географией, на что было много кивания головами (хотя ни одно из этих слов не было знакомо бри́йскому говору); и что он пишет книгу (на что наступило безмолвное изумление); и что он с друзьями намерен попытаться разузнать кое-что о разных рассеянных восточных хоббитах. Тут грянул целый хор голосов, и, если бы Бинго и впрямь собирался написать такую книгу (да имел бы много ушей и довольно терпения), он за несколько минут узнал бы немало, а также получил бы кучу советов, к кому обратиться за более обильными и глубокими сведениями.

Но спустя время, видя, что Бинго не выказывает никаких признаков того, что вот-вот напишет книгу, общество вернулось к более свежим и увлекательным темам, а Бинго сидел в углу, слушая и оглядываясь. Одо и Фродо очень быстро освоились и вскоре (к немалому беспокойству Бинго) принялись живо рассказывать о недавних

событиях в Шире. Слышались смех и кивание головами, и кое-какие вопросы. Вдруг Бинго заметил, что чудно́го вида смуглолицый хоббит, сидевший в тени позади прочих, тоже внимательно слушает. Перед ним стояла огромная кружка (больше похожая на кувшин), и он курил трубку со сломанным черенком прямо под своим довольно длинным носом. Одет он был в тёмное грубое бурое сукно и, несмотря на тепло, был в капюшоне, — и, что весьма примечательно, на нём были деревянные башмаки! Бинго видел, как они торчат под столом перед ним.

— Кто это там? — сказал Бинго, улучив случай шепнуть г-ну Баттербуру. — По-моему, его вы не представили.

— Его? — сказал Барнабас, скосив глаз и не поворачивая головы. — О! Это один из дикого народа — следопытами мы их зовём. Он наведывается время от времени (больше осенью и зимой) последние несколько лет, но говорит редко. Не то чтоб он не умел порассказать редкостных баек, когда захочет, уж поверьте моему слову. Как его настоящее имя, я и не слыхивал, но тут он известен как Топотун (Trotter). Слыхать, как он идёт по дороге в этих башмаках: клац-клап — когда ступает по тропе, а это нечасто. Зачем он

их носит? Ну, этого не скажу. Но на Восток и на Запад тут управы нет, как мы говорим, разумея Следопытов и ширский народ, не прогневайтесь.

Г-на Баттербура в этот миг кликнули, не то он мог бы шептать в таком духе без конца.

Бинго обнаружил, что Топотун глядит на него, словно расслышал или угадал всё, что было сказано. Вскоре Следопыт щелчком и взмахом руки пригласил Бинго подсесть к нему, и когда Бинго сел рядом, он откинул капюшон, открыв длинную косматую голову, часть волос свисала на лоб. Но они не скрывали пары зорких тёмных глаз.

— Я Топотун, — сказал он тихо. — Очень рад познакомиться, г-н… Хилл, если старый Барнабас верно расслышал ваше имя?[9]

— Верно, — сказал Бинго довольно сухо: ему было совсем не по себе под взглядом этих тёмных глаз.

— Что ж, г-н Хилл, — сказал Топотун, — на вашем месте я остановил бы ваших молодых друзей, что болтают чересчур много. Выпивка, огонь и случайные встречи — дело хорошее, но

---

[9] Примечания: 115

В исподнем карандашном тексте здесь ещё стояло: «Очень рад познакомиться с г-ном Бинго Бэггинсом», и следующие слова Топотуна начинались: «Что ж, г-н Бинго…» См. примеч. 5. ↩ [broken link: #rn16_9]

— что ж, это не Шир. Тут бродит чудно́й народ — хоть и мне бы того не говорить, — прибавил он с усмешкой, заметив взгляд Бинго. — И через Бри не так давно проезжали чудны́е путники, — продолжал он, вглядываясь в лицо Бинго.

Бинго вгляделся в ответ, но Топотун не подал больше никакого знака. Он, казалось, вдруг прислушался к Одо. Одо теперь давал комический отчёт о Прощальном Угощении и как раз добрался до исчезновения Бинго. Наступила тишина ожидания. Бинго почувствовал серьёзную досаду. Какой был прок исчезать из Шира, если осёл взял да и выдал их имена пёстрой толпе в трактире на большой дороге! Уже и теперь Одо сказал довольно, чтобы пустить в догадки острые умы (Топотуна, к примеру), и скоро станет очевидно, что «Хилл» — не кто иной, как Болджер-Бэггинс (из Бэг-Энда, Андерхилл). И Бинго почему-то чувствовал, что будет опасно, даже гибельно, если Одо помянет Кольцо.

— Лучше сделай что-нибудь, да побыстрей! — сказал Топотун ему на ухо.

Бинго вскочил на стол и начал говорить. Внимание тотчас отвлеклось от Одо, и несколько хоббитов засмеялись и захлопали (возможно, решив, что г-н Хилл принял эля больше, чем ему

на пользу). Бинго вдруг занервничал и, по своей привычке во время речи, принялся перебирать в кармане разные вещицы. Смутно он нащупал там цепочку и Кольцо и звякнул им о несколько медных монет, но это не больно ему помогло, и после нескольких приличествующих слов, как сказали бы в Шире (вроде «Все мы весьма признательны за любезность вашего приёма» и тому подобного), он умолк и закашлялся.

— Песню! Песню! — закричали они. — Ну-ка, господин, спой нам что-нибудь.

В отчаянии Бинго затянул нелепую песню, которую любил Бильбо (вероятно, он её и сочинил).[10]

[Песня][11]

Раздались громкие рукоплескания. У Бинго

---

[10] Примечания: 116

Далее следует: «Она шла на хорошо известный напев, и общество подхватывало припев» — с отсылкой к песне, что первоначально была дана здесь Бинго (см. примеч. 11), где есть припев; эта фраза была вычеркнута, когда вместо неё была избрана «Кошка и скрипка». ↩ [broken link: #rn16_10]

[11] Примечания: 117

Сперва мой отец написал здесь «Песнь о тролле», и грубая, незаконченная её версия находится в рукописи в этом месте. По-видимому, он почти сразу решил заменить её на «Кошку и скрипку», и в рукописи есть также два текста этой песни, каждый предварён словами (как в FR, с. 170):

Она была о Трактире, и, полагаю, это и навело её Бинго на ум. Вот она полностью, хотя нынче обыкновенно помнят лишь несколько слов из неё.

Об истории и ранних формах этих песен см. «Заметку о песнях в „Гарцующем Пони“», что следует ниже. — То, что в Бри будет песня, уже предусмотрено в первобытном наброске, данном на с. 126: «Они спят в трактире и слышат вести о Гэндальфе. Весёлый трактирщик. Застольная песня». ↩ [broken link: #rn16_11]

был хороший голос, а общество было не слишком разборчиво.

— Где старина Барни? — кричали они. — Ему бы это послушать. Выучить бы ему свою кошку играть на скрипке, вот бы поплясали. Несите ещё эля, и давай-ка ещё разок!

Они заставили Бинго выпить ещё и спеть песню сызнова, и многие подхватывали, ибо напев был хорошо известен, а слова они схватывали быстро.

Изрядно ободрённый, Бинго заскакал по столу, и когда он во второй раз дошёл до «и корова прыгнула выше луны», он подпрыгнул в воздух. Слишком уж рьяно:[12] ибо приземлился он прямо в поднос, полный кружек, а затем поскользнулся и скатился со стола с грохотом, лязгом и стуком. Но куда сильнее заняло общество и разом оборвало их крики и хохот его исчезновение. Когда Бинго скатился со стола, он попросту исчез с

---

[12] Примечания: 118

В первоначальном тексте, где песней должна была быть Песнь о тролле, замечаний публики о кошке и скрипке, разумеется, нет. Вместо того, после «общество было не слишком разборчиво», следовало:

Они заставили его выпить и затем спеть всё сызнова. Изрядно ободрённый, Бинго заскакал по столу, и когда он во второй раз дошёл до «свой сапог пускать, где надо», он пнул воздух. Слишком уж натурально: он потерял равновесие и упал…

Строка «свой сапог пускать, где надо» (His boot to bear where needed) встречается в версии Песни о тролле, написанной для этого эпизода. ↩ [broken link: #rn16_12]

грохотом, словно провалился сквозь пол, не проделав в нём дыры.

Местные хоббиты повскакивали на ноги и принялись звать Барнабаса. Они отшатнулись от Одо и Фродо, которые остались одни в углу, и на них издали глядели мрачно и подозрительно, словно они были спутниками бродячего чародея сомнительного происхождения и неведомой силы и цели. Был там один смуглолицый малый, что стоял, поглядывая на них с этаким понимающим видом, от которого им делалось не по себе. Очень скоро он выскользнул за дверь, а за ним один из его приятелей: пара не из приглядных.[13]

Бинго тем временем, чувствуя себя дураком (и совершенно справедливо) и не зная, что ещё делать, отполз под столами в угол к Топотуну, который сидел всё так же невозмутимо. Затем он прислонился к стене и снял Кольцо. По злой случайности он как раз перебирал его в кармане в роковой миг и в внезапном испуге при падении надел его.

---

[13] Примечания: 119

Поскольку народ Бри на этой стадии мыслился так, как описано, неприглядная пара, по-видимому, была бы хоббитами, и в следующей главе Билл Ферни прямо таков (с. 165). Его спутник здесь — исток «косоглазого южанина», что пришёл по Зелёному Пути (FR, с. 168), но об этой составляющей пока нет и намёка на ещё весьма ограниченном полотне. ↩ [broken link: #rn16_13]

— Эге! — сказал Топотун. — Это ты к чему? Хуже всего, что могли бы сказать твои друзья. Влип ты по самые уши, а?

— Не понимаю, о чём ты, — сказал Бинго (раздражённо и встревоженно).

— О нет, понимаешь, — сказал Топотун. — Но лучше обождём, пока шум уляжется. Тогда, если не возражаешь, г-н Болджер-Бэггинс, я хотел бы перемолвиться с тобой словечком наедине.

— О чём? — сказал Бинго, делая вид, что не замечает внезапного употребления его настоящего имени.

— О, о чародеях и тому подобном, — сказал Топотун с усмешкой. — Услышишь кое-что себе на пользу.

— Что ж, — сказал Бинго. — Увидимся позже.

Тем временем у очага шёл спор в хоре голосов. Г-н Баттербур прибежал рысцой и пытался слушать разом множество противоречивых рассказов.

Дальнейшая часть текста, вплоть до конца главы 9 в FR, почти слово в слово та же, что и в окончательной версии, с лишь такими отличиями, каких и следовало ожидать: «г-н Андерхилл» (Mr Underhill) в FR — это «г-н Хилл»; «Вон г-н Тук — он-то не исчез» — это «Вон г-н Грин и г-н Браун

— они-то не исчезли»; и нет упоминаний ни о Людях Бри, ни о гномах, ни о странных Людях — в обиде удаляется просто «общество». Но в конце, когда Бинго сказал хозяину: «Не присмотрите ли, чтобы наши пони были готовы?», старое повествование расходится:

— Вот так так! — сказал хозяин, щёлкнув пальцами. — Минуточку. Припомнилось мне, как я и говорил. Батюшки! Четыре хоббита и пять пони!

Как уже объяснялось, хотя я и кончаю главу здесь, самая ранняя версия без перерыва переходит в то, что впоследствии стало главой 10 «Бродяжник»; см. таблицу на с. 133.

Заметка о песнях в «Гарцующем Пони»

(i) Песнь о тролле

Когда мой отец дошёл до сцены, где Бинго поёт песню в «Гарцующем Пони», он сперва использовал «Песнь о тролле» (примеч. 11 выше). Первоначальная её версия, под названием «Корень сапога» (The Root of the Boot), восходит к его годам в Лидском университете; она была частным образом напечатана в брошюрке под заглавием «Песни для филологов» (Songs for the Philologists), Университетский колледж, Лондон, 1936 (об истории этого издания см. с. 144–145). Мой отец был чрезвычайно привязан к этой песне, что шла на напев «The fox went out on a winter's night» («Лис вышел зимней ночью»), и моя любовь к строке «If bonfire there be, 'tis underneath» («Коль есть там костёр — то под ним он, внизу») — из самых ранних моих воспоминаний. Два экземпляра этой брошюрки попали к отцу позднее (в 1940–1941 годах), и в некий неустановимый срок он выправил текст, убрав закравшиеся мелкие ошибки. Я привожу здесь текст, как он напечатан в «Песнях для филологов», с этими поправками.

КОРЕНЬ САПОГА

A troll sat alone on his seat of stone,
And munched and mumbled a bare old bone;
And long and long he had sat there lone
And seen no man nor mortal –
Ortal! Portal!
And long and long he had sat there lone
And seen no man nor mortal.

Тролль сидел одиноко на камне-седле
и мусолил мосол в вечерней мгле;
век за веком сидел он один во мгле,
не видя ни люда, ни смертных —
Мёртвых! Твёрдых!
век за веком сидел он один во мгле,
не видя ни люда, ни смертных.

Up came Tom with his big boots on;
'Hallo!' says he, pray what is yon?
It looks like the leg o' me nuncle John
As should be a-lyin' in churchyard.
Searchyard, Birchyard! etc.

Вышел Том, в сапожищах, шажком:

«Эй! — говорит. — А это там что ещё в нём?

Похоже на ногу дядюшки Джона,

что в погосте давно бы лежать — поделом!

Сысколом, Берёзколом!» и т. д.

‘Young man,’ says the troll, ‘that bone I stole;

But what be bones, when mayhap the soul

In heaven on high hath an aureole

As big and as bright as a bonfire?

On fire, yon fire!’

«Юнец, — молвит тролль, — эту кость я стянул;

да что нам кости, коль дух упорхнул

в горнюю высь, где над ним блеснул

венец, что любого костра светлее —

с костра, на горе ей!»

Says Tom: ‘Oddsteeth! ’tis my belief,

If bonfire there be, ’tis underneath;

For old man John was as proper a thief

As ever wore black on a Sunday –

Grundy, Monday!

Том говорит: «Зуб даю, сдаётся:
коль есть там костёр — то под ним он найдётся;
ведь старый-то Джон был жулик, какого
под чёрным не сыщешь в воскресный —
Воскресный, чудесный!

But still I doan't see what is that to thee,
Wi' me kith and me kin a-makin' free:
So get to hell and ax leave o' he,
Afore thou gnaws me nuncle!
Uncle, Buncle!'

Но всё ж не пойму, тебе-то с чего
зубатиться с роднёй моей, естество:
ступай-ка ты в ад да проси у него,
покуда не сгрыз ты дядьку —
Дядьку, Оладьку!»

In the proper place upon the base
Tom boots him right – but, alas! that race
Hath a stonier seat than its stony face;

So he rued that root on the rumpo,
Lumpo, Bumpo!

И в надлежащее место, что ниже спины,
Том двинул сапог — но, увы, той родни
сиденье каменней морды, поди ж;
и взвыл наш Том, наподдав по тумбе —
Лумбе, Бумбе!

Now Tom goes lame since home he came,
And his bootless foot is grievous game;
But troll's old seat is much the same,
And the bone he boned from its owner!*
Donor, Boner!

Хромает Том с тех пор, как пришёл,
и босой ноге его горький солон;
а троллев-то зад как был, так и цел,
и кость уволок у владельца —
Дарельца, Костельца!

* bone (гл.) — стащить, умыкнуть.

Помимо исправления ошибок в тексте, напечатанном в «Песнях для филологов», мой отец изменил также третью строку в строфе 3 на «Hath

a halo in heaven upon its poll» («Имеет в небе нимб на челе»).

Первоначальная карандашная рукопись песни ещё цела. Заглавие было Pēro & Pōdex («Сапог и Зад»), а строфа 6 в первом виде шла так:

In the proper place upon the base
Tom boots him right – but, alas! that race
Hath as stony a seat as it is in face,
And Pero was punished by Podex.
Odex! Codex!

И в надлежащее место, что ниже спины,
Том двинул сапог — но, увы, той родни
сиденье не мягче, чем морда, поди ж,
и Перо был наказан Подексом.
Одексом! Кодексом!

Мой отец сделал новую версию песни для Бинго, чтобы тот спел её в «Гарцующем Пони», подходящую для задуманного места, и, как уже упомянуто, она находится в рукописи нынешней главы, но она всё ещё в черновом, неустоявшемся виде и была оставлена незаконченной. Решив, что в этом месте он её всё же не использует, он не

ввёл её тотчас обратно во «Властелина Колец»; в главе XI будет видно, что, хотя посещение хоббитами места встречи Бильбо с тремя троллями было полностью налицо с первой версии, песни там не было. Её ввели сюда лишь позднее, но ранние черновики «Песни о тролле» Сэма идут чередою от версии, предназначавшейся для Бинго в Бри.

Песни для филологов.

Истоки материала в этой книжице восходят к Лидскому университету 1920-х годов, когда профессор Э. В. Гордон (коллега и близкий друг моего отца, безвременно скончавшийся летом того же, 1938, года) делал машинописи для нужд студентов кафедры английского. «Его источниками, — по словам моего отца, — были рукописи моих собственных стихов и его… со множеством добавлений современных и традиционных исландских песен, взятых большею частью из исландских студенческих песенников».

В 1935 или 1936 году д-р А. Х. Смит из Лондонского университета (в прошлом студент Лидса) отдал одну из этих машинописей (невыправленную) группе студентов-отличников, чтобы те набрали её на елизаветинском печатном станке. Итогом стала книжица под заглавием

ПЕСНИ ДЛЯ ФИЛОЛОГОВ

Дж. Р. Р. Толкина, Э. В. Гордона и других

Частно напечатано на кафедре английского в Университетском колледже, Лондон

MCMXXXVI

В ноябре 1940 года Уинифред Хазбендс из Университетского колледжа написала моему отцу и объяснила, что «когда книги были готовы, д-р Смит спохватился, что так и не спросил ни вашего разрешения, ни разрешения профессора Гордона, и сказал, что книги нельзя распространять, пока это не будет сделано, — но, насколько мне известно, он так вам об этом и не написал и не сказал, хотя я не раз ему о том напоминала. Печальный итог в том, что бóльшая часть напечатанных экземпляров, оставшись нерозданной в наших комнатах на Гауэр-стрит, погибла, как и сам станок, в пожаре, что уничтожил ту часть здания Колледжа». Поэтому моего отца попросили дать своё разрешение задним числом. К тому времени ей было известно 13 экземпляров, но впоследствии она нашла ещё, не знаю сколько; мой отец получил два (с. 142).

«Песен для филологов» — тридцать, на готском, исландском, древне-, средне- и современном английском и латыни, и несколько стихотворений

на макароническом смешении языков. Моему отцу принадлежали 13 (6 на современном английском, 6 на древнеанглийском, 1 на готском), а Э. В. Гордону — два. Три древнеанглийских стихотворения моего отца и одно на готском напечатаны с переводами в приложении к книге профессора Т. А. Шиппи «The Road to Middle-earth» («Дорога в Средьземелье», 1982).*

* Здесь удобно привести объяснение моего отца о значении Берёзы, что появляется в двух стихотворениях, приведённых профессором Шиппи (см. его книгу, с. 206–207); ср. также «Берёзкол» в припеве строфы 2 «Корня сапога». В заметке на одном из своих экземпляров «Песен для филологов» мой отец написал: «[руническая буква] B, Bee и (из-за рунического имени [буквы]) Birch — всё символизирует средневековые и филологические штудии (включая исландский); тогда как A, [руническая буква] и Āc (дуб) обозначают „современную литературу“. Эта более приятная геральдика (и дружеское соперничество с подначками) выросла из мрачного утверждения в Программе, что занятия должны „делиться на две Схемы, Схему A и Схему B“. A была главным образом современной, а B — главным образом средневековой и филологической. Песни же,

празднества и прочие увеселения были по большей части достоянием [Схемы B]».

(ii) Кошка и скрипка

«Кошка и скрипка», что стала песней Бинго в «Гарцующем Пони», была опубликована в 1923 году в «Yorkshire Poetry», т. II, № 19 (Лидс, Swan Press). Я привожу здесь текст, как он находится в первоначальной рукописи, написанной на бумаге Лидского университета.

КОШКА И СКРИПКА,

или

Расстроенный детский стишок и раскрытая его скандальная тайна

They say there's a little crooked inn
Behind an old grey hill,
Where they brew a beer so very brown
The man in the moon himself comes down,
And sometimes drinks his fill.

Стоит, говорят, кривой трактирок
за старым седым холмом,
там варят такой коричневый эль,
что сам Лунный Старик нисходит на хмель
и пьёт допьяна порой.

And there the ostler has a cat
That plays a five-stringed fiddle;
Mine host a little dog so clever
He laughs at any joke whatever,
And sometimes in the middle.

И есть у конюха кошка там,
что пилит на скрипке пятиструнной;
а у хозяина — пёсик-хитрец,
любой он шутке смеётся, стервец,
порой — в середине самой.

They also keep a hornéd cow,
'Tis said, with golden hooves –
But music turns her head like ale,
And makes her wave her tufted tail,
And dance upon the rooves.

Держат там и рогатую корову,
с золотым, говорят, копытцем —
но музыка ей, что эль, мутит,
хвостом она машет, в зенит летит
и пляшет по самым крышам.

But O! the rows of silver dishes

And the store of silver spoons:
For Sunday there's a special pair,
And these they polish up with care
On Saturday afternoons.

Но О! ряды серебряных блюд
и ложек серебряный строй:
для воскресенья — особая пара,
её натирают усердно и яро
субботней порой дневной.

The man in the moon had drunk too deep,
*The ostler's cat was totty,**
A dish made love to a Sunday spoon,
The little dog saw all the jokes too soon,
And the cow was dancing-dotty.

Лунный Старик нахлестался вглубь,
кошка конюха — в шата́нье,
блюдо к воскресной ложке льнёт,
пёсик все шутки ловит вперёд,
корову трясёт в плясанье.

The man in the moon had another mug
And fell beneath his chair,

And there he called for still more ale,
Though the stars were fading thin and pale,
And the dawn was on the stair.

Лунный Старик хватил ещё кружку
и сполз под стул, и там
ещё подавай ему эля, кричит,
хоть звёзды бледнеют, рассвет стучит
уже по самым ступеням.

Then the ostler said to his tipsy cat:
‘The white horses of the Moon,
They neigh and champ their silver bits,
For their master’s been and drowned his wits,
And the Sun’ll be rising soon –

И конюх молвил хмельной своей кошке:
«Белые кони Луны
ржут и грызут серебро удил,
ведь их господин рассудок пропил,
а Солнце вот-вот из волны —

Come play on your fiddle a hey-diddle-

diddle,
A jig to wake the dead.'
So the cat played a terrible drunken tune,
While the landlord shook the man in the moon:
''Tis after three,' he said.

Сыграй же на скрипке хей-дидл-дидл,
джигу, чтоб мёртвых поднять!»
И кошка хватила пьянющий мотив,
а хозяин тряс Старика, теребив:
«Уж за́ полночь — три!» — опять.

They rolled him slowly up the hill
And bundled him in the moon,
And his horses galloped up in rear,
And the cow came capering like a deer,
And the dish embraced the spoon.

Вкатили его на холм не спеша
и впихнули в Луну кое-как,
а кони его — галопом вослед,
корова, как лань, отбивала балет,
и блюдо обняло ложку впотьмах.

The cat then suddenly changed the tune,
The dog began to roar,
The horses stood upon their heads,
The guests all bounded from their beds,
And danced upon the floor.

Вдруг кошка мотив переменила,
пёс зарычал, как гром,
кони на головы встали враз,
гости с постелей — все в пляс,
заплясали по полу кругом.

The cat broke all his fiddle-strings,
The cow jumped over the moon,
The little dog howled to see such fun,
In the middle the Saturday dish did run
Away with the Sunday spoon.

Порвала кошка все струны разом,
корова прыгнула выше Луны,
пёсик завыл от такой потехи,
а субботнее блюдо средь той утехи
с воскресной ложкой — бегом!

The round moon rolled off down the hill,

But only just in time,
For the Sun looked up with fiery head,
And ordered everyone back to bed,
And the ending of the rhyme.

Круглая Луна с холма скатилась,
да только-только в срок,
ведь Солнце вспыхнуло огневой главой,
велело всем — в постель на покой,
и стишку настал итог.

* totty — шаткий, нетвёрдый, дурной от хмеля (англ. диал.).

Две версии, что находятся в рукописи нынешней главы, постепенно движутся к окончательной форме, и с поправками, внесёнными во вторую из них, она практически достигнута (FR, с. 170–172).

Глава 9. ТОПОТУН И ПУТЬ К ЗАВЕРТИ

Первоначальная безымянная глава VII продолжается без перерыва через то, что стало в FR главой 10 «Бродяжник», и обрывается посреди главы 11 FR «Нож во тьме», но первая часть повествования, которую я сейчас привожу, существует в двух структурно совершенно различных формах (обе чётко написаны чернилами). Их мой отец пометил «Короткая» и «Альтернативная», но для целей этой главы я буду звать их A («Альтернативная») и B («Короткая»). Соотношение между ними — текстологическая головоломка,

хотя, думаю, её можно объяснить;[1] вопрос этот, впрочем, не очень важен для истории повествования, ибо обе версии явно принадлежат к одному времени. Сперва я привожу альтернативную А (на которой мой отец впоследствии написал «Использовать эту версию»).

— Вот так так! — сказал хозяин, щёлкнув пальцами. — Минуточку. Припомнилось мне, как я и говорил. Батюшки! Четыре хоббита и пять пони! В последние дни тут кое-кто справлялся о компании вашего обличья; пожалуй, мне стоило бы перемолвиться с вами словечком.

— Да, конечно! — сказал Бинго с упавшим сердцем. — Но не здесь. Не зайдёте ли к нам в комнату?

— Как пожелаете, — сказал хозяин. — Загляну

---

[1] Примечания: 120

От первоначального карандашного черновика, надписанного версией В, ныне мало что можно прочесть; он был набросан бледным карандашом, и, кроме как местами, текст чернилами его попросту стирает. Однако видно довольно, чтобы показать, что историей была история версии В (в которой письмо Гэндальфа было отдано хозяину трактира, а не Топотуну), и хотя это менее достоверно, я подозреваю, что на этой стадии не было упоминания о Чёрных Всадниках, приходивших в Бри прежде, чем прибыли Бинго, Мерри, Фродо и Одо. С другой стороны, совершенно ясно, что, когда мой отец писал версию В поверх первоначального черновика, перед ним лежала версия А.

Объяснение этого странного положения, думаю, можно усмотреть в том, что версия В много длиннее карандашного черновика и вовсе не тесно с ним связана; часть её — на вставных листках. Думаю, мой отец сперва написал версию А на основе карандашного черновика, но

по ходу изменил историю (отдав письмо Гэндальфа Топотуну и введя рассказ Баттербура о Всадниках, приходивших в трактир); затем он вернулся к карандашному черновику и написал поверх него версию B, вернувшись к истории о том, что письмо было вверено Баттербуру, и снова введя рассказ о Чёрных Всадниках в Бри, но приписав его теперь Топотуну, что встретил их на Дороге. Для этого текста он использовал версию A и следовал ей очень близко, насколько позволяла изменённая история. Таким образом, текстологическая история была такова:

(1) Первоначальный карандашный черновик: письмо Гэндальфа оставлено у Баттербура; (вероятно) ещё нет истории о том, что Чёрные Всадники уже приходили в Бри.

(2) Версия A: история изменена: письмо Гэндальфа оставлено у Топотуна; Баттербур рассказывает о приходе Всадников в трактир.

(3) Версия B, написанная поверх первоначального черновика, но с использованием многого из формулировок A: письмо Гэндальфа оставлено у Баттербура; Топотун рассказывает о своих встречах со Всадниками на Дороге.

Наконец, некоторые новые обороты из B были вписаны обратно в A. ↩ [broken link: #rn18_1]

пожелать вам доброй ночи и проверить, что Ноб принёс всё нужное, как только управлюсь кое с чем; тогда и потолкуем.

Бинго, Одо и Фродо пробрались назад в свою гостиную.[2] Света не было. Мерри там не оказалось, а огонь прогорел. Лишь раздув угли в пламя и подбросив хворосту, они обнаружили, что с ними пришёл Топотун. Вот он сидел себе спокойно в кресле в углу.

— Эгей! — сказал Одо. — Тебе чего?

— Это Топотун, — поспешно сказал Бинго. — Думаю, он тоже хочет перемолвиться со мной словечком.

— И хочу, и не хочу, — сказал Топотун. — То есть: у меня своя цена.

— О чём ты? — спросил Бинго, озадаченный и встревоженный.

— Не пугайся. Я вот о чём: я расскажу тебе, что знаю, и отдам, что у меня есть, и более того — сохраню твою тайну под своим капюшоном (а он плотнее, чем держите её ты и твои друзья), — но я потребую награды.

---

[2] Примечания: 121

Именно с этой фразы в FR начинается глава 10 «Бродяжник», но я включаю предшествующий пассаж сюда, поскольку он составляет часть повествования, поданного в двух вариантах (см. с. 156). ↩ [broken link: #rn18_2]

— И какова же она, позволь спросить? — сердито сказал Бинго; он не без причины заподозрил, что они напоролись на проходимца, и неуютно подумал о своём небогатом оставшемся кошельке.[3] Всего его едва ли хватило бы, чтобы ублажить проходимца, а расстаться хоть с малостью он не мог.

— Немного, — ответил Топотун с весёлой ухмылкой. — Всего лишь вот что: вы должны взять меня с собой, пока я сам не захочу вас покинуть!

— Ах, вот как! — отозвался Бинго, удивлённый, но не сильно успокоенный. — Но даже будь я склонен сказать «да», я не пообещал бы ничего подобного, пока не узнаю о тебе и твоих вестях куда больше, господин Топотун.

— Превосходно! — сказал Топотун, закидывая ногу на ногу. — Кажется, ты снова приходишь в чувство, и это всё к лучшему. До сих пор ты был и вполовину недостаточно подозрителен. Что ж, хорошо: я расскажу тебе, что знаю, а остальное оставлю на тебя. Это по-честному.

— Тогда говори! — сказал Бинго. — Что ты зна-

---

[3] Примечания: 122

Ср. с. 141, примеч. 7. Но, хотя старая мысль о том, что Бинго «подошёл к концу своего богатства» (и что смутной целью его «Путешествия» было добыть ещё, с. 62), исчезла, в FR (с. 175) осталось, что «с собой он взял лишь немного денег». ↩ [broken link: #rn18_3]

ешь?

— Ну, дело вот в чём, — сказал Топотун, понизив голос; он встал, подошёл к двери, быстро отворил её, выглянул, затем тихо притворил и снова сел. — Слух у меня острый, и хоть исчезнуть в воздухе я не умею, но позаботиться, чтоб меня не видели, когда мне того не надо, — могу. Я был за изгородью, когда у Дороги недалеко к западу отсюда остановилась компания путников. Повозка, кони, пони; целая орава гномов, один-два эльфа и — чародей. Гэндальф, разумеется; его ни с кем не спутаешь, согласись. Они толковали о некоем господине Бинго Болджер-Бэггинсе и трёх его друзьях, что будто бы едут по Дороге следом. Несколько неосторожно со стороны Гэндальфа, надо сказать, но он говорил тихо, а у меня слух острый, и лежал я довольно близко.

— Я пошёл за ним и его спутниками сюда, в этот трактир. Знатная вышла суматоха для воскресного утра, скажу я тебе, и старый Барнабас носился кру́гом, но они держались особняком и не толковали при открытых дверях. Это было пять дней назад.[4] Наутро они уехали. И вот яв-

[4] Примечания: 123

Это было пять дней назад: см. хронологию на с. 160. Гэндальф со спутниками прибыл в трактир в воскресное утро, а теперь был вечер четверга. ↩ [broken link: #rn18_4]

ляется хоббит с тремя друзьями из Шира, и хоть он называется Хиллом, он и его друзья словно знают немало о делах Гэндальфа и господина Болджер-Бэггинса из Андерхилла. Я умею складывать дважды два. Но это тебя пусть не тревожит: ответ я оставлю под своим капюшоном, как и сказал. Может, у господина Болджер-Бэггинса есть свои добрые причины оставить имя позади. Но коли так, я бы посоветовал ему помнить, что не один Топотун умеет складывать дважды два, и не всякому стоит доверять.

— Я тебе обязан, — сказал Бинго, чувствуя облегчение, ибо Топотун, похоже, не знал ничего особо опасного. — У меня есть причины оставить имя позади, как ты выразился, но не вижу, как кто-либо ещё угадал бы моё настоящее имя из того, что случилось, — разве что обладая твоим искусством в подслушивании, в… э-э… сборе сведений. И какой прок кому бы то ни было в Бри от моего настоящего имени.

— Не видишь? — сказал Топотун довольно мрачно. — Но подслушивание, как ты выразился, и в Бри не в новинку, и к тому же я ещё не всё тебе рассказал.

Но в этот миг его прервал стук в дверь. На пороге стоял господин Барнабас Баттербур с подносом

свечей, а за ним Ноб с кувшинами горячей воды.

— Подумал, что вы, может, пожелаете отдать распоряжения перед сном, — сказал хозяин, ставя свечи на стол, — вот и пришёл пожелать вам доброй ночи. Ноб! Неси воду в комнаты.

Он вошёл и затворил дверь.

— Дело вот в чём, господин… э-э… Хилл, — сказал он. — Меня уж не раз просили высматривать компанию из четырёх хоббитов из Шира, четырёх хоббитов с пятью пони. Эге, Топотун, и ты тут!

— Всё в порядке, — сказал Бинго. — Говори, что хотел. Топотун с моего позволения остаётся.

Топотун ухмыльнулся.

— Что ж, — снова начал господин Баттербур, — дело вот в чём. Пять дней назад (да, верно, это было воскресное утро, когда всё было тихо и мирно) подъезжает целая орава путников. Чудно́й народ, гномы и невесть кто, с повозкой и конями. И старый господин Гэндальф был с ними. Ну, говорю я себе, что-то стряслось в Шире; они, верно, возвращаются с Угощения.

— С Угощения? — сказал Бинго. — С какого Угощения?

— Господь с вами, да, сударь! С того угощения, о котором рассказывал ваш господин Грин. С угощения господина Болджер-Бэггинса. В начале

месяца тут на запад проехало редкостно много народу. И Люди были. Большой Большой Народ. На моём веку такого не бывало. Кто хоть что говорил — толковали, будто едут или везут добро на день рождения какого-то господина Болджер-Бэггинса. Сдаётся, он был в родстве с тем господином Бильбо Бэггинсом, о ком когда-то ходили чудны́е байки. Да их и поныне в Бри сказывают, сударь; хоть в Шире, смею думать, и позабыли. Но мы в Бри, так сказать, помедленнее, и любим послушать старые байки сызнова. Не то чтоб я всем этим россказням верил, заметьте. Легенды, я их зову. Может, и правда, а может, и нет. Так, на чём бишь я? Да. В прошлое воскресное утро входит старый господин Гэндальф со своими гномами и всеми. «Доброе утро, — говорю. — И куда ж вы путь держите, и откуда?» — этак приветливо. А он мне подмигивает и молчит, и никто из его народу ни слова. Но потом он отвёл меня в сторонку и говорит: «Баттербур, — говорит, — у меня позади есть друзья, что вскоре проедут через ваши места. Они должны быть здесь ко вторни-

ку,[5] коли сумеют держаться торной дороги. Это хоббиты: один — кругленький пузатый малый (не прогневайтесь, сударь) с румяными щеками, а прочие — просто молодые хоббиты. Поедут они на пони. Скажи им, чтоб поторапливались, ладно? Я отсюда поеду потихоньку, и пусть они меня нагонят, коли смогут. Только не вздумай говорить никому другому и не подбивай их засиживаться тут на отдых. Пиво у тебя доброе, но им надо взять что можно по-быстрому и двигаться дальше. Понял?»

— Спасибо, — сказал Бинго, думая, что господин Баттербур закончил, и снова почувствовав облегчение, ибо за тайной, похоже, не крылось ничего серьёзного.

— Ах, да погодите-ка минутку, — сказал Барнабас Баттербур, понижая голос. — Это ещё не конец. Были и другие, что справлялись о четырёх хоббитах; вот это-то меня и озадачивает. В понедельник вечером въезжает верзила на огромном вороном коне. Весь в капюшоне и плаще. Я стоял у двери, и он заговорил со мной.

---

[5] Примечания: 124

Они должны быть здесь ко вторнику: Гэндальф предположил, что они пойдут по Дороге от Брендивайнского Моста до Бри и потратят на это два дня. Ср. подсчёты Топотуна (с. 170–171): «От Брендивайнского Моста до Бри ближе к сорока, чем к тридцати, миль» и «Больше двух дней от Моста до Бри» (пешком). ↩ [broken link: #rn18_5]

Голос у него, подумал я, страх какой странный, и поначалу я едва разбирал его речь. Вид его мне вовсе не понравился. Но точно — он спрашивал вестей о четырёх хоббитах с пятью пони,[6] что едут из Шира. Тут что-то неладно, подумал я, но, помня слова старого господина Гэндальфа, я не дал ему удовлетворения. «Не видал я никакой такой компании, — говорю. — А что вам от них нужно или от меня?» Тут он, не сказав больше ни слова, хлестнул коня и поскакал на восток. Псы все взвыли, гуси загоготали, пока он ехал через деревню. Не жаль мне было, что он убрался, скажу я вам. Но после я слыхал, будто видели троих, что шли по дороге к Комбу за холмом, хотя откуда взялись ещё двое, никто сказать не мог.

— Но, поверите ли, они вернулись — или другие, такие же на них похожие, как ночь на тьму, явились следом. Во вторник вечером — стук в дверь, и мой пёс во дворе поднял визг и вой. «Это ещё один из тех чёрных Людей», — сказал Ноб, прибежав за мной, и волосы у него стояли дыбом. Так и есть, когда я подошёл к двери: только не один, а четверо их, и один сидел там в сумерках, и конь его почти у самого моего порога. Он скло-

---

[6] Примечания: 125

Откуда Чёрные Всадники это знали? См. с. 350, примеч. 7. ↩ [broken link: #rn18_6]

нился ко мне и заговорил этаким шёпотом. Меня аж проняло по спине, понимаете ли, будто кто за шиворот холодной воды плеснул.[7] История та же: ему нужны были вести о четырёх хоббитах с пятью пони. Но он был как-то настойчивее и нетерпеливее. Сказать по правде, он даже посулил мне изрядно золота и серебра, коли я скажу, куда они пошли, или пообещаю их высматривать.

— «Тут полно хоббитов и пони в округе и на Дороге, — говорю я (а сам думаю: до чего же чудно́, и не нравится мне его голос). — Но никакой такой компании я не видал. Назовите имя — может, и передам весточку, коли они заглянут в мой дом». Тут он смолк на миг. А потом, сударь, говорит: «Имя — Бэггинс, Болджер-Бэггинс», — и конец

---

[7] Примечания: 126

Здесь мой отец написал: «Он описал вашу компанию очень точно, сударь, точнее, чем господин Гэндальф: масть ваших пони, обличье ваших лиц», — но вычеркнул, едва написав, вероятно, потому, что это не вязалось с его представлением о Чёрных Всадниках: он уже сказал (с. 75), что для Кольцепризраков «всё делается очень смутным, как серые призрачные картины на чёрном фоне, в котором ты живёшь, но обонять ты можешь яснее, чем слышать или видеть». Весьма вероятно, что мысль о «призрачном мире», в который в некотором смысле вступал носитель Кольца, надев его на палец, и в котором он тогда становился вполне видим обитателям того мира, уже возникла; намёк на это есть в словах Гилдора (с. 64) «думаю, что использование кольца помогает им больше, чем тебе», а в письме Гэндальфа в нынешней главе он настойчиво требует, чтобы Бинго ни для какой цели не надевал Кольцо — теперь, когда узнал, что Всадники в погоне. ↩ [broken link: #rn18_7]

прошипел, как змея. «Какая весточка?» — говорю, весь дрожа. «Нет, только скажи ему, что мы ищем его и спешим, — прошипел он, — может статься, ещё нас увидишь», — и с тем он и его собратья ускакали и быстро сгинули во тьме, все закутанные в чёрное.

— Ну, что вы на это скажете, господин Хилл? Признаюсь, приходит мне на ум усомниться, ваше ли это настоящее имя, не прогневайтесь. Но надеюсь, я поступил правильно: ибо сдаётся мне, эти чёрные молодцы не желают добра господину Болджер-Бэггинсу, коли это вы и есть.

— Да! Он и есть господин Болджер-Бэггинс, — вдруг сказал Топотун. — И ему следует быть тебе благодарным. Пусть пеняет на себя и своих друзей, коли вся деревня уже знает его имя.

— Я благодарен, — сказал Бинго. — Жаль, что не могу рассказать вам всю историю, господин Баттербур. Я очень устал и порядком встревожен. Но если коротко, эти… э-э… чёрные всадники — как раз то, от чего я пытаюсь спастись. Я был бы очень благодарен (и Гэндальф тоже, да и старый Том Бомбадил, думаю), если бы вы забыли, что здесь проезжал кто-то, кроме господина Хилла; хотя надеюсь, эти мерзкие всадники больше вас не побеспокоят.

— И впрямь надеюсь! — сказал Барнабас.

— Ну, доброй ночи! — сказал Бинго. — Ещё раз спасибо за вашу доброту.

— Доброй ночи, господин Хилл. Доброй ночи, Топотун! — сказал Барнабас. — Доброй ночи, господин Браун, сударь, и господин Грин. Батюшки, а где же господин Риверс?

— Не знаю, — сказал Бинго, — но, думаю, он снаружи. Он что-то говорил о том, чтобы выйти подышать воздухом. Скоро вернётся.

— Что ж. Не стану его запирать снаружи, — сказал хозяин. — Доброй вам всем ночи! — С тем он вышел, и шаги его замерли в глубине прохода.

— Вот так! — сказал Топотун, прежде чем Бинго успел заговорить. — Старый Барнабас рассказал тебе немало из того, что мне ещё оставалось сказать. Я и сам видел Всадников. Их по меньшей мере семеро. Это ведь несколько меняет дело, не правда ли?

— Да, — сказал Бинго, скрывая тревогу как мог. — Но мы и так уже знали, что они за нами охотятся, и, похоже, ничего нового они не выведали. Как удачно, что они явились прежде нашего прихода!

— Я бы не был так уверен, — сказал Топотун. — Мне есть что добавить. [Добавлено карандашом:

Впервые я увидел Всадников в прошлую субботу к западу от Бри, ещё до того, как наткнулся на Гэндальфа. Я вовсе не уверен, что они не шли и по его следу. Видел я и тех, что заезжали к Барнабасу. И] во вторник ночью я лежал на откосе под изгородью сада Билла Ферни, и слышал, как Билл Ферни разговаривает. Он малый чудно́й, и дружки его под стать. Может, ты приметил его в обществе: смуглый малый с насупленным видом. Он улизнул сразу после песни и «происшествия». Я бы ему не доверял. Он продаст что угодно кому угодно. Улавливаешь? Я не видел, с кем Ферни говорил, и не слышал, что было сказано: голоса были — шипенье да шёпот. Вот и все мои вести. С «наградой» моей поступай как знаешь. Но что до моего ухода с вами, скажу лишь вот что: я знаю все земли между Широм и Горами, ибо за свою жизнь исходил почти все, а я старше, чем выгляжу. Я мог бы пригодиться. Ибо сдаётся мне, после нынешнего происшествия вам придётся сойти с открытой Дороги. И что-то не думаю, что вам захочется повстречать кого-нибудь из этих Чёрных всадников, коли сможете того избежать. У меня от них мороз по коже.

Он содрогнулся, и они с удивлением увидели, что он надвинул капюшон на лицо, спрятав его

в ладонях. В комнате будто стало очень тихо и недвижно, а огни — тусклы.

— Вот! Прошло! — сказал он спустя миг, откидывая капюшон и отводя волосы с лица. — Может статься, я знаю или догадываюсь об этих Всадниках больше даже, чем ты. Ты их пока недостаточно боишься. Но мне сдаётся весьма вероятным, что весть о вас дойдёт до них прежде, чем ночь состарится. Завтра вам придётся идти быстро и тайно (по возможности). Но Топотун может повести вас тропами, что мало хожены. Возьмёте его?

Бинго не ответил. Он смотрел на Топотуна: сурового, дикого, грубо одетого. Трудно было решить, как быть. Он не сомневался, что бóльшая часть его рассказа правдива (подкреплённая, как-никак, рассказом хозяина), но в добром его умысле увериться было не так легко. Вид у него был тёмный — и всё же было в нём, и в речи его, что нередко отклонялась от деревенского склада следопытов и народа Бри, что-то дружеское и даже знакомое. Молчание росло, а Бинго всё не мог решиться.

— Что ж, я за Топотуна, коли тебе нужна подмога в решении, — сказал наконец Фродо. — Да и в любом случае, смею сказать, он мог бы идти за на-

ми, куда бы мы ни пошли, даже откажи мы ему.

— Спасибо! — сказал Топотун, улыбнувшись Фродо. — Мог бы, и пошёл бы, ибо счёл бы это своим долгом. Но вот письмо, что у меня для тебя есть, — смею думать, оно поможет тебе решиться.

К изумлению Бинго, он вынул из кармана небольшое запечатанное письмо и протянул его. Снаружи было надписано: «B from G» (Б. — от Г.).

— Прочти, — сказал Топотун.[8]

Бинго внимательно оглядел печать, прежде чем сломать её. Она, несомненно, была Гэндальфова, как и почерк, и руна [G]. Внутри было следующее послание. Бинго прочёл его вслух.

Утро понедельника, 26 сент. Дорогой Б. Не задерживайся в Бри надолго — и на ночь, если

---

[8] Примечания: 127

Эти слова — внизу рукописной страницы. У самого низа мой отец нацарапал карандашом:

19 нояб. Мотив: выслеживание Гэндальфа. Гэндальф уводит их [Всадников] прочь. Нет лагеря на Заверти, или же Гэндальф снова уводит их прочь.

Ср. с этим карандашное добавление на с. 153: «Впервые я увидел Всадников в прошлую субботу к западу от Бри, ещё до того, как наткнулся на Гэндальфа. Я вовсе не уверен, что они не шли и по его следу».

«19 нояб.», по-видимому, относится к дате заметки, то есть 19 ноября 1938 года; к тому времени мой отец давно прошёл это место в повествовании, судя по тому, что он сказал в письме к Стэнли Анвину от 13 октября 1938 года: «Я месяц очень усердно работал… над продолжением „Хоббита“. Оно дошло до главы XI (хотя и в довольно неразборчивом виде)…» ↩ [broken link: #rn18_8]

сможешь. Узнал в пути кое-какие вести. Погоня близится: их по меньшей мере 7, может, и больше. Ни в коем случае не пользуйся Им снова, даже ради шутки. Не двигайся в темноте или тумане. Двигайся днём! Постарайся меня нагнать. Я не могу тебя здесь ждать, но день-другой буду идти медленно. Высматривай наш лагерь на Заверти.[9] Я буду ждать там, сколько посмею. Передаю это следопыту (дикому хоббиту) по прозванию Топотун: он смуглый, длинноволосый, в деревянных башмаках! Ему можно доверять. Он мой старый друг и знает очень многое. Он проведёт тебя к Заверти и дальше, если понадобится. Поторопись! Твой

Гэндальф[10]

Бинго поглядел на размашистый почерк — он казался столь же явно подлинным, как и печать.

— Ну, Топотун! — сказал он. — Если бы ты сразу

---

[9] Примечания: 128

Первое упоминание холма Заверть; собственно первое появление имени должно быть в первоначальном карандашном черновике письма Гэндальфа, который отчасти можно разобрать (примеч. 13). ↩ [broken link: #rn18_9]

[10] Примечания: 129

Руны — древнеанглийские, как в «Хоббите». Подписывая своё имя, Гэндальф пользуется английской (общегерманской) руной для G [ᚷ], а как знак для себя — ещё и руной [другой глиф]. В Ангертасе (ВК, Приложение E, с. 401–404) эта руна означала (в употреблении гномов Мории) [ng]. ↩ [broken link: #rn18_10]

сказал, что у тебя есть это письмо, дело пошло бы куда глаже и сберегло бы кучу разговоров. Но зачем ты выдумал всё это про подслушивание?

— Я не выдумывал, — рассмеялся Топотун. — Я порядком напугал старого Гэндальфа, выскочив из-за изгороди. Сказал ему, что повезло — это старый друг. Мы долго беседовали о разном — о Бильбо, о Бинго и о [добавлено карандашом: Всадниках и] Кольце, коли хочешь знать. Он был очень рад меня видеть, ибо спешил, а всё же тревожился, как бы связаться с тобой.

— Что ж, признаюсь, я рад весточке от него, — сказал Бинго. — И коли ты друг Гэндальфа, то нам повезло тебя встретить. Прости, если я был без нужды подозрителен.

— Не был, — сказал Топотун. — Ты был и вполовину недостаточно подозрителен. Имей ты прежде дело с твоим нынешним врагом, ты не доверял бы и собственным рукам без хорошего пригляда, раз уж знаешь, что он напал на твой след. Вот я подозрителен: и мне пришлось сперва как следует убедиться, что вы — подлинные, прежде чем вручать какое-либо письмо. Я слыхал о теневых ватагах, что перехватывают послания, для них не предназначенные, — враги и прежде так делали. К тому же, коли хочешь знать, меня

позабавило, удастся ли мне склонить тебя взять меня — одним своим даром убеждения. Славно было бы (хоть и совсем неправильно), прими ты меня за обхождение, без поручительства! Но что ж — видно, наружность моя против меня!

— Против! — сказал Одо, смеясь. — Но по нраву, а не по виду, как говорят в Шире; да и сдаётся мне, мы все скоро будем выглядеть не лучше, належавшись в изгородях да канавах.

— Не одна неделя (или год) скитаний по свету уйдёт на то, чтобы ты стал выглядеть, как Топотун, — ответил он, и Одо притих. — Ты бы прежде помер, не будь ты сделан из материала покрепче, чем кажется.

— Что же нам делать? — сказал Бинго. — Я не вполне понимаю его письмо. Гэндальф сказал: «не задерживайся в Бри». А Барнабас Баттербур — надёжен?

— Вполне! — сказал Топотун. — Надёжнее хоббита не сыскать между Западными Башнями и Ривенделлом. Верный, добрый, в простом своём деле смышлёный, но не больно любопытен к чему-либо, кроме повседневных событий среди простого народа Бри. Случись что странное — он просто выдумает объяснение либо забудет. «Чудно́», — скажет, почешет в затылке и вернётся

к своей кладовой или пивоварне. Это тебе же на руку! Думаю, он уже убедил себя, что вышла «какая-то ошибка», что свет был обманчив и что всем хоббитам в комнате лишь померещилось, будто «господин Хилл» исчез. Чёрные всадники недели через две обратятся в обычных путников, что ищут друга, — если только не вернутся.

— Ну, безопасно ли тогда оставаться здесь на ночь? — сказал Бинго, поглядев на уютный огонь и свет свечей. — То есть Гэндальф сказал: «поторопись», но и «не двигайся в темноте».

Именно здесь альтернативная версия B (см. с. 148 и примеч. 1) сходится или сливается с только что приведённой версией A (хотя до этого места, как будет видно, есть значительные совпадающие пассажи). Начало повествования здесь совсем иное:

— Вот так так! — сказал хозяин, щёлкнув пальцами. — Минуточку. Припомнилось мне, как я и говорил. Батюшки! Четыре хоббита и пять пони! Сдаётся, у меня есть письмо для вашей компании.

— Письмо! — сказал Бинго, протягивая руку.

— Ну, — сказал тот, замявшись, — он-то наказывал, чтоб я был осторожен и вручил его в верные руки. Так что, может, коли вы не против, будьте

так добры, скажите мне, от кого вы могли бы ждать весточки.

— От Гэндальфа? — сказал Бинго. — Старого… э-э… человека (он подумал, что «чародей», пожалуй, слово неосторожное) в высокой шляпе и с длинной бородой?

— Гэндальф это и был, — сказал Баттербур, — и стар он, да только описывать его нужды нет. Его весь народ знает. Чародей, говорят, хоть оно как знать. Но какое же ваше имя, простите за спрос, сударь?

— Бинго.

— А! — сказал Барнабас.[11] — Что ж, вроде всё сходится; хотя он-то говорил, что вы будете здесь ко вторнику, а не к четвергу, как вышло.[12] Вот письмо.

Из кармана он вынул небольшой запечатанный конверт, на котором было написано: «To Bingo from G. by the hand of Mr B. Butterbur, landlord of the Prancing Pony, Bree» («Бинго от Г. через руки г-на Б. Баттербура, хозяина „Гарцующего Пони“,

---

[11] Примечания: 130

Странным образом в рукописи чернилами здесь стоит Тимоти, а не Барнабас, но это может быть лишь обмолвка, на миг вернувшаяся к первоначальному имени хозяина (с. 140, примеч. 3). ↩ [broken link: #rn18_11]

[12] Примечания: 131

Ко вторнику, а не к четвергу: см. примеч. 5. ↩ [broken link: #rn18_12]

Бри»).

— Большое спасибо, господин Баттербур, — сказал Бинго, пряча письмо в карман. — Теперь, с вашего позволения, пожелаю доброй ночи. Я очень устал.

— Доброй ночи, господин Хилл! Воду и свечи пришлю к вам в комнату, как только смогу.

Он засеменил прочь, а Бинго, Фродо и Одо пробрались назад в свою гостиную.

Отсюда (с. 148) версия B совпадает с версией A практически слово в слово вплоть до слов Топотуна «но подслушивание, как ты выразился, и в Бри не в новинку, и к тому же я ещё не всё тебе рассказал» (с. 150), на которых в A его прервало появление господина Баттербура; так что и в B Топотун рассказывает им, как подслушал Гэндальфа, толковавшего о Бинго с гномами и эльфами на Дороге к западу от Бри. Здесь B снова расходится:

— …К тому же я ещё не рассказал тебе самого важного. Были и другие, что справлялись о четырёх хоббитах.

Сердце Бинго упало: он догадывался, что последует. — Продолжай, — тихо сказал он.

— В понедельник вечером у западного края деревни я чуть не налетел на коня и всадника,

что быстро ехали в сумерках: весь в капюшоне и чёрном плаще, и конь его был высок и чёрен. Я окликнул его с проклятием, не понравился мне его вид, и он остановился и заговорил. Голос у него был странный, и поначалу я едва разбирал его речь. Точно — он спрашивал вестей о четырёх хоббитах с пятью пони, что едут из Шира. Я стоял недвижно и не отвечал, а он шаг за шагом подводил коня всё ближе. Когда он был совсем рядом, он склонился и принюхался. Потом зашипел и поскакал прочь через деревню, на восток. Я слышал, как взвыли псы и загоготали гуси. Из разговоров в трактире той ночью я понял, что троих всадников видели в сумерках на Дороге к Комбу за холмом; хотя откуда взялись ещё двое, не знаю.

— Во вторник я был настороже весь день. Точно — как завечерело, я снова увидел тех же всадников, или других, таких же на них похожих, как ночь на тьму, — они снова спускались по Дороге с Запада. Только на этот раз четверо, не трое. Я окликнул их из-за изгороди, когда они проезжали, и все они вдруг остановились и повернулись на мой голос. Один из них — он казался крупнее и сидел на более высоком коне — двинулся в мою сторону. «Куда вы едете и по какому делу?»

— сказал я. Всадник подался вперёд, будто вглядываясь — или внюхиваясь, а затем, подъехав к изгороди, заговорил этаким шёпотом. Холодные мурашки побежали у меня по спине. История та же: ему нужны были вести о четырёх хоббитах и пяти пони. Но он был как-то настойчивее и нетерпеливее. И вправду (вот это-то сейчас меня и тревожит) он посулил изрядно серебра и золота, коли я скажу, куда они пошли, или пообещаю их высматривать. «Не видал я никакой такой компании, — сказал я, — да и сам я бродяга, и завтра, может, буду далеко на Западе или Востоке. Но коли назовёшь имя, может, и передам весточку, случись мне встретить такой народ в пути». Тут он помолчал, а потом вдруг сказал: «Имя — Бэггинс, Болджер-Бэггинс», — и конец прошипел, как змея. «Какая весточка?» — спросил я, весь дрожа. «Только скажи ему, что мы ищем его и спешим», — прошипел он, и с тем ускакал со своими спутниками, и чёрные их одежды быстро поглотила тьма. Что ты на это скажешь? Это ведь несколько меняет дело, не правда ли?

— Да, — сказал Бинго, скрывая тревогу как мог. — Но мы и так уже знали, что они за нами охотятся, и, похоже, ничего нового они не выведали.

— Это коли мне можно верить! — сказал Топо-

тун, взглянув на Бинго. — Но и так я бы не был слишком уверен. Мне есть что добавить ещё. Во вторник ночью я лежал на откосе под изгородью сада Билла Ферни…

Здесь версия B снова возвращается к другой (с. 153) и почти слово в слово та же вплоть до «Молчание росло, а Бинго всё не мог решиться» (с. 154), с единственным отличием: после «Он не сомневался, что бóльшая часть его рассказа правдива» слова «(подкреплённая, как-никак, рассказом хозяина)» по необходимости отсутствуют, ибо в этой версии господин Баттербур со Всадниками не встречался. Дальше в B следует:

— На твоём месте я бы взглянул на то письмо Гэндальфа, — тихо сказал Топотун. — Оно могло бы помочь тебе решиться.

Бинго вынул из кармана письмо, о котором почти забыл. Он внимательно оглядел печать, прежде чем сломать её. Она, несомненно, была Гэндальфова, как и почерк, и руна [G]. Он вскрыл письмо и прочёл его вслух.

Письмо то же, что и в версии A, кроме концовки, ибо в этой истории Гэндальф отдал письмо не

Топотуну, а хозяину:[13]

…Если встретишь следопыта (дикого хоббита: смуглого, длинноволосого, в деревянных башмаках!) по прозванию Топотун, держись его. Ему можно доверять. Мой старый друг: я виделся с ним и велел ему высматривать тебя. Он многое знает. Он проведёт тебя к Заверти и дальше, если понадобится. Поторопись! Твой

Гэндальф [G]

Бинго поглядел на размашистый почерк. Он казался столь же явно подлинным, как и печать.

— Ну, Топотун, — сказал он, — если бы ты сразу сказал, что виделся с Гэндальфом и говорил с ним и что он написал это письмо, дело пошло бы куда глаже и сберегло бы кучу разговоров.

— Что до письма, — сказал Топотун, — я о нём ничего не знал, пока старый Барнабас его не вынес. Гэндальф натянул две тетивы на свой лук. Видно, боялся, что я могу с вами разминуться.

— Но зачем ты выдумал всю эту историю про подслушивание?

---

[13] Примечания: 132

Концовку письма можно прочесть в карандашном черновике:
Не выходи затемно или в тумане. Поторопись. Я так тревожусь, что прожду тебя [?два] дня… холм Заверть. Если встретишь следопыта (дикого хоббита) по имени Топотун, держись его. Я велел ему высматривать вас. Он проведёт тебя к Заверти и дальше, если понадобится. Поторопись. ↩ [broken link: #rn18_13]

— Я не выдумывал, — рассмеялся Топотун. — Это была правда. Я порядком напугал старого Гэндальфа, выскочив из-за изгороди.

Отсюда (с. 154) два текста снова совпадают — разве что Топотун не говорит здесь «мне пришлось сперва как следует убедиться, что вы — подлинные, прежде чем вручать какое-либо письмо», а просто «мне пришлось убедиться, что вы — подлинные». Но когда Бинго говорит «Я не вполне понимаю это письмо. Он говорит „не задерживайся в Бри“» (с. 155), в версии B он не успевает продолжить, ибо:

В этот миг раздался стук в дверь. Снова явился господин Баттербур с подносом свечей, а за ним Ноб с кувшинами горячей воды.

— Вот вам вода и свет, коли надумаете на боковую, — сказал он. — Только господин Риверс ваш ещё не воротился. Надеюсь, он недолго, а то и мне самому пора на боковую, да только нынче я запирать никому другому не доверю — не с этими докучными чёрными чужаками вокруг.

— Куда же подевался Мерри? — сказал Фродо. — Надеюсь, с ним всё хорошо.

— Дайте ему ещё несколько минут, господин Баттербур, — сказал Бинго. — Простите, что докучаю.

— Ладно, — сказал он, ставя свечи на стол. — Ноб, неси воду в комнаты! Доброй ночи, господа.

Он затворил дверь.

— Что я хотел сказать, — тихо продолжил Бинго спустя миг, — это: почему бы и не остаться в Бри? Баттербур-то надёжен? Конечно, Том Бомбадил так сказал, но я учусь быть подозрительным.

— Старый Барнабас! — сказал Топотун. — Он вполне надёжен. Надёжнее хоббита не сыскать между Западными Башнями и Ривенделлом. Гэндальф боялся лишь, как бы вам здесь не было слишком уютно! Барни верный, добрый, в простом деле смышлёный — и не больно любопытен к чему-либо, кроме повседневных событий среди своего народа Бри. Случись что странное — он просто выдумает объяснение либо выкинет из головы как можно скорее. «Чудно́», — скажет, почешет в затылке и вернётся к своей кладовой или пивоварне.

— Что ж, безопасно ли оставаться здесь на ночь? — сказал Бинго, поглядев на уютный огонь и свечи. — Во всяком случае, Гэндальф сказал «не двигайся в темноте».

В этой точке две версии окончательно сливаются. Видно, что существенные отличия B от A таковы. В B письмо Гэндальфа у Баттербура, и он

отдаёт его Бинго в самом начале (хотя Бинго не читает его тут же). Топотун не только, как в A, «подслушивает» Гэндальфа и его спутников на Дороге к западу от Бри, но и сам, а не Баттербур, встречается со Всадниками — и, разумеется, не у дверей трактира, а на дороге. «Материал» обоих рассказов очень схож, если сделать поправку на баттербуровский колорит одного и на разницу места.

В версии A Топотун, чтобы помочь Бинго решиться, отдаёт ему письмо, когда господин Баттербур уходит; в B он напоминает Бинго о письме (как в FR, с. 181). И в B Баттербур лишь теперь входит в гостиную, так что осознание того, что Мерри не вернулся, откладывается.

Характерное сочетание этих расходящихся рассказов — или выбор из них — обнаруживается в соотношении между окончательной историей в FR и двумя первоначальными вариантами, ибо A соблюдается в том, что господин Баттербур входит посреди разговора хоббитов с Топотуном/Бродяжником, — а B в том, что именно у Баттербура письмо Гэндальфа. Весьма характерно и то, что «подслушивание» Топотуном Гэндальфа и его спутников за изгородью на Дороге к западу от Бри уцелело в FR (с. 176), но обратилось

в подслушивание Бродяжником самих хоббитов — ибо в FR Гэндальф, конечно, побывал в Бри и оставил письмо задолго до того, в конце июня, а ко времени Угощения был уже далеко. Но хотя относительная хронология — между передвижениями Гэндальфа и хоббитов — была бы полностью перестроена, хронология самих хоббитов не менялась никогда.

Чт. 22 сент. — Угощение. Гэндальф и Мерри с гномами и эльфами покинули Хоббитон (после фейерверка).

Пт. 23 сент. — Бинго, Фродо и Одо покинули Хоббитон и заночевали под открытым небом.

Сб. 24 сент. — Хоббиты провели ночь с Гилдором и эльфами.

Вс. 25 сент. — Хоббиты к ночи достигли Бакленда. Гэндальф со спутниками поутру прибыл в Бри.

Пн. 26 сент. — Хоббиты в Старом Лесу; первая ночь у Тома Бомбадила. Гэндальф со спутниками покинул Бри, оставив письмо для Бинго. Чёрный Всадник является в трактир (или встречает Топотуна на Дороге).

Вт. 27 сент. — Вторая ночь у Тома Бомбадила. Четыре Всадника являются в трактир (или Топотун встречает их на Дороге).

Ср. 28 сент. — Хоббиты схвачены умертвием.

Чт. 29 сент. — Хоббиты прибывают в Бри.

Те же даты движения хоббитов появляются в «Повести Лет» в ВК, Приложение В (с. 372). То, что 22 сентября, день Угощения, было четвергом, впервые появляется в четвёртой версии «Долгожданного угощения» (FR, с. 34); изначально это была суббота (см. с. 21, 38).

О значении карандашных добавлений на с. 153–154, которыми Топотуну приписано, что он видел Всадников «к западу от Бри» уже в субботу, до прихода туда Гэндальфа, и говорил с Гэндальфом о них при встрече, см. с. 217, примеч. 11.

С того места, где две версии сходятся, текст (чернилами поверх карандаша) идёт так. Привожу его полностью, ибо, хотя многое сохранилось в FR, различий в подробностях очень много.

— Нельзя, — сказал Топотун, — а значит, хочешь не хочешь, эту ночь вам придётся остаться здесь. Что сделано, того не воротишь, и нам остаётся надеяться, что всё будет хорошо. Не думаю, что что-нибудь проберётся внутрь этого трактира, раз он заперт. Но, разумеется, выйти нам надо как можно раньше поутру. Я буду на ногах прежде Солнца и пригляжу, чтоб всё было готово. Вы отстали дня на два-три — как-то так. Может, по пути

расскажете мне, что с вами было. Если не выйдете рано и не пойдёте быстро, сомневаюсь, что застанете хоть какой-нибудь лагерь на Заверти.

— В таком случае давайте-ка спать! — сказал Одо, зевая. — А где этот глупый Мерри? Только не хватало, чтоб нам сейчас пришлось выходить его искать.

В этот самый миг они услышали, как хлопнула дверь и в проходе застучали ноги. Мерри влетел вихрем, поспешно затворил дверь и привалился к ней. Он запыхался. С мгновение они в тревоге глядели на него; потом он выдохнул:

— Я видел одного, Бинго. Я видел одного!

— Что? — вскричали они разом.

— Чёрного Всадника!

— Где? — сказал Бинго.

— Здесь. В деревне, — ответил он. — Я вернулся с прогулки и стоял как раз за полосой света из двери, глядя на звёзды: ночь погожая, но тёмная. Я почувствовал, как что-то приближается, если понимаешь, о чём я: была этакая тёмная тень, и тут я увидел его на миг,[14] как раз когда он про-

---

[14] Примечания: 133

Текст в первоначальном виде здесь (чернилами; карандашный под ним неразборчив) гласил: «Я почувствовал, как что-то движется позади меня, а обернувшись, увидел одного, идущего по Дороге». — Вместо «приближается» в исправленной фразе, возможно, следует читать «приближается ко мне». ↩ [broken link: #rn18_14]

шёл сквозь луч света из двери. Он вёл коня вдоль травяной обочины по ту сторону Дороги и почти не издавал ни звука.

— Куда он пошёл? — спросил Топотун.

Мерри вздрогнул, впервые заметив незнакомца.

— Продолжай, — сказал Бинго. — Это посланец от Гэндальфа. Он нам поможет.

— Я пошёл за ним, — сказал Мерри. — Он прошёл через деревню до самого восточного края, где Дорога огибает подножие холма. Вдруг он остановился под тёмной изгородью, и мне почудилось, что он говорит или шепчется с кем-то по ту сторону. Я не был уверен, хоть и подкрался как мог близко. Но, боюсь, на меня вдруг напала дрожь и всё сделалось чуднó, и я кинулся назад.

— Что же делать? — сказал Бинго, оборачиваясь к Топотуну.

— Не ходите по своим комнатам! — тотчас сказал Топотун. — Это, верно, был Билл Ферни — ведь его нора на восточном краю Бри, и более чем вероятно, что он выведал, какие комнаты вам отвели. У них маленькие окна, глядящие назад, на запад, а наружные стены не очень-то толсты. Мы все останемся здесь, запрём дверь и окно и

будем сторожить по очереди.[15] Но сперва лучше принести вашу поклажу — и устроить постели!

В этом месте мой отец прервал первоначальный карандашный черновик, чтобы набросать план дальнейшей истории, и, поскольку эту часть рукописи он чернилами не надписал, её можно прочесть — или можно было бы, не будь она нацарапана на самом пределе разборчивости и за ним.

Так и сделано. Подушки в постели. Ночью ничего не случается — но поутру окна открыты, подушки на полу. Пони все пропали. Тимоти [т. е. трактирщик Тимоти Тайтус] в великом смятении. Они [?счёт]. Он платит за пони[?, но больше] не достать. Нехватка в деревне. Они идут дальше с Топотуном пешком. Топотун ведёт их к норе дикого хоббита и [?уговаривает друга] бежать вперёд и послать на Заверть весть с пони? Топотун [?ведёт их тихими тропами в стороне от …] дороги, через леса. Однажды далеко-далеко на холме, что глядел вниз на отрезок дороги, им померещился Чёрный Всадник, сидящий на коне [?и озирающий] дорогу [?и округу].

….. Заверть [?около] 50 [рядом написано: 100]

---

[15] Примечания: 134

«запрём дверь и окно» вписано над «будем сторожить по очереди», которое вычеркнуто не было. См. примеч. 16. ↩ [broken link: #rn18_15]

миль от Бри.

Обзор во все стороны.

Гэндальф ушёл, но оставил груду камней — весть. Ждал два дня. Надо идти дальше. Гнать к броду. Из Ривенделла помощь придёт легко, если я туда доберусь.

Они приходят к Тролльим Камням у Дороги. Здесь из-за Реки впереди им [?приходится] вернуться на Дорогу. Чёрные Всадники, очевидно, ждут, что они навестят Тролльий лес [> Тролльшоу], и поджидают на дороге, где тропа выходит на неё.

На этой стадии, стало быть, мой отец вовсе не предвидел нападения на хоббитов у Заверти, как в более раннем наброске на с. 126 он не предвидел нападения на трактир. Посещение Тролльих Камней уже было задумано в том наброске (там названное «глупой затеей»), и там, как и здесь, Всадники настигали их лишь у Брода.

Это первое появление имени Тролльшоу (Trollshaw), которое значится на карте ВК (Trollshaws), но нигде в тексте.

Текст чернилами продолжается:

Топотун был теперь принят как член отряда, более того — как их проводник. Они тотчас сделали, как он предложил, и, прокравшись в свои

спальни, они разворошили постели и положили вдоль каждой кровати по подушке. Одо добавил бурый меховой коврик — более правдоподобную замену своей голове. Когда все снова собрались в гостиной, они свалили вещи на пол, придвинули к двери низкое кресло и затворили окно. Выглянув наружу, Бинго увидел, что ночь всё ещё ясна; тогда он закрыл и запер тяжёлые внутренние ставни, задёрнул занавеси и задул свечи. Хоббиты улеглись на одеялах ногами к огню. Топотун лёг в кресле у двери. Говорили они немного и один за другим уснули.[16] Ночью ничто их не потревожило. И Мерри, и Бинго раз проснулись в ранние, ещё тёмные часы, вообразив, что слышали или почуяли некое движение, но вскоре снова заснули. Они приметили, что Топотун, кажется, сидит в кресле бодрствуя, с открытыми глазами.

---

[16] Примечания: 135

Исподний карандашный текст здесь можно прочесть:

Говорили они немного и один за другим уснули. Топотун сторожил три часа; он сказал, что может обходиться очень малым сном. Следующим был Мерри. Ничего не случилось…

Первая версия чернилами гласит:

Он мог обойтись очень малым (сказал он): «дайте мне три часа, а потом разбудите, и я просторожу остаток времени». Бинго взял первую стражу; остальные поговорили немного и затем уснули.

В этом месте кончается глава 10 FR «Бродяжник» и начинается глава 11 «Нож во тьме» — там, где та глава снова берётся за историю в Бри; о нападении Чёрных Всадников на дом в Крикхоллоу, с которого она там начинается, пока нет и следа. ↩ [broken link: #rn18_16]

Это Топотун и задёрнул занавеси, открыл ставни и впустил ранний свет. Он, похоже, мог обходиться почти без сна. Едва он их растолкал, они на цыпочках прошли по проходу в свои спальни.

Там они увидели, как хорош был совет Топотуна. Окна были распахнуты и хлопали, занавеси трепетали. Постели были раскиданы, подушки брошены на пол — вспороты. Коврик Одо был разорван в клочья.

Топотун тут же отправился искать господина Баттербура и поднял его с постели. Что именно он ему сказал, он Бинго не поведал, но хозяин явился очень быстро, и был он очень напуган и очень виноват.

— Сроду такого не бывало ни на моём веку, ни на отцовом, — сказал он, в ужасе вздымая руки. — Чтоб гости не могли спать в своих постелях, и всё такое. До чего мы дошли? Но и неделька же выдалась чудна́я, что и говорить.

Он, похоже, не удивился, что они хотят уйти как можно скорее, прежде чем народ поднимется, и засуетился, чтобы тотчас раздобыть им завтрак и снарядить пони.

Но вскоре он вернулся в смятении. Пони пропали! Двери конюшни ночью были взломаны, и они исчезли, а с ними и все прочие пони в заведении.

Это была сокрушительная весть. Они и так уже, верно, опоздали нагнать Гэндальфа. Пешком на это не было надежды — им не добраться до Заверти за много дней, ни до Ривенделла за много недель.

— Что же нам делать, господин Баттербур? — отчаянно спросил Бинго. — Нельзя ли одолжить ещё пони в деревне или в округе? Или нанять? — добавил он довольно неуверенно.

— Сомневаюсь, — сказал господин Баттербур. — Сомневаюсь, чтоб во всём Бри осталось четыре верховых пони, и вряд ли хоть один из них продаётся или сдаётся внаём. У Билла Ферни есть один, бедная заезженная тварь, но он не расстанется с ним меньше чем за тройную цену, уж я-то его знаю. Но я сделаю что смогу. Подниму Боба и тотчас разошлю его по округе.

В конце концов, после задержки в час с лишком, оказалось, что добыть можно лишь одного пони — и того пришлось купить за шесть серебряных пенни (высокая цена для тех мест). Но господин Барнабас Баттербур был честный хоббит и щедрый (хотя мог себе позволить быть и тем и другим), и он настоял на том, чтобы уплатить господину Риверсу (то есть Мерри) за пятерых пропавших животных двадцать серебряных

пенни,[17] за вычетом стоимости их корма и постоя. Это стало весьма ценным прибавлением к их дорожной казне, ибо серебряные пенни в те дни были очень дороги, но в тот миг это было невеликим утешением в их утрате и задержке. Для бедного старого Барнабаса это, должно быть, был довольно тяжёлый удар, пусть он и жил в достатке.*

* Сноска. Всё же, думаю, в конце концов он остался в выигрыше, ибо вышло так, что пони, обезумев от ужаса, сбежали и, обладая немалым здравым смыслом, в конце концов добрались до старого Толстого Лумпкина. И это пригодилось. Ибо Том Бомбадил увидел их и испугался, что с хоббитами стряслась беда. И он отправился в Бри разузнать, что сможет, и узнал там всё, что мог рассказать Барнабас (и немного сверх того). А ещё он выкупил пони у Барнабаса (раз уж теперь они принадлежали тому). К великой радости Толстого Лумпкина, у которого теперь были друзья, кому он мог рассказывать байки и (так как они были младше) на кого мог свалить бóльшую часть той малой работы, что была.

Разумеется, вся эта возня с пони не только отня-

---

[17] Примечания: 136

20 (серебряных пенни) позднее было изменено на 25. ↩ [broken link: #rn18_17]

ла время, но и выставила хоббитов и их дела на всеобщее обозрение. Сохранить их уход в тайне дольше уже не было возможности — к немалому их смятению, да и Топотуна. И вправду, они тронулись лишь после девяти часов, а к тому времени весь народ Бри высыпал поглядеть, как они уходят. Простившись с Нобом и Робом[18] и откланявшись господину Баттербуру, они побрели прочь, встревоженные и павшие духом. Топотун шёл впереди, ведя их единственного пони, нагруженного бóльшей частью поклажи. Топотун жевал яблоко: у него, похоже, был полный карман яблок. Яблоки да табак, говорил он, — вот чего ему больше всего недостаёт, когда их не достать. Они не обращали внимания на множество любопытных голов, что высовывались из дверей и выглядывали из-за оград, пока они шли через деревню, но когда они приблизились к восточному краю, Бинго увидел приземистого хмурого хоббита (довольно гоблинского, подумал он про себя): тот глядел поверх изгороди. Глаза у него были чёрные, рот большой, ухмылка неприятная, и курил он почернелую трубку. Он вынул трубку изо рта и сплюнул через плечо, когда они

[18] Примечания: 137

Роб: в прежних случаях (с. 135, 164) имя конюха в «Гарцующем Пони» — несомненно Боб, как и в FR. ↩ [broken link: #rn18_18]

проходили мимо.

— Утро, Топотун! — сказал он. — Завёл новых дружков? — Топотун кивнул, но не ответил.

— Утро, господа хорошие! — сказал он хоббитам. — Знаете ли вы, с кем идёте? Это грязный Топотун, вот кто; или так он себя зовёт — хоть я слыхал и другие имена, не такие пригожие. Но, может, следопыт вам и сгодится.

Топотун быстро обернулся.

— Билл Ферни! — сказал он. — Убери-ка ты с глаз свою уродливую рожу, не то её тебе расквасят. Не то чтоб ей это сильно повредило.

Внезапным щелчком, быстрым как молния, половинка яблока сорвалась с его руки и угодила Биллу прямо в нос. Тот пригнулся и сгинул с воплем;[19] и они не стали слушать проклятий, что понеслись из-за изгороди.

Выйдя из деревни, они какое-то время шли по Дороге. Она вилась вправо, огибая южную сторону холма Бри, а затем начала спускаться в

[19] Примечания: 138

a yowk («вопль»): глагол yowk «выть, реветь, визжать» приведён у Джозефа Райта в «Словаре английских диалектов». ↩ [broken link: #rn18_19]

лесистый край.[20] К северу от Дороги им видны были сперва Арчет на возвышенности, словно остров среди деревьев, а потом, в глубокой лощине к востоку от Арчета, — клочья поднимающегося дыма, что указывали, где лежит Комб. После того как Дорога сбежала вниз и оставила холм Бри позади, они набрели на узкую тропу, что уходила к северу прочь от Дороги.

— Здесь мы сходим с открытого и уходим под прикрытие! — сказал Топотун.

— Надеюсь, не напрямик? — сказал Бинго. — Это короткий путь через леса задержал нас на два дня в прошлый раз.

— Ах, но тогда со мной не было меня, — сказал Топотун. — Мои срезки, длинные ли, короткие, не подводят.

Замысел его, насколько они могли понять, не зная края, был такой: пройти близ Комба[21] и держаться под прикрытием лесов, пока Дорога ещё близко, а затем взять как можно прямее через

---

[20] Примечания: 139

Крошечный карандашный набросок в теле рукописи, относящийся к исподнему черновику, показывает Дорогу: после того как она, изгибаясь, спускается вокруг южной стороны холма Бри, она снова загибается на север и к востоку от Бри продолжается по той же линии, что и к западу от деревни. ↩ [broken link: #rn18_20]

[21] Примечания: 140

Комб изменено карандашом на Арчет (как в FR, с. 193). ↩ [broken link: #rn18_21]

дикую местность к холму Заверть. Так они (если всё сложится) срежут большую петлю Дороги, что дальше отклоняется к югу, обходя Миджуотерские топи. Была у Топотуна и мысль, что, если он наткнётся на кого-нибудь из друзей среди диких хоббитов, кому можно доверять, его могли бы послать вперёд на пони к Заверти. Но остальным замысел этот не понравился, ибо означал бы, что придётся тащить тяжёлую поклажу, и они считали, что Миджуотерские топи (судя по описанию Топотуна) и без того окажутся достаточно скверны.[22] Однако пока что идти было не так уж неприятно. И вправду, если бы не тревожные события прошлой ночи, эта часть пути понравилась бы им больше всякой другой до сих пор. Солнце светило, ясно, но не жарко. Леса ещё были в листве и полны красок и казались мирными, чистыми и здоровыми. Топотун уверенно вёл их среди множества перекрёстных путей, хотя сами они очень скоро потеряли всякое чувство направления, но, как он им объяснил, они пока шли не по прямой, а зигзагом, чтобы сбить со

[22] Примечания: 141

Эти две фразы, начиная с «Была у Топотуна и мысль», были заключены в квадратные скобки, вероятно, во время написания. Ср. набросок (с. 162): «Топотун ведёт их к норе дикого хоббита и уговаривает друга бежать вперёд и послать на Заверть весть с пони?». ↩ [broken link: #rn18_22]

следа всякую погоню.

— Билл Ферни, уж точно, подсмотрел, где мы сошли с Дороги, — сказал он, — но не думаю, что он сам пойдёт за нами далеко, хоть и знает здешнюю землю недурно. Важно то, что он расскажет другим. Если они решат, что мы подались к Комбу, тем лучше.

Благодаря ли искусству Топотуна или по иной причине, но за весь тот день и за весь следующий они не увидели и не услышали ни единого иного живого существа: ни двуногого (кроме птиц), ни четвероногого (кроме лис и кроликов). На третий день от Бри они вышли из лесов. Путь их всё время уклонялся вниз, и теперь они вышли в местность более плоскую и трудную.

Они были на окраине Миджуотерских топей. Земля сделалась сырее, местами топкой, и там и сям были лужи и широкие заросли тростника и камыша, полные скрытых щебечущих птиц. Им приходилось осторожно выбирать путь, чтобы и ног не замочить, и держаться своей линии. Сперва они шли неплохо: на деле пешком они, верно, продвигались так же быстро, как и верхом. Но дальше путь делался всё медленнее и опаснее. Топи были широки и коварны, и через них вела лишь извилистая следопытская тропа, которую

Топотун находил с трудом, выказывая всё своё умение. Мухи стали мучением: особенно тучи крошечной мошкары, что забиралась в рукава, штанины и под волосы.

— Меня живьём едят! — сказал Одо. — Миджуотер! Тут мошкары больше, чем воды. Чем они живут, когда не могут добыть хоббитов?

Два жалких дня провели они в этом пустынном и неприветливом краю. Стоянки их были сыры и холодны, ибо доброго топлива не было. Охапки сухого тростника, камыша и травы прогорали слишком быстро. И, конечно, кусачая мелочь не давала им спать. Были там ещё какие-то мерзкие перероcтки-родичи сверчка, что пищали со всех сторон и едва не сводили Бинго с ума. Он ненавидел сверчков, даже когда не лежал без сна от укусов, слушая их. А эти сверчки были пронзительнее всех, каких он встречал, и ещё упорнее. Они были более чем рады, когда рано на пятый день от Бри увидели, как земля впереди медленно поднимается вновь, восходя вдали к гряде низких холмов.[23]

Справа от этой гряды стоял высокий конице-

---

[23] Примечания: 142

Карандашный текст под чернилами можно разобрать настолько, чтобы увидеть, что переход через топи (без названия) был описан в паре фраз. ↩ [broken link: #rn18_23]

ский холм со слегка приплюснутой вершиной.

— Это Заверть, — сказал Топотун. — Старая Дорога, которую мы оставили далеко справа, идёт к югу от неё и проходит недалеко от её подножия. Мы могли бы добраться туда к завтрашнему полудню; пожалуй, так нам и стоит.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Бинго.

— Хочу сказать: когда мы туда доберёмся, неведомо, что мы найдём. Она близко к Дороге.

— Но разве Гэндальф не собирался там стать лагерем?

— Собирался — да только так и этак вышло, что вы уже на три, а то и на четыре дня отстали от срока, когда он ждал вашего прихода. К тому времени, как мы доберёмся до вершины, вы запоздаете на четыре-пять дней. Очень сомневаюсь, что мы застанем его там. С другой стороны, если некие особы прознали, что вы пошли на восток из Бри, и не сумели сыскать нас в глуши, они вполне могут и сами направиться к Заверти. С неё открывается широкий вид на земли кругом. Да тут немало птиц и зверей, что увидели бы нас с той вершины, как мы стоим. Есть даже следопыты, что в ясный день высмотрели бы нас оттуда, если б мы двигались. А не всем следопытам можно доверять, ни всем птицам и зверям.

Хоббиты тревожно поглядели на дальний холм. Одо поднял взгляд в бледное небо, словно боялся увидеть парящих над ними ястребов или орлов.

— От твоих слов мне делается прескверно, — сказал Бинго, — но, видно, это всё нам на пользу. Нам следует понимать, в какой мы опасности. Что ты посоветуешь нам делать?

— Думаю, — ответил Топотун медленно и словно впервые не вполне уверенный в своих замыслах, — думаю, лучше всего идти прямо вперёд, или как можно прямее, отсюда и держать на гряду холмов. Там мы выйдем на кое-какие тропы, что я знаю, и они приведут нас к Заверти с севера, не так открыто. А там — поглядим, что увидим.

Делать, казалось, было нечего. Да и в любом случае оставаться в том неуютном краю они не могли, а линия похода, что предложил Топотун, более или менее совпадала с тем направлением, которым им так и так нужно было идти, если они вообще хотели добраться до Ривенделла. Весь тот день они брели, пока не спустился холодный ранний вечер. Земля делалась суше и бесплоднее, но туманы и испарения лежали позади них на широких топях. Несколько унылых птиц посвистывали, пока круглое красное солнце медленно

не утонуло в западных тенях. Они подумали, как мягкий свет его сейчас скользит сквозь весёлые окна, что глядят в сад Бэг-Энда далеко-далеко. Они набрели на ручей, что сбегал с холмов, теряясь в стоячей болотине, и пошли вдоль него, пока был свет. Уже почти стемнело, когда они стали лагерем под чахлыми ольхами на каменистых берегах ручья; теперь впереди них тёмной громадой высился голый склон ближнего холма, мрачный и бесплодный. Той ночью они выставили стражу, но те, что не сторожили, спали тревожно. Луна прибывала, и в ранние ночные часы серый холодный свет лежал на земле.

Наутро они снова тронулись вскоре после восхода. В воздухе был морозец, а небо — бледной ясной синевы. Они чувствовали себя освежёнными, словно проспали ночь крепким сном, и рады были, что оставили сырой тяжёлый воздух топей. Они уже привыкали к долгой ходьбе и к скудному пайку (во всяком случае, более скудному, чем сочли бы возможным для перехода в Шире). Одо объявил, что Бинго выглядит вдвое более хоббитом, чем был.

— Очень странно, — сказал Бинго, затягивая пояс, — если учесть, что меня на деле стало изрядно меньше. Надеюсь, усыхание не пойдёт без конца,

не то я обращусь в призрака.

— Не говори о таких вещах! — быстро сказал Топотун, с удивительной серьёзностью.

Вскоре они достигли подножия холмов, и там нашли, впервые с тех пор, как покинули Дорогу, тропу, ясно видную. По ней они и пошли, повернув и следуя ей на юго-запад.[24] Она вела их вверх и вниз, держась той полосы местности, что ухитрялась как можно чаще и дольше скрывать их от взора — будь то с вершин над ними или с равнин на западе. Она ныряла в лощинки, жалась к крутым откосам, находила переправы через ручьи и обходные пути вокруг болот, что те разливали в низинах. Там, где она пересекала более плоское и открытое место, по обе её стороны нередко тянулись ряды больших валунов, заслонявшие идущих почти как изгородь.

— Любопытно, кто проложил эту тропу и зачем? — сказал Фродо, когда они шли по одной из таких аллей, где камни были необычайно велики и тесно поставлены. — Не уверен, что она мне совсем

---

[24] Примечания: 143

Поскольку в конце следующей фразы мой отец написал «с равнин на Востоке», что явно обмолвка и что он позднее исправил на «Западе», вероятно, и «юго-западный» ход тропы вдоль подножия холмов — тоже обмолвка вместо «юго-восточного»; немного дальше сказано, что «они подошли к юго-восточному концу гряды холмов». ↩ [broken link: #rn18_24]

по душе — в ней есть, ну, этакий умертвенный вид? Нет ли на Заверти кургана?

— Нет! — сказал Топотун. — Ни на Заверти, ни на каком из этих холмов кургана нет. Люди Запада здесь не жили. Не знаю, кто проложил эту тропу и как давно, но проложена она была, чтобы дать к Заверти путь, который можно оборонять. Иные сказывают, что Гил-галад и Валандил [позднее > Элендиль] возвели здесь крепость и твердыню в Древние Дни, когда шли походом на Восток.

— А кто был Гил-галад? — спросил Фродо, но Топотун не ответил и, казалось, погрузился в раздумье.[25]

Был уже полдень, когда они подошли к юго-восточному концу гряды холмов и увидели перед собой, в бледном ясном свете октябрьского солнца, зелёно-серый гребень, что вёл вверх, как провисший мост, к северной стороне высокого

---

[25] Примечания: 144

Об истории Гил-галада и Элендиля и о Последнем Союзе, как она была в это время, см. вторую версию «Падения Нуменора», §14 (V. 28–29), и с. 215–216. Хотя Элендиль присутствует в «Падении Нуменора», мой отец, по-видимому, не был вполне доволен этим именем: здесь он сперва написал Валандил, а в первоначальном черновике следующей главы временно изменил Элендиль на Орендиль (с. 197, примеч. 3). В «Утраченном пути» Валандил был именем отца Элендиля (V. 60, 69), а в более поздней версии «Падения Нуменора» Валандил — брат Элендиля (V. 33). ↩ [broken link: #rn18_25]

конического холма. Они решили тотчас идти на вершину, пока день в разгаре. Скрываться было больше невозможно, и им оставалось лишь надеяться на лучшее. На холме не видно было никакого движения.

После часа медленного, тяжёлого подъёма Топотун достиг макушки холма. Бинго и Мерри следовали за ним, усталые и запыхавшиеся. Последний склон был крут и каменист. Одо и Фродо остались внизу с поклажей и пони, в укрытой ложбинке под западным боком холма. На вершине они нашли лишь груду камней — каирн давно забытого значения. Ни следа Гэндальфа, ни единого живого существа. Кругом и внизу открывался широкий вид, по большей части — земля пустая, безлюдная и безликая, кроме клочьев леса далеко к югу, где они улавливали и редкий проблеск далёкой воды. Под ними, с южной стороны, тянулась лента Старой Дороги, выходя с Запада и виясь вверх и вниз, пока не тонула за грядой тёмной земли на Востоке. И она была пуста. Ничто на ней не двигалось. Проследив её линию к востоку, они узрели Горы — теперь ясно видные: ближние предгорья бурые и хмурые, за ними — более высокие серые громады, а за теми — высокие белые пики, мерцающие из туч.

— Ну, вот и пришли! — сказал Мерри. — И до чего же безрадостно и неприветливо всё выглядит. Ни воды, ни укрытия. Не виню Гэндальфа, что он здесь не ждал! Ему пришлось бы оставить повозку, коней и большинство спутников где-нибудь внизу, у Дороги.

— Не знаю, — задумчиво сказал Топотун. — Сюда он наверняка приходил, раз сказал, что придёт. Не в его обычае не оставить знака. Надеюсь, с ним ничего не стряслось — хотя нелегко вообразить, чтобы он попал в беду.

Он толкнул ногой груду камней, и верхние камни со стуком осыпались. Что-то белое, высвободившись, затрепетало на ветру. Это был клочок бумаги. Топотун жадно схватил его и прочёл нацарапанное послание:

Ждал три дня. Должен идти. Что с вами случилось. Гоните к Броду за Тролльшоу как можно быстрее. Помощь придёт туда из Ривенделла, как только я смогу это устроить. Будьте начеку. Г. [G]

— Три дня! — сказал Топотун. — Значит, он ушёл, пока мы ещё были в топях. Видно, мы были слишком далеко, чтоб хоть мельком приметить наши жалкие костры.

— Далеко ли до Брода и Ривенделла? — устало спросил Бинго. С вершины холма мир казался

диким и широким.

— Дай-ка подумать! — сказал Топотун. — Не знаю, мерили ли когда-нибудь Дорогу за Покинутым Трактиром — в дне пути к востоку от Бри. Но переходы, в днях для повозки, пони, коня или пешехода, конечно, известны довольно хорошо. Я бы счёл, что от Бри до Заверти около ста двадцати долгих миль — по Дороге, что петляет к югу и северу. Мы пришли путём короче, но не быстрее: восемьдесят-девяносто миль за последние шесть дней. От Брендивайнского Моста до Бри ближе к сорока, чем к тридцати, миль. Не знаю, но число миль от вашего Моста до Брода под Мглистыми Горами я положил бы изрядно за триста. Значит, от Заверти до Брода должно быть около двухсот. Я слыхал, будто от Моста до Брода можно дойти за две недели, идя ходко и при доброй погоде, но я не встречал никого, кто проделал бы путь в такой срок. Большинству нужен без малого месяц, а бедному хоббичьему народу пешком — и того больше.

Этот отрывок, начиная с «Но переходы, в днях для повозки, пони, коня или пешехода», был заключён в квадратные скобки, и против него мой отец написал: «? Вычеркнуть — хотя это и можно оставить как ориентир по времени для повество-

вания, но слишком сухо и расчётливо и портит настроение.?» Затем он написал на отдельном листке такую замену (ср. FR, с. 200):

— Одни говорят — столько, другие иначе. Дорога чудна́я. И народ рад добраться до конца пути, долог он или короток. Но я-то знаю, сколько ушло бы у меня, при доброй погоде и без злосчастья, у бедного следопыта на своих двоих: между тремя неделями и месяцем, идя ходко, от Брендивайнского Моста до Брода под Мглистыми Горами. Больше двух дней от Моста до Бри, неделя от Бри до Заверти. Мы прошли это за тот же срок, но мы шли путём короче, ибо Дорога гнётся к югу и северу. Скажем, десять дней. Тогда впереди у нас две недели, может, меньше, но скорее больше.

— Две недели! — сказал Бинго. — За такой срок многое может случиться.

Все умолкли. Бинго впервые в этом пустынном месте сполна осознал свою опасность и изгнанничество. Он пожалел, что судьба не оставила его в тихом и любимом Шире. Он глядел на ненавистную Дорогу — что вела назад, на запад, — к его прежнему дому. Вдруг он заметил, что две чёрные точки движутся по ленте, идя на запад, и, вглядевшись, увидел теперь, что ещё несколько медленно ползут к востоку им навстречу. Он

вскрикнул и схватил Топотуна за руку.

— Гляди! — сказал он, указывая.

— Ложись! — крикнул Топотун, рывком повалив Бинго плашмя наземь рядом с собой. Мерри бросился рядом.

— Что это? — прошептал он.

— Не знаю, но боюсь, что знаю, — сказал Топотун.

Они ползком пробрались к краю плоской вершины и выглянули из-за каменного выступа. Свет был не ярок, ибо ясное утро померкло, и тучи медленно выползали с Востока и теперь поймали солнце, что начинало клониться к западу. Они видели чёрные точки, но ни Бинго, ни Мерри не могли разобрать их облика наверняка. И всё же что-то говорило им, что там, внизу, на Дороге за подножием холма, собираются Чёрные Всадники.

— Да, — сказал Топотун, чьё более зоркое зрение не оставляло ему сомнений. — Враг здесь.

Поспешно они отползли и соскользнули по северной стороне холма — отыскать Одо и Фродо.

Здесь кончается первоначальная глава VII, которую я разделил на две.

В последней части этой главы, с того места, где сходятся варианты (с. 159, 161), вся существенная

структура непосредственного повествования в FR (с. 185–201) уже налицо, хотя более широкие связи и проблески древней истории заметно отсутствуют. Повествование в любом случае идёт в более узком измерении уже потому, что в истории нет Людей: Баттербур — хоббит, дикие «следопыты», один из которых Топотун, — хоббиты, Билл Ферни — хоббит (с. 165); хотя верно, что круг хоббичьих характеров сильно расширен этими «Чужаками», что живут за пределами Шира.

Можно вкратце отметить несколько частностей. О купленном в Бри пони на деле не сказано, что он Ферни (с. 164), хотя это, кажется, подразумевается, а дальнейшая судьба пятерых пони из Бакленда, изложенная в сноске к тексту (с. 164), была впоследствии во многом изменена (FR, с. 191). Встреча Мерри с Чёрным Всадником у трактира в Бри не кончается тем, что на него нападают, и именно Топотун играет позднейшую роль Сэма, имея полный карман яблок и осаживая Билла Ферни одним из них в нос.

Путь от Бри до Заверти имеет ту же структуру, что и в FR (с. 194–197), кроме как в конце. Хронология такова:

1-й день от Бри — Пт. 30 сент. — В лесах (Четвуд).

2-й день — Сб. 1 окт. — В лесах.

3-й день — Вс. 2 окт. — Первый день и стоянка в топях.

4-й день — Пн. 3 окт. — Второй день и стоянка в топях.

5-й день — Вт. 4 окт. — Стоянка у ручья под ольхами.

Но в FR хоббиты устроили ещё одну ночную стоянку у подножия западных склонов Заветренных Холмов — и это была «ночь пятого октября, и шёл шестой день от Бри» (с. 197); этой стоянки в первоначальной версии нет, и потому Заверти они достигли в среду, 5 октября. Топотун на Заверти говорит, что они прошли восемьдесят-девяносто миль «за последние шесть дней»: он включал и этот день, ибо был уже полдень.

В старой истории Гэндальф пробыл на Заверти три дня и оставил там, в груде камней, записку на бумаге. Это послание («Помощь придёт туда [то есть к Броду] из Ривенделла, как только я смогу это устроить») даёт в истории первое ясное указание на то, каковы были намерения Гэндальфа, и с этим можно сопоставить слова, нацарапанные на рукописи и приведённые в примеч. 8. Гэндальф пытался сманить Всадников за собой.

Глава 10. НАПАДЕНИЕ НА ЗАВЕРТЬ

Эта глава, под номером VIII и, как обыкновенно, без заглавия (хотя позднее мой отец вписал карандашом «Нож во тьме»), начинается на той же рукописной странице, что и конец предыдущей; это явно была непрерывная работа, и рукопись идёт, как и прежде, чернилами, быстро, но всегда разборчиво, поверх карандашных черновиков, от которых видны лишь отдельные слова и фразы там и сям (см. с. 188). Текст продолжается через главу 12 FR «Бегство к Броду» безо всякого перерыва, но, как и с первоначальной главой VIII, я делю его на две (см. таблицу на с. 133).

Была лощина под северо-западным плечом Заверти, прямо под длинным гребнем, что соединял её с холмами позади. Там Одо и Фродо были оставлены ждать остальных. Они нашли следы недавней стоянки и костра и — великое (и совсем нежданное) благо — за большим камнем был сложен небольшой запас дров. Ещё лучше: под топливом они нашли деревянный ящик с кое-какой едой. По большей части это были

кра́м-лепёшки, но был и бекон, и сушёные плоды. Был и табак!

Кра́м был, как ты, может, помнишь, словом из языка людей Дейла и Долгого Озера — для особой еды, что они делали для долгих странствий. Он хранился бесконечно долго и был весьма питателен, но не увлекателен, ибо требовал немало жевания и особого вкуса не имел. Бильбо Бэггинс привёз рецепт домой — он пользовался кра́мом после возвращения в иных своих долгих и таинственных прогулках. Гэндальф тоже пристрастился к нему в своих нескончаемых странствиях. Он говорил, что любит его размоченным в воде (но в это трудно поверить). Однако кра́мом в глуши не стоило пренебрегать, и хоббиты были чрезвычайно благодарны Гэндальфу за заботу. Ещё благодарнее они были, когда трое других спустились со своими тревожными вестями и все поняли, что впереди ещё долгий путь, прежде чем можно ждать помощи. Они тотчас держали совет и нашли, что решить трудно. Именно наличие дров (которых много с собой им было бы не унести) в конце концов склонило их не идти дальше в тот день, а заночевать в

лощине.[1] Идти тотчас казалось небезопасным, чтобы не сказать отчаянным, — по крайней мере, пока они не выяснят, известно ли или ожидаемо ли их прибытие к холму. Ибо, если не делать долгий крюк назад на северо-запад вдоль холмов и не бросать вовсе на время направление к Ривенделлу, нелегко было найти какое-либо укрытие. Сама Дорога была невозможна, но им предстояло хотя бы пересечь её, чтобы попасть в более изломанную землю, полную кустарниковых зарослей, сразу к югу от неё. К северу от Дороги, за холмами, земля на многие мили была голой и плоской.

— А может ли… э-э… враг видеть? — спросил Мерри. — То есть они, похоже, обычно чуяли, а не видели, по крайней мере днём. Но ты заставил нас лечь плашмя.

---

[1] Примечания: 145

Этот отрывок, начиная с «Ещё лучше: под топливом они нашли деревянный ящик», — вставка на листке, написанная, безусловно, в одно время с основным текстом, заменяющая текст (чернилами) в первоначальном виде:

Гэндальф, похоже, позаботился о них. Именно наличие топлива склонило их не идти дальше в тот день, а стать лагерем в лощине.

С тем, что здесь сказано о кра́ме (чего нет в FR), ср. «Хоббит», глава XIII «Не дома»:

Если хотите знать, что такое крам, могу лишь сказать, что рецепта не знаю, но это нечто вроде сухаря, хранится бесконечно долго, считается питательным и уж точно не увлекательно, ибо на деле весьма неинтересно, разве что как упражнение для челюстей. Его делали люди Озера для долгих странствий.

В «Этимологиях» (V. 365) крам, определённый как «лепёшка из спрес-

сованной муки или крупы (часто с мёдом и молоком), употребляемая в долгих странствиях», значится как нолдоринское слово (корень KRAB- «прессовать»). — В FR из всех припасов, найденных на Заверти, уцелели лишь дрова, но оставлены они были следопытами, а не Гэндальфом. ↩ [broken link: #rn19_1]

— Не знаю, — сказал Топотун, — как они улавливают то, что ищут, но я их боюсь. А их кони видеть могут.[2]

Был уже поздний вечер. С завтрака у них не было и крошки. Несмотря на страх и неуверенность, они были очень голодны. Так что внизу, в лощине, где всё было тихо и спокойно, они устроили трапезу — настолько добрую, насколько посмели, осмотрев свои запасы. Не будь подарка Гэндальфа, они не отважились бы и на лишний кусок. Они оставили позади края, где можно сыскать трактиры или деревни. К югу от них (так сказал Топотун) был Большой Народ. Но на север и восток соседние земли были пусты от всего, кроме птиц и зверей, — неприветливые места, покинутые всеми народами мира: эльфами, людьми, гномами, хоббитами и даже гоблинами. Более отважные следопыты порой забредали в те края, но проходили и не задерживались. Иные странники были редки и недоброго толка: тролли могли порой забрести вниз из дальних холмов и Гор. Лишь на Дороге встречались путники — Большой Народ редко в те дни, эльфы, может,

---

[2] Примечания: 146

Бродяжник даёт куда более подробный и сведущий отчёт о восприятии Кольцепризраков в FR (с. 202). См. с. 173, примеч. 7. ↩ [broken link: #rn19_2]

иногда, чаще всего гномы, спешащие по делам, без помощи и с парой слов для чужаков.

Так что теперь — раз уж Гэндальф ушёл — им приходилось полагаться на то, что несли с собой, — вероятно, пока наконец не отыщут пути в Ривенделл. На воду им оставалось уповать на случай. Еды, пожалуй, им хватило бы дней на десять-одиннадцать, а теперь, с прибавлениями Гэндальфа, при бережливости они могли бы продержаться больше двух недель. Могло быть и хуже. Но голод был не единственным их страхом.

С наступлением вечера сделалось очень холодно. Над дальними топями снова был туман, но небо вверху опять прояснилось, и тучи унёс студёный восточный ветер. Глядя с края лощины, они не видели ничего, кроме серой земли, что быстро тонула в тенях под открытым небом, медленно наполнявшимся мерцающими звёздами.

Они развели небольшой костёр в самой низкой точке ложбины и сели вокруг, одетые и закутанные во всю одежду и одеяла, какие у них были; по крайней мере, Бинго и его спутники. Топотун, казалось, довольствовался одним одеялом и сидел поодаль от огня, попыхивая короткой трубкой. Они по очереди садились на стражу у

края лощины, там, откуда виден был и крутой бок Заверти, и более пологий спуск с гребня — насколько вообще что-то можно было разглядеть в сгущавшихся сумерках.

По мере того как вечер углублялся, Топотун принялся рассказывать им истории, чтобы отвлечь их умы от страха. Он знал много преданий о диких зверях и утверждал, что говорит на некоторых их языках, и у него были странные истории об их жизни и малоизвестных приключениях. Знал он и многие были и легенды древних дней — о хоббитах, когда Шир был ещё дик, и о том, что лежит за туманами памяти, откуда хоббиты вышли. Они дивились, где он научился всему этому знанию.

— Расскажи нам о Гил-галаде! — сказал Фродо. — Ты назвал это имя недавно,[3] и оно всё ещё звенит у меня в ушах. Кто он был?

— Неужто не знаешь! — сказал Топотун. — Гил-галад был последним из великих Королей-эльфов: Гил-галад значит на их языке Звёздный Свет. Он низверг Врага, но и сам погиб. Но не стану я сейчас рассказывать ту повесть; хотя ты, думаю, услышишь её в Ривенделле, когда мы туда

---

[3] Примечания: 147
См. с. 169 и примеч. 25. ↩ [broken link: #rn19_3]

доберёмся. Её должен рассказать Элронд, ибо он знает её хорошо. А я расскажу вам повесть о Тинувиэли — вкратце, ибо в полноте это долгая повесть, конец которой неведом, и нет никого, кто помнил бы её в полноте, как сказывалась она в старину, разве что Элронд. Но даже вкратце это прекрасная повесть — прекраснейшая из всех, что вышли из самых древних дней.

Он умолк на миг, а потом стал не говорить, но тихо петь нараспев:

[В рукописи здесь помета моего отца: «Вставить „Light on Linden Tree“ [sic] — исправлено. Или аллитерационные строки. Затем краткую историю Тинувиэли».]

Затем мой отец прямо перешёл в рукописи к началу прозаического пересказа истории Берена и Лютиэн. Однако далеко он с ним не зашёл, а бросил его и, вернувшись к словам Топотуна о повести, изменил их концовку на: «Это прекрасная повесть, хоть и печальная, как все повести Средиземья, и всё же она может возвысить сердца врагов Врага». Затем он написал:

Lo Beren Gamlost the boldhearted[4]

---

[4] Примечания: 148

Имя Берена Камлост, или Гамлост («Пусторукий»), встречается в «Квенте Сильмариллион» (прерванной в конце 1937 года); о колебании начального согласного см. V. 298, 301. ↩ [broken link: #rn19_4]

но и это вычеркнул. Чуть выше он предположил, что можно бы использовать «аллитерационные строки». Он имел в виду отрывок аллитерационного стиха, что предшествовал «Light as Leaf on Lindentree», как было напечатано в «Грифоне» (Лидский университет) в 1925 году,[5] — отрывок, сам тесно связанный со строками во второй версии аллитерационной «Песни о детях Хурина», 355 и далее, где Халог, один из проводников Турина в пути к Дориату, пел эту песнь «для возвышения сердец», пока они блуждали в лесу. Но теперь он решил против аллитерационных строк для этого места и написал в рукописи новую версию «Light as Leaf on Lindentree». Этот текст поэмы продвигает её далеко к окончательной версии в FR, с. 204–205, но в нём есть и черты, уцелевшие от старой поэмы, что потом были утрачены, и черты, не свойственные ни той ни другой. Есть много позднейших исправлений к тексту и много вариантов прочтения (большей частью принятых в окончательную версию), написанных во время сочинения, но здесь я привожу первичный текст без вариантов и поздних поправок.

---

[5] Примечания: 149

О тексте и текстологической истории «Light as Leaf on Lindentree» см. III. 108–110, 120–123. ↩ [broken link: #rn19_5]

The leaves were long, the grass was thin,
The fall of many years lay thick,
The tree-roots twisted out and in,
The rising moon was glimmering.
Her feet went lilting light and quick
To the silver flute of Ilverin:[6]
Beneath the hemlock-umbels thick
Tinúviel was shimmering.

Длинны листы, и тонок злак,
и палых лет лежал нанос,
корней сплетался выгиб так,
и восходящая луна мерцала.
Её стопа порхала, легка, быстра,
под серебряную флейту Ильверина;
под частыми зонтиками болиголова
Тинувиэль сияла.

The noiseless moths their wings did fold,

---

[6] Примечания: 150

Под серебряную флейту Ильверина: в «Light as Leaf on Lindentree» (III. 108) здесь назван Дайрон. Имя Ильверин встречается в «Книге утраченных сказаний» как одно из многих имён Малого Сердца (Littleheart), «стража гонга» Мар Ванва Тьялиэва (I. 46, 255), но, по-видимому, нет оснований искать какую-либо связь. На полях мой отец в какой-то момент вписал карандашом другие имена: Нелдорин, Эльберин, Диарин. См. примеч. 9, в конце. ↩ [broken link: #rn19_6]

The light was lost among the leaves,
As Beren there from mountains cold
Came wandering and sorrowing.
He peered between the hemlock leaves
And saw in wonder flowers of gold
Upon her mantle and her sleeves,
And her hair like shadow following.

Бесшумно мотыльки сложили крылья,
и свет потерялся меж листвы,
когда Берен с холодных гор
брёл, странствуя и горюя.
Он вгляделся сквозь листы болиголова
и в изумлении увидел цветы златые
на её плаще и рукавах,
и волосы, как тень, струились следом.

Enchantment took his weary feet,
That over stone were doomed to roam,
And forth he hastened, strong and fleet,
And grasped at moonbeams glistening.
Through woven woods of Elvenhome
They fled on swiftly dancing feet,

And left him lonely still to roam,
In the silent forest listening.

Чары сковали усталые стопы,
что по камням блуждать осуждены,
и он рванулся вперёд, силён и быстр,
и схватил мерцающие лунные лучи.
Сквозь сплетённые леса Эльфийского Дома
они умчались на быстрых пляшущих стопах,
оставив его одиноко брести,
вслушиваясь в безмолвный лес.

He heard at times the flying sound
Of feet as light as linden leaves,
Or music welling underground
In the hidden halls of Doriath.
But withered were the hemlock sheaves,
And one by one with sighing sound
Whispering fell the beechen leaves
In the wintry woods of Doriath.

Порой он слышал летучий звук

стоп, лёгких, как липовый лист,
иль музыку, бьющую из-под земли
в сокрытых чертогах Дориата.
Но иссохли снопы болиголова,
и один за другим, со вздохом,
шепча, опадали буковые листья
в зимних лесах Дориата.

He sought her ever, wandering far
Where leaves of years were thickly strewn,
By light of moon and ray of star
In frosty heavens shivering.
Her mantle glistened in the moon,
As on a hill-top high and far
She danced, and at her feet was strewn
A mist of silver quivering.

Он всё искал её, скитаясь вдаль,
где листья лет лежали грудой,
при свете луны и луче звезды
в морозных небесах дрожащих.
Её плащ мерцал в сиянье луны,
когда на вершине холма, высоко и далеко,

она плясала, и у ног её стелился
туман трепещущего серебра.

When winter passed she came again,
And her song released the sudden spring,
Like rising lark, and falling rain,
And melting water bubbling.
There high and clear he heard her sing,
And from him fell the winter's chain;
No more he feared by her to spring
Upon the grass untroubling.

Когда минула зима, она вернулась,
и песнь её высвободила внезапную весну,
как взлёт жаворонка, и падающий дождь,
и журчанье талой воды.
Там, высоко и ясно, он слышал её пенье,
и спала с него цепь зимы;
он больше не боялся прянуть к ней
на траву, не потревожив.

Again she fled, but clear he called:
Tinúviel, Tinúviel.

She halted by his voice enthralled
And stood before him shimmering.
Her doom at last there on her fell,
As in the hills the echoes called;
Tinúviel, Tinúviel,
In the arms of Beren glimmering.

Вновь она бежала, но ясно он позвал:
Тинувиэль, Тинувиэль.
Она замерла, его голосом зачарована,
и встала пред ним, мерцая.
Судьба её настигла там наконец,
когда в холмах перекликалось эхо;
Тинувиэль, Тинувиэль,
в объятиях Берена сияя.

As Beren looked into her eyes
Within the shadows of her hair
The trembling starlight of the skies
He saw there mirrored shimmering.
Tinúviel! O elven-fair!
Immortal maiden elven-wise,
About him cast her shadowy hair

And white her arms were glimmering.

Когда Берен заглянул в её глаза,
в тенях её волос
дрожащий звёздный свет небес
он увидел отражённым, мерцающим.
Тинувиэль! О эльфийски-прекрасная!
Бессмертная дева, в эльфийской мудрости,
обвила его своими тёмными волосами,
и белые руки её сияли.

Long was the way that fate them bore
O'er stony mountains cold and grey,
Through halls of iron and darkling door
And woods of night-shade morrowless.
The Sundering Seas between them lay
And yet at last they met once more,
And long ago they passed away
In the forest singing sorrowless.

Долог был путь, что судьба им несла,
чрез каменные горы, хладны и серы,
чрез чертоги железа и тёмную дверь,

и леса ночной тени, где нет завтра.
Разлучающие Моря меж ними легли,
и всё же наконец они встретились вновь,
и давно уже отошли они
в лес, где поют без печали.

Он помолчал, прежде чем заговорить снова.

— Это песнь, — сказал он, — что повествует о встрече Берена смертного и Лютиэн Тинувиэли, и это лишь начало повести.

Лютиэн была дочерью короля-эльфа Тингола из Дориата на Западе Срединного мира, когда земля была юна. Матерью её была Мелиан, что была не из рода эльфов, но пришла с Дальнего Запада, из земли Богов и Благословенного Царства Валинор. Сказано, что дочь Тингола и Мелиан была прекраснейшей девой из всех, что были или будут среди всех детей мира. Не пробегут вновь по зелёной земле столь прекрасные стопы, не взглянет на небо столь прекрасный лик, пока всё не переменится.

[Следующий далее панегирик Лютиэн почти слово в слово совпадает с тем, что в «Квенте Сильмариллион» (1937), по большей части сохранённым в изданной книге (с. 165, «Синим было

её одеяние…»).]

Но Берен был сыном Барахира Смелого. В те дни отцы отцов Людей вышли с Востока, и были среди них такие, что добрались даже до Запада Средиземья, и там они встретили эльфов, и были научены ими, и стали мудры, но были они смертны и недолговечны, ибо таков их удел. Всё же многие из них помогали эльфам в их войнах. Ибо в то время эльфы осаждали Врага в его ужасной твердыне на Севере. Ангбандом она звалась, Чертогами Железа под громовыми башнями чёрной горы Тангородрим.

Но он прорвал осаду и погнал эльфов и людей всё дальше на юг, и Барахир был убит. Разорение пало на Западные земли, но Дориат долго держался силой и чарами Мелиан-Королевы, что оградили его так, что никакое зло не могло войти внутрь. В песни рассказано,[7] как Берен, бежавший на юг сквозь многие опасности, пришёл наконец в сокрытое королевство и узрел Лютиэн. Тинувиэлью он назвал её, что значит Соловей, ибо имени её ещё не знал.

Но Тингол, Король-эльф, разгневался, презирая его как смертного и беглеца, и послал Берена

---

[7] Примечания: 151

Топотун не упоминал никакой песни, но имеется в виду, разумеется, «Лэ о Лейтиан». ↩ [broken link: #rn19_7]

на безнадёжный подвиг, прежде чем тот мог бы добыть Лютиэн. Ибо повелел он ему принести один из трёх камней с короны Короля Ангбанда, из глубин Железных Чертогов. То были Сильмариллы, прославленные в песни, полные силы и святого света, ибо были они сделаны эльфами в Благословенном Царстве, но Враг похитил их и стерёг всей своей мощью. И всё же Берен свершил тот Подвиг, ибо Лютиэн бежала из королевства отца и последовала за ним, и с помощью Хуана, пса Богов, что пришёл из Валинора, она снова отыскала его, и вместе после того прошли они сквозь опасность и тьму, и дошли даже до Ангбанда, и обманули Врага, и низвергли его, и взяли Сильмариль, и бежали.

Но волк-страж тёмных врат Ангбанда откусил руку Берена, что держала Сильмариль, и он был близок к смерти. И всё же сказано, что в конце концов Лютиэн и Берен спаслись и вернулись в Дориат, и король и весь его народ дивились. Но Тингол напомнил Берену, что тот поклялся не возвращаться иначе как с Сильмарилем в руке.

«Он в руке моей и сейчас», — ответил он.

«Покажи мне!» — сказал король.

«Этого я не могу, — сказал Берен, — ибо руки моей здесь нет», — и он поднял свою искалечен-

ную руку. И с того часа был он назван Береном Эрхамионом Однору́ким.

Тогда повесть о Подвиге была рассказана в чертоге короля, и нрав его смягчился, и Лютиэн вложила свою руку в руку Берена пред престолом отца.

Но вскоре страх пал на Дориат. Ибо грозный волк-страж Ангбанда, обезумев от огня Сильмариля, что пожирал его злую плоть изнутри, рыскал по миру, дикий и страшный. И судьбой и силой камня прошёл он стережённые рубежи и ворвался, алча, даже в Дориат, и всё бежало пред ним. Так настала Волчья Охота Дориата, и на ту охоту пошли король Тингол, и Берен Эрхамион, и Белег Лучник, и Маблунг Тяжелору́кий, и пёс Хуан.

И великий волк прыгнул на Берена, и сбил его, и тяжко ранил, и Хуан убил волка, но и сам был убит. И Маблунг вырезал Сильмариль из чрева волка и дал его Берену, и Берен дал его Тинголу. Тогда понесли они Берена назад, и Хуан был рядом с ним, в чертог короля. И Лютиэн простилась с ним пред вратами, веля ждать её за Великими Морями, и он умер в её объятиях.

Но дух Лютиэн пал во тьму, ибо таков был рок над девой-эльфом за любовь её к смертному человеку, и она медленно угасала, как угасают эльфы

под бременем непосильного горя. Прекрасное тело её лежало, как цветок, что внезапно срезан и недолго лежит неувядшим на траве;[8] но дух её странствовал за Великими Морями. И сказано, что она пела пред Богами, и песнь её была сложена из печалей двух родов, эльфов и людей. Так прекрасна была она и так трогательна была её песнь, что они были тронуты жалостью. Но не было у них власти долго удерживать в пределах мира духи смертных людей, что умерли; ни изменить разлучённый удел двух родов.

И потому дали они Лютиэн такой выбор. Из-за её скорби и из-за Сильмариля, что был отвоёван у Врага, и из-за того, что мать её Мелиан пришла из Валинора, она будет отпущена из Чертогов Ожидания и вернётся не к бедам Средиземья, но уйдёт в Благословенное Царство и будет жить с Богами до конца мира, забыв всю печаль, что знала её жизнь. Туда Берен прийти не мог. Другой выбор был таков. Она могла вернуться на землю и взять с собой Берена на время, чтобы снова жить с ним, но без уверенности в жизни или

---

[8] Примечания: 152

Вычеркнуто во время написания:
Но дух её пришёл в Чертоги Ожидания, где места, назначенные для эльфийского рода за пределами Благословенных Царств на Западе, на окраинах мира. И она преклонила колени пред Владыкой [Чертогов Ожидания]… ↩ [broken link: #rn19_8]

радости. Тогда станет она смертной, как и он, и вскоре покинет мир навсегда, и красота её станет лишь памятью песни, пока и та не угаснет. Этот рок она избрала, отрекшись от Благословенного Царства, и так встретились они вновь, Берен и Тинувиэль, за Великими Морями, как она и сказала, и пути их повели вместе и давно уже ушли за пределы мира. Так вышло, что Лютиэн одна из всего эльфийского рода и вправду умерла. Но выбором её Два Рода соединились, и она — праматерь многих, в ком эльфы доныне видят, хоть мир и меняется, подобие Лютиэн возлюбленной, которую они утратили.[9]

Пока Топотун говорил, тьма сомкнулась; ночь пала на мир. Они видели его чудно́е, жадное лицо, тускло озарённое в зареве красного костра.

---

[9] Примечания: 153

Этот заключительный абзац рассказа Топотуна очень близок к повести о Выборе Лютиэн, написанной моим отцом, пока «Квента Сильмариллион» была у издателей в конце 1937 года, и что появляется в изданном «Сильмариллионе» на с. 187; см. V. 293, 303–304.

Среди бумаг в этом месте есть и другие, очень грубо написанные тексты, дающие конспект части «Сильмариллиона». Они пытаются сжать куда бо́льшую часть истории Старших Дней, чем та, что строго касается повести о Берене и Лютиэн, и имеют любопытные черты, которые надлежит упомянуть, хотя их разбор едва ли входит в историю написания «Властелина Колец». Всего примечательнее такой отрывок:

Ибо, как рассказано, Благословенные Царства Запада были озарены Двумя Древами — Галатилионом, Серебряной Вишней, и Галаглориэллью, что есть Золотой Дождь. Но Моргот, величайший из Сил, пошёл войной на Богов, и уничтожил Древа, и бежал. И унёс он с собою

бессмертные самоцветы, Сильмарилли, что были сделаны эльфами из света Древ и в которых одних теперь оставалось древнее сияние дней блаженства. На севере Средиземья воздвиг он свой престол Ангбанд, Чертоги Железа под Тангородримом, Горою Грома, и возрастал он в силе и тьме, и породил он орков и гоблинов, и балрогов, демонов огня. Но Высокие Эльфы Запада покинули землю Богов и вернулись на землю, и пошли на него войной, дабы вернуть самоцветы.

Имена Галатилион и Галадлориэль впервые появляются в «Квенте Сильмариллион» (V. 209–210) как номские имена для Сильпиона и Лаурелин. «Серебряная Вишня» и «Золотой Дождь» — не точные значения имён (как здесь, кажется, подразумевается): см. «Этимологии» в т. V, корни GALAD- (где даётся и форма Галаглориэль), LAWAR-, THIL-. Однако часто говорилось, что цвет Сильпиона был подобен цвету вишни, а цветы Лаурелин — цветам ракитника («золотого дождя») (см., напр., V. 209).

О Морготе, «величайшем из Сил», см. V. 157 и примеч. 4. Весьма любопытно утверждение здесь, что, вернувшись в Средиземье после уничтожения Древ, Моргот «породил орков и гоблинов, и балрогов, демонов огня». Мой отец в этот период, безусловно, держался того взгляда, что орки тогда были впервые порождены (см. V. 233, §62 и комментарий), но балроги были куда древнее в своём начале (V. 212, §18) и даже пришли спасти Моргота от Унголианте во время его возвращения: «ему на помощь пришли балроги, что ещё жили в глубочайших местах его древней твердыни».

Термин «Высокие Эльфы» здесь употреблён в значении эльфов Валинора, а не, как в «Квенте Сильмариллион», Первого Рода (Линдар, Ваньяр): см. V. 214, §25 и комментарий.

Весьма неожиданна точка — упоминание чуть далее в этом тексте Финрода Инглора Прекрасного (см. с. 72). В первом издании ВК (Приложения) Финрод всё ещё был именем третьего сына Финвэ, как в «Квенте Сильмариллион», а сыном его был Фелагунд (в QS также именуемый Инглором); лишь во втором издании 1966 года Финрод сын Финвэ стал Финарфином, а сын его Инглор Фелагунд — Финродом Фелагундом.

В другом из этих черновиков менестрель Дориата назван Иверином, а не Дайроном; см. примеч. 6. ↩ [broken link: #rn19_9]

Над ним было чёрное звёздное небо. Вдруг за макушкой Заверти позади него явился бледный свет. Луна, теперь почти в половину, медленно всходила над холмом, что осенял их. Звёзды над его вершиной побледнели.

История кончилась. Хоббиты зашевелились и потянулись.

— Гляньте! — сказал Мерри. — Луна всходит. Должно быть, уже поздно.

Остальные подняли глаза. И как раз когда они это сделали, они увидели нечто малое и тёмное на вершине холма на фоне мерцания лунного света. Быть может, то был лишь большой камень или торчащая скала, проступившие в бледном свете.

В этот миг Одо, что был на страже (менее прочих не желая упустить рассказ Топотуна), поспешно спустился к костру.

— Не знаю, что это, — сказал он, — но чувствую, что что-то ползёт вверх по холму. И мне показалось (наверняка не скажу), что вон там, к западу, где падает лунный свет, были две или три чёрные тени. Они как будто двигались сюда.

— Держитесь вплотную к костру, лицом наружу! — сказал Топотун. — Возьмите наготове вот эти сосновые палки!

Долгое время они сидели там молча и насто-

роже, спиной к маленькому костру, что был так почти совсем заслонён. Ничего не происходило. Ни звука, ни движения. Бинго как раз собирался шепнуть вопрос Топотуну, что сидел рядом, когда Фродо ахнул:

— Что это?

— Тсс, — сказал Топотун.

Было именно так, как сказал Одо: над краем ложбины, со стороны, обращённой прочь от холма, они почуяли, как поднимается тень — одна тень или больше. Они напрягли глаза, и тени словно росли. Скоро сомнений не осталось: три или четыре высокие чёрные фигуры стояли там, на склоне над ними. Бинго почудилось, что он слабо слышит звук, как втягиваемое с шипением дыхание. Затем фигуры медленно двинулись вперёд.

Ужас охватил Одо и Фродо, и они бросились плашмя наземь. Мерри прижался к боку Бинго. Бинго был не менее испуган; его трясло, словно от лютого холода. Но страх его был поглощён внезапным искушением надеть Кольцо. Оно охватило его, и он не мог думать ни о чём другом. Он не забыл ни Кургана, ни послания Гэндальфа, но он чувствовал отчаянное желание пренебречь всеми предостережениями. Что-то словно по-

нуждало его; он жаждал уступить. Не с надеждой спастись или сделать что-нибудь, доброе или злое. Он просто чувствовал, что должен взять Кольцо и надеть его на палец. Он не мог говорить. Какое-то время он боролся, но сопротивление сделалось невыносимым, и наконец он медленно вытянул цепочку, отстегнул Кольцо и надел его на указательный палец левой руки.

Тотчас — хотя всё прочее осталось как было, смутным и тёмным, — фигуры сделались ужасающе ясны. Он словно мог видеть под их чёрным покровом. Там были три высокие фигуры: в их белых лицах горели зоркие, безжалостные глаза; под чёрными мантиями были длинные серые одежды, на седых волосах — серебряные шлемы;[10] в иссохших руках — стальные мечи. Глаза их пали на него и пронзили его, когда они ринулись к нему. В отчаянии он выхватил свой меч, и почудилось ему, что тот мерцает красным, словно горящая головня. Две фигуры остановились. Но третья была выше прочих. Волосы её были длинны и блестящи, и на них был венец. Рука,

[10] Примечания: 154

Здесь мой отец сперва написал: «на их длинных седых волосах были венцы и шлемы бледного золота». Это, несомненно, было изменено тотчас, с появлением сразу ниже высокого короля, с венцом на длинных волосах. См. с. 198, примеч. 6. ↩ [broken link: #rn19_10]

что держала длинный меч, светилась бледным светом. Он прянул вперёд и навис над Бинго.

В этот миг Бинго бросился вперёд, наземь, и услышал, как кричит во весь голос (хотя и сам не знал почему): «Элберет! Гилтониэль! Гурт-и-Морту!»[11] В тот же миг он ударил по ногам своего врага. Пронзительный крик прозвенел в ночи, и он почувствовал боль, как укол отравленного льда, коснувшуюся его [добавлено: левого] плеча. Уже теряя сознание, Бинго уловил проблеск Топотуна, прыгнувшего из тьмы с пылающей головнёй в каждой руке. Последним усилием он стянул Кольцо с пальца и сжал его в кулаке.

Обыкновение моего отца в это время надписывать свои первые карандашные черновики во многом отнимает возможность увидеть самые ранние формы повествования. В этой главе исподний текст можно разобрать лишь местами и с великим трудом, но, по крайней мере, видно, что начальный отрывок быстро выродился в сокращённый набросок истории. Рассказы Топотуна должны были касаться лишь диких зверей, а затем сразу следует: «Бой в лощине» — с наброском в несколько строк, нацарапанным с

---

[11] Примечания: 155
О Морту (Morthu) см. V. 393, корень THUS-. ↩ [broken link: #rn19_11]

великой скоростью, из которого, однако, кое-что можно извлечь:

Бинго искушаем надеть кольцо. Он надевает. Всадники [?идут] на него. Он видит их ясно — свирепые белые лица ….. Он выхватывает меч, и тот сияет, как огонь. Они отступают, но один Всадник с длинными серебряными волосами и [?красной рукой] прядает вперёд. Бинго ….. слышит, как кричит Элберет Гилтониэль ….. ударил по ноге Всадника. Он почувствовал ….. холодную [?боль] в плече. Была вспышка …..

Нападение на лощину вошло прежде мысли о том, чтобы Топотун пел им нараспев и рассказал повесть древних дней, и материал его повести остаётся в этой рукописи в очень грубом виде, на первичной стадии сочинения, явно требуя того сжатия, какое он получил впоследствии.

Более разработанный карандашный черновик возобновляется с того места, где Топотун кончает, и из того, что можно прочесть, видно, что окончательная история нападения Кольцепризраков теперь была налицо вполне. И тогда, не считая нескольких подробностей (как то, что Кольцепризраков трое, а не пятеро), текст, написанный чернилами поверх черновика, достиг законченной истории: ни одна черта этой грозной сцены

— мучительное напряжение на холодном склоне в лунном свете, тёмные фигуры, глядящие сверху на хоббитов, сбившихся вокруг костра, неодолимое требование к Хранителю Кольца себя обнаружить и окончательное явление того, что скрывалось под чёрными плащами Всадников, — не отсутствует, и всё рассказано почти теми же самыми словами, что и в «Братстве Кольца». Значение Кольца, в его власти являть и быть явленным, в его действии как моста между двумя мирами, двумя способами бытия, было достигнуто раз и навсегда.

Полнота и звучность этой сцены на холме Заверть тем более примечательны, если вспомнить, что (по отношению к «Властелину Колец», каким он в конце концов стал) всё ещё было крайне ограничено в размахе. Если природа Кольца в его действии на носителя была теперь вполне замыслена, то нет ещё и намёка на то, что в его крошечном круге лежит судьба Средиземья. И вправду, далеко не наверное, что мысль о Правящем Кольце уже возникла. О великих землях и историях к востоку и югу от Мглистых Гор — о Лотлориэне, Фангорне, Изенгарде, Рохане, нуменорских королевствах — нет и тени намёка. Я очень сомневаюсь, что, когда Кольцепризраки

поднялись над краем лощины под Завертью, мой отец предвидел в Путешествии что-либо большее, чем то, что Кольцо должно пройти за Горы и найти свой конец в недрах Огненной Горы (с. 126). В октябре 1938 года он ещё мог сказать Стэнли Анвину (см. с. 173), что надеется представить новую повесть в начале следующего года.

Глава 11. ОТ ЗАВЕРТИ ДО БРОДА

Рукопись первоначальной главы VIII продолжается без всякого перерыва в той же форме — чернила поверх карандаша. Если в ранней части той главы я привёл полный первоначальный текст даже в заключительном отрывке, где почти нет существенных отличий от FR (ибо нападение Кольцепризраков — сцена исключительной важности), то в этой части я делаю так не везде. Повествование очень близко к главе 12 FR «Бегство к Броду» (с немалым числом мелких отличий и кое-какими не столь мелкими), и на большом протяжении формулировки почти те же. Однако в тех местах, где первоначальный текст не приводится, следует понимать, что все сколько-нибудь значимые отличия отмечены.

После того как рассказано, что хоббиты (Сэм в FR) услышали голос Бинго, выкрикивающий странные слова, далее сказано, что они «видели красную вспышку, и Топотун примчался с пылающим деревом». Так же и в отрывочном наброске, данном на с. 188–189, — «Была вспышка», но в FR этого нет. Возможно, отсылка к мечу

Бинго, что «мерцал красным, словно горящая головня» (с. 186), — подробность, сохранённая в FR, с. 208. Первое возвращение Топотуна в лощину рассказано чуть иначе, но это главным образом потому, что недоверия Сэма к Бродяжнику здесь, разумеется, нет, и в старой версии нет ничего, что соответствовало бы словам Бродяжника к Сэму наедине (FR, с. 209–210). Подняв с земли чёрный плащ, Топотун сказал лишь: «Это удар твоего меча. Какой вред он причинил Всаднику, не знаю. Огонь лучше».

Об ателасе не сказано, что его принесли в Средиземье Люди Запада: «это целебное растение, ведомое лишь эльфам и кое-кому из тех, кто бродит в глуши: ателасом они его зовут».[1] Любопытная подробность: когда ателас приложили

---

[1] Примечания: 156

В «Лэ о Лейтиан» мой отец надписал athelas против отрывка, где

Huan came and bore a leaf,
of all the herbs of healing chief,
that evergreen in woodland glade
there grew with broad and hoary blade
Хуан явился и принёс листок,
из всех целебных трав главу,
что вечнозелёной на лесной поляне
росла широким и седым клинком

— для облегчения раны Берена (III. 266, 269). ↩ [broken link: #rn20_1]

к ране Бинго, он «почувствовал, как боль и ощущение леденящего холода унялись в правом его боку», и снова дальше в главе — «правая его рука была безжизненна» (FR, с. 215). Так же, когда Бинго выхватил меч и встал перед Всадниками у Брода, мой отец сперва написал: «Меч он повесил у правого бока; левой рукой он схватил рукоять и вытянул его», — хотя это и вычеркнул. Он, очевидно, решил, что было ранено левое плечо Бинго, и потому вписал слово «левое» в описание самого ранения (с. 186), но не исправил только что упомянутые случаи «правого».

Покинув лощину под Завертью, они взяли с собой дрова Гэндальфа («ибо Топотун сказал, что отныне дрова должны всегда быть частью их припасов, когда они вдали от деревьев»). Ничего не сказано об омоложении пони Билла Ферни (если это и впрямь был пони Билла Ферни, с. 175). Дальних криков Чёрных Всадников, что они слышали, пересекая Дорогу, в FR (с. 211) в старой версии нет.

Описание пути на восток от Заверти поначалу довольно близко к тому, что в FR, хотя сроки слегка иные, но географию предстояло значительно изменить. Привожу полностью отрывок, следующий за словами «Даже Топотун казался усталым

и удручённым» (FR, с. 212).

Прежде чем кончился первый дневной переход, боль Бинго начала расти снова, но долгое время он о ней не говорил. Так прошли три или четыре дня без особых перемен в местности и виде, разве что позади них Заверть медленно оседала, а впереди далёкие горы маячили чуть ближе. Погода держалась сухая, но серая от туч, и их гнёл страх погони. Но днём её не было и следа, и хотя ночью они держали стражу, ничего не случалось. Они страшились увидеть чёрные фигуры, крадущиеся в тусклой серой ночи под прибывающей луной, завешенной тонким облаком, но не видели и не слышали ничего, кроме вздоха увядающих листьев и трав. Казалось, что, как они и не смели надеяться, их быстрое пересечение Дороги осталось незамеченным и враг их на время потерял след.

К концу четвёртого дня земля снова начала медленно подниматься из широкой мелкой долины, в которую они спустились. Топотун теперь снова повернул их путь к северо-востоку, и вскоре, поднявшись на вершину пологого склона, они увидели впереди скопище лесистых холмов. Поздно на пятый день они вышли на гребень, где стояло несколько чахлых пихт. Чуть ниже

виднелась Дорога, что изгибалась к небольшой реке, бледно блестевшей в тонком луче солнца, далеко справа. На следующий день, рано поутру, они снова пересекли Дорогу. Тревожно оглядев её на запад и восток, они быстро перешли на ту сторону и направились к лесистым холмам.

Топотун всё ещё вёл их к далёкому Броду как можно более прямой линией, какую позволял край. В холмах их путь стал бы менее определённым, но держаться южной стороны Дороги они больше не могли, ибо земля делалась голой и каменистой, а впереди лежала река.

— Эта река, — сказал он, — сбегает с Гор и течёт через Ривенделл.[2] Она не широка, но глубока и сильна, ибо питается множеством малых потоков, что выходят из лесистых холмов. Через них Дорога идёт малыми бродами или мостками, но через саму реку нет ни брода, ни моста, пока не дойдём до Брода под Горами.

Хоббиты поглядели на тёмные холмы впереди, и хотя рады были оставить безотрадные земли позади, земля впереди казалась грозной и недружелюбной.

В развитой географии Дорога между Завертью

---

[2] Примечания: 157

Эта река… течёт через Ривенделл: см. заметку о Ривенделле, с. 204–205. ↩ [broken link: #rn20_2]

и Ривенделлом пересекает две реки: Хоарвелл, или Митейтель, что стекала из Эттенмурса и пересекалась Последним Мостом, и Гремячую, или Бруинен, пересекаемую Бродом Ривенделла; эти реки сливались далеко к югу, становясь Сероструем. В первоначальной же истории есть лишь одна река, без названия, что течёт через Ривенделл и пересекается у Брода.

В FR путники спустились рано поутру на седьмой день от Заверти к Дороге (то есть подойдя к ней с юга) и прошли по ней милю-другую до Последнего Моста, где Бродяжник нашёл в грязи эльфийский камень; они перешли мост и через ещё милю свернули с Дороги влево и поднялись в холмы. В первоначальной истории они вышли к Дороге рано на шестой день и пересекли её, поднявшись в холмы; нет ни реки (Хоарвелл), ни моста. Дано некое объяснение, почему им пришлось пересечь Дорогу здесь и не оставаться дольше к югу от неё: «земля делалась голой и каменистой, а впереди лежала река». Но то, что через реку нет ни брода, ни моста, кроме как ниже Ривенделла, означало лишь, что именно там им и придётся переправляться; само по себе это не объясняет, почему они не могли оставаться к югу от Дороги, пока туда не доберутся. Так что

лишь «голая и каменистая» природа земли к югу от Дороги и впрямь даёт объяснение: Топотун стремился пройти краем, что давал больше укрытия? «Настоящее» же объяснение, можно сказать, иное: мой отец уже предположил, набрасывая историю от Курганных Нагорий до Ривенделла (с. 126), что хоббитам стоит «по глупости свернуть в сторону, чтобы навестить Тролльи Камни». С другой стороны, Топотун держал к Броду как можно более прямую линию (с. 191), и наброски на с. 201 ясно показывают, что великая южная петля Дороги (уже упомянутая в первоначальном тексте, с. 199) должна была вынудить его пересечь её и подняться в холмы к северу. — Об ином исчислении дней в двух версиях см. «Заметку о хронологии», с. 219.

Когда они вошли в холмы, разговор с Топотуном, возникший при виде разрушенных башен, несколько отличается от того, что с Бродяжником в FR (с. 213–214):

— Кто живёт в этой земле? — спросил он [Бинго]. — И кто построил эти башни? Это троллья страна?

— Нет, — сказал Топотун, — тролли не строят. Никто не живёт в этой земле. Когда-то, века назад, здесь обитали люди. Но никого не осталось. Это

был злой народ, насколько повествуют были и легенды, ибо подпали они под власть Тёмного Владыки. Сказано, что их низверг Элендиль, как Король Западных Людей, что помогал Гил-галаду, когда они шли войной на Тёмного Владыку.[3] Но было это так давно, что холмы их позабыли, хотя тень всё ещё лежит на земле.

— Где ты выучил такие были, — спросил Фродо, — если вся земля пуста и беспамятна? Птицы и звери таких былей не сказывают.

— Многое помнят в Ривенделле, — сказал Топотун.

— Ты часто бывал в Ривенделле? — сказал Бинго.

— Бывал, — сказал Топотун, — много раз, и дивлюсь теперь, что был когда-то так глуп, чтобы покинуть его. Но не моя доля сидеть в покое, даже в прекрасном доме Элронда.

Путь в холмах к северу от Дороги длился три дня, прежде чем погода обратилась в дождь, а в FR — два (с. 214); так укороченный путь от Завер-

---

[3] Примечания: 158

В исподнем карандашном тексте, что здесь виден на протяжении, слова Топотуна о «Большом Народе», что некогда жил в тех краях, почти те же, но он говорит, что их низвергли Элендиль Орендиль и Гил-галад; по-видимому, Орендиль был подставлен вместо Элендиля в самый миг написания. Оба имени были вычеркнуты, а затем снова вписан Элендиль. См. с. 174, примеч. 25. ↩ [broken link: #rn20_3]

ти до возвращения на Дорогу восполняется, хотя разница в один день всё же остаётся, ибо Заверти они достигли днём раньше в первоначальной истории (с. 175): как я понимаю, первое утро после дождя (FR, с. 215) в старой версии было утром 16 октября, а в FR — утром 17-го. Когда дождь перестал, на одиннадцатый день от Заверти, и Топотун взобрался поглядеть, как лежит земля, он сказал, вернувшись:

— Мы забрали слишком далеко на север, и надо как-то повернуть на юг или хотя бы круто на восток. Если будем идти, как идём, попадём в непроходимую страну меж отрогов Гор. Так или иначе надо снова выйти на Дорогу, прежде чем она дойдёт до Брода. Но даже если справимся с этим довольно скоро, всё равно не можем надеяться добраться до Ривенделла ещё несколько дней — четыре, а то и пять, боюсь.

В ночь, проведённую на гребне (FR, с. 215–216), расспросы Сэма о ране Фродо отданы Мерри, и сон Фродо, что «бесконечные тёмные крылья проносятся над ним и что на крыльях скачут преследователи, ищущие его во всех лощинах холмов», присутствует. В первоначальном тексте не сказано, что «деревья вокруг него казались призрачными и смутными», ни на следующий

день — что «туман словно застилал его зрение» (FR, с. 215, 217), но позднее, когда Глорфиндель ощупывал пальцем рану Бинго (FR, с. 223), «он увидел лица друзей яснее, хотя весь день его томило чувство, будто тень или туман встаёт между ним и ими».

Когда они вышли к старым троллям, обращённым в камень, «Топотун беспечно шагнул вперёд. „Привет, Уильям!“ — сказал он и звонко хлопнул согбенного тролля». И сказал: «„Во всяком случае, ты мог бы заметить, что у Берта за ухом птичье гнездо“». В FR имена троллей из «Хоббита» были исключены.

После «Они отдохнули на прогалине немного и пообедали прямо под сенью огромных троллевых ног» первоначальное повествование сразу продолжается словами «Под вечер они пошли дальше, вниз через леса»; нет и намёка на то, что здесь будет введена Песнь о тролле (см. с. 144). Их возвращение на Дорогу описано так:

В конце концов они вышли на вершину высокого откоса над Дорогой. Та теперь начинала отклоняться прочь от реки и жалась к подножиям холмов, несколько выше по склону узкой долины, на дне которой текла река. Невдалеке от обочины Дороги Топотун указал на камень в траве; на нём,

грубо вырезанные и сильно выветрившиеся, ещё виднелись две рунические буквы G · B в круге.

— Это, — сказал он, — тот камень, что некогда отмечал место, где Гэндальф и Бильбо спрятали троллье золото.

Бинго поглядел на него — довольно печально: Бильбо и он сам давным-давно потратили всё то золото.

Дорога, теперь загибавшаяся к северу, лежала тихо под тенями раннего вечера. Не видно было и следа иных путников.

Во встрече с Глорфинделем отмечать стоит лишь мелкие отличия (кроме одного): вся сцена была налицо с самого начала и почти теми же словами. Фразы FR (с. 221) «Фродо показалось, что белый свет сияет сквозь облик и одеяние всадника, словно сквозь тонкую завесу» нет.[4] Топотуну Глорфиндель крикнул: «Ai Padathir, Padathir!

---

[4] Примечания: 159

«Удила и узда» коня Глорфинделя мерцали и сверкали, как в Первом Издании, где во Втором Издании — «оголовье». Ср. «Письма», № 211, с. 279 (14 октября 1958):

…«узда» (bridle) была небрежно и беспечно употреблена для того, что, полагаю, следовало бы назвать «оголовьем» (headstall). Вернее, поскольку «удила» (bit) были добавлены (I. 221) давно (глава I 12 была написана очень рано), я не подумал о естественном обхождении эльфов с животными. Конь Глорфинделя имел бы узорное оголовье, несущее плюмаж, с ремнями, усыпанными самоцветами и бубенцами, но Глорфиндель уж точно не стал бы пользоваться удилами. Я заменю «узду» и «удила» на «оголовье». ↩ [broken link: #rn20_4]

Mai govannen!»[5] Но дальше не сказано, что он говорил с Топотуном «на эльфийском наречии» (FR, с. 224); скорее он говорил «вполголоса». Питьё, что дал им Глорфиндель, тотчас напомнило хоббитам напиток в доме Бомбадила, «ибо питьё, что они приняли, освежало, как ключевая вода, но наполняло их и чувством тёплой бодрости». «Крам-лепёшка» упомянута вместе с чёрствым хлебом и сушёными плодами — всем, что у них было поесть.

Разговор с Глорфинделем на дороге отличается от того, что в FR (с. 222), ибо число Чёрных Всадников никому на этой стадии не было известно (даже моему отцу), а в FR Гэндальф ещё не достиг Ривенделла, когда Глорфиндель и другие были посланы Элрондом девятью днями ранее — Элронд же получил вести от эльфов под началом Гилдора, которых хоббиты встретили в Шире. Черты, что Глорфиндель оставил самоцвет на Последнем Мосту, тоже, разумеется, нет (с. 192).

— Это Глорфиндель, один из тех, что живут в Ривенделле, — сказал Топотун. — У него вести для нас.

---

[5] Примечания: 160

В карандашном тексте, после различных вычеркнутых форм, стояло «Ai Rimbedir»; это затем было изменено на «Ai Padathir» и т. д., с переводом «Привет, Топотун, Топотун, добрая встреча». ↩ [broken link: #rn20_5]

— Привет, и наконец-то добрая встреча! — сказал Глорфиндель Бинго. — Я послан из Ривенделла высматривать на Дороге твой приход. Гэндальф тревожился и страшился, ибо, если только с тобой не стряслось что-то злое, ты должен был прийти туда уже несколько дней назад.

— Мы много-много дней не были на Дороге вплоть до нынешнего, — сказал Бинго.

— Что ж, теперь ты должен вернуться на неё и идти со всей скоростью, — сказал Глорфиндель. — В дне быстрой езды назад к западу — отряд злых всадников, и они движутся сюда со всей поспешностью, какую позволяет им частый обыск земли по обе стороны Дороги. Ты не должен останавливаться ни здесь, ни где-либо нынче ночью, но должен идти так долго и далеко, как сможешь. Ибо, когда они найдут твой след там, где он вышел снова на Дорогу, они не станут больше искать, а помчатся за тобой, как ветер. Не думаю, что они упустят твои следы там, где тропа спускается из Тролльего леса, ибо у них страшное искусство в охоте по запаху, и тьма им помогает, а не мешает.

— Тогда почему мы должны идти теперь ночью, против предостережения Гэндальфа? — спросил Мерри.

— Не бойся теперь предостережения Гэндальфа, — ответил Глорфиндель. — Скорость — твоя главная надежда, и теперь я пойду с вами. И не думаю, что впереди есть какая-либо опасность, но погоня близко позади.

— Но Бинго ранен, болен и измучен, — сказал Мерри. — Ему нельзя больше ехать без отдыха!

Глорфиндель покачал головой и стал мрачен, услышав о нападении на лощину под Завертью и о ране в руке Бинго. Он поглядел на рукоять ножа, что Топотун сохранил и теперь вытащил показать ему. Он содрогнулся.

— На этой рукояти написаны злые вещи, — сказал он, — хотя, может, не твоим глазам их видеть. Храни её, пока не доберёмся до Ривенделла, Падатир, но будь осторожен и трогай её как можно меньше.

Главное структурное отличие в повествовании этой главы от FR проявляется в словах Глорфинделя «не думаю, что впереди есть какая-либо опасность»; ср. FR (с. 222): «Пятеро позади нас… Где могут быть остальные четверо, не знаю. Боюсь, что мы можем найти Брод уже захваченным против нас».

Лишь трое Всадников (поначалу) вышли из обсаженной деревьями выемки, через которую

Дорога проходила перед последней плоской милей к Броду, а не пятеро, как в FR (с. 225). История та же: Бинго остановился, чувствуя на себе повеление Всадников ждать, но, охваченный внезапной ненавистью, выхватил меч, и Глорфиндель крикнул своему коню, так что тот помчался к Броду. Но все Всадники были позади; не было засады из четверых, поджидавших у Брода. Заключение главы я привожу полностью.

— Скачи! Скачи! — крикнули Глорфиндель и Топотун, и тогда Глорфиндель молвил слово на эльфийском наречии: «nora-lim, nora-lim». Тотчас белый конь сорвался прочь и понёсся по последнему отрезку Дороги. В тот же миг чёрные кони Всадников прянули вдогон, и другие, следуя за ними, вылетели из леса. Бинго, оглянувшись через плечо, думал, что может насчитать [целых двенадцать >] по меньшей мере семерых. Они словно неслись, как ветер, и быстро росли, делаясь крупнее и темнее, нагоняя его шаг за шагом. Друзей своих он больше не видел. Сквозь них и над ними Всадники теперь, верно, проносились. Бинго повернулся и приник вперёд, понукая коня настойчивыми словами. Брод всё ещё казался далеко впереди. Ещё раз он оглянулся. Ему почудилось, что Всадники сбросили капюшоны и

чёрные плащи; они казались теперь облачёнными в белое и серое. Мечи были в их бледных руках, шлем и венец — на их головах;[6] холодные их глаза мерцали издали.

Страх теперь поглотил ум Бинго. Он больше не думал о мече. Ни крика не вырвалось у него. Он закрыл глаза и вцепился в гриву коня. Ветер свистел в ушах, и дико звенели бубенцы, ясно и пронзительно. Казалось, стоял лютый холод.

Вдруг он услышал плеск воды. Она вспенилась у его ног. Он почувствовал, как конь, оступаясь, карабкается вверх по каменистой тропе, взбираясь на крутой дальний берег реки. Он перешёл Брод! Но Всадники были теперь вплотную позади.

На вершине берега конь остановился, храпя. Бинго обернулся и открыл глаза. [Вычеркнуто, едва написав: Забыв, что конь принадлежал народу Ривенделла и знал всю ту землю, он решил встретить врагов, считая бесполезным] Он чувствовал, что бесполезно пытаться спастись по долгой неверной тропе от Брода до края Ривенделла — если только Всадники переправятся.

---

[6] Примечания: 161

шлем и венец — на их головах: в истории нападения на Заверть мой отец сперва написал, что все три Кольцепризрака были венчаны, но изменил текст, сказав, что лишь вожак («бледный король», как звал его Бинго) носил венец (с. 185–186 и примеч. 10). Ср. цитату в примеч. 8 ниже. ↩ [broken link: #rn20_6]

Хотя все они мыслили Брод целью своего бегства и концом опасности, теперь ему пришло на ум, что он не знает ничего, что помешало бы грозным Всадникам переправиться так же легко, как и он. Так или иначе, теперь он чувствовал настойчивое повеление остановиться, и, хотя в нём снова шевельнулась ненависть, у него уже не было сил отказать. Он увидел, как конь переднего Всадника встал у воды и вздыбился. С великим усилием он привстал в стременах и взмахнул мечом.

— Назад! — вскричал он. — Назад, к Тёмному Владыке, и не следуй за мной более.[7] — Голос его прозвучал пронзительно в его собственных ушах. Всадники остановились, но не было у Бинго силы Тома Бомбадила.[8] Они засмеялись — жёстким, леденящим смехом.

---

[7] Примечания: 162

В карандашном черновике: «Скачи назад, к Тёмной Башне твоего владыки». О ранних упоминаниях Тёмной Башни см. с. 131, примеч. 5. ↩ [broken link: #rn20_7]

[8] Примечания: 163

Любопытно оглянуться на самый ранний набросок бегства через Брод (с. 126):

Однажды наконец они остановились на возвышении и устремили взгляд вперёд, к Броду. Сзади скачут. Семеро (3? 4?) Чёрных Всадников спешат по Дороге. На них золотые кольца и венцы. Бегство через Брод. Бинго бросает камень и подражает Тому Бомбадилу. Ступайте назад, прочь скачите! Всадники останавливаются как поражённые, и, глядя снизу вверх на хоббитов на берегу, хоббиты не видят лиц под их капюшонами. Ступайте назад, говорит Бинго, но он не Том Бомбадил, и всадники въезжают в брод.

На той стадии мой отец мыслил, что хоббиты переправляются через Брод вместе, и вздымание реки не губит Всадников: они «отступают, в смятении, как раз вовремя».

Слова в нынешнем тексте, сохранённые в FR, «не было у Бинго (Фродо) силы Тома Бомбадила», должны теперь отсылать к тому, как Бомбадил обратил в бегство умертвие, но за ними, несомненно, кроется неиспользованная мысль о его власти останавливать натиск злых тварей, властно подняв руку: ср. набросок, данный на с. 112, «Два умертвия скачут следом за ними, но всякий раз останавливаются, когда Том Бомбадил оборачивается и глядит на них», и более раннюю часть только что приведённого наброска (с. 125), где, дойдя до Дороги к западу от Бри, «Том оборачивается и поднимает руку. Они отлетают назад». ↩ [broken link: #rn20_8]

— Вернись! Вернись! — звали они. — В Мордор мы заберём тебя.[9]

— Назад, — прошептал он.

— Кольцо, Кольцо, — вскричали они смертоносными голосами, и тотчас их вожак въехал в воду, а за ним вплотную двое других.

— Клянусь Элберет и Лютиэн прекрасной,[10] — сказал Бинго последним усилием, поднимая меч, — не получите вы ни меня, ни его.

Тогда вожак, что был теперь на середине реки, грозно встал в стремени и поднял руку. Бинго онемел; он почувствовал, как язык прилип к нёбу, а глаза застлало туманом. Меч его сломался и выпал из дрожащей руки. Конь под ним вздыбился и захрапел, когда передний из чёрных коней приблизился к берегу.

И в этот самый миг раздался рёв и грохот: шум громких вод, катящих множество камней. Смутно он увидел, как река вздымается и скачет вниз по своему руслу султанной конницей волн. Трое Всадников, что ещё были на Броду, исчезли, за-

---

[9] Примечания: 164

Это первое появление имени Мордор во «Властелине Колец»; см. с. 131, примеч. 5. ↩ [broken link: #rn20_9]

[10] Примечания: 165

В карандашном тексте, видном под чернилами, Бинго взял имена Гилгалада и Элендиля вместе с именем Лютиэн. ↩ [broken link: #rn20_10]

хлёстнутые и погребённые под яростной пеной. Те, что были позади, отпрянули в смятении.

Последним угасающим чувством Бинго услышал крики, и почудилось ему, что за Всадниками вдруг явилась одна сияющая белая фигура, а за нею другие, меньшие и более призрачные, машущие огнями. Красно пылали они в белом тумане, что был над всем. Двое Всадников повернули и дико поскакали влево, вниз по берегу реки; других, несомых их ныряющими конями, погнало в поток и унесло. Тогда Бинго услышал рёв в ушах и почувствовал, что падает, словно поток поднялся до высокого берега и поглотил его вместе с врагами. Больше он не слышал и не видел ничего.

В этой главе ясно дано, что повеления Кольцепризраков сообщаются носителю Кольца безмолвно и что они имеют великую власть над его волей. Более того, теперь вошла мысль, что рана от ножа Кольцепризрака производит — или начинает производить — действие, схожее с тем, что вызывает надевание Кольца: мир делается для Бинго призрачным и смутным, и в конце главы он может видеть Всадников ясно, под чёрным покровом, что для прочих скрывает их незримость.

Заметка о курсе Дороги между Завертью и Ривенделлом

Это был элемент географии, в который мой отец внёс различные изменения в Переработанном Издании «Властелина Колец» (1966). Сперва приведу для сравнения три отрывка из главы «Бегство к Броду».

(1) С. 212.

Первоначальный текст: (соответствующего отрывка в первоначальном тексте нет).

Первое Издание: «Это Гремячая, Бруинен Ривенделла, — ответил Бродяжник. — Дорога идёт вдоль неё многие лиги до Брода».

Второе Издание: «Это Гремячая, Бруинен Ривенделла, — ответил Бродяжник. — Дорога идёт вдоль края холмов многие мили от Моста до Брода Бруинена».

(2) С. 214.

Первоначальный текст: Холмы теперь сомкнулись вокруг них. Дорога петлёй уходила к югу, к реке, но обе теперь скрылись из виду.

Первое Издание: Холмы теперь начали смыкаться вокруг них. Дорога снова загибалась к югу,

к Реке, но обе теперь скрылись из виду.

Второе Издание: Холмы теперь начали смыкаться вокруг них. Дорога позади держала свой путь к Реке Бруинен, но обе теперь скрылись из виду.

(3) С. 220.

Первоначальный текст (с. 194): В конце концов они вышли на вершину высокого откоса над Дорогой. Та теперь начинала отклоняться прочь от реки и жалась к подножиям холмов, несколько выше по склону узкой долины, на дне которой текла река.

Первое Издание: Через несколько миль они вышли на вершину высокого откоса над Дорогой. В этом месте Дорога отвернула от реки в её узкой долине и теперь жалась вплотную к подножиям холмов, катясь и виясь к северу среди лесов и поросших вереском склонов, к Броду и Горам.

Второе Издание: Через несколько миль они вышли на вершину высокого откоса над Дорогой. В этом месте Дорога давно оставила Хоарвелл в его узкой долине и теперь жалась вплотную к подножиям холмов, катясь и виясь к востоку среди лесов (и т. д.).

Беря сперва цитату (2): из мелко- и крупномасштабных карт, сделанных моим отцом, нет

сомнений, что Дорога, пройдя к югу от Заверти, сперва делала большой изгиб, или петлю, к северо-востоку; ср. FR, с. 211 — покинув Заверть, Бродяжник замышлял «срезать путь, пройдя через ещё одну большую петлю Дороги: к востоку за Завертью она меняла свой ход и широкой дугой уходила к северу». Это восходит к первоначальному тексту. Затем Дорога делала большой изгиб к югу, вокруг подножий Тролльшоу, как сказано в первоначальном тексте и в Первом Издании в цитате (2). Все карты моего отца показывают тот же ход Дороги в отношении этих двух больших изгибов. Два наброска на с. 201 перерисованы с очень грубых крупномасштабных карт, что он сделал (второй особенно крайне труден для истолкования из-за множества линий, проведённых, пока он обдумывал разные очертания).

В 1943 году я сделал подробную карту карандашом и цветными мелками для «Властелина Колец», и сходную карту Шира (см. с. 107, № V). Эти карты упомянуты в «Письмах», № 74 и 98 (с. 86, 112). На моей карте ВК ход Дороги от Заверти до Брода показан в точности как на картах моего отца, с большими северным и южным изгибами. На карте же, что я сделал в 1954 году (опубликованной в первых двух томах «Властелина Колец»),

Дорога между Завертью и Мостом Хоарвелл имеет лишь слабый северный изгиб, а затем идёт прямою линией к Броду. Это была явно простая небрежность с моей стороны из-за спешки. Мой отец, несомненно, заметил это тогда, но счёл, что на столь мелком масштабе ошибка не очень тяжка: в любом случае карта была сделана, и дело было спешное. Но, думаю, именно эта ошибка была причиной изменения во Втором Издании, данного в цитате (2), с «Дорога снова загибалась к югу, к Реке» на «Дорога позади держала свой путь к Реке Бруинен»: мой отец делал расхождение с картой менее заметным. Сходный случай уже был виден в изменении, что он внёс во Втором Издании касательно направления Баклберийской Переправы от Вудхолла, с. 107. В письме к Остину Олни из «Хоутон Мифлин», 28 июля 1965 года (выдержка из которого дана в «Письмах», № 274), он сказал: «Я наконец решил, где это возможно и не вредит истории, принимать карты за „верные“ и подгонять повествование».

[Набросок карты I.]

[Набросок карты II.]

Барбара Стрейчи (что, по-видимому, пользовалась Первым Изданием) весьма точно вывела ход Дороги в своём атласе «Странствия Фродо» (1981),

карта 13 «Заверть и Троллльшоу».

Цитата (1) из Первого Издания превосходно проиллюстрирована набросками на с. 201, что в точности показывают Дорогу, идущую вдоль Гремячей «многие лиги до Брода». Мой отец сделал различные мелкомасштабные карты, охватывающие бóльшую или меньшую часть земель «Властелина Колец», на трёх из которых этот край появляется, и на двух из них Дорога показана подходящей к Гремячей под довольно острым углом, но никак не идущей вдоль неё. На третьей (самой ранней) Дорога идёт близко к реке на большом расстоянии перед Бродом, и это не столько потому, что ход Дороги иной, сколько потому, что на этой карте река течёт сперва (после Брода) в более западном направлении, к Хоарвеллу (как на набросках карт).* На моей карте 1943 года это тоже и весьма заметно так. На опубликованной же карте Дорога подходит к реке под широким углом, и это была ещё одна ошибка. Думаю, ясно, что изменённый текст Второго Издания в цитате (1), с «идёт вдоль края холмов» вместо «идёт вдоль неё [Гремячей]», был снова сделан, чтобы спасти вид карты.

* Барбара Стрейчи на своей карте делает так, что Гремячая круто загибается к западу сразу

ниже Брода и течёт в этом направлении (прежде чем повернуть на юг) много дальше, чем на картах моего отца, так что земля между Хоарвеллом и Гремячей (названная «Углом» в ВК, Приложение А, с. 320) перестаёт быть треугольной. Она делает это допущение потому, что с высоты над Последним Мостом путники могли видеть не только Хоарвелл, но и Гремячую, тогда как по опубликованной карте реки «были бы милях в ста друг от друга, и холму [на котором они стояли] пришлось бы быть высокой горой, чтобы она [Гремячая] была видна». Притягивая эту реку так далеко к западу на своей карте, она сокращает расстояние от холма над Последним Мостом до ближайшей точки Гремячей примерно до 27 миль. На картах моего отца кратчайшее расстояние от Моста до Гремячей колеблется между (приблизительно) 45 (на самой ранней), 60 и 62 милями; на опубликованной карте — около 75 миль. Так что возражение, что Гремячая была слишком далеко, чтобы её видеть, реально, но разрешить его таким образом нельзя.

Цитата (3) в Первом Издании, кажется, противоречит (1): Дорога идёт вдоль Гремячей многие лиги до Брода (1), но, когда путники спустились на Дорогу из Тролльшоу, она отвернула от реки

(3). Но это, вероятно, не столько противоречие, сколько вопрос о том, насколько близко толковать «идёт вдоль Гремячей». Второй набросок карты кажется ясным хотя бы в том, что показывает Дорогу, подходящую к реке, идущую вдоль неё на отрезке, а затем несколько отклоняющуюся и «жмущуюся к подножиям холмов», прежде чем вернуться к ней у Брода.

Изменённое чтение Второго Издания в (3) — сделанное так, чтобы не менять объём текста, — заставляет слова «узкая долина» относиться к Хоарвеллу, и здесь больше нет утверждения о ходе Дороги в отношении Гремячей. Это была явно ещё одна уступка опубликованной карте (и решение не вполне удачное), как и замена «к северу» (ср. Набросок II) на «к востоку».

Заметка о реке Хоарвелл

Отсутствие реки Хоарвелл (с. 192), которая всё ещё не проступила и в следующей версии этой части истории (с. 360), любопытно. В первоначальной истории во главе II «Хоббита», когда Бильбо, Гэндальф и гномы подходили к холмам, увенчанным старыми замками, под вечер сильного дождя, они вышли к реке:

…начало темнеть. Поднялся ветер, и ивы вдоль берега реки [никакая река не упоминалась] гнулись и вздыхали. Не знаю, что это была за река, — стремительная красная, вздувшаяся от дождей последних дней, что сбегала с холмов и гор впереди них.

Скоро стало почти темно. Ветры разорвали серые тучи…

Река здесь шла вдоль дороги (описанной как «очень грязная тропа»); они переправились через неё в конце концов лишь бродом, за которым был великий подъём в Горы (начало главы III, «Краткий отдых»). В третьем издании (1966) приведённый отрывок был изменён:

…начало темнеть, когда они спустились в глубокую долину с рекой на дне. Поднялся ветер, и

ивы вдоль её берегов гнулись и вздыхали. К счастью, дорога шла по древнему каменному мосту, ибо река, вздувшаяся от дождей, стремительно сбегала с холмов и гор на севере.

Была почти ночь, когда они переправились. Ветер разорвал серые тучи…

Река теперь становится Хоарвеллом, через который дорога проходила по Последнему Мосту (а река, которую они перешли вброд, прежде чем взбираться к Ривенделлу, становится отдельной — Гремячей, заменой «они перешли реку вброд» на «они перешли вброд реку»). Но мой отец ничего не сделал, чтобы изменить то, что следует далее в первоначальной истории. Там отряд остановился на ночь там, где остановился, потому что там и был, когда стемнело, и было это у реки. С того места стал виден свет костра Троллей. Введя Последний Мост в это место старого повествования, оставив всё прочее нетронутым, отряд останавливается на ночь, едва перейдя его, — достаточно близко к реке, чтобы один из пони сорвался и кинулся в воду, так что бóльшая часть еды была потеряна, — и потому костёр Троллей виден от Моста или совсем близ него. А в конце главы котлы с золотом из логова Троллей всё ещё зарыты «недалеко от тропы у реки» — оборот, не

изменённый с первоначальной истории, когда река текла вдоль тропы.

Карен Фонстад ясно излагает дело («Атлас Средиземья», 1981, с. 97), отмечая несообразность между «Хоббитом» (как он теперь) и «Властелином Колец» касательно расстояния между рекой и прогалиной Троллей:

Костёр Троллей был так близко к реке, что его было видно «издали», и гномам, верно, потребовалось не больше часа, чтобы до него добраться; тогда как Бродяжник вёл хоббитов к северу от дороги [свернув в миле за Мостом], где они заплутали и потратили почти шесть дней, добираясь до прогалины, где нашли каменных троллей. Заплутали или нет, кажется почти невозможным, чтобы стеснённый временем Следопыт потратил шесть дней на то, до чего гномы добрались за час.

Ранее, по-видимому в 1960 году, в подробной переработке главы II «Хоббита», что так и не была использована,* мой отец ввёл Последний Мост в том же месте повествования, но там переправа через реку случалась утром, а лагерь, из которого виден был костёр Троллей, разбивался в конце дня и много миль восточнее. Нынешний текст «Хоббита», восходящий к поправкам, сделанным

в 1965 году и впервые напечатанным в 1966-м, вводит здесь элемент из «Властелина Колец», но не согласует две географии. Этот крайне нехарактерный промах, несомненно, следует приписать просто спешке, в которой мой отец работал под крайним давлением в 1965 году.

* Мой отец был весьма озабочен тем, чтобы согласовать путешествие Бильбо с географией «Властелина Колец», особенно в отношении расстояния и затраченного времени: в мерках «Властелина Колец» Гэндальф, Бильбо и гномы потратили слишком много, учитывая, что были верхом (см. разбор Карен Фонстад в «Атласе Средиземья», с. 97). Но он так и не довёл эту работу до окончательного решения.

Заметка о реке Ривенделла

Топотун прямо говорит, что река, которую Дорога пересекает у Брода, течёт через Ривенделл (с. 191). В соответствующем месте FR (с. 212) Бродяжник называет реку: «Это Гремячая, Бруинен Ривенделла». Позднее, в «Многих встречах» (FR, с. 250), сказано, что комната Бильбо «выходила в сады и глядела на юг, через ущелье Бруинена», а в начале «Совета Элронда» (FR, с. 252) Фродо «шёл по террасам над громко текущим Бруиненом». Это вполне недвусмысленно; карты, однако, в этой точке не совсем ясны.

На карте Глухоманья в «Хоббите» (форзац) безымянная река принимает, несколько севернее Брода, приток, и дом Элронда помещён между ними, близ слияния и ближе к притоку — в точности как на Наброске I, с. 201.* На одном из своих экземпляров «Хоббита» мой отец карандашом вписал на карту Глухоманья несколько поздних названий, и среди них — Бруинен, или Гремячая, против реки к северу от дома (опять же как на Наброске I), и Меррилл — против притока, текущего чуть к югу от него.† И потому, когда в «Хоббите» (глава III) эльф сказал Гэндальфу:

Вы малость сбились с пути: то есть если держите к единственной тропе через воду и к дому за нею. Мы выведем вас, но лучше вам идти пешком, пока не перейдёте мост, —

похоже, что мостом должен пересекаться именно Меррилл. Барбара Стрейчи («Странствия Фродо», карты 15–16) весьма недвусмысленно показывает ущелье Ривенделла как ущелье притока, причём дом Элронда — примерно в полутора милях от его слияния с Гремячей, а Карен Фонстад («Атлас Средиземья», с. 80, 101 и др.) также помещает Ривенделл на южном потоке — называя его (с. 127) Бруиненом.

* На двух мелкомасштабных картах моего отца приток не помечен, и Ривенделл — точка на Бруинене или подле него; третья слишком стёрта и блёкла, чтобы быть уверенным, но, вероятно, показывает приток и Ривенделл между двумя потоками, как на карте «Хоббита» и как, безусловно, на моей карте 1943 года (и на опубликованной во «Властелине Колец»).

† Это название, которое я нигде больше не встречал, к сожалению, не совсем ясно, хотя Ме- и -ll достоверны, и иначе его прочесть трудно. — Ещё одно название, добавленное на карту Глухоманья, — Римдат, «Стремнина», река, текущая

с Мглистых Гор в Андуин к северу от Каррока (см. Указатель к т. V, с. 446).

Линии рек и Дороги на Наброске I сперва были проведены чернилами, а затем закрашены синим и красным мелком. Делая это, мой отец изменил ход «притока» к югу от дома Элронда, загнув его вверх к северу и соединив с Бруиненом несколько восточнее; так что дом в Ривенделле — на западном конце земли, заключённой между двумя потоками, что сбегают с Гор, расходятся, а затем снова сходятся. Можно было бы потому предположить, что оба звались «Бруиненом» (не считая названия «Меррилл», написанного на карте Глухоманья в «Хоббите»). Но не думаю, что из этого наброска можно вывести подробные заключения.

Заметка об Энтских землях

Название Энтские Земли на Наброске I требует пояснения. Изначально область, где брал начало Хоарвелл, звалась Димрилл-дейл(ы) (с. 360), но, когда это название было вытеснено, она недолго звалась Хоардейл (с. 432, примеч. 3), а затем Энтские Долы, Энтские Земли. Энтские здесь употреблено в древнеанглийском смысле ent — «великан»; Энтские Земли были «троллевыми землями» (ср. позднейшие названия этой области в FR — Эттендейлы и Эттенмурс, содержащие древнеанглийское eoten «великан») и никак не связаны с энтами «Властелина Колец».

Глава 12. В РИВЕНДЕЛЛЕ

Кое-какие предварительные мысли об этой главе (что в FR — Книга II, глава 1, «Многие встречи») приведены на с. 126. Первоначальный черновик повествования сохранился в очень грубой рукописи, сперва чернилами, затем карандашом и сходящей на нет. Он подвергался различным правкам и добавлениям, но я привожу его здесь так, как, по-видимому, отец его записал, — учитывая, что часто нет ясного различия между изменениями, сделанными сразу, и сделанными после (и, во всяком случае, вероятно, нет значимого различия во времени). Этот и два следующих черновика — все под номером «IX», без заглавия.

Он очнулся и обнаружил, что лежит в постели, и к тому же чувствует себя гораздо лучше.

— Где я и который час? — сказал он вслух в потолок. Тёмные резные балки его были тронуты солнечным светом. Издали доносился шум водопада.

— В доме Элронда, и десять часов утра: утро 24

октября, если быть точным,[1] — сказал чей-то голос.

— Гэндальф! — сказал Бинго, садясь. И вправду, в кресле у открытого окна сидел чародей.

— Да, — сказал чародей. — Я-то здесь — и тебе тоже повезло здесь оказаться, после всех нелепостей, что ты натворил, покинув дом.

Бинго был слишком умиротворён и покоен, чтобы спорить, — да и в любом случае не воображал, что одержит в споре верх: к нему вернулась память о пагубном коротком пути через Старый Лес, о собственной глупости в трактире и о почти роковом безумии — надеть кольцо на холме Заверть.

Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь мягким попыхиванием трубки Гэндальфа, что пускал колечки дыма в окно.

— Что случилось у Брода? — спросил наконец Бинго. — Всё как-то так смутно, и до сих пор смутно.

— Да! — ответил Гэндальф. — Ты начинал таять. Они вскоре сделали бы из тебя призрака — уж

---

[1] Примечания: 166

Об этой загадочной дате см. «Заметку о хронологии», с. 219. ↩ [broken link: #rn25_1]

точно, надень ты Кольцо[2] снова. Как теперь рука и бок?

— Не знаю, — сказал Бинго. — Не чувствую их вовсе, что лучше, чем ныть, но, — он сделал усилие, — я снова могу чуть ими двигать: да, словно они оживают. Теперь не холодно, — прибавил он, тронув правую руку левой.[3]

— Хорошо! — сказал Гэндальф. — Элронд омывал и врачевал её часами прошлой ночью, после того как тебя принесли. У него великая сила и искусство, но я очень тревожился, ибо хитрость и злоба Врага весьма велики.

— Принесли? — сказал Бинго. — Ну да: последнее, что помню, — натиск воды. Что случилось? Где остальные? Расскажи же, Гэндальф!

— Что случилось — насколько я могу разобрать из слов Глорфинделя и Топотуна (у обоих по-своему есть голова на плечах), — было вот что: преследователи устремились прямо за тобой (как Глорфиндель и ожидал). Остальных могли бы затоптать, но Глорфиндель заставил их отпрыгнуть с дороги в сторону. Ничто не спасло бы тебя,

---

[2] Примечания: 167

Кольцо: изменено из то кольцо. ↩ [broken link: #rn25_2]

[3] Примечания: 168

тронув правую руку левой: о том, что рана изначально была в правом плече Бинго, см. с. 190. ↩ [broken link: #rn25_3]

если не белый эльфийский конь; так что они осторожно следовали позади пешком, держась как можно более скрытно за кустами и камнями. Подобравшись к Броду так близко, как смели, они спешно развели огонь и ринулись на Всадников с пылающими головнями — как раз в тот миг, когда хлынул поток. Меж огнём и водой эти преследователи были уничтожены — если их вообще можно вполне уничтожить такими средствами, — все, кроме двоих, что сгинули в глуши.

— Остальная твоя дружина и эльф затем перешли брод, не без труда, ибо для хоббитов он слишком глубок, да и для коня глубок. Но Глорфиндель переправился на твоём пони и снова сел на своего коня. Они нашли тебя лежащим ничком в траве на вершине склона: бледного и холодного. Сперва они испугались, что ты мёртв. Они понесли тебя к Ривенделлу — дело медленное, и не знаю, когда бы они добрались, не вышли тебе навстречу эльфы, которых Элронд послал на помощь как раз тогда, когда была спущена вода.

— Так это Элронд сделал паводок? — спросил Бинго.

— Нет, я,[4] — сказал Гэндальф. — Это не слишком трудное волшебство, в потоке, что сбегает с гор. Солнце нынче было довольно жарким. Но я был удивлён, до чего охотно отозвалась река. Рёв и натиск были чудовищны.

— Так и было, — сказал Бинго. — И Глорфинделя тоже ты послал?

— Да, — сказал Гэндальф, — вернее, я попросил Элронда одолжить его мне. Это мудрый и благородный эльф. Бильбо его очень любит — то есть любил. Я послал и Римбедира[5] (как его здесь зовут) — того малого, Топотуна. Из того, что рассказывает Мерри, я понял, что он был полезен.

— Ещё бы, — сказал Бинго. — Сперва я очень его подозревал, но без него мы бы сюда нипочём не добрались. Я очень к нему привязался. И впрямь хотел бы, чтобы он странствовал со мной столько,

---

[4] Примечания: 169

«Нет, я» изменено из «Да». Ср. первоначальный набросок истории (с. 126): «Гэндальф спустил воду с дозволения Элронда». ↩ [broken link: #rn25_4]

[5] Примечания: 170

Римбедир как эльфийское имя Топотуна появляется в карандашном черновике предыдущей главы, с. 198, примеч. 5 (Падатир в надписанном чернилами тексте). Это показывает, что нынешний текст был написан до того, как мой отец переписал предыдущую главу, или, по крайней мере, до того, как он её завершил. Позднее он заменил Римбедира на Падатира и в нынешнем месте. — Под «Я послал и Римбедира» Гэндальф, должно быть, разумеет, что послал Топотуна к ним в «Гарцующий Пони». ↩ [broken link: #rn25_5]

сколько мне суждено странствовать. Странное дело, знаешь ли, но мне всё кажется, что я где-то видел его прежде.

— Смею думать, кажется, — сказал Гэндальф. — У меня часто такое чувство, когда я гляжу на хоббита, — они все словно напоминают друг друга, знаешь ли. Право, они на диво похожи!

— Вздор, — сказал Бинго. — Топотун весьма необычен. Хотя сам я чувствую себя крайне по-хоббичьи и желал бы не быть обречён на скитания. У меня их теперь больше месяца, а это дней на двадцать восемь больше, чем нужно.

Он снова умолк и начал дремать.

— Что эти жуткие преследователи сделали со мной в лощине у Заверти? — сказал он словно про себя, на краю смутного сна.

— Они пытались пронзить тебя мечом Некроманта, — сказал Гэндальф. — Но по некой милости судьбы, или по твоей собственной храбрости (я слышал рассказ о схватке), и из-за смятения, что вызвало эльфийское имя, которое ты выкрикнул, задето было лишь твоё плечо. Но и этого было довольно опасно — особенно с кольцом на пальце. Ибо, пока кольцо было надето, ты сам был в

призрачном мире и доступен их оружию.[6] Они могли видеть тебя, а ты — их.

— Почему мы видим их коней?

— Потому что это настоящие кони. Так же как чёрные одежды, что они носят, дабы придать облик своему ничто, — настоящие одежды.

— Тогда почему, когда все прочие животные — псы, кони, пони — полны ужаса перед ними, эти кони терпят их на своих спинах?

— Потому что рождены и взращены под властью злого Владыки в тёмном королевстве. Не все его слуги и твари — призраки!

— Всё это очень грозно и сбивчиво, — сонно сказал Бинго.

— Что ж, пока ты в полной безопасности, — сказал Гэндальф, — и быстро поправляешься. На твоём месте я бы сейчас ни о чём не тревожился.

— Ладно, — сказал Бинго и крепко заснул.[7]

Бинго был теперь, как ты знаешь, в Последнем Домашнем Приюте к западу от Гор, на краю

---

[6] Примечания: 171

Этот отрывок был изменён в следующем тексте к форме, что в FR (с. 234), то есть «ты сам был наполовину в призрачном мире, и они могли тебя схватить», причём слова «и доступен их оружию» были убраны. ↩ [broken link: #rn25_6]

[7] Примечания: 172

С этого места рукопись продолжалась быстрым карандашом. ↩ [broken link: #rn25_7]

глуши, в доме Элронда: то был дом (как давным-давно поведал Бильбо Бэггинс) «совершенный — любишь ли ты больше поесть, или поспать, или поработать, или послушать рассказы, или попеть, или просто посидеть и подумать, или приятную смесь всего этого». Уже одно пребывание там было исцелением от усталости и печали. Когда настал вечер, Бинго проснулся и обнаружил, что спать ему больше не хочется, а охота есть, пить, слушать рассказы и пение. Так что он встал и нашёл, что рука его уже почти так же годна, как прежде. Одевшись, он пошёл искать друзей. Они сидели на крыльце дома, обращённом на запад: тени пали в долине, но свет ещё лежал на высоких восточных гранях холмов далеко вверху, и воздух был тёпел. В прекрасной долине Ривенделл редко бывало холодно. Шум водопадов был громок в тишине. Пахло деревьями и цветами.

— Эгей, — сказал Мерри, — вот и наш благородный дядюшка. Троекратное ура Бинго, Владыке Кольца!

— Тише! — сказал Гэндальф. — Злые твари не приходят в эту долину, но всё же не след нам их называть. Владыка Кольца — не Бинго, а Владыка

Тёмной Башни Мордора,[8] чья сила снова растёт, а мы здесь сидим лишь в крепости покоя. Снаружи темнеет.

— Гэндальф наговорил кучу таких же бодрых вещиц, — сказал Одо. — Просто чтобы держать нас в узде, но как-то невозможно чувствовать уныние или подавленность в доме Элронда. Я чувствую, что мог бы запеть — умей я только: вот лишь никогда не был мастак сочинять ни слова, ни напевы.

— Не был, — сказал Бинго, — но смею думать, даже это со временем можно бы исцелить, останься ты здесь подольше. Сам я чувствую примерно то же. Хотя сейчас чувствую больше голод, чем что-либо ещё.

Голод его вскоре был исцелён. Ибо вскоре их позвали к вечерней трапезе. Зала была полна народу: эльфов по большей части, хотя было и несколько гостей и путников разного рода. Элронд сидел в высоком кресле, а рядом с ним — Гэндальф. Топотуна и Глорфинделя Бинго не увидел: они, верно, были в одной из других зал среди друзей, но, к своему удивлению, он обнаружил сидящего рядом с собой гнома почтенного

---

[8] Примечания: 173
Тёмная Башня Мордора: см. примеч. 17. ↩ [broken link: #rn25_8]

вида и богатого убранства — борода его была бела, почти бела, как снежно-белая ткань его одежд; он носил серебряный пояс и цепь из серебра и алмазов.

— Привет и добрая встреча, — сказал гном, встав и поклонившись. — Глоин к твоим услугам! — и он поклонился снова.

— Бинго Болджер-Бэггинс к твоим услугам и услугам твоей семьи, — ответил Бинго. — Верно ли я полагаю, что ты тот самый Глоин, один из двенадцати спутников великого Торина?

— Тот самый, — сказал он. — И спрашивать мне не нужно, ибо мне уже сказали, что ты друг и приёмный сын нашего дорогого друга Бильбо Бэггинса. Дивлюсь, что́ привело четырёх хоббитов так далеко от дома. Ничего подобного не бывало с тех пор, как Бильбо покинул Хоббитон. Но, может, не след мне спрашивать, раз уж Элронд и Гэндальф, похоже, не расположены рассказывать?

— Думаю, мы не станем говорить о таких вещах, во всяком случае пока, — вежливо сказал Бинго: ему хотелось на время забыть о своих бедах. — Хотя мне равно любопытно узнать, что́ привело столь важного гнома так далеко от Горы.

Глоин поглядел на него и рассмеялся — да и впрямь подмигнул.

— Я не порчу веселья, — сказал он. — Так что и я тебе не скажу — пока. Но есть много другого, о чём рассказать.

Всю трапезу они беседовали. Бинго рассказывал вести из Шира, но слушал больше, чем говорил, ибо Глоину было что поведать о Гномьем королевстве под Горой и о Дейле. Там Даин всё ещё был королём гномов,[9] и был теперь древен (лет двухсот), почтенен и сказочно богат. Из десяти спутников, что пережили битву, семеро всё ещё были с ним: Двалин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур.[10] Но последний был теперь так толст, что не мог сам перебраться с ложа в кресло, и поднять его стоило труда четырём молодым гномам. В Дейле господином был внук Барда, Бранд сын Баина.

Здесь мой отец остановился и набросал несколько заметок, прежде чем тотчас начать главу заново. Заметки в конце первого черновика включают такое:

Что с Балином и пр. Они ушли основать коло-

---

[9] Примечания: 174

О форме множественного числа dwarfs см. V. 277. ↩ [broken link: #rn25_9]

[10] Примечания: 175

Глоин пропущен (так же и в третьем тексте, где его имя было вписано впоследствии). Спутники Торина, не названные здесь, — это (как и в FR) Балин, Он и Ойн. ↩ [broken link: #rn25_10]

нию (Кольцо нужно, чтобы основать колонию?). Бильбо должен появиться. Кто такой Топотун?

Второй текст — чистая рукопись, но он продвинулся не далее рассказа Гэндальфа о паводке в Бруинене, когда мой отец снова остановился и начал заново. Это промежуточный текст, гораздо ближе к третьему, чем к первому, и его не нужно рассматривать подробнее.

Третий текст, последний в этой фазе работы, но опять брошенный до завершения (зашедший на деле едва ли дальше первого черновика), очень близок к «Многим встречам» в FR, но есть много мелких отличий (помимо, разумеется, тех, что постоянны на этой стадии, — Топотун/Бродяжник-Арагорн и отсутствие Сэма). Начало теперь почти тождественно тому, что в FR, но дата — 26 октября, и Гэндальф прибавляет, после «Ты начинал таять»: «Топотун это заметил, к великой своей тревоге, — хотя, конечно, ничего не сказал». Но после слов Гэндальфа «Это немалый подвиг…» (FR, с. 232) старое повествование продолжается:

— …Но я в восторге, что вы все здесь, в целости. Я и впрямь отчасти виноват. Я знал, что есть некоторый риск, — но знай я больше, прежде чем покинул Шир, я устроил бы всё иначе. Но дела движутся быстро, — прибавил он тише, словно

про себя, — даже быстрее, чем я боялся. Мне надо было добраться сюда скоро. Но знай я, что Всадники уже вышли!

— Разве ты не знал этого? — спросил Бинго.

— Нет, не знал — пока мы не пришли в Бри. Это Топотун мне сказал.[11] И не знай я Топотуна и не доверяй ему, я ждал бы вас там. А как вышло, он спас тебя и в конце концов провёл вас.

— Без него мы бы сюда нипочём не добрались, — сказал Бинго. — Сперва я очень его подозревал, но очень к нему привязался. Хотя он довольно чуден. Я хотел бы, чтобы он странствовал со мной — столько, сколько мне суждено странствовать. Странное дело, знаешь ли, но мне всё кажется, что я где-то видел его прежде — что, что я должен бы суметь подобрать ему имя, имя иное, чем Топотун.

---

[11] Примечания: 176

Это Топотун мне сказал: Гэндальф оставил Бинго в Бри письмо, прежде чем уйти в понедельник 26 сентября, и в нём сказал, что «узнал в пути кое-какие вести» (из Хоббитона): «Погоня близится: их по меньшей мере 7, может, и больше» (с. 154). Когда мой отец это писал, он не мог иметь в виду встречу Топотуна с Гэндальфом на Дороге в воскресное утро (с. 149, 154), ибо первый Чёрный Всадник прибыл в Бри лишь в понедельник вечером (с. 151, 157). Несомненно, когда он решил, что Гэндальф узнал о Чёрных Всадниках от Топотуна, он и добавил отрывки на с. 153, где Топотун говорит «Впервые я увидел Всадников в прошлую субботу к западу от Бри, ещё до того, как наткнулся на Гэндальфа», и на с. 154, где он говорит, что их разговор включал и Чёрных Всадников. ↩ [broken link: #rn25_11]

— Смею думать, кажется, — рассмеялся Гэндальф. — У меня часто такое чувство, когда я гляжу на хоббита: они все словно напоминают друг друга, если ты понимаешь, о чём я. Они на диво похожи!

— Вздор! — сказал Бинго, снова садясь в знак протеста. — Топотун весьма необычен. И у него башмаки! Однако сам я чувствую себя сейчас самым обыкновенным хоббитом. Я желал бы теперь, чтобы мне не нужно было идти дальше. У меня было больше месяца изгнания и приключений, а это недели на четыре больше, чем нужно.[12]

Текст теперь становится очень близок к FR, с. 233–234, но есть несколько отличий. Как и в FR, Бинго не может понять, как он мог обсчитаться в дате, но в этой версии Гэндальф сказал ему, что нынче 26 октября (а не, как в FR, 24-е), и он высчитывает, что они, должно быть, достигли Брода 23-го (20-го в FR). Об этом вопросе см. «Заметку о хронологии» на с. 219. В отличие от первого черновика, где Гэндальф говорит, что Бинго принесли в Ривенделл «прошлой ночью», здесь

---

[12] Примечания: 177

больше месяца (как в первом черновике) заменило 30 с лишком дней во время написания. См. «Заметку о хронологии» на с. 219. ↩ [broken link: #rn25_12]

он долго был без сознания, и смертельная опасность его раны подчёркнута. Гэндальф называет применённое оружие «смертоносным клинком, ножом Некроманта, что остаётся в ране», а не «моргульским ножом», и объясняет Бинго: «Ты стал бы Кольцепризраком (единственным хоббитом-Кольцепризраком) и был бы под властью Тёмного Владыки. А ещё они завладели бы Кольцом. И Тёмный Владыка нашёл бы способ мучить тебя за то, что ты пытался уберечь его от него, и поражать через тебя всех твоих друзей и родню, если б смог». Он говорит, что Всадники носят чёрные одежды, «дабы придать облик своему ничто в нашем мире», и причисляет к слугам Тёмного Владыки «орков и гоблинов» и «королей, воинов и чародеев».

Ответ Гэндальфа на вопрос Бинго «А Ривенделл безопасен?» схож с тем, что в FR (с. 234–235), но имеет некоторые приметные черты:

— Да, надеюсь. Он редко одолевал кого-либо из эльфов в прошлом, и все эльфы ныне ему враги. Эльфы Ривенделла и впрямь потомки его главных недругов: номов, Эльфомудрых, что вышли с Дальнего Запада и которых Элберет Гилтониэль

доныне хранит.[13] Они не страшатся Кольцепризраков, ибо живут разом в обоих мирах, и каждый мир имеет лишь половину власти над ними, тогда как они имеют двойную власть над обоими. Но такие места, как Ривенделл (или Шир на свой лад), скоро станут осаждёнными островами, если дела пойдут, как идут. Тёмный Владыка снова в движении. Страшна власть Некроманта. Всё же, — сказал он, вдруг встав и выпятив подбородок, а борода его встопорщилась, как жёсткая проволока, — Мудрые говорят, что в конце концов он обречён. Мы не падём духом. Ты быстро поправляешься, и тебе сейчас не о чем тревожиться.

Отрывка, где Гэндальф пристально поглядел на Фродо и затем заговорил сам с собой, нет, но его рассказ о событиях у Брода во всём существенном тот же, что в FR, с немногими чертами, ещё сохранёнными от первого черновика, — важнее всего то, что Гэндальф всё ещё говорит, что двое Всадников спаслись в глушь. Трудный переход через глубокий брод всё ещё описан, как в первом черновике, и Гэндальф всё ещё говорит: «Я был удивлён, до чего охотно отозвалась река на немного простого волшебства». Но власть

---

[13] Примечания: 178

Эльфы Ривенделла и впрямь потомки его главных недругов: номов, Эльфомудрых: см. с. 71. ↩ [broken link: #rn25_13]

Элронда над рекой и волны Гэндальфа, подобные белым коням с белыми всадниками, теперь входят. Конец беседы Бинго с Гэндальфом, однако, имеет отличия:

— …Я думал, что тону — и все мои друзья и враги вместе. Дивно, что Элронд, Глорфиндель и такие великие люди берут на себя столько хлопот ради меня — не говоря уж о Топотуне.

— Что ж — на то есть много причин. Я — одна добрая причина. Иные ты можешь и сам открыть.[14] Во-первых, они — были — очень привязаны к Бильбо Бэггинсу.

— Что значит — «привязаны к Бильбо»? — сонно сказал Бинго.

— Разве я так сказал? Просто оговорка, — ответил Гэндальф. — Я думал, я сказал «были».

— Хотел бы я, чтобы старый Бильбо был здесь и услышал всё это, — пробормотал Бинго. — Я бы его насмешил. Корова прыгнула выше Луны. Привет, Уильям! — сказал он. — Бедный старый тролль! — и тут он заснул.

Следующий раздел повествования довольно близко следует первому черновику (с. 208), но

---

[14] Примечания: 179

Мой отец добавил карандашом внизу страницы, но когда — сказать невозможно: «Кольцо — ещё одна [причина], и оно делается всё важнее и важнее». ↩ [broken link: #rn25_14]

теперь в историю входит то, как Бинго обнаруживает разложенные для него зелёные одежды, с дальнейшим добавлением, что лишь отчасти уцелело в FR:

Он надел свой лучший жилет с золотыми пуговицами (что привёз в поклаже как единственное оставшееся сокровище). Но тот сидел очень свободно. Поглядев в зеркальце, он вздрогнул, увидев куда более худое отражение Бинго, чем видел уже давно. Оно поразительно походило на юного племянника Бильбо, что хаживал с дядей в походы по Ширу, хотя лицо было бледновато. «И чувствую я себя так же», — сказал он, хлопнув себя по груди и затянув ремешок жилета. Затем он пошёл искать друзей.

Ничего соответствующего тому, как Сэм входит в комнату Фродо, нет.

Пир в доме Элронда сильно сдвигается к окончательному тексту. Описания Элронда, Гэндальфа и Глорфинделя теперь появляются (они написаны на вставном листке, но он, кажется, принадлежит к тому же времени) и почти теми же словами, что в FR (с. 239), — но есть упоминание улыбки Элронда, «как летнее солнце», и его смеха. Об Арвен не упомянуто. Бинго «не видел Топотуна, ни своих племянников. Их отвели к другим столам».

Беседа с Глоином идёт, как в первом черновике, с некоторыми штрихами и оборотами, что сдвигают её к окончательному тексту (FR, с. 240). Глоин теперь описан как «гном степенного достоинства и богатого убранства», но он всё ещё подмигивает (чего нет в FR).

В том месте, где кончается первый черновик (с. 210), мой отец прибавил лишь ещё пару строк, прежде чем снова остановиться:

В Дейле правил внук Барда Лучника, Бранд сын Баина сына Барда, и он стал сильным королём, чьё владение включало Эсгарот и много земли к югу от великих водопадов.[15]

На обороте листа беседа продолжается иным почерком и иными чернилами: Глоин даёт отчёт об истории Балина (его возвращении в Морию) — но говорит он с Фродо, а не с Бинго, и эта сторона страницы принадлежит к более поздней фазе написания книги (см. с. 369, 391).

Отрывок на отдельном листке, составляющий часть беседы Гэндальфа с Бинго, кажется, принадлежит ко времени третьего черновика этой

---

[15] Примечания: 180

Ср. «Хоббит», глава X «Тёплый приём»:

У южного конца [Долгого Озера] сдвоенные воды [Бегущей Реки и Лесной Реки] изливались снова через высокие водопады и торопливо убегали в неведомые земли. В тихом вечернем воздухе шум водопадов слышался, как далёкий рёв. ↩ [broken link: #rn25_15]

главы. Указания, куда его вставить в текст, нет, и отзвука его в FR нет.

Дела складываются странно. Не будь того «короткого пути», ты не встретил бы старого Бомбадила и не получил бы того единственного рода меча, которого страшатся Всадники.[16] И почему я не подумал о Бомбадиле раньше! Не будь он так далеко, я бы сейчас же отправился назад и посоветовался с ним. До сих пор мы мало имели дела друг с другом. Сдаётся, он меня как-то не вполне одобряет. Он из куда более древнего поколения, и пути мои не его пути. Он держится особняком и не верит в путешествия. Но мне почему-то кажется, что в конце концов всем нам понадобится его помощь — и что ему, может статься, придётся проявить интерес к тому, что за пределами его собственного края.

Среди самых ранних мыслей моего отца об этой части истории (с. 126) значится: «Гэндальф поражён, услышав о Томе». — Ещё один краткий отрывок на том же листке был вычеркнут во время написания:

— Не говоря уж о храбрости — а также о мечах

---

[16] Примечания: 181

Отдельная заметка гласит: «Что с мечом умертвий? Почему Чёрные Всадники его боялись? — потому что он принадлежал Западным Людям». Ср. «Две Твердыни», III. 1, с. 17. ↩ [broken link: #rn25_16]

и о странном и древнем имени. Позже мне надо будет узнать про тот твой любопытный меч и про то, как ты узнал имя Элберет.

— Я думал, ты знаешь всё.

— Нет, — сказал Гэндальф. — Ты…

Кое-какие заметки, нацарапанные в Сидмуте в Девоне в конце лета 1938 года (см. Карпентер, «Биография», с. 187) на странице, испещрённой каракулями, явно представляют мысли моего отца о следующих стадиях истории в это время:

Совет. За Мглистые Горы. Вниз по Великой Реке к Мордору. Тёмная Башня. За (?) которой — Огненный Холм.

Повесть о Гил-галаде, рассказанная Элрондом? Кто такой Топотун? Глорфиндель рассказывает о своём роде в Гондолине.

«Поход к Огненной Горе» (которому предшествовал «Совет хоббитов с Элрондом и Гэндальфом») был упомянут в наброске, данном на с. 126, но здесь — первый намёк на путешествие, что предстояло предпринять из Ривенделла, и первое упоминание Великой Реки в связи с «Властелином Колец».

Мой отец уже задавал вопрос «Кто такой Топотун?» и задаст его снова. Намёк на одно решение, в конце концов отвергнутое, уже встречался в

словах Бинго к Гэндальфу в этой главе: «мне всё кажется, что я где-то видел его прежде — что, что я должен бы суметь подобрать ему имя, имя иное, чем Топотун», и ещё раньше, в трактире в Бри (с. 154): «Вид у него был тёмный — и всё же было в нём что-то… что казалось дружеским и даже знакомым».

Весьма примечательно и «Глорфиндель рассказывает о своём роде в Гондолине». Годы спустя, много позже издания «Властелина Колец», мой отец немало размышлял о деле Глорфинделя и в то время написал: «[Употребление имени Глорфиндель] во „Властелине Колец“ — один из случаев несколько случайного употребления имён, найденных в древних легендах, ныне именуемых „Сильмариллион“, что избежал пересмотра в окончательной изданной форме „Властелина Колец“». Он пришёл к выводу, что Глорфиндель из Гондолина, что пал, сражаясь с балрогом, после разорения города (II. 192–194, IV. 145), и Глорфиндель из Ривенделла — одно и то же лицо: он был отпущен из Мандоса и вернулся в Средиземье во Вторую Эпоху.

Отдельный одиночный лист, что ничем не связан с прочими записями, — возможно, та самая «повесть о Гил-галаде, рассказанная Элрондом»,

упомянутая в этих заметках, и я привожу его здесь. Кроме первого, отмеченные изменения сделаны впоследствии, карандашом по рукописи, написанной чернилами.

— Так вот, в тёмные дни Саурон Маг [сперва написано Некромант, затем Некромант снова надписано над Маг] был очень могуч в Великих Землях, и почти всё живое служило ему из страха. И эльфов, что жили по эту сторону Разлучающего Моря, он преследовал с особой ненавистью, ибо они ему не служили, хоть и боялись. И были некоторые Люди, что дружили с эльфами, хоть и немногие в темнейшие из дней.

— И как же, — сказал Бинго, — свершилось его низвержение [> убавилась его сила]?

— А было это так, — сказал Элронд. — Земли и острова на северо-западе Великих Земель Старого Мира звались в давние времена Белериандом. Здесь Эльфы Запада обитали долгое время, до [> во время] войн с Силой тьмы, в которых Сила была побеждена, но земля разрушена. Саурон один из его главных слуг спасся. Но и после того как эльфы по большей части ушли [> Хотя большинство эльфов вернулось] снова на Запад, было много эльфов и Друзей эльфов, что обитали [> ещё обитали в позднейшие дни] в том краю. И туда

пришли многие из Великих Людей древности с Дальнего Западного Острова, что звался у эльфов Нуменором (а у некоторых — Аваллоном) [> из земли Закатного Края (что звали они Нуменором)], ибо Саурон разрушил их остров [> землю], и были они изгнанниками и ненавидели его. Был в Белерианде король нуменорского рода, и звался он Элендиль, что значит Друг эльфов. И заключил он союз с Королём-эльфом тех земель, чьё имя — Гил-галад (Звёздный Свет), потомок прославленного Фэанора. Хорошо помню я их совет — ибо он напомнил мне великие дни древней войны, столько прекрасных князей и вождей было там, хоть и не столь много и не столь прекрасных, как некогда.

— Ты помнишь? — сказал Бинго, в изумлении глядя на Элронда. — Но я думал, эта повесть — о днях очень давних.

— Так и есть, — сказал Элронд, смеясь. — Но память моя тянется далеко назад [> в давнее-давно]. Отцом моим был Эарендель, что родился в Гондолине за семь лет до его падения, а матерью — Эльвинг, дочь Лютиэн, дочери короля Тингола из Дориата, и я видел много эпох на Западе мира. Я был на совете, о котором говорю, ибо я был менестрелем и советником Гил-галада. Воинства

Эльфов и Людей снова соединились, и мы двинулись на восток, и перешли Мглистые Горы, и вошли во внутренние земли, далёкие от памяти о Море. И стали мы изнемогать, и тяжко легла на нас немочь, сотворённая чарами Саурона, — ибо пришли мы наконец к Мордору, Чёрной Стране, где Саурон отстроил заново свою твердыню. На части той унылой земли ныне стоит Лес Лихолесье,[17] и тьму свою и ужас он берёт от древнего зла [добавлено: той почвы]. Саурон не мог нас прогнать, ибо власть Эльфов в те дни была ещё очень велика, хоть и убывала, и мы осаждали его твердыню 7 [> 10] лет. И наконец Саурон вышел сам, и схватился с Гил-галадом, и Элендиль пришёл к нему на помощь, и оба были смертельно ранены, но Саурон был повержен, и телесный

[17] Примечания: 182

Любопытно утверждение Элронда, что Лихолесье само по себе в Мордоре, «Чёрной Стране», и что лес «берёт свою тьму от древнего зла» тех времён, когда Саурон имел в той области свою твердыню. И здесь, и в очень схожем отрывке во второй версии «Падения Нуменора» (V. 29) сказано, что Саурон «отстроил заново» свою твердыню(и) в Мордоре, и я понимаю это так, что именно в Мордоре он обосновался после падения Моргота и разрушения Ангбанда. Та твердыня была разрушена воинствами Последнего Союза, а в первой версии «Падения Нуменора» (V. 18), когда Ту был побеждён и жилище его разрушено, «он бежал в тёмный лес и сокрылся». В «Хоббите» «тёмная башня» Некроманта была на юге Лихолесья. В конце «Хоббита» рассказано, что белые чародеи «наконец изгнали Некроманта из его тёмного логова на юге Лихолесья», но не сказано, что оно было разрушено. Если «на части той унылой земли [Мордора] ныне стоит Лес Лихолесье», можно бы доказывать, что (на этой стадии развития истории) Саурон

вернулся туда, к «Тёмной Башне Мордора», — на юг Лихолесья. (Нет, по-видимому, прямого свидетельства, что география Средиземья была уже расширена к югу и востоку от карты Глухоманья в «Хоббите», за пределы замысла Огненной Горы, чьё расположение, кажется, и вовсе смутно, и уж точно нельзя полагать, что мой отец уже мыслил защищённую горами землю Мордор далеко на юго-востоке.)

Но я вовсе не считаю это вероятным. Вскоре после места, до которого мы дошли, мой отец написал в главе «Древняя история» (с. 253), что Некромант «бежал из Лихолесья [то есть после изгнания белыми чародеями] лишь затем, чтобы снова занять свою древнюю твердыню на Юге, близ середины мира в те дни, в Земле Мордор, и ходил слух, что Чёрная Башня воздвигнута заново». «Его древняя твердыня» — это, разумеется, крепость, разрушенная в Войне Последнего Союза. ↩ [broken link: #rn25_17]

его облик уничтожен. Слуги его рассеялись, и воинство Белерианда сокрушило его твердыню и сровняло с землёй. Гил-галад и Элендиль погибли. Но злой дух Саурона бежал прочь и долго таился в пустынных местах. Однако спустя эпоху он снова принял облик и давно уже тревожит северный мир [добавлено: но власть его меньше, чем встарь].

Если сравнить этот крайне любопытный отрывок с концом второй версии «Падения Нуменора» («FN II») в V. 28–29, видно, что, хотя вошёл важный новый элемент, два текста тесно связаны и имеют очень схожие обороты: приводя форму из FN II — «в Белерианде восстал король, что был нуменорского рода, и звался он Элендиль, что значит Друг эльфов»; воинства Союза «перешли горы и вошли во внутренние земли, далёкие от Моря»; «пришли они наконец даже к Мордору, Чёрной Стране, где Саурон… отстроил заново свои твердыни»; «Ту был повержен, и телесный его облик уничтожен, и слуги его рассеялись, и воинство Белерианда разрушило его жилище»; «дух Ту бежал далеко прочь и сокрылся в пустынных местах». Более того, в обоих текстах Гил-галад — потомок Фэанора. Новый элемент — появление Элронда как менестреля и совет-

ника Гил-галада (в FN II, §2, Элронд был первым Королём Нуменора и смертным; представление, ныне, разумеется, оставленное, с появлением Элроса, его брата, V. 332, §28). Здесь нет и намёка на то, что шёл какой-либо «Совет»: скорее кажется, что Элронд рассказывал повесть Бинго, как Топотун и сказал на Заверти (с. 179): «ты, думаю, услышишь её в Ривенделле, когда мы туда доберёмся. Её должен рассказать Элронд, ибо он знает её хорошо». Но один элемент уцелел в главе 2 FR (II), «Совет Элронда»: изумление Бинго перед огромным возрастом Элронда и ответ Элронда, называющий его род и вспоминающий воинства Последнего Союза.[18]

[18] Примечания: 183

О прежних упоминаниях повести о Гил-галаде и Элендиле в текстах до сих пор см. с. 169, 179, 192. ↩ [broken link: #rn25_18]

Заметка о хронологии

В первом черновике этой главы Гэндальф говорит Бинго, когда тот пробуждается в доме Элронда, что нынче утро 24 октября, но это, кажется, расходится со всеми данными ранее указаниями на дату. (24 октября — дата в FR, с. 231, но достигнута она иначе.)

У Заверти есть разница в один день между первоначальной хронологией и хронологией FR: её достигли 5 октября в старой версии, но 6 октября в FR (см. с. 175). Хоббиты снова вышли к Дороге из земель к югу и пересекли её на шестой день от Заверти (с. 192), то есть 11 октября, тогда как в FR они потратили лишний день (ср. «К концу четвёртого дня земля снова начала подниматься» в старой версии, с. 191, с FR, с. 212, «К концу пятого дня»): так что теперь между двумя рассказами отставание в два дня, и в FR они вышли к Дороге и пересекли Последний Мост 13 октября. В холмах же к северу от Дороги они в старой версии потратили на день больше (см. с. 193) и потому спустились с холмов и встретили Глорфинделя вечером 17-го (18-го в FR). Дальнейших расхождений в хронологии в этой главе нет, и потому

в первоначальной истории они достигли Брода 19 октября (20 октября в FR). Как же тогда может быть 24 октября, когда Бинго пробуждается в Ривенделле, если, как говорит Гэндальф, его «принесли прошлой ночью»?

Во второй и третьей версиях начала этой главы дата, в которую Бинго пробудился в доме Элронда, становится 26 октября, и он говорит, что должно бы быть 24-е: «если только я где-то не сбился со счёта, мы, должно быть, достигли Брода 23-го». Гэндальф говорит ему, что Элронд врачевал его «три ночи и два дня, если точно. Эльфы принесли тебя в Ривенделл ночью 23-го, вот где ты и сбился со счёта», и он поминает, что Бинго носил осколок клинка «пятнадцать дней или более» (семнадцать в FR). Это нисколько не помогает с хронологической загадкой, ибо во всех черновиках начала главы IX мой отец полагал, что хоббиты достигли Брода 23 октября, а не, как, кажется, ясно показывает само повествование, 19-го. Равно странно, что Гэндальф говорит, будто Бинго носил осколок клинка «пятнадцать дней или более», если переправа через Брод и впрямь была 23-го, а Элронд извлёк осколок «прошлой ночью» (25 октября): итог должен быть 20 (с 6 по 25 октября); в FR число — семнадцать дней (с 7

по 23 октября).

Глава 13. «ВОПРОСЫ И ПЕРЕДЕЛКИ»

В этой главе я привожу ряд заметок, которые мой отец озаглавил «Вопросы и переделки» (Queries and Alterations). Думаю, можно ясно показать, что они относятся ко времени, которого мы теперь достигли.

Он бросил третий черновик главы IX (позднее названной «Многие встречи») в том месте, где Глоин рассказывал Бинго о короле Бранде из Дейла; это внизу страницы с номером IX.8. Я уже отметил (с. 213), что на обороте этой страницы, под номером IX.9, беседа продолжается — но она явно не связана с предыдущим, написана иными чернилами и иным почерком, и Глоин теперь говорит с «Фродо», а не с «Бинго», и на деле после этого места в повествовании «Властелина Колец» «Бинго» больше никогда не появляется.

Так вот, первый из этих «Вопросов и переделок» касается именно беседы Бинго и Глоина и прямо отсылает к последней странице «бинговской» части главы, IX.8 (быть может, она только что была написана). В другой из этих заметок мой

отец впервые рассматривал замену «Бинго» на «Фродо», но здесь он решил против неё — и, когда дошёл до написания новой версии «Долгожданного угощения» (вопрос, обсуждаемый в этих же заметках), наследником Бильбо всё ещё был «Бинго», а не «Фродо».

Поэтому я заключаю, что именно тогда, когда он бросил главу IX, он и написал «Вопросы и переделки»; что, бросив её, он снова вернулся к началу книги, и что прошло немалое время — в течение которого «Бинго» стал «Фродо», — прежде чем он снова взялся за беседу с Глоином в Ривенделле.

Этих заметок две страницы, по большей части изложенных чернилами стройно и разборчиво, но есть и много торопливых карандашных добавлений, и они в отдельных случаях могут как принадлежать, так и не принадлежать к тому же времени (учитывая, что промежутки времени вряд ли велики: но в попытке проследить эту историю значимы «слои» и «фазы», а не недели или месяцы). Иные из предложений, заключённых в этих заметках, не имели будущего, но другие представляют величайший интерес, показывая самое возникновение новых идей.

Я излагаю их в том порядке, в каком они, по-видимому, были записаны, вставляя добавления,

где удобно и уместно, и присоединяя одну-две другие заметки, относящиеся к этому времени.

(1) Люди и гномы Дейла на Угощении — хорошо ли это? Скорее портит встречу Бинго и Глоина (IX.8). К тому же неразумно приводить в Хоббитон Большой Народ. Просто пусть Гэндальф и гномы привезут вещи из Дейла.

О «громадных неуклюжих светловолосых Людях», что «топали по хоббичьей дороге, как слоны», и выпили всё пиво в трактире Хоббитона, см. с. 20 (рассказ о них уцелел без изменений в четвёртой версии «Долгожданного угощения»). Под «Людьми и гномами Дейла на Угощении» мой отец разумел «в Хоббитоне в ту пору», а вовсе не то, что они присутствовали на самом Угощении. От Людей он откажется в следующей версии «Долгожданного угощения», но гномы остались и в FR (с. 33). Быть может, отец почувствовал, что, тогда как Люди наверняка рассказали бы Бинго вести из Дейла, гномам незачем иметь особую связь с Одинокой Горой.

(2) Слишком много хоббитов. К тому же Бинго Болджер-Бэггинс — плохое имя. Пусть Бинго = Фродо, сын Примулы Брендибак, но от отца Дрого Бэггинса (двоюродного брата Бильбо). Тогда Фродо (= Бинго) — двоюродный племянник Бильбо и

по Тукам, и по Бэггинсам. И собственное его имя — Бэггинс.

[Фродо вычеркнуто] Нет — я теперь слишком привык к Бинго.

Фродо [то есть Тук] и Одо посвящены в тайну и провожают Бинго у ворот после Угощения. Не лучше ли отменить продажу и сделать Одо наследником и распорядителем? — хотя многое можно бы и раздать. Саквиль-Бэггинсы могли бы поссориться с Одо?

Фродо (и, возможно, Одо) проходят первый отрезок пути (ибо вести Фродо о Чёрных Всадниках необходимы) [см. с. 54–55].

Но Фродо прощается в Баклбери. Лишь Мерри и Бинго едут дальше в изгнание — потому что Мерри настаивает. Бинго изначально намеревался идти один.

Вероятно, лучше всего было бы оставить лишь Фродо Тука — что провожает Бинго до Баклбери, и затем Мерри. Убрать Одо. Ещё лучше — Фродо и Мерри у ворот: Фродо тогда прощается и остаётся распорядителем в Шире [то есть «в Шире», в Бэг-Энде]. Мерри видит Чёрных Всадников на Севере.

Всё это, начиная с «Нет — я теперь слишком привык к Бинго», было вычеркнуто карандашом,

и тогда же мой отец написал на полях «Сэм Гэмджи», а к «Бинго изначально намеревался идти один» прибавил «с Сэмом». Может статься, именно здесь он впервые записал имя Сэма Гэмджи.

Здесь первый намёк, в «Фродо прощается в Баклбери», на хоббита, что останется в Крикхоллоу, когда прочие войдут в Старый Лес, а «Слишком много хоббитов» и «Убрать Одо» — первые признаки того, что вскоре станет крупной проблемой и почти непролазной путаницей.

Родословие, как оно стояло теперь в четвёртой версии «Долгожданного угощения», дано на с. 37. Бинго уже был двоюродным племянником Бильбо по Тукам, но отцом его был Ролло Болджер (а когда Бильбо усыновил его, он сменил имя с Болджера на Болджер-Бэггинс). С появлением Дрого Бэггинса Бинго стал бы двоюродным племянником Бильбо и по Бэггинсам: мы должны предположить, что отец Дрого был братом отца Бильбо, Бунго Бэггинса. В позднейшем родословии Дрого стал троюродным братом Бильбо, как Старик Гэмджи объяснял своим слушателям в «Плюще»: «так что господин Фродо ему [господину Бильбо] и двоюродный, и троюродный племянник, в обе стороны, как говорится, коли вы меня понимаете» (FR, с. 31).

Брошенное родословие на одной из этих страниц показывает, как мой отец вырабатывал родословную Бэггинсов. Эта маленькая таблица начинается с Иниго Бэггинса (о прежнем носителе этого имени см. с. 17), чьим сыном был Мунго Бэггинс, отец Бунго: Мунго, впервые появляющийся здесь, уцелел и в окончательном семейном древе. У Бунго есть сестра Роза, что вышла за «Юного Тука»; Роза тоже уцелела, но не как тётя Бильбо — она стала двоюродной сестрой Бунго, всё так же с мужем-Туком (Хильдигримом). В этой таблице Дрого — брат Бунго, но именно на этом месте таблица была брошена.

Отсылка в этой заметке к «продаже» на первый взгляд весьма озадачивает. «Долгожданное угощение» было ещё в своей четвёртой версии — когда Угощение давал Бинго Болджер-Бэггинс, и крупная переделка, которой оно вернулось к Бильбо, ещё не была предпринята. Что же тогда за «продажа» имеется в виду? Никакой продажи Бэг-Энда не было: Бинго «передал, вручил и уступил в дар желанную собственность» Саквиль-Бэггинсам (с. 39). Продажа Бэг-Энда Саквиль-Бэггинсам возникла лишь с изменённой историей. Есть, однако, и другая отсылка к продаже, в нацарапанном списке дней путешествия хоббитов из

Хоббитона, найденном на рукописи Песни о тролле, которую Бинго должен был петь в Бри (с. 142, примеч. 11): этот список начинается так: «Угощение — четверг, пятница — „Продажа“ и уход Одо, Фродо и Бинго» и т. д. То, что слово здесь заключено в кавычки, может наводить на мысль, что мой отец просто имел в виду распродажу Бэг-Энда, к которой Бильбо вернулся в конце «Хоббита»: прежняя расчистка дома Бильбо, что и была продажей, сделала это слово удобным, хоть и обманчивым, сокращением для расчистки в новой истории, которая продажей не была.

Внизу страницы наспех была набросана карандашом и затем вычеркнута следующая заметка:

(3) Гэндальф против того, чтобы Бинго кому-либо говорил, куда он отправляется. Бинго должен взять Мерри. Бинго неохота причинять боль Одо и Фродо. Он им говорит — внезапно прощаясь, и Фродо (Одо) встречает на подъёме в гору кого-то похожего на хоббита. Тот справляется о Бинго — и Фродо или Одо говорит ему, что он отбыл в Баклбери. Так Чёрные Всадники узна́ют и скачут за Бинго.

Это зародыш окончательной истории — что Всадник пришёл и заговорил со Стариком Гэмджи, который направил его в Баклбери (FR, с. 85).

(4) Жало. Брал ли его Бильбо? Что с кольчугой? Разные возможности: (a) у Бинго есть кольчуга, но он теряет её в Кургане; (b) Гэндальф настаивает, чтобы он взял кольчугу, но она тяжела, и он оставляет её в Баклбери; (c) она ему по нраву, и спасает его в Кургане, но её крадут в Бри.

Суть, разумеется, в том, что на Заверти он не может быть в кольчуге. С этой заметкой ср. упоминание в первоначальной «схеме» главы IX (с. 126) «Кольчуги Бинго в кургане» — это, по-видимому, должно было быть частью «кое-каких объяснений», когда хоббиты добрались бы до Ривенделла.

Другая заметка, на другой странице, почти та же, но утверждает, что Бильбо всё же взял Жало, и говорит, что, если кольчугу Бинго украли в Бри, «обнаружение обворованных комнат происходит до ночи». Смысл этого, по-видимому, в том, что по существующей истории (с. 162–163) хоббиты вынесли все свои пожитки из спален в гостиную перед нападением, и это пришлось бы изменить.

В FR (с. 290–291) Бильбо отдал Жало Фродо в Ривенделле вместе с митрильной кольчугой.

(5) Народ Бри не должен быть хоббитами. Ввести кусок про верхние окна. Из-за того, что хоббитам это не по нраву, хозяин даёт им комна-

ты на той стороне дома, где из-за склона холма второй этаж вровень с землёй.

«Кусок про верхние окна» — это, по-видимому, отрывок в первоначальной главе III (с. 92–93), где хоббиты, подходя к ферме Мэггота, толкуют о неудобствах житья более чем в один этаж. — На деле в первоначальном начале главы о «Гарцующем Пони» (с. 132) народ Бри был прежде всего Людьми (с «хоббитами вокруг», «иные выше по склонам самого Холма Бри, а многие в долине Комба с восточной стороны»); так что эта новая мысль была, до некоторой степени, возвратом. Но карандашная заметка на той же странице, добавленная позднее, спрашивает: «Что теперь должно случиться в Бри? Какой разговор может выдать господина Хилла?» — и я понимаю смысл этого так, что народ Бри теперь должен был быть исключительно Людьми (ибо они были бы менее любопытны и менее осведомлены о Шире). См. с. 236.

(6) Следопытам лучше, пожалуй, не быть хоббитами. Но либо Топотун (как следопыт) должен быть не хоббитом, либо кем-то очень известным: например, Бильбо. Но последнее неловко ввиду «жили долго и счастливо». Я думал сделать Топотуна Фоско Туком (двоюродным братом Бильбо),

что сгинул мальчишкой, по вине Гэндальфа. Кто такой Топотун? Он, должно быть, имел какое-то горькое знакомство с Кольцепризраками и пр.

Эту заметку о Топотуне надо брать вместе с чувством Бинго, что он встречал Топотуна прежде и должен бы суметь вспомнить его истинное имя (см. с. 214). Двоюродный брат Бильбо Фоско Тук прежде не упоминался; возможно, он должен был быть сыном тёти Бильбо, Розы Бэггинс, что вышла за Тука, согласно маленькой родословной таблице, описанной выше (с. 222). Приписывание исчезновения Фоско Тука Гэндальфу оглядывается на начало «Хоббита», где Бильбо говорит ему: «Не тот ли Гэндальф, по чьей вине столько тихих юношей и девушек сгинули в Синюю Даль ради безумных приключений?»

Здесь первое предположение того, что мой отец, размышляя над загадкой Топотуна, увидел возможность, что тот не хоббит. Но эта заметка, как и несколько других, выражена эллиптически. Смысл, думаю, таков: если следопыты не хоббиты, то и Топотун не хоббит, но если всё же он и то и другое, он должен быть очень известным хоббитом.

(7) Бинго НЕ должен надевать своё Кольцо, когда мимо проезжают Чёрные Всадники, — ввиду

позднейших развитий. Он должен подумать об этом, но как-то быть удержан. С каждым разом искушение должно расти сильнее.

Это относится к первоначальной второй главе, с. 54, 58. О том, как в позднейшей истории Фродо был удержан от того, чтобы надеть Кольцо, см. FR, с. 84, 88. «Позднейшие развития» относятся, разумеется, к развитию замысла о Кольце, что к этому времени наступило: Всадники могли видеть Хранителя Кольца, как и он их, когда он надевал его на палец. Искушение сделать это возникало из власти Кольцепризраков сообщать своё повеление Хранителю Кольца и делать так, чтобы оно казалось ему его собственным настойчивым желанием (см. с. 199), но Бинго нельзя дать поддаться искушению до бедствия в лощине под Завертью.

(8) Надо найти какую-то причину тревоги Гэндальфа и бегства Бинго, что не включала бы Чёрных Всадников. Гэндальф знал об их существовании (разумеется), но понятия не имел, что они уже вышли. Но Гэндальф мог бы дать какое-то предостережение против использования Кольца (после того как покинет Шир?). Быть может, мысль внезапно использовать Кольцо на угощении как последнюю шутку должна быть

бинговизмом и противна Гэндальфу (не одобрена, как в моём предисловии).

«Предисловие», на которое здесь ссылка, — это текст, данный на с. 76 и далее, ранняя форма главы 2 FR «Тень прошлого», — где Гэндальф и впрямь не просто «одобряет» эту мысль, но прямо её подсказывает (с. 84).

Что до первой фразы этой заметки, в «предисловии» есть отсылка к «неким странным знакам и предвестьям зреющей беды после долгой поры мира и покоя», но нет указания, каковы они были (с. 85, примеч. 9). В том же тексте Гэндальф говорит, что «Голлум, весьма вероятно, и есть начало нынешней нашей беды», но если «нынешняя наша беда» — это то, что Тёмный Владыка, как было ведомо Гэндальфу, ищет единственное недостающее Кольцо в направлении Шира, то никак не объяснено, откуда он это знал. Это была весьма серьёзная проблема в строении повествования: Гэндальф не может знать о приходе Кольцепризраков, ибо, знай он о нём, он никогда не позволил бы Бинго и его спутникам отправиться одним. Решение потребовало бы сложной перестройки частей начального повествования, как оно теперь стояло, в отношении передвижений Гэндальфа летом того года (а они, в свою

очередь, переплетены с изменённой историей Дня рождения), и в конце концов привело бы к Изенгарду.

(9) Почему Гэндальф спешил? Потому что Тёмный Владыка знал о нём и ненавидел его. Ему надо было скоро добраться до Ривенделла, и он думал, что отводит погоню от Бинго. К тому же он знал, что в Ривенделле на середину сентября созван совет (Глоин и пр. едут повидать Бильбо?). Он был отложен, когда вести о Чёрных Всадниках достигли Ривенделла, и не состоялся, пока не прибыл Бинго.

О мысли, что Гэндальф пытался отвести погоню Чёрных Всадников, см. с. 173, примеч. 8; ср. также его слова к Бинго в Ривенделле (с. 211): «Но дела движутся быстро, даже быстрее, чем я боялся. Мне надо было добраться сюда скоро. Но знай я, что Всадники уже вышли!»

Это, вероятно, то место, где возникла мысль о Совете Элронда, хотя прежде уже бывали упоминания о «совещании» с Элрондом, когда хоббиты доберутся до Ривенделла (с. 126, 214).

(10) Должны ли Эльфы иметь кольца Некроманта? См. заметку об их «пребывании в обоих мирах». Но, может, лишь Высокие Эльфы Запада? И, может, Эльфы — если развращены — пользова-

лись бы кольцами иначе: обычно они всё время видимы в обоих мирах, а с кольцом могли бы являться лишь в одном, если бы пожелали.

В самом раннем утверждении об Эльфах и Кольцах (с. 75) сказано, что «у Эльфов их было много, и ныне в мире немало эльфов-призраков, но Владыка Колец не может ими править»; это в точности повторено в «предисловии» (с. 78), но без слов «но Владыка Колец не может ими править». Я не нашёл никакой «заметки» об Эльфах, «пребывающих в обоих мирах», но мой отец, возможно, имел в виду слова Гэндальфа в прошлой главе (с. 212): «[Эльфы Ривенделла] не страшатся Кольцепризраков, ибо живут разом в обоих мирах, и каждый мир имеет лишь половину власти над ними, тогда как они имеют двойную власть над обоими». С его замечанием здесь «Но, может, лишь Высокие Эльфы Запада [пребывают в обоих мирах]?» ср. окончательную форму этого же отрывка в FR (с. 235): «Они не страшатся Кольцепризраков, ибо те, кто обитал в Благословенном Царстве, живут разом в обоих мирах, и против Зримого и Незримого равно имеют великую власть».

(11) В Ривенделле Бинго и пр. должны увидеть Бильбо.

Спящего — на покое?

Тени сгущаются на Юге. Господина Дейла подозревают в тайной порче. В Дейле видят странных людей?

Что сталось с Балином, Ори и Ойном? Они ушли основать колонию — прослышав о богатых холмах на Юге. Но спустя время вестей о них не стало. Даин боялся Тёмного Владыки — слух о его движениях дошёл до него. (Одна мысль была, что гномам нужно Кольцо как основа их клада, и либо Балин, либо Даин послал к Бильбо узнать, что с ним сталось. Гномы, возможно, получали угрожающие послания из Мордора — ибо Владыка подозревал, что Единое Кольцо в их кладах.)

Мысль, что Топотун на деле был Бильбо, здесь явно отсутствует; ср. ранний набросок, данный на с. 126: «В Ривенделле спящий Бильбо».

Отдельная заметка в другом месте* гласит: «Глоин пришёл повидать Бильбо. Вести о мире. Утрата колонии Балина и пр.». Но «богатые холмы на Юге» в заметке (11) — это, вероятно, первое появление мысли о Мории, происходящей из «Хоббита», — хотя отсутствие имени здесь может наводить на мысль, что отождествление ещё не было сделано. Ср. также заметки в конце брошенного первого черновика прошлой главы (с. 210):

«Что с Балином и пр. Они ушли основать колонию (Кольцо нужно, чтобы основать колонию?)». В самом раннем рассказе о Кольцах (с. 75) было сказано, что у Гномов, вероятно, не было ни одного («иные говорят, на них кольца не действуют: слишком они твёрды»), но в «предисловии» (с. 78) Гэндальф говорит Бинго, что у Гномов, как сказывают, было семь, «но ничто не могло сделать их невидимыми. В них кольцо лишь раздувало в пламя огонь жадности, и основанием каждого из семи кладов древних Гномов было золотое кольцо».

* Эта заметка на деле была написана чернилами поперёк блёклого карандашного наброска истории об умертвии (с. 125) и, по-видимому, есть мысль, что пришла отцу, пока он думал об истории прибытия в Ривенделл, которой кончается тот набросок (с. 126).

Над словами Единое Кольцо в конце заметки (11) мой отец написал недостающее. Поэтому он, возможно, разумел лишь «единственное недостающее Кольцо», но то, что он употребил заглавные буквы, наводит на мысль о его великой важности — и в «предисловии» недостающее Кольцо есть «самое драгоценное и могучее из его Колец» (с. 81, 87).

(12) Кольцо Бильбо оказалось единственным недостающим Кольцом — все прочие вернулись в Мордор, но это было утрачено.

Сделать так, что оно отнято у самого Владыки, когда Гил-галад схватился с ним, и взято улетающим Эльфом. Оно было могущественнее всех прочих колец. Почему Тёмный Владыка так его желал?

То, что Кольцо Бильбо было единственным недостающим Кольцом и что оно было могущественнейшим из всех, (как только что отмечено) сказано в «предисловии» — первая фраза заметки (12) есть пересказ уже существующей мысли. Ново здесь увязывание его ранней истории со схваткой Гил-галада с Некромантом (см. с. 216); в «предисловии» (с. 78) Кольцо Голлума упало «с руки эльфа, когда тот переплывал реку, и оно его выдало, ибо он бежал от погони в старых войнах, и стал видим своим врагам, и гоблины его убили». Здесь началась история Исилдура, но теперь Эльф (которому предстоит стать Исилдуром-нуменорцем) получает его от Гил-галада, что взял его у Тёмного Владыки. И задаётся вопрос: «Почему Тёмный Владыка так его желал?» Что означает, поскольку оно уже мыслится могущественнейшим из Колец и потому самоочевидно

главным предметом желания Тёмного Владыки: «В чём состояла его мощь?»*

* Хамфри Карпентер («Биография», с. 188) цитирует эту заметку, но толкует её как тот миг, когда возникла мысль о Правящем Кольце:

Была также задача — почему Кольцо казалось всем столь важным; это ещё не было ясно установлено. Вдруг ему пришла мысль, и он написал: «Кольцо Бильбо оказалось единым правящим Кольцом — все прочие вернулись в Мордор, но это было утрачено». Единое правящее кольцо, что управляло всеми прочими…

Но рассматриваемая заметка совершенно точно гласит «Кольцо Бильбо оказалось единственным недостающим Кольцом» (как в любом случае показывают следующие слова), а не «единым правящим Кольцом». Не было бы нужды спрашивать «Почему Тёмный Владыка так его желал?», если бы замысел Правящего Кольца возник здесь.

Впоследствии мой отец быстро дописал карандашом к заметке. Слова «все прочие вернулись в Мордор» он пометил на удаление, а к словам «Оно было могущественнее всех прочих колец» прибавил:

хотя его сила зависела от того, кто им пользует-

ся, — как и его опасность: чем проще пользователь и чем меньше он им пользовался. Голлуму оно лишь помогало охотиться (но делало его жалким). Бильбо оно было полезно, но снова погнало его в скитания. Бинго — как Бильбо. Гэндальф мог бы утроить свою силу — но он не смеет им пользоваться (во всяком случае, после того как всё о нём узнал). Эльф вырос бы почти столь же могуч, как Владыка, но стал бы тёмным.

В это же время он подчеркнул слова «Почему Тёмный Владыка так его желал?», поставил против них восклицательный знак и написал:

Потому что, владей он им, он мог бы видеть, где все прочие, и стал бы властелином над их властелинами — управлял бы всеми гномьими кладами и драконами, и знал бы тайны Королей-эльфов и тайные [?замыслы] злых людей.

Здесь центральный замысел Правящего Кольца наконец явно налицо, и может статься, что именно здесь он впервые возник. Но заметка чернилами и карандашное добавление (блёклая каракуля, ныне едва разборчивая) явно были написаны в разное время.

На обороте второй страницы этих заметок — следующее, карандашом:

(13) Упрощённая история.

Бильбо исчезает на своём 100-м [надписано сверху: 111-м] дне рождения. Бинго — его наследник, к великой досаде Саквиль-Бэггинсов.

[«Если хотите знать, что стояло за этими таинственными событиями, нам надо вернуться на месяц-другой назад». Затем — беседа Бильбо и Гэндальфа.]

Толки утихают, и Гэндальфа в Хоббитоне больше почти не видно.

Следующая глава начинается с жизни Бинго. Тайные наезды Гэндальфа. Беседа. Бинго наскучил Шир (беспокойство от кольца?): и он решает отправиться искать Бильбо. К тому же он был довольно безрассуден, и деньги на исходе. Так что он продаёт Бэг-Энд Саквиль-Бэггинсам, что получают его таким образом на годы позже срока, прикарманивает деньги и уходит в 72 (144) — та же склонность к долголетию, что была у Бильбо. Гэндальф поощряет его по своим причинам. Но предостерегает не пользоваться Кольцом вне Шира — по возможности [ср. заметку (8)]. Бильбо воспользовался им для последней большой шутки, но тебе лучше не стоит. (Бинго не говорит Гэндальфу, что искать Бильбо было его побуждением.)

Всё это было впоследствии перечёркнуто, а от-

рывок, что здесь заключён в квадратные скобки, был вычеркнут отдельно, быть может, во время написания.

Строение повествования в его главных связях теперь таково, как в окончательной истории:

Бильбо исчезает (надев Кольцо) на своём 111-м дне рождения и оставляет Бинго наследником.

Годы спустя Гэндальф беседует с Бинго в Бэг-Энде; Бинго не терпится уйти по собственным причинам, и Гэндальф поощряет его уйти (но, по-видимому, мало что ему рассказывая, хотя и предостерегает против использования Кольца).

Хотя Угощение теперь возвращается к Бильбо и даётся в его 111-й день рождения — возраст, в котором он покинул Шир в существующей версии «Долгожданного угощения» (с. 40), — Бинго всё ещё уходит в 72 года, в возрасте, в каком он сам давал Угощение. Скобочное число 144 — это, по-видимому, возраст Бильбо в то время, как в существующей версии, откуда следует, что во время Прощального угощения Бильбо Бинго было 39; сумма их двух возрастов была 150. Но что мой отец имел в виду на этот счёт, сказать нельзя, ибо в этой форме он историю так и не написал.

Скобочный отрывок наводит на мысль, что в беседе Бильбо и Гэндальфа за месяц-другой до

угощения был бы дан некий рассказ о том, что привело Бильбо к решению покинуть Шир таким образом, и этот рассказ следовал бы за начальной главой, описывающей празднество. О чём была бы эта беседа, наводит другая заметка, несомненно написанная в то же время:

Поместить главу «Голлум» после «Долгожданного угощения»: с заголовком: «Если хотите знать, что стояло за этими таинственными событиями, нам надо вернуться на месяц-другой назад».

Это, по-видимому, означает, что мой отец думал сделать так, чтобы беседа Бильбо и Гэндальфа перед Угощением (но стоящая в повествовании после него) охватила историю Голлума и Кольца. «Глава о Голлуме» оказалась бы таким образом на своём окончательном месте, хотя предлагаемый здесь для неё контекст был бы совершенно иным.

Наконец, нацарапанная заметка гласит:

(14) Бильбо уносит «мемуары» в Ривенделл.

Часть вторая. Вторая фаза

Глава 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХОББИТОН

Теперь мой отец остановился наконец на «упрощённой истории», что он вчерне набросал в «Вопросах и переделках» (заметка 13), и так Угощение по случаю дня рождения в Бэг-Энде снова возвращается к Бильбо, с которого оно и начиналось (с. 13, 19, 40). Следующий грубый набросок, несомненно, непосредственно предшествовал переписыванию начальной главы: пятой версии — и чрезвычайно запутанному документу.

Бильбо исчезает на своём 111-м дне рождения. Глава «Долгожданное угощение»[1] подходяще изменена вплоть до места, где Гэндальф скрывается в Бэг-Энде. Затем короткая беседа между Гэндальфом и Бильбо внутри.

Бильбо говорит, что это становится утомительным — чувство растянутости. Ему надо от Него избавиться. К тому же он устал от Хоббитона, его охватывает великое желание уйти. Проклятие

---

[1] Примечания: 184

Мой отец на деле написал «глава „Нежд[анное] у[гощение]“» — думая о первой главе «Хоббита». Ср. моё предположение об употреблении им слова «распродажа» в «Вопросах и переделках», примеч. 2. ↩ [broken link: #rn29_1]

драконьего золота? или Кольцо. Куда ты идёшь? Не знаю. Береги себя! Мне всё равно. Он берёт с Гэндальфа обещание передать Кольцо его наследнику Бинго. Он оставляет его ему — но я не хочу, чтобы он тревожился или пытался последовать за мной: пока нет. Так что он даже не говорит Бинго о шутке. В конце главы пусть Бильбо простится с Гэндальфом у ворот, вручит ему свёрток (с Кольцом) для Бинго и исчезнет.

Глава II тогда — про Бинго. Тайные наезды Гэндальфа. Гэндальф настаивает, чтобы он ушёл, — по своим причинам. Бинго со своей стороны так и не говорит Гэндальфу, что искать Бильбо — его великое желание. Гэндальф не [?говорит] о Кольце. Дело Голлума должно войти позже (в Ривенделле) — после того как Бинго встретит Бильбо, а Гэндальф к тому времени узнал куда больше. Вероятно, понадобится свести эту Главу II с началом нынешней II — «Трое — компания, а четверо — и подавно».[2]

Четвёртая версия «Долгожданного угощения» на деле достигла довольно продвинутой стадии

---

[2] Примечания: 185

Действительный заголовок главы II был «Трое — компания, а четверо — лишку» (с. 49). — Карандашная заметка на той же странице гласит: «Должен ли Бинго потратить все свои деньги? Не лучше ли, чтобы он чем-то жертвовал? Хотя он должен объявить, что потратил их». ↩ [broken link: #rn29_2]

в большинстве отношений — в некоторых отношениях практически окончательной формы, но Угощение было Бинго, на его 72-й день рождения, ибо Бильбо тихо и навсегда сгинул из Шира тридцатью тремя годами раньше, когда ему было 111, а Бинго — 39, и, кроме как с фейерверком, Гэндальф в той главе не играл никакой роли вовсе.

Только что приведённый набросок говорит, что главу надо «подходяще изменить вплоть до места, где Гэндальф скрывается в Бэг-Энде», и история теперь начинается так: «Когда Бильбо Бэггинс из известного хоббитонского семейства собрался отпраздновать свой сто одиннадцатый (или одиннадцатьдесят первый) день рождения, по соседству пошли толки» и т. д. (см. с. 28, 36). Четвёртой версии затем следуют[3] вплоть до «А

---

[3] Примечания: 186

Отрывок о книге Бильбо и о приёме, ей оказанном, что сохранялся неизменным со второй версии (с. 19), сперва был повторён и здесь, но впоследствии заменён следующим:

Он рассказывал множество историй о своих приключениях, конечно, тем, кто готов был слушать. Но большинству хоббитов они скоро наскучили, и лишь один-двое из его младших друзей принимали их всерьёз. Нет проку рассказывать обыкновенным хоббитам о драконах: они либо не верят тебе, либо хотят не верить, и в обоих случаях перестают слушать. Старея, Бильбо записывал свои приключения в личную книгу мемуаров, в которой поведал кое о чём, о чём никогда не говорил вслух (как, например, о волшебном кольце), но та книга никогда не была издана в Шире, и он никому её не показывал, кроме своего любимого «племянника» Бинго. ↩ [broken link: #rn29_3]

коли он был дома, никогда не угадаешь, кого у него застанешь: хоббитов из совсем небогатых семей, или народ из дальних деревень, гномов, а порой даже эльфов» (с. 36); здесь введён новый отрывок о Гэндальфе и Бильбо.

Чародея Гэндальфа тоже порой видели поднимающимся в гору. Говорили, что Гэндальф «поощряет» его, а его, в свой черёд, обвиняли в «поощрении» иных из его более живых племянников (и дальней родни), особенно по Тукам, но что именно под этим разумели, было неясно. Может, имели в виду таинственные отлучки из дому и странную привычку Бильбо и его поощрённых юных друзей бродить по всему Ширу в неопрятной одежде.

По мере того как шло время, предметом толков сделалась и затянувшаяся бодрость, чтобы не сказать моложавость, господина Бильбо Бэггинса. В девяносто он казался почти таким же, как всегда. В 99 его начали звать «хорошо сохранившимся», но «неизменным» было бы вернее. Тем не менее в том году он удивил всех, заметно переменив свои привычки: он усыновил как наследника любимого и наиболее вполне «поощрённого» племянника, Бинго. Бинго Бэггинсу было тогда

всего-навсего 27,[4] и, строго говоря, он был не племянником Бильбо (титул, что тот употреблял довольно вольно), но и двоюродным, и троюродным братом, в каждом случае на колено ниже,[5] однако у него был тот же день рождения, 22 сентября, что и у Бильбо, что казалось добавочной связью между ними.[6] Он был сыном бедной Примулы Брендибак и [> что вышла поздно и за неимением лучшего за] Дрого Бэггинса (троюродного брата Бильбо, но в остальном вовсе незначительного).

В «Вопросах и переделках», заметка 2, мой отец сказал, что «слишком привык к Бинго», чтобы менять его имя на Фродо, но теперь он следовал предложениям той заметки — что от Болджер-Бэггинса («плохого имени») надо избавиться и что Бинго должен быть Бэггинсом сам по себе.

---

[4] Примечания: 187

Таков был возраст Бинго ко времени его усыновления в четвёртой версии (с. 36), но он был изменён в ходе написания нынешнего текста (см. с. 236). ↩ [broken link: #rn29_4]

[5] Примечания: 188

В «Вопросах и переделках» (примеч. 2) было предложение, что Дрого Бэггинс должен быть двоюродным братом Бильбо. ↩ [broken link: #rn29_5]

[6] Примечания: 189

Это замечание о том, что у Бильбо и Бинго один день рождения, было карандашным добавлением, но мысль восходит к третьей версии (с. 29), когда Бинго был сыном Бильбо. ↩ [broken link: #rn29_6]

Дальше в этом отрывке Дрого перенимает молвой пущенный несчастный случай с лодкой на Брендивайне у Ролло Болджера (см. с. 37): «иные говорили, что Дрого Бэггинс умер от переедания, гостя у старого обжоры Горбодука; другие говорили, что лодку потопил его собственный вес». Теперь рассказано, что Бинго было тогда двенадцать лет и что после он жил по большей части с дедом [Горбодуком Брендибаком, с. 37] и сотней с лишком родичей матери в Большой Норе Баклбери,[7] родовом и весьма переполненном жилище общительных Брендибаков. Но его наезды к «дядюшке» Бильбо делались всё чаще, пока наконец, как сказано, Бильбо не усыновил его, когда тому было 27.

Но всё это была старая история. За последние 12 лет народ привык к тому, что Бинго рядом. Ни Бильбо, ни Бинго не делали ничего возмутительного. Их вечеринки бывали порой малость шумны (и не слишком разборчивы), пожалуй, но хоббиты не против такого шума время от времени. Бильбо — теперь в свой черёд «поощряемый» Бинго — тратил деньги вольно, и богатство его

---

[7] Примечания: 190

Великая Нора Баклбери: Брендихолл был назван и описан в первоначальной версии «Напрямик через грибные земли» (с. 99). ↩ [broken link: #rn29_7]

сделалось местной легендой. Поговаривали, что бóльшая часть Холма полна туннелей, набитых золотом и серебром. И вот вдруг объявили, что Бильбо, быть может, поражённый любопытством числа 111, замышляет нечто совсем необычное по части дней рождения. 111 — почтенный возраст даже для хоббита.[8] Понятно, языки заработали, всколыхнулись старые воспоминания, пробудились новые ожидания. Богатство Бильбо прикинули заново… (и т. д. как прежде, см. с. 30).

В рассказе о наездах и отъездах у Бэг-Энда есть несколько небольших изменений. Люди и повозка, расписанная буквой D (с. 20, 30), убраны, как предложено в «Вопросах и переделках» (заметка 1), но эльфы, как и гномы, всё ещё упомянуты. Связки фейерверков были помечены не только большим красным G, но и — «То был знак Гэндальфа» (та же руна стоит в его письме в Бри и в записке, оставленной на Заверти). Введены разочарованные дети, что получили монетки, но не фейерверки (FR, с. 33), и вот теперь наконец появляется «короткая беседа между Гэндальфом

---

[8] Примечания: 191

Добавлено карандашом:
и сам Старый Тук достиг лишь возраста 125 лет (хотя титул Старого был дарован ему, правда, не столько за возраст, сколько за чудаковатость и из-за огромного числа младших, младшеньких и самых младшеньких Туков). ↩ [broken link: #rn29_8]

и Бильбо внутри Бэг-Энда», набросанная в плане на с. 233.

Внутри Бэг-Энда Бильбо и Гэндальф сидели у открытого окна гостиной, что глядела на запад, в сад. День клонился к вечеру, ясный и мирный; цветы были красны и золоты; львиный зев, и подсолнухи, и настурции, что вились по всем дерновым стенам и заглядывали в окна.

— Как ярок твой сад! — сказал Гэндальф.

— Да, — сказал Бильбо. — Я и впрямь очень люблю его, и весь милый старый Шир, но, думаю, пора пришла.

— Так ты намерен продолжать свой замысел? — спросил Гэндальф.

— Да, намерен, — ответил Бильбо. — Я наконец решился. Мне и впрямь надо избавиться от Него.[9] «Хорошо сохранившийся», как же! — фыркнул он. — Да я весь какой-то истончившийся — будто растянутый, если понимаешь, о чём я: как бечёвка, что не вполне обхватывает свёрток, или — или — как масло, размазанное по слишком большому куску хлеба. А это неправильно.

---

[9] Примечания: 192

Это должно было быть первое, нарочито тёмное упоминание Кольца в повествовании. С сокращением и переделкой этой начальной беседы между Гэндальфом и Бильбо перед Угощением (с. 237) это упоминание было убрано, и впервые о нём заходит речь лишь после исчезновения Бильбо. ↩ [broken link: #rn29_9]

— Нет! — сказал Гэндальф задумчиво. — Нет. Смею думать, твой замысел — лучший, по крайней мере для тебя. По меньшей мере сейчас я не знаю ничего против него и не могу придумать ничего лучше.

— Да, пожалуй, это покажется малость тяжким для Бинго, — сказал Бильбо. — Но что я могу? Уничтожить его я не могу, а после того, что ты мне рассказал, и выбрасывать не стану, но оно мне не нужно, по правде, я его больше не выношу. Но ты ведь обещал мне, не так ли, приглядывать за ним и помочь ему, если понадобится, позже? Иначе, конечно, пришлось бы мне.

— Я сделаю для него что смогу, — сказал Гэндальф. — Но надеюсь, ты побережёшь себя.

— Беречь себя! Мне всё равно! — сказал Бильбо, а затем, вдруг перейдя на стихи (как делалось у него всё более привычным), он продолжал тихим голосом, глядя в окно с отрешённым взором:

[«Дорога…» и т. д., как в II.5.]

(Это отсылка к машинописи «Трое — компания», с. 53.) Весь этот новый отрывок, начиная со слов «Мне и впрямь надо избавиться от Него», был вычеркнут карандашом и помечен «Позже» (см. с. 237 и 239–240).

Текст продолжается: «Ещё больше повозок вка-

тилось в гору на следующий день, и ещё больше. Может, и было какое ворчание насчёт „местной торговли“» и т. д. (с. 20). С этого места в четвёртой версии (по сути той же, что третья и вторая, с. 31, 38, и что FR) пятая, разумеется, по большей части следует старым черновикам, причём «Бинго» меняется на «Бильбо», где нужно. К гостям на отборном званом ужине теперь добавлены члены семейств Гокроджер[10] (Гудбоди в FR) и Брокхаус: последние «жили вовсе не в Шире, а в Комбе-под-Бри, деревне на Восточной Дороге за Брендивайном. Считалось, что они отдалённо в родстве с Туками, но были также друзьями, которых Бильбо завёл в своих странствиях». Об этом см. «Вопросы и переделки», заметка 5, и мой комментарий к ней; ср. также первоначальную главу VII (с. 137), о хоббитах в «Гарцующем Пони»: «были и кое-какие (для хоббитов) обычные имена вроде Бэнкс, Лонгхолс, Брокхаус… не безызвестные среди более деревенских жителей Шира».

Любопытна точка, что на этой стадии на званом ужине в шатре под деревом было «восемь дюжин, или сто шестьдесят» гостей, а не 144, и в своей речи Бильбо сказал: «Ибо это, разумеется, и

---

[10] Примечания: 193

Гокроджер — английская (йоркширская) фамилия, означающая «неуклюжий Роджер». ↩ [broken link: #rn29_10]

день рождения моего наследника и племянника, Бинго. Вместе мы насчитываем сто шестьдесят. Ваше число было выбрано так, чтобы соответствовать этому примечательному итогу». Правки к предшествующей части главы связаны с этим: возраст Бинго при усыновлении был изменён с 27 на 37, так что, когда Бильбо было 111 (двенадцатью годами позже), Бинго было 49 — в сумме 160. Мой отец, разумеется, решил — раз Угощение было Бильбо, и оба, и он, и Бинго, присутствовали, — что значение числа гостей теперь должно относиться не, как прежде, к годам старшего хоббита, а к сумме их совокупных возрастов, но почему он не остался при 144 и не уменьшил соответственно возраст Бинго до 144 минус 111, сказать не могу.

Бильбо теперь поминает, что это годовщина его прибытия в бочке в Озёрный город, но вспышки, когда он сошёл вниз и исчез, ещё нет.

Эта часть текста вскоре была переработана — на деле ещё прежде, чем история продвинулась

намного дальше,[11] и в переписанной версии речи Бильбо число гостей возвращается к 144, Бинго становится 33 (это год его «совершеннолетия»), и есть слепящая вспышка света, когда он исчезает. Правка к более ранней части текста теперь снова изменила возраст Бинго при усыновлении, и окончательно — на 21.

В суматохе, что последовала за исчезновением Бильбо, был один, поражённый сильнее всех прочих: и то был Бинго. Какое-то время он сидел совсем молча на своём месте подле пустого кресла дяди, не отзываясь ни на какие замечания и вопросы, а затем, бросив Угощение на произвол судьбы, он незаметно выскользнул из шатра.[12]

«Что нам теперь делать?» Этот вопрос делался всё популярнее и громче. Вдруг услыхали, как

---

[11] Примечания: 194

Текстовая ситуация в этой части на деле устрашающе сложна: рукопись составлена из двух «слоёв», и более ранний из них составлен отчасти из новой рукописи, отчасти из машинописи четвёртой версии. Имея перед собою сами тексты, можно установить, как продвигался мой отец, но представлять эти подробности в печатной книге ни возможно, ни нужно. Доказуемо, что второй «слой», с пересмотренной датировкой жизни Бинго и вспышкой, сопроводившей исчезновение Бильбо, вошёл в ходе сочинения главы. ↩ [broken link: #rn29_11]

[12] Примечания: 195

Это, пожалуй, наводит на мысль, что Бинго не сообщили о «шутке» Бильбо; ср. набросок на с. 233: «Так что он даже не говорит Бинго о шутке». Карандашная правка и добавление изменили отрывок в сторону того, что в FR (с. 39):

Единственным, кто не сказал ничего, был Бинго, самый затронутый.

Чувства его были смешанны. С одной стороны, он оценил шутку (если никто другой не оценил). Она была вполне в его вкусе: ему хотелось бы смеяться и плясать от веселья, и он был благодарен, что ему дали вкусить полное и сладостное ожидание, ибо, с другой стороны, ему хотелось бы плакать. Он был безмерно привязан к Бильбо, и удар был сокрушителен. Неужто ему и впрямь не суждено больше его увидеть — даже проститься ещё раз? Он сидел какое-то время совсем безмолвно на своём месте… ↩ [broken link: #rn29_12]

старый Рори Брендибак, чьего рассудка не вполне затмили ни старость, ни удивление, ни огромный ужин, кричит: «Я не видел, как он ушёл. Да где он сейчас вообще? Где Бильбо — и Бинго тоже, чтоб его?» Хозяев нигде не было видно.

На самом деле Бильбо Бэггинс, ещё произнося речь, перебирал в кармане маленькое кольцо: своё волшебное кольцо, что столько лет хранил в тайне. Сходя вниз, он надел его — и больше его в Хоббитоне не видели.

Здесь входит совершенно новый элемент повествования, и явно в это самое время отрывок беседы между Гэндальфом и Бильбо внутри Бэг-Энда перед Угощением был по большей части вычеркнут и помечен «Позже» (с. 235–236); в это же время и эта беседа была заново продолжена с того места, где Бильбо говорит «Да, намерен. Я наконец решился», так (ср. FR, с. 33–34):

— Что ж, — сказал Гэндальф. — Вижу, ты намерен поступить по-своему. Надеюсь, всё обернётся хорошо — для всех нас.

— Надеюсь, — сказал Бильбо. — Так или иначе, я намерен повеселиться в четверг и сыграть свою маленькую шутку на свой лад.

— Что ж, надеюсь, ты будешь смеяться и через год в это же время, — сказал Гэндальф.

— И я надеюсь, что и ты будешь, — отозвался Бильбо.

Новая версия продолжается (со слов «и больше его в Хоббитоне не видели»):

Он бодро зашагал назад к своей норе и постоял с улыбкой, мгновение прислушиваясь к звукам веселья, что неслись из разных концов поля. Затем он вошёл. Он снял праздничную одежду, сложил и завернул в папиросную бумагу вышитый жилет с шёлковыми [> золотыми] пуговицами и убрал его. Затем он надел какую-то старую и неопрятную одежду[13] и из запертого нижнего ящика (разящего нафталином) достал старый плащ и старый капюшон, что, казалось, были отложены так бережно, будто были очень драгоценны, хоть и были так истрёпаны непогодой и заштопаны, что первоначальный их цвет (вероятно, тёмно-зелёный) едва ли можно было угадать. Они были ему великоваты. Он положил на каминную полку большой пухлый конверт, на котором было написано БИНГО.

Он выбрал свою любимую толстую палку с ве-

---

[13] Примечания: 196

Добавлено позднее:

и пристегнул кожаным поясом вокруг талии. На нём висел короткий меч в старых чёрных кожаных ножнах.

Ср. «Вопросы и переделки», примеч. 4, о Жале. ↩ [broken link: #rn29_13]

шалки в прихожей и затем свистнул. Из разных комнат, где они были заняты, появилось несколько гномов.

— Всё готово? — спросил Бильбо. — Всё упаковано [добавлено: и помечено]?

— Всё, — сказали они.

— Что ж, тогда тронемся. Лофар, ты, конечно, остаёшься [добавлено: для Гэндальфа]: позаботься, чтобы Бинго получил письмо на каминной полке в столовой, как только войдёт. Нар, Анар, Ханнар, готовы?[14] Хорошо. Идём.

Он ступил за порог парадной двери. Ночь была ясная и тихая, и чёрное небо полно звёзд. Он поглядел вверх, нюхая воздух. «Какая прелесть! — сказал он. — Как чудно снова тронуться в путь — на Дорогу с гномами: вот чего я по-настоящему жаждал годами». Он махнул рукой двери: «Прощай», — сказал он. Он отвернулся от огней и голосов в поле и шатров и, сопровождаемый тремя спутниками, обошёл к саду с западной стороны Бэг-Энда и засеменил вниз по длинной отлогой тропе. Они перепрыгнули низкое место в изгороди внизу и пустились по лугам, прошеле-

---

[14] Примечания: 197

Все эти четыре гномьих имени мой отец взял из того же источника в древнескандинавской «Старшей Эдде», что и имена в «Хоббите». ↩ [broken link: #rn29_14]

стев, как ветерок в травах.

У подножия Холма они вышли к воротам, открывавшимся на узкий просёлок. Когда они перелезали через них, из-под изгороди поднялась тёмная фигура в высокой шляпе.

— Привет, Гэндальф! — вскричал Бильбо. — Я гадал, объявишься ли ты.

— А я гадал, объявишься ли ты, — отозвался чародей, — или передумаешь.[15] Полагаю, ты чувствуешь, что всё прошло великолепно и точно так, как ты задумал?

— Да, — сказал Бильбо. — Хотя та вспышка была неожиданной: она меня изрядно испугала, не говоря об остальных. Твоя, полагаю, маленькая добавка?

— Моя, — ответил Гэндальф. — Ты мудро хранил то Кольцо в тайне все эти годы, и мне показалось необходимым дать им всем нечто, что, по их мысли, объяснило бы твоё внезапное исчезновение.

— Назойливый ты старый хлопотун, — рассмеялся Бильбо, — но, видно, тебе виднее, как всегда.

---

[15] Примечания: 198

Добавлено позднее:

Но я хочу лишь напоследок словцом перемолвиться с тобой. Ну-ка, добрые мои гномы, пройдите-ка немного вперёд по просёлку. Я вас долго не задержу! — Он повернулся к Бильбо. — Что ж, — сказал он, понизив голос. ↩ [broken link: #rn29_15]

— Виднее, — сказал Гэндальф, — когда я хоть что-то знаю. Но я не вполне уверен во всём этом деле. Всё же дело дошло до последней черты. Ты сыграл свою шутку, успешно встревожил или обидел всех своих друзей и родню и дал всему Ширу пищу для толков на девять дней (а скорее на девяносто девять). Намерен ли ты идти дальше?

— Да, намерен, — ответил Бильбо.[16] — Мне и впрямь надо избавиться от Него, Гэндальф. «Хорошо сохранившийся», как же, — фыркнул он. — Да я весь какой-то истончившийся — будто растянутый, если понимаешь, о чём я: как бечёвка, что не вполне обхватывает свёрток, или, или, как масло, размазанное по слишком большому куску хлеба. А это неправильно.

— Нет, — задумчиво сказал Гэндальф. — Нет. Я боялся, что до этого дойдёт. Смею думать, твой замысел — лучший, по крайней мере для тебя. По меньшей мере сейчас я не чувствую, что знаю довольно, чтобы сказать что-либо определённое против него.

— Что ещё мне делать? Уничтожить эту вещь я не могу, а после того, что ты мне рассказал, и

---

[16] Примечания: 199

С этого места ранее отвергнутая беседа между Бильбо и Гэндальфом перед Угощением (с. 235–236, там помеченная «Позже») берётся снова, хотя и не в том же виде, и сильно расширена. ↩ [broken link: #rn29_16]

выбрасывать её не стану. Как ни странно, я нахожу, что решиться на это невозможно, — я просто кладу его обратно в карман. Мне даже оставить его очень трудно! И всё же оно мне не нужно, по правде, я его больше не выношу. Но ты ведь обещал приглядывать за Бинго, не так ли, и помочь ему, если понадобится, позже? Иначе, конечно, я едва ли смог бы уйти. Пришлось бы остаться и мириться с этим.

— Я сделаю для него что смогу, — сказал Гэндальф. — Что ты с ним пока сделал?

— Оно в конверте с моим завещанием и прочими бумагами. Лофар отдаст его Бинго, как только тот войдёт.

— Дорогой мой Бильбо! И это при Ото Саквиль-Бэггинсе поблизости, да с этой его женой Лобелией! Право, ты делаешься безрассуден. И, полагаю, ты, как обычно, оставил дверь незапертой?

— Да, боюсь, что так. Сдаётся, Бинго ускользнёт домой раньше всех прочих.

— «Сдаётся» — недостаточно надёжно! Но, может, ты и прав. Он, конечно, об этом знает?

— Он знает, что у меня есть, или было, Кольцо:

он, во-первых, читал мои личные мемуары;[17] и у него есть также некоторое представление [> может быть догадка], что оно имеет и иные — э-э — действия, кроме как делать тебя порой невидимым. Но он не знает, или не знал, вполне, что я начинал к нему чувствовать. Но, в конце концов, раз уж его нельзя уничтожить, а можно лишь передать, — лучше всего передать его ему: я выбрал его как лучшего во всём Шире, и он мой наследник. Он знает, что я оставляю это ему со всем прочим. Не думаю, чтобы он попросил избавить его от этой ответственности и взял лишь деньги.

— А ведь он будет очень по тебе скучать, знаешь?

— Да, мне было очень трудно решиться. Это тяжко для него — но не слишком тяжко, думаю. Пришла пора ему стать самому себе хозяином. В конце концов, будь всё более — э-э — обыкновенно, он бы вскоре и так меня лишился, если уже не лишился бы. Жаль обманывать всех моих дорогих в надежде на пышные похороны — как же они все наслаждались похоронами Старого Тука, — но что поделать.

---

[17] Примечания: 200

Карандашное добавление здесь, вероятно, гласит: «(единственный, кто читал)»; см. примеч. 3. ↩ [broken link: #rn29_17]

— Он знает, куда ты идёшь?

— Нет! Я и сам, право, не уверен. И, думаю, это всем только к лучшему. Он мог бы захотеть последовать за мной.

— Я тоже мог бы. Надеюсь, ты побережёшь себя!

— Беречь себя! Мне всё равно. И не печалься обо мне: я счастлив, как никогда, а это говорит о многом. Но пора пришла. Меня несёт, — добавил он загадочно, а затем тихим голосом, словно про себя, тихо запел в темноте:

The Road goes ever on and on
Down from the Door where it began.
Now far ahead the Road has gone,
And I must follow if I can,
Pursuing it with weary feet,
Until it joins some larger way,
Where many paths and errands meet.
And whither then? I cannot say.

Дорога всё бежит вперёд
от Двери, где её исток.
Далёко Путь уже пролёг,
и я вослед, покуда мог,

усталой поспешая стопой,
пока не вступит в путь большой,
где сходятся и путь, и труд.
А дальше что? — мне не дано.[18]

Он умолк на миг. Затем — «Прощай, Гэндальф!» — вскричал он и пустился в ночь. Нар, Анар и Ханнар последовали за ним.[19] Гэндальф постоял у ворот немного, а затем перепрыгнул через них и направился в гору.[20]

Видно, что в этом отрывке, столь отличном от того, что занимает то же место в повествовании в FR, с. 40–44, мой отец размышлял о действии Кольца на его обладателя примерно в том же ключе, что и в главе о Голлуме («предисловии»), с. 79–80. Более того, в FR беседа — и ссора — между

---

[18] Примечания: 201

Эти стихи возникли в первоначальной форме главы «Трое — уже компания» (с. 47, 53), где они теперь сделаются воспоминанием о стихах Бильбо многолетней давности. Обе версии одинаковы, за исключением того, что в строках 4 и 8 форма Бильбо здесь имеет «я» вместо «мы». В FR (с. 44, 82) обе версии имеют «я», не «мы», но в версии Бильбо в 5-й строке стоит eager («жадно»), где у Фродо weary («устало»). В нынешнем тексте eager надписано над weary, и с этим изменением в данном случае достигнута окончательная форма (см. с. 284, примеч. 10). ↩ [broken link: #rn29_18]

[19] Примечания: 202

Это предложение было вычеркнуто, когда было сделано добавление, приведённое в примеч. 15. ↩ [broken link: #rn29_19]

[20] Примечания: 203

Остаток этой части текста — в очень черновом карандашном виде, причём ему предшествует правка последнего отрывка чернилами: «Прощай, Гэндальф!» — вскричал он и пустился в ночь. Гэндальф постоял у ворот мгновение, вглядываясь в темноту ему вслед. «Adieu, дорогой мой Бильбо, — сказал он, — или au revoir». [Это было помечено крестиком: Гэндальф не стал бы прибегать к французскому, сколь бы полезно ни было различие.] И затем он перепрыгнул через низкие ворота и быстро направился в гору. «Если застану Лобелию шныряющей вокруг, — пробормотал он, — обращу её в ласку!»

Но тревожиться ему было не о чем. В Бэг-Энде он застал Бинго сидящим на стуле в прихожей с конвертом в руке. Тот отказался иметь ещё что-либо общее с угощением. ↩ [broken link: #rn29_20]

Бильбо и Гэндальфом происходит в Бэг-Энде, так что элементы нынешней версии — тревога Гэндальфа о Кольце, оставленном без присмотра в конверте в Бэг-Энде, и его подъём в гору на поиски Бинго — не возникают; Гэндальф сидел там, ожидая его, когда тот вошёл.

Уборка после угощения следует, разумеется, прежней версии (FR, с. 45), но конец главы существует в двух вариантных формах, помеченных как таковые. Один из вариантов, гораздо длиннее другого и ему предшествующий, сам сильно изменён. Рассмотрим сперва его: список подарков остаётся тем же, с некоторыми дальнейшими изменениями в именах.[21] С «Конечно, это была лишь часть подарков» новый текст подступает очень близко к форме в FR (с. 46–47), с размышлениями о захламлённой природе хоббичьих нор

[21] Примечания: 204

Зонт достаётся теперь не Манго Туку, а Уффо Туку (Аделард Тук в FR). Семолина Бэггинс становится сестрой Дрого, 92 лет (в FR это Дора Бэггинс, 99 лет). Перина достаётся теперь не Фоско Болджеру (что был дядей Бинго, когда тот ещё был Болджером), а Ролло Болджеру (столь же подходящему получателю), «от его друга»; Ролло Болджер пережил своё смещение с роли мужа Примулы Брендибак и гибель от утопления в Брендивине. «Несколько витиеватый» обеденный сервиз достаётся Примо (не Иниго) Граббу; и Хорнблоуэр, получивший барометр, меняется теперь с Косимо (через Карамбо) на Коломбо. Карамелла Чабб, Орландо Барроуз (так написано), Анжелика Бэггинс, Хьюго Брейсгердл и, конечно, Лобелия Саквиль-Бэггинс остаются, и их дары тоже. О более ранних списках см. с. 15, 32–33, 38. ↩ [broken link: #rn29_21]

(о чём Бинго заметил: «Скоро в Бэг-Энде ни присесть будет негде из-за табуретов, ни времени не узнать из-за часов»), и с дарами Жихарю Скромби (но собрание Бильбо волшебных игрушек, с. 33, 38, всё ещё остаётся); дюжина бутылок «Старого Виньярдса» достаётся Рори Брендибаку и, как сказано, происходит из «южного Шира», ещё не Южной Чети.

От «не отдали ни пенни, ни ломаного гроша» идёт отвергнутый текст и замена, различающиеся между собой главным образом расположением элементов. Как написано спервa, Саквиль-Бэггинсы вводятся сразу, требуя показать завещание — что приводится целиком;[22] затем следует слух, будто всё содержимое Бэг-Энда раздаётся, и «в разгар суматохи» Бинго застаёт Лобелию за

---

[22] Примечания: 205

«Вот как гласило завещание:
Бильбо (сын Банго, сына Манго, сына Иниго) Бэггинс, в дальнейшем именуемый завещателем, ныне отбывающий, будучи законным владельцем всех нижепоименованных имуществ и благ, сим завещает, передаёт и отказывает недвижимость и усадьбу, или жилую нору, известную как Бэг-Энд, что Под Холмом, близ Хоббитона, со всеми землями, к ней принадлежащими и присовокупленными, своему кузену и приёмному наследнику Бинго (сыну Дрого, сына Того, сына Бинго, сына Иниго) Бэггинсу, в дальнейшем именуемому наследником, дабы тот владел, держал, обладал, занимал, отдавал внаём, продавал или иным образом распоряжался по своему усмотрению, начиная с полуночи двадцать второго дня сентября в сто одиннадцатый, или сто-одиннадцатый, год вышепоименованного Бильбо Бэггинса. Сверх того вышепоименованный завещатель завещает и

отказывает вышепоименованному наследнику все деньги в золоте, серебре, меди, латуни или олове, и все безделушки, доспехи, оружие, неотчеканенные металлы, самоцветы, драгоценности или дорогие камни, и всю мебель, принадлежности, блага тленные и нетленные, и движимое и недвижимое имущество, принадлежащее завещателю и по отбытии его найденное помещённым, хранимым, складированным или сокрытым в любой части означенной норы и резиденции Бэг-Энд или земель, к ней присовокуплённых, за исключением лишь тех благ или движимого имущества, что означены в прилагаемой описи и кои выбраны и назначены прощальными дарами друзьям завещателя и кои наследник разошлёт, доставит или вручит по своему удобству. Завещатель сим отрекается от всех прав и притязаний на все эти имущества, земли, деньги, блага или движимость и желает всем своим друзьям прощания. Подписано: Бильбо Бэггинс.

Ото, что был стряпчим, внимательно прочёл этот документ и фыркнул. Тот был, по всей видимости, верен и неоспорим, согласно правовым понятиям хоббитов. „Снова обошли!“ — сказал он жене…» (и т. д., как в FR, с. 47). ↩ [broken link: #rn29_22]

обыском, выпроваживает трёх юных хоббитов и схватывается с Санчо Гордоступом;[23] и отрывок завершается словами «Дело в том, что деньги Бильбо сделались легендой…» (FR, с. 48).

В тексте-замене достигнуто строение, что в FR (с. 47–48), с единственным важным отличием, что роль Мерри взята гномом Лофаром, оставшимся после ухода Бильбо (с. 238); и единственные мелкие отличия от FR в том, что Ото Саквиль-Бэггинс всё ещё стряпчий, указана дата вступления Бинго в наследство (полночь 22 сентября), завещание было засвидетельствовано тремя хоббитами старше 33 лет, по обычаю, и Саквиль-Бэггинсы «более чем намекали, что он, или чародей (или оба они вместе), были корнем всего дела». Обмена репликами между Фродо и Мерри о том, что Лобелия зовёт Фродо Брендибаком, разумеется, нет — Бинго просто «затворил за нею дверь с гримасой».

Краткий вариант очень краток и принят не был. Большая толпа, прибывшая в Бэг-Энд наутро после угощения, не делает ничего, кроме как уходит восвояси, завидев на воротах объявление, гласящее: «Господин Бильбо Бэггинс уехал.

---

[23] Примечания: 206

«Сын старого Гордоступа» (в FR «внук старого Одо Гордоступа», с. 48). ↩ [broken link: #rn29_23]

Других вестей нет. Если дело ваше не спешное, прошу не стучать и не звонить. Бинго Бэггинс». Саквиль-Бэггинсы «сочли, что их дело спешное. Они стучали и звонили несколько раз». Впущенные Лофаром Гномом, остальное в отрывке такое же, как в (переработанном) длинном варианте и в FR, — беседа Бинго с Саквиль-Бэггинсами в кабинете, кончающаяся тем, что Бинго велит Лофару не открывать парадную дверь даже под таранами (и опуская очистные действия против трёх юных хоббитов и Санчо Гордоступа). Так весь «спектакль» с подарками и нашествие на Бэг-Энд в этом варианте были устранены. О намерении моего отца здесь см. с. 276.

Появление Гэндальфа в Бэг-Энде теперь входит в повествование и начинается почти в точности как в FR (с. 48), но вскоре в беседу входят значительные отличия — с того места, где Гэндальф говорит Бинго «Что ты уже знаешь?» (FR, с. 49):

— Только рассказ Бильбо о том, как он его раздобыл,[24] у этого создания, Голлума, и как он пользовался им после — в путешествии, я хочу

---

[24] Примечания: 207

Это предложение было продолжено карандашом так:
«Лишь то, что сказано в прощальном письме Бильбо: „Вот Кольцо. Прошу, прими его. Береги его и себя. Спроси Гэндальфа, если захочешь узнать больше“. И, конечно, я читал и слышал рассказ Бильбо о том, как он его раздобыл…» ↩ [broken link: #rn29_24]

сказать. Не думаю, чтобы он много пользовался им, вернувшись домой; хотя порой довольно загадочно исчезал (или становился неотыскиваемым), если что-то выходило некстати. Однажды на прогулке мы завидели приближающихся Саквиль-Бэггинсов, и он исчез, а вышел из-за изгороди, когда они прошли мимо.[25] У невидимости есть свои преимущества.

— Но есть у неё и свои неудобства. Большого вреда нет от неё как от шутки, ни даже чтобы избегать «неудобств», — но и за эти вещи приходится платить. К тому же делать тебя невидимым по желанию — не единственное свойство Кольца.

— Я понимаю, о чём ты, — сказал Бинго. — Бильбо как будто не очень менялся. Его звали «хорошо сохранившимся». Но, должен сказать, и в этом, по-моему, есть свои преимущества. Не возьму в толк, отчего милый старик оставил Кольцо.

— Нет, думаю, пока не возьмёшь. Но со временем можешь обнаружить и неудобства этого. Вот, к примеру: в последние годы Бильбо был немного беспокоен, не так ли?

---

[25] Примечания: 208

Это упоминание об исчезновении Бильбо, когда он завидел приближающихся Саквиль-Бэггинсов, было вычеркнуто карандашом с пометой «Вставить позже». См. с. 300. ↩ [broken link: #rn29_25]

— Да, и довольно давно.

— Что ж, думаю, и это был симптом. Не хочу тебя пугать, но хочу, чтобы ты был осторожен. Береги Кольцо, и береги себя, и следи за собой. Не пользуйся Кольцом,[26] и не давай ему забрать над тобой больше — э-э — власти, чем сможешь избежать. Храни его в тайне и дай мне знать, если услышишь, увидишь или почувствуешь что-нибудь хоть сколько-нибудь странное.

— Ладно. Но к чему всё это?

— Я не вполне уверен. Начинаю догадываться, и догадки мне не нравятся. Но теперь я отправляюсь разузнать сколько смогу. Пока не сделаю этого, больше ничего не скажу — лишь предостеречь тебя и пообещать ту помощь, какую смогу дать.

— Но ты говоришь, что уходишь?

— Да, на время. Но ты в любом случае будешь в безопасности год или два. Не тревожься. Я приду повидать тебя снова, как только смогу, — потихоньку, понимаешь. Не думаю, что стану ещё много разъезжать по Ширу открыто. Я, оказыва-

---

[26] Примечания: 209

«Не пользуйся Кольцом» было вычеркнуто карандашом, с заменой на «Если послушаешь моего совета, ты не станешь пользоваться Кольцом»; и перед словами «Храни его в тайне» в следующем предложении было добавлено «Но всегда держи его при себе». ↩ [broken link: #rn29_26]

ется, сделался довольно непопулярен: говорят, я докука и нарушитель покоя, а иные обвиняют меня в том, что я свёл Бильбо со свету. Полагают, будто это маленький заговор между мной и тобой (коли хочешь знать).

— Это похоже на Ото и Лобелию.[27] Какая возмутительность! Хотел бы я только знать, отчего и куда ушёл старина Бильбо. Ты знаешь? Думаешь, я мог бы нагнать его или отыскать, если бы тронулся сейчас же? Я бы отдал Бэг-Энд и всё, что в нём, Саквиль-Бэггинсам, если б мог это сделать.

— Не думаю, что стал бы пытаться. Дай бедному Бильбо избавиться от Кольца — что он мог сделать (неохотно) лишь передав его тебе, на время.[28] Сделай, как он желал и надеялся.

— Что же это?

— Живи здесь; держи Бэг-Энд; стереги Кольцо — и жди.

— Ладно — я попробую; но я предпочёл бы от-

---

[27] Примечания: 210

В этой версии Ото и Лобелия чуть ли не прямо сказали это Бинго (с. 241) — отрывок, отсутствующий в FR. ↩ [broken link: #rn29_27]

[28] Примечания: 211

Это было переписано карандашом: «Не думаю, что стал бы пытаться. Не думаю, что это порадовало бы или помогло Бильбо. Дай ему избавиться от Кольца — что он может сделать, лишь если ты примешь его, на время». ↩ [broken link: #rn29_28]

правиться за Бильбо.[29] Не знаю, симптом ли это, как ты говоришь, — хотя Кольцо у меня лишь день, а то и меньше?

— Нет, ещё нет. Это всего лишь значит, что ты любил Бильбо. Он знал, что тебе будет тяжко. Ему горько было покидать тебя. Но вот так. Может, мы все поймём это лучше прежде конца. Теперь я должен проститься. Высматривай меня — в любое время, особенно в самое неурочное. Если я и впрямь тебе понадоблюсь, пошли весть ближайшим гномам: я постараюсь дать им некое знание о том, где я.[30] Прощай!

Бинго проводил его. Гном Лофар пошёл с ним, неся большой мешок. Они зашагали прочь по тропе к воротам на удивление споро,[31] но Бинго показалось, что чародей как-то согбен, почти буд-

---

[29] Примечания: 212

Это было переписано карандашом: «Ладно — я попробую. Но я хочу последовать за Бильбо. Думаю, в конце концов я так и сделаю, если только не будет тогда уже слишком поздно когда-либо отыскать его». ↩ [broken link: #rn29_29]

[30] Примечания: 213

Это предложение («Если я и впрямь тебе понадоблюсь…») было взято в скобки (чернилами) для вероятного исключения. ↩ [broken link: #rn29_30]

[31] Примечания: 214

Это было переписано карандашом:

Бинго проводил Гэндальфа до двери. Там ждал гном Лофар. Он выскочил, как только дверь отворилась, и подхватил большой мешок, что стоял на крыльце. «Прощай, Бинго, — сказал он, низко кланяясь. — Я

иду с Гэндальфом». «Прощай», — сказал Бинго. Гэндальф напоследок махнул рукой и, с гномом подле себя, зашагал прочь по тропе на удивление споро…

В конце главы мой отец написал: «Может, изменить это — Кольцо у Гэндальфа. Встреча у ворот условлена заранее: кольцо передаётся там. Последний визит Гэндальфа — чтобы отдать его Бинго?» Он вычеркнул это и написал против «Нет». Это, на деле, и было его мыслью, когда он писал набросок, приведённый на с. 233, где Бильбо должен «проститься с Гэндальфом у ворот, вручить ему свёрток (с Кольцом) для Бинго и исчезнуть». ↩ [broken link: #rn29_31]

то сгибается под тяжкой ношей. Вечер смыкался, и вскоре он растаял в сумерках. Бинго долго не видел его снова.

Примерно в это время мой отец написал новое экспериментальное начало главы, в котором факты и утверждения о семейной истории передавались через разговор Жихаря Скромби, Старого Ноукса и мельника Сэндимена в «Плюще». Упоминание Сэма Скромби как садовника Бэг-Энда показывает, что оно на деле было написано после второй главы, «Древняя история», что ныне следует; ибо, существуй этот текст уже, мой отец не стал бы давать объяснение, кто такой Сэм Скромби, когда тот появляется в «Древней истории» (с. 253). Но удобно отметить его здесь.

Эта версия разговора имела ещё немалый путь, прежде чем достигла формы в FR (с. 30–32). Начало главы теперь должно было быть сильно сжато:

Когда господин Бильбо Бэггинс из Бэг-Энда, что Под Холмом, объявил, что вскоре будет праздновать своё сто-одиннадцатилетие угощением особого великолепия, в Хоббитоне поднялось много толков и волнения. Вскоре молва о событии разнеслась по всему Ширу, и история и нрав господина Бэггинса снова сделались самым любимым предметом разговоров. Стари-

ки, что помнили кое-что о странных событиях шестьдесят лет назад, вдруг обнаружили свои воспоминания в спросе и поднимались к лестному случаю с занятной выдумкой, когда голых фактов им не хватало.

Ни у кого не было более внимательных слушателей, чем у старого Хэма Скромби, известного в общем как Жихарь. Он держал речь в «Плюще»,[32] маленьком трактире на Приречном тракте, и говорил он с некоторым весом, ибо ухаживал за садом в Бэг-Энде полвека, а прежде того помогал в том же деле отцу. Теперь же, состарившись и сделавшись скрипуч в суставах, он передал дело одному из своих сыновей, Сэму Скромби.

Предмет Бинго трактуется так:

— А что насчёт этого господина Бинго Бэггинса, что живёт с ним? — спросил старый Ноукс из

[32] Примечания: 215

«Плющ»: изменено во время написания из «Зелёного Дракона». См. примеч. 33. ↩ [broken link: #rn29_32]

Приречья.[33] — Слыхал я, он входит в возраст в тот же день.

— Верно, — сказал Жихарь. — У него тот же день рождения, что у господина Бильбо, двадцать второго сентября. Это вроде как связь меж ними, можно сказать. Да и ладят они на удивление хорошо, и так все последние двенадцать лет, с тех пор как господин Бинго явился в Бэг-Энд. Очень схожи во всём, они-то, состоя в близком родстве. Хотя господин Бинго по правде наполовину Брендибак, а это чудной народец, как я слыхал. Они балуются с лодками да водой, а это неестественно. Немудрено, что вышла из того беда, скажу я.

В остальном: господин Двуног с Бэгшот-Роу не появляется; Горбодука Брендибака Жихарь зовёт «главой семьи, и важной персоной там, в Баклленде, как мне сказывали»; мельник не намекает, что в утоплении Дрого Бэггинса с женою было что-то более зловещее, нежели вес Дрого; хоббит, что

---

[33] Примечания: 216

старый Ноукс из Приречья: изменено во время написания из Тед Сэндимен, сын мельника. Это ещё одно указание на то, что эта версия начала «Долгожданного угощения» следовала за «Древней историей», где сын мельника звался Том до самого её конца (с. 269, примеч. 9). Разговор между Сэмом Скромби и Тедом Сэндименом в «Древней истории» происходил в «Зелёном Драконе» в Приречье, и мой отец, вероятно, переменил место встречи приятелей Жихаря Скромби на «Плющ» (примеч. 32) по той же причине, по какой заменил сына мельника Старым Ноуксом. ↩ [broken link: #rn29_33]

заводит речь о туннелях, набитых сокровищами внутри Холма, — не «приезжий из Мичел-Дел-винга», а «один из приречных хоббитов»; и есть много различий в выражениях.

Родословная

Привожу здесь столько из родословной Бильбо и Бинго, сколько установлено из текста на эту пору. Происхождение Бэггинсов выведено из завещания Бильбо (примеч. 22); имена в скобках — те, что отличаются в LR, Приложение C, «Бэггинсы из Хоббитона».

[Здесь в оригинале помещено генеалогическое древо Бэггинсов и Туков.]

Старый Тук, очевидно, уже мыслился имевшим много детей помимо своих «трёх замечательных дочерей» (см. примеч. 8).

Глава 15. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Глава, озаглавленная «II: Древняя история», предшественница «Тени прошлого» в FR, была теперь введена, чтобы следовать за «Долгожданным угощением». Она имеет центральное значение в эволюции «Властелина Колец»: ибо именно здесь в самом повествовании возникли замысел Правящего Кольца и Сэм Скромби как спутник Бинго (Фродо) в его великом путешествии. Нет и следа более раннего черновика, кроме нескольких заметок, столь отрывочных и бессвязных, что их едва ли можно воспроизвести. В них мой отец набросал важнейшие черты жизни Бинго после исчезновения Бильбо и впервые измыслил историю собственного ухода Бинго 17 лет спустя, отмеченного званым обедом для Мерри, Фродо и Одо (данным здесь, по-видимому, на средства от продажи Бэг-Энда). Против этих заметок мой отец написал: «Сэма Скромби на место Одо» (ср. «Вопросы и переделки», с. 221).

Рукопись черновая, а местами и вовсе очень черновая, но читаемая практически на всём протяжении. Есть некоторая правка более поздней

поры, здесь не учитываемая, и немало карандашных изменений, о которых в иных случаях можно видеть, что они сделаны, пока глава ещё писалась. Эти последние я принимаю в текст, но в иных случаях ссылаюсь в примечаниях на текст, как он был написан сперва.

Толки не утихли ни за девять, ни даже за девяносто девять дней. Второе и окончательное исчезновение господина Бильбо Бэггинса обсуждали в Хоббитоне и Приречье, да и по всему Ширу, год и один день, а помнили много дольше того. Оно сделалось историей у очага для юных хоббитов, и в конце концов (век спустя или около того) Полоумный Бэггинс, что, бывало, исчезал с хлопком и вспышкой и являлся вновь с мешками золота и самоцветов, стал любимым персонажем предания и жил долго после того, как все подлинные события были забыты.

Но тем временем трезвые взрослые мало-помалу утвердились во мнении, что Бильбо наконец (после долгих признаков надвигающегося) внезапно сошёл с ума и убежал в синюю даль, где неизбежно свалился в яму или пруд и пришёл к трагическому, но едва ли безвременному концу. Одним Бэггинсом стало меньше, и дело с

концом.[1] Перед лицом свидетельств, что это исчезновение было приурочено и устроено самим Бильбо, Бинго в конце концов был избавлен от подозрений. Было также ясно, что уход Бильбо был ему горем — большим, чем кому-либо иному даже из ближайших друзей Бильбо. Но Гэндальфа сочли в итоге ответственным за подстрекательство и поощрение «бедного старого господина Бильбо» ради собственных тёмных и неведомых целей.

— Вот если бы только этот чародей оставил молодого Бинго в покое, может, он и угомонился бы и нажил толику хоббитского здравомыслия, — говорили они. И, по всей видимости, чародей-таки оставил Бинго в покое, и тот-таки угомонился, хотя прирост хоббитского здравомыслия был не столь заметен. И впрямь Бинго тотчас перенял дядюшкину славу чудака. Он отказался носить траур, а на следующий год дал угощение в честь 112-го дня рождения Бильбо, которое назвал Стопудовым угощением, — хотя приглашены были лишь немногие друзья, и они едва ли съели меж собою хоть пуд. Народ был несколько задет, но он держался обычая давать «угощение в день

---

[1] Примечания: 217

Этот отрывок восходит к первоначальной версии «Долгожданного угощения» (с. 17). ↩ [broken link: #rn31_1]

рождения Бильбо» год за годом, пока к этому не привыкли. Он говорил, что не считает Бильбо мёртвым. Когда же его спрашивали: «Где же он тогда?» — он пожимал плечами.[2] Жил он один, но много разъезжал с некоторыми из младших хоббитов, к которым Бильбо был привязан, и продолжал их «поощрять». Главными из них были Мериадок Брендибак (обыкновенно звавшийся Мерри), Фродо Тук и Одо Болджер.[3] Мерри был сыном Карадока Брендибака (кузена Бинго) и Иоланды Тук и тем самым кузеном Фродо, сына Фолко (чьей сестрой была Иоланда). Фродо, или Фродо Второй, был праправнуком Фродо Первого (иначе известного как Старый Тук) и наследником и довольно отчаянной надеждой Норы Туков, как звался этот клан. У Одо тоже была мать из Туков, и он приходился двум другим троюрод-

---

[2] Примечания: 218

Этот отрывок восходит к четвёртой версии «Долгожданного угощения» (с. 37), а отчасти и впрямь к третьей (с. 29), когда Бильбо был отцом Бинго. ↩ [broken link: #rn31_2]

[3] Примечания: 219

Одо Болджер: доныне Одо был Одо Тук — или, по крайней мере, он был ещё Одо Туком, когда его фамилию поминали в последний раз, что было в первоначальном тексте главы «Бри» (с. 141, примеч. 5). В начале Одо Тук мог сказать Бинго не быть «как Болджер» (с. 49), но, быть может, мой отец почувствовал, что у Одо развились сильные болджеровские черты по ходу повествования. Мать, впрочем, у него остаётся из Туков. ↩ [broken link: #rn31_3]

ным братом.[4] С ними Бинго и разъезжал (часто в неопрятной одежде) и исходил весь Шир. Он часто бывал в отлучке. Но он продолжал тратить деньги расточительно, и впрямь расточительнее, чем Бильбо. И их всё ещё, казалось, было вдоволь, так что чудачества его, естественно, спускали, насколько возможно. Со временем, правда, стали примечать, что и Бинго являет признаки доброй «сохранности»: внешне он удерживал облик крепкого, рослого и ладно сложённого хоббита, только-только вышедшего из «недорослей». «Иным всё везенье», — говорили они, разумея это завидное сочетание наличности и сохранности, но не придавали тому никакого особого значения, даже когда Бинго стал подходить к более степенному возрасту в 50 лет.

---

[4] Примечания: 220

Этот отрывок, от слов «Мерри был сыном Карадока Брендибака», был взят в квадратные скобки, по-видимому, во время написания. Родословие (часть которого появлялась прежде, с. 100), конечно, очень отлично от окончательной формы, но когда видишь, что Фродо Тук занимает в «древе» место, впоследствии занятое Перегрином Туком (Пиппином), оно тотчас делается куда ближе. В нижеследующей таблице имена в LR (Приложение C, «Туки из Больших Смиалов») даны в скобках.

[Здесь в оригинале помещена генеалогическая таблица Туков.]

Поскольку Карадок Брендибак, отец Мерри, здесь назван кузеном Бинго, можно предположить, что родословие, данное в родовом древе Брендибаков в LR, уже наличествовало, то есть Карадок был сыном Старого Рори, брата матери Бинго, Примулы. Что Рори Брендибак был дядей Бинго, в LR прямо нигде не сказано, хотя, конечно, это явствует из родового древа, но это явствует в отвергнутых версиях эпизода с

фермером Мэгготом (с. 289, 296) и снова позднее (с. 385–386).
Мерри Брендибак и Фродо Тук — праправнуки Старого Тука, как Мерри и Пиппин в LR. ↩ [broken link: #rn31_4]

Сам Бинго, после первого потрясения утраты и перемены, скорее наслаждался тем, что сам себе хозяин и господин Бэггинс из Бэг-Энда. Какое-то время, и впрямь несколько лет, он был очень счастлив и не много думал о будущем. Он знал, конечно, если не знал никто другой, что деньги не безграничны и быстро тают. Деньги уходили в те дни на диво далеко, и многое можно было раздобыть и без них, но Бильбо за шестьдесят лет сделал большие набеги на своё наследство и нажитые сокровища и спустил по меньшей мере 500 золотых на то последнее Угощение.[5] Так что конец пришёл бы рано или поздно. Но Бинго не тревожился: глубоко внутри, хоть и подавленное, в нём всё ещё оставалось желание последовать за Бильбо или, во всяком случае, покинуть Шир и уйти в синюю даль или куда заведёт случай.

Однажды, думал он, он так и сделает. По мере того как он подходил к 50 — числу, что почему-то казалось ему значимым (или зловещим): во всяком случае, именно в этом возрасте приключение впервые настигло Бильбо, — он стал думать об

---

[5] Примечания: 221

Этот отрывок восходит к третьей версии «Долгожданного угощения» (с. 34). «500 золотых» было позднее изменено на «500 двойных драконов (золотых монет высшей ценности в Шире)», но это не было перенято в следующую версию «Древней истории», что возвращается к «500 золотым»; шестьдесят лет: 111 без 51 (см. с. 31). ↩ [broken link: #rn31_5]

этом серьёзнее. Он чувствовал беспокойство. Он, бывало, разглядывал карты и гадал, каково там, за их краями: хоббичьи карты, что делались в Шире, не простирались далеко на восток или запад от его границ. И он начал порой ощущать некое истончение, будто его растянули на множество дней, недель и месяцев, а сам он там как-то не вполне присутствует. Объяснить это Гэндальфу яснее он не мог, как ни старался. Гэндальф задумчиво кивал.

Гэндальф снова взял обыкновение наведываться к нему — тихо и тайно, и обыкновенно когда никого не было поблизости. Он выстукивал условный знак в окно или дверь, и его впускали: к его приходу обыкновенно было темно, и, пока он гостил, наружу не выходил. Уходил он снова, часто без предупреждения, либо ночью, либо ранним-ранним утром до восхода. Единственными, кто, кроме Бинго, знал об этих визитах, были Фродо и Мерри; хотя, без сомнения, народ в округе ловил взглядом, как он идёт по дороге или полями, и чесал в затылке, то ли пытаясь вспомнить, кто он, то ли гадая, что он затевает.

Гэндальф объявился снова впервые года через три после ухода Бильбо, оглядел Бинго, выслушал мелкие новости Шира и вскоре ушёл опять, видя,

что Бинго всё ещё вполне устроен. Но он возвращался раз или два каждый год (кроме ещё одного долгого перерыва почти в два года) вплоть до четырнадцатого года. Бинго было тогда 47. После того он стал приходить часто и гостить дольше.[6] Он начал тревожиться о Бинго; да и странные вещи творились. Молва о них стала достигать ушей даже самых глухих и захолустных хоббитов. Бинго слышал куда больше всякого иного хоббита Шира, ибо, конечно, продолжал привычку Бильбо привечать гномов и чудных пришлецов и даже изредка навещать эльфов. Его близкие друзья Мерри и Фродо, во всяком случае, верили, что эльфы к нему дружественны [взято в скобки во время написания: и что он знал некоторые из их немногих укромных мест. Это и впрямь было

---

[6] Примечания: 222

Визиты Гэндальфа в Хоббитон. В «Повести Лет» (LR, Приложение B) Прощальное угощение Бильбо состоялось в 3001-м; Гэндальф навещал Фродо в 3004–3008 годах, последний визит — осенью 3008-го; и вернулся окончательно в апреле 3018-го (через 9 с половиной лет): 50-й день рождения Фродо был в сентябре того года, когда он покинул Бэг-Энд. Ср. FR, с. 55.

В нынешнем тексте также был перерыв в три года после Угощения, прежде чем Гэндальф пришёл снова; но затем он приходил раз или два каждый год, с одним перерывом в два года, вплоть до 14-го года после Угощения, когда Бинго было 47, а после того «часто». Отрывок был впоследствии переписан так:

…видя, что Бинго всё ещё вполне устроен. После того он возвращался несколько раз, пока вдруг не исчез. Бинго не слышал о нём вестей между 7-м и 14-м годами после ухода Бильбо, когда Гэндальф внезапно

объявился вновь одной зимней ночью. После того чародей приходил часто и гостил дольше.

О годе, в который происходил разговор в «Древней истории» (это было в месяце апреле, с. 254), см. примеч. 8. ↩ [broken link: #rn31_6]

чистой правдой. Бильбо научил Бинго всему, что знал сам, и даже наставил его в том, что узнал из двух эльфийских языков, употребительных в те времена и в тех местах (эльфами между собою). Эльфов в самом Шире было очень мало, и видел их редко кто, кроме Бильбо и Бинго. Это во время написания было заменено на:] и что он знал кое-что об их тайных языках — выученных, вероятно, у Бильбо. И они были совершенно правы.

И эльфы, и гномы были встревожены, особенно те, что изредка приходили или проходили мимо, явившись издалека, с Востока или Юга. Однако они редко говорили что-либо вполне определённое. Но они постоянно поминали Некроманта, или [Тёмного Владыку >] Врага, и порой ссылались на Землю Мор-дор и Чёрную Башню. Казалось, Некромант снова приходит в движение и что уверенность Гэндальфа, будто Север будет избавлен от него на многие века, не оправда-

лась.[7] Он бежал из Лихолесья лишь затем, чтобы снова занять свою древнюю твердыню на Юге, близ середины мира в те дни, в Земле Мордор, и ходил слух, что Чёрная Башня воздвигнута заново. Уже его власть снова выползала на земли, и горы и леса омрачались. Люди были беспокойны и двигались на Север и Запад, и многие, казалось, ныне отчасти или вполне под владычеством Тёмного Владыки. Были войны, и было много пожаров и разорения. Гномы росли в страхе. Гоблины снова множились и появлялись вновь. Тролли нового и наизлобнейшего рода бродили окрест; поговаривали о великанах — Большом Народе, только куда крупнее и сильнее Людей, [?обычного] Большого Народа, и не глупее, а и впрямь нередко полных хитрости и колдовства.

---

[7] Примечания: 223

Это ссылка на «Хоббита», главу XIX «Последняя стадия»:

…они наконец изгнали Некроманта из его тёмного логова на юге Лихолесья.

«Уже скоро, — говорил Гэндальф, — Лес станет несколько здоровее. Север избавлен от того ужаса на многие века».

В своём экземпляре шестого тиснения (1954) мой отец изменил слова Гэндальфа так, чтобы читалось: «Север будет избавлен от того ужаса на многие долгие годы, надеюсь». Это текст из третьего издания (1966).

Нижеследующий отрывок — первое ясное, хоть и весьма общее, утверждение о том, где лежала Земля Мордор; см. с. 218, примеч. 17. Ср. также рассказ Гэндальфа о пути Голлума (с. 264): «его след убегал также на юг, далеко южнее того места, где я на него на самом деле набрёл» (что было в Лихолесье). ↩ [broken link: #rn31_7]

И были смутные намёки на существа или твари ужаснее гоблинов, троллей или великанов. Эльфы исчезали или неуклонно странствовали на запад.

В Хоббитоне стали поговаривать о чудном народе, что бродил окрест и часто забредал за границы. Нижеследующий отчёт о разговоре в «Зелёном Драконе» в Приречье однажды вечером [примерно в это время >] весной 49-го? 50-го? [sic] года Бинго[8] даст некоторое представление о настроении в воздухе.

Сэм Скромби (старого Жихаря Скромби [старший >] младший сын и неплохой садовник-подёнщик) сидел в углу у огня, а напротив него — Тед Сэндимен,[9] сын мельника из Хоббитона, и было ещё несколько разных деревенских хоббитов, что слушали.

— Чудные дела нынче слыхать, право слово, Тед, — сказал Сэм.

---

[8] Примечания: 224

весной 49-го? 50-го? года Бинго. В начале следующей главы этой «фазы» сказано, что Бинго решил покинуть Бэг-Энд 22 сентября «в этот (его 50-й) год». ↩ [broken link: #rn31_8]

[9] Примечания: 225

Мой отец сперва сделал сына мельника Томом Туннелли, изменив это по ходу письма на Тома Сэндимена; Том был изменён на Теда карандашом, прежде чем глава была закончена, ибо Тед появляется, как написано сперва, в её конце. См. с. 249, примеч. 33. ↩ [broken link: #rn31_9]

Далее в рукописи следует первоначальный черновик, написанный весьма черно и быстро, того разговора в «Зелёном Драконе», что находится в FR, с. 53–55, и впоследствии он был едва изменён, кроме мелких подробностей слога. Хоббит, что видел Древочеловека за Северными Болотами (в FR — кузен Сэма Полфаст Скромби, что работал у господина Боффина в Овер-Хилле), здесь — «Джо Баттон, тот, что работает у Гокроджеров [см. с. 236] и ходит на Север охотиться». Упоминания Сэма о «чудном народе», что заворачивают Граничары на границах Шира, нет; он говорит об Эльфах, уходящих к гаваням, «туда, на Запад, далеко за Башни»,[10] но ссылка на Серые Гавани отсутствует.

Всего любопытнее ссылка на Древолюдей. Как мой отец сперва написал слова Сэма, тот говорил: «Но что насчёт этих, как бишь их, — великанов? Сказывают, одного, чуть не с башню, а то и с дерево вышиной, видали недавно там, за Северными Болотами». Это было изменено во время написания на: «Но что насчёт этих Древолюдей,

---

[10] Примечания: 226

Здесь является очень древний замысел; см. II.323 и примеч. 44. — Бинго описывает эльфийские башни своим спутникам на пути к ферме Мэггота: он говорит, что видел их однажды, сияющими белизной в свете Луны (с. 93). Топотун в Бри зовёт их Западными Башнями (с. 155, 159). ↩ [broken link: #rn31_10]

этих вот — великанов? Сказывают, одного чуть не с башню вышиной видали» и т. д. (Был ли этот отрывок (сохранённый в FR, с. 53) первым предвестием энтов? Но задолго до того мой отец поминал «древолюдей» в связи с плаваниями Эарендела: II.254, 261.)

Слова Сэма о Бэггинсах в конце разговора иные (и объясняют, отчего вопиющий Тед Сэндимен употребил слово «чокнутый» в FR):

— Ну, не знаю. Но вот этот господин Бэггинс из Бэг-Энда — он-то думает, что это правда; он сам мне и моему батьке так и сказал, и оба, он и старый господин Бильбо, кое-что смыслят в Эльфах, или так батька мой говорит, а уж ему ли не знать. Он знал бэг-эндский народ ещё мальчишкой, и работал в их садах, покуда суставы у него не расскрипелись для нагибания, и я не сменил его.

— И оба они чокнутые…

После последних слов Теда Сэндимена:

Сэм сидел молча и больше ничего не говорил. Назавтра ему предстояла работа в саду Бинго, и он думал, что, может, выпадет случай перемолвиться словом с Бинго, на которого он перенёс благоговение своего батьки перед старым Бильбо. Стоял апрель, и небо было высокое и ясное после долгих дождей. Солнце ушло, и прохладное

бледное небо медленно гасло. Он пошёл домой через Хоббитон и вверх по холму, тихонько и задумчиво насвистывая.

Примерно в то же время Гэндальф тихо проскальзывал в полуоткрытую парадную дверь Бэг-Энда.

Наутро после завтрака двое, Гэндальф и Бинго, сидели у открытого окна. Яркий огонь горел в очаге, но солнце пригревало, и ветер был южный: всё выглядело свежим, и новая зелень Весны мерцала в полях и на кончиках пальцев деревьев. Гэндальф думал о весне почти восьмидесятилетней давности, когда Бильбо выбежал из Бэг-Энда без носового платка. Волосы Гэндальфа были, пожалуй, белее, чем тогда, а борода и брови, пожалуй, длиннее, и лицо мудрее; но глаза его были не менее ярки и могучи, и он курил и пускал кольца дыма с той же силой и наслаждением, что и всегда. Сейчас он курил в молчании, ибо они говорили о Бильбо (как часто бывало) и о [прочем >] Некроманте и Кольце.

— Всё это весьма тревожно, а на деле и ужасно, — сказал Бинго. Гэндальф хмыкнул: звук этот, по-видимому, означал «я вполне согласен, но замечание твоё не очень-то помогает». Снова настало молчание. Из сада донёсся звук первой

стрижки лужайки, что давал ей Сэм Скромби.

— Давно ли ты знаешь всё это? — спросил наконец Бинго. — И говорил ли ты Бильбо?

— Многое я угадал сразу, — ответил Гэндальф медленно…

Тут мой отец вернулся к тексту, приведённому на с. 76 и далее, к «предисловию», как он его называл (см. с. 224), которое я разобрал на с. 86–87 и в котором, конечно, наличествовала история о том, что Угощение давал Бинго: разговор с Гэндальфом происходил за несколько недель до него, и это и впрямь была собственная мысль Гэндальфа. Но мой отец следовал частям старого текста близко, расширяя его при этом некоторыми весьма важными путями.

В ответе Гэндальфа на вопрос Бинго (первоначальный текст, с. 77) он говорит:

— Я угадал многое, но сперва говорил мало. Я думал, что с Бильбо всё ладно и что он в достаточной безопасности, ибо такого рода власть была над ним бессильна. Так я думал, и в каком-то смысле был прав, но не вполне прав. Я приглядывал за ним, конечно, но, быть может, недостаточно тщательно. Я не знал тогда, которое из многих Колец это было. Знай я — мог бы поступить иначе, а может, и нет. Но теперь я знаю.

— Голос его упал до шёпота. — Ибо я ходил назад, в землю Некроманта, — дважды.[11]

— Я уверен, ты сделал всё, что мог, — сказал Бинго…

Гэндальф говорит о Бильбо несколько больше: «Я не очень тревожился о Бильбо — его обучение почти завершилось, и я больше не чувствовал себя за него в ответе. Он должен был следовать собственному разумению, когда определится». И он говорит о хоббитах Шира как о «порабощённых» (как в FR, с. 58), а не «становящихся Призраками».

Но с ответа Гэндальфа на слова Бинго «Я не совсем понимаю, какое отношение всё это имеет ко мне, Бильбо и Кольцу» мой отец совершенно отошёл от первоначального текста.

— По правде сказать, — ответил Гэндальф, — я полагаю, что он доныне, доныне, заметь, вовсе не замечал существования хоббитов — как и дракон Смауг. За что ты можешь быть благодарен. И не думаю, что даже теперь они ему особенно нужны: они были бы (пожалуй) послушными, но не больно-то полезными слугами. Но есть на свете такая вещь, как злоба и месть. Несчастные

---

[11] Примечания: 227

О визитах Гэндальфа в землю Некроманта см. с. 85, примеч. 12. ↩ [broken link: #rn31_11]

хоббиты порадовали бы его больше счастливых. Что же до того, какое это имеет отношение к тебе и Кольцу, — думаю, я могу это объяснить, отчасти по крайней мере. Я ещё не знаю всего вполне. Дай-ка мне Кольцо на минуту.

Бинго достал его из кармана штанов, где оно было пристёгнуто на цепочке, что шла вокруг него, как пояс. — Хорошо, — сказал Гэндальф. — Вижу, ты всегда держишь его при себе. Так и продолжай. — Бинго отстегнул его и подал Гэндальфу. Оно было тяжёлым, будто либо оно, либо Бинго каким-то странным образом не хотело, чтобы Гэндальф к нему прикасался. На вид оно было из чистого и плотного золота, толстое, приплюснутое и без шва.[12] Гэндальф поднял его.

— Видишь на нём какие-нибудь знаки? — сказал он. — Нет! — сказал Бинго. — Оно совсем гладкое и не кажет даже царапин или следов носки.

— Что ж, тогда смотри, — сказал Гэндальф, и, к изумлению и горю Бинго, чародей бросил его в самую середину раскалённого места в огне. Бинго вскрикнул и схватился было за кочергу,

---

[12] Примечания: 228

Здесь мой отец написал: «Бинго никогда не видел его ни на одном пальце, кроме своего собственного указательного», но тотчас вычеркнул. ↩ [broken link: #rn31_12]

но Гэндальф удержал его. — Погоди! — сказал он повелительным тоном, метнув на Бинго быстрый взгляд из-под бровей.

Никакой видимой перемены с Кольцом не произошло. Спустя время Гэндальф поднялся, затворил снаружи ставни круглого окна и задёрнул занавес. В комнате стало темно и тихо. Снаружи слышался стрёкот ножниц Сэма, теперь ближе к норе. Гэндальф постоял мгновение, глядя на огонь; затем нагнулся и вынул Кольцо щипцами, и тотчас подобрал его. Бинго ахнул.

— Оно совсем холодное, — сказал Гэндальф. — Бери!

Бинго принял его на сжавшуюся ладонь: оно казалось холоднее и даже тяжелее прежнего. — Подними его, — сказал Гэндальф, — и загляни внутрь. — Когда Бинго так сделал, он увидел тонкие линии, тоньше тончайших штрихов пера, бегущие вдоль внутренней стороны Кольца, — линии огня, что, казалось, слагались в буквы странного алфавита. Они сияли ярко, пронзительно ярко и всё же будто отдалённо, словно из великой глубины.

[Факсимиле рукописи: первоначальное начертание надписи на Кольце.]

— Я не могу прочесть огненные письмена,

— сказал Бинго дрогнувшим голосом. — Нет, — сказал Гэндальф, — но я могу — теперь. Надпись гласит:

> *One Ring to rule them all, One Ring to find them,*
>
> *One Ring to bring them all, and in the darkness bind them.*[13]
>
> *Одно Кольцо — чтоб всеми править,*
> *Одно — чтоб всех сыскать,*
>
> *Одно — чтоб всех собрать и в темноте сковать.*

Это часть стиха, что я знаю теперь целиком.

> *Three rings for the Elven-kings under the sky,*
>
> *Seven for the Dwarf-lords in their halls of stone,*
>
> *Nine for Mortal Men doomed to die,*
>
> *One for the Dark Lord on his dark throne*
>
> *In the Land of Mor-dor where the shadows lie.*

---

[13] Примечания: 229

Мой отец сперва написал «One ring to bind them» («Одно кольцо — сковать их»), изменив это карандашом на «and in the darkness bind them» («и в темноте сковать их»), что и есть форма, как написано с самого начала во всём стихе, который тут же следует. ↩ [broken link: #rn31_13]

One Ring to rule them all, One Ring to find them,

One Ring to bring them all, and in the darkness bind them,

In the land of Mor-dor where the shadows lie.[14]

Три Кольца — королям эльфов под небом,

Семь — владыкам гномов в каменных их чертогах,

Девять — Смертным Людям, обречённым на смерть,

Одно — Тёмному Владыке на тёмном его троне

В Земле Мор-дор, где залегают тени.

---

[14] Примечания: 230
Текст стиха о Кольцах. Первоначальные наброски моего отца для этого стиха сохранились. Первая полная форма гласит:

Nine for the Elven-kings under moon and star,
Seven for the Dwarf-lords in their halls of stone,
Three for Mortal Men that wander far,
One for the Dark Lord on his dark throne
In the Land of Mor-dor where the shadows are.
One Ring to rule them all, One Ring to find them,
One Ring to bring them all and in the darkness bind them
In the Land of Mor-dor where the shadows are.
Девять — королям эльфов под луной и звездой,

Семь — владыкам гномов в каменных их чертогах,

Три — Смертным Людям, что бредут далёко,

Одно — Тёмному Владыке на тёмном его троне

В Земле Мор-дор, где залегли тени.

Одно Кольцо — чтоб всеми править, Одно — чтоб всех сыскать,

Одно — чтоб всех собрать и в темноте сковать,

В Земле Мор-дор, где залегли тени.

В это время он всё ещё не был уверен в распределении Колец между разными народами. Стих в тексте нынешней главы, как написан сперва, тоже имел «Девять колец королям эльфов» и «Три — Смертным Людям» (в первоначальном тексте, с. 78, «у Эльфов их было много» и «у Людей было три кольца», но «другие они находили в потаённых местах, отброшенные эльфами-призраками»). Но он написал на полях (чернилами и тогда же, что и сам стих) «3» против «Девять» и «9» против «Три», впоследствии изменив слова в самом стихе: см. примеч. 22.

Другая предварительная версия стиха гласит:

Twelve for Mortal Men doomed to die,

Nine for the Dwarf-lords in their halls of stone,

Three for the Elven-kings of earth, sea, and sky,

One for the Dark Lord on his dark throne.

Двенадцать — Смертным Людям, обречённым на смерть,

Девять — владыкам гномов в каменных их чертогах,

Три — Королям-эльфам земли, моря и неба,

Одно — Тёмному Владыке на тёмном его троне.

«Двенадцать» и «Девять» были затем изменены на «Девять» и «Семь». О том, что одно время было двенадцать Чёрных Всадников, см. с. 196. В тексте главы (с. 260) Три Кольца названы Кольцами «земли, воздуха и неба». ↩ [broken link: #rn31_14]

Одно Кольцо — чтоб всеми править,
Одно — чтоб всех сыскать,

Одно — чтоб всех собрать и в темноте сковать,

В Земле Мор-дор, где залегают тени.

— Это, — сказал Гэндальф, — Кольцо-Владыка: Единое Кольцо, чтоб править всеми! Это то Единое Кольцо, что он утратил многие века назад — к великому ослаблению своей мощи, и которого он всё ещё так жаждет.[15] Но он не должен заполучить его!

Бинго сидел безмолвно и недвижно. Страх будто протянул огромную ладонь, как тёмная туча, что вздымалась с Востока и нависала, чтобы поглотить его. — Это Кольцо? — пролепетал он. — Как же оно вообще попало ко мне?

— Я могу рассказать тебе ту часть истории, что знаю, — ответил Гэндальф. — В древние дни

[15] Примечания: 231

Текст, как написан здесь сперва, был «и теперь, когда он знает или угадывает, где оно, он так его жаждет». ↩ [broken link: #rn31_15]

Некромант, Тёмный Владыка Саурон,[16] наделал множество волшебных колец различных свойств, что давали их обладателям различные силы. Он раздавал их щедро и сеял повсюду, дабы уловить все народы, но особенно Эльфов и Людей. Ибо те, что пользовались кольцами, по мере их крепости, воли и сердца, скорее или медленнее подпадали под власть колец и под владычество их создателя.[17] Три, Семь, Девять и Одно сделал он особой мощи:[18] ибо их обладатели становились не только невидимы для всех в этом мире, если желали, но могли видеть и мир под солнцем, и ту, оборотную сторону, где движется незримое.[19] И была у них (что зовётся) удача и (что казалось) нескончаемая жизнь. Хотя, как я сказал, какую силу кольца даровали каждому обладателю, за-

---

[16] Примечания: 232

Мой отец написал здесь: «В древние дни Некромант [слуга ? ? ?] Тёмный Владыка Саурон». Скобки и вопросы были поставлены во время написания или очень скоро после. Я могу объяснить это лишь предположением, что он на миг думал о Морготе как о Тёмном Владыке, прежде чем написал имя Саурон, но странно, что он не вычеркнул просто слова «слуга». ↩ [broken link: #rn31_16]

[17] Примечания: 233

Против этого отрывка мой отец написал на полях: «Кольцепризраки позже» (см. с. 260). В первоначальном тексте (с. 78, и ср. черновик, на котором тот основан, с. 75) Призраки упоминаются в этом месте. ↩ [broken link: #rn31_17]

[18] Примечания: 234

Мой отец написал «Девять, Семь, Три и Одно», поменяв «Девять»

и «Три» местами карандашом. — Здесь впервые явно появляется различие между меньшими Кольцами и Кольцами Власти. ↩ [broken link: #rn31_18]

[19] Примечания: 235

Текст, как написан, но, вероятно, тотчас изменённый, был: «но могли видеть и мир под солнцем, и призрачный мир [> мир теней], в котором двигались незримые твари Владыки». ↩ [broken link: #rn31_19]

висело от того, как они ими пользовались, — от того, чем были они сами и чего желали.

[Факсимиле рукописи: стих о Кольцах и возникновение Правящего Кольца в повествовании.]

— Но Кольца были под началом создателя и всегда влекли своих обладателей обратно к нему. Ибо он удержал правящее Кольцо, которое, когда он его носил, позволяло ему видеть все прочие и видеть даже мысли тех, кто ими владел.[20] Но он утратил это Кольцо и тем самым утратил власть над всеми остальными. Медленно, годами, он собирал их и выискивал — в надежде найти утраченное Единое. Но Эльфы противятся его власти более всех иных народов, а высокие эльфы Запада, иные из которых ещё остаются в среднем мире, прозревают и пребывают разом и [в] этом мире, и на оборотной стороне без помощи колец.[21] И они, выстрадав и сражаясь долго против Саурона, не легко влекутся в его сеть и не легко им обманываются. Что сталось с Тремя Кольцами

---

[20] Примечания: 236

С этим описанием связи власти Колец с врождёнными свойствами тех, кто их носил, и мощи Единого Кольца в руке его создателя ср. «Вопросы и переделки», примеч. 12 (с. 227), где впервые явно появляется мысль о Правящем Кольце. ↩ [broken link: #rn31_20]

[21] Примечания: 237

Ср. с. 212 и «Вопросы и переделки», примеч. 10 (с. 225). ↩ [broken link: #rn31_21]

земли, воздуха и неба, я не знаю.[22] Иные говорят, что их унесли далеко за море. Другие говорят, что их всё ещё хранят сокрытые Короли-эльфы. Гномы тоже оказались крепки и неподатливы: ибо они нелегко терпят какое-либо повиновение или господство (даже над собственным родом). Не легко обращаются они и в тени. У гномов главная сила Колец была в том, чтобы разжигать в их сердцах огонь жадности (откуда и пошло зло, что пособило Саурону). Сказывают, что основанием каждого из Семи Великих Кладов гномов древности было золотое Кольцо. Но сказывают, что те клады разграблены, и драконы пожрали их, и Кольца сгинули, расплавленные в их огне; и всё же говорят также, что не все клады разрушены и что некоторые из Семи Колец ещё хранятся.

— Но все Девять Колец Людей вернулись к Саурону и унесли с собою своих обладателей — королей, воинов и чародеев древности,[23] что сделались Кольцепризраками и служили созда-

---

[22] Примечания: 238

Здесь Три Кольца Эльфов появляются в тексте, как написан сперва (а Девять Колец Людей — в следующем абзаце): см. примеч. 14. В черновике стиха о Кольцах, приведённом в конце примеч. 14, Три Кольца — «земли, моря и неба», тогда как здесь они «земли, воздуха и неба». ↩ [broken link: #rn31_22]

[23] Примечания: 239

чародеев: ср. с. 211, где Гэндальф в Ривенделле точно так же включает «чародеев» в число слуг Тёмного Владыки. ↩ [broken link: #rn31_23]

телю и были самыми ужасными его слугами. Люди и впрямь чаще всего бывали под его владычеством и ныне снова по всему средиземью[24] подпадают под его власть, особенно на Востоке и Юге мира, где Эльфов мало.

— Кольцепризраки! — воскликнул Бинго. — Что они такое?

— Не будем сейчас говорить о них, — сказал Гэндальф. — Не будем говорить об ужасном без нужды. Они принадлежат древним дням, и будем надеяться, что они никогда более не восстанут. По крайней мере, Гил-галад этого добился.[25]

— Кто был Гил-галад? — спросил Бинго.

— Тот, кто лишил Тёмного Владыку Единого Кольца, — ответил Гэндальф. — Он был последним в среднем мире из великих Королей-эльфов высокого западного рода, и он заключил союз с

---

[24] Примечания: 240

средиземью изменено из средний мир, что употреблено ранее в этом отрывке и снова впоследствии. ↩ [broken link: #rn31_24]

[25] Примечания: 241

Смысл, по-видимому, в том, что после утраты Правящего Кольца Некроманту Кольцепризраки более не могли действовать как его слуги; они не были окончательно уничтожены, но не имели действенного существования. Гэндальфу вскоре предстояло оказаться неправым в этом мнении, конечно, и может статься, что мой отец ввёл его здесь, дабы объяснить, отчего Гэндальф не принял их в расчёт. В FR он менее уверен: «Много лет минуло с тех пор, как Девятеро ходили по свету. Но кто знает? Когда Тень растёт снова, и они могут вновь восстать». ↩ [broken link: #rn31_25]

Орендилом,[26] Королём Острова, что вернулся в средний мир в те дни. Но не стану я рассказывать всю ту повесть сейчас. Однажды, быть может, ты услышишь её от того, кто знает её доподлинно. Довольно сказать, что они выступили против Саурона и осадили его в его башне, и он вышел и схватился с Гил-галадом и Орендилом, и был низвергнут. Но он покинул свой телесный облик и бежал, как призрак, в пустынные земли, пока не упокоился в Лихолесье и не принял облик снова во тьме. Гил-галад и Орендил были оба смертельно ранены и сгинули в земле Мордор, но Исилдор, сын Орендила, отсёк Единое Кольцо с пальца Саурона и взял его себе.[27]

— Но когда он шёл обратно из Мордора, воинство Исилдора было сокрушено Гоблинами, что

---

[26] Примечания: 242

Имя Короля Людей было сперва написано Валандил; над этим мой отец написал Е и Орендил. Следующая часть рассказа Гэндальфа постоянно менялась в самом акте сочинения, и при последующих появлениях имя Короля колеблется между Валандил > Орендил|Элендил, Элендил > Орендил, а затем Орендил без изменений; я читаю Орендил везде. О прежних колебаниях над именем см. с. 174, примеч. 25, и с. 197, примеч. 3. ↩ [broken link: #rn31_26]

[27] Примечания: 243

Здесь мой отец сперва написал: «но прежде чем он пал, Гил-галад отсёк Единое Кольцо с руки пальца Саурона и отдал его Итильдору, что стоял рядом, но Итильдор взял его себе». Это было изменено во время написания на приведённый текст; слова рука палец так и остались; я читаю палец, ибо это слово употреблено в следующем тексте этой главы. — Итильдор был изменён на Исилдор при каждом появлении,

кроме последнего в этом отрывке, где Исилдор был формой, написанной сперва. См. примеч. 29. ↩ [broken link: #rn31_27]

хлынули вниз с гор. И рассказывают, что Исилдор надел Кольцо и исчез с их глаз, но они шли за ним по следу и по запаху, пока он не вышел к берегам широкой реки. Тогда Исилдор бросился в воду и поплыл через неё, но Кольцо предало его,[28] и соскользнуло с его руки, и он сделался видим врагам своим, и они убили его своими стрелами.[29] Но рыба схватила Кольцо и преисполнилась безумия, и поплыла вверх по течению, прыгая через камни и вверх по водопадам, пока не выбросилась на берег, и не выплюнула Кольцо, и не издохла. — Гэндальф помолчал. — И там, — сказал он, — Кольцо вышло из ведома и предания, и даже столько, сколько есть в этой повести, ныне знают и помнят немногие. И всё же я могу теперь к ней прибавить, думаю.

---

[28] Примечания: 244

Первоначальное чтение здесь было: «но Кольцо [или >] и судьба его предала его». ↩ [broken link: #rn31_28]

[29] Примечания: 245

Повесть о Едином Кольце теперь продвигается дальше. В первоначальном тексте (с. 78) было просто, что Кольцо «упало с руки эльфа, когда тот переплывал реку, и оно его выдало, ибо он бежал от погони в старых войнах, и стал видим своим врагам, и гоблины его убили». В «Вопросах и переделках», примеч. 12 (с. 226), был предложен новый элемент: что Кольцо было «отнято у самого Владыки, когда Гил-галад схватился с ним, и взято улетающим Эльфом»; явный смысл — что Кольцо взял Гил-галад (как сказано сперва в нынешнем тексте, см. примеч. 27). Теперь Эльф становится Исилдором, сыном Орендила (Элендила: примеч. 26). ↩ [broken link: #rn31_29]

— Долгое время спустя, но всё ещё очень давно, жило на берегу ручья на краю Глухоманья мудрое, ловкорукое и тихоногое маленькое семейство…

Что до ранней истории Голлума, мой отец следовал первоначальному тексту (с. 78–79) и впрямь очень близко, лишь вводя там и сям небольшую перемену в словах: так, Дигол всё ещё сам Голлум, а не его друг. В конце отрывка слова «и даже Хозяин утратил его» становятся «и даже создатель, когда власть его снова возросла, ничего не мог о нём узнать», а следующее предложение, о Некромаанте, что пересчитывает свои кольца и всегда находит одно недостающим, конечно, убрано.

Рассуждение Гэндальфа об уме и побуждениях Голлума ко времени встречи Бильбо с ним (всё ещё, конечно, основанное на первоначальной истории в «Хоббите», см. с. 86) тоже остаётся очень близким к старой версии (с. 79–80). И впрямь, есть много мелких улучшений в слоге, но отметить нужно лишь две перемены. Слова Гэндальфа о долголетии, что даруется обладателю Кольца (с. 79), вот как любопытно расширены:

…Ужас как утомительно, Бинго, а в конце концов и мучительно (даже если ты не становишься Призраком). Лишь Эльфы способны это выносить,

да и они угасают.

А когда Гэндальф говорит о «нежданном прибытии Бильбо» (с. 80), он теперь продолжает:

…Ты помнишь, как он удивился и как скоро заговорил о подарке, хотя и оставил себе возможность сохранить его, повернись удача так. Даже и так, смею сказать, старые его повадки могли в конце концов взять верх, и он мог бы попытаться съесть Бильбо, будь это легко. Но я не уверен: догадываюсь, что он пользовался Игрой в Загадки (в которой даже Голлум едва ли посмеет смошенничать, ибо она священна и неимоверно древня) как своего рода жребием, чтобы она решила за него. И, как бы то ни было, у Бильбо был меч Жало, если помнишь, так что это было нелегко.

Но с того места, где Бинго возражает, что Голлум никогда не давал Бильбо Кольца, ибо у Бильбо оно уже было, история Гэндальфа делает большой шаг вперёд — с его объявлением, что он сам нашёл Голлума (в первоначальном тексте нет объяснения, откуда он знал историю Голлума). Привожу следующую часть главы, во многом пребывающую в очень черновом состоянии, целиком.

— Знаю, — сказал Гэндальф. — Потому-то я и сказал, что происхождение Голлума лишь от-

части объясняет события. За всем этим делом стояло, конечно, нечто куда более таинственное — нечто, вероятно, вполне за пределами замысла самого Владыки Колец, особенное для Бильбо и его личного Приключения. Яснее, чем так, я не могу выразить это, сказав, что Бильбо было «суждено» обрести Кольцо и что он, быть может, втянулся в Поход за сокровищем главным образом по этой причине. И в таком случае тебе было суждено его иметь. Что может быть (а может и не быть) утешительной мыслью. И над Кольцами всегда тяготел также странный рок, сам по себе. Они теряются и всплывают в странных местах. Единое уже однажды ускользнуло от своего владельца и предало его смерти. Теперь оно ускользнуло от Голлума. Но зло, что они творят по замыслу своего создателя, нередко оборачивается добром, какого он не замышлял, и даже к его урону и поражению.[30] И это тоже может быть

---

[30] Примечания: 246

Этот отрывок, от слов «И над Кольцами всегда тяготел также странный рок», был заключён в скобки с вопросом; а последнее предложение, «Но зло, что они творят…», вдобавок заключено в двойные скобки с двойным вопросом. Предложения, следующие непосредственно за ним (слова Гэндальфа «И это тоже может быть утешительной мыслью — или нет» и первая часть ответа Бинго), — карандашное добавление. Но мне неясно, отчего Бинго должно обескуражить предположение, что зло, творимое Кольцами, могло бы обернуться добром и против замысла их создателя. ↩ [broken link: #rn31_30]

утешительной мыслью — или нет.

— Не нахожу ни одну из твоих мыслей особо обнадёживающей, — сказал Бинго, — хотя и не вполне понимаю, что ты имеешь в виду. Но как же ты пришёл к тому, чтобы знать или угадывать так много о Голлуме?

— Что до угадывания, или складывания одного, и одного, и одного вместе, многое в этом было не так уж трудно, — сказал Гэндальф. — Кольцо, что ты получил от Бильбо, а Бильбо — от Голлума, по огненной надписи оказывается Единым Кольцом. А о том повесть о Гил-галаде и Исилдоре известна — мудрым. Восполнить повесть о Голлуме и вставить её в пробел не составляет особого труда тому, кто много знает об истории, умах и повадках тварей среднего мира, о которых он тебе не рассказывает. Какова была первая загадка, что задал Голлум, — помнишь?

— Да, — сказал Бинго, размышляя.

What has roots that nobody sees,
Is higher than trees,
Up, up it goes,
And yet never grows?

Что корни пустило, незримые глазу,

и выше деревьев,
ввысь, ввысь восходит,
а вовек не растёт?

— Более-менее верно! — сказал Гэндальф. — Корни и горы! Но, по правде сказать, мне не пришлось много угадывать по намёкам такого рода.[31] Я знаю. Я знаю, потому что нашёл Голлума.

— Ты нашёл Голлума! — сказал Бинго в изумлении.

— Это, разумеется, и было очевидным, что надо попытаться сделать, — сказал Гэндальф.

— А что же случилось после ухода Бильбо? Это ты знаешь?

— Не так ясно. То, что я тебе рассказал, Голлум выложил охотно; хотя, конечно, не в том виде, как я это передал, — он думал, что его не понимают и с ним дурно обходятся, и был полон слёз о себе самом и ненависти ко всему прочему. Но после Игры в Загадки он не желал говорить ничего, кроме как тёмными намёками. Можно было понять, что так или иначе Голлум собирается отыграться и что кое-кто ещё увидит, можно ли его пинать,

---

[31] Примечания: 247

Версия Бинго имеет небольшие отклонения от текста в «Хоббите». — Не очень очевидно, что Гэндальф вывел из первой загадки Голлума. ↩ [broken link: #rn31_31]

и презирать, и совать в нору, и морить голодом, и обирать. Им может прийтись и похуже, ибо у Голлума теперь были друзья, могущественные друзья. Можешь вообразить себе всю эту злобную дребедень. Он в конце концов выведал, что Бильбо каким-то образом раздобыл «его» Кольцо и как его имя.

— Как? — спросил Бинго.

— Я спросил его, но он лишь ухмылялся и хихикал и говорил: «Голлум ведь не глух, нет, Голлум, и глаззки у него есть, есть ведь, да, моя прелесть, да, Голлум».[32] Но можно вообразить разные способы, какими это могло случиться. Он мог, к примеру, подслушать, как гоблины толкуют о бегстве Бильбо от ворот. А вести о позднейших событиях разошлись по всему Глухоманью и дали бы Голлуму вдоволь пищи для размышлений. Так или иначе, после того как его «обобрали и

---

[32] Примечания: 248

Вместо этого отрывка, от слов «Он в конце концов выведал», текст, как написан сперва, имел (во многом как в первоначальной версии, с. 80): «Думаю, наверняка Голлум знал спустя время, что Бильбо каким-то образом раздобыл „его“ Кольцо. Можно вообразить…»

С карандашным расширением объяснение Гэндальфа о том, как Голлум узнал, что хоббит раздобыл Кольцо, расширено, чтобы охватить и тот факт, что Голлум также выведал, каково его имя. Но это странно, ибо в первоначальной истории в «Хоббите», как и в переработанной версии, Бильбо назвал Голлуму своё имя: «„Что он такое, моя прелесссть?“ — прошептал Голлум. „Я — господин Бильбо Бэггинс…“» См. далее примеч. 34 (и ср. FR, с. 66). ↩ [broken link: #rn31_32]

обманули», как он выразился, он покинул Горы: гоблинов там после Битвы стало мало, и они сделались осторожны; охота была скудна, а глубокие места были темнее и пустыннее прежнего. К тому же власть Кольца оставила его: он более не был ею связан. Он чувствовал себя старым, очень старым, но менее робким, хотя и не сделался менее злобным.

— Можно было бы ждать, что ветер и даже простая тень солнечного света убьют его довольно скоро. Но он был хитёр. Он умел укрываться от дневного и лунного света и передвигаться тихо и быстро ночью своими длинными бледными глазами — и ловить мелкие, испуганные и неосторожные существа. И впрямь он на время даже окреп от новой пищи и нового воздуха. Он прокрался в Лихолесье, что неудивительно.

— Там ты его и нашёл?

— Да — я последовал за ним туда: он оставил за собою след из ужасных историй, среди зверей, и птиц, и даже Лесных Людей Глухоманья. Он наловчился взбираться на деревья, чтобы находить гнёзда, и заползать в дома, чтобы находить колыбели. Он хвастался этим передо мною.

— Но его след убегал также на юг, далеко южнее того места, где я на него на самом деле набрёл, — с

помощью наконец Лесных эльфов. Этого он не пожелал объяснить. Он лишь скалился и ухмылялся и говорил «Голлум», радостно потирая свои отвратительные руки. Но у меня есть подозрение — теперь это куда больше, чем подозрение, — что он мало-помалу, шажок за шажком, давным-давно пробрался крадучись вниз, в землю — Мордор, — сказал Гэндальф почти шёпотом. — Такие твари идут туда по природе своей, и в той земле он скоро многое узнал бы, и скоро сам был бы обнаружен и допрошен. Я и впрямь думаю, что Голлум — начало наших нынешних бед,[33] ибо если я верно угадываю, через него Некромант проведал, что сталось с Единым Кольцом, которое он утратил. Он даже, как можно опасаться, наконец прослышал о существовании хоббитов и может теперь искать Шир, если уже

---

[33] Примечания: 249

Эта фраза Гэндальфа, «Я и впрямь думаю, что Голлум — начало наших нынешних бед», повторена из первоначального текста (с. 81) и здесь, как и там, по-видимому, отсылает к тому, что Тёмный Владыка, как было известно Гэндальфу, искал Кольцо в направлении Шира. Но всё ещё по-настоящему не объяснено, какого рода поиск мог бы привести Гэндальфа к тому, чтобы назвать это «нашей нынешней бедой», ибо он ничего не знал о Чёрных Всадниках (см. «Вопросы и переделки», с. 224). Едва ли он может ссылаться на те вещи, что упомянуты ранее в главе (с. 253): Люди, движущиеся на Север и Запад, множащиеся гоблины, новые виды троллей; ибо это были, несомненно, крупные проявления растущей власти Тёмного Владыки, а не поиска Кольца. ↩ [broken link: #rn31_33]

не выведал, где он. И впрямь, боюсь, он, может статься, прослышал даже[34] о смиренном и долго неприметном имени — Бэггинс.

— Но это ужасно! — вскричал Бинго. — Куда хуже, чем я боялся! О Гэндальф, что же мне делать, ведь теперь мне и впрямь страшно? Какая жалость, что Бильбо не заколол эту мерзкую тварь, когда прощался!

— Какой же вздор ты порой несёшь, Бинго! — сказал Гэндальф. — Жалость! Это жалость удержала его. И он не мог так поступить, не сотворив зла. Это было против Правил. Поступи он так, у него не было бы Кольца — Кольцо тотчас завладело бы им. Он был бы порабощён под властью Некроманта.

— Конечно, конечно, — сказал Бинго. — Что за слова о Бильбо! Милый старина Бильбо! Но мне страшно — и я не могу почувствовать никакой жалости к этому гнусному Голлуму. Ты хочешь сказать, что ты и Эльфы дали ему жить дальше, после всех тех ужасных историй? Теперь-то он,

---

[34] Примечания: 250

Здесь следует: «(ибо слух у него остёр, а соглядатаи его легион)», помечено карандашом на удаление. Эта перемена, быть может, идёт вместе с озадачивающим добавлением, о котором речь в примеч. 32, где Гэндальф предполагает, что Голлум в конце концов выведал имя Бильбо; ибо в таком случае, если Голлум и впрямь побывал в Мордоре, он сам мог сказать Некроманту, что «Бэггинс» взял Кольцо. ↩ [broken link: #rn31_34]

во всяком случае, хуже гоблина и попросту враг.

— Да, он заслуживал смерти, — сказал Гэндальф, — но мы не убили его. Он очень стар и очень жалок. Лесные эльфы держат его в темнице и обходятся с ним с такой добротой, какую могут найти в своих мудрых сердцах. Они кормят его чистой пищей. Но не думаю, что много можно сделать, чтобы исцелить его: и всё же даже Голлум может ещё оказаться полезен ко благу прежде конца.[35]

— Ну, как бы то ни было, — сказал Бинго, — если Голлума нельзя было убить, лучше бы ты не давал Бильбо хранить Кольцо. Зачем он его хранил? Зачем ты ему позволил? Ты рассказал ему всё это?

— Да, я позволил ему, — сказал Гэндальф. — Но поначалу я, конечно, и вообразить не мог, что это одно из [одно >] девятнадцати[36] Колец Власти: я думал, он раздобыл нечто не опаснее одного из меньших волшебных колец, что некогда были более обычны и которыми пользовались (как

---

[35] Примечания: 251

С этого места текст написан бледным карандашом. ↩ [broken link: #rn31_35]

[36] Примечания: 252

Над «девятнадцати» карандашом надписано «20». Это первое появление термина «Кольца Власти». ↩ [broken link: #rn31_36]

и замышлял их создатель) главным образом мелкие плуты и злодеи, ради низких пакостей. Я не боялся, что Бильбо подпадёт под их власть. Но когда я стал подозревать, что дело серьёзнее этого, я рассказал ему столько, сколько оправдывали мои подозрения. Он знал, что в конечном счёте оно идёт от Некроманта. Но ты должен помнить, что было ещё и само Кольцо, с которым приходилось считаться. Даже Бильбо не мог вполне избегнуть власти Правящего Кольца. У него развилось — чувство. Он хотел хранить его как памятку. Откровенно говоря — он сделался довольно горд своим Великим Приключением и, бывало, поглядывал на Кольцо время от времени (и всё чаще с годами), чтобы согреть память: оно давало ему почувствовать себя этаким героем, хотя он так и не утратил способности посмеяться над этим чувством.

— Но в конце концов оно завладело им именно так. Он в итоге знал, что оно даёт ему «долгую жизнь» и истончает его. Он устал от него — «не могу больше его выносить», говорил он, — но избавиться от него было не так-то легко. Ему было трудно себя на это подвигнуть. Если поразмыслить на миг: не так-то легко на самом деле избавиться от Кольца, раз уж оно у тебя

завелось.[37]

С этого места текст снова следует старому (с. 81–82) очень близко. Бинго теперь, конечно, достаёт Кольцо из кармана «снова» и намеревается бросить его «обратно» в огонь, и Гэндальф говорит (как в FR, с. 70), что «это Кольцо, во всяком случае, уже прошло через твой огонь и вышло невредимым и даже не нагревшимся». Адам Хорнблоуэр, хоббитонский кузнец, остаётся. Гэндальф говорит здесь, что «тебе пришлось бы отыскать одну из Трещин Земли в глубине Огненной Горы и обронить его туда, если ты и впрямь желаешь уничтожить его, — или поместить его вне всякой досягаемости до Конца». Против «Трещин Земли» (имя в первоначальном тексте, с. 82) мой отец написал на полях, тогда же, «? Трещины Рока»; при втором появлении этого имени он написал «Трещины Рока», но поставил «Земли» над «Рока».

Первоначальный текст развит и расширен с того места, где Бинго говорит «я и впрямь желаю уничтожить его» (с. 82):

— …Не могу понять, как Бильбо терпел его так долго. И ещё, должен сказать, я не могу не дивиться, отчего он передал его мне. Я знал, конечно,

---

[37] Примечания: 253

С этого места текст снова чернилами, добрая чистая рукопись до конца главы. ↩ [broken link: #rn31_37]

что оно у него есть, — хотя я был единственным, кто знал или знает, но говорил он о нём в шутку, и в те два-три раза, когда мне случилось застать его за пользованием им, он пользовался им более-менее в шутку — особенно в последний раз.

— Бильбо — да. И когда твоя судьба наделила тебя такими опасными сокровищами, это неплохой способ их принимать — покуда ты на это способен. Но что до передачи его тебе: он сделал так лишь потому, что счёл тебя безопасным: безопасным в смысле не злоупотребить им; безопасным в смысле не дать ему попасть в злые руки; безопасным от его власти, на время; и безопасным, как неведомый и неважный хоббит в сердце тихого и легко не замечаемого маленького Шира, от — врага. Я обещал ему к тому же помогать и советовать тебе, возникни какая трудность. Скажу также, что я не обнаружил огненных букв и не угадал, что это кольцо — Единое Кольцо, пока

он уже не решил уйти и оставить его.[38] И я не сказал ему, ибо тогда он не обременил бы тебя и не ушёл бы. Но ради него самого я знал, что ему следует уйти. Он владел тем Кольцом 60 лет, и оно сказывалось на нём, Бинго. Ты уже пытался описать мне своё собственное чувство — то чувство растянутости.[39] Его было куда сильнее. Кольцо в конце концов источило бы его. И всё же единственным верным способом избавить его от него было дать кому-то другому принять это бремя на время. Он свободен. Но ты его наследник. И теперь, когда я (с той поры) открыл куда больше, я знаю, что тебе досталось тяжкое наследство. Хотел бы я, чтобы было иначе. Но не вини Бильбо — или меня, если сможешь. Будем нести то, что на нас возложено (если сумеем). Но мы должны

---

[38] Примечания: 254

Смысл, несомненно, должен быть в том, что Гэндальф «обнаружил огненные буквы» на Кольце прежде, чем Бильбо покинул Хоббитон; что любопытно, ибо Гэндальф также говорит, что не сказал Бильбо, и трудно вообразить, чтобы он проводил испытание без ведома Бильбо. В FR (с. 65), когда Фродо спросил его, когда он обнаружил огненную надпись, он ответил: «Только что, в этой самой комнате, конечно. Но я ожидал её найти. Я вернулся из тёмных странствий и долгих поисков, чтобы провести это последнее испытание». Слова Гэндальфа на с. 256 можно было бы понять так, что он не знал наверняка до сих пор: «Я ещё не знаю всего вполне. Дай-ка мне Кольцо на минуту». Но они не могут значить этого, и он ссылается (с. 262) на огненную надпись на Кольце так, будто она была одним из главных свидетельств в его выводе той истории, что он теперь рассказал Бинго.

Мой отец позднее пометил карандашом «X» на полях текста здесь и

нацарапал «не знал до недавнего времени». ↩ [broken link: #rn31_38]

[39] Примечания: 255

См. с. 252. ↩ [broken link: #rn31_39]

сделать что-то скоро. Враг приходит в движение.

Настало долгое молчание. Гэндальф попыхивал трубкой с виду удовлетворённо…

Затем новая версия развивает старый текст (с. 83) почти до формы в FR (с. 71–72), причём Бинго говорит, что часто подумывал об уходе, но воображал его чем-то вроде каникул, и его внезапное сильное желание, не высказанное Гэндальфу, последовать за Бильбо и, быть может, отыскать его и выбежать из Бэг-Энда тут же. Новый текст продолжается:

— Дорогой мой Бинго! — сказал Гэндальф. — Бильбо не ошибся, выбрав тебя наследником. Да, думаю, тебе придётся уйти — вскоре, хотя не тотчас и не без некоторого размышления и осторожности. И я не уверен, что тебе нужно идти одному: не если ты знаешь кого-то, кому мог бы довериться и кто захотел бы пойти подле тебя, — и кого ты сам захотел бы взять в неведомые опасности. Но будь осторожен, выбирая, и в том, что говоришь даже ближайшим друзьям. У врага много соглядатаев и много способов слышать. — Внезапно он умолк, будто прислушиваясь.

Остаток главы (как Сэма застают под окном и как Гэндальф решает, что тот должен стать спутником Бинго, — ср. «Вопросы и переделки»,

примеч. 2, с. 221) почти слово в слово совпадает с окончательной формой (FR, с. 72–73), которая была достигнута почти с одного маху[40] и никогда не менялась.

[40] Примечания: 256

Первоначальный черновик этого эпизода сохранился, набросанный бледно в конце рукописи первоначальной версии главы, и, естественно, менее отделан, но уже в этом черновике окончательный текст вполне наличествует, кроме подробностей выражения. ↩ [broken link: #rn31_40]

Глава 16. ПРОМЕДЛЕНИЕ ОПАСНО

От «Древней истории» мой отец перешёл к переработке первоначальной второй главы, которой был дан заголовок «Трое — компания, четверо — лишку» (с. 49); эта новая версия становится Главой III, но заголовка не получила. Позднее он вписал в начало текста «Промедление опасно» (каковое есть заголовок ab initio следующей версии главы), и удобно принять его здесь.

Несколько чрезвычайно черновых и текучих заметок — продолжение тех, что помянуты в начале прошлой главы, с. 250, — это всё, что существует в качестве подготовительных набросков к этой переработке. Я уже отметил (с. 250), что история о званом обеде Бинго для Мерри, Фродо Тука и Одо Болджера накануне ухода была измыслена здесь и что против этого мой отец написал «Сэма Скромби на место Одо» (эти заметки предшествовали написанию «Древней истории», где Сэм Скромби впервые возник). Но от Одо было не так-то легко избавиться. Заметки продолжаются:

Гэндальф должен был прийти на угощение,

но не объявился. Бинго ждёт до пятницы [23 сентября], но неразумно не стал ждать дольше, ибо Саквиль-Бэггинсы грозят выставить его: но трогается в путь в пятницу ночью. Объявляет, что собирается погостить у Мерри и вернуться к своей брендибакской родне.

Отвергнутое предположение, что Одо остался в Хоббитоне, «чтобы дать вести Гэндальфу», показывает, что мой отец уже обдумывал этот вопрос, который после долгой истории перемен в конце концов привёл бы к тому, что Фредегар Болджер остаётся в Крикхоллоу (FR, с. 118). В этих заметках Брендибак с артуровским именем Ланорак (изменённым из Берсилак), кузен Мерри, «получил приказ всё приготовить» в Бакленде, и есть набросок для истории после того, как они покидают Бакленд и входят в Старый Лес: «Фродо хочет пойти, но ему сказано нет: дать вести Гэндальфу. Мерри ничего не говорит — но идёт-таки: запирает дверь и бросает ключ через изгородь». С этим ср. «Вопросы и переделки», примеч. 2 (с. 221): «Фродо прощается в Баклбери. Лишь Мерри и Бинго едут дальше в изгнание — потому что Мерри настаивает. Бинго первоначально намеревался идти один» (это было написано прежде, чем вошёл Сэм Скромби).

Текст новой версии этой главы — самый сложный документ, какой встречался до сих пор. Он начинается как рукопись, в которой часть повествования дана в двух вариантных формах, а затем обращается назад к первоначальной машинописи (приведённой целиком на с. 49–65), что была сильно исправлена в двух формах (разными чернилами для разных версий): некоторые из более обширных изменений — на вклеенных листках. В конце мой отец оставил старую машинопись и завершил главу в новой рукописи — первая часть её в трёх версиях. Представить весь этот сложный клубок в этой книге, очевидно, невозможно, да и в любом случае никак не нужно для понимания развития повествования.

Начальная часть в рукописи простирается до начала ходьбы хоббитов в первую ночь («Они шли очень тихо полями и вдоль изгородей и опушек рощиц, пока не настала ночь», с. 50), и начало главы являет совершенно новое повествование. Оставляя пока в стороне отрывок, существующий в вариантных формах, новый текст, хоть и весьма черновой, достигает во всём существенном окончательной формы в FR, с. 74–80. Есть ещё много различий в словах, и глава начинается с местных пересудов о продаже Бэг-Энда, а затем переходит

к обсуждению Бинго с Гэндальфом его ухода, а не наоборот;[1] но различий по существу немного, и большинство их незначительны. Больший упор сделан на том, что 22 сентября в тот год снова пришлось на четверг (как и в FR, с. 77): «это, в воображении [Бинго], словно отмечало дату как подобающую, чтобы тронуться вослед Бильбо». Тон Гэндальфа с Бинго чуть мрачнее и резче, и он не поминает о возможности, что Бинго, может статься, выпадет — или не выпадет — задача отыскать Трещины Рока. Его прощальные слова к нему значительно отличаются от того, что он говорит в FR, и душевному состоянию Бинго накануне собственного ухода придан иной упор. Привожу здесь часть текста, начиная с того места, где Гэндальф говорит, что направление, в каком Бинго двинется, покинув Хоббитон, не должно быть известно (FR, с. 74, внизу).

— Ну вот, — сказал Бинго, — знаешь ли, я по большей части думал просто об уходе и так и не решил насчёт направления! Ибо куда мне идти, и по чему держать путь, и что будет моим поис-

---

[1] Примечания: 257

Иное расположение начала главы вводит намерение Бинго перебраться жить в Бакленд прежде, чем оно на деле возникло как следствие его разговора с Гэндальфом. Может статься, что мой отец впоследствии переставил порядок этих повествовательных элементов, дабы этого избежать. ↩ [broken link: #rn32_1]

ком? Это и впрямь будет противоположностью приключения Бильбо: тронуться без всякой ведомой цели и чтобы избавиться от сокровища, а не найти его.

— И уйти туда, но не вернуться обратно, чего доброго, — мрачно прибавил Гэндальф.

— Это я знаю, — сказал Бинго, притворяясь, что не впечатлён. — Но серьёзно, в каком направлении мне тронуться?

— К опасности, но не слишком опрометчиво и не слишком прямо на неё, — ответил Гэндальф. — Держи сперва на Ривенделл, если хотя бы этот совет примешь. После того поглядим — если вообще туда доберёшься: Дорога не так легка, как бывала.

— Ривенделл! — сказал Бинго. — Очень хорошо. Это порадует Сэма. — Он не прибавил, что это радует и его самого, и что, хотя он и не решил, он часто подумывал держать на дом Элронда; хотя бы потому, что думал, что, быть может, Бильбо, сделавшись снова свободным, тоже выбрал этот путь.

Решение идти на Восток направило позднейшие планы Бинго. Именно по этой причине он объявил, что переселяется в Бакленд, и впрямь попросил своих брендибакских кузенов, Мерри,

Ланорака и прочих, присмотреть для него какое-нибудь местечко для жилья.[2] Тем временем он жил во многом как обычно, и лето прошло. Гэндальф снова ушёл. Но он был приглашён на прощальное угощение и обещал прибыть накануне или самое позднее 22-го числа самого. «Не уходи, пока не увидишь меня, Бинго, — сказал он, прощаясь одним сырым тёмным майским вечером. — У меня могут быть вести и полезные сведения о Дороге. И я, может статься, захочу пойти с тобой».[3]

Настала осень. Вестей от Гэндальфа не приходило. В Бэг-Энде стали являться признаки деятельности. Две крытые повозки отъехали гружёными. Поняли, что они везут ту мебель, какую господин Бэггинс не продал Саквиль-Бэггинсам, в его новый дом в Бакленде через Брендивинский

---

[2] Примечания: 258

Этот отрывок, от слов «и впрямь попросил своих брендибакских кузенов», был вычеркнут карандашом и заменён следующим:

С помощью своего брендибакского кузена Мерри он выбрал и купил маленький домик [прибавлено впоследствии: в Крикхоллоу] в краю за Баклбери и начал готовиться к переезду. ↩ [broken link: #rn32_2]

[3] Примечания: 259

Слова Гэндальфа были изменены карандашом так:

«Я захочу повидать тебя, прежде чем ты тронешься в путь, Бинго, — сказал он, прощаясь одним сырым тёмным майским вечером. — У меня могут быть вести и полезные сведения о Дороге». Бинго не было ясно, намеревался ли Гэндальф идти с ним в Ривенделл или нет. ↩ [broken link: #rn32_3]

мост. Одо Болджер, Мерри Брендибак и Фродо Тук гостили там у Бинго. Все четверо, казалось, были заняты упаковкой, и нора была вверх дном. В среду 21 сентября Бинго начал тревожно высматривать Гэндальфа, но того и следа не было. Утро его дня рождения, 22 сентября, занялось столь же ясным и погожим, как и для угощения Бильбо давным-давно (как это теперь казалось Бинго). Но Гэндальф всё не появлялся. Вечером Бинго дал своё прощальное угощение. Отсутствие Гэндальфа изрядно тревожило Бинго и слегка омрачало его дух, что неуклонно поднимался — по мере того как всякое прохладное и туманное осеннее утро приближало его ко дню ухода. Единственной мукой теперь было расставание с юными друзьями. Опасность не казалась такой грозной. Ему хотелось тронуться — тотчас. Всем было сказано, что он уезжает в Баклбери как можно скорее после дня рождения. Саквиль-Бэггинсы вступали во владение после полуночи 23-го. И всё же ему хотелось сперва увидеть Гэндальфа. Но трое его друзей были в превосходном настроении…

От конца обеда в день рождения Бинго до начала ночной ходьбы хоббитов новый текст почти такой же, как в FR (с. 77–80), кроме иных присутствующих хоббитов (и всё ещё оставляя в стороне

часть, существующую в вариантных формах). Третья повозка, везущая «оставшиеся и более ценные вещи», отъехала, как и в FR, утром 23-го; сперва за неё отвечал, как было сказано, Одо Болджер, но он был изменён, по-видимому, сразу, на Мерри Брендибака. (В FR Мерри сопровождал Фредегар Болджер, и мой отец вопросил на полях здесь: «Мерри и Одо?».) Тут входит история о том, как Бинго подслушивает Жихаря Скромби, говорящего (почти в тех же словах, что в FR) с чужаком в конце Бэгшот-Роу: первый зародыш этого виден в «Вопросах и переделках», примеч. 3 (с. 222). Единственное настоящее различие в том, что старое обсуждение между хоббитами (с. 49), идти ли далеко или нет, всё ещё присутствует, причём Одо не согласен с Фродо и Бинго, но теперь их четверо, и Бинго спрашивает мнения Сэма:

— Что ж, сударь, — ответил тот, сняв шляпу и поглядев на небо, — сдаётся мне, завтра, может, будет порядком тепло. А ходьба на солнце, даже в эту пору года, с поклажей на спине, бывает утомительна, вроде как. Я голосую с господином Фродо, коли спросите меня.

Вариантный раздел был написан непрерывно с предшествующим повествованием — то есть это история, как мой отец сперва намеревался

её рассказать, а другая версия была написана впоследствии, поначалу как альтернатива. Расхождение начинается после ухода Мерри в Бакленд в пятницу 23 сентября, в последний день Бинго в Бэг-Энде.

После полудня люди начали прибывать — одни по приглашению, других привели молва и любопытство. Они находили дверь открытой, а Бинго — на коврике в прихожей, ждущим, чтобы их приветствовать. Внутри прихожей было навалено всякое разное: свёртки, безделушки и мелкие предметы мебели. На каждом свёртке и предмете был привязан ярлык…

На рукописи мой отец позднее написал, что «этот вариант, зависящий от сокращения в Главе I и переноса прощальных даров и пр. в III», теперь отвергнут. Предлагаемое сокращение Главы I — это, на деле, краткий вариант истории о последствиях угощения Бильбо, что описан на с. 241–242: как я там отметил, «весь „спектакль“ с подарками и нашествие на Бэг-Энд в этом варианте были устранены», ибо это теперь должно было быть перенесено на уход Бинго — или, по крайней мере, было под опцией такого переноса. Так лишний виток придан змеистой истории этого элемента во «Властелине Колец»: ибо речь,

конечно, не о простом возврате к истории, какой она была в конце «первой фазы» «Долгожданного угощения», где подарки тоже были Бинговыми, а не Бильбовыми. Новая мысль была в том, что подарки,[4] нашествие на Бэг-Энд, изгнание хоббитов, ведущих раскопки в кладовой, и драка с Санчо Гордоступом (его противником здесь был Косимо Саквиль-Бэггинс,[5] поддержанный матерью, что сломала свой зонт о голову Санчо) — что всё это происходило не после великого Угощения в день рождения (которое теперь было Бильбовым), а после собственного скромного угощения Бинго в день рождения перед его уходом.

Возможно и даже вероятно, что намерение моего отца в этом было в том, чтобы уменьшить долю хоббитонской комедии, что встаёт перед

---

[4] Примечания: 260

Нового списка подарков в этом варианте нет: мой отец удовольствовался ссылкой на последнюю версию «Долгожданного угощения», которую следовало «должным образом исправить» (с. 247, примеч. 21). ↩ [broken link: #rn32_4]

[5] Примечания: 261

Сын Саквиль-Бэггинсов теперь появляется впервые. В обоих вариантах сказано, что Лобелия «и её прыщавый сын Косимо (и его забитая жена Миранда) жили в Бэг-Энде ещё долго после / много лет после». Лобелии в обеих версиях было в это время 92 года, и ей пришлось ждать семьдесят семь лет (как в FR) Бэг-Энда, что делает её алчной пятнадцатилеткой, когда Бильбо вернулся в конце «Хоббита» и застал её обмеряющей его комнаты; в FR ей было сто лет, а во второй из этих вариантных версий «92» изменено на «102». В FR её сын — «рыжеватый Лото», и жена не названа. ↩ [broken link: #rn32_5]

читателем в самом начале, и ввести раньше, в «Древней истории», куда более весомые материи, что возникли с тех пор, как «Долгожданное угощение» было впервые написано.

В этой версии истории о том, как Бинго отходит немного от Бэг-Энда и так слышит, как Жихарь Скромби говорит с Чёрным Всадником, ещё не было, и когда он отослал Сэма с ключом к его отцу, он уходит сам по себе. Об Одо Болджере и Фродо Туке не упомянуто прежде, чем вариантный текст оканчивается тем, что Бинго идёт вниз по садовой тропе, перепрыгивает изгородь внизу и уходит в сумерки. Не могу сказать наверняка, значимо это или нет. Вряд ли это простой случайный недосмотр, но если нет, это, по-видимому, означает, что мой отец помышлял о совершенно новом ходе истории: Бинго и Сэм странствуют по Ширу одни. Он, несомненно, помышлял о чём-то в этом роде раньше. Как бы то ни было, из этого ничего не вышло, и он тотчас перешёл ко второй версии этой части повествования (форме в FR), где Бинго, послушав, как Жихарь Скромби говорит с чужаком, возвращается в Бэг-Энд и находит Одо и Фродо (Пиппина в FR) сидящими на своих мешках на крыльце.

В сущности, таким образом, третья глава FR,

вплоть до ухода Бинго (Фродо) из Бэг-Энда, была теперь достигнута. Мой отец здесь, как я сказал, обратился назад к первоначальной машинописи и использовал её как физическую основу для нового текста почти до конца главы. Он правил её разными чернилами и прибавил на машинописи такую заметку: «Поправки чёрным — для любой версии. Те, что красным, — для переработанной версии (с Бильбо как устроителем угощения и с включением Сэма)».[6] В новом материале, поправках и добавлениях, он очень тщательно различал два типа изменений: в одном случае он написал «красная поправка» против первой части нового отрывка и «чёрная поправка» против следующей части, непрерывной с первой (отрывок приведён в примеч. 11, и причина различия очень ясна). Трудно понять, отчего ему пришлось взять на себя весь этот труд, если только на этой стадии он всё ещё (что удивительно) не был уверен в новой истории, с «Бильбо как устроителем угощения и с включением Сэма», и не видел воз-

---

[6] Примечания: 262

Поправки на деле сделаны синими, чёрными и красными чернилами. Я говорил ранее (с. 48 и примеч. 1), что поправки чёрными чернилами относятся к очень ранней стадии переработки. Те, что синими и красными, сделаны на нынешней стадии, но в своей заметке об этом мой отец, несомненно, разумел под «поправками чёрным» все те, что не были красными. ↩ [broken link: #rn32_6]

можности вернуться к старой.

Как я сказал, представить здесь результаты этой процедуры невозможно[7] и не нужно, даже будь возможно. Действие всех поправок — приблизить первоначальную версию и впрямь очень близко к форме в FR (с. 80 и далее). Местами новая версия — это полпути между двумя, и в позднейшей части поправки менее основательны, но лишь там и сям есть что-либо важное для повествования, что стоит отметить, и в нижеследующем можно полагать, если не сказано обратное, что текст FR уже наличествовал во всех частностях, кроме выбора оборотов. Но хоббитов теперь четверо: Бинго, Фродо Тук, Одо Болджер и Сэм Скромби, так что и в этом отношении здесь есть промежуточная стадия между первоначальной

---

[7] Примечания: 263

Приведу, впрочем, пример, чтобы показать природу этой процедуры (первоначальная версия, с. 51):

— Ветер с Запада, — сказал Одо. — Если спустимся по другую сторону этого холма, на который взбираемся, то найдём местечко довольно сухое и укрытое.

Красные поправки приведены здесь курсивом; прочие изменения от первоначального текста — чёрными (на деле синими, см. примеч. 6) чернилами.

— Ветер с Запада, — сказал *Сэм*. — Если спустимся по другую сторону этого холма, на который взбираемся, то найдём местечко достаточно укрытое и уютное, *сударь. Есть сухой ельник прямо впереди, коли верно помню. — Сэм хорошо знал землю миль на двадцать вокруг Хоббитона, но этим его география и ограничивалась.*

См. также примеч. 11. ↩ [broken link: #rn32_7]

историей (где их трое: Бинго, Фродо Тук и Одо Тук) и FR (где их снова лишь трое, но трое иных: Фродо Бэггинс, Перегрин Тук и Сэм Скромби), и есть некоторая разница между версиями в приписывании реплик разным персонажам (об этом см. с. 70). Но то, что говорит Сэм в FR, говорит он и в этом тексте.[8]

В начале этой части главы, где старый текст (с. 50) имел: «Они были теперь в Тукленде, и они стали взбираться в край Зелёных Холмов к югу от Хоббитона», новый гласит: «Они были теперь в Тукленде и шли на юг, но милей-двумя дальше они пересекли большую дорогу от Мач-Хемлока (в краю Хорнблоуэров) к Приречью и Брендивинскому мосту. Затем они свернули на восток и стали взбираться…»[9] Подле этого мой отец

---

[8] Примечания: 264

Текст на деле сделан ещё сложнее слоем позднейшей правки, происходящей из намерения моего отца избавиться от Одо вовсе, оставив Бинго, Фродо Тука и Сэма, но это здесь не учитывается. ↩ [broken link: #rn32_8]

[9] Примечания: 265

В первоначальных текстах пересечение Восточной Дороги было опущено (см. с. 46–47, 50). — С «Мичел-Делвингом» вместо «Мач-Хемлока (в краю Хорнблоуэров)» и «на юго-восток» вместо «на восток» это и есть чтение FR — в первом издании LR. Во втором издании (1966) текст был изменён так, чтобы читалось:

Милей-двумя дальше к югу они поспешно пересекли большую дорогу от Брендивинского моста; они были теперь в Тукленде и, забирая на юго-восток, держали к краю Зелёных Холмов. Когда они стали взбираться по его первым склонам, они оглянулись и увидели огоньки

в Хоббитоне, мерцающие вдали…

Роберт Фостер в «Полном путеводителе по Средиземью», статья «Хорнблоуэр», говорит, что «все или большинство» Хорнблоуэров «обитали в Южной Чети»; это, по-видимому, основано лишь на утверждении в Прологе к LR, что Тобольд Хорнблоуэр, первый возделыватель трубочного зелья, жил в Лонгботтоме в Южной Чети, но вполне может быть законным выводом. Несколько хоббичьих «родовых территорий» помечены на карте Шира моего отца (с. 107, пункт I), но Хорнблоуэров среди них нет. (Брейсгердлы помещены к западу от острова Гирдли на Брендивине; Болджеры — к югу от Восточной Дороги и к северу от Лесного Угла; Боффины — к северу от Холма Хоббитона, ср. господина Боффина из Овер-Хилла, FR, с. 53; а Туки — в Тукленде, к югу от Хоббитона.) См. с. 304, примеч. 1. ↩ [broken link: #rn32_9]

написал: «?Мичел-Делвинг (главный город Шира далеко на западе, на Белых Взгорьях)». Это первое появление Мичел-Делвинга и Белых Взгорий (см. с. 295). «Мач-Хемлок» перекликается с названием Мач-Уэнлок в Шропшире (Мач — «большой», как и Мичел).

Лесной Угол не назван «диким углом Восточной Чети» — «Чети» ещё не были измышлены, — но прибавлено, что «немногие из них [хоббитов] жили в той стороне».

Стих «Дорога всё бежит вперёд», теперь приписанный Бинго, а не Фродо Туку, всё ещё такой же, как в первоначальной версии (с. 53).[10]

Небольшое различие с FR есть при первом появлении Чёрного Всадника на дороге (старая версия, с. 54):

Одо и Фродо быстро метнулись влево и вниз, в ложбинку неподалёку от дороги. Там они залегли плашмя. Бинго помедлил секунду: любопытство или иной какой порыв боролись в нём с желанием спрятаться. Сэм ждал, пока двинется его

---

[10] Примечания: 266

См. с. 246, примеч. 18. Стих теперь повтор, ибо Бильбо пел его прежде, чем покинул Бэг-Энд (с. 240), но если в FR (с. 82–83) единственное различие между двумя прочтениями в том, что Бильбо говорит «eager feet» («жадной стопой») в 5-й строке, а Фродо «weary feet» («усталой стопой»), то здесь у Бинго также «we» («мы») вместо «I» («я») в 4-й и 8-й строках (сохранено из первоначального текста, с. 53). ↩ [broken link: #rn32_10]

хозяин. Звук копыт приближался. — Ложись, Сэм! — сказал Бинго как раз вовремя. Они бросились плашмя в куртину высокой травы за деревом, что нависало над дорогой.[11]

В обсуждении, что последовало за уходом первого Чёрного Всадника, мой отец сохранил на этот раз старую версию (с. 54), в которой Фродо Тук рассказывал о своей встрече с Чёрным Всадником на севере Шира:

— …Я уж сколько лет не видывал ни одного такого в нашем Шире.

— Всё же тут есть Люди, — сказал Бинго, — и я слыхал в последнее время много вестей о странном народе на наших границах и в их пределах. Там, в южном Шире, у них, мне сказывали, были какие-то нелады с Большим Народом. Но ни о чём

---

[11] Примечания: 267

Этот отрывок любопытно являет «двухъярусную» систему правки, которую мой отец применил в этом тексте (см. с. 277). Новый отрывок, в котором Бинго гадает, не Гэндальф ли это идёт за ними, и предлагает застать его врасплох, хоть и чувствует уверенно, что это не он, — в точности как в FR, с. 83–84, — это «красная» поправка: ибо по новой истории Гэндальфа вполне можно было ожидать только что разминувшимся с ними в Хоббитоне и идущим по их пятам, тогда как по старой истории — в которой Угощение в день рождения было Бинговым — Гэндальф ушёл сразу после фейерверков и направился на восток (см. с. 101 и примеч. 12).

Остаток нового отрывка (приведённый в тексте), описывающий противоборствующие желания Бинго спрятаться и не прятаться, — «чёрная» поправка (то есть охватывающая обе истории, «старую» и «новую»), как и добавление почти сразу за ним, в котором Бинго чувствует

настоятельное желание надеть Кольцо, но не делает этого: ибо, какой бы версии ни следовать, природа Кольца требует этих изменений (ср. «Вопросы и переделки», примеч. 7 (с. 224): «Бинго НЕ должен надевать своё Кольцо, когда мимо едут Чёрные Всадники, — ввиду позднейших развитий. Он должен подумать об этом, но как-то быть удержан»). ↩ [broken link: #rn32_11]

подобном этому всаднику я не слыхал.

— А я слыхал, — сказал Фродо, что внимательно слушал описание Бинго Чёрного Всадника. — Теперь припоминаю то, что совсем было позабыл. Я шёл там, наверху, по Северному Болоту — знаешь, у самых северных границ Шира — этим самым летом, когда высокий всадник в чёрном плаще встретился мне. Он ехал на юг, и он остановился и заговорил, хотя, казалось, не очень-то умел говорить на нашем языке; он спросил меня, не знаю ли я, нет ли в тех краях какого народа по имени Бэггинс. Мне это показалось тогда очень странным, и у меня было странное, неуютное чувство притом. Я не мог разглядеть никакого лица под его капюшоном. Я сказал нет, ибо вид его мне не понравился. Насколько я слышал, он так и не нашёл пути в Хоббитон и в бэггинсовский край.

— Прошу прощения, — вставил вдруг Сэм, — но в Хоббитон-то он путь нашёл, он или другой вроде него. Так ли, иначе ли, а из Хоббитона этот вот Чёрный Всадник и едет — и я знаю, куда он держит путь.

— Что ты хочешь сказать? — сказал Бинго, резко оборачиваясь. — Отчего ты не сказал раньше?

Донесение Сэма о рассказе Жихаря ему о Всаднике, что пришёл в Хоббитон, в точности как в

FR, с. 85. Затем следует:

— Твоего отца, во всяком случае, винить нельзя, — сказал Бинго. — Но я был бы осторожнее на дороге, скажи ты мне это раньше. Жаль, что я не дождался Гэндальфа, — пробормотал он, — но, может, это лишь ухудшило бы дело.

— Так ты знаешь или догадываешься что-то об этом всаднике? — сказал Фродо, уловивший бормотанье. — Что он такое?

— Не знаю, и угадывать не хотел бы, — сказал Бинго. — Но не верю я, чтобы этот всадник (или твой, или Сэмов — если они все разные) был и впрямь из Большого Народа, не обычный Человек, я хочу сказать. Хотел бы я, чтобы Гэндальф был здесь, но теперь самое большее, на что мы можем надеяться, — что он быстро придёт в Баклбери. Кто бы мог ожидать, что тихая прогулка из Хоббитона в Бакленд обернётся так странно. Я и не подозревал, что втягиваю вас, ребята, во что-то опасное.

— Опасное? — сказал Фродо. — Так ты думаешь, это опасно, вот как? Скрытен же ты, а, дядюшка Бинго? Ну ничего — мы как-нибудь вытянем из тебя твой секрет. Но если это опасно, то я рад, что мы с тобой.

— Вот-вот! — сказал Одо. — Но что делать даль-

ше? Тронемся ли сейчас же или останемся здесь и перекусим?..

Мой отец всё ещё сохранял развитие (см. с. 55–56 и примеч. 11), что Чёрный Всадник проехал мимо и ненадолго остановился подле огромного дуплистого дерева, в котором сидели хоббиты, и изменил эту историю лишь в её конце:

— …Мы, верно, поднимаем шум из-за пустяка [сказал Одо]. Этот второй всадник, во всяком случае, очень может быть, был просто бродячим чужаком, что заблудился, и встреть он нас, он бы просто спросил у нас дорогу в Бакленд или к Брендивинскому мосту и поехал бы дальше.

— А что, если он остановит нас и спросит, не знаем ли мы, где господин Бэггинс из Бэг-Энда? — сказал Фродо.

— Дай ему правдивый ответ, — сказал Бинго. — Либо скажи: обратно в Хоббитоне, где их сотни; либо скажи: нигде. Ибо господин Бинго Бэггинс покинул Бэг-Энд и ещё не нашёл иного дома. И впрямь, думаю, он исчез; здесь и сейчас я становлюсь господином Холмом из Далёка.

Дана альтернативная версия:

— А что, если он остановит нас и спросит, не знаем ли мы, где господин Бэггинс из Бэг-Энда? — сказал Фродо.

— Скажи ему, что он исчез! — сказал Одо. — В конце концов, один Бэггинс из Бэг-Энда исчез, и почём нам знать, что это не старый Бильбо, кому он хочет нанести запоздалый визит? Бильбо, по его собственным словам, завёл в странствиях кое-каких чудных друзей.

Бинго быстро взглянул на Одо. — Это мысль, — сказал он. — Но надеюсь, нам не зададут этого вопроса, и если зададут, у меня есть чувство, что молчание будет лучшим ответом. Теперь идёмте дальше. Я рад, что дорога вьётся.

Весь этот элемент был убран в FR (с. 86).

Когда слышно пение Эльфов (старая версия, с. 58), Бинго всё ещё приписывает Бильбо своё знание о том, что в Лесном Углу порой бывают Эльфы (ср. отрывок в «Древней истории», с. 253), и он говорит, что они забредают в Шир весной и осенью «из собственных своих земель далеко за рекой»; в FR (с. 88) Фродо знает независимо от Бильбо, что в Лесном Углу можно встретить Эльфов, и говорит, что они приходят «из собственных своих земель далеко за Башенными Холмами». Замысел эльфийских земель к западу от Шира, конечно, вполне наличествовал в это время: ср. слова Сэма об Эльфах, «уходящих к гаваням, туда, на Запад, далеко за Башни» (с. 254). Гимн Эльбере-

ту имеет последнюю поправку, потребную, чтобы привести его к окончательной форме (см. с. 59): cold («холодный») изменено на bright («светлый») во второй строке второй строфы. Всё ещё сказано, что он поётся «на тайном эльфийском языке». В конце его Бинго говорит о Высоких Эльфах так же, как Фродо в FR (с. 89), хотя и не говоря «Они произнесли имя Эльберет!» — так что не объяснено, откуда он знает, что они Высокие Эльфы.[12]

Неудачное замечание Одо («Полагаю, мы получим по-настоящему хорошую постель и ужин?») сохранено, а приветствие Бинго, которому научил его Бильбо, «Звёзды сияют в час нашей встречи», остаётся лишь в переводе. Гилдор в своём ответе поминает, что Бинго — «знаток эльфийского языка», изменено из «эльфийской латыни» (с. 60), где в FR — «Древний Язык». Всё ещё Луна, а не осенние звёзды, видна в небе, и различные воспоминания хоббитов о трапезе, съеденной с Эльфами, сохранены из старого текста, с добавлением отрывка о Сэме (FR, с. 92).

С этого места мой отец оставил старую маши-

---

[12] Примечания: 268

Текст FR здесь, «Я не знал, что кого-либо из того прекраснейшего народа когда-либо видели в Шире», был исправлен во втором издании на «Немногих из того прекраснейшего народа когда-либо видят в Шире». — О прежних упоминаниях Высоких Эльфов (что означает теперь Эльфов Валинора) см. с. 187, 225, 260. ↩ [broken link: #rn32_12]

нопись и, хотя и возвращаясь к ней под самый конец, продолжил текст в рукописи. Начало разговора Бинго с Гилдором сохранилось в трёх формах. Все три начинаются как в FR, с. 92 («Они говорили о многом, старом и новом»), но в первой Гилдор продолжает от «Тайна не дойдёт до Врага от нас» словами «Но отчего ты не ушёл раньше?» — первое, что он говорит Бинго в первоначальной версии («Отчего ты избрал этот миг, чтобы тронуться в путь?», с. 62). Бинго отвечает очень кратким упоминанием о своём раздвоённом уме насчёт ухода из Шира, и тогда Гилдор объясняет его ему самому:

— Это я могу понять, — сказал Гилдор. — Половина твоего сердца хотела уйти, но другая половина удерживала тебя, ибо дом её был в Шире, и отрада её — в постели, и столе, и голосах друзей, и в смене кротких времён года среди полей и деревьев. Но раз уж ты хоббит, та половина сильнее, как было даже у Бильбо. Что заставило её сдаться?

— Да, я обыкновенный хоббит, и таким, полагаю, всегда и буду, — сказал Бинго. — Но самая нехоббитская судьба возложена на меня.

— Тогда ты не обыкновенный хоббит, — сказал Гилдор, — ибо иначе так быть не могло бы. Но

половина, что просто хоббит, много, боюсь, выстрадает от того, что её принуждают следовать за другой половиной, что достойна странной судьбы, пока и она не станет достойной (и всё же останется хоббитом). Ибо в том, должно быть, и цель твоей судьбы, или цель той части твоей судьбы, что касается тебя самого. Хоббичью половину, что любит Шир, не должно презирать, но её надо выучить — и заново обрести смену времён года и голоса друзей, когда они утрачены.

Здесь текст обрывается. Вторая из этих оставленных версий ближе к FR, но в ней Гилдор говорит сурово о промедлении Бинго на дороге:

— Неужели Гэндальф ничего тебе не сказал?

— Ничего о таких созданиях.

— Так не по его ли совету ты покинул свой дом? Не призывал ли он тебя поспешить?

— Призывал. Он желал, чтобы я ушёл раньше в этом году. Он сказал, что промедление может оказаться опасным, и я начинаю бояться, что так и вышло.

— Отчего ты не ушёл раньше?

Затем Бинго говорит о своих двух «половинах», хотя и без пояснения, переходит к объяснению, отчего он мешкал до осени, и говорит о своём смятении перед опасностью, что уже грозит.

Третий текст очень близок и в значительной мере слово в слово совпадает с окончательной формой почти до конца разговора, где дело, хоть по существу то же, расположено несколько иначе. Совет Гилдора о том, чтобы взять спутников, более явен, чем в FR («Возьми таких друзей, что верны и охочи», с. 94): здесь он говорит «Если есть такие, кому ты можешь вполне довериться и кто готов разделить твою опасность, возьми их с собою». Он имеет в виду нынешних спутников Бинго, ибо он продолжает (во многом как в старой версии, с. 64): «Они защитят тебя. Думаю, весьма вероятно, что трое твоих спутников уже помогли тебе ускользнуть: Всадники не знали, что они с тобою, и их присутствие на время сбило след». Но в самом конце встречается такой отрывок:

— …В этой встрече может быть нечто большее, чем случай, но цель неясна мне, и я боюсь сказать слишком много. Но, — и он помолчал и пристально поглядел на Бинго, — нет ли при тебе, часом, кольца Бильбо?

— Есть, при мне, — сказал Бинго, опешив.

— Тогда прибавлю это последнее слово. Если Всадник приблизится или станет упорно тебя преследовать — не пользуйся кольцом, чтобы ускользнуть от его поиска. Догадываюсь, что

кольцо поможет ему больше, чем тебе.

— Снова загадки! — сказал Бинго. — Как может кольцо, что делает меня невидимым, помочь Чёрному Всаднику меня отыскать?

— Отвечу лишь это, — сказал Гилдор: — кольцо пришло в начале от Врага и не было сделано, чтобы морочить его слуг.

— Но Бильбо пользовался своим кольцом, чтобы спасаться от гоблинов и злых тварей, — сказал Бинго.

— Чёрные Всадники не гоблины, — сказал Эльф. — Больше не проси у меня ничего. Но сердце моё предчувствует, что прежде, чем всё кончится, ты, Бинго, сын Дрого, узнаешь больше об этих лютых тварях, чем Гилдор Инглорион. Да защитит тебя Эльберет!

— Ты куда хуже Гэндальфа, — вскричал Бинго, — и теперь я в большем ужасе, чем когда-либо в жизни. Но я глубоко тебе благодарен.

Конец главы по сути тот же в старой версии, в нынешнем тексте и в FR, но теперь Гилдор прибавляет приветствие: «и да воссияют звёзды над концом твоего пути».

Глава 17. НАПРЯМИК ЧЕРЕЗ ГРИБНЫЕ ЗЕМЛИ

Третья из первоначальных глав (с. 88 и далее) была теперь переписана, занумерована «IV» и получила заголовок «Напрямик через грибные земли». Это легко читаемая, но сильно изменённая рукопись, с великим множеством вариантного и отвергнутого материала. Однако итог, как он достигнут уже в это время (если на миг оставить в стороне длинную вариантную версию интерлюдии с фермером Мэгготом, не сразу отвергнутую), — это, в сущности, Глава 5 «Братства Кольца», в очень большой мере слово в слово, и о ней немного нужно сказать.

Главное отличие от FR состоит, конечно, в том, что тут всё ещё были Фродо Тук и Одо Болджер, а не просто Пиппин. Роль Пиппина и всё, что он говорит в FR, наличествуют почти в точно той же форме, но где в FR это Пиппин знаком с краем и знает фермера Мэггота, в нынешнем тексте (как и в первоначальной версии) это роль Фродо Тука, и, как только они спустились в равнинную землю, Одо отходит на задний план.

Немало новой географии входит с обсуждением, идти ли напрямик или нет (FR, с. 97). Хотя сырая низинная земля описана и в первоначальной истории (с. 91–92), теперь она зовётся Марью, и северный изгиб дороги (с. 89) объяснён: «чтобы обогнуть Марь с севера». Появляется теперь путь на юг от Брендивинского моста — сперва названный «насыпной дорогой», затем «дорогой на насыпи», затем «гатью»: «гать, что бежит от Моста через Сток и мимо Переправы вниз вдоль Реки к Дипхэллоу». Здесь впервые названа деревня Сток (и её трактир «Золотой Окунь», где, по словам Одо, бывало лучшее пиво в «Восточном Шире»), а также Дипхэллоу, который, хоть и помечен на карте Шира моего отца и на карте в FR, нигде не упомянут в тексте «Властелина Колец». (В первоначальной версии этой главы нет и намёка на гать, и хоббиты, выйдя с просёлка Мэггота, выходили на ту дорогу, что покинули, незадолго до того, как она достигала Переправы: см. с. 97 и примеч. 8. Сток тогда ещё не был измыслен. Позднее в старой версии Мармадук, доказывая, что надо идти Старым Лесом, говорит, что глупо было бы начинать путешествие, «тащась по скучной приречной дороге — на виду у всех многочисленных хоббитов Бакленда», но он

говорит о дороге внутри Бакленда, на восточной стороне Брендивина: с. 106, примеч. 18.)

Спор о том, каким путём идти, идёт в основном между Одо и Фродо и несколько отличается от окончательной формы. Одо, не зная края, доказывал, что будет «всякого рода препятствия», когда они спустятся в Марь, на что Фродо отвечал, что он-то её знает и что Марь теперь «вся укрощена и осушена» (в FR Пиппин, который берёт на себя роль Фродо Тука в том, что знает край, но роль Одо в том, что у него на уме «Золотой Окунь», спорит с Фродо (Бэггинсом), что в Мари «трясины и всякого рода трудности»).[1]

Ручей, что преградил им путь, теперь опознан как Сток-Брук. Единственная иная черта, которую стоит помянуть прежде, чем дойти до фермера

---

[1] Примечания: 269

Этот отрывок с обсуждением был сильно переписан. В отвергнутых версиях Одо предлагает разделиться: «Зачем всем идти одним путём? Кто голосует за короткий путь — режьте напрямик. Кто нет — идите в обход, и они (заметьте) доберутся до „Золотого Окуня“ в Стоке до заката», а Фродо доказывает, что надо идти напрямик, говоря: «Мерри не встревожится, если мы запоздаем». В другой Одо говорит: «Тогда мне придётся пристроиться сзади или идти одному. Что ж, не думаю, чтобы Чёрные Всадники мне что-нибудь сделали. Это тебя, Бинго, они вынюхивают. Если они спросят о тебе, я скажу: я поссорился с господином Бэггинсом и оставил его. Прошлой ночью он ночевал у Эльфов — спросите у них».

Здесь можно помянуть мелкую частность, связанную с географией. В «лесах, что сгрудились вдоль восточной стороны холма», FR, с. 98, строка 5, «холма» должно быть «холмов», как и в нынешнем тексте. ↩

[broken link: #rn33_1]

Мэггота, — это отвергнутый отрывок, что должен был занять место таинственного сопения, прервавшего песнь Одо во хвалу бутылке в первоначальной версии (с. 91). Там карандашная заметка на рукописи (с. 105, примеч. 3) гласила: «Звук копыт, проходящих невдалеке».

«Хо! хо! хо!» — затянули они снова, громче. «Тише! — сказал Сэм. — Кажется, я что-то слышу». Они разом смолкли. Бинго сел. Прислушиваясь, он уловил или подумал, что уловил, звук копыт где-то поодаль, идущих рысью. Они сидели молча какое-то время после того, как звук замер, но наконец заговорил Фродо. «Это очень странно, — сказал он. — Нет тут поблизости никакой дороги, какую я знал бы, а ведь копыта шли не по дёрну и не по листьям — если это были копыта». — «Но даже если так, из этого не следует, что это был звук Чёрного Всадника, — сказал Одо. — Земля тут не вовсе необитаема: есть фермы и деревни».

Это было заменено страшными сигнальными криками, в точности как в FR (с. 99–100). Из отвергнутой страницы немного дальше, когда они вышли в «укрощённые и благоустроенные земли», ясно, что стук копыт, который они слышали, на деле не был так уж таинствен: «Они только-только начали думать, что вообразили себе звук

копыт, как вышли к воротам: за ними изрытый колеями просёлок убегал к далёкой купе деревьев» (то есть к ферме Мэггота). Всадник, которого они слышали, был тем Чёрным Всадником, что приехал к двери Мэггота.

Когда мой отец дошёл в этой версии до фермера Мэггота, он последовал старой истории вот в чём: Бинго надел Кольцо на просёлке у фермы, затем вошёл в дом незримым и выпил пива фермера Мэггота, так что уход остальных вышел крайне неловким и тягостным. Учитывая всё, что теперь было сказано о Кольце, это удивительно, но я думаю, что моему отцу не хотелось терять эту интерлюдию (см. также примеч. 13), и хотя в это же время он написал и историю визита к Мэгготу в точно той форме, какую она имеет в FR, он сохранил этот первый, совершенно иной рассказ о том, что случилось в доме Мэггота, и пометил его как вариант.

В нём Мэггот становится буйным и непримиримым нравом, с чёрной ненавистью ко всем Бэггинсам, — развитие, явно возникшее, как я думаю, из нужды объяснить силу тревоги Бинго, когда тот узнаёт, кто владелец фермы, — тревоги достаточно великой (вкупе со свирепыми псами), чтобы объяснить, в свою очередь, как он мог

надеть Кольцо вопреки всем советам. В первоначальной версии Бинго надевал Кольцо как нечто само собой разумеющееся, как надевал его, когда мимо проезжали Чёрные Всадники. Более того, как стояла история тогда, Фродо и Одо были вполне осведомлены о его обладании волшебным кольцом, что дарует невидимость, и после того как они ушли от фермера Мэггота, Одо обратился к Бинго, пока тот был ещё невидим, назвав его поведение «глупой выходкой» (с. 97). Но теперь они не были осведомлены (ср. с. 245, примеч. 3: «Бильбо записывал свои приключения в личную книгу мемуаров, в которой поведал кое о чём, о чём никогда не говорил вслух (как, например, о волшебном кольце), но та книга никогда не была издана в Шире, и он никому её не показывал, кроме своего любимого „племянника“ Бинго»). Великая трудность теперь с этой историей, отметил мой отец на полях рукописи, была в том, что она потребовала бы сделать Одо, Фродо и Сэма — всех — осведомлёнными о кольце Бинго — «что досадно»; или же, прибавил он, «сделать остальных столь же изумлёнными, что и фермер Мэггот, — что трудно». Он был даже готов, как он отметил в том же месте, рассмотреть изменение строения настолько, чтобы избавиться от Одо и Фродо в

этом эпизоде, сделав их передовым отрядом в Бакленд, тогда как ходьба Бинго из Хоббитона была бы с Мерри и Сэмом, — что, по-видимому, подразумевает, что Мерри был посвящён в тайну Кольца. Сэм мог бы предполагаться знающим о нём из своего подслушивания под окном Бэг-Энда в конце главы «Древняя история», и мой отец также правил текст там и сям карандашом, чтобы «позволить этой версии устоять, если кольцо Бинго неведомо никому, кроме Сэма». Соображение, которого он здесь не сделал, — это различие между тем, что остальные знают о Кольце, и тем, что Бинго знает, что они знают, и когда он дошёл до разговора в доме в Бакленде (немного спустя, ибо текст двух глав непрерывен в рукописи), он решил, что они-то знали, но держали это знание при себе (как в FR, с. 114).

Привожу теперь бóльшую часть этой первой вариантной версии.

Они вышли к воротам, за которыми изрытый колеями просёлок бежал между низких изгородей к далёкой купе деревьев. Фродо остановился. — Я знаю эти поля! — сказал он. — Это часть зем-

ли старого фермера Мэггота.[2] Должно быть, вон там, среди деревьев, и есть его ферма.

— Беда за бедой! — сказал Бинго, встревожившись чуть ли не так, как если бы Фродо объявил, что этот просёлок — след, ведущий к драконьему логову. Остальные поглядели на него в изумлении.

— Что не так со стариком Мэгготом? — спросил Фродо.[3]

— Я его не люблю, и он меня не любит, — сказал Бинго. — Знай я, что мой короткий путь приведёт меня нынче близко к его ферме, я пошёл бы длинной дорогой. Я не бывал близ неё годы и годы.

— Да отчего же? — сказал Фродо. — Он ничего, если зайти к нему с правильной стороны. Я думал, он дружелюбен ко всему клану Брендибаков. Хотя для нарушителей границ он гроза и держит-таки несколько свирепых с виду псов. Но в конце концов мы тут близ рубежей, и народу

---

[2] Примечания: 270

При этом первом упоминании фермера в этом тексте он зовётся фермером Паддифутом, но это было сразу изменено на Мэггот, и Мэггот — его имя впоследствии всюду. В том же месте в первоначальной машинописи, и только в том месте, Мэггот был изменён на Паддифут (с. 105, примеч. 4). ↩ [broken link: #rn33_2]

[3] Примечания: 271

Фродо продолжал: «Конечно, эти люди там, в Мари, малость чудные и неприветливые, но Брендибаки с ними ладят», но это было вычеркнуто, едва написано. ↩ [broken link: #rn33_3]

приходится быть настороже.

— В том-то и дело, — сказал Бинго. — Я, бывало, лазил на его землю, когда был юнцом в Баклбери. На его полях росли лучшие грибы.[4] Я как-то убил одного из его псов. Я проломил ему голову тяжёлым камнем. Удачный бросок, ибо я был в ужасе и думаю, что он бы меня растерзал. Мэггот избил меня и сказал, что убьёт в следующий раз, как я ступлю за его межи. «Я бы убил тебя теперь, — сказал он, — кабы не был ты племянником господина Рори,[5] тем хуже и срамнее для Брендибаков».

— Но это же давным-давно, — сказал Фродо. — Он не убьёт господина Бинго Бэггинса, недавнего владельца Бэг-Энда, за его проступки, когда тот был одним из многих юных шалопаев Брендихолла. Даже если он об этом помнит.

— Не думаю, чтобы Мэггот был охоч забывать, — сказал Бинго, — особенно там, где дело касается его псов. Бывало, говорили, что он любит своих псов больше детей. И Бильбо рассказывал мне

---

[4] Примечания: 272

Здесь грибы вошли в историю: в первоначальной версии о грибах нет упоминания. ↩ [broken link: #rn33_4]

[5] Примечания: 273

О том, что Бинго — племянник Рори Брендибака (деда Мерри), см. с. 267, примеч. 4. ↩ [broken link: #rn33_5]

(всего за год-другой до того, как покинул Шир), что он как-то был в этих краях и заглянул на ферму перекусить и выпить. Когда он назвал своё имя, старый Мэггот прогнал его. «Не потерплю никакого Бэггинса на своём пороге. Шайка вороватых, кровожадных прохвостов. Убирайся, откуда пришёл», — сказал он и пригрозил ему палкой. С тех пор он много раз грозил мне кулаком, случись нам разойтись на дороге.[6]

— Ну, разрази меня гром, — сказал Одо. — Так теперь, выходит, нас всех изобьют или искусают, если увидят с разбойником Бинго.

— Вздор! — сказал Фродо. — Зайдите на просёлок, и тогда вы не будете нарушителями. Мэггот, бывало, был вполне дружелюбен со мной и Мерри. Я с ним поговорю.

---

[6] Примечания: 274

Другая версия рассказа Бинго делает так, что встречу с Мэготом имели Бильбо и Бинго, а фермера — настоящим людоедом:

— В том-то и дело, — сказал Бинго. — Я не с той стороны к нему подошёл, да и к его изгороди. Мы нарушали границу, как он это называл. Мы были в долине Ширборна и шли напрямик к Стоку — вроде как нынче, — когда забрели на его землю. Темнело, и пал белый туман, и мы заблудились. Мы перелезли через изгородь и очутились в саду, и Мэггот нас застал. Он напустил на нас огромного пса, скорее похожего на волка. Я упал, и пёс на меня, а Бильбо проломил ему голову своей толстой палкой. Мэггот рассвирепел. Он крепкий малый, и, пока Бильбо пытался объяснить, кто мы и как сюда попали, он подхватил его и швырнул через изгородь в канаву. Затем подхватил меня и хорошенько меня оглядел. Он признал во мне одного из клана Брендибаков, хоть я и не бывал на его ферме с юных лет. «Я хотел было свернуть тебе шею,

— сказал он, — и сверну ещё, племянник ты господина Рори или нет, коли поймаю тебя тут снова. Убирайся, пока я тебя не покалечил!» Он сбросил меня через изгородь прямо на Бильбо.

Бильбо поднялся и сказал: «В следующий раз я приду с чем-нибудь поострее палки. Ни тебя, ни твоих псов округе было бы не жаль». Мэггот рассмеялся. «У меня и у самого найдётся оружие-другое, — сказал он, — и в следующий раз, как убьёшь одного из моих псов, я убью тебя. Убирайся теперь, не то убью нынче же». Тому будет лет 20. Но не думаю я, чтобы Мэггот был охоч забывать. Встреча наша вышла бы недружелюбной.

Восприятие этой истории Фродо Туком было странно мягким. «Как же это всё неудачно! [— сказал он.] Никто, похоже, не был особо виноват. В конце концов, Бинго, ты должен помнить, что это близ Рубежей, и народ тут куда подозрительнее, чем там, в бэггинсовском краю».

Так же как Дипхэллоу (с. 286), Ширборн, помянутый в этом отрывке, нигде не назван в LR, хотя помечен и на карте Шира моего отца, и на той, что опубликована в FR (оба упомянуты в «Приключениях Тома Бомбадила», с. 9). ↩ [broken link: #rn33_6]

Они пошли по просёлку, пока не увидели соломенные крыши большого дома и хозяйственных построек, выглядывающие меж деревьев впереди. Мэгготы и Паддифуты из Стока и большинство народа Мари были домоседами…

Здесь было введено длинное отступление (вослед тому, что в первоначальной версии, с. 92) на тему хоббитов, живущих в домах; см. с. 294–295.

…и эта ферма была крепко сложена из кирпича и обнесена высокой стеной. В стене были крепкие деревянные ворота, открывавшиеся на просёлок. Бинго отставал. Вдруг, когда они подошли ближе, разразился ужасающий лай и брёх, и громкий голос послышался, кричащий: — Хват! Клык! Волк! Вперёд, ребятки! Вперёд!

Это было для Бинго чересчур. Он надел Кольцо и исчез. «Один разок не повредит, — подумал он. — Уверен, Бильбо поступил бы так же».

Он успел как раз вовремя. Ворота отворились, и три огромных пса с топотом вылетели на просёлок и бросились к путникам. Одо и Сэм вжались в стену, пока два крупных серых, похожих на волков пса обнюхивали их. Третий пёс остановился возле Бинго, нюхая и рыча, с шерстью, вставшей дыбом на загривке, и недоумением в глазах. Фродо прошёл несколько шагов нетронутым.

Из ворот вышел широкий, коренастый хоббит с круглым красным лицом[7] и в мягкой шляпе с высокой тульёй. — Эй! эй! И кто же вы такие, и что же вы тут делаете? — спросил он.

— Добрый день, фермер Мэггот! — сказал Фродо.

Фермер пристально на него поглядел. — Ну-ну, — сказал он. — Дай-ка взгляну — ты будешь господин Фродо Тук, сын господина Фолко, коли не ошибаюсь. Я редко ошибаюсь, у меня редкая память на лица. Давненько я не видал тебя в этих краях, с господином Мерри Брендибаком…

Начальная встреча с Мэготом далее в точности как в другом варианте эпизода, то есть в точности как в FR, с. 102, вплоть до «к великому облегчению Одо и Сэма псы отпустили их». Затем следует:

Одо и Фродо тотчас прошли в ворота, но Сэм помедлил. Помедлил и третий пёс. Он остался стоять, рыча и щетинясь.

Это было изменено карандашом так, чтобы читалось:

Одо присоединился к Фродо у ворот, но Сэм помедлил на просёлке. Фродо оглянулся, чтобы поманить Бинго, и гадал, как его представить,

---

[7] Примечания: 275

Фермер Мэггот снова недвусмысленно хоббит: см. с. 122 и примеч. 7. ↩ [broken link: #rn33_7]

назвать ли его имя или понадеяться, что память Мэггота не так хороша, как он хвалился, и промолчать, но Бинго нигде не было видно. Сэм наблюдал за одним из псов. Тот всё ещё стоял, рыча и щетинясь. Всё это казалось довольно странным.

Это было одно из изменений, сделанных, чтобы «позволить этой версии устоять, если кольцо Бинго неведомо никому, кроме Сэма» (с. 288).

— Сюда, Волк! — крикнул фермер Мэггот, оглядываясь. — Тьфу ты пропасть, что стряслось с псом. К ноге, Волк!

Пёс неохотно повиновался и у ворот обернулся и гавкнул.

— Что это с тобой? — сказал фермер. — Чудной нынче день, что и говорить. Волк чуть не спятил, когда тот молодчик подъехал верхом, а теперь вот ты, можно подумать, видишь или чуешь что-то, чего нет.

Они вошли в кухню фермера и сели у широкого очага. Псов заперли, ибо ни Одо, ни Сэм не скрывали тревоги, пока те были рядом. — Они вас не тронут, — сказал фермер, — разве что я им велю. — Госпожа Мэггот вынесла пиво и наполнила четыре больших глиняных кружки. Это была добрая варка, и Одо нашёл себя вполне возна-

граждённым за упущенный «Золотой Окунь». Сэм наслаждался бы ею больше, не тревожься он о своём хозяине.

— А откуда же вы идёте и куда, господин Фродо? — спросил фермер Мэггот с проницательным видом. — Не ко мне ли вы шли? Ибо, коли так, вы прошли мимо моих ворот, а я вас и не видал.

— Что ж, нет, — сказал Фродо. — По правде сказать (раз уж вы и так догадались), мы были на ваших полях. Но это вышло вовсе случайно. Мы сбились с пути там, у Вудхолла, пытаясь срезать к гати близ Переправы. Мы порядком спешим перебраться в Бакленд.

— Тогда дорога послужила бы вам лучше, — сказал фермер. — Но ты и господин Мерри вольны ходить по моей земле, пока не чините ущерба. Не то что та вороватая публика оттуда, с дальнего Запада, — прошу прощения, я забыл, что ты Тук по имени и лишь наполовину Брендибак, как говорится.[8] Но ты не Бэггинс, иначе тебя бы тут внутри не было. Этот вот господин Бинго Бэггинс

---

[8] Примечания: 276

На деле не было никакого указания, что мать Фродо Тука была Брендибак, как явствует из замечания Мэггота здесь, поддержанного также знанием Фродо Мари и тем, что Мэггот знает его как спутника Мерри Брендибака. В LR матерью Перегрина (что родствен Мериадоку так же, как Фродо Тук на этой стадии, см. с. 267, примеч. 4) была Эглантина Бэнкс. ↩ [broken link: #rn33_8]

— он убил как-то одного из моих псов, вот что он сделал. Тому больше 30 лет, но я этого не забыл, и я ему это живо припомню, посмей он только сунуться сюда. Слыхал я, будто он возвращается жить в Бакленд. Тем хуже. В толк не возьму, как Брендибаки это допускают.

— Но господин Бинго ведь тоже наполовину Брендибак, — сказал Одо (стараясь удержаться от улыбки). — Он вполне славный малый, если зайти к нему с правильной стороны; хоть он и ходит вкривь и вкось по округе, и до грибов охоч.

Послышался как будто вздох, призрак возгласа, невдалеке от уха Одо, хотя он не мог быть вполне уверен.[9]

— В том-то и дело, — сказал фермер. — Он, бывало, таскал мои, хоть я и бил его за это. И снова побью, коли поймаю. Но это мне напомнило: как вы думаете, о чём спросил меня тот потешный гость?

Тут фермер Мэггот переходит к своему рассказу о потешном госте, и его рассказ, хоть и короче, идёт почти как в другой вариантной версии и в

---

[9] Примечания: 277

Это предложение помечено карандашом на удаление. ↩ [broken link: #rn33_9]

FR,[10] с таким отличием:

— …У меня будто мороз по спине пробежал. Но тот вопрос был для меня уж чересчур. «Прочь, — сказал я. — Нет тут никаких Бэггинсов и не будет, покуда я на ногах. Коли ты им друг, тебе тут не рады. Даю тебе минуту, прежде чем кликну псов».

С «„Не знаю, что и думать“, — сказал Фродо» история в этой версии движется в сторону фарса.

— Тогда я скажу тебе, что думать, — сказал Мэггот. — Этот господин Бинго Бэггинс попал в какую-то беду. Слыхал я, будто он потерял или промотал бóльшую часть денег, что получил от старого Бильбо Бэггинса. А те были добыты каким-то чудным манером, да к тому же в чужих краях, говорят. Попомни мои слова, всё это идёт от каких-то делишек старого господина Бильбо. Может, есть такие, кому хочется знать, что сталось с золотом и прочим, что он оставил. Попомни мои слова.

— Уж непременно попомню, — сказал Фродо, порядком озадаченный догадливостью старого

[10] Примечания: 278

В этой версии Чёрный Всадник не говорит ничего, кроме «Не видали ль вы гос-по-дина Бэг-гинса?». Во второй версии его слова почти как в FR, хотя он всё ещё зовёт его «господин Бэггинс». ↩ [broken link: #rn33_10]

Мэггота.[11]

— И коли примешь и мой совет, — сказал фермер, — то будешь держаться подальше от господина Бинго, не то наживёшь себе беды побольше, чем рассчитываешь.

На этот раз вздох и подавленный возглас у уха Фродо нельзя было не расслышать.[12]

— Я запомню совет, — сказал Фродо. — Но теперь нам надо в Баклбери. Господин Мерри Брендибак ждёт нас нынче вечером.

— А вот это жаль, — сказал фермер. — Я хотел было спросить, не останетесь ли ты и твои друзья перекусить и выпить со мной и моей женой.

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказал Фродо, — но, боюсь, нам надо идти — мы хотим добраться до Переправы засветло.

— Ну тогда ещё по одной! — сказал фермер, и его жена налила ещё пива. — За ваше здоровье и удачу! — сказал он, потянувшись к своей кружке. Но в этот миг кружка покинула стол, поднялась,

---

[11] Примечания: 279

Во второй версии, как и в FR (с. 104), «проницательные догадки фермера были несколько обескураживающи» для Бинго (Фродо), но здесь догадки Мэггота обескураживают Фродо Тука, что наводило бы на мысль, что он знал, чего домогаются Чёрные Всадники. ↩ [broken link: #rn33_11]

[12] Примечания: 280

Это предложение помечено карандашом на удаление; ср. примеч. 9. ↩ [broken link: #rn33_12]

наклонилась в воздухе, а затем вернулась пустой на своё место.

— Спаси и сохрани! — вскричал фермер, вскакивая и разевая рот. — Этот день заколдован. Сперва пёс, теперь я: вижу то, чего нет.

— Но я тоже видел, как кружка поднялась, — неосторожно сказал Одо, не вполне пряча ухмылку.

Это последнее предложение было вычеркнуто карандашом как ненужное, «если кольцо Бинго неведомо никому, кроме Сэма». Остаток этой версии был написан на этом основании.

Одо и Фродо сидели и таращились. Сэм выглядел встревоженным и обеспокоенным. — Ты не позвал меня перекусить или выпить, — произнёс голос, что шёл, по-видимому, из середины комнаты. Фермер попятился к очагу; его жена завизжала. — А это жаль, — продолжал голос, в котором Фродо к своему замешательству узнал теперь голос Бинго, — ибо мне нравится твоё пиво. Но не хвались больше, что никакой Бэггинс никогда не войдёт в твой дом. Один уже внутри. Вороватый Бэггинс. Очень сердитый Бэггинс. — Настало молчание. — А именно — БИНГО! — вдруг гаркнул голос у самого уха фермера. В тот же миг что-то толкнуло его в живот, и он повалился с

грохотом среди каминных принадлежностей. Он сел снова как раз вовремя, чтобы увидеть, как его собственная шляпа покидает лавку, куда он её бросил, и выплывает за дверь, что отворилась, чтобы её пропустить.

— Эй! сюда! — заорал фермер, вскакивая на ноги. — Эй, Хват, Клык, Волк! — При этом шляпа понеслась с великой скоростью к воротам, но когда фермер побежал за нею, она приплыла обратно по воздуху и упала к его ногам. Он осторожно поднял её и поглядел на неё в изумлении. Псы, выпущенные госпожой Мэггот, примчались вприпрыжку, но фермер не дал им никакой команды. Он стоял, почёсывая голову и вертя шляпу так и эдак, словно ожидал обнаружить, что у неё выросли крылья.[13]

---

[13] Примечания: 281

Карандашные изменения в этом отрывке заменяют шляпу фермера Мэггота кувшином пива: «Он сел снова как раз вовремя, чтобы увидеть, как кувшин (ещё с остатком пива) покидает стол, куда он его поставил, и выплывает за дверь… При этом кувшин понёсся с великой скоростью к воротам, расплёскивая пиво по двору, но когда фермер побежал за ним, он вдруг остановился и замер на воротном столбе… Он стоял, почёсывая голову и вертя кувшин так и эдак…» (и «кувшин» вместо «шляпы» далее).

На полях рукописи мой отец написал: «Кристофер спрашивает: отчего шляпа не была невидимой, если одежда Бинго была?» История, должно быть, состояла в том, что Бинго на деле был в шляпе Мэггота, ибо иначе возражение, кажется, легко отвести (шляпа была предметом, внешним по отношению к носителю Кольца, ровно как и кувшин пива, или как было бы что угодно иное, каково бы ни было его назначение). Ясно,

что тонкий вопрос возникает, если Кольцо употребляется для таких целей, — вопрос, который мой отец обошёл, подставив кувшин. — Я был в великом восторге от истории о том, как Бинго отыгрался на фермере Мэгготе, и, хотя ныне удерживаю лишь смутный полупроблеск памяти, полагаю, что был сильно против её утраты: что, быть может, и объясняет, отчего мой отец сохранял её и после того, как стало ясно, что она вводит серьёзные трудности. ↩ [broken link: #rn33_13]

Одо и Фродо, а за ними Сэм вышли из дома.

— Ну, коли это не самое чудное, что когда-либо случалось в моём доме! — сказал фермер. — Толкуй после о призраках! Уж не разыгрывали ли вы меня, а? — сказал он вдруг, пристально вглядываясь в каждого по очереди.

— Мы? — сказал Фродо. — Да мы были напуганы не меньше вашего. Я не умею заставлять кружки осушаться сами или шляпы выходить из дома.

— Что ж, это дивно странно, — сказал фермер, не вполне, кажется, удовлетворённый. — Сперва этот всадник спрашивает господина Бэггинса. Потом являетесь вы, и пока вы в доме, голос господина Бэггинса начинает выкидывать фокусы. А вы ему друзья, как видно. «Вполне славный малый», — сказали вы. Коли нет связи между всеми этими чарами, я съем вот эту самую шляпу. Можете передать ему от меня, чтобы держал свой голос дома, не то я приду и заткну ему рот, хоть бы пришлось переплыть Реку и гоняться за ним по всему Баклбери. А теперь вам лучше возвращаться к своим друзьям и оставить меня в покое. Доброго вам дня.

Он провожал их задумчиво нахмуренным взглядом, пока они не свернули за угол просёлка и не пропали из виду.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Одо, пока они шли. — И где, скажи на милость, Бинго?

— А думаю я вот что, — ответил Фродо, — что дядюшка Бинго лишился рассудка, и сдаётся мне, мы скоро наткнёмся на него на этом просёлке.

— Не наткнётесь, потому что я прямо позади, — сказал Бинго. Вот он, рядом с Сэмом Скромби.

Эта версия эпизода на этом оканчивается, с заметкой: «Этот вариант продолжался бы во многом как в старой машинописной Главе III» — то есть в том, что касается перехода хоббитов от фермы Мэггота к Переправе, если их не везут туда в повозке Мэггота (см. с. 97–99).

Помимо любых иных соображений (которые вполне могли быть), я думаю, что прежде всего именно трудность с Кольцом убила эту версию. В следующей главе выясняется, что остальные хоббиты знали о Кольце, но что Бинго не знал, что они знают. Так свирепый фермер Мэггот, склонный ко злобе, уже исчез, а с ним и последнее (более или менее) беззаботное использование Кольца.[14] Вторая версия эпизода с Мэгготом в этой рукописи, очевидно, последовала довольно близко за первой, и она, как я сказал, (помимо

---

[14] Примечания: 282

Если только так нельзя описать эпизод в доме Тома Бомбадила (FR, с. 144). ↩ [broken link: #rn33_14]

имён) тождественна, кроме слова там и сям, истории в FR.

Остаётся отметить отрывок о хоббичьей архитектуре, помянутый выше (с. 289). Против него мой отец написал «Вставить в Предисловие»,[15] и во вторую версию истории о Мэгготе он не включён. Он был несколько развит из того, что в первоначальной форме главы (с. 92), но содержит меньше подробностей, чем тот, что в Прологе к FR (с. 15–16, в первом издании 16–17). Деление хоббитов на Мохноногов, Белоскоров и Стуров ещё не возникло, и тот факт, что некоторые из народа в Мари были «довольно крупными, и тяжелоногими, и у немногих и впрямь был лёгкий пушок под подбородками», приписан тому, что они не чистой хоббичьей породы. В этом рассказе искусство строить дома всё ещё зародилось, или мыслилось зародившимся, среди самих хоббитов, там, в приречных краях (в Прологе высказано, что оно было перенято у Дунэдайн или даже у Эльфов), но оно «давно было изменено (и, быть может, улучшено) перениманием уловок у гномов, и эльфов, и даже Большого Народа, и иного народа за пределами Шира».

---

[15] Примечания: 283

Отрывок в «Предисловии» приведён на с. 312–313. ↩ [broken link: #rn33_15]

Отрывок в Прологе о наличии домов во многих хоббичьих деревнях присутствует, и здесь впервые появляется Тукборо. Как этот отрывок был набросан сперва, он гласил:

Даже в Хоббитоне и Приречье, и в Тукборо, далеко в Тукленде, и на меловых Индаунах в средине Шира, где было большое население

Затем мой отец вычеркнул Индауны, разумея, по-видимому, включить и на меловых, и подставил [Мач- >] Мичел-Делвинг, прежде чем оставить предложение и начать заново. Мичел-Делвинг на Белых Взгорьях появился в прошлой главе (с. 278), заменив «Мач-Хемлок (в краю Хорнблоуэров)». Он, вероятно, собирался написать «Мач-Хемлок» и здесь. Похоже, что до сих пор он не решил, что главный город — на западе Шира, если вообще был какой-либо главный город, но он тут же переписал отрывок, и весьма вероятно, что именно в этот миг Мичел-Делвинг на Белых Взгорьях возник (и был затем вписан в «Промедление опасно»). Как написано окончательно, предложение гласит:

В Хоббитоне, в Тукборо, далеко в Тукленде, и даже в самом многолюдном [селении >] городе Шира, Мичел-Делвинге, на Белых Взгорьях на Западе, было много домов из камня, дерева и

кирпича.

Имя Индауны более не встречается; ср. Внутренние земли (Митталмар), срединную область Нуменора, «Неоконченные предания», с. 165.

Текст этой главы, следуя расположению первоначальной версии, продолжается прямо без перерыва от «Вдруг Бинго рассмеялся: от крытой корзины, что он нёс, поднимался запах грибов», чем оканчивается Глава 4 в FR, к «„Теперь нам и самим лучше двинуться домой“, — сказал Мерри», что в FR начинает Главу 5, но немного спустя мой отец разорвал текст в этом месте, вставив номер «V» и заголовок «Раскрытый заговор», и я следую этому расположению здесь.

Глава 18. СНОВА ИЗ БАКЛЕНДА К УИТИВИНДЛУ

(i) Раскрытый заговор

Текст «Напрямик через грибные земли», как я сказал, продолжается без перерыва, но мой отец добавил (не много спустя, см. с. 302) новый номер главы «V» и заголовок «Раскрытый заговор». Текст теперь делается и впрямь очень близок к Главе 5 FR (помимо, конечно, числа и имён хоббитов), и в нём лишь несколько частностей, которые стоит отметить. О самой ранней форме см. с. 99 и далее.

История Брендибаков ещё не знает Горхендада Олдбака как основателя (FR, с. 108). Как рукопись была написана сперва, деревня звалась Баклбериза-Рекой, и (развивая первоначальный текст, с. 100) «власть главы Брендибаков всё ещё признавалась фермерами на запад до самого Вудхолла (что причислялся к краю Боффинов)»;[1] это было изменено на «всё ещё признавалась фермерами между Стоком и Раши», как в FR. Раши здесь по-

[1] Примечания: 284

На карте Шира моего отца Боффины помещены к северу от Хоббитона, а Болджеры — к северу от Лесного Угла (с. 284, примеч. 9), но это было изменением того, что он написал сперва: подлежащие имена, как видно, стоят в обратных положениях. ↩ [broken link: #rn35_1]

является впервые.[2]

Именно в этом отрывке были впервые измышлены Четыре Чети Шира, как показывают слова: «Они не очень отличались от прочих хоббитов Четырёх Четей (Северной, Западной, Южной и Восточной), как звались четверти Шира». Здесь же впервые встречаются имена Бак-Хилл и Высокий Плетень — но Хейсенд восходит к первоначальной версии, с. 100. Великая изгородь всё ещё «чуть более сорока миль из конца в конец».[3] На вопрос Бинго «Могут ли кони переправиться через реку?» Мерри отвечает: «Они могут пройти пятнадцать миль до Брендивинского моста», причём над «пятнадцать» карандашом надписано «20?». В FR Высокий Плетень «куда более двадцати миль из конца в конец», и всё же Мерри по-прежнему говорит: «Они могут пройти двадцать миль к северу до Брендивинского моста». Барбара Стрей-

---

[2] Примечания: 285

Написание Rushy на опубликованной карте Шира — ошибка, сделанная впервые на моей подробной ранней карте (с. 107, пункт V) из-за неверного прочтения отцовской. Второй элемент — древнеанглийское ey, «остров». ↩ [broken link: #rn35_2]

[3] Примечания: 286

На первоначальной карте моего отца можно примерно вычислить (поскольку Бинго прикинул, что им оставалось восемнадцать миль по прямой от места, где они заночевали с Эльфами, до Переправы у Баклбери), что Высокий Плетень был около 43 миль, считая по прямой от северного его конца до южного. ↩ [broken link: #rn35_3]

чи («Странствия Фродо», Карта 6) указывает на эту трудность и полагает, что Мерри «разумел 20 миль в целом — 10 миль к северу до Моста и 10 миль к югу по другой стороне», но это значит насиловать язык: Мерри разумел не то. Это, на деле, ошибка, которой мой отец так и не приметил: когда длина Бакленда с севера на юг была уменьшена, оценку Мерри расстояния от Моста до Переправы следовало изменить соразмерно.[4]

Главная дорога внутри Бакленда описана (лишь на отвергнутой странице) как бегущая «от Моста к Станделфу и Хейсенду». Станделф нигде не упомянут в тексте LR, хотя помечен на карте Шира моего отца и на обеих моих; на всех трёх дорога обрывается там и не продолжается к Хейсенду, который не показан ни деревней, ни каким-либо жильём.[5]

При первых двух появлениях Крикхоллоу в этой главе имя было сперва Рингхей, изменённое на Крикхоллоу (в отрывке, приведённом в

---

[4] Примечания: 287

На позднейших картах моего отца (см. с. 107) измерение может быть лишь весьма приблизительным, но на том же основании, что и расчёт в примеч. 3, Высокий Плетень не может быть в них много более 20 миль (по прямой между концами). ↩ [broken link: #rn35_4]

[5] Примечания: 288

Станделф означает «каменоломня» (древнеанглийское stān-(ge)delf, сохранившееся в названии Стонидельф в Уорикшире). ↩ [broken link: #rn35_5]

примеч. 2 на с. 283, это имя — позднейшее добавление к тексту). При третьем появлении здесь Крикхоллоу было именем, написанным сперва. Рингхей отсылает к «широкому кругу лужайки, окружённому поясом деревьев внутри наружной изгороди».[6]

Важнейшее развитие в этой главе состоит в том, что после слов «дальний берег, казалось, был окутан туманом, и ничего нельзя было разглядеть» (FR, с. 109) мой отец прервал повествование следующей заметкой, прежде чем продолжать:

«Отныне предполагается, что Одо ушёл вперёд с Мерри. В предварительном путешествии были лишь Фродо, Бинго и Сэм. Характер Фродо немного больше похож на тот, что был некогда у Одо. Одо теперь скорее молчалив (и жаден)».

---

[6] Примечания: 289

В точности как в FR, хоббиты, уйдя с Переправы, оставили Бак-Хилл и Брендихолл по левую руку, вышли на главную дорогу Бакленда, повернули на полмили на север по ней, а затем свернули на просёлок к Крикхоллоу. На моей первоначальной карте Шира, сделанной в 1943 году (с. 107), текст — который здесь так и не был изменён — был уже представлен неверно, ибо главная дорога показана проходящей между Рекой и Брендихоллом (а просёлок к Крикхоллоу отходит от дороги к югу от усадьбы, так что хоббиты, согласно этой карте, на деле всё же миновали бы её по левую руку). Это, должно быть, было простое неверное истолкование текста, которого мой отец не приметил (ср. с. 108), и оно вновь появилось на моей карте, опубликованной в первом издании FR. Мой отец помянул эту ошибку в письме к Остину Олни из «Хоутон-Мифлин» от 28 июля 1965 года («Письма», № 274), и она была исправлена, на свой лад, на карте, опубликованной во втором издании. Карен Фонстад («Атлас Средиземья», с. 121) и Барбара Стрейчи

(«Странствия Фродо», Карта 7) ясно показывают верную топографию. ↩ [broken link: #rn35_6]

Против этого мой отец написал: «Кристофер хочет, чтобы Одо сохранили». К несчастью, у меня ныне лишь очень смутное воспоминание о тех разговорах полувековой давности, и мне неясно, в чём по-настоящему было дело. На первый взгляд, моё «желание сохранить Одо» должно бы значить, что я хотел сохранить его как члена отряда, что шёл из Хоббитона, ибо мой отец не предлагал отбросить Одо вовсе; с другой стороны, раз уж он держал в уме примешивание «Одовых» черт к характеру Фродо Тука, вполне может статься, что он замышлял вырезать его из похода после того, как хоббиты покинут Крикхоллоу. Быть может, мысль, что Одо останется в Крикхоллоу, уже наличествовала как возможность, и «Кристофер хочет, чтобы Одо сохранили» было мольбой о его выживании в большем повествовании, как члена главного похода. Это не более чем догадки, но если в них что-то есть, то, похоже, моё возражение временно взяло верх, ибо в конце главы Одо вполне восстановлен и готов идти с остальными в Старый Лес — как он и впрямь делает в переработке той главы в этой «фазе».

Положение в тексте, что следует за этой заметкой об Одо, в любом случае чрезвычайно трудно истолковать. Как написано сперва, Мерри го-

ворит, что поедет вперёд и скажет Оло, что они идут; когда Бинго постучал в дверь (Рингхея) Крикхоллоу, её отворил Оло Болджер, и Мерри поминает, что «Оло и я» добрались до Крикхоллоу с последней повозкой накануне; Мерри и Оло готовили ужин на кухне. «Оло» здесь играет роль Толстика (Фредегара) Болджера в FR (с. 110–111), но после этих упоминаний он исчезает из текста (и более не появляется никогда). Красными чернилами мой отец пометил: «Если Одо сохранён, изменить красным», и на коротком протяжении были сделаны некоторые правки красными чернилами, меняющие «Ты будешь последним в любом случае, Фродо» (о порядке входа в купальню) на «Одо», меняющие «три лохани» на «четыре лохани» и убирающие упоминания «Оло».[7]

Лучшее объяснение, по-видимому, в том, что когда Одо предстояло убрать из пешего отряда и приставить к Мерри, его имя тоже следовало изменить. Некоторые правки были сделаны, чтобы сохранить возможность удержать принятую историю. Но с того мига, как они сели ужинать, Одо вновь появляется в тексте, как написано

---

[7] Примечания: 290

Эти правки, возвращающие Одо, были сделаны в то же время, что и заметки об удержании истории, что Бинго вошёл в дом фермера Мэггота незримым (с. 288); ср. с. 297, примеч. 13. ↩ [broken link: #rn35_7]

сперва, — не просто присутствующим (что лишь показало бы, что Оло отвергнут, а Одо восстановлен), но как прошедший пешком из Хоббитона (хотя в этом случае имя его было взято в скобки). Но Фродо Тук теперь отпускает «Одо-Пиппиновы» реплики (как «О! Вот это были стихи!», FR, с. 116, — едва ли он сказал бы такое прежде). См. далее с. 323–324.

Купальная песня (которую здесь поёт Фродо в своём новом, одообразном характере) почти тождественна той, что поёт Пиппин в FR, но в добавлении красными чернилами к тексту (одно из необязательных добавлений, сделанных, чтобы вернуть Одо в его изначальной роли) даны образцы «состязательных песен» (FR, с. 111), что пели Бинго и Одо: первая строфа купальной песни, что Одо пел, пока они шли от фермы Мэггота к Переправе в первоначальной версии (с. 98) и что таким образом больше не используется, и первые две строки купального напева, что Одо пел, когда они достигли цели (с. 102), причём эти последние вычеркнуты.

Раскрытие заговора почти в точности как в FR, причём бремя его изложения берёт здесь, как и там, Мерри (вмешательство Пиппина «Ты не понимаешь!..» отдано здесь Фродо Туку). Как и в

FR, Мерри рассказывает историю о том, как он обнаружил существование кольца Бильбо, что прежде стояло в совсем ином контексте (см. с. 242 и примеч. 25), и говорит, что мельком заглянул в «мемуары» Бильбо («тайную книгу» в FR).[8]

Сообщение о том, что сказал Гилдор, помянутое здесь Мерри, а не самим Сэмом, насчёт того, чтобы Бинго взял спутников, отражает текст того эпизода на эту пору (см. с. 282): «Я знаю, что тебе посоветовали взять нас. Гилдор тебе так сказал, и ты не можешь это отрицать!»

Песня, что Мерри и Пиппин пели в FR (с. 116), здесь поётся Мерри, Фродо Туком и Одо[9] и весьма иная:

Farewell! farewell, now hearth and hall!
Though wind may blow and rain may fall,
We must away ere break of day
Far over wood and mountain tall.

---

[8] Примечания: 291

В этом тексте Мерри говорит «я был лишь в недорослях», тогда как в FR он говорит «в отрочестве». В LR (Приложение C) Мерри родился в (1382 =) 2982 году, и потому в год перед Прощальным угощением ему было 18. Здесь Мерри мыслится несколько старше. — На вопрос Мерри о книге Бильбо («Она у тебя, Бинго?») Бинго отвечает: «Нет! Он унёс её, или так кажется». Ср. последнюю заметку в «Вопросах и переделках» (с. 229): «Бильбо уносит „мемуары“ в Ривенделл». ↩ [broken link: #rn35_8]

[9] Примечания: 292

Изменено из «Мерри и Фродо». ↩ [broken link: #rn35_9]

Прощай! прощай, очаг и кров!
Пусть хлещет дождь, пусть ветр суров,
нам в путь пора, ещё до дня,
чрез лес и горы, в даль холмов.

The hunt is up! Across the land
The Shadow stretches forth its hand.
We must away ere break of day
To where the Towers of Darkness stand.

Погоня поднялась! Страна
под Тенью, длань её черна.
Нам в путь пора, ещё до дня,
туда, где Башен Тьмы стена.

With foes behind and foes ahead,
Beneath the sky shall be our bed,
Until at last the Ring is cast
In Fire beneath the Mountain Red.

Враги и спереди, и вслед,
под небом будет наш ночлег,
пока Кольцо не канет в Жар
в Огонь под Красною Горой.

We must away, we must away,
We ride before the break of day.

Нам в путь пора, нам в путь пора,
мы скачем прежде, чем рассвет.

В отвергнутой версии его ответа на вопрос Бинго, безопасно ли будет переждать один день в Крикхоллоу ради Гэндальфа (FR, с. 117), — отрывке, переписанном несколько раз, — Мерри поминает привратников, которые передадут весть «моему отцу, Хозяину Усадьбы». Отцом Мерри был Карадок Брендибак (Сарадок «Златосып» в LR); см. с. 251 и примеч. 4.

Когда Бинго поднимает вопрос о том, чтобы идти Старым Лесом, именно Одо, преисполненный ужаса от этой мысли, высказывает возражения, отданные в FR Толстику Болджеру (что остаётся позади).

Конец главы отличается от того, что в FR, и относится скорее к первоначальной версии (с. 104). (Мерри, кстати, не поминает, что Бинго когда-либо бывал в Лесу.)

— …Я часто там бывал — только днём, конечно, когда деревья довольно тихи и сонны. И всё же у меня есть кое-какое знание о нём, и я попытаюсь вас провести.

Одо не был убеждён и явно куда меньше страшился встретить отряд Всадников на открытой дороге, чем отважиться в сомнительный Лес. Даже Фродо был против этого плана.

— Мне претит эта мысль, — сказал Одо. — Я скорее рискнул бы с преследователями на Дороге, где есть надежда встретить и обыкновенных честных путников. Я не люблю лесов, и истории про Старый Лес всегда меня ужасали. Уверен, Чёрные Всадники будут чувствовать себя в том мрачном месте куда привольнее нашего. — Даже Фродо на этот раз принял сторону Одо.

— Но мы, верно, выберемся из него снова прежде, чем они вообще проведают или угадают, что мы туда вошли, — сказал Бинго. — В любом случае, коли хотите идти со мной, незачем пугаться первой же опасности: впереди вас почти наверняка ждёт куда худшее, чем Старый Лес. Идёте ли вы за капитаном Бинго или остаётесь дома?

— Мы идём за капитаном Бинго, — сказали они разом.

— Ну, значит, решено! — сказал Мерри. — Теперь надо прибраться и довершить упаковку. А потом спать. Я подниму вас всех задолго до рассвета.

Когда он наконец улёгся, Бинго какое-то время

не мог уснуть. Ноги у него ныли. Он был рад, что утром поедет верхом. Наконец он впал в смутный сон: в нём он будто глядел из окна на тёмное море спутанных деревьев. Внизу, среди корней, был звук чего-то ползущего и сопящего.

Более ранняя заметка на рукописи гласит: «Карандашные пометы = Одо остаётся». Эти пометы на деле ограничены только что приведённым разделом. «Даже Фродо на этот раз принял сторону Одо» взято в скобки и заменено дальнейшими словами Одо: «К тому же я твёрдо чувствую, что неправильно не подождать Гэндальфа». А после «„Мы идём за капитаном Бинго“, — сказали они разом» вставлено:

— Я пойду за капитаном Бинго, — сказали Мерри, и Фродо, и Сэм. Одо молчал. — Послушайте! — сказал он после паузы. — Не скрою, я боюсь Леса, но я к тому же думаю, что вам следует попытаться связаться с Гэндальфом. Я останусь здесь и буду отваживать любопытных. Когда Гэндальф придёт — а он наверняка придёт, — я расскажу ему, что вы сделали, и догоню вас вместе с ним, если он меня возьмёт. — Мерри и Фродо согласились, что это хороший план.

Это было бы важным развитием, хоть в конце концов и отвергнутым. Эти правки, впрочем,

происходят из несколько более поздней стадии.

(ii) Старый Лес

Завершив «Раскрытый заговор», мой отец продолжил свою переработку в следующую главу, впоследствии названную «Старый Лес». В этом случае он не делал новой рукописи, а лишь внёс поправки в первоначальный текст (описанный на с. 112–114), который, как я сказал, достиг с лишь самыми малыми отличиями формы опубликованного повествования. Глава была в это время перенумерована, из IV в VI, показывая, что Глава V «Раскрытый заговор» была отделена от «Напрямик через грибные земли». Обширные поправки, сделанные красными чернилами к первоначальной рукописи, приближают текст ещё ближе в подробностях слога к тому, что в FR (но топографические отличия, отмеченные на с. 113–114, остаются). Роли в эпизоде со Старым Вязом изменены присутствием Сэма Скромби в отряде. Бинго и Одо всё ещё те двое, кого защемило в трещинах дерева, а Фродо Тук всё ещё тот, кого столкнули в реку, но если в первоначальной истории это Мармадук (то есть Мерри) сгонял пони и спасал Фродо Тука из воды, то теперь эту роль берёт Сэм (как в FR), а Мерри «лежал как

колода».

(iii) Том Бомбадил

Рукопись главы о Томе Бомбадиле, номер которой изменён из V в VII, но всё ещё без заголовка, претерпела (с одним важным исключением) наименьшую правку на этой стадии (в неё и впрямь когда-либо вносилось мало изменений): едва ли больше, чем упоминание о том, что Сэм спит, вместе с Мерри, как колода, и изменение числа хоббитов с четырёх на пять. Точки различия, отмеченные на с. 120–123, почти все оставлены как были, но замечание Бомбадила о фермере Мэгготе («Мы родня, он и я…») было помечено крестиком, вероятно, в это время.

Единственное существенное сделанное изменение представляет большой интерес. На рукописи мой отец пометил «Вставить» перед отрывком о снах хоббитов в первую ночь в доме Тома Бомбадила, а что вставка относится к этой фазе, проясняется тем, что Крикхоллоу был пуст (то есть Одо ушёл с остальными в Старый Лес).

Пока они спали там, в доме Тома Бомбадила, тьма лежала на Бакленде. Туман блуждал по низинам. Дом в Крикхоллоу стоял безмолвный и одинокий: покинутый так скоро после того, как

был приготовлен для нового хозяина.

Ворота в изгороди отворились, и вверх по тропе, тихо, но поспешно, прошёл седой человек, закутанный в большой плащ. Он остановился, глядя на тёмный дом. Он тихо постучал в дверь и подождал, а затем переходил от окна к окну и наконец исчез за углом дома. Снова настала тишина. Спустя долгое время в просёлке послышался звук копыт, быстро приближавшийся. Шли кони. У ворот они остановились, и затем стремительно вверх по тропе явились ещё три фигуры, в капюшонах, укутанные в чёрное, низко склонённые к земле. Одна пошла к двери, одна — к углам торца дома по обе стороны, и там они стояли безмолвно, как тени чёрных тисов, пока время медленно тянулось, а дом и деревья вокруг него, казалось, ждали, затаив дыхание.

Вдруг настало движение. Было темно, и едва ли хоть звезда сияла, но обнажённый клинок вдруг блеснул, словно принёс с собою холодный свет, острый и грозный. Был удар, мягкий, но тяжёлый, и дверь содрогнулась. «Отворите слугам Владыки!» — произнёс голос, тонкий, холодный и ясный. От второго удара дверь подалась и отвалилась, замок её был сломан.

В этот миг позади дома грянул рог. Он разорвал

ночь, как огонь на вершине холма. Громко и медно он вскричал, отзываясь над полем и холмом: *Вставайте, вставайте! Страх, огонь, враг! Вставайте!*

Из-за угла дома вышел седой человек. Плащ его и шляпа были отброшены. Борода его реяла широко. В одной руке был рог, в другой — жезл. Сияние света вспыхнуло перед ним. Был вопль и крик, как у лютых ловчих зверей, что внезапно поражены и обращаются в бегство в ярости и муке.

В просёлке вырвался звук копыт и, быстро собравшись в галоп, бешено умчался во тьму. Вдалеке слышались ответные рога. Поднимались дальние звуки пробуждения и тревоги. По дорогам народ ехал и бежал на север. Но впереди всех скакал белый конь. На нём сидел старик с длинными серебряными волосами и струящейся бородой. Рог его звучал над холмом и долом. В руке его жезл пылал и мерцал, как сноп молний. Гэндальф мчался к Северным Воротам со скоростью грома.

Против конца этого вставленного текста мой отец написал карандашом: «Это потребует изменения, если Одо останется позади»; см. карандашный отрывок, добавленный в конце

прошлой главы (с. 302). А в конце текста, после слов «как сноп молний», он вписал: «Сзади цеплялась маленькая фигурка с реющим плащом», и имя «Одо». Значение этого прояснится позднее.

Часть третья. Третья фаза

Глава 19. ТРЕТЬЯ ФАЗА (1): ПУТЬ В БРИ

Мне кажется крайне вероятным, что «вторая фаза» письма, начавшаяся с пятой версии «Долгожданного угощения» (Глава XIV в этой книге), теперь иссякла, и снова было положено новое начало всему труду. Эта «третья фаза» составлена долгой чередой однородных рукописей, несущих историю от шестой версии «Долгожданного угощения» прямиком до Ривенделла. Хотя впоследствии надписанные сверху, переложенные вставками, перечёркнутые или «пущенные в дело» для частей позднейших текстов, эти рукописи были поначалу чисты и опрятны, и их довольно своеобразный, ровный почерк позволяет восстановить эту череду весьма точно, несмотря на кару, что постигла их позднее, и несмотря на то, что часть из них осталась в Англии, тогда как другая отправилась в Маркеттский университет. Это были и впрямь чистовые копии ныне хаотичных существующих текстов, и немного важных повествовательных изменений было сделано. Но в этих новых текстах «Бинго» окончательно

вытеснен «Фродо», а «Фродо Тук» становится, в свою очередь, «Фолко Туком», переняв то, что было именем его отца (см. с. 251, 290). Описывая эти версии третьей фазы, я здесь ограничиваюсь почти исключительно той формой, какую они имели, как написаны спервa, и оставляю в стороне устрашающие сложности их позднейшей обработки.

Доступны три свидетельства для определения «внешней» даты. Одно — письмо моего отца от 13 октября 1938 года, в котором он сказал, что книга «достигла Главы XI (хотя в довольно неразборчивом состоянии)» («Письма», № 34). Другое — его письмо от 2 февраля 1939 года, в котором он отметил, что, хотя не мог коснуться её с прошлого декабря, она к тому времени «достигла Главы 12 (и была переписана несколько раз), протянувшись более чем на 300 рукописных страниц того же размера, что и эта бумага, и написанных в общем столь же плотно». Третье — набор заметок, набросков сюжета и кратких повествовательных черновиков, все с датой «август 1939»: из них, как будет видно позднее, явствует, что третья фаза уже существовала.

Моя догадка — большего тут быть не может — в том, что в октябре 1938-го третья фаза не была

начата или не продвинулась далеко, ибо книга была «в довольно неразборчивом состоянии»; тогда как, когда мой отец писал о том, что вынужден был отложить труд в декабре 1938-го, он имел в виду именно третью фазу: оттого он и сказал, что она была «переписана несколько раз» (более того, «Глава XII» этой фазы — прибытие в Ривенделл, и именно здесь, как я думаю, новая версия была прервана).

Третью фазу можно описать довольно быстро, вплоть до конца «Тумана на Курганах», но сперва надо привести интересный новый текст. Его мой отец назвал Предисловием (предшественник Пролога в опубликованном труде). Подготовительного материала к нему не сохранилось, но для одного его раздела он взял отрывок о хоббичьей архитектуре из второй версии «Напрямик через грибные земли», против которого направил «Вставить в Предисловие» (см. с. 294–295). Он был едва изменён для своего места в Предисловии, но теперь была добавлена ссылка на «Эльфийские Башни», что восходит к самой ранней форме отрывка об «архитектуре» в первоначальной версии главы (с. 92–93), где Бинго говорит, что однажды сам видел башни.

Ряд изменений был внесён в рукопись Пре-

дисловия, но, помимо тех, что явно относятся ко времени написания, я их здесь оставляю в стороне и печатаю текст, как он был написан сперва.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О хоббитах

Эта книга по большей части о хоббитах, и из неё можно узнать, что они такое (или чем были) и стоит ли о них слушать или нет. Но узнавать что-либо, бредя по дороге или продираясь сквозь повесть, довольно утомительно, даже когда это (как порой случается) занятно или волнующе. Те, кто желает иметь ясность с самого начала, найдут полезные сведения в кратком рассказе о великом Приключении господина Бильбо Бэггинса, что привело к ещё более трудным и опасным приключениям, записанным в этой книге. Тот рассказ назывался «Хоббит, или Туда и обратно», ибо был занят главным образом самым знаменитым из всех старых легендарных хоббитов, Бильбо, и потому что тот сходил к Одинокой Горе и вернулся обратно к себе домой. Но одной повести вполне может оказаться всё, на что у читателей есть время или вкус. Так что я приведу здесь несколько крупиц полезных сведений.

Хоббиты — народ весьма древний, некогда бо-

лее многочисленный, увы, чем ныне, когда (или так я с печалью слышу по слухам) они быстро исчезают, ибо они любят мир и покой и добрую возделанную землю: благоустроенный и хорошо обработанный сельский край — их естественное прибежище. Они вовсе беспомощны с машинами сложнее мехов или водяной мельницы, хотя довольно ловки с инструментами. Они всегда были скорее робки с Большим Народом (как они нас зовут), а теперь прямо-таки нас боятся.

И всё же они явно должны быть нашими родичами: ближе к нам, чем эльфы или даже гномы. Во-первых, они говорили на очень схожем языке (или языках) и любили или не любили почти то же, что и мы некогда. Каково в точности это родство, трудно сказать. Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось бы заново открыть многое из ныне вовсе утраченной истории и преданий Древнейших Дней;[1] а это вряд ли случится, ибо лишь Эльфы хранят какие-либо предания о Древнейших Днях, и предания их — большей частью о них самих, что неудивительно: Эльфы

---

[1] Примечания: 293

Древнейшие Дни (Earliest Days), встречающееся в этом отрывке дважды, было изменено позднее на Старшие Дни (Elder Days). Последнее выражение встречается однажды в «Квенте Сильмариллион», где оно не с заглавной (V.259); ср. также Старшие Годы (V.90), древнейшие годы (V.245). ↩ [broken link: #rn39_1]

были тогда куда самым важным народом. Но даже их предания неполны: Люди входят в них лишь изредка, а Хоббиты не упомянуты. Эльфы, Гномы, Люди и иные существа лишь тогда узнали о Хоббитах, когда те уже существовали, тащась своим небогатым событиями манером, многие века. И они, как правило, продолжали тащиться, держась особняком и сторонясь повестей. В дни Бильбо (и Фродо, его наследника) они на время сделались очень важны — по тому, что зовётся случайностью, — и великие особы мира, даже Некромант, вынуждены были принимать их в расчёт, как показывают эти повести. Хотя у Хоббитов уже была тогда долгая история (тихого рода), те дни ныне очень давни, и география (и многое иное) была тогда очень иной. Но земли, в которых они жили, как ни изменились они ныне, должны были быть более или менее на том же месте, что и земли, в которых они всё ещё медлят: на Северо-западе старого мира.

Они (или были) маленький народ, меньше гномов: то есть менее плотный и коренастый, даже когда на деле были не намного ниже. Рост их, как и рост нас, Большого Народа, был довольно изменчив, колеблясь между двумя и четырьмя футами (нашей меры): три фута были более или менее

средним. Очень немногие хоббиты, вне их собственных более причудливых легенд, дотягивали до трёх футов шести дюймов. Лишь Бандобрас Тук, сын Изенгрима Первого, известный обыкновенно как Бычий Рёв, из всех хоббитов истории превзошёл четыре фута. В нём было четыре фута пять дюймов, и он ездил на коне.[2]

В хоббитах есть, и всегда было, очень мало волшебства. Конечно, они владеют той силой, что мы порой путаем с настоящим волшебством, — на деле это лишь своего рода ремесленная сноровка, ставшая жутковатой от долгой выучки, при поддержке тесной дружбы с землёй и всем, что на ней растёт: силой исчезать тихо и быстро, когда крупный глупый народ вроде нас является, топоча и производя шум, как слоны, который они слышат за милю. Уже издревле их великим желанием было избегать неприятностей, и были они скоры слухом и зорки. И были опрятны и проворны в движениях, хотя и склонны были к полноте в животе и не спешили без нужды.

Одевались они в яркие цвета, особенно любя зелёный и жёлтый, но обуви не носили, ибо ступни их обрастали природными кожистыми

---

[2] Примечания: 294

Бандобрас Бычий Рёв вновь является из «Хоббита» (глава I); см. далее с. 316–317. ↩ [broken link: #rn39_2]

подошвами и густым тёплым бурым волосом, кудрявым, как бурые волосы их голов. Единственным ремеслом, потому неведомым среди них, было сапожное, но у них были длинные ловкие бурые пальцы, и они умели делать много иных полезных вещей. Лица у них были добродушные, ибо они и были, как правило, добродушны, и смеялись они долго и глубоко, любя простые шутки во всякое время, но особенно после обеда (который у них бывал дважды в день, когда могли его раздобыть). Они любили подарки и дарили их щедро и принимали охотно.

Все хоббиты изначально жили в норах в земле, или так они верили; хотя на деле уже во времена Бильбо, как правило, лишь самые богатые и самые бедные хоббиты ещё так жили. Беднейшие хоббиты продолжали жить в норах самого старозаветного рода — на деле просто в норах, с одним окошком или вовсе без. Самые важные семьи продолжали жить (когда могли) в роскошных вариантах простых рытвин древних времён. Но подходящие места для этих больших и ветвящихся туннелей находились не всюду. В Хоббитоне, в Тукборо в Тукленде и даже в единственном по-настоящему многолюдном городе их Шира, Мичел-Делвинге на Белых Взгорьях, было много

домов из камня, дерева и кирпича. Они были особенно в чести у мельников, кузнецов, колёсников и народа того сорта: ибо, даже имея норы для жилья, хоббиты, бывало, ставили сараи и амбары под мастерские и склады.

Обычай строить фермы и жилые дома, как верили, зародился среди жителей приречных краёв (особенно Мари, что внизу у Брендивина), где земля была плоской и сырой, и где, быть может, хоббичья порода была не вполне чистой. Некоторые из хоббитов Мари в Восточной Чети, во всяком случае, были довольно крупными и тяжелоногими; у немногих и впрямь был лёгкий пушок под подбородками (ни у одного чистокровного хоббита не было бороды), а один-двое даже носили сапоги в грязную погоду.

Возможно, что мысль о строительстве, как и о столь многом ином, пришла изначально от Эльфов. Во времена Бильбо ещё стояли три Эльфийские Башни сразу за западными границами Шира. Они сияли в лунном свете. Самая высокая была дальше всех, стоя одиноко на холме. Хоббиты Западной Чети говорили, что с вершины той башни можно увидеть Море: но ни об одном хоббите не было известно, чтобы он на неё взобрался. Но даже если мысль о строительстве пришла

изначально от Эльфов, хоббиты употребили её на свой лад. Башни их не очень занимали. Дома их были обыкновенно длинны, низки и удобны. Старейшего рода были на деле искусственные норы из глины (а позднее из кирпича), крытые сухой травой или соломой либо дёрном, и стены их слегка выпячивались. Но, конечно, та стадия относилась к очень древней истории. Хоббичье строительство давно было изменено (и, быть может, улучшено) перениманием уловок у гномов и даже Большого Народа и иного народа за пределами Шира. Пристрастие к круглым окнам, а также (но в меньшей мере) к круглым дверям было главной оставшейся чертой хоббичьей архитектуры.

И дома, и норы хоббитов были обыкновенно велики и населены большими семьями. (Бильбо и Фродо Бэггинсы в этом, как и во многом ином, были скорее исключением.) Иногда, как в случае Брендибаков из Брендихолла, многие поколения родни жили в (сравнительном) мире вместе в одном родовом и ветвящемся обиталище. Все хоббиты, во всяком случае, были привержены клану и считали свои родства с великим тщанием. Они чертили длинные и затейливые родовые древа со многими ветвями. Имея дело с хоббитами,

важнее всего помнить, кто кому родня, и как, и почему.

Невозможно было бы изложить в этой книге родовое древо, что включало бы хотя бы важнейших членов важнейших семей Шира на ту пору, о которой мы говорим. Оно заняло бы целую книгу, и всякому, кроме хоббитов, показалось бы скучным. (Хоббиты бы его обожали, будь оно точным: они любят иметь книги, полные того, что они уже знают, изложенного честь по чести, без противоречий.) Шир — это их собственное имя того весьма приятного уголка мира, в котором самый многочисленный, чистокровный и представительный род хоббитов жил во времена Бильбо. Это была и впрямь единственная часть мира в то время, в которой двуногие жители были все Хоббитами и в которой Гномы, Большой Народ (и даже Эльфы) были лишь чужаками и случайными гостями. Шир делился на четыре четверти, называемые Четырьмя Четями — Северной, Южной, Восточной и Западной, а также на ряд родовых земель, что носили имена важных семей, хотя к этому времени имена эти уже не встречались только в их собственных родовых землях. Почти все Туки всё ещё жили в Тукленде, но это было не так верно для иных семей, вроде

Бэггинсов или Боффинов. Карта Шира найдётся в этой книге, в надежде, что она будет полезна (и будет одобрена как разумно верная теми хоббитами, что занимаются хоббичьей историей).

Чтобы дополнить сведения, даны также некоторые (сокращённые) родовые древа, что покажут, каким образом помянутые хоббиты-персоны родственны друг другу и каковы были их возрасты ко времени, когда повесть открывается. Это, во всяком случае, прояснит связи между Бильбо и Фродо и между Фолко Туком и Мериадоком Брендибаком (обыкновенно зовущимся Мерри) и прочими главными лицами.[3]

Фродо Бэггинс стал наследником Бильбо по усыновлению: наследником не только того, что осталось от немалого богатства Бильбо, но и его таинственнейшего сокровища — волшебного кольца. Это кольцо пришло из пещеры в Мглистых Горах, далеко на Востоке. Оно принадлежало печальному и довольно мерзкому созданию по имени Голлум, о котором в этой повести будет ещё слышно, хотя я надеюсь, что иные найдут время прочесть рассказ о его состязании в загадках с Бильбо в «Хоббите». Это важно для этой

---

[3] Примечания: 295

Лишь одно такое древо мне известно — быть может, единственное, сделанное моим отцом в это время; см. с. 316–318. ↩ [broken link: #rn39_3]

повести, как чародей Гэндальф пытался объяснить Фродо. Кольцо имело силу делать носителя своего невидимым. Имело оно и иные силы, которых Бильбо не открыл до самого долгого времени после того, как вернулся и снова осел дома. Потому о них не говорится в повести о его путешествии. Но эта позднейшая повесть занята главным образом кольцом, и потому больше о них здесь говорить не нужно.

О Бильбо рассказано, что он «оставался очень счастлив до конца своих дней, а те были необычайно долги». Так и было. Сколь необычайно долги — вы теперь можете узнать, и можете также узнать, что оставаться счастливым не значило продолжать жить вечно в Бэг-Энде. Бильбо вернулся домой 22 июня на пятьдесят втором году своей жизни, и ничего особо примечательного не случилось в Шире ещё шестьдесят лет, когда Бильбо начал готовиться к празднованию своего сто одиннадцатого дня рождения. С какового мига и начинается нынешняя повесть о Кольце.

Глава I: «Долгожданное угощение»

В начале этого шестого воплощения вступительной главы переработанный отрывок о книге Бильбо (с. 245, примеч. 3) был теперь убран и заменён на: «Предполагалось, что он пишет книгу,

содержащую полный рассказ о его таинственных приключениях того года, которую никому не дозволялось видеть».

Разговор в «Плюще» взят из предварительной версии, описанной на с. 244–245, и теперь достигает, в сущности, той формы, какую имеет в FR, но на этой стадии наставление Жихаря о Бильбо, Фродо и их предках всё ещё пересказывалось наперёд и рассказчиком тоже.[4]

«Чудно́го вида повозки, гружённые чудно́го вида свёртками», что правили «эльфы или плотно закутанные в капюшоны гномы», уцелевшие со второй версии главы (с. 20), были теперь сведены к единственной повозке, что правили гномы, и эльфов не появляется (см. с. 235), но знак Гэндальфа на фейерверках, названный здесь «руническим», всё ещё остаётся, и он всё ещё «маленький старичок». Среди гостей всё ещё были Гаукроджеры (так написано), но замечание, что Брокхаузы прибыли из Комба-под-Бри (с. 236), опущено. Юный Тук, что плясал на столе, меняет

[4] Примечания: 296

Так, если в предварительной версии разговора в «Плюще» (с. 244) зачин рассказчика должен был быть сведён к краткому абзацу, мой отец теперь и удерживал рассказ о прошлой истории из более ранних версий главы, и добавлял характерную манеру Жихаря Скромби её излагать. В FR Жихарь становится единственным источником. ↩ [broken link: #rn39_4]

имя с Просперо на Эверард (как в FR), но его пара остаётся Мелиссой Брендибак (Мелилот в FR).

Карандашное добавление к пятой версии (с. 246, примеч. 12), показывающее, что Бинго/Фродо вполне сознавал, что Бильбо намерен сделать, было взято (но, как в FR, Фродо задерживается за обеденным столом достаточно долго, чтобы утолить жажду Рори Брендибака: «Эй, Фродо, пусти-ка этот графин по кругу ещё разок!»); как и отрывок о том, что Бильбо берёт с собою Жало (с. 246, примеч. 13). Бильбо теперь (как в FR) достаёт рукопись в кожаном переплёте из несгораемого ящика (хотя и не «свёрток, завёрнутый в старое тряпьё»), но отдаёт пухлый конверт, который надписывает Фродо и в который кладёт Кольцо, гному Лофару, прося положить его в комнату Фродо.

Гэндальф всё ещё встречает Бильбо у подножия Холма после того, как тот покинул Бэг-Энд с Гномами (всё ещё зовущимися Нар, Анар и Ханнар), и разговор их остаётся как был (с. 238–240): в ответ на вопрос Гэндальфа «Он [Фродо] об этом знает, конечно?» Бильбо отвечает: «Он знает, что у меня есть Кольцо. Он читал мои личные мемуары (единственный, кому я когда-либо дозволял их читать)». Возвращение Гэндальфа в Бэг-Энд после

прощания с Бильбо включено из весьма черновой формы пятой версии (с. 247, примеч. 20), с единственным отличием, что Фродо теперь и впрямь читает письмо Бильбо, сидя в прихожей.

Список прощальных подарков Бильбо (с. 247, примеч. 21) теперь далее изменён утратой Карамеллы Чабб с её часами и Примо Грабба с его обеденным сервизом (уцелевших с первоначального черновика, с. 15, когда они были Карамеллой Тук и Иниго Грабб-Туком); Коломбо Хорнблоуэр с барометром тоже исчезает. Лофар всё ещё играет роль Мерри Брендибака на следующий после Угощения день, и разговор Гэндальфа с Фродо в тот день остаётся тем же, с разными позднейшими добавлениями и пропусками, сделанными к пятой версии (с. 248, примеч. 24–26, 28–30) и включёнными сюда: так, ссылка Бинго на то, что Бильбо воспользовался Кольцом, чтобы ускользнуть от Саквиль-Бэггинсов, конечно, убрана, ввиду её использования в «Раскрытом заговоре» (с. 300), как и предположение Гэндальфа, что Бинго мог бы при нужде связаться с ним через «ближайших гномов».

Родословие Туков

На обороте одной из страниц этой рукописи «Долгожданного угощения» — самое обстоятель-

ное родословие Туков, какое появлялось до сих пор.

Цифры, приставленные к именам, на первый взгляд весьма озадачивают: это явно ни даты по какому-либо независимому летосчислению, ни возрасты к смерти. Ключ даёт «Бильбо Бэггинс 111» и утверждение в Предисловии (с. 314), что родовые древа (из которых это единственное, что сохранилось или было сделано в это время) покажут, «каковы были их возрасты ко времени, когда повесть открывается». Основа — год Угощения, что есть ноль, и цифры — это возрасты лиц относительно Угощения. Меж любыми двумя цифрами даны относительные возрасты лиц. Так, 311 против Ферумбраса и 266 против Фортинбраса означает, что Ферумбрас родился на 45 лет раньше своего сына; Изенгрим Первый родился на 374 года раньше Мериадока Брендибака, восемью поколениями позже; Дрого Бэггинс был на 23 года младше Бильбо, и, не утони он в Брендивине и сумей прийти на Угощение, ему было бы 88, и так далее. Кинжалы, конечно, показывают лиц, что были мертвы ко времени Угощения.

Несколько цифр были изменены на рукописи, причём позднейшие таковы: Изенгрим II 172, Изамбард 160, Фламбард 167, Роза Бэггинс 151,

Банго Бэггинс 155, Иоланда 60, Фолко Тук 23, Мериадок 25, Одо 24.

Видно, что, хотя внешней хронологической структуры нет, внутренняя, или относительная, структура не так уж отлична от той, что в родовом древе Туков из Больших Смиалов в LR, Приложение C. В LR Мериадок родился через 362 года после Изенгрима II (= Изенгрима I в старом древе) и восемью поколениями позже.

Бандобрас Бычий Рёв (см. с. 311 и примеч. 2) здесь — сын Изенгрима, первого из рода Туков в древе, и в Прологе к LR (с. 11) он точно так же сын того Изенгрима (Второго). Это было упущено, когда делалось окончательное древо Туков, ибо там Бандобрас сдвинут вниз на поколение, став сыном (а не братом) Изумбраса (III), сына Изенгрима.[5]

Старый Тук теперь обретает имя Геронтий, как в LR (ранее он был «Фродо Первый», с. 251). Четыре сына названы здесь; в LR у него их было девять. Роза Бэггинс, жена одного из них (Фламбарда), появлялась в маленьком родословии, что в «Вопросах и переделках» (с. 222): там она сестра Банго

---

[5] Примечания: 297

В «Хоббите» Бандобрас зовётся двоюродным прадедом Бильбо, но сам Бильбо зовёт его своим прапрапрадядей — как он и есть в нынешнем древе. ↩ [broken link: #rn39_5]

Бэггинса, и она вышла за «Молодого Тука». Древо, данное на с. 267, удержано здесь в отношении родителей Мерри; Фродо Тук стал Фолко Туком, а его отец — Фолкардом (см. с. 309). Одо, здесь с двойным именем Тук-Болджер, был назван ранее (с. 251) имеющим мать из Туков и приходящимся троюродным братом Мерри и Фродо (Фолко), как и показано в этом древе.

Доннамира Тук, вторая из дочерей Старого Тука, теперь названа и приходится женой Хьюго Боффину, как в LR, где, однако, никакого потомства в древе не записано: об этом см. с. 386.

[Здесь в оригинале помещено генеалогическое древо «Родословие Туков».]

Наконец, пять дальнейших детей (шесть в LR) Мирабеллы Тук и Горбодука Брендибака даны вдобавок к Примуле, причём один из них — Рори Брендибак (см. с. 267, примеч. 4), чьё подлинное имя здесь Родерик (Роримак в LR); прочие сыновья носят вестготские имена, вовсе отличные от тех, что в древе Брендибаков в LR.

Глава II: «Древняя история»

Более ранние формы этой главы находятся на с. 76 и далее и с. 250 и далее. Версия третьей фазы местами трудна для истолкования, ибо она была изрядно изменена в самом акте сочинения

и очень сильно переправлена впоследствии, и нелегко различить «слои»; более того, она оказалась поделена, причём часть её страниц осталась в Англии, а часть отправилась в Маркеттский университет.

В общем, существо повествования остаётся удивительно близким к тому, что в предшествующей версии; она, конечно, была у моего отца перед глазами, и он по большей части довольствовался тем, что менял лишь выражение по ходу — повсеместно, но мало затрагивая существующую историю.

Из младших хоббитов, с которыми водился Фродо, главные теперь — Мериадок Брендибак, Фолко Тук и Одо Болджер (о Фолко вместо Фродо см. с. 309); родословных сведений о них не дано (ср. с. 251). Фродо больше не «исходил весь Шир» и не «часто бывал в отлучке»; скорее, «он не уходил далеко, и после ухода Бильбо прогулки его постепенно делались короче и всё больше кружили вокруг собственной норы». Когда он думал о том, чтобы покинуть Шир, и гадал, что лежит за его границами, «половина его теперь не хотела этого и начинала бояться прогулок на чужбину, как бы грязь на его ступнях не унесла его прочь». «Истончение», помянутое в предыдущей версии (с. 252),

«будто его растянули на множество дней, недель и месяцев, а сам он там не вполне присутствует», более не поминается, и Гэндальф не поминает о нём позднее в главе (ср. с. 266).

В рассказе о визитах Гэндальфа в Хоббитон отрывок предыдущей версии, описывающий его тайные приходы и постукивания в окно, перемещён так, что относится к более раннему времени, когда он приходил часто (ср. FR, с. 55), до его долгого семилетнего отсутствия (с. 268, примеч. 6). Чародей объявился снова «лет через пятнадцать после ухода Бильбо», и «за последний год он часто приходил и гостил подолгу». Разговор в «Зелёном Драконе» происходил «весной сорок девятого года Фродо» (в начале следующей главы этой фазы Фродо решает покинуть Бэг-Энд в сентябре «этого (его пятидесятого) года»: см. с. 253 и примеч. 8).

В отрывке о слухах про тревоги и о переселениях в широком мире место древней твердыни Саурона на Юге «близ середины мира в те дни» (с. 253) становится «близ средины Великой Земли», но это было тут же вычеркнуто, а отрывок о великанах становится: «Тролли и великаны бродили окрест, нового и более злобного рода, уже не тупоумные, но полные хитрости и колдовства». В разговоре в трактире отрывок о Серых Гаванях

теперь появляется, и весь разговор подходит почти к форме в FR (с. 54), но это всё ещё Джо Баттон видел «Древолюдей» за Северными Болотами, хотя работает теперь у «господина Фоско Боффина» — с прибавленным позднее «из Нортопа», а затем изменённым на «в Овер-Хилле». Фоско Боффин, двоюродный дядя Бильбо, появляется в родословии Туков, данном на с. 317; см. с. 386.

Начало разговора между Гэндальфом и Фродо в Бэг-Энде было изменено, вероятно, во время сочинения или очень скоро после, из формы, очень близкой к предшествующей версии (с. 255) и всё ещё включавшей упоминание Гэндальфа о двух его визитах в землю Некроманта. Новая форма гласит:

— Ты говоришь, кольцо опасно, куда опаснее, чем я предполагаю, — сказал наконец Фродо. — Давно ли ты это знаешь? И знал ли Бильбо? Хотел бы я, чтобы ты рассказал мне теперь больше.

— Поначалу я знал очень мало, — ответил Гэндальф медленно, словно ища в памяти. Уже дни путешествия, и Дракона, и Битвы Пяти Воинств начинали казаться смутными и далёкими. Быть может, даже он наконец начинал чувствовать свой возраст, и в любом случае много тёмных и странных приключений выпало ему с тех пор. —

Затем, после того как я вернулся с Юга и с Белого Совета, я начал гадать, каким волшебным кольцом он владеет, но я ничего не сказал Бильбо. С ним, казалось, всё было ладно, и я думал, что такого рода власть над ним бессильна. Так я думал, и в каком-то смысле был прав, но не вполне прав. Мне, быть может, следовало разузнать больше, раньше, чем я это сделал, и тогда я предостерёг бы его раньше. Но прежде чем он ушёл, я рассказал ему, что мог, — к тому времени я начал подозревать правду, но очень мало знал наверняка.

— Уверен, ты сделал всё, что мог, — сказал Фродо. — Ты был добрым другом и мудрым советчиком нам. Но это, должно быть, был великий удар для тебя, когда Бильбо исчез.

В рассказе Гэндальфа о Кольцах (с. 260) он теперь говорит: «Медленно, годами, он ищет их, надеясь вернуть их мощь в собственные руки и надеясь всегда найти Единое», а его слова о Трёх Кольцах были рано изменены из их формы во второй версии (с. 260, но с «земли, моря и неба» вместо «земли, воздуха и неба»):

Как они распорядились Тремя Кольцами Земли, Моря и Неба, я не знаю; не знаю и того, что сталось с ними ныне. Иные говорят, что сокрытые Короли-эльфы всё ещё хранят их в твердынях

Средиземья, но я полагаю, что их давно унесли далеко за Великое Море.

Гэндальф, опять-таки ранним или непосредственным изменением, теперь заключает свои слова о Семи Кольцах Гномов, что, как иные говорят, сгинули в огне драконов, словами: «И всё же тот рассказ, может статься, не вполне правдив»; он не поминает теперь веры в то, что некоторые из Семи Колец сохранились, хотя, без сомнения, подразумевает это (ср. первый черновик Совета Элронда, с. 398).

Как мой отец сперва написал здесь отрывок о Гил-галаде, он начал, следуя прежнему тексту почти в точности, с «Валандил, Король Острова» (см. с. 260 и примеч. 26), но изменил это в самом акте письма на: «и он заключил союз с Валандилом, Королём людей Нуменора, что вернулся через море из Западного Края в Средиземье в те дни». Валандил был затем изменён на Элендил, вероятно, почти сразу, и также при последующих появлениях имени в этом отрывке. Исилдор второго текста теперь пишется Исилдур. Воинство Исилдура было сокрушено «Орками», а не «Гоблинами» (см. с. 437, примеч. 35).

К рассказу Гэндальфа о Голлуме ничего не добавлено и не изменено против предшествующей

версии (см. с. 261), кроме того, что «его бабка, что правила всей роднёй, выгнала его из своей норы».

Суть рассуждения Гэндальфа о нраве и побуждениях Голлума в отношении Кольца остаётся неизменной со второй версии, хотя, конечно, с постоянным небольшим развитием в выражении, а в некоторых местах со значительным расширением. Слова «Лишь Эльфы способны это выносить, да и они угасают» (с. 261) теперь опущены. Смысл Гэндальфа в его ответе на возражение Фродо, что Голлум никогда не давал Бильбо Кольца, теперь проясняется:

— Но он никогда не давал Бильбо Кольца, — сказал Фродо. — Бильбо уже нашёл его лежащим на полу.

— Знаю, — ответил Гэндальф, — и я всегда думал, что это одна из самых странных вещей в приключении Бильбо. Потому-то я и сказал, что происхождение Голлума лишь отчасти объясняет случившееся…

Это всё ещё сам Гэндальф нашёл Голлума, хотя восклицание Фродо «Ты нашёл Голлума!» (с. 263) было впоследствии изменено на «Ты видел Голлума!», а ответ Гэндальфа на вопрос Фродо «Там ли ты его нашёл [в Лихолесье]?» (с. 264) был

изменён на «Я видел его там, но выследили его на деле мои друзья, с помощью Лесных эльфов». Ср. первую версию Совета Элронда, с. 401 и примеч. 20. — Рассказ Гэндальфа о собственной истории Голлума расширен так:

То, что я тебе рассказал, Голлум выложил охотно — хотя, конечно, не в том виде, как я передал. Голлум — *лжец*, и слова его надо просеивать. Например, ты, может, помнишь, что он сказал Бильбо, будто получил Кольцо как подарок на день рождения. Весьма неправдоподобно само по себе; невероятно, когда подозреваешь, какого рода кольцо это было на деле. Сказано это было лишь затем, чтобы Бильбо охотнее принял его как безобидную игрушку, — одна из хоббитоподобных мыслей Голлума. Этот вздор он повторил и мне, но я посмеялся над ним. Тогда он рассказал мне историю поправдивее, со множеством хныканья и рычания. Он думал, что его не понимают и с ним дурно обходятся…

Гэндальф всё ещё говорит, как ни странно, что Голлум «в конце концов выведал, конечно, что Бильбо каким-то образом раздобыл его Кольцо, и как его имя, и откуда он» (см. с. 263 и примеч. 32), и впрямь, эта мысль теперь высказана настойчивее: «И вести о позднейших событиях разошлись

по всему Глухоманью, и имя Бильбо поминалось далеко и широко».

Когда Гэндальф умолкает, сказав, что Голлум «мало-помалу, шажок за шажком, давным-давно пробрался крадучись вниз, в Землю Мордор», наступает тяжкое молчание, помянутое в FR, с. 68, и «теперь не было слышно ножниц Сэма». Фраза «Я и впрямь думаю, что Голлум — начало наших нынешних бед» удержана: см. с. 271, примеч. 33.

С «„Ну, как бы то ни было, — сказал Фродо, — если Голлума нельзя было убить“» мой отец сперва следовал прежнему тексту (с. 265) очень близко, но затем переписал его в изменённой форме.

— Ну, как бы то ни было, — сказал Фродо, — если Голлума нельзя было убить, лучше бы Бильбо не хранил Кольцо. Зачем он его хранил?

— Разве это не ясно из того, что ты теперь услышал? — ответил Гэндальф. — Помню, ты говорил, когда оно впервые попало к тебе, что в нём есть свои преимущества и что ты дивился, отчего Бильбо ушёл без него [см. с. 242]. Он владел им долгое время, прежде чем мы узнали, что оно особенно важно. После того было уже поздно: было ещё и само Кольцо, с которым приходилось считаться. У него своя власть и свой умысел, что мутят мудрый совет. Даже Бильбо не мог вполне

избегнуть его влияния. У него развилось чувство. Даже зная, что оно в конечном счёте идёт от Некроманта, он желал хранить его как памятку…

Наконец, отрывок, начинающийся «Я и впрямь желаю уничтожить его!» (с. 266), был изменён и расширен:

— Я и впрямь желаю уничтожить его! — вскричал Фродо. — Но ещё больше желаю, чтобы Кольцо никогда не попадало ко мне. Почему был избран я?

— Бильбо передал его тебе, чтобы спасти себя от погибели, и потому что не мог найти никого другого. Он сделал это неохотно, но веря, что, когда ты узнаешь больше, ты примешь это бремя на время из любви к нему. Он думал, что ты безопасен: безопасен в смысле не злоупотребить им и не дать ему попасть в злые руки; безопасен от его власти на время, и безопасен в тихом Шире хоббитов от ведома его создателя. И я обещал ему помогать тебе. Он на это полагался. И впрямь, ради тебя и ради него я предпринял много опасных странствий.

— Скажу также, что я не обнаружил огненных букв, или их смысла, и не знал наверняка, что это Правящее Кольцо, пока он уже не решил уйти. Я не сказал ему, ибо тогда он не обременил бы тебя.

Я отпустил его. Он владел Кольцом шестьдесят лет, и оно сказывалось на нём, Фродо. Оно в конце концов источило бы его, и я не смею гадать, что тогда могло бы случиться.

— Но теперь, увы, я знаю больше. Я видел Голлума. Я странствовал даже в Землю Мордор. Боюсь, что Враг ищет. Ты в куда более тяжкой опасности, чем когда-либо снилось Бильбо. Так что не вини его.

— Но я недостаточно силён! — сказал Фродо. — Ты мудр и могуч. Не возьмёшь ли ты Кольцо?

— Нет! — сказал Гэндальф, вскакивая на ноги. — С этим Кольцом я обрёл бы власть слишком великую и страшную. А надо мной оно обрело бы власть ещё бóльшую и смертоноснее. — Глаза его вспыхнули, и лицо озарилось, словно огнём изнутри. — Не искушай меня! Ибо я не желаю стать подобным самому Тёмному Владыке. И всё же путь Кольца к моему сердцу — через жалость к слабости и желание силы творить добро. Не искушай меня!

Он подошёл к окну и отдёрнул занавес и ставни. Солнечный свет снова хлынул в комнату. Сэм прошёл по тропе снаружи, насвистывая. — В любом случае, — сказал чародей, оборачиваясь к Фродо, — теперь уже поздно. Ты возненавидел бы

меня и назвал бы вором, и дружбе нашей пришёл бы конец. Такова власть Кольца. Но вместе мы взвалим на плечи бремя, что на нас возложено. — Он подошёл и положил руку на плечо Фродо. — Но мы должны сделать что-то скоро, — сказал он. — Враг приходит в движение.

Та же любопытная мысль всё ещё наличествует здесь, что Гэндальф обнаружил огненные буквы на кольце Бильбо и знал, что это Правящее Кольцо, прежде чем Бильбо ушёл, но не сказав ему (то есть без ведома Бильбо о том, что это испытание было проделано): см. с. 266 и примеч. 38. — Замечание Гэндальфа (с. 321) «Я и впрямь думаю, что Голлум — начало наших нынешних бед», удержанное со второй версии, теперь, быть может, делается менее тёмным (см. с. 271, примеч. 33): «Я был в Земле Мордор. Боюсь, что Враг ищет».

Глава III: «Промедление опасно»

Новый текст третьей главы, получивший теперь этот заголовок (что был нацарапан на второй версии), был ещё одной прекрасной чистой рукописью, заменившей своего ужасающе трудного предшественника (с. 273 и далее).

Глава всё ещё начинается с пересудов в «Плюще» и «Зелёном Драконе» (с. 274 и примеч. 1), прежде чем перейти к разговору между Гэндаль-

фом и Фродо. В том разговоре Гэндальф теперь и впрямь поминает, как в FR, о возможности, что задачей Фродо может оказаться отыскать Трещины Рока, — более того, он идёт дальше:

— И уйти туда, но не вернуться обратно, — мрачно прибавил Гэндальф. — Ибо в конце концов, думаю, ты должен прийти к Огненной Горе, хотя ты ещё не готов сделать это своей целью.

То, что с помощью Мерри[6] Фродо выбрал маленький домик в Крикхоллоу (см. с. 299), теперь взято из карандашной правки к предыдущей версии (с. 283, примеч. 2). Гэндальф всё ещё покидает Хоббитон «одним сырым тёмным майским вечером».

Но крупная перемена входит в историю с уходом Одо Болджера (не Тук-Болджера, как в родовом древе, с. 317) с Мерри Брендибаком в третьей повозке из Хоббитона. Мой отец предлагал это раньше (с. 299): «Отныне [то есть после прибытия в Бакленд] предполагается, что Одо ушёл вперёд с Мерри. В предварительном путешествии были лишь Фродо [Тук], Бинго и Сэм. Характер Фродо немного больше похож на тот, что был некогда у Одо. Одо теперь скорее молчалив (и жаден)».

---

[6] Примечания: 298
Его кузен Ланорак Брендибак (с. 275) исчез. ↩ [broken link: #rn39_6]

Но текст, что следовал за этим указанием, был тёмен и противоречив, по-видимому, из-за моего сопротивления этому предложению (см. с. 299). Теперь дело было сделано как следует.

В более ранних версиях главы юные хоббиты Фродо и Одо имели различные характеры (см. с. 70). Удаление Одо из похода не означает, однако, что характер Одо был удалён, ибо мой отец всегда работал на основе предшествующих черновиков, и немалая часть первоначального материала этой главы уцелела. Хотя Фродо Тук, переименованный теперь в Фолко Тука (раз Бинго стал Фродо), был тем, кто остался в новом повествовании, ему пришлось стать тем, кто произносит то, что говорил отсутствующий Одо, — если только мой отец не собирался переписывать написанное куда более решительно, чем ему хотелось. Несмотря на раннюю заметку «Сэма Скромби на место Одо» (с. 250), Сэм был с самого начала задуман слишком своеобразно, чтобы хоть сколько-нибудь годиться перенять небрежность Одо. Более того, в этой версии главы первоначальный вклад Фолко (Фродо) Тука был в любом случае ещё урезан. Стих «Дорога всё бежит вперёд» уже был отдан Бинго во второй версии (с. 278); теперь его рассказ о встрече с Чёрным Всадником на

Северных Болотах был выброшен, а его восклицание восторга, когда послышалось пение Эльфов («Эльфы! Как чудно! Я всегда мечтал услышать, как эльфы поют под звёздами»), было вырезано, по-видимому, в самом акте письма и заменено хриплым шёпотом Сэма: «Эльфы!» Так Фолко Тук, с уменьшенной долей «своего» и обретя многое из «Одова», делается «Одо» полнее, чем мой отец, по-видимому, предвидел, когда сказал «Характер Фродо [Тука] немного больше похож на тот, что был некогда у Одо».[7]

И всё же родословное место Фолко остаётся, ибо сам Одо (некогда по фамилии Тук, но теперь Болджер с матерью из Туков) ушёл вперёд в Бакленд, где отдельное и особое приключение (уже мельком увиденное наперёд, с. 302, 304) настигнет его, тогда как в место Фолко в родовом древе Туков, как двоюродного брата Мерри Брендибака (с. 267, 317), позднее ступит Перегрин Тук (Пиппин).

«Забитая жена Миранда» Косимо Саквиль-Бэггинса снова исчезает вместе с замечанием, что

---

[7] Примечания: 299

Обсуждение, идти ли далеко в первую ночь, всё ещё присутствовало (см. с. 276), но Фолко не перенимает нежелания Одо; в итоге все трое соглашаются, и, поскольку обсуждение стало теперь довольно бессмысленным, мой отец вычеркнул его и заменил словами FR (с. 80): «Что ж, нам всем по душе ходьба в темноте, так что давайте оставим за спиной несколько миль перед сном». ↩ [broken link: #rn39_7]

он и его мать Лобелия жили в Бэг-Энде «много лет после» (с. 283, примеч. 5). — «Дорога всё бежит вперёд» теперь достигает окончательной формы (с. 284, примеч. 10). — При первом появлении Чёрного Всадника на дороге, в отрывке, приведённом на с. 278, «Одо и Фродо» становятся «Фолко и Сэмом», и достигается текст FR (с. 84).

Как уже отмечено, рассказ Фродо Тука о его встрече с Чёрным Всадником на Северных Болотах Шира (с. 278) теперь выброшен, а разговор между Бинго и Фродо Туком о Чёрных Всадниках (с. 279), что следует за открытием Сэма, переходит в точности к форме в FR (с. 85), с Фолко вместо Пиппина, конечно. Краткая остановка Всадника у трухлявого дерева, в котором хоббиты ели ужин, однако удержана в этой версии, и в последующем разговоре Фродо всё ещё говорит, как говорил Бинго, что примет имя господина Холма из Далёка.

Когда послышалось пение Эльфов, Фродо говорит, как в FR, с. 88: «Их можно порой встретить в Лесном Углу», но он всё ещё говорит, как в предшествующей версии (с. 280), что они приходят весной и осенью «из собственных своих земель далеко за Рекой». Как и в FR, гимн Эльберету теперь, как сказано, поётся «на прекрасном Эль-

фийском языке», а в конце его Фродо говорит: «Это Высокие Эльфы! Они произносят имя Эльберет!»

Неосторожное замечание Одо об их удаче — нежданно набрести на хорошую еду и ночлег — исчезает и не передаётся Фолко. Приветствие Фродо «Звёзды сияют в час нашей встречи» сперва было дано, как прежде (с. 280), лишь в переводе, но мой отец изменил это, явно в самом акте письма рукописи, введением и эльфийских слов: *Eleni silir lúmesse omentiemman*, а затем снова *Elen silë …*, «Звезда сияет…» На это Гилдор говорит, как в FR: «Вот знаток Древнего Языка».

Это всё ещё Луна будит Эльфов к песне, но старое выражение («Жёлтая луна взошла, выпрыгнув стремительно из тени, а затем взбираясь круглая и медленная в небо»), уцелевшее с первоначальной версии главы (с. 61), было изменено, по-видимому, во время написания или очень близко к нему, на: «Над туманами там, на Востоке, явилась тонкая серебряная корка Новой Луны, и, поднявшись стремительно и ясно из тени, она качнулась, мерцая, в небе». Мой отец, без сомнения, сделал это изменение из-за того, что он сказал в другом месте о Луне, ибо была растущая луна, когда хоббиты приближались к Заверти, и она была «почти в половину» в ночь нападения

(с. 168, 184): нападение было 5 октября (с. 175), и не могло быть полной или почти полной Луны 24 сентября, в ночь, проведённую с Эльфами в Лесном Углу (см. с. 160). В ту ночь она, должно быть, была почти Новой Луной. Даты фаз Луны осенью и ранней зимой того года, приведённые на с. 434, примеч. 19, и впрямь дают Новую Луну 25 сентября, Первую Четверть (в половину) 2 октября и Полную Луну 10 октября. Но странное и нехарактерное заблуждение, что мой отец вообразил Новую Луну, восходящую поздней ночью на Востоке.[8] В FR, конечно, о Луне в этом отрывке не упомянуто: это «Небесный Меченосец, Менельвагор со своим сияющим поясом» заставил Эльфов разразиться песней.

В отрывке, описывающем воспоминания о трапезе, съеденной с Эльфами, достигается текст FR, причём Фолко удерживает воспоминания Фродо Тука вместе с воспоминанием Одо о хлебе.

Совет Гилдора Бинго (Фродо), чтобы тот взял верных спутников, и его мнение, что нынешние

---

[8] Примечания: 300

Это и впрямь столь необычайно, ввиду его глубокого и постоянного знания всех таких ладов и явлений, что ищешь объяснения: мог ли он разуметь «Старую Луну», но написать «Новая Луна», ибо думал о серповидной форме (характерно — «Новая Луна»), а не о фазе? Это кажется маловероятным, и в любом случае «старая Луна» как «тонкая серебряная корка» видна лишь под утро, ибо, чтобы иметь такой вид, Луна должна быть очень близко к Солнцу. ↩ [broken link: #rn39_8]

его спутники уже сбили Всадников со следа, удержаны (см. с. 282), но в конце теперь нет упоминания о Кольце, и их разговор оканчивается, как в FR (с. 94).

Глава IV: «Напрямик через грибные земли»

В этой новой версии главы стоит отметить лишь любопытный итог исключения Одо Болджера: Фолко Тук прибавляет долю Одо к той, что удержал от Фродо Тука в прежнем повествовании. В предыдущей версии Одо доказывал против того, чтобы идти напрямик к Переправе, потому что, хотя края он не знал, он знал «Золотой Окунь» в Стоке, а Фродо Тук доказывал за — потому что края он знал.[9] Теперь Фродо-элемент в Фолко, удерживая знание края, использует его, чтобы поддержать желание Одо-элемента в нём пива в Стоке, а его противником в споре оказывается Фродо (Бэггинс); так Фолко здесь, и на всём протяжении главы, — Пиппин во всём, кроме имени (см. с. 286–287).

Дипхэллоу теперь исчезает из текста (см. с.

---

[9] Примечания: 301

В более раннем, оставленном варианте эпизода с фермером Мэгготом в предыдущей версии главы Мэггот говорит, что Фродо Тук «наполовину Брендибак» (с. 291). Это было уже опущено во втором варианте, но он был двоюродным братом Мерри Брендибака, и он говорит Бинго, что Мэггот «друг Мерри, и я, бывало, захаживал сюда с ним порядком одно время», — точь-в-точь как Пиппин говорит Фродо в FR, с. 101. ↩ [broken link: #rn39_9]

286).

Глава V: «Раскрытый заговор»

Эта глава уже достигла во второй версии (с. 298 и далее) формы, очень близкой к той, что в FR, но оставалась путаница в том, был ли Одо в пешем походе из Хоббитона или ушёл вперёд в Бакленд с Мерри (см. с. 299, 323). Вслед за новой версией Главы III это теперь разрешено, конечно: Одо в Крикхоллоу, отворяет дверь, когда они прибывают, и готовит ужин с Мерри — на деле, до конца главы, он стал Фредегаром (Толстиком) Болджером. Текст теперь достигает, до конца главы, формы в FR, вплоть до мельчайших частностей выражения, лишь с такими отличиями: отрывок о Горхендаде Олдбаке всё ещё отсутствует (с. 298); Изгородь всё ещё сорок миль из конца в конец (там же), и «гномья песня» «Прощай! прощай, очаг и зал!» всё ещё удерживает форму предыдущей версии (с. 300–301).[10]

Конец главы, однако, всё ещё вовсе отличается от того, что в FR. Форма второй версии была сохранена, с включёнными карандашными добавлениями (с. 302). Одо говорит «Но в Старом

---

[10] Примечания: 302

Мой отец сперва написал, что её пели Мерри, Фолко и Одо, но имя Одо, без сомнения, было из-за его присутствия в предыдущей версии (с. 300), и он вычеркнул его сразу. ↩ [broken link: #rn39_10]

Лесу нам не будет удачи» (тогда как в FR Фредегар говорит «Но тебе не будет удачи»), ибо он всё ещё потенциально член дальнейшего похода, хотя мой отец на деле решил, что он останется в Крикхоллоу, пока не придёт Гэндальф. Привожу текст с «Идёте ли вы за капитаном Фродо или остаётесь дома?»:

— Мы идём за капитаном Фродо, — сказали Мерри и Фолко (и, конечно, Сэм). Одо молчал. — Послушайте! — сказал он после паузы. — Не скрою, я страшусь Леса больше всего, что знаю. Я не люблю никаких лесов, но истории про Старый Лес — сущий кошмар. Но я к тому же думаю, что вам следует попытаться держать связь с Гэндальфом, который, я полагаю, знает о Чёрных Всадниках больше вашего. Я останусь здесь и буду отваживать любопытных. Когда Гэндальф придёт — а он, думаю, наверняка придёт, — я расскажу ему, что вы сделали, и догоню вас вместе с ним, если он меня возьмёт.

Остальные согласились, что это в целом, по-видимому, превосходный план, и Фродо тут же написал краткое письмо Гэндальфу и отдал его Одо.

— Ну, значит, решено, — сказал Мерри.

Остаток главы — как в предыдущей версии.

Любопытный след этой стадии уцелел в опубликованном тексте. Поскольку оставление Одо позади не было частью «заговора», Мерри приготовил шесть пони — пять для пяти хоббитов и одного для поклажи. Когда история изменилась, и задачей Фредегара Болджера «согласно первоначальным замыслам заговорщиков» (FR, с. 118) было прямо остаться позади, эта подробность была упущена, и шесть пони так и остались в этом месте (FR, с. 117).

Глава VI: «Старый Лес»

Глава теперь наконец получает свой заголовок. Одо теперь прощался с остальными у входа в туннель под Изгородью такими словами:

— Хотел бы я, чтобы вы не шли в Лес. Не верю, что вы пройдёте сквозь него благополучно, и думаю, очень нужно, чтобы кто-то предупредил Гэндальфа, что вы туда вошли. Уверен, вам понадобится спасение прежде, чем кончится нынешний день. И всё же желаю вам удачи и надеюсь, быть может, однажды снова вас нагнать.

Холм, что вздымался из леса, всё ещё был увенчан купой деревьев (с. 113), но это было изменено на «голую макушку» FR в самом акте письма этой рукописи. Овраг, по которому хоббиты вынуждены были идти вниз, потому что не могли из него

выбраться, всё ещё оканчивается, как прежде (там же):

Вдруг лесные деревья кончились, и овраг сделался глубок и обрывист; дно его было почти сплошь заполнено шумной торопливой водой. Он сбегал наконец к узкому уступу на вершине скалистого берега, через который поток нырял и падал чередой малых водопадов. Глянув вниз, они увидели, что под ними — широкое пространство травы и тростника…

Старая история о спуске с тридцатифутового берега, таким образом, всё ещё присутствует, причём Фолко падает с последних пятнадцати футов.

В первоначальной форме истории о встрече со Старым Вязом (с. 113) Бинго и Одо были защемлены в дереве, а Мерри (тогда звавшийся Мармадуком) был тем, кто сгонял пони и спасал Фродо Тука из реки. На следующей стадии (с. 302) это было изменено в той мере, что Сэм перенял роль Мерри, а Мерри просто «лежал как колода». Теперь, с Фродо Туком и Одо, «сведёнными» к Фолко Туку, это всё ещё Фродо Бэггинс и Фолко защемлены в дереве, но Мерри ступает в роль Фродо Тука как тот, кого столкнули в реку.

В старейшей версии тропа подле Уитивиндла

озадачивающе сворачивала резко влево ниже дома Тома Бомбадила и шла через маленький мостик, и в позднейшей правке это было удержано, причём ещё позднее слово «влево» изменено на «вправо», подразумевая, что дом Бомбадила был на южной стороне Уитивиндла (см. с. 114). Нынешний текст читался сперва здесь:

[Тропа] свернула резко вправо и повела их через деревянный мостик, что пересекал другой, меньший поток, сбегавший вниз с журчанием.

Это удерживает поворот тропы и мостик, но раз мостик через приток, дом Бомбадила оказывается на северной стороне Уитивиндла. Мой отец, однако, вычеркнул этот отрывок, по-видимому, по ходу письма.

Глава VII: «В доме Тома Бомбадила»

Как и прошлая, эта глава теперь получает свой заголовок. Эпизод нападения на Крикхоллоу (с. 303–304) теперь часть текста и был повторён из прежней формы едва ли с каким значимым изменением и почти слово в слово. «Седой человек» поднялся по тропе, ведя белого коня, но то, что у Гэндальфа был белый конь, является позднее в первой версии. Важнее, что мой отец сперва повторил слова «Вдруг настало движение», но вычеркнул их и подставил: «Занавес в одном из

окон шевельнулся. Затем вдруг фигура у двери стремительно двинулась» (это изменение явно относится к написанию рукописи). Одо был в доме, конечно. Словам, нацарапанным карандашом в конце первой версии эпизода, «Сзади цеплялась маленькая фигурка с реющим плащом» и «Одо», в следующей нет ничего соответствующего, и я думаю, что они на деле ещё не были вписаны в прежнюю; на этой стадии, кажется, у моего отца не было дальнейших замыслов об Одо. Но есть карандашное добавление ко второму тексту, из которого, хоть оно и было стёрто, господин Таум Сантоски сумел разобрать следующее: «За ним бежал Одо… и… ветер. Ср. IX. 22». Об этом вопросе см. с. 336.

Сны. Содержание сна Фродо остаётся тем же, почти слово в слово, что и у Бинго в первоначальной версии (с. 118), кроме того, что после слов «копыта стучали, и ветер дул» следует «и слабо и далеко — эхо рога»: это явно перекликается с тем, как Гэндальф трубит в рог у Крикхоллоу, что в этом тексте непосредственно предшествует сну Фродо. Но если в истории, как она рассказана в первой фазе, «Бинго проснулся», а затем «снова уснул» (о реальности слышанных им звуков см. с. 119), то в этой версии Фродо «лежал во сне без

света»: это как в FR, но здесь ничто не наводит на мысль, что он проснулся (в отличие от FR: «„Чёрные Всадники!“ — подумал Фродо, пробуждаясь»). С другой стороны, отрывок в нынешнем тексте оканчивается, как в FR: «наконец он повернулся и снова уснул или забрёл в какой-то иной незапомнившийся сон». Фолко видит то, что изначально было сном Одо, и, как Пиппин в FR, «проснулся, или подумал, что проснулся», а затем «снова уснул». Мерри перенимает сон Фродо Тука о воде, со словами «падая в его тихий сон и медленно его пробуждая», удержанными из старой версии, хотя и вычеркнутыми, вероятно, сразу; этот отрывок оканчивается, как в FR: «Он глубоко вздохнул и снова уснул». Сэм «проспал всю ночь в глубоком довольстве, если колоды бывают довольны».

В разговоре Тома с хоббитами на второй день удержана старая фраза «Тёмная тень поднялась из средины мира» (см. с. 121), а ответ Тома на вопрос Фродо «Кто ты, Хозяин?» почти в точности как в старой версии (с. 121): он говорит «Я — Аборигин, вот я кто», и слова «Он видел, как Солнце взошло на Западе, а Луна последовала за ним, прежде чем был устроен новый порядок дней» удержаны (см. мой разбор этого отрывка,

с. 121–122).

Во всех прочих мелких отличиях, помянутых на с. 122–123, нынешний текст достигает окончательной формы.

Глава VIII: «Туман на Курганах»

Немного нужно сказать об этой главе, что следовала первоначальному тексту (с. 127–130) и теперь получила свой заголовок. «Рука, шагающая на пальцах» в кургане подползла к Фолко, и Фродо упал вперёд на него (с. 127). Слова Мерри, когда он проснулся, остаются неизменными (с. 128), и о бронзовых мечах, что Том Бомбадил выбрал для хоббитов из сокровищ кургана, не сказано ничего больше слов, добавленных к первоначальному тексту: Том сказал, что «они были сделаны многие века назад людьми с Запада: они были врагами тёмного Владыки».

Заключение главы продвигается несколько к окончательной форме, но черты первоначальной версии удержаны (с. 129–130). Так, Фродо, спускаясь верхом на Дорогу, всё ещё говорит: «Надеюсь, после этого мы сможем держаться торной тропы», на что Бомбадил отвечает: «Это вам и следует делать, покуда сможете: держитесь торного пути, но скачите быстро и осторожно». В прощальном своём совете он всё ещё говорит:

«Барнабас Баттербур — достойный хозяин: он знает Тома Бомбадила, и имя Тома вам поможет. Скажите „Том послал нас сюда“, и он обойдётся с вами ласково». После того как он ушёл, никакого разговора между хоббитами не записано, и глава оканчивается во многом как в первоначальном тексте. Сэм ехал с Фродо впереди, Мерри и Фолко — позади, ведя запасного пони, и Бри всё ещё «маленькая деревушка».

Глава 20. ТРЕТЬЯ ФАЗА (2): ПОД ВЫВЕСКОЙ «ГАРЦУЮЩЕГО ПОНИ»

С Главой IX, получившей теперь заголовок «Под вывеской „Гарцующего Пони“», повествование этой фазы претерпело куда более существенное развитие, но вовсе не в направлении окончательной истории в FR. Однако прежде, чем перейти к этому, надо рассмотреть любопытную черту в начале главы.

Начало теперь продвинулось далеко от ранних форм, данных на с. 132–134: от первоначального рассказа, в котором Бри была деревней Людей, но где «водились и хоббиты», к истории, что в Бри были только хоббиты и господин Баттербур сам был хоббитом. Позднейшая заметка (с. 223), однако, гласила, что «народ Бри не должен быть хоббитами». Теперь мой отец разрешил вопрос, вернувшись, более или менее, к первоначальной мысли: Люди и Хоббиты жили в Бри вместе. Но ему трудно было достичь формы начала, которой он мог бы удовольствоваться, и есть версия за версией, что скоро сходят на нет, сменяясь

следующей. Все эти черновики очень схожи, различаясь порядком материала и допущением или опущением подробностей; все явно относятся к одному времени, и нет нужды разглядывать их пристально, кроме как в одной частности. Все черновики содержат отрывок, что в FR (с. 161), о происхождении Людей Бри — один из них прибавляет, что они были «потомками сынов Беора», — и о возвращении Королей Людей из-за Великих Морей.[1] Отрывок, что следует за этим, как и в FR, касается Следопытов и почти одинаков во всех черновых формах его:

Никакие иные Люди не жили теперь так далеко на Западе и так близко к Ширу — на сто лиг и более. То есть никакой осёдлый народ: ибо были Следопыты, таинственные странники, на которых Люди Бри взирали с глубоким уважением (и малой толикой страха), ибо говорили, что они — последний остаток королевского народа из-за Морей. Но Следопыты были немногочисленны и редко видимы и бродили по своей воле в диких землях к востоку, даже до самых Мглистых Гор.

---

[1] Примечания: 303

В черновиках стоит «Немногие пережили смуты Древнейших Дней» — выражение, употреблённое в Предисловии (с. 329, примеч. 1), где в FR — «Старшие Дни»; самая ранняя форма отрывка такова: «Немногие пережили смуты тех старых и забытых дней и войны Эльфов и Гоблинов». ↩ [broken link: #rn40_1]

Любопытно, что в той форме начала главы, которой было дозволено устоять, рассказ о Следопытах совсем иной и не следует за словами «Никакие иные Люди не жили в то время так далеко на Западе и так близко к Ширу на сто лиг», а помещён дальше (после «В семействе Брендибаков, по всем рассказам, была брийская кровь», FR, с. 162). Эта версия гласит:

В диких землях к востоку от Бри бродил немногочисленный неосёдлый народ (люди и хоббиты). Этих народ Брийского края звал Следопытами. Некоторые из них были хорошо известны в Бри, который они навещали довольно часто, и им были рады как приносящим вести и рассказчикам странных историй.

Позднее в главе Баттербур отвечает на вопрос Фродо о Топотуне так:

Толком не знаю. Он из бродячего народа — Следопытами мы их зовём. Не то чтобы он и впрямь Следопыт, ежели вы меня понимаете, хоть и ведёт себя как они. Сдаётся, он какой-то хоббит. Он захаживает довольно часто последний год, особенно с прошлой весны, но говорит редко.

В первоначальной версии в этом месте (с. 137) Баттербур говорит: «А! это из диких — следопытами мы их зовём». А Гэндальф в письме своём к

Фродо всё ещё ссылается в тексте третьей фазы, как и в старой версии, на Топотуна как на «следопыта… смуглого, довольно сухощавого хоббита, носит деревянные башмаки» (с. 352).

С этими извлечениями сравни заметку в «Вопросах и переделках» (с. 223): «Следопытов, пожалуй, лучше не делать хоббитами».

Это трудно истолковать. В третьей фазе мы находим утверждение (в черновых версиях), что Следопыты — «последний остаток королевского народа из-за Морей», а также утверждения, что Следопыты — и люди, и хоббиты, что один определённый хоббит — Следопыт (так Гэндальф) и что этот же хоббит «не совсем Следопыт, хоть и ведёт себя как они» (так Баттербур). Простейшее объяснение — предположить, что нуменорское происхождение Следопытов было мыслью, которую мой отец обдумывал в черновиках, но отложил, когда писал текст главы и последующее повествование (см. далее с. 393). Каково бы ни было объяснение, ясно, что завершённый замысел Следопытов рождался трудно, и характерно, что даже когда мысль о Следопытах как о последних потомках нуменорских изгнанников возникла и место, так сказать, было таким образом приготовлено для Топотуна, он не сразу ступил в

это место.

Деревня Стэддл теперь вновь появляется (см. с. 132), по другую сторону холма, а Комб помещён «в глубокой долине немного далее к востоку», Аркет — «на опушке Четвуда», всё как в FR, с. 161. То, что Бри стояла на старом перекрестье путей, Восточной Дороги и Зелёного Тракта, бегущих на север и юг, теперь является. В единственной из черновых версий начала, что доходит до самого повествования, хоббиты

миновали один-два отдельно стоящих дома, прежде чем подошли к трактиру, и Сэм с Фолко глазели на них в изумлении. Сэм был полон глубокого подозрения и сомневался в мудрости искать какого-либо ночлега в столь чудном месте. — Это ж надо лезть по лестнице, чтоб лечь спать! — сказал он. — Зачем они так делают? Они ведь не птицы.

— Так воздушнее, — сказал Фродо, — да и безопаснее в более диком краю. Вокруг Бри, насколько вижу, нет ограды.

Тут мой отец остановился; вероятно, в тот миг он решил, что это неправдоподобно. В завершённом тексте главы появляются ров, изгородь и ворота.

Фродо и его спутники подошли наконец к пе-

рекрестью Зелёного Тракта и приблизились к деревне. Они обнаружили, что её окружает глубокий ров с изгородью и оградой по внутреннюю сторону. Над ним пролегала Дорога, но она была заперта (как было в обычае после наступления ночи) большими воротами из жердей, положенных поперёк на крепкие столбы по обе стороны.

Маленькая карта-набросок, воспроизведённая ниже, весьма вероятно, относится как раз к этому времени. Подле линии, означающей наружный обвод Бри, написано «ров и о.», то есть «ограда». (О более ранней, очень простой карте-наброске Бри см. с. 174, примеч. 20.)

Текст продолжается:

[Здесь в оригинале помещён план Бри.]

Сразу за преградой был дом, и человек сидел у двери. Он вскочил, принёс фонарь и поглядел поверх ворот вниз на них в удивлении.

— Мы держим к здешнему трактиру, — сказал Фродо в ответ на его вопросы. — Мы странствуем на восток и дальше нынче ночью идти не можем.

— Хоббиты! — сказал человек. — И более того, ширские хоббиты, судя по говору! Ну, коли это не диво: ширский народ едет ночью и странствует на восток!

Он медленно снял жерди и пропустил их. — А ещё чуднее, — продолжал он, — что за последние дни не один путник ехал тем же путём и справлялся об отряде из четырёх хоббитов на пони. Но я посмеялся над ними и сказал, что никакого такого отряда не было и вряд ли будет. И вот вы тут! Но коли двинетесь к старому Баттербуру, не сомневаюсь, найдёте радушный приём, а может, и больше вестей о ваших друзьях.

Они пожелали ему доброй ночи, но Фродо не сделал никакого замечания по поводу его речей, хотя и видел в свете фонаря, что человек оглядывает их с любопытством. Он был рад услышать, как жерди опускаются на место позади них, когда они поехали вперёд. По крайней мере один Чёрный Всадник был теперь впереди них, или так он догадывался по словам человека, но вполне вероятно было, что иные ещё позади. А как же Гэндальф? Не прошёл ли и он тоже, пытаясь нагнать их, пока они мешкали в Лесу и на Курганах?

Хоббиты поехали вверх по пологому склону, минуя несколько отдельно стоящих домов, и остановились у трактира…

Рассказ о смятении Сэма при виде высоких домов, об устройстве трактира и об их прибытии

почти слово в слово как в FR, с. 164, и Барнабас Баттербур теперь человек, а не хоббит. Но отрывок первоначальной версии, в котором Бинго (Фродо) ссылается на рекомендацию «Гарцующего Пони» Томом Бомбадилом и затем привечается хозяином (с. 134–135), удержан. Фродо теперь представляет их под верными именами, кроме того, что себя зовёт «господином Холмом из Далёка» (см. с. 280, 324). Баттербур отвечает во многом как в старой версии (с. 135), но его замечания там о Туках теперь отнесены к Брендибакам, и не просто в общем смысле ширского народа, но потому, что Мерри был представлен как господин Брендибак, и он теперь поминает чужаков, что пришли по Зелёному Тракту накануне ночью. Отрывок об их запасе денег (см. с. 136 и примеч. 7) удержан, хотя срочность смягчена («Фродо взял с собою немного денег, конечно, столько, сколько было безопасно или удобно, но их не хватило бы на расходы по хорошим трактирам без конца»).

С «Хозяин повертелся вокруг немного, а затем приготовился[2] оставить их» новая глава достигает окончательной формы на долгом протяжении, лишь с малыми отличиями и большей

[2] Примечания: 304

приготовился: в FR — «вознамерился оставить их», но это ошибка, возникшая на стадии машинописи. ↩ [broken link: #rn40_2]

частью в тех же словах. Народ в общей зале трактира (включая чужаков с Юга, что «глазели с любопытством») как в FR (и ботанические имена Людей Бри, см. с. 137 и примеч. 8), но «среди общества [Фродо] приметил привратника и смутно подумал, не выходной ли у того нынче вечер». «Косоглазый неказистый малый», что в FR предрёк, что много больше народу пойдёт на север в ближайшем будущем, здесь просто «один из путников», что пришёл по Зелёному Тракту. Фолко Тук теперь, конечно, «нелепый юный Тук», но он ещё не рассказывает историю об обвале крыши Городской Норы в Мичел-Делвинге. Фродо «слышал, как кто-то спрашивает, в какой части живут Холмы и где находится Далёк, и он надеялся, что Сэм и Фолко будут осторожны».

Как уже отмечено, Топотун остаётся хоббитом;[3] и описание его на деле следует первоначальной версии (с. 137) близко, включая деревянные башмаки; его трубка была изменена из «обломанной» в «короткочубучную» в самом акте письма, и перед ним была «огромная кружка (большая даже для человека)». В первом разговоре Фродо с Топотуном и во всём, что следует до

[3] Примечания: 305

Мой отец написал «чудно́го вида смуглолицый хоббит», вычеркнул «хоббит», а затем написал «хоббит» снова. ↩ [broken link: #rn40_3]

конца Главы 9 в FR, нынешний текст подходит почти к окончательной форме (которая в любом случае, в позднейшей части, была, в сущности, достигнута уже в первоначальной версии, см. с. 140). Присутствует чувство Фродо, что мысль надеть Кольцо пришла к нему «извне, от кого-то или чего-то в комнате». Сперва мой отец написал просто, что «смуглолицый малый» (Билл Ферни)[4] «выскользнул за дверь, а за ним один из южан: не больно-то благовидная пара», но изменением, что, кажется, немногим позднее написания рукописи, это стало:

Очень скоро он выскользнул за дверь, а за ним Гарри-привратник и один из южан: трое перешёптывались в углу большую часть вечера. На миг он подумал, не сыграло ли само Кольцо с ним шутку — или, быть может, повиновалось приказам, отличным от его собственных. Ему не понравился вид троих ушедших, особенно [темноглазого >] косоглазого южанина.

В этом тексте уже было помянуто, что привратник присутствовал в трактире; этого нет в FR, хотя сказано, что он вышел сразу следом за теми двумя. — Текст «Кошки и скрипки» теперь в

---

[4] Примечания: 306

В этой фазе Ферни пишется так (Ferney); Ferny — в первоначальной версии и в FR. ↩ [broken link: #rn40_4]

точности в окончательной форме.

В первоначальной версии я поделил текст для удобства в том месте, где Глава 9 кончается в FR, хотя в рукописи перерыва нет. Нынешняя версия тоже продолжается без перерыва, и в этом случае удобнее рассматривать старую главу как целое.

Следующая часть истории следует первоначальной форме (с. 148–149) очень близко вплоть до того места, где Топотун рассказывает Бинго о своём «подслушивании» на Дороге. Там Топотун подслушал Гэндальфа, Гномов и Эльфов (возвращавшихся из Хоббитона после «долгожданного угощения» и исчезновения Бинго Болджер-Бэггинса), говоривших о Бинго и его спутниках, что, как предполагалось, были на Дороге позади них: дело было воскресным утром, 25 сентября (с. 160). Нынешняя версия вводит здесь крупное изменение в строение повествования, но отнюдь не в сторону истории FR, где Бродяжник подслушивает, как хоббиты говорят с Бомбадилом, когда тот покидает их на Восточной Дороге (и слышит, как Фродо говорит, что его должны знать как Накручинса, а не Бэггинса).

Похоже, что новая история, в которой дальнейшие приключения Одо Болджера впервые появляются в оформленном повествовании,

возникла, когда мой отец дошёл до этой главы в письме рукописей третьей фазы, и что именно на этой стадии он вписал карандашом заметки об уходе Одо из Крикхоллоу с Гэндальфом[5] после разгрома Чёрных Всадников (см. с. 328): вот почему в заметке ко второму тексту нападения на Крикхоллоу он дал ссылку «IX.22». IX.22 — это та страница рукописи, на которой в нынешней главе является рассказ Топотуна о подслушивании им Гэндальфа и Одо на Восточной Дороге.

Видно, что использована версия «А» первоначальной истории: см. с. 148 и 171, примеч. 1.

Начало этого раздела истории сдвоено, причём обе версии, по-видимому, относятся к одному времени письма, и ни одна не вычеркнута, но предпочтена вторая приведённая здесь форма. Одна гласит:

— …Я был за изгородью, когда человек на коне остановился на Дороге невдалеке к востоку от Бри. К моему удивлению, позади него на том же коне ехал хоббит! Они спешились перекусить

---

[5] Примечания: 307

Слово бежал в стёртой заметке ко второму тексту нападения на Крикхоллоу («Сзади бежал Одо…», с. 328) довольно неожиданно, ибо кажется бессмысленным: если Одо должен был сопровождать Гэндальфа, то нет, кажется, причины, отчего бы ему не ехать на крупе с самого начала, — и в любом случае он быстро остался бы далеко позади. ↩ [broken link: #rn40_5]

и принялись разговаривать. И вот что странно: они толковали о некоем Фродо Бэггинсе и трёх его спутниках. Я понял, что эти четверо чудных — хоббиты, что улизнули из Шира (с чёрного хода, можно сказать) в прошлый понедельник и должны быть где-то на Дороге. Путники очень тревожились о господине Бэггинсе и гадали, на Дороге ли он или в стороне, впереди них или позади. Они хотели найти его и предостеречь.

— Немного неосторожно, должен сказать, со стороны Гэндальфа — вот именно! Гэндальф это был, конечно: его ни с кем не спутаешь, согласитесь, — этак толковать у обочины. Но на деле он говорил тихо, а я случился лежать совсем близко. То было бы вчера в полдень: в среду.

Другая гласит:

— …Я прятался под изгородью, у Дороги где-то к западу от Бри, пытаясь укрыться от дождя, когда человек верхом остановился рядом. К моему удивлению, позади него на том же коне ехал хоббит! Они спешились отдохнуть и немного перекусить и принялись разговаривать. Коли хотите знать, они толковали о некоем Фродо Бэггинсе и трёх его спутниках. Я понял, что это четверо хоббитов, что покинули Шир в большой спешке накануне. Всадник пытался их нагнать, но не был уверен, на

Дороге ли они или в стороне, впереди или позади. Он, казалось, очень тревожился, но надеялся найти их в Бри. Мне это показалось очень странным, ибо не часто замыслы Гэндальфа идут вкривь.

Фродо вдруг встрепенулся при упоминании имени, и Топотун улыбнулся. — Да, Гэндальф! — сказал он. — Я знаю, каков он с виду, а раз увидев — не забудешь, согласитесь. Он говорил очень тихо, но и понятия не имел, что старый Топотун так близко. То было во вторник вечером, как раз когда свет угасал.

Хоббиты покинули Крикхоллоу рано утром в понедельник 26 сентября и прибыли в Бри с наступлением ночи в четверг 29 сентября (с. 160). Первый из этих вариантов заставляет Топотуна видеть Гэндальфа и Одо на дороге к востоку от Бри в среду, то есть после проезда через деревню; второй помещает встречу днём раньше, во вторник вечером, прежде чем они достигли Бри. Поэтому Фродо вычисляет, в отрывке, что теперь следует, что Гэндальф добрался до Крикхоллоу «в понедельник, после того как они ушли», ибо Бри был в дне езды от Брендивинского моста. Дождь во вторник, от которого укрывался Топотун, был тем дождём, что шёл во второй день хоббитов в доме Тома Бомбадила. Текст продолжается:

— А теперь является хоббит и трое друзей из Шира, и, хотя он выдаёт имя Холм, друзья зовут его Фродо, и все они, кажется, немало знают о делах Гэндальфа и Бэггинсов из Хоббитона. Я умею сложить два и два, когда это так легко. Но пусть вас это не тревожит: ответ я оставлю при себе. Может, у господина Бэггинса есть добрая честная причина оставить имя своё позади. Но коли так, я посоветовал бы ему помнить, что есть и другие, кроме Топотуна, кто умеет решать такие лёгкие задачки, — и не всем стоит доверять.

— Я вам обязан, — сказал Фродо, сильно успокоенный. Тут, во всяком случае, были вести о Гэндальфе, и об Одо тоже, по-видимому. Гэндальф, должно быть, объявился в Крикхоллоу в понедельник, после того как они ушли. Но Фродо всё ещё подозревал Топотуна и решил притвориться, будто дело это не имеет особой важности. — Я не оставлял имени своего позади, как вы выразились, — сказал он холодно. — Я назвался Холмом в этом трактире просто чтобы избежать праздных вопросов. У господина Баттербура и без того довольно охоты поговорить. Не очень понимаю, как кто-либо угадал бы моё настоящее имя из случившегося, не обладай он вашей сноровкой в подслушивании. И не вижу также, какой особый

интерес моё имя имеет для кого-либо в Бри, да и для вас, коли на то пошло.

Топотун рассмеялся над ним. — Не видите? — сказал он мрачно. — Но подслушивание, как вы выразились, в Бри не в новинку. И к тому же я ещё не всё рассказал вам о себе.

В этот миг его прервал стук в дверь. То был господин Баттербур с подносом свечей, а за ним Ноб с кувшинами горячей воды. — Я пришёл пожелать вам доброй ночи, — сказал хозяин, ставя свечи на стол. — Ноб! Отнеси воду в комнаты. — Он вошёл и затворил дверь. — Вот какое дело, господин Холм, — начал он, — меня не раз просили высматривать отряд из четырёх хоббитов и пяти пони. Привет, Топотун! Ты здесь?

— Всё в порядке, — сказал Фродо. — Говорите что хотите! Топотун с моего дозволения остаётся. — Топотун ухмыльнулся.

— Так вот, — начал господин Баттербур снова, — дело такое: пару дней назад, да, это было поздно во вторник ночью, как раз когда я собирался запирать, у ворот во дворе звякнул колокольчик. И кто бы стоял у двери, как не старый Гэндальф, ежели вы понимаете, о ком я! Весь промокший насквозь: дождь лил как из ведра весь день. С ним был хоббит и белый конь — очень усталое бедное

животное, ибо он, видать, нёс обоих долгий путь. «Благослови меня, Гэндальф! — говорю я. — Что ты делаешь в такую погоду в такой час ночи? И кто твой маленький дружок?» Но он подмигнул мне и не ответил на вопросы. «Горячего питья и тёплых постелей!» — прохрипел он и взобрался по ступеням.

— Позднее он послал за мной. «Баттербур, — говорит. — Я ищу друзей: четырёх хоббитов. Один — кругленький малыш с румяными щеками, — прошу прощения, — а прочие просто молодые хоббиты. У них должно быть пять пони и порядком поклажи. Видал их? Они должны были пройти через Бри где-то нынче[6], если только не остановились здесь».

— Он, кажется, был очень раздосадован, когда я сказал, что никакого такого отряда в «Пони» нет и никто не проходил, насколько мне доподлинно известно. «Плохие вести! — сказал он,

---

[6] Примечания: 308

Быть может, удивительно, что Гэндальф ожидал, будто Фродо и его спутники прошли через Бри во вторник, ибо он знал от Одо, что они покинули дом в Крикхоллоу в понедельник утром и ушли в Старый Лес. Когда они доберутся до Бри, было теперь, по-видимому, куда более неясно, чем если бы они двинулись Дорогой (если не считать враждебных вмешательств). Возможно, это уцелело от старой формы истории — «Они должны быть здесь ко вторнику, если сумеют держаться торной дороги», с. 151, — когда у Гэндальфа не было причины думать, что они не просто проехали Восточной Дорогой от Брендивинского моста. См. примеч. 11. ↩ [broken link: #rn40_6]

теребя бороду. — Сделаешь для меня две вещи? Коли этот отряд объявится, передай им весть: „Спешите дальше! Гэндальф впереди“. Только это. Не забудь, ибо это важно! И коли кто-нибудь — кто угодно, заметь, сколь бы странен ни был — справится о хоббите по имени Бэггинс, скажи им, что Бэггинс ушёл на восток с Гэндальфом. Не забудь и этого, и я буду тебе благодарен». — Хозяин помолчал, пристально глядя на Фродо.

— Большое спасибо! — сказал Фродо, думая, что господин Баттербур кончил, и с облегчением находя, что его рассказ во многом тот же, что у Топотуна, и не более тревожен. И всё же он был крайне озадачен таинственными словами Гэндальфа о Бэггинсе. Он гадал, не перепутал ли Баттербур всё.

— А! Но погодите-ка минутку! — сказал хозяин, понизив голос. — Это был не конец. И вот что меня озадачивает. В понедельник большой чёрный малый проехал через Бри на огромном чёрном коне, и весь народ только о том и толковал. Псы все скулили, а гуси орали, когда он ехал через деревню. Позже я слышал, что троих этих всадников видели на Дороге у Комба; хотя откуда взялись два других, сказать не могу.

— Гэндальф и его маленький друг Бэггинс уеха-

ли вчера, проспав допоздна, около середины утра. Вечером, как раз перед тем как закрыли дорожные ворота, въехали чёрные малые опять, или другие, столь же на них похожие, как ночь и тьма. «Чёрный Человек у двери!» — закричал Ноб, прибежав за мной с волосами дыбом. И впрямь: не один и не трое, а четверо их! Один сидел там в сумерках со своим большим чёрным конём чуть не на моём пороге. Весь в капюшоне и плаще. Он нагнулся и заговорил со мной, и очень холодным мне показался его голос. И что вы думаете? Он спрашивал вестей о четырёх хоббитах, едущих на восток из Шира![7]

— Не понравились мне ни звук, ни вид его, и я ответил коротко. «Не видал я никакого такого отряда, — сказал я, — и вряд ли увижу. Что вам надобно от них или от меня?»

— На это он испустил вздох, от которого меня пробрала дрожь. «Нам нужны вести о них. Мы ищем Бэггинса, — сказал он, шипя это имя, как змея. — Бэггинс с ними. Коли он придёт, ты нам

---

[7] Примечания: 309

Откуда Всадники знали, что хоббитов четверо? (В старых вариантных версиях, с. 152, 157, они знали даже, что у четырёх хоббитов пять пони.) По-видимому, они это предположили: они знали, что трое пришли к Переправе у Баклбери и были там встречены ещё одним. Сверх того у них не было знания (в среду вечером, когда они пришли к трактиру) о Фродо и его спутниках. — В какой-то момент мой отец вычеркнул слово четырёх; см. примеч. 14. ↩ [broken link: #rn40_7]

скажешь, и мы отплатим тебе золотом. Коли не скажешь, мы отплатим тебе — иначе».

— «Бэггинс! — говорю я. — Нет его с ними. Коли ищете хоббита по такому имени, он ушёл на восток нынче утром с Гэндальфом».

— При этом имени он втянул воздух и выпрямился. Затем снова нагнулся ко мне. «Это правда? — сказал он, очень жёстко и тихо. — Не лги нам!»

— Я весь трясся, скажу вам, но ответил так смело, как мог: «Конечно, это правда! Я знаю Гэндальфа, и он со своим другом был здесь прошлой ночью, говорю вам». При этом четверо их повернули коней и ускакали во тьму без единого слова.

— Ну, господин Холм, что вы обо всём этом думаете? Надеюсь, я поступил верно. Кабы не приказы Гэндальфа, я бы никогда не дал им вестей о Бэггинсе, ни о ком другом. Ибо эти Чёрные Люди никому не желают добра, ручаюсь.

— Вы поступили вполне верно, насколько я вижу, — сказал Фродо. — По тому, что я знаю о Гэндальфе, обычно лучше всего делать, как он просит.

— Да, — сказал хозяин, — но я всё равно озадачен. Как пришло этим Чёрным Людям в голову,

что Бэггинс — один из вашего отряда? И, должен сказать, по тому, что я слышал и видел нынче вечером, я гадаю, не правы ли они, чего доброго. Но Бэггинс или нет, вам рады со всякой помощью, какую я могу оказать другу старого Тома и Гэндальфа.

— Я очень благодарен, — сказал Фродо. — Жаль, что не могу рассказать вам всю историю, господин Баттербур. Я очень устал и очень встревожен. Но коли хотите знать, я — Фродо Бэггинс. Понятия не имею, что Гэндальф разумел, сказав, что Бэггинс ушёл на восток с ним, ибо, думаю, того хоббита звали Болджер. Но эти — э-э — Чёрные Всадники охотятся на нас, и мы в опасности. Я очень благодарен за вашу помощь, но надеюсь, вы сами не наживёте из-за нас беды. Надеюсь, эти мерзкие Всадники сюда больше не явятся.

— Надеюсь, что и впрямь нет! — сказал Баттербур, поёжившись.

— Если же явятся, не рискуйте навлечь их гнев ради меня. Они опасны. Раз уж мы благополучно уйдём, вы мало чем нам повредите, сказав им, что отряд из четырёх хоббитов прошёл через Бри. Доброй ночи, господин Баттербур! Ещё раз спасибо за вашу доброту. Однажды, быть может, Гэндальф расскажет вам, в чём всё дело.

— Доброй ночи, господин Бэггинс — господин Холм, мне следовало сказать! Доброй ночи, господин Тук! Благослови меня! А где господин Брендибак?

— Не знаю, — сказал Фолко, — но думаю, он снаружи. Он что-то говорил о том, чтобы выйти подышать воздухом. Должен скоро вернуться.

— Очень хорошо! — сказал господин Баттербур. — Прослежу, чтобы его не заперли снаружи. Доброй ночи вам всем! — С озадаченным взглядом на Топотуна и покачиванием головы он вышел, и шаги его замерли в коридоре.

— Ну вот, опять! — сказал Топотун, прежде чем Фродо успел заговорить. — Всё ещё чересчур доверчивы! Зачем рассказывать старому Барнабасу всё это о том, что за вами охотятся, и зачем говорить ему, что другой хоббит был Болджер?

— Разве он не безопасен? — спросил Фродо. — Том Бомбадил сказал, что безопасен, и Гэндальф, кажется, ему доверял.

— Безопасен ли он? — вскричал Топотун, всплеснув руками. — Да, он безопасен, надёжнее некуда. Но зачем давать ему больше пищи для недоумения, чем нужно? И зачем мешать замыслу Гэндальфа? Вы не очень-то сообразительны, иначе вам сразу стало бы ясно, что Гэндальф хо-

тел, чтобы верили, будто хоббит с ним — Бэггинс, — именно затем, чтобы у вас был лучший шанс, окажись вы ещё позади. А как насчёт меня? Безопасен ли я? Вы не уверены (я это знаю), и всё же говорите с Баттербуром при мне! Однако теперь я знаю всё, что он мог сказать, и это, по крайней мере, сократит то, что мне ещё оставалось вам рассказать, — а это было большей частью о тех Чёрных Всадниках, как вы их зовёте. Я сам их видел. Сказал бы, что всего семеро прошли через Бри с понедельника. Вы больше не станете притворяться, будто не можете вообразить, какой интерес может иметь ваше настоящее имя. За всякого, кто сможет донести, что четверо хоббитов здесь и что один из них, чего доброго, всё-таки Бэггинс, предложена награда.

— Да, да, — сказал Фродо. — Я всё это вижу. Но я уже знал, что Они охотятся за мной, и пока что, во всяком случае, их, кажется, отослали по ложному следу.

— Я не был бы так уверен, что они все ушли прочь, — сказал Топотун, — или что они все впереди вас и гонятся за Гэндальфом. Они хитры и делят свои силы. Я могу рассказать вам ещё кое-что, чего вы не слышали от Баттербура. Впервые я увидел Всадника в понедельник ночью, к востоку

от Бри, когда возвращался из диких земель. Я чуть не налетел на него, что мчался во весь опор по Дороге в темноте. Я окликнул его с проклятием, ибо он чуть меня не сшиб, и он осадил коня и вернулся. Я стоял недвижно и не издавал ни звука, но он шаг за шагом подводил коня ко мне. Когда он был совсем близко, он нагнулся и принюхался. Затем он зашипел, повернул коня и ускакал.[8] Вчера я видел тех четверых, что заезжали в этот трактир. Прошлой ночью я был настороже. Я лежал на склоне под изгородью сада Билла Ферни, и я слышал, как Билл Ферни разговаривает. Он угрюмый малый, и дурная у него слава в Брийском краю, и, как известно, чудной народ порой заглядывает в его дом. Вы, должно быть, приметили его среди общества: смуглый человек с насупленным

---

[8] Примечания: 310

Этот эпизод происходит из старой версии «B», с. 157, но там Всадник допрашивал Топотуна, который не ответил. Отношения между версиями здесь таковы:

Старая версия «A» (с. 151):

(Понедельник) Один Всадник допрашивает Баттербура у двери трактира.

(Вторник) Четыре Всадника приходят к двери трактира, и один допрашивает Баттербура.

Старая версия «B» (с. 157):

(Понедельник) Один Всадник допрашивает Топотуна на Дороге.

(Вторник) Четыре всадника встречают Топотуна на Дороге, и один допрашивает его.

Нынешняя версия:

(Понедельник) Один Всадник проезжает через Бри (с. 339) и встречает

Топотуна на Дороге к востоку от Бри без разговора (с. 342).

(Среда) Четыре Всадника приходят к двери трактира, и один допрашивает Баттербура (с. 339–340); их видит Топотун (с. 342). ↩ [broken link: #rn40_8]

видом. Нынче вечером он был очень накоротке с Гарри Гоутлифом, привратником западных ворот (скаредным старым брюзгой), и с одним из южных чужаков. Они выскользнули вместе сразу после вашей песни и происшествия. Я не доверяю Ферни. Он продал бы что угодно кому угодно, ежели вы меня понимаете.

— Я вас не понимаю, — сказал Фродо.

— Что ж, яснее говорить не стану, — сказал Топотун. — Я лишь гадаю, по простой ли случайности совпали это необычное прибытие чудных путников по Зелёному Тракту и появление охотящихся всадников. И те и другие могут искать одно и то же — или одного. Так или иначе, я слышал, как Билл Ферни говорил прошлой ночью. Я знаю его голос, хоть и не мог разобрать слов. Другой голос шептал или шипел. И это всё, что мне есть рассказать вам. Делайте как хотите насчёт моей награды. Но что до того, чтобы я пошёл с вами, скажу вот что: я знаю все земли между Широм и Мглистыми Горами, ибо много раз бродил по ним за свою жизнь, — а я старше, чем выгляжу. Я мог бы пригодиться. После нынешней ночи вам придётся покинуть открытую Дорогу, ибо, коли спросите меня, я сказал бы, что эти Всадники её патрулируют — и всё ещё ищут ваш отряд. Не

думаю, чтобы вам хотелось их встретить. Мне не хочется! От них у меня мороз по коже! — закончил он вдруг, содрогнувшись.

Остальные поглядели на него и с удивлением увидели, что лицо его уткнулось в ладони, а капюшон надвинут до самого низа. В комнате было очень тихо и недвижно, и огни, казалось, потускнели.

— Вот! — вскричал он мгновение спустя, откидывая капюшон и отбрасывая волосы с лица. — Быть может, я знаю об этих преследователях больше вашего. Вы боитесь их недостаточно — пока. Мне кажется слишком вероятным, что весть о вас достигнут их прежде, чем кончится эта ночь. Завтра вам придётся идти быстро и тайно — если сможете. Но Топотун может повести вас тропами, что редко хожены. Возьмёте ли вы его?

Фродо не ответил. Он поглядел на Топотуна: сурового, дикого и грубо одетого. Трудно было решить, как быть. Он не сомневался, что бóльшая часть его рассказа правдива, но не так легко было увериться в его добром расположении. Отчего он так заинтересован? Вид у него был тёмный — и всё же в нём было нечто, что казалось дружелюбным и даже странно привлекательным. И речь его переменилась, пока он говорил, от

непривычных тонов Чужаков к чему-то более знакомому, к чему-то, что, казалось, напоминало Фродо кого-то.[9] Молчание росло, а он всё не мог решиться.

— Что ж, я за Топотуна, коли вам нужна помощь в решении, — сказал вдруг Фолко. — В любом случае, смею сказать, он мог бы идти за нами, куда бы мы ни пошли, даже откажи мы.

— Спасибо! — сказал Топотун, улыбаясь Фолко. — Мог бы и стал бы, ибо чувствовал бы, что это мой долг. Но вот письмо, что у меня для вас, — оно должно решить дело за вас. — К изумлению Фродо, он достал из кармана маленькое запечатанное письмо и протянул его. Снаружи было написано: Ф. от Г.

— Прочтите! — сказал Топотун.

Здесь глава кончается. Видно, что в этом повествовании, несмотря на коренные различия в том, что сообщили Топотун и Баттербур, первоначальная форма истории (в версии «А», но см. примеч. 8) всё ещё близко соблюдена.

Рукопись этой главы впоследствии претерпе-

---

[9] Примечания: 311

Перемена в речи Топотуна, замеченная Фродо, происходящая из первоначальной формы истории (с. 154), уцелела в FR (с. 178), хотя смысл там совсем иной: «Думаю, ты не вполне таков, каким предпочитаешь выглядеть. Ты начал говорить со мной как народ Бри, но голос твой переменился». ↩ [broken link: #rn40_9]

ла безмерно запутанную правку, с длинными вставками и вычерками, ибо мой отец использовал первоначальный текст для двух различных развитий, оба из которых влекли крупную структурную перемену. Одно он назвал «красной» версией, размеченной и пронумерованной красным, другое — «синей»; так, вкладной листок-добавление несёт номер «добавление к IX.3(g) = красн. IX.9 = син. IX.4»! Отношения, на деле, можно разобрать вполне удовлетворительно. «Синяя» версия — более поздняя, и она сходит на нет к концу; она представляет позднейший сюжет, в котором всякое упоминание о визите Гэндальфа и Одо в «Гарцующий Пони» вырезано. «Красная» же версия вполне может быть современной или почти современной первичному тексту; она тщательно написана (правки, составляющие «синюю» версию, гораздо черновее), и она рассказывает ту же историю о Гэндальфе и Одо — но рассказывает её совсем иначе. Она берётся с конца описания Бри и начинается с прибытия туда Гэндальфа с Одо, рассказанного теперь напрямую, а не в баттербуровском пересказе.

Вторник был днём проливного дождя. Ночь пала несколько часов назад, и всё ещё лило. Было так темно, что ничего нельзя было расслышать,

кроме бурлящего шума дождя и журчания паводковых ручьёв, сбегающих с холма, — да звука копыт, плещущих по Дороге. Конь медленно взбирался по длинному склону к деревне Бри.

Вдруг впереди возникли большие ворота: они тянулись поперёк всей Дороги от одного крепкого столба до другого, и были заперты. За ними был маленький дом, тёмный и серый. Конь остановился, уткнув нос поверх верхней жерди ворот, и всадник, старик, тяжело спешился и снял маленькую фигурку, что ехала на подушке позади него. Старик заколотил в ворота и уже начал было перелезать через них, когда дверь дома отворилась и вышел человек с фонарём, бормоча и брюзжа.

— Славная ночка — приходить да барабанить в ворота и поднимать человека с постели! — сказал он.

— И славная ночка — быть снаружи, промокшим насквозь и продрогшим, да не по ту сторону ворот! — отозвался всадник. — Ну же, Гарри! Открывай поживее!

— Благослови меня! — вскричал привратник, подняв фонарь. — Гэндальф это — мог бы и догадаться. Никогда не знаешь, когда ты объявишься в следующий раз. — Он медленно отворил ворота, в удивлении вглядываясь в маленькую вымок-

шую фигурку подле Гэндальфа.

— Спасибо! — сказал Гэндальф, ведя коня вперёд. — Это мой друг, хоббит из Шира. Видал ли ты ещё кого на Дороге? Впереди должны быть четверо, отряд на пони.

— Никакого такого отряда не проходило, пока я тут был, — сказал Гарри. — Может, и проходил до полудня, ибо я отлучался в Стэддл, и брат мой был тут. Но я о том не слыхал. Не то чтобы мы много следили за Дорогой от восхода до ночи, пока ворота открыты. Но нам, сдаётся, придётся быть повнимательнее.

— Отчего? — спросил Гэндальф. — Чудной народ объявлялся?

— Ещё бы! Чуднее некуда. Чёрные люди на конях; да куча чужаков с Юга пришла по Зелёному Тракту в сумерках. Но коли ты в «Пони», то лучше поспеши, пока не заперли. Все вести услышишь там. А я вернусь к себе в постель да пожелаю тебе доброй ночи. — Он затворил ворота и ушёл.

— Доброй ночи! — сказал Гэндальф и пошёл дальше в деревню, ведя коня. Хоббит, спотыкаясь, плёлся рядом.

Над входом в трактир ещё светил фонарь, но дверь была затворена. Гэндальф звякнул колокольчиком во дворе, и после небольшой задержки

крупный толстый человек, в рубахе и шлёпанцах, приоткрыл дверь на щель и выглянул.

— Добрый вечер, Баттербур! — сказал чародей. — Найдётся ли комната для старого друга?

— Силы небесные, да их же всех не смыло ли! — вскричал хозяин. — Гэндальф! И что ты делаешь в такую погоду в такой час ночи? И кто твой маленький дружок?

Гэндальф подмигнул ему. — Горячего питья и тёплых постелей — вот чего мы хотим, и поменьше вопросов, — сказал он и затопал вверх по ступеням.

— А как же конь? — спросил хозяин.

— Дай ему всё самое лучшее, что есть! — ответил Гэндальф. — И коли Боб заворчит, что его подняли опять в такой час, скажи ему, что животина того заслужила: Наротал[10] нёс нас обоих, быстро и далеко, нынче. Я отплачу Бобу утром, смотря что мой конь о нём доложит!

Немного спустя чародей и его спутник сидели перед горячими углями очага в собственной комнате господина Баттербура, греясь и обсыхая и

---

[10] Примечания: 312

Наротал («Огненог»), первое имя, данное белому коню Гэндальфа, было заменено позднее карандашом на предложения «Фэрфакс, Сноуфакс», а на полях карандашом — «Огненог Арод? Арагорн», но эти последние были вычеркнуты. Арод стал в LR именем коня из Рохана. ↩ [broken link: #rn40_10]

попивая подогретый эль. Хозяин вошёл сказать, что комната для них готова.

— Да вы не спешите, — сказал он, — но как будете готовы, я пойду к себе в постель. Нынче тут был необычайно большой наплыв путников, больше, чем я упомню за годы, и я устал.

— Не было ли среди них хоббитов? — спросил Гэндальф. — Я ищу четверых — друга моего из Шира и трёх спутников. — Он тщательно описал Фродо, но имени не назвал. — У них должно быть пять пони и порядком поклажи, и они должны были добраться до Бри нынче. Гарри их не видал, но я надеялся, что они могли войти, не замеченные им.

— Не, — сказал хозяин, — об отряде вроде этого прослышал бы даже Гарри, тупой старый брюзга. Нечасто нынче доходят до Бри Чужаки из Шира. Нет такого отряда в «Пони», и не было никого на Дороге, насколько мне доподлинно известно.

— Плохие вести! — сказал Гэндальф, теребя бороду. — Куда же они подевались![11] — Он помолчал мгновение. — Послушай, Баттербур!

---

[11] Примечания: 313

Карандашная заметка на рукописи гласит: «Раз он был в Крикхоллоу, он должен знать о Старом Лесе» — то есть Гэндальф должен знать от Одо, что прочие хоббиты ушли в Старый Лес. В то же время мой отец вписал карандашом в текст в этом месте: «Я полагался на то, что Том Бомбадил убережёт их от беды». ↩ [broken link: #rn40_11]

— продолжал он. — Мы с тобой старые друзья. У тебя есть глаза и уши на месте, и хоть говоришь ты много, знаешь, о чём смолчать. Я хочу побыть в тиши, пока я здесь, и буду доволен, коли увижу лишь тебя да Боба. Не говори всем, что я справлялся об этом отряде! Но держи глаза открытыми, и коли они объявятся после того, как я уйду, передай им весть: «Спешите дальше! Гэндальф впереди». Только это. Не забудь, ибо это важно. И коли кто-нибудь — кто угодно, заметь, сколь бы странен ни был — справится о хоббите по имени Бэггинс, скажи им, что Бэггинс ушёл на восток с Гэндальфом. Не забудь и этого, и я буду тебе благодарен!

— Будет сделано! — сказал господин Баттербур. — Надеюсь, не забуду, хоть одно и вытесняет другое, когда я занят с гостями в доме. Бэггинс, говоришь? Дай-ка вспомню — помню это имя. Не был ли там Бильбо Бэггинс, о котором рассказывали странные истории там, в Шире? Мой батька говорил мне, что тот не раз останавливался в этом доме. Но твой друг не он — тот исчез каким-то чудным манером без малого двадцать лет назад: пропал с хлопком, пока говорил, или так я слыхал. Не то чтобы я верил всем россказням, что приходят с Запада.

— И незачем, — сказал Гэндальф, смеясь. — Так или иначе, мой юный друг тут — не старый Бильбо Бэггинс. Просто родственник.

— Верно! — сказал хоббит. — Просто родственник — кузен, по правде.

— Понятно, — сказал хозяин. — Что ж, это вам в честь. Бильбо был славный малыш, и богат, как король, в придачу, ежели хоть половина того, что я слыхал, правда. Я передам твои поручения, коли случай выпадет, Гэндальф, и не задам вопросов, как ни странно мне всё это. Но тебе виднее своё дело, и ты не раз сослужил мне добрую службу.

— Спасибо, Барнабас! — сказал Гэндальф. — А теперь я сослужу тебе ещё одну — дам тебе тотчас отправиться в постель. — Он осушил кружку и встал. Хозяин погасил огни и, держа по свече в каждой руке, повёл их в комнату.

Утром Гэндальф и его друг встали поздно. Они позавтракали в отдельной комнате и не говорили ни с кем, кроме господина Барнабаса Баттербура. Было близко к одиннадцати, когда Гэндальф потребовал счёт и коня.

— Вели Бобу отвести его вверх по просёлку и ждать меня близ Зелёного Тракта, — сказал он. — Не пойду я нынче утром по Дороге, чтобы на меня глазели.

Он простился с хозяином у боковой двери. — Прощай, друг мой, — сказал он. — Не забудь поручения! Однажды, быть может, я расскажу тебе всю историю и отплачу тебе чем-нибудь даже получше добрых вестей — то есть отплачу, коли вся история не придёт к худому концу. Прощай!

Он ушёл с хоббитом вверх по узкому просёлку, что бежал к северу от трактира через ров вокруг деревни и далее к Зелёному Тракту.[12] Боб-конюх ждал за границей деревни. Белый конь был лоснящийся и хорошо вычищенный и казался вполне отдохнувшим и жаждущим ещё одного дня пути. Гэндальф окликнул его по имени, и Наротал[13] заржал, вскинув голову, и подбежал рысцой к хозяину, и потёрся мордой о его лицо.

— Добрый отзыв, Боб! — сказал Гэндальф, дав конюху серебряную монету. Он сел верхом, и Боб подсадил хоббита на подушку позади чародея, а затем отступил, держа шапку в руке и широко ухмыляясь.

— Верно, парень! — рассмеялся Гэндальф. —

---

[12] Примечания: 314

Этот просёлок помечен на карте-наброске Бри, данной на с. 335. ↩ [broken link: #rn40_12]

[13] Примечания: 315

«Наротал» изменено карандашом на «Фэрфакс»; см. примеч. 10. ↩ [broken link: #rn40_13]

Чудная мы пара, смею сказать. Но мы не так чудны, как выглядим. Когда мы уедем, помни, что мы уехали на восток, но забудь, что мы тронулись по этому просёлку. Понял? Прощай! — Он ускакал, оставив Боба чесать в затылке.

— Скреби меня скребницей, коли это не чудны́е деньки! — сказал он себе. — Чёрные люди скачут невесть откуда, и народ на Зелёном Тракте, и старый Гэндальф с хоббитом на крупе, и всё такое! Дела в Бри приходят в движение! Но ты гляди в оба, Боб, парень мой, — старый Гэндальф может отвалить кое-что погорячее серебра.

Ясное утро, что настало после дождя, позднее сменилось облаками и туманом. Больше ничего в Бри в тот день не случилось, пока не пали сумерки. Тогда из тумана въехали в ворота четыре всадника. Гарри глянул в окно и поспешно отпрянул. Он подумывал было выйти и затворить ворота, но передумал. Всадники все были одеты и укутаны в чёрное и ехали на высоких чёрных конях. Кое-кого того же сорта видели в Бри двумя днями раньше, и ходили дикие россказни. Иные говорили, что они не люди, и даже псы их боялись. Гарри запер дверь и стоял, дрожа, за нею.

Но всадники остановились, и один спешился, подошёл и ударил в дверь. — Чего вам надо? —

окликнул Гарри изнутри.

— Нам нужны вести! — прошипел холодный голос сквозь замочную скважину.

— О чём? — ответил он, трясясь от страха.

— Вести о четырёх хоббитах,[14] едущих на пони из Шира. Они проезжали?

Гарри пожалел, что нет, ибо это, может, удовлетворило бы этих всадников, сумей он сказать «да». В холодном голосе были угроза и настойчивость, но он не посмел рискнуть «да», что было бы неправдой. — Нет, сударь! — сказал он дрожащим голосом. — Не было хоббитов на пони через Бри, и вряд ли будут. Но был хоббит, что ехал позади старика на белом коне, прошлой ночью. Они отправились в «Пони».

— Знаешь ли ты их имена? — сказал голос.

— Старик был Гэндальф, — сказал Гарри.

Шип прошёл сквозь скважину, и Гарри отшатнулся, чувствуя, будто нечто ледяное коснулось его. — Прими нашу благодарность, — сказал голос. — Ты будешь высматривать четырёх хоббитов, коли всё ещё желаешь нам угодить. Мы вернёмся.

---

[14] Примечания: 316

четырёх хоббитов: см. примеч. 7. Впоследствии мой отец вычеркнул четырёх и написал вместо этого: хоббитов, трёх или более. ↩ [broken link: #rn40_14]

Гарри услышал, как звук копыт удаляется к деревне. Он украдкой отпер дверь, затем выполз и вгляделся вверх по дороге. Было слишком туманно и уже слишком темно, чтобы много разглядеть. Но он услышал, как копыта остановились у поворота Дороги близ трактира. Он подождал немного, а затем тихо затворил и запер ворота. Он как раз возвращался к дому, когда в туманном воздухе снова услышал звук копыт, что поднялся у трактира и замер за углом и вниз по Дороге к востоку. Становилось очень холодно, подумал он. Он поёжился и поспешил в дом, заложив дверь засовами.

Следующее утро, четверг, было снова ясное, с тёплым солнцем и ветром, поворачивающим к Югу. К вечеру дюжина гномов вышла с Востока в Бри с тяжёлыми котомками на спинах. Они были угрюмы и мало с кем перемолвились словом. Но ни один путник не прошёл через западные ворота за весь день. Пала ночь, и Гарри затворил ворота, но всё ходил к своей двери. Он боялся угрозы в холодном голосе, упусти он каких-нибудь чудных хоббитов.

Было темно, и белые звёзды сияли, когда Фродо и его спутники подошли наконец к перекрестью Зелёного Тракта и приблизились к деревне. Они

обнаружили, что её окружает глубокий ров с изгородью и оградой по внутреннюю сторону. Над ним и сквозь него пролегала Дорога, но теперь она была заперта большими воротами. Они увидели дом по ту сторону и человека, сидящего у двери. Он вскочил, принёс фонарь и поглядел поверх ворот вниз на них в удивлении.

— Чего вам надо и откуда вы? — спросил он угрюмо.

— Мы держим к здешнему трактиру, — ответил Фродо. — Мы странствуем на восток и дальше нынче ночью идти не можем.

— Хоббиты! Четыре хоббита! И более того, из Шира, судя по говору, — сказал привратник тихо и почти как бы про себя. Он мрачно вгляделся в них мгновение, а затем медленно отворил ворота и пропустил их.

— Не часто видим мы ширский народ, едущий по Дороге ночью, — продолжал он, когда они остановились на миг у его двери. — Простите, что дивлюсь, какое дело уводит вас на восток от Бри.

— Прощаю, — сказал Фродо, — хотя нам это не кажется таким уж дивным. Но это, кажется, не лучшее место толковать о нашем деле.

— Ну что ж, дело ваше — это ваше дело, без сомнения, — сказал привратник. — Но, может, вы

найдёте, что есть и другой народ, кроме старого Гарри у ворот, что станет задавать вопросы. Не ждёте ли вы встретить здесь каких друзей?

— Что вы хотите сказать? — спросил Фродо в удивлении. — С чего бы нам?

— А отчего нет? Много народу встречается в Бри даже в эти дни. Коли двинетесь к «Пони», может, найдёте, что вы не единственные гости.

Фродо пожелал ему доброй ночи и не дал дальнейшего ответа, хотя и видел в свете фонаря, что человек всё ещё оглядывает их с любопытством. Он был рад услышать, как ворота лязгнули позади них, когда они поехали вперёд. Он гадал, что человек разумел под «встречей друзей». Не справлялся ли кто о вестях о четырёх хоббитах? Гэндальф, быть может? Он мог пройти, пока они мешкали в Лесу и на Курганах. Но Чёрный Всадник был вероятнее. Было нечто во взгляде и тоне привратника, что наполнило его подозрением.

Гарри поглядел им вслед мгновение, а затем пошёл к своей двери. — Нед! — позвал он. — У меня дело наверху, в «Пони», и оно может задержать меня надолго. Будь на воротах, пока я не вернусь.

С этого места «красная версия» отличается от первого текста лишь тем, что рассказ Баттербура

о визите Гэндальфа, конечно, очень сильно сокращён против формы, данной на с. 338–339.

Глава 21. ТРЕТЬЯ ФАЗА (3): К ЗАВЕРТИ И РИВЕНДЕЛЛУ

Следующая глава, занумерованная X и с заголовком «Дикими путями к Заверти», принадлежит к основной форме «Под вывеской „Гарцующего Пони“» и непрерывна с нею, но она начинается с почти точного повтора конца той главы, от «Фродо не ответил» до «„Прочтите!“ — сказал Топотун» (с. 343). Затем следует:

Фродо внимательно оглядел печать, прежде чем сломать её. Она, несомненно, казалась Гэндальфовой, как и почерк, и руническое Г. Внутри было следующее послание. Фродо прочёл его и затем повторил вслух для Фолко и Сэма.

«„Гарцующий Пони“, среда, 28 сент. Дорогой Ф.! Где тебя только носит? Надеюсь, не всё ещё в Лесу! Не мог не запоздать, но объяснения подождут. Если ты вообще получишь это письмо, я буду впереди тебя. Спеши и нигде не останавливайся! Дела хуже, чем я думал, и погоня близка. Остерегайся всадников в чёрном и избегай их. Они опасны: твои худшие враги. Не пользуйся Им снова, ни в коем случае. Не двигайся в темноте.

Постарайся меня нагнать. Не смею здесь ждать, но остановлюсь в месте, известном подателю, и буду высматривать тебя там. Передаю это следопыту по имени Топотун: смуглому, довольно сухощавому хоббиту, носит деревянные башмаки. Он мой старый друг и многое знает. Можешь ему довериться. Он проведёт тебя к условленному месту дикими краями. NB. Одо Бэггинс со мной. Спеши! Твой Г.»

Фродо поглядел на размашистый почерк: он казался столь же явно подлинным, как и печать.
— Помечено средой и из этого дома, — сказал он. — Как оно к тебе попало?

— Я встретил Гэндальфа по уговору близ Аркета, — ответил Топотун. — Он покинул Бри не Дорогой, а пошёл боковым просёлком и обогнул холм с другой стороны.

— Что ж, Топотун, — сказал Фродо после паузы, — было бы куда проще и сберегло бы много времени и разговоров, предъяви ты это письмо сразу. Зачем ты сочинил всю ту байку о подслушивании?

— Я её не сочинял, — рассмеялся Топотун. — Я порядком напугал старого Гэндальфа, когда вынырнул из-за изгороди. Но он был очень рад, увидев, кто я. Он сказал, что это первая удача за

долгое время. Тогда-то мы и уговорились, что я буду ждать здесь на случай, если вы окажетесь позади, пока он поспешит вперёд и попытается увлечь Всадников за собою. Я знаю всё о ваших бедах — включая Кольцо, скажу я.

— Тогда мне нечего больше сказать, — сказал Фродо, — кроме того, что я рад, что мы тебя нашли. Прости, если я был без нужды подозрителен.

Разговор идёт во многом как в первоначальной истории (с. 155), вплоть до «оседания» Фолко (Одо) под мнением о нём Топотуна.[1] Затем следует:

— Мы все погибнем, крепкие или нет, если не случится странной удачи, насколько я вижу, — сказал Фродо. — Не возьму в толк, отчего ты хочешь впутаться в наши беды, Топотун.

— Одна причина в том, что Гэндальф просил меня помочь вам, — ответил он тихо.

— Что же ты посоветуешь? — спросил Фродо. — Не вполне понимаю это письмо: «нигде не останавливайся», говорит оно, и всё же «не двигайся в темноте». Безопасно ли оставаться здесь

---

[1] Примечания: 317

После «Сперва мне надо было вполне увериться, что вы настоящие, прежде чем вручить письмо. Я слыхал о подсыльных отрядах, что перехватывают послания, не им предназначенные…» Топотун теперь прибавляет: «Письмо Гэндальфа было осторожно составлено на случай беды, но я того не знал». Так Гэндальф больше не называет Заверть в письме, а зовёт её «условленным местом». ↩ [broken link: #rn41_1]

до утра? — Фродо поглядел на уютный огонь и мягкий свет свечей в комнате и вздохнул.

— Нет, вероятно, небезопасно — но куда опаснее было бы тронуться ночью. Так что придётся ждать дневного света и надеяться на лучшее. Но лучше бы нам выйти рано — до Заверти путь неблизкий.

— Заверти? — сказал Фолко. — Где это и что это?

— Условленное место, помянутое в письме, — ответил Топотун. — Это холм, как раз к северу от Дороги, где-то на полпути отсюда до Ривенделла.[2] С него открывается очень широкий вид во все стороны. Но вы тронетесь почти на два дня позади Гэндальфа, и придётся идти быстро, иначе не застанете его там.

---

[2] Примечания: 318

Барбара Стрейчи в «Странствиях Фродо» (Карта 11) говорит:
В этом месте я должна отметить то, что считаю настоящим несоответствием в самом тексте. В Бри… Арагорн говорит Сэму, что Заверть — на полпути до Ривенделла. Уверена, что это была обмолвка и что он разумел «на полпути до Последнего Моста». Всё становится на свои места при этом допущении, ибо путники потратили 7 дней между Бри и Завертью (включая крюк к северу) и 7 дней от Заверти до Моста (с раненым Фродо, не способным спешить), тогда как был ещё отрезок в 7 дней от Моста до Ривенделла. Арагорн хорошо знал расстояние, ибо сказал позднее («Кинжал во тьме», Кн. I), когда они достигли Заверти, что оттуда им до Брода Бруинен 14 дней, хотя ему самому обычно нужно лишь 12.
Но теперь видно, что слова Арагорна «примерно на полпути отсюда (из Бри) до Ривенделла» в FR восходят к словам Топотуна здесь, а на

этой стадии река Хоарвелл и Последний Мост на Восточной Дороге ещё не существовали (с. 360). Думаю, что Топотун (Арагорн) просто давал Фолко (Сэму) грубое, но достаточное представление о расстояниях, что лежали впереди. — Относительные расстояния восходят к первоначальной версии (см. с. 170–171): около 120 миль от Бри до Заверти, без малого 200 от Заверти до Брода. ↩ [broken link: #rn41_2]

— В таком случае давайте-ка ляжем теперь, пока ещё осталось немного ночи! — сказал Фолко, зевая. — Где этот глупый малый Мерри? Только этого не хватало — выходить теперь и искать его.

Рассказ Мерри о Чёрном Всаднике, которого он увидел у трактира и за которым пошёл, отличается тем, что если в первоначальной версии (с. 161–162) Всадник проехал через деревню с запада на восток и остановился у дома (норы) Билла Ферни, то здесь:

— Он ехал с востока, — продолжал Мерри. — Я шёл за ним по Дороге почти до самых ворот. Он остановился там, у дома привратника, и мне показалось, я слышал, как он с кем-то говорит. Я попытался подкрасться, но не посмел подойти совсем близко. На деле, боюсь, я вдруг начал дрожать и трястись и пустился наутёк обратно сюда.

— Что же делать? — сказал Фродо, оборачиваясь к Топотуну.

— Не ходите в свои комнаты! — ответил тот тотчас. — Мне всё это совсем не нравится. Гарри Гоутлиф был здесь нынче вечером и ушёл с Биллом Ферни. Вполне вероятно, что они выведали, какие комнаты вам отвели.

Хотя в остальной части главы есть продвижения в подробностях к тексту FR (от с. 186, конца Главы 10 «Бродяжник», до с. 201, в ходе Главы 11 «Кинжал во тьме»), повествование этой версии третьей фазы следует первоначальному (с. 162–171) близко почти во всех точках, где то отличалось от FR, и оканчивается в той же точке.

Это теперь Топотун изобразил голову Фродо на постели подстилкой. О пони прямо сказано, что он Билла Ферни, и описан он как «костлявое, недокормленное и довольно понурое животное». Двое людей глядели поверх изгороди вокруг дома Ферни: сам Ферни и «южанин с землистым лицом и хитрым, почти гоблинским взглядом в раскосых глазах». Этот последний не отождествлён с «косоглазым южанином», что покинул трактир накануне ночью с Ферни и привратником (с. 336). В старой истории (с. 165) там стоял один Билл Ферни, которого Бинго счёл «гоблинским». Это всё ещё Топотун, у кого яблоки и кто попадает Ферни одним по носу. Аркет, Комб и Стэддл помянуты как в FR (с. 193), в согласии с тем, что сказано о них в описании Брийского края в начале Главы IX (с. 332), и замысел Топотуна теперь — держать на Аркет и обойти его с востока (ср. с. 165 и примеч. 21).

Огни в восточном небе, увиденные путниками с Миджуотерских топей, не появляются, пока вся история о передвижениях Гэндальфа в это время не была изменена. Топотун отвечает на вопрос Фродо «Но разве мы не надеялись застать там Гэндальфа?» (FR, с. 195, первоначальная версия с. 167) так:

— Да — но надежда моя довольно слаба. Прошло четыре дня с тех пор, как мы покинули Бри, и если Гэндальф сумел добраться до Заверти сам, без слишком жаркой погони, он, должно быть, прибыл по меньшей мере два дня назад. Сомневаюсь, чтобы он осмелился ждать так долго на одном лишь шансе, что вы за ним следуете: он не знает наверняка, что вы позади или получили его послания…

Он всё ещё говорит: — Есть даже некоторые из Следопытов, что в ясный день могли бы высмотреть нас оттуда, если бы мы двигались. И не всем Следопытам можно доверять…

Хронология, таким образом, такова (ср. с. 175):

— Среда, 28 сент.: Гэндальф и Одо покинули Бри.

— Четверг, 29 сент.: Фродо и спутники достигли Бри.

— Пятница, 30 сент.: Топотун, Фродо и спутники

покинули Бри; ночь в Четвуде.

— Суббота, 1 окт.: ночь в Четвуде.

— Воскресенье, 2 окт.: первый день и стоянка в топях.

— Понедельник, 3 окт.: второй день и стоянка в топях.

— Вторник, 4 окт.: уход из топей. Стоянка у ручья под ольхами.

В этот день Топотун рассчитал, что Гэндальф, если он достиг Заверти, должен был прибыть туда «по меньшей мере два дня назад», то есть в воскресенье 2 октября, что отводит целых четыре дня и ночи на путь от Бри верхом.

В первоначальной версии они достигли Заверти 5 октября, тогда как в FR они в ту ночь стали лагерем у подножия холмов (см. с. 175). В нынешнем тексте мой отец удержал прежнюю историю, но затем изменил её на ту, что в FR:

К ночи они достигли подножия холмов и там стали лагерем. То была ночь пятого октября, и они шестой день как вышли из Бри. Утром они нашли, впервые с тех пор, как покинули Четвуд, ясно различимую тропу.

Вскоре будет видно, что это изменение было сделано до того, как глава была закончена.

Отрывок, что следует за вопросом Фолко «Есть

ли на Заверти какой-нибудь курган?» (FR, с. 197), остаётся в точности как в первоначальном тексте (с. 169), с Элендилом вместо Валандила, и когда они достигают вершины, всё остаётся как прежде, лишь с необходимой переменой слов Мерри «Не виню Гэндальфа, что не ждал здесь! Ему пришлось бы оставить повозку, и коней, и большинство спутников тоже, я думаю, там, внизу у Дороги» на «Не виню Гэндальфа, что не ждал долго, — если он вообще сюда приходил». Но бумага, что вспархивает с груды камней, несёт иное послание (см. с. 170):

«Среда, 5 окт. Дурные вести. Мы прибыли поздно в понедельник. Одо исчез прошлой ночью. Я должен немедля идти в Ривенделл. Держите к Броду за Тролльшоу со всей быстротой, но остерегайтесь. Враги могут попытаться его стеречь.

Г.»[3]

— Одо! — вскричал Мерри. — Это значит, что Всадники схватили его? Какой ужас!

— То, что мы упустили Гэндальфа, обернулось бедой, — сказал Фродо. — Бедный Одо! Думаю, это плод притворства, будто он Бэггинс. Если бы только мы все могли быть вместе!

— В понедельник! — сказал Топотун. — Значит, они прибыли, когда мы были в топях, и Гэндальф не уходил, пока мы уже не были близко к холмам. Они не могли заметить наших жалких огоньков ни в понедельник, ни во вторник. Гадаю, что случилось здесь в ту ночь. И всё же гадать без толку: нам ничего не остаётся, как держать к Ривенделлу, как сумеем.[4]

— Далеко ли до Ривенделла? — спросил Фродо,

---

[3] Примечания: 319

Черновик послания Гэндальфа гласит: «Прошлой ночью Одо исчез: подозреваю захват всадниками».

Послание было изменено карандашом так, чтобы читалось:

«Среда, утро, 5 окт. Дурные вести. Мы прибыли поздно в понедельник. Бэггинс исчез прошлой ночью. Я должен идти искать его. Ждите меня здесь два дня. Я вернусь, если возможно. Если нет — идите в Ривенделл Бродом по Дороге».

Мерри затем говорит: «Бэггинс! Это значит, что Всадники схватили Одо?»

Послание Гэндальфа о том, что он вернётся к Заверти, если сможет, могло быть задумано как объяснение, отчего они решили там остаться; см. примеч. 4. Эта карандашная правка предшествовала написанию следующей главы; см. с. 359. ↩ [broken link: #rn41_3]

[4] Примечания: 320

Это было изменено карандашом так, чтобы читалось: «нам ничего не остаётся, как] ждать по крайней мере до завтра, что будет два дня с тех пор, как Гэндальф написал записку [см. примеч. 3]. После того, если он не объявится, мы должны [держать к Ривенделлу, как сумеем». ↩ [broken link: #rn41_4]

устало озираясь. Мир с Заверти выглядел диким и широким.

Отсюда текст следует старой версии (с. 170–171) почти в точности — с переработанной формой ответа Топотуна о расстоянии до Ривенделла, с. 171, — до конца главы, причём Топотун, Фродо и Мерри соскальзывают с вершины Заверти, чтобы найти Сэма и Фолко в лощине (где оканчивалась и первоначальная Глава VII).

Поскольку Гэндальф и Одо покинули Бри утром в среду 28 сентября, но не достигли Заверти до позднего часа в понедельник 3 октября, у них ушло даже больше, чем рассчитал Топотун (с. 355): почти шесть дней верхом, тогда как Топотун говорит (в этом тексте, как и в старом, с. 171), что «следопыту на своих двоих» нужно около недели от Бри до Заверти (в отвергнутом отрывке старого текста, с. 170, Топотун сказал, что считает это «около 120 долгих миль» по Дороге). Слова Топотуна «Гадаю, что случилось здесь в ту ночь», относящиеся к ночи, в которую исчез Одо (вторник 4 октября), показывают, что ночная стоянка у подножия холмов 5 октября вошла в повествование и что теперь был четверг 6 октября, ибо он не сказал бы «в ту ночь», если бы разумел «прошлой ночью». Хронологию, данную на с. 355, можно

поэтому дополнить для этой стадии развития повествования так:

— Понедельник, 3 окт.: второй день и стоянка в топях. — Гэндальф и Одо достигают Заверти поздно вечером.

— Вторник, 4 окт.: уход из топей. Стоянка у ручья под ольхами. — Одо исчезает с Заверти ночью.

— Среда, 5 окт.: стоянка у подножия холмов. — Гэндальф покидает Заверть.

— Четверг, 6 окт.: Топотун, Фродо и спутники достигают Заверти.

Следующая глава, занумерованная XI, но без заголовка,[5] начинается с рассказа о том, чем были заняты Сэм и Фолко (FR, с. 201), там же, где начиналась соответствующая глава VIII в первоначальной версии (с. 177).

Сэм и Фолко не сидели сложа руки. Они исследовали маленькую лощину и окружающую долину. Невдалеке они нашли родник чистой воды, а близ него — следы не более чем день-два давности. В самой лощине они нашли свежие следы костра и иные признаки малого лагеря. Но самое неожиданное и самое желанное открытие

---

[5] Примечания: 321

Заголовок «Кинжал во тьме» был вписан карандашом позднее, как и на первоначальной главе VIII (с. 177). ↩ [broken link: #rn41_5]

сделал Сэм. У края лощины, ближайшего к склону холма, лежало несколько крупных упавших камней. За ними Сэм набрёл на небольшой запас дров, аккуратно сложенных, а под дровами был мешок с едой. То были по большей части лепёшки крама,[6] уложенные в две маленькие деревянные коробки, но было также немного бекона и сушёных плодов.

— Стало быть, старый Гэндальф здесь побывал, — сказал Сэм Фолко. — Эти пакеты крама о том говорят. Я отродясь не слыхал, чтоб кто, кроме двух Бэггинсов да чародея, пользовался этой штукой. Лучше, чем помереть с голоду, говорят, но ненамного.

— Гадаю, оставлено ли это для нас или Гэндальф всё ещё где-то поблизости, — сказал Фолко. — Хотел бы я, чтобы Фродо и те двое вернулись.

Сэм был благодарнее краму, когда остальные и впрямь вернулись, спеша обратно в лощину со своими тревожными вестями. Долгий путь лежал впереди, прежде чем они могли надеяться на помощь, и казалось ясным, что Гэндальф оставил ту еду, какую мог уделить, на случай, если их собственные припасы будут скудны.

---

[6] Примечания: 322

Отрывок о краме был удержан в этом тексте, но помещён в сноску. ↩ [broken link: #rn41_6]

— Это, вероятно, то, что ему не понадобилось после исчезновения бедного Одо, — сказал Фродо. — Но как же дрова?

— Думаю, они, должно быть, собрали их во вторник, — сказал Топотун, — и готовились ждать здесь в лагере какое-то время. Им пришлось бы пройти за ними некоторое расстояние, ибо поблизости деревьев нет.

Был уже поздний полдень, и солнце садилось. Они некоторое время совещались, как им быть. Именно запас топлива в конце концов решил их не идти дальше в тот день, а заночевать в лощине.

Текст теперь следует старой версии (с. 177–179) довольно близко. На вопрос Мерри «Могут ли враги видеть?» Топотун теперь отвечает: «Их кони могут видеть. Сами они не видят мир света, как мы, но они не слепы, и в темноте их более всего и надо страшиться». Топотун больше не говорит, что в землях к Югу от них жили Люди; не рассказано и того, что они по очереди сидели в дозоре у края лощины. Отрывок, описывающий рассказы Топотуна, — характерное сплетение старой версии (с. 179) с новыми элементами, что уцелеют в FR (с. 203):

Когда пала ночь и свет костра начал ярко раз-

гораться, Топотун принялся рассказывать им истории, чтобы отвлечь их умы от страха. Он знал много преданий о диких зверях и понимал кое-что в их языках, и у него были странные истории о их скрытых жизнях и малоизвестных приключениях. Знал он также многие повести и предания древних дней — о хоббитах, когда Шир был ещё неисследован, и о вещах за пределами туманов памяти, из которых вышли хоббиты. Они дивились, сколько ему лет и где он выучился всем этим преданиям.

— Расскажи нам о Гил-галаде, — сказал вдруг Мерри, когда тот умолк в конце истории об эльфийских королевствах. — Ты назвал это имя недавно, и оно всё ещё звенит у меня в ушах. Кажется, я слышал его и прежде, но больше ничего о нём вспомнить не могу.

— Об этом имени тебе следует спросить обладателя Кольца, — ответил Топотун тихим голосом. Мерри и Фолко поглядели на Фродо, что глядел в огонь.

С этого места рукопись с изъяном, двух листов недостаёт, но отвергнутая страница несёт историю немного дальше, прежде чем сойти на нет:

— Я знаю лишь то немногое, что рассказал мне Гэндальф, — сказал он. — Гил-галад был послед-

ним из великих эльфийских королей. Гил-галад на их языке — Звёздный Свет. С помощью Короля Элендила, Друга эльфов, он низверг Врага, но оба они погибли. И я бы охотно услышал больше, если Топотун расскажет нам. Это сын Элендила унёс Кольцо. Но эту повесть я рассказать не могу. Расскажи нам больше, Топотун, если хочешь.

— Нет, — сказал Топотун. — Не стану я рассказывать эту повесть теперь, в это время и в этом месте, когда слуги Врага рядом. Быть может, в доме Элронда вы её услышите. Ибо Элронд знает её полностью.

— Тогда расскажи нам какую-нибудь другую повесть старины, — сказал Мерри…

Песнь Топотуна и его повесть о Берене и Лютиэн, таким образом, здесь отсутствуют, и рукопись возобновляется на «Пока Топотун говорил, они наблюдали его странное горящее лицо…» С этого места достигнут текст FR, вплоть до конца Главы 11 «Кинжал во тьме», едва ли с каким различием даже в словах, кроме таких точек: Фолко стоит вместо Пиппина; в нападении на лощину всё ещё было три Всадника, а не пять, и Фродо, бросаясь наземь, вскричал Эльберет! Эльберет!

В этом месте в FR начинается Глава 12 «Бегство к Броду», но, как и в первоначальном тексте (с. 190),

нынешняя версия продолжается без перерыва до Брода Ривенделла. Соотношение строения глав между нынешней фазой и FR можно показать так (и ср. таблицу на с. 133):

Нынешняя «фаза»:

IX. Под вывеской «Гарцующего Пони». Кончается тем, что Топотун отдаёт Фродо письмо от Гэндальфа.

X. Дикими путями к Заверти. Завершение разговора с Топотуном. Нападение на трактир, уход из Бри; кончается видом Всадников под Завертью.

XI. Без заголовка. Нападение на Заверть. Путь от Заверти к Броду.

FR:

9. Под вывеской «Гарцующего Пони». Кончается тем, что Фродо, Пиппин и Сэм возвращаются в свою комнату в трактире.

10. Бродяжник. Разговоры с Бродяжником и Баттербуром.

11. Кинжал во тьме. Нападение на трактир, уход из Бри; кончается нападением на Заверть.

12. Бегство к Броду.

Как свойственно этим главам третьей фазы, нынешний текст во многом продвигается к форме в FR в подробностях слога и описания, но удерживает многие черты первоначальной версии; так,

«красная вспышка», увиденная в миг нападения на Заверть, уцелела, о прорехе в чёрном одеянии Топотун всё ещё говорит лишь «Какой вред это причинило Чёрному Всаднику, не знаю», и далёкие крики Всадников, пересекающих Дорогу, не слышны, тогда как, с другой стороны, дрова, оставленные Гэндальфом, больше не сказано, что были взяты с собою, и описано омоложение пони Билла Ферни (об этих элементах повествования см. с. 190–191). Топотун теперь говорит Сэму вполголоса, но слова его иные:

— Думаю, теперь я понимаю всё лучше, — сказал он тихо. — Наши враги знали, что Кольцо здесь; быть может, потому, что они захватили Одо, и наверняка потому, что они чуют его присутствие. Они больше не преследуют Гэндальфа. Но теперь они на время отступили от нас, потому что нас много и мы смелее, чем они ожидали, но особенно потому, что они думают, будто убили или смертельно ранили твоего хозяина, — так что Кольцо неизбежно скоро попадёт в их власть.

Остальные его слова Сэму — как в FR (с. 210). — В обсуждении того, как теперь лучше быть (FR, с. 211), нынешняя версия гласит:

Остальные обсуждали как раз этот вопрос. Они решили покинуть Заверть как можно скорее. Бы-

ло уже утро пятницы, и два дня, которых просило послание Гэндальфа, скоро истекали. В любом случае не было проку оставаться в столь голом и беззащитном месте теперь, когда враги их обнаружили и знали также, что Кольцо у Фродо. Как только день стал полон, они наскоро перекусили и собрались.

О «двух днях, которых просило послание Гэндальфа», см. примеч. 3 и 4.

Хронология пути остаётся как в первоначальном тексте (см. с. 192–193, 219): они всё ещё пересекли Дорогу обратно утром шестого дня от Заверти (седьмого в FR) и провели три дня в холмах, прежде чем погода обратилась в дождь (два в FR). Но отставание в один день, что оставалось между первоначальным текстом и FR (из-за их более раннего прибытия на Заверть), так что они достигали Брода Ривенделла 19 октября, теперь отсутствует (см. с. 356).

Дождь, что, по суждению Топотуна, выпал дня за два до того в месте, где они снова пересекли Дорогу (FR, с. 213), теперь помянут, но река Хоарвелл (Митейтель) и Последний Мост ещё не возникли. Река, которую они могли видеть вдали, безымянная в первой версии (с. 191), теперь получает имя: «Ривенская река, что сходила с Гор и текла через

Ривенделл» (позднее в главе она зовётся «рекой Ривенделла»).

Разговор между Топотуном, Фолко и Фродо, возникающий из разрушенных башен в холмах, остаётся как в первой версии (с. 192–193; FR, с. 214).

Когда дождь прекратился и Топотун взобрался посмотреть, как лежит земля, он заметил в первой версии (с. 193), что «если будем держаться, как идём, то заберёмся в непроходимый край среди отрогов Гор». Это теперь становится: «мы заберёмся в Димрилл-долы далеко к северу от Ривенделла».[7] Он продолжает, приближаясь к словам Бродяжника в FR:

— Это, я слыхал, страна троллей, хотя сам я там не бывал. Мы, пожалуй, могли бы пробраться насквозь и подойти к Ривенделлу с севера, но это заняло бы много времени, и еды нам не хватило бы. В любом случае нам следует последовать последнему посланию Гэндальфа и держать к Броду Ривенделла. Так что так или иначе мы должны снова выйти на Дорогу.

Встреча с Каменными Троллями следует первой версии: Топотун хлопнул нагнувшегося тролля,

---

[7] Примечания: 323

О Димрилл-доле см. с. 432–433, примеч. 3, 13. ↩ [broken link: #rn41_7]

назвал его Вильямом и указал на птичье гнездо за ухом Берта. Всё ещё нет и намёка на Песнь Сэма о троллях, и когда Фродо увидел памятный камень, он «пожалел, что Бильбо не принёс домой сокровища опаснее украденных у троллей денег». Описание Дороги здесь почти такое же, как в Первом Издании FR (см. с. 200): «В этом месте Дорога отвернула от реки, оставив её на дне узкой долины, и жалась к подножию холмов, катясь и виясь к северу среди лесов и поросших вереском склонов к Броду и Горам».

Глорфиндель теперь зовёт Топотуна не Падатиром (с. 194), а Ду-финнионом, окликая: *Ai, Du-finnion! Mai govannen!* Отрывок, начинающийся с того, как Топотун подаёт знак Фродо и остальным спуститься на дорогу, встречается в двух формах, причём вторая, по всей видимости, тут же сменяет первую. Первая гласит:

— Привет и наконец-то добрая встреча! — сказал Глорфиндель Фродо. — Я был послан из Ривенделла высматривать ваш приход. Гэндальф боялся, что вы пойдёте Дорогой.

— Так Гэндальф прибыл в Ривенделл? — вскричал Мерри. — Нашёл ли он Одо?

— Хоббит с таким именем, несомненно, с ним, — сказал Глорфиндель, — но я не слыхал, чтобы

он был потерян. Он ехал позади Гэндальфа с севера, из Димрилдейла.

— Из Димрилдейла? — воскликнул Фродо.

— Да, — сказал эльф, — и мы думали, что вы тоже можете пойти тем путём, чтобы избежать опасности Дороги. Некоторые посланы искать вас в том краю. Но идёмте! Сейчас нет времени для вестей или споров, пока не остановимся. Мы должны идти со всей быстротой и беречь дыхание. Едва ли в дне езды назад к западу есть всадники, что ищут ваш след вдоль Дороги и в землях по обе стороны…

Глорфиндель продолжает как в первой версии (с. 195). Замещающий отрывок отличается большей частью в малом: Глорфиндель не говорит об Одо «но я не слыхал, чтобы он был потерян»; Димриллдейл пишется так (ср. с. 360), вместо Димрилдейла в отвергнутом тексте, и реплики Мерри и Фродо переставлены местами. Важное различие — в словах Глорфинделя:

— К западу позади есть всадники, что ищут ваш след вдоль Дороги, и когда они найдут место, где вы сошли с холмов, они помчатся за нами как ветер. Но это не все: есть другие, что могут быть теперь впереди нас или по обе руки. Если мы не пойдём со всей быстротой и удачей, мы найдём

Брод заслонённым против нас врагом.

От обморочной слабости Фродо и возражения Сэма на понукания Глорфинделя текст FR достигнут до конца главы почти до последнего слова.[8] И всё же остаются некоторые различия. Лишь три Всадника выехали из обсаженной деревьями выемки позади беглецов, и «из-за деревьев и скал слева налетели другие Всадники. Трое поскакали к Фродо; трое бешено понеслись к Броду, чтобы отрезать ему путь». А в самом конце «трое Всадников повернули и бешено умчались влево вниз по берегу Реки; прочих, несомых их обезумевшими и встающими на дыбы конями, загнало в поток и унесло». Это происходит из первой версии (с. 197), где, однако, было лишь два Всадника, что спаслись из потока. Рукопись была изменена к чтению последнего абзаца главы в FR, где не спасся ни один Всадник, и это было сделано до или в ходе написания следующей главы (см. с. 364).

Первая часть следующей главы, занумерованной XII, — прямое развитие первоначальной безымянной главы IX, сохранившейся в трёх текстах, ни один из которых не идёт дальше разговора между Бинго и Глоином на пиру в

[8] Примечания: 324

Можно отметить, что теперь появляется имя Асфалот коня Глорфинделя. ↩ [broken link: #rn41_8]

Ривенделле (с. 206 и далее, 210 и далее). Новой версии дан заголовок «Совет Элронда»; см. с. 399–400. Здесь, по причинам, что вскоре выяснятся, я описываю лишь ту часть главы, что происходит из Главы IX «первой фазы». В ней текст FR, Книга II, Глава 1, «Многие встречи» достигнут на долгих протяжениях лишь с самыми малыми различиями в словах, если они вообще есть; с другой стороны, многое ещё сохранено из первоначального текста. В нижеследующем можно понимать, что там, где не сделано замечания, текст FR наличествовал в это время либо в точности, либо в близком приближении.

Дата пробуждения Фродо в доме Элронда теперь — 24 октября, и все подробности дат в точности как в FR (см. с. 219, 360). Ссылки на Сэма в тексте FR ни одна не наличествует в этой версии, как написана, до самого пира, но были вписаны в рукопись, вероятно, после не очень долгого промежутка.

Гэндальф теперь прибавляет, после «Ты начинал угасать» (с. 210, FR, с. 231): «Глорфиндель это заметил, хотя и не говорил об этом никому, кроме Топотуна», и он всё ещё говорит (см. с. 206): «Ты вскоре стал бы призраком — наверняка, если бы надел Кольцо снова после того, как был ра-

нен». Вслед за его словами «Немалый это подвиг — пройти так далеко и сквозь такие опасности, всё ещё неся Кольцо» (FR, с. 232) разговор развит из более раннего текста (с. 210) весьма любопытным образом, естественно, всё ещё далёким от формы в FR:

— …Тебе ни за что не следовало покидать Шир без меня.

— Знаю — но ты так и не пришёл на моё угощение, как было условлено, и я не знал, что делать.

— Я был задержан, — сказал Гэндальф, — и это едва не обернулось нашей погибелью — как и было замышлено. И всё же, в конце концов, вышло лучше любого замысла, какой я осмелился бы составить, и мы одолели чёрных всадников.

— Хотел бы я, чтобы ты рассказал мне, что случилось!

— Всё в свой час! Тебе нынче не положено говорить или тревожиться о чём-либо, по приказу Элронда.

— Но разговор удержал бы меня от дум и гаданий, что столь же утомительны, — сказал Фродо. — Я теперь совсем проснулся и помню столько всего, что требует объяснения. Отчего ты был задержан? Это ты, по крайней мере, должен мне рассказать.

— Ты скоро услышишь всё, что желаешь знать, — сказал Гэндальф. — У нас будет Совет, как только ты достаточно поправишься. Пока же я скажу лишь, что был в плену.

— Ты! — вскричал Фродо.

— Да! — рассмеялся Гэндальф. — Есть в мире много сил, больших, чем моя, и ко благу, и ко злу. Меня схватили в Фангорне, и я провёл много томительных дней пленником Великана Древобрада. То было отчаянно тревожное время, ибо я спешил обратно в Шир, чтобы помочь тебе. Я только что узнал, что всадники высланы.

— Так ты не знал о Чёрных Всадниках прежде.

— Нет, я знал о них. Я однажды говорил тебе о них: ибо то, что ты зовёшь Чёрными Всадниками, — это Кольцепризраки, Девять Слуг Владыки Кольца. Но я не знал, что они снова восстали и снова выпущены в мир, — пока не увидел их. С тех пор я пытался тебя найти — но, не встреть я Топотуна, не думаю, чтобы мне это вообще удалось. Он спас нас всех.

— Мы никогда бы не добрались сюда без него, — сказал Фродо. — Поначалу я его подозревал, но теперь он мне очень мил, хотя он и довольно таинственный. Странная штука, знаешь ли, но мне всё кажется, будто я видел его где-то прежде;

что — что я должен бы суметь дать ему имя, имя иное, чем Топотун.

— Смею сказать, так оно и есть, — рассмеялся Гэндальф. — У меня самого часто бывает такое чувство, когда я гляжу на хоббита: они все напоминают друг друга, если понимаешь, о чём я.

— Вздор! — сказал Фродо, снова садясь в знак протеста. — Топотун совсем особенный. И он носит башмаки! Но я вижу, ты в одном из своих несносных настроений. — Он снова лёг. — Придётся мне быть терпеливым. И всё же отдыхать довольно приятно. По чести сказать, я бы хотел, чтобы мне не нужно было идти дальше Ривенделла. У меня был месяц изгнания и приключений, а это почти на четыре недели больше, чем с меня довольно.

Он умолк и закрыл глаза.

В остальной части разговора Фродо с Гэндальфом этот текст по большей части и впрямь очень близок к FR, и нужно отметить лишь несколько различий.

«Моргульский нож» (FR, с. 234) — всё ещё «нож Некроманта» (с. 211), и Гэндальф говорит здесь: «Ты стал бы призраком и под владычеством Тёмного Владыки. Но у тебя не было бы собственного кольца, как у Девятерых, ибо твоё Кольцо

— Правящее Кольцо, и Некромант забрал бы его, и мучил бы тебя за попытку его удержать — если возможно мучение большее, чем быть его лишённым».

Среди слуг Тёмного Владыки Гэндальф всё ещё называет, как в предыдущей версии, «орков и гоблинов» и «королей, воинов и чародеев» (с. 211).

Ответ Гэндальфа на вопрос Фродо «Безопасен ли Ривенделл?» происходит из прежнего текста, но движется также к тому, что в FR:

— Да, надеюсь. Над Эльфами у него меньше власти, чем над любым иным существом: они слишком много выстрадали в прошлом, чтобы быть теперь обманутыми или запуганными им. А Эльфы Ривенделла — потомки его главных недругов: номов, Эльфомудрых, что вышли с Запада, и Королева Эльберет Гилтониэль, Владычица Звёзд, всё ещё хранит их. Они не страшатся Кольцепризраков, ибо те, кто обитал в Благословенном Царстве за Морями, живут разом в обоих мирах, и каждый мир имеет лишь половину власти над ними, тогда как они имеют двойную власть над обоими.[9]

— Мне показалось, я видел белую фигуру, что

---

[9] Примечания: 325

О заключении этого отрывка см. с. 225. ↩ [broken link: #rn41_9]

сияла и не тускнела, как прочие. Так это был Глорфиндель?

— Да, ты на миг увидел его таким, каков он на той стороне: один из могучих Старшего Рода. Он эльф-владыка из дома князей.

— Значит, есть ещё силы, способные противостоять Владыке Мордора, — сказал Фродо.

— Да, есть мощь в Ривенделле, — ответил Гэндальф, — и есть мощь иного рода и в Шире…

В конце этого отрывка Гэндальф всё ещё говорит: «Мудрые говорят, что он обречён в Конце, хотя это и далеко» (см. с. 212).

В рассказе Гэндальфа о том, что случилось у Брода, он говорит, как в FR: «Трое были унесены первым натиском потока; прочие были теперь сброшены в воду своими конями и поглощены». Таким образом, по-видимому, переписывание конца предыдущей главы (с. 362) уже было совершено.

В конце его разговора с Гэндальфом история Одо вновь является:

— Да, теперь всё возвращается ко мне, — сказал Фродо. — Тот чудовищный рёв. Я думал, что тону вместе с друзьями и врагами. Но теперь мы все в безопасности! И Одо тоже. По крайней мере, так сказал Глорфиндель. Как ты снова его нашёл?

Гэндальф быстро взглянул на Фродо, но тот закрыл глаза. — Да, Одо в безопасности, — сказал чародей. — Ты скоро его увидишь и услышишь его рассказ. Будет пир и веселье в честь победы у Брода, и вы все будете там на почётных местах.

«Странный» или «быстрый» взгляд Гэндальфа на Фродо может относиться лишь к его вопросу об Одо, но, поскольку история об исчезновении Одо с Заверти и его последующем появлении (спасении?) так и не была рассказана, невозможно знать, что за этим стояло. Есть намёк на то, что в истории его исчезновения было нечто странное. Тон Гэндальфа, взятый вместе с его «взглядом» на Фродо, кажется, имеет слегка насмешливый оттенок. Глорфиндель говорит (с. 361): «Хоббит с таким именем, несомненно, с ним, но я не слыхал, чтобы он был потерян»: но ведь захват хоббита Чёрными Всадниками и его последующее вызволение были бы делом величайшего интереса для тех, кто занят Кольцепризраками? Но какова бы ни была эта история, она, кажется, есть нечто, что так никогда и не будет узнано. — Любопытно, что внезапный быстрый взгляд чародея на Фродо был сохранён в FR (с. 236), когда история Одо, конечно, исчезла, а слова Фродо, что вызвали взгляд, были «Но теперь мы в безопасности!»

Обмолвка Гэндальфа («Народ Ривенделла очень любит Бильбо») и то, что Фродо её приметил, удержаны из первой версии (с. 212), как и воспоминание Фродо о словах Топотуна троллю, когда он засыпает.

Когда Фродо спускается найти своих друзей на крытом крыльце дома,[10] разговор удержан почти в точности из первоначальной формы (с. 209). Одо перенимает у Мерри «Троекратное ура Фродо, властелину Кольца!» и далее говорит, как Пиппин в FR: «Ты, как всегда, проявил хитрость, поднявшись как раз к трапезе», но, несмотря на возросшую видность Одо в приёме Фродо (в FR отданную Пиппину), нет никакой ссылки на его приключения. От Фродо ведь, казалось бы, можно было ожидать какого-нибудь замечания о крайне опасных и вовсе нежданных приключениях Одо с тех пор, как он в последний раз видел его у входа в Старый Лес, особенно потому, что Гэндальф воздержался рассказывать ему, что случилось на Заверти и после.

Описание Элронда, Гэндальфа и Глорфинделя

---

[10] Примечания: 326

Крытое крыльцо всё ещё было обращено на запад (с. 209), а не на восток, как в FR, и странное утверждение, что вечерний свет сиял на восточных склонах холмов высоко вверху, было повторено, хотя и вычеркнуто, вероятно, в самом акте письма. ↩ [broken link: #rn41_10]

на пиру уже появилось почти в окончательной форме в более раннем тексте. Упоминание об улыбке и смехе Элронда (с. 213) на этот раз ещё удержано, и нет, конечно, ещё и намёка на Арвен. В описании рассадки утверждение прежней версии (там же), что Бинго «не мог видеть Топотуна, ни своих племянников. Их отвели к другим столам», удержано, но когда Фродо «начал озираться», он-таки увидел их, хотя и не Топотуна (последний отрывок уцелел в FR):

Пир был весел и всё, чего могла желать его голодная утроба. Он не мог видеть Топотуна или других хоббитов и предполагал, что они за одним из боковых столов. Прошло некоторое время, прежде чем он начал озираться. Сэм упросил, чтобы ему дозволили прислуживать хозяину, но ему сказали, что он в эту ночь почётный гость. Фродо мог видеть его сидящим с Одо, Фолко и Мерри в верхнем конце одного из боковых столов, близ помоста. Топотуна он видеть не мог.

Разговор Фродо с Глоином идёт в точности как в FR, вплоть до «Но мне равно любопытно знать, что привело столь важного гнома так далеко от Одинокой Горы». В первоначальных текстах Глоин говорил, что много дивился, что могло привести четырёх хоббитов в столь долгий путь

(Бинго, Фродо Тук, Одо, Мерри; Топотун исключён — по-видимому, как вовсе обособленный и не хоббит из Шира). Число — четыре в FR (Фродо, Сэм, Пиппин, Мерри), но четыре встречается и в нынешнем тексте, где хоббитов (кроме Топотуна) теперь было пятеро: Фродо, Сэм, Фолко, Одо, Мерри. Либо «четыре» было обмолвкой, либо Глоин исключил Одо, ибо знал, что Одо не прибыл в Ривенделл с остальными. Ответ Глоина на вопрос Фродо остаётся менее серьёзным, чем в FR:

Глоин поглядел на него и рассмеялся, более того — подмигнул. — Скоро узнаешь, — сказал он, — но мне не дозволено рассказывать тебе — пока. Так что и об этом мы говорить не будем! Но есть много иного, о чём послушать и рассказать.

Разговор (насколько он идёт в той части рукописи, что разобрана здесь) остаётся почти в точности как был, с кратким продолжением в конце третьего из ранних текстов (с. 213), причём единственное различие сколько-нибудь существенное в том, что Даин теперь, как в FR, «перевалил за свой двести пятидесятый год».

Видно, что из череды некогда прекрасных рукописей, что составляют «третью фазу» письма «Властелина Колец», возникает вполне связная история. Вот существенные точки этой истории в

отношении запутанной позднейшей эволюции:

— Гэндальф не вернулся в Хоббитон вовремя к малому прощальному угощению Фродо.

— Мерри и Одо Болджер ушли в Бакленд заранее.

— Фродо, Сэм и Фолко Тук прошли пешком из Хоббитона в Бакленд.

— В Бакленде Одо решил не идти с остальными в Старый Лес, а остаться в Крикхоллоу и ждать прихода Гэндальфа.

— Гэндальф пришёл в Крикхоллоу ночью в тот день, когда Фродо и его спутники ушли (понедельник 26 сентября), отогнал Всадников и поскакал за ними, с Одо на своём коне.

— Гэндальф и Одо (чьё имя выдавалось за Одо Бэггинса) провели ночь со вторника на 27 сентября в Бри. Близ Бри они встретили Топотуна.

— Гэндальф и Одо покинули Бри в среду 28 сентября, встретив Топотуна близ Аркета, как было условлено.

— Фродо, Сэм, Мерри и Фолко прибыли в Бри в четверг 29 сентября и встретили Топотуна, который отдал Фродо письмо Гэндальфа.

— Топотун был хоббитом; Фродо находил его странно знакомым, не умея сказать почему, но нет и намёка на то, кем он мог бы быть на самом

деле.

— Гэндальф достиг Заверти в понедельник 3 октября и покинул её 5 октября.

— Топотун, Фродо и остальные достигли Заверти в четверг 6 октября и нашли записку Гэндальфа, сообщавшую, что Одо исчез.

— Они узнали от Глорфинделя, что Гэндальф достиг Ривенделла, с Одо, спустившись с севера через «Димриллдейл».

— В Ривенделле Гэндальф объяснил, что был задержан в возвращении в Хоббитон (узнав, что Кольцепризраки вышли), будучи в плену в Фангорне у Великана Древобрада.

— Хоббиты из Шира в Ривенделле — это Фродо, Сэм, Мерри, Фолко и Одо.

Глава 22. НОВЫЕ СОМНЕНИЯ И НОВЫЕ НАМЁТКИ

Первая фаза, или первоначальная волна сочинения «Властелина Колец», донесла историю до Ривенделла и оборвалась посреди первоначальной Главы IX, на рассказе Глоина Бинго Болджер-Бэггинсу о державе Дейла (с. 213):

В Дейле правил внук Барда Лучника, Бранд, сын Баина, сына Барда, и он сделался могучим королём, чьё владение включало Эсгарот и много земли к югу от больших водопадов.

Это предложение оканчивало страницу рукописи; на обороте, как отмечено на с. 213, текст продолжался, но иным почерком и иными чернилами, и он начинается:

— А что сталось с Балином, Ори и Ойном? — спросил Фродо.

Поскольку во второй фазе Бинго всё ещё было именем наследника Бильбо и поскольку «Бинго» нигде не появляется в повествовательном письме, что приходится в истории позднее пира в Ривенделле, несомненно, что между «много земли к югу от больших водопадов» и «А что сталось

с Балином, Ори и Ойном?» был значительный разрыв.

Поэтому весьма любопытно, что в Главе XII третьей фазы есть заметная перемена почерка в точности в той же точке. Хотя и по-прежнему опрятно и тщательно написанное, глазу сразу очевидно, что «„А что сталось с Балином, Ори и Ойном?“ — спросил Фродо» и последующий текст не были непрерывны с тем, что предшествовало. Более того, позднейшая часть этой Главы XII не согласуется и с тем, что ей предшествует: ибо Бильбо говорит — как мой отец сперва выписал рукопись — «Придётся мне попросить этого малого Арагорна помочь мне» (ср. FR, с. 243: «Придётся мне попросить моего друга Дунадана помочь мне»).

Не думаю, чтобы это могло быть простым совпадением, что обе версии останавливаются в точности в той же точке, и я заключаю, что третья фаза, в смысле прекрасной непрерывной череды рукописей, окончилась в том же месте, где окончилась первая, — и сделала это именно потому, что там окончилась первая фаза. По этой причине я остановился на этой точке в предыдущей главе. Я предположил ранее (с. 309), что когда мой отец сказал (в феврале 1939-го), что к

декабрю 1938-го «Властелин Колец» достиг Главы XII «и был переписан несколько раз», он имел в виду именно третью фазу.

Текстуально-хронологические вопросы, что теперь возникают, особенно трудны, и я сомневаюсь, чтобы можно было достичь решения, доказуемо верного во всех точках. Нет внешних свидетельств на много месяцев после февраля 1939-го и ничего, что показало бы, чего мой отец достиг за то время, но мы получаем наконец недвусмысленную дату, «август 1939», написанную (что весьма необычно) на каждой странице собрания черновых бумаг, содержащих наброски сюжета, вопрошания и части текста. Они показывают моего отца в остановке, даже в растерянности, вплоть до недостатка уверенности в коренных составляющих повествовательной структуры, что была выстроена с таким трудом. Единственное внешнее свидетельство, какое мне известно, что проливает на это свет, — это письмо, унылое по тону, что он написал Стэнли Анвину 15 сентября 1939-го, через двенадцать дней после вступления Англии в войну с Германией, извиняясь за своё «молчание о состоянии предполагаемого продолжения „Хоббита“, о котором вы справлялись ещё 21 июня». «Не полагаю,

— сказал он, — чтобы это всё ещё сильно вас занимало, — хотя я всё ещё надеюсь в конце концов его закончить. Написано лишь около ¾. У меня было мало времени, не говоря уже о мраке надвигающейся беды, и я был нездоров бóльшую часть этого года…» В самих бумагах «августа 1939» нет ничего, что показало бы, отчего он должен был думать, что существующая структура истории нуждается в столь коренном преображении.

Предложения, сделанные в это время о новых сочленениях сюжета, были записаны в такой спешке и выражены столь эллиптически, что порой нелегко понять их смысл (там и сям можно заподозрить путаницу между тем, что было написано в последней волне сочинения, и тем, что было написано раньше), и определить порядок, в каком эти заметки и наброски были записаны, невозможно. Возьмём сперва самые решительные предложения:

(1) Новый сюжет. Бильбо — герой на всём протяжении. Мерри и Фродо — его спутники. Это помогает с Голлумом (хотя Голлум, вероятно, получает новое кольцо в Мордоре). Или Бильбо просто берёт «каникулы» — и никогда не возвращается, и угощение-сюрприз [то есть угощение, что кончилось сюрпризом] — Фродо. В каковом

случае Гэндальф не присутствует, чтобы пускать фейерверки.

Поразительное предположение в первой части этой заметки оставляет в стороне проблему «жил счастливо до конца дней», что так грузно нависала прежде (см. с. 108–109). На краткое время, во всяком случае, мой отец готов был помыслить о сносе всей структуры Бильбо—Фродо — ныне установленной и существенной мысли, что Бильбо исчез «с хлопком и вспышкой» в конце своего сто одиннадцатого дня рождения и что Фродо последовал за ним из Шира, более скрытно, семнадцать лет спустя. По счастью, он не потратил на это долго — хотя зашёл так далеко, что начал новый текст, озаглавленный:

Новая версия — с Бильбо как героем. Авг. 1939
Властелин Колец

Он начинается: «„Всё это весьма тревожно, а на деле и довольно пугающе“, — сказал Бильбо Бэггинс», и содержание то же, что в «Древней истории» — со слышными снаружи ножницами Сэма, — изменённое лишь настолько, насколько было необходимо, раз уж Гэндальф говорил здесь с Бильбо, а не с Фродо, но этот текст сходит на нет после пары страниц.

Вторая часть этой заметки немногим менее

решительна: возврат к истории, какой она была в конце первой фазы работы над этой главой, где Бильбо просто тихо исчезал из Шира незадолго до своего 111-го дня рождения, а угощение давал Бинго (Болджер-Бэггинс); см. с. 40. Эта мысль развита в следующем наброске:

(2) Вернуться к первоначальной мысли. Сделать Фродо (или Бинго) более комическим персонажем.

Бильбо не одолён Кольцом — он очень редко им пользовался. Он жил долго, а затем простился, надел старую одежду и ускакал. Он не сказал бы, куда направляется, — лишь что едет за Реку. У него было два любимых «племянника», Перегрин Боффин и Фродо [надписано сверху: Фолко] Бэггинс. Перегрин был старшим. Перегрин ушёл, и Бильбо обвинили, и после того молодёжь держали от него подальше — лишь Фолко остался верен.

Бильбо оставил всё своё имущество Фолко (который таким образом унаследовал с лихвой всю нелюбовь Саквиль-Бэггинсов).

Бильбо жил долго, 111 — он говорит Гэндальфу, что чувствует усталость, и обсуждает, как быть. Он встревожен Кольцом. Говорит, что неохотно его оставляет, и подумывает взять его. Гэндальф

глядит на него.

В конце концов он оставляет его, но надевает Жало и свою эльфийскую броню под старый залатанный зелёный плащ. Он также берёт свою книгу. Последнее причудливое словцо было: «Думаю, поищу место, где побольше мира и покоя, и я смогу закончить свою книгу».

«Никто её не прочтёт!»

«О, может, и прочтут — в грядущие годы».

Кольцо начинает действовать на Фолко. Он делается беспокоен. И замышляет уйти «вослед Бильбо». Его друзья — Одо Болджер и Мерри Брендибак.

Разговор с Гэндальфом как в Повести.

Фолко даёт нежданное [читай: долгожданное][1] угощение и исчезает, как в первоначальном черновике Повести.[2] Но ввести Чёрных Всадников.

Вырезать всю часть о том, что Гэндальф должен прийти. Сделать так, чтобы Гэндальф преследовал беглецов, раз уж он выведал о Чёрных

---

[1] Примечания: 327

О «нежданном угощении» вместо «долгожданного угощения» ср. с. 245, примеч. 1. ↩ [broken link: #rn42_1]

[2] Примечания: 328

На деле — третий и четвёртый черновики первой фазы: под «первоначальным черновиком Повести» мой отец разумел форму «Долгожданного угощения», какой она была, когда подана в «Аллен энд Анвин» (см. с. 40). ↩ [broken link: #rn42_2]

Всадниках (сцена в Крикхоллоу подойдёт — но без осложнения с Одо).

Сделать так, чтобы Гэндальф искал Фолко (в каковом случае Гэндальфа не будет на прощальном угощении) — и послать Топотуна.

Найти Бильбо в Ривенделле. Там Бильбо предлагает взять на себя бремя Кольца (неохотно), но Гэндальф поддерживает Фолко, что вызывается нести его дальше.

Топотун оказывается Перегрином, что побывал в Мордоре.

Не последняя любопытная черта этих заметок — возобновлённая неуверенность в именах: так, у нас есть «Фродо (или Бинго)», затем «Фродо», изменённое на «Фолко» (и при одном из появлений «Фолко» мой отец сперва написал «Б»); см. также §§5 и 9. Долгое время я полагал, что именно во время написания этих заметок «Бинго» стал «Фродо» и что они, стало быть, предшествовали третьей фазе работы. Те рукописи третьей фазы были столь стройны и столь наводили на мысль о твёрдой цели, что трудно было вообразить, чтобы столь коренная неуверенность могла за ними последовать: скорее они казались уверенным новым началом, когда сомнения рассеялись. Но этого никак не может быть. Это первое упомина-

ние о том, что Бильбо берёт свою «эльфийскую броню» (ср. с. 223, §4), а ведь лишь позднейшей правкой к версии «Долгожданного угощения» третьей фазы история о том, что Бильбо взял её с собою, входит в повествование (см. с. 315; в FR, с. 40, он уложил её в свой мешок, «свёрток, завёрнутый в старое тряпьё», что он достал из несгораемого ящика). Сходно и слова Бильбо о том, что он хотел найти покой, в котором закончить книгу, и отповедь Гэндальфа «Никто её не прочтёт!» появляются лишь в правке к версии первой главы третьей фазы (уцелев в FR, с. 41). Или опять же, ссылка на «сцену в Крикхоллоу — но без осложнения с Одо» показывает, что третья фаза уже существовала (см. с. 336). Иные свидетельства в других местах этих бумаг «августа 1939» столь же ясны. Поэтому надо заключить, что временна́я растерянность и потеря направления, от которых страдал мой отец в это время, простиралась даже на установленные имена: «Бинго» мог быть возвращён, а «Фродо» изменён на «Фолко».

Слова «Но ввести Чёрных Всадников» озадачивают, ибо Чёрные Всадники, конечно, очень даже присутствовали «в первоначальном черновике Повести», но я подозреваю, что мой отец разумел

«Но ввести Чёрного Всадника» в единственном числе, то есть Всадника, что пришёл в Хоббитон и говорил с Жихарём Скромби. Изменённую историю, которую мой отец столь эллиптически обсуждал в этих заметках, можно, по-видимому, в существе показать так:

(I) Четвёртая версия «Долгожданного угощения», последняя в «первой фазе»; см. с. 40

Бильбо тихо уходит из Хоббитона в возрасте 111 лет.

Бинго даёт угощение 33 года спустя и исчезает в конце его.

Гэндальф покидает Хоббитон после фейерверков на Угощении и идёт вперёд к Ривенделлу.

(II) Существующее состояние истории

Бильбо даёт Угощение в возрасте 111 лет и исчезает в конце его.

Фродо тихо уходит из Хоббитона со своими друзьями 17 лет спустя.

Гэндальф не приходит, как обещал, прежде чем Фродо уходит.

Чёрный Всадник приходит в Хоббитон в последний вечер.

Гэндальф прибывает в Крикхоллоу после того, как хоббиты ушли.

(III) Намеченный сюжет

Бильбо тихо уходит из Хоббитона в возрасте 111 лет.

Фродо («Фолко») даёт Угощение и исчезает в конце его.

Гэндальфа нет на Угощении.

Чёрный Всадник приходит в Хоббитон.

Гэндальф прибывает в Крикхоллоу после того, как хоббиты ушли.

Если я прав в своём истолковании «Но ввести Чёрных Всадников», смысл в том, что, хотя в одной коренной черте своего строения (III) вернулась бы к (I), приход Всадника был бы удержан — так что он явился бы в последствиях Угощения. И, в отличие от (I), Гэндальф больше не приходил бы на Угощение (так что, как помянуто в §1, не было бы фейерверков, по крайней мере не Гэндальфова рода), а следовал бы по пятам за хоббитами («беглецами»), «раз уж он выведал о Чёрных Всадниках».

Здесь снова, и снова по счастью, мой отец в итоге не позволил себе отвлечься на ещё одну перестройку (и вытекающую очень хитрую переписку во многих местах) того повествования, что было достигнуто.

Всего интереснее утверждения, что Топотун был Перегрином Боффином, состоявшим в таком

же родстве с Бильбо, как и Фродо, но старше Фродо, и что, убежав в широкий мир, он добрался до Мордора. Ранее (с. 223, §6) мой отец отметил: «Я подумывал сделать Топотуна Фоско Туком (двоюродным братом Бильбо), что пропал мальчишкой из-за Гэндальфа. У него, должно быть, было какое-то горькое знакомство с Кольцепризраками и пр.» См. далее с. 385–386.

(3) В некоторых точках ещё труднее быть уверенным в смысле другого наброска, датированного «август 1939». Он начинается с предложения «изменить имена».

— Фродо → ? Перегрин, Фарамонд.

— Одо → Фредегар, Гамилькар Болджер.

Мой отец впоследствии прибавил (но вычеркнул): «Слишком много хоббитов. Сэма, Мерри и Фарамонда (= Фродо) вполне довольно». Он явно был недоволен именем «Фродо» для своего главного героя. В §2 он изменил «Фродо» на «Фолко», в §2, §5 и §9 вновь появляется «Бинго», а здесь он рассматривает возможность «Фарамонда». — Это, по-видимому, первое появление любого из имён, Фредегар или Гамилькар.

Текст, что следует на той же странице, кажущийся вовсе расходящимся с этими заметками об именах, гласит так:

Изменения сюжета

(1) Меньше упора на долголетие, вызванное Кольцом, пока история не продвинется.

(2) Важно. (a) Ни Бильбо, ни Гэндальф не должны много знать о Кольце, когда Бильбо уходит. Побуждение Бильбо — просто усталость, необъяснённое беспокойство (и тоска снова увидеть Ривенделл, но это не сказано — то, что его находят в Ривенделле, должно быть сюрпризом).

(b) Гэндальф не велит Фродо покинуть Шир — лишь простой намёк, что Владыка может искать Шир. Замысел ухода был целиком Фродовым. Сны или иная какая причина [добавлено: беспокойство] заставили его решить пуститься в странствие (чтобы найти Трещины Рока? после того как испросит совета Элронда). Гэндальф просто исчезает на годы. Они не пытаются нагнать Гэндальфа. Гэндальф просто пытается их найти и отчаянно расстроен, когда обнаруживает, что Фродо покинул Хоббитон. Одо надо вырезать или изменить (слить с Фолко), и пусть едет с Ф[родо] в его поездке. Только Мериадок уходит вперёд.

В таком случае изменение сюжета в Бри. Кто такой Топотун? Следопыт или Хоббит? Перегрин? Если Гэндальф лишь ищет Фродо, Топотуну

придётся быть старым знакомцем.[3] Так, если Хоббит, сделать его одним из тех, кто ушёл под влиянием Гэндальфа (ср. введение к «Хоббиту»).[4] Например —

После маленькой проделки Бильбо Гэндальфа было мало видно, и лишь одно исчезновение было отмечено за много лет. То был любопытный случай Перегрина Боффина —

Поскольку он был близким родственником Бильбо, Бильбо обвинили в том, что он вбивает мальчику в голову вздор своими глупыми сказками, и визиты молодёжи в Бэг-Энд многие из старших не одобряли, несмотря на щедрость Бильбо. Но у него было несколько верных юных друзей. Главным из них был Фродо (кузен Бильбо).

Что до (1) и (2)(a), эти мысли были взяты. В «Долгожданном угощении», каким оно было в это время (см. с. 239: сохранено без значимых изменений в версии третьей фазы), Кольцо — единственное побуждение, на которое Бильбо ссылается, объясняя своё решение покинуть Шир,

---

[3] Примечания: 329

Я не понимаю смысла этого предложения. ↩ [broken link: #rn42_3]

[4] Примечания: 330

Ссылка на «Хоббита» — к главе I «Нежданные гости», отрывку, уже приведённому (с. 224). ↩ [broken link: #rn42_4]

и он ясно связывает своё долголетие с обладанием им: «Мне и впрямь надо избавиться от Него, Гэндальф. „Хорошо сохранившийся“, как же. Да я весь какой-то истончившийся — будто растянутый, если понимаешь, о чём я». Правки к версии третьей фазы привели текст в этих отношениях к форме в FR (с. 41–43), где ясно, что Кольцо не есть сознательно побуждение в уме Бильбо (сколь бы сильно читателя ни заставляли сознавать зловещее влияние, что оно на деле оказывало): он говорит о своей нужде в «каникулах, очень долгих каникулах» (ср. §1 выше: «Бильбо просто берёт „каникулы“») и о своём желании «снова увидеть дикий край, прежде чем умру, и Горы». Он всё ещё говорит «„Хорошо сохранившийся“, как же! Да я весь какой-то истончившийся, будто растянутый, если понимаешь, о чём я», но его чувство великого возраста теперь никак не связано с обладанием Кольцом, и так позднее, в правке к версии «Древней истории» третьей фазы, Гэндальф говорит Фродо: «Он, несомненно, не начал связывать своё долголетие и наружную моложавость с кольцом» (ср. FR, с. 56: «Но что до его долгой жизни, Бильбо вовсе не связывал её с кольцом. Всю заслугу он приписывал себе и очень этим гордился»).

Заметки под (2)(b) намечают новую мысль о передвижениях Гэндальфа: много лет до того, как Фродо ушёл, он вовсе не возвращался в Хоббитон, и уход Фродо был целиком независим от чародея. Узнав (можем мы предположить), что Кольце-призраки вышли, Гэндальф наконец поспешил обратно в Шир, где с ужасом услышал, что Фродо ушёл. Эта мысль не была взята, конечно (и против неё мой отец написал: «Но в этом случае глава о Сэме испорчена» — он имел в виду конец «Древней истории», где Сэм застигнут Гэндальфом за подслушиванием под окном Бэг-Энда).

Слова «Они не пытаются нагнать Гэндальфа» трудно понять. Кажется невероятным, чтобы мой отец ссылался теперь на версию истории первой фазы, в которой Гэндальф покинул Угощение (данное Бинго) после того, как пустил фейерверки, и о нём было известно, что он впереди Фродо и его друзей на пути на восток, и всё же в последующих версиях всё, что о нём известно, — это что он не пришёл, как обещал, на малое прощальное угощение, данное Бинго/Фродо перед уходом из Бэг-Энда, и предполагался (верно) скорее позади них, чем впереди.

Ещё больше сбивает с толку отрывок об Одо («Одо надо вырезать или изменить (слить с Фол-

ко) и пусть едет с Ф[родо] в его поездке. Только Мериадок уходит вперёд»). Если смысл этого в том, что вся «история Одо» третьей фазы (его путь с Гэндальфом из Крикхоллоу через Бри, псевдоним «Бэггинс», его исчезновение с Заверти и его необъяснённое прибытие с Гэндальфом в Ривенделл) должна была быть отброшена, то как (можно спросить) он может быть «слит с Фолко», раз «Фолко» уже есть сплав первоначальных «Фродо и Одо», с явным перевесом в сторону «Одо»? Надо помнить, что эти заметки никак не были логическим выражением упорядоченной программы, но скорее суть следы быстро меняющихся мыслей. Изъятие Одо, в третьей фазе, из приключений прочих хоббитов привело к тому, что Фолко (прежде Фродо) Тук перенял долю и характер Одо в повествовании о тех приключениях, ибо то повествование уже существовало с более ранних фаз, и Одо играл большую роль в разговоре хоббитов (см. с. 323–324). Но удержание Одо на заднем плане, с собственными приключениями, означало бы, что когда он вновь выступит на передний план в Ривенделле, будет два «Одо»-персонажа — довольно ироничный итог попытки от него избавиться!

Предложение здесь, по-видимому, в том, что

«Одо Болджер» и «Фолко Тук» теперь должны быть окончательно соединены в один персонаж, под последним именем. «Фолко», и впрямь, кажется теперь слишком «Одо», чтобы «слияние» имело много смысла, но мой отец, быть может, этого не чувствовал (да и не имел, пожалуй, столь ясной картины запутанных эволюций своей истории, какую можно обрести из долгого изучения рукописей). В «пусть едет с Ф[родо] в его поездке» «поездка», быть может, простая обмолвка вместо «ходьбы»: смысл в том, что получившийся «сплав» сопровождает Фродо и не «уходит вперёд» с Мерри в Бакленд. Всё это очень тонко сплетено, но это отражает чрезвычайно запутанную природу меняющегося построения моего отца.

С «Кто такой Топотун? Следопыт или Хоббит?» ср. с. 331–332. История о том, что Топотун был Перегрином Боффином, теперь окончательно налицо и будет вполне развита в правке к тексту «Долгожданного угощения» третьей фазы (с. 384–386).

(4) Остальные бумаги в этом собрании «августа 1939», что касаются начальной части истории, возможно, последовали за прочими. Эти страницы очень черновой повествовательной наброски

озаглавлены «Разговор Бильбо и Фродо» — отношения, никогда иначе не виденные вблизи, прежде чем они встретились много позднее в Ривенделле. Разговор происходит в Бэг-Энде перед Прощальным угощением Бильбо; он говорит Фродо о Кольце впервые лишь затем, чтобы обнаружить, к своему искреннему изумлению и притворному негодованию, что Фродо уже знал о нём и заглядывал в тайную книгу Бильбо. Это иная история, чем в «Долгожданном угощении», где Фродо читал мемуары Бильбо с его дозволения (с. 240, 315).

Разговор Бильбо и Фродо

— Что ж, мой мальчик, мы славно поладили — и мне, в каком-то смысле, жаль уходить. Но я отправляюсь на каникулы, очень долгие каникулы. На деле я вовсе не намерен возвращаться. Я устал. Я собираюсь переправиться за Реки.[5] Так что будь готов к сюрпризам на этом угощении. Скажу, что оставляю всё, практически, тебе — всё, кроме нескольких безделиц.

Господин Бильбо Бэггинс из Бэг-Энда, что Под Холмом (Хоббитон), сидел в своей западной гостиной одним летним полднем.

---

[5] Примечания: 331
за Реки: множественная форма ясна. ↩ [broken link: #rn42_5]

— Что ж, вот мой маленький замысел, Фродо, — сказал Бильбо Бэггинс. — Это строжайший секрет, заметь! Я держал его ото всех, кроме тебя и Гэндальфа. Мне нужна была помощь Гэндальфа, а тебе я сказал, потому что надеюсь, что ты насладишься шуткой тем больше, будучи посвящён, — и, конечно, тебя это близко касается.

— Мне это вовсе не нравится, — сказал другой хоббит, выглядя довольно озадаченным и удручённым. — Но я знаю тебя достаточно давно, чтобы понимать, что отговаривать тебя от твоих маленьких замыслов бесполезно.

— Что ж, пришло время прощаться, дорогой мой мальчик, — сказал Бильбо.

— Полагаю, что так, — сказал Фродо печально. — Хотя вовсе не понимаю, почему. [Но я знаю тебя слишком хорошо, чтобы и думать отговаривать тебя от твоих маленьких замыслов — особенно после того, как они зашли так далеко.]

— Яснее объяснить не могу, — ответил Бильбо, — ибо и сам не вполне ясно понимаю. Но надеюсь, вот что ясно: я оставляю всё (кроме нескольких безделиц) тебе. Моих деньжат тебе хватит на безбедную жизнь, как хватало мне в былые дни, и к тому же осталось немного моего сокровища — ты знаешь где. Теперь не так много, но изряд-

ное гнёздышко всё же. И есть ещё одна вещь. Есть кольцо.

— Волшебное кольцо? — спросил Фродо неосторожно.

— Э, что? — сказал Бильбо. — Кто сказал «волшебное кольцо»?

— Я, — сказал Фродо, краснея. — Дорогой мой старый хоббит, ты не берёшь в расчёт любопытство юных племянников.

— Беру в расчёт, — сказал Бильбо, — или думал, что беру. И в любом случае не зови меня дорогим старым хоббитом.

— Я знаю о существовании твоего Кольца уже годы.

— Вот как? — сказал Бильбо. — Как, хотел бы я знать! Ну же: лучше признайся начистоту, прежде чем я уйду.

— Что ж, было так. Это Саквиль-Бэггинсы тебя выдали.

— С них станется, — буркнул Бильбо.

Затем Фродо рассказывает историю о том, как он наблюдал бегство Бильбо, ставшего невидимым, от Саквиль-Бэггинсов однажды на прогулке. Это, в очень краткой форме, было использовано в пятой версии «Долгожданного угощения» (с. 242), когда Бинго рассказал это Гэндальфу после Уго-

щения — там просто как пример того, как Бильбо пользовался Кольцом для мелких исчезновений, чтобы избежать скуки и неудобства (ибо, конечно, в «принятой» истории Бинго знал о Кольце, потому что Бильбо ему о нём рассказал). Затем это, в более обстоятельной форме, было отдано Мерри в «Раскрытом заговоре» (с. 300) как объяснение того, как Мерри узнал о существовании Кольца (и так было выброшено из шестой версии «Долгожданного угощения», с. 315). Теперь, в нынешнем тексте, мой отец просто перенёс эту историю слово в слово из «Раскрытого заговора» и отдал её Фродо, как его объяснение Бильбо того, как он узнал о Кольце, и Фродо продолжает здесь, опять-таки почти слово в слово, рассказом Мерри о том, как тот углядел книгу Бильбо:

— Это объясняет не всё, — сказал Бильбо с огоньком в глазу. — Ну же, выкладывай, что бы там ни было!

— Что ж, после того я держал глаза открытыми, — запинаясь, сказал Фродо. — Я — э-э — на деле я скорее приглядывал за тобой. Но согласись, это было очень занятно — а мне было всего-то в ранних недорослях. И вот однажды я набрёл на твою книгу.

— Мою книгу! — сказал Бильбо. — Силы небес-

ные. Неужто ничто не убережёшь!

— Не очень-то убережёшь, — сказал Фродо. — Но я лишь раз быстро глянул. Ты никогда не оставлял книгу где попало, кроме того единственного раза: тебя вызвали из кабинета, а я вошёл и нашёл её лежащей открытой. Хотел бы я взглянуть подольше, Бильбо. Полагаю, ты теперь оставляешь её мне?

— Нет, не оставляю! — сказал Бильбо решительно. — Она не закончена. Да одна из главных причин моего ухода — отправиться куда-нибудь, где я смогу продолжить её в покое, без своры пронырливых племянников, что суют нос повсюду, и вереницы несносных гостей, что виснут на звонке.

— Не надо бы тебе быть таким добрым ко всем, — сказал Фродо. — Уверен, тебе незачем уходить.

— Что ж, я ухожу, — сказал Бильбо. — А насчёт того Кольца: полагаю, мне незачем теперь описывать его или то, как я его раздобыл. Я подумывал отдать его тебе.

В этом месте мой отец прервал текст и написал поперёк страницы: «Так не годится из-за использования Кольца на угощении!» — то есть Бильбо не мог иметь намерения отдать его Фродо тогда, перед Угощением. Но, не изменив ничего из на-

писанного, он продолжил историю так:

Он порылся в кармане и достал маленькое золотое кольцо, прикреплённое другим кольцом к тонкой цепочке. Он отстегнул его, положил на ладонь и долго глядел на него.

— Вот оно! — сказал он со вздохом.

Фродо протянул руку. Но Бильбо тут же сунул кольцо обратно в карман. Странное выражение прошло по его лицу. — Э-э, ну, — запнулся он, — я отдам его тебе, наверное, в последнюю минуту перед уходом — или оставлю в запертом ящике или ещё где.

Фродо озадаченно поглядел на него и уставился, но ничего не сказал.

Последние строки текста идут после Угощения:

Бильбо… идёт и одевается как в более старой версии (но с бронёй под плащом)[6] и прощается. — Э-э… кольцо, — сказал он, — в ящике, — и исчез во тьме.

Думаю, что эту новую версию следует связать с начальными заметками под «Изменениями сюжета» в §3 выше: она представляет движение прочь от мысли, что Бильбо был встревожен Кольцом, что оно было его первейшим побужде-

---

[6] Примечания: 332

О том, что Бильбо надел свою «эльфийскую броню» под плащ, когда уходил, сказано в §2; см. с. 371–372. ↩ [broken link: #rn42_6]

нием уйти (скорее поминается его усталость, его желание покоя). Он даже никогда не говорил о нём Фродо. Кажется, намерение моего отца было в том, чтобы Бильбо просто вручил его Фродо тут же, без всякого намёка на внутреннюю борьбу, но он лишь осознал, по ходу письма, что «так не годится» — ибо Бильбо должен удержать Кольцо до самого мига своего ухода. Дар поэтому пришлось бы отложить с этого случая, и лишь теперь он взял предложение из «Долгожданного угощения», где Бильбо сказал Гэндальфу: «Я не собираюсь его выбрасывать. В любом случае я нахожу, что заставить себя это сделать невозможно, — я просто кладу его обратно в карман».[7] Любопытный итог в том, что сцена теперь оканчивается именно показом — в смущённом и двусмысленном поведении Бильбо — того зловещего действия, какое Кольцо на деле оказало на своего владельца, и это разовьётся в ссору с Гэндальфом в FR, с. 41–43.

(5) Обращаясь теперь к тем бумагам, датированным августом 1939-го, что касаются более широких намёток истории, грядущей после пребывания в Ривенделле, есть сперва предположение, что в Шир должен прийти Дракон и

[7] Примечания: 333

Это формулировка шестой версии (третьей фазы), мало изменённая против пятой (с. 239). ↩ [broken link: #rn42_7]

что его приходом хоббиты были бы приведены к тому, чтобы показать, что они сделаны из «более крепкого теста», и что «Фродо (Бинго)» должен бы «и впрямь подойти к концу своих денег — теперь это было драконье золото. Его „приманивают“?». Здесь есть ссылка на «замечания Бильбо на старом листе заметок» — очевидно, тех, что даны на с. 41–42 (где было сделано то же предположение о Драконе, приходящем в Хоббитон).

(6) Вслед за этими заметками на той же странице — краткий список повествовательных элементов, что могли бы войти много дальше:

Остров в море. Отвезти туда Фродо в конце.

Радагаст?[8]

Где-то вдали бушует Битва между воинствами Эльфов и Людей против Владыки.

Приключения… Каменные Люди.

С первым из них ср. заметку, данную на с. 41: «Элронд рассказывает ему [Бильбо] об острове» и т. д. Ссылка на «бушующую Битву», вероятно, относится к концу истории, когда Кольцо отправляется в Трещину Рока. Всего интереснее последний пункт здесь. Заметка моего отца,

---

[8] Примечания: 334

Радагаст встречался в «Хоббите»: в главе VII «Небывалое жилище» Гэндальф говорил Беорну о «моём добром родиче Радагасте, что живёт у Южных границ Лихолесья». ↩ [broken link: #rn42_8]

найденная с бумагами LR, гласит, что он просматривал (по крайней мере часть) этот материал в 1964-м, и весьма вероятно, что именно тогда он нацарапал против слов «Приключения… Каменные Люди»:

Мыслилось просто как «приключение». Всё дело Гондора (Каменной земли) выросло из этой заметки. (Арагорн, всё ещё называвшийся Топотуном, не имел тогда к этому отношения и сперва был задуман как один из хоббитов, что страдал тягой к скитаниям.)

(7) Здесь удобно привести страницу карандашных заметок, что не несёт даты и в которой появляется «Бинго». В заглавии страницы стоят слова: «Каменный Город и цивилизованные люди». Затем следует крайне сокращённый набросок конца истории:

В конце

Когда Бинго [надписано сверху: Фродо] наконец достигает Трещины и Огненной Горы, он не может заставить себя выбросить Кольцо. Он слышит голос Некроманта, что сулит ему великую награду — разделить с ним власть, если он его сохранит.

В этот миг Голлум — что, казалось, исправился и провёл их тайными путями через Мордор

— подходит и предательски пытается отнять Кольцо. Они борются, и Голлум хватает Кольцо и падает в Трещину.

Гора начинает рокотать.

Бинго бежит прочь.

Извержение.

Мордор исчезает, как тёмная туча. Видно, как Эльфы скачут, словно огни, откатывающие тёмную тучу.

Каменный Город засыпан пеплом.

Путь обратно в Ривенделл.

Что с Широм? Саквиль-Бэггинс… земли… четыре четверти.

Бинго заключает мир и оседает в маленькой хижине на высоком зелёном кряже — пока однажды не уходит с Эльфами на запад за башни.

Лучше — никакая земля не возделана, все хоббиты заняты ковкой мечей.

Неразборчивые слова можно бы, пожалуй, истолковать так: «Саквиль-Бэггинс [и] его друзья вредят землям. Была война между четырьмя четвертями».

Поскольку здесь есть ссылка на «Каменный Город», тогда как мой отец сказал в 1964-м, что вся мысль о Гондоре возникла из ссылки на «Каменных Людей» в заметке, датированной августом

1939-го, на строгом истолковании пришлось бы заключить, что этот набросок происходит из того времени или позже; с другой стороны, герой всё ещё «Бинго», так что этот набросок казался бы более ранним. Думаю, однако, что противоречие может быть лишь кажущимся, ибо в других заметках, датированных августом 1939-го, мой отец, по-видимому, всё ещё колебался насчёт имени «Бинго», и я поэтому отнёс бы только что данный набросок примерно к тому же времени, что и остальные эти заметки.

Он, очевидно, опускает кое-что, что мой отец, должно быть, уже знал (более или менее): как, например, Голлум вновь появился. Но весьма примечательно найти здесь — когда нет и намёка на огромную структуру, что ещё предстоит выстроить, — что порча Шира и решающее присутствие Голлума на Огненной Горе были очень ранними элементами целого.

(8) На обороте страницы, несущей этот набросок, — следующее:

— Кольцо уничтожено, — сказал Бильбо, — и я чувствую сонливость. Мы должны проститься, Бинго [надписано сверху: Фродо], — но это доброе место для прощания, в Доме Элронда, где память долга и добра. Я оставляю здесь книгу своих ма-

лых деяний. И не думаю, что отойду на покой, пока не запишу и твою повесть. Элронд сохранит её — без сомнения, после того как все хоббиты уйдут своими путями в прошлое. Что ж, Бинго, мой мальчик, ты и я были очень малыми созданиями, но мы сыграли свою роль. Мы сыграли свою роль. Странную судьбу мы разделили, что и говорить.

Кажется, стало быть, что в это время мой отец предвидел, что Бильбо умер в Ривенделле.

(9) Есть ещё одна страница, датированная «август 1939», и она представляет большой интерес. Это череда карандашных заметок, как и прочие, и озаглавлена она «Сюжет с XII и далее»:

Придётся ждать до Весны? Или придётся идти тотчас.

Они идут на юг вдоль Гор. Позже или раньше? Снежная буря на Красном Перевале. Путь вниз по р. Редвей.

Приключение с Великаном Древобрадом в Лесу.

Копи Мории. Они снова заброшены — кроме как Гоблинами.

Земля Онд. Осада Города.

Они приближаются к границам Мордора.

В темноте подходит Голлум. Он притворно исправляется? Или пытается задушить Фродо?

— но у Голлума теперь волшебное кольцо, данное Владыкой, и он невидим. Фродо не смеет воспользоваться своим.

Кавалькада зла во главе с семью Чёрными Всадниками.

Видят Тёмную Башню на горизонте. Жуткое чувство Ока, что ищет его.

Огненная Гора.

Извержение Огненной Горы вызывает разрушение Башни.

Карандашная пометка на полях спрашивает, не должен ли «Бинго» (с «Фродо», написанным рядом) быть захвачен Тёмным Владыкой и допрошен, но спасён «Сэмом?».

Впоследствии мой отец поправил эти заметки чернилами. В первой строке, против «Или придётся идти тотчас», он написал «тотчас»; он указал, что «Копи Мории…» должны предшествовать «Приключению с Великаном Древобрадом в Лесу» и стоять между «Снежной бурей на Красном Перевале» и «Путём вниз по р. Редвей», а после «Они снова заброшены — кроме как Гоблинами» он прибавил «Утрата Гэндальфа».

Некоторые черты этого наброска уже встречались; притворное исправление Голлума, его нападение на Фродо и извержение Огненной

Горы — в §7; обретение кольца Голлумом в Мордоре — в §1. Но мы встречаем здесь впервые иные крупные составляющие позднейшего труда. Кольцо пересекает Мглистые Горы через «Красный Перевал», что уцелеет в Багряном Перевале, или Багряных Вратах. Копи Мории теперь впервые вновь являются из «Хоббита» — по крайней мере под этим именем: упоминание в «Вопросах и переделках», примеч. 11 (с. 226), о колонии, основанной Гномами Балином, Ори и Ойном с Одинокой Горы в «богатых холмах на Юге», не показывает, что отождествление было сделано. Действительная связь лежала, без сомнения, в словах Элронда в «Хоббите» (глава III, «Короткая передышка»): «Я слыхал, что в покинутых пещерах копей Мории всё ещё можно найти забытые сокровища, со времён войны гномов и гоблинов», и слова здесь «Они снова заброшены — кроме как Гоблинами», взятые вместе с теми, что в «Вопросах и переделках» (там же), «Но спустя время вестей о них не стало», ясно подразумевают историю во «Властелине Колец». Земля Каменных Людей (см. §6) — это «Земля Онд», а «Каменный Город» (§7) будет осаждён. Здесь же — первый намёк на историю захвата Фродо и его спасения Сэмом Скромби из башни Кирит Унгол, и, может

быть, всего примечательнее — первое упоминание Ищущего Ока в Тёмной Башне.

Это ссылки на повествовательные «мгновения», что мой отец предвидел: они не составляют сочленённой повествовательной схемы. Они вполне могут быть не в той последовательности, какую он даже тогда воспринимал. Так, в этом наброске предательство Голлума введено задолго до того, как Фродо достигает Огненной Горы, что ввиду сказанного в §7 едва ли могло быть его смыслом, и Копи Мории названы после перехода через Мглистые Горы. Это было исправлено позднее чернилами, но это, быть может, не было его замыслом, когда он писал эти заметки: ибо ни в одном из (шести) упоминаний Копей Мории в «Хоббите» нет и намёка на то, где они были (ср. его письмо У. Х. Одену в 1955-м: «Копи Мории были просто именем», «Письма», № 163).

(10) Здесь надо кое-что сказать о «Великане Древобраде», ибо он выступил в клочок настоящего повествования в это время (и был помянут Гэндальфом Фродо в Ривенделле, с. 363: «Меня схватили в Фангорне, и я провёл много томительных дней пленником Великана Древобрада»). Существует единственный лист рукописи, что начался как письмо, датированное «27–29 июля

1939», но который мой отец покрыл с обеих сторон прекрасным узорным письмом (одна сторона листа воспроизведена здесь). Среди написанного на странице — слова «Июльские Летние Забавы» и строки из «Рассказа Мажордома» Чосера: ибо эти «Забавы» были чередой публичных увеселений, устроенных в Оксфорде, в ходе которых мой отец, одетый Чосером, читал этот Рассказ. Но страница главным образом занята текстом, на котором он впоследствии надписал карандашом «Древобрад».

Рождение Древобрада

Когда Фродо услышал голос, он поднял глаза, но ничего не мог разглядеть сквозь густые спутанные ветви. Вдруг он почувствовал дрожь в корявом стволе дерева, к которому прислонился, и, прежде чем он успел отскочить, его толкнуло — или пнуло — вперёд, на колени. Поднявшись, он поглядел на дерево, и, пока он глядел, оно шагнуло к нему. Он выкарабкался прочь, и глубокий рокочущий смешок сошёл вниз с верхушки дерева.

— Где ты, букашка? — сказал голос. — Коли не дашь мне знать, где ты, не вини меня, если наступлю на тебя. И, прошу, не щекочи мне ногу!

— Я не вижу никакой ноги, — сказал Фродо. — И

где ты? — Ты, должно быть, слеп, — сказал голос. — Я здесь. — Кто ты? — Я Древобрад, — ответил голос. — Коли не слыхал обо мне прежде, надо бы, и в любом случае ты в моём саду.

— Я не вижу никакого сада, — сказал Фродо. — Ты знаешь, как выглядит сад? — У меня есть свой: в нём цветы и растения, и ограда вокруг него, но тут нет ничего такого. — О нет! Есть. Только ты прошёл сквозь ограду, не заметив её, и ты не видишь растений, потому что ты внизу, под ними, у самых их корней.

Лишь тогда, приглядевшись, Фродо увидел, что то, что он принял за гладкие стволы деревьев, было стеблями гигантских цветов, — а то, что он счёл стволом чудовищного дуба, на деле было толстой корявой ногой с корнеобразной ступнёй и многими ветвящимися пальцами.

Это первый образ Древобрада: кажущийся по своему духу пришедшим скорее из старого «Хоббита», чем из нового. Здесь же написаны шесть строк эльфийским тенгваром, что в транслитерации читаются:

Отрывок из «Властелина Колец», продолжения «Хоббита». Фродо встречает Великана Древобрада в Лесу Нельдорет, ища своих потерянных спутников: он обманут великаном, что притворяется

дружелюбным, но на деле в союзе с Врагом.

Лес Нельдорет, образующий северную часть Дориата, появлялся в поздних «Анналах Белерианда» (V.126, 148); имя из старых легенд (как и имя Глорфинделя, см. с. 214) предстояло использовать заново.

Полугодом раньше, в письме от 2 февраля 1939-го, мой отец сказал, что, «хотя дракона (пока) нет, будет Великан» («Письма», № 35, сноска к тексту). Если мой предложенный разбор хронологии верен (см. с. 309), «Великан Древобрад» уже появился, как пленитель Гэндальфа, в конце третьей фазы (с. 363).

(11) Остаётся привести в этой главе ещё один текст (сохранившийся в двух версиях); это история Перегрина Боффина (см. §§2, 3 выше). Одна форма его находится как часть довольно черново написанной двухстраничной рукописи, что начинается как новый текст «Долгожданного угощения»: очень близко родственный шестой версии, или версии третьей фазы, той главы, но определённо следующий за ней. Привожу его с места «В девяносто он казался во многом таким же, как всегда» (FR, с. 29).

В девяносто девять его начали звать хорошо сохранившимся, хотя «неизменившимся» было

бы ближе к делу. Иные говаривали, что это уж чересчур — это сочетание, по-видимому, вечной молодости с, по-видимому, неисчерпаемым богатством.

— За это придётся заплатить, — говорили они. — Это неестественно, и выйдет из того беда!

Но беды ещё не вышло, и господин Бэггинс был чрезвычайно щедр со своими деньгами, так что большинство (и особенно беднейшие и менее важные хоббиты) прощали ему его чудачества. В каком-то смысле жители Хоббитона (втайне) скорее гордились им: богатство, что он привёз из своих странствий, сделалось местной легендой, и широко верили, что бы ни говорили старики, что бóльшая часть Холма полна туннелей, набитых сокровищами.

— Он, может, и чудаковат, но вреда не чинит, — говорила молодёжь. Но не все его более важные родичи соглашались. Они подозрительно относились к его влиянию на их детей, и особенно к тому, что их сыновья встречали Гэндальфа у него в доме. Их подозрения сильно возросли из-за злополучного дела Перегрина Боффина.

Перегрин был внуком второй сестры матери Бильбо, Доннамиры Тук. Он был сущим младенцем, пяти лет, когда Бильбо вернулся из своего

путешествия, но вырос он темноволосым и (для хоббита) долговязым пареньком, куда больше Туком, чем Боффином. Он вечно бегал в Хоббитон, ибо его отец, Паладин Боффин, жил в Нортопе, всего в миле-двух за Холмом. Когда Перегрин начал толковать о горах и гномах, о лесах и волках, Паладин встревожился и в конце концов запретил сыну подходить к Бэг-Энду и затворил дверь перед Бильбо.

Бильбо принял это близко к сердцу, ибо был чрезвычайно привязан к Перегрину, но ничего не сделал, чтобы поощрить его навещать Бэг-Энд тайком. Тогда Перегрин убежал из дома и был найден бродящим полуголодным на пустошах Северной Чети. Наконец, на следующий день после своего совершеннолетия (весной восьмидесятого года Бильбо)[9] он исчез, и его так и не нашли, несмотря на поиски по всему Ширу.

В прежние времена за случайные прискорбные происшествия такого рода всегда винили Гэн-

---

[9] Примечания: 335

Перегрину Боффину было пять лет, когда Бильбо вернулся из своего великого приключения. Расчёт таков: от 51 до 79 («весной его восьмидесятого года») = 28, плюс 5 = 33 («совершеннолетие»). Согласно этой истории, Перегрину/Топотуну был 81 год, когда Фродо и его спутники встретили его в Бри (Бильбо окончательно ушёл, когда ему было 111; Перегрину/Топотуну было тогда 64, а Фродо покинул Шир 17 лет спустя). Как он сказал в Бри, «я старше, чем выгляжу» (с. 153, 342); Арагорну было 87, когда он сказал то же самое (FR, с. 177). ↩ [broken link: #rn42_9]

дальфа, но теперь большая доля вины досталась Бильбо, и после исчезновения Перегрина большинство его младших родичей держали от него подальше. Хотя на деле Бильбо был, вероятно, больше встревожен утратой Перегрина, чем все Боффины, вместе взятые.

Однако у него были другие юные друзья, которых по той или иной причине от него не держали. Его любимцем вскоре стал Фродо Бэггинс, внук Мирабеллы, третьей из замечательных дочерей Старого Тука, и сын Дрого (одного из троюродных братьев Бильбо). Как раз около времени исчезновения Перегрина Фродо остался сиротой, ещё дитятей двенадцати лет, и потому у него не было тревожных родителей, что держали бы его подальше от дурной компании. Он жил со своим дядей Рори Брендибаком и сотней с лишком родичей матери в Великой Норе Баклбери: Брендихолле.

Здесь это новое начало кончается. Немного более короткая версия находится как вставка к самой рукописи версии третьей фазы: есть некоторые различия в словах, но никаких по существу. О Бильбо здесь сказано, что он отвёл провинившегося обратно в Нортоп и извинился перед Паладином Боффином, когда Перегрин

«прокрался к нему тайком», и Бильбо «решительно отрицал, что имеет какое-либо отношение к этим событиям».

Деревня Нортоп позднее стала Овер-Хиллом и была так исправлена во втором из этих текстов.[10] — Паладин уже закреплён как имя отца Перегрина: эти Боффины — как имена — суть исток Паладина и Перегрина Туков в LR. Доннамира Тук, вторая из дочерей Старого Тука, появляется в родовом древе Туков, данном на с. 317, где она жена Хьюго Боффина (как в LR, но там без записанного потомства): их сыном был Яго Боффин, а его сыном — Фоско, двоюродный дядя Бильбо, которому было 54 ко времени Угощения. В версии «Древней истории» третьей фазы (с. 319) Джо Баттон, что видел «Древолюдей» за Северными

[10] Примечания: 336

Нортоп > Овер-Хилл также на с. 319. — Имя Нортоп появляется здесь на первоначальной карте Шира моего отца (с. 107, пункт I), но было вычеркнуто и заменено не на Овер-Хилл, а на Йель. Здесь удобно отметить историю этого имени. Много позднее мой отец вписал Йель на карте Шира в экземпляре Первого Издания FR, поместив его к югу от Уайтфарроуз в Восточной Чети так, что видно: он разумел область, как «Марь», а не отдельное поселение (дорога к Стоку проходит через него), и в то же время, в том же экземпляре, он расширил текст в FR, с. 86, введя имя: «низины Йеля» (о причине этого изменения текста, опубликованного во Втором Издании, см. с. 66, примеч. 10). На карте Шира во Втором Издании Йель добавлен здесь, но в связи с маленьким чёрным квадратиком, словно это имя фермы или малой деревушки; это, должно быть, было недоразумением. Я не могу объяснить значение Йеля. Нортоп содержит топонимический элемент hope, что обычно означает «малая замкнутая долина». ↩ [broken link: #rn42_10]

Болотами, как сказано, работал у Фоско Боффина из Нортопа, и это, по-видимому, то же лицо, что и Фоско Боффин из родового древа, внук Донна-миры. В этом случае Перегрин Боффин (Топотун) — которому было 64 ко времени Угощения (см. примеч. 9), хотя, конечно, он к тому времени давно исчез из Шира, — ступил в родословное место Фоско, а его отец Паладин — в место Яго. Но лишь в родословное место: Боффин из Нортопа, у которого работал Джо Баттон, очевидно, не имеет ничего общего с отступником Перегрином.

Видно, что в этом рассказе Фродо и Топотун были троюродными братьями, и оба приходились Бильбо двоюродными племянниками.[11]

[11] Примечания: 337

Прежнее предположение моего отца о Топотуне (с. 223) также делало его двоюродным братом Бильбо (Фоско Туком). ↩ [broken link: #rn42_11]

Часть четвёртая. Повесть продолжается

Глава 23. В ДОМЕ ЭЛРОНДА

В следующей стадии работы трудно вывести хронологию сочинения или соотнести её с важными дальнейшими правками, внесёнными в «третью фазу» истории вплоть до Ривенделла. Определение хронологии зависит от формы, какую приняли некоторые ключевые элементы, и если они случаются отсутствующими, уверенность становится невозможна.

Во всяком случае, после того как «Бинго» стал «Фродо», мой отец продолжил прерванный разговор Фродо с Глоином на пиру в доме Элронда (см. с. 369). Это продолжение — в двух формах, причём вторая близко следует первой, и уже в первой форме довольно близко достигнута позднейшая часть «Многих встреч» в FR, но есть некоторые крупные различия. Привожу здесь вторую форму

(отчасти).[1]

— А что сталось с Балином, Ори и Ойном? — спросил Фродо.

Тень прошла по лицу Глоина. — Балин снова взялся странствовать, — ответил он. — Ты, может, слыхал, что он навещал Бильбо в Хоббитоне много лет назад:[2] так вот, не очень долго спустя он ушёл на два-три года. Затем он вернулся к Горе с великим множеством гномов, которых обнаружил скитающимися без хозяина на Юге и Востоке. Он хотел, чтобы Даин вернулся в Морию — или по крайней мере дозволил ему основать там колонию и вновь открыть великие копи. Как ты, вероятно, знаешь, Мория была родовым домом гномов рода Дурина, и предки Торина и Даина обитали там, пока их не загнали гоблин-

---

[1] Примечания: 338

Последний лист первоначальной главы (см. с. 213) оканчивался словами «могучим королём, чьё владение включало Эсгарот и много земли к югу от больших водопадов» внизу страницы (занумерованной «IX.8»), а оборот был оставлен пустым. Первая версия продолжения была выписана (быстрой скорописью чернилами) независимо от старого текста; вторая, тоже очень черновая и почти вся карандашом, начинается на неиспользованной оборотной стороне «IX.8», на которой, однако, мой отец загодя написал «IX.9», хотя тогда страницу не использовал. Когда он вернулся к ней позднее, он не изменил номер главы, а продолжил нумерацию «IX.10» и т. д.; это, впрочем, была простая рассеянность, ибо глава никак не могла в это время по-прежнему быть занумерована «IX». ↩ [broken link: #rn44_1]

[2] Примечания: 339

Ссылка — к концу «Хоббита»; ср. с. 15 и примеч. 3. ↩ [broken link:

#rn44_2]

ские нашествия далеко на Север. Так вот, Балин донёс, что Мория снова вовсе пуста, после великого поражения гоблинов, но копи всё ещё богаты, особенно серебром. Даин не желал покидать Гору и гробницу Торина, но он дозволил Балину уйти, и тот взял с собою многих из народа Горы, а также собственных приверженцев, и Ори и Ойн ушли с ним. Многие годы дела шли хорошо, и колония процветала; снова было сообщение между Морией и Горой, и много даров серебра было послано Даину. Затем удача переменилась. Наши гонцы были атакованы и ограблены жестокими Людьми, хорошо вооружёнными. Из Мории не приходило гонцов, но молва дошла до нас, что копи и гномий город снова покинуты. Долго мы не могли узнать, что сталось с Балином и его народом, — но теперь у нас есть вести, и они злы. Чтобы поведать эти вести и испросить совета — совета тех, кто обитает в Ривенделле, я и пришёл. Но нынче вечером поговорим о вещах повеселее!

В заглавии страницы мой отец написал слова, что стоят на этом месте в FR (с. 241): «„Мы не знаем, — ответил он. — Во многом из-за него я и пришёл просить совета тех, кто обитает в Ривенделле. Но нынче вечером поговорим о вещах

повеселее“». В FR история Балина была взята в «Совет Элронда» и сильно расширена.

Рассказ Глоина о трудах Гномов в Дейле и под Одинокой Горой (FR, с. 241–242) присутствует в старой версии.[3] В конце, когда Глоин сказал: «Ты очень любил Бильбо, не так ли?» — Фродо ответил просто «Да», а затем «они принялись говорить о старых приключениях Бильбо с гномами, в Лихолесье, и среди Лесных эльфов, и в пещерах Горы».

Вход в Чертог Огня и обнаружение и узнавание Бильбо уже очень близки к FR (о ранних упоминаниях Бильбо в Ривенделле см. с. 126, 225). Чертог Огня, как сказано в обоих текстах, почти столь же велик, как «Чертог Пиршеств», или «Большой Чертог»; во втором этот чертог «казался не имеющим окон», и в обоих горело много огней: Бильбо сидел у самого дальнего, с кубком и хлебом на низком столике подле него (в FR столов не было).

Бильбо говорит «Придётся мне попросить этого малого Перегрина помочь мне» (ср. с. 369), и

---

[3] Примечания: 340

В первой версии Глоин не признаёт никакого отставания от умения праотцев: «Он принялся говорить о новых изобретениях и о великих трудах, над которыми ныне работал народ Горы; о доспехах превосходящей силы и красоты, о мечах острее и крепче…» — Предложение «Тебе бы поглядеть на водные пути Дейла, Фродо, и на фонтаны, и на заводи!» восходит к первому черновику; в FR (с. 242) слово «горы» — явная ошибка, что так и не была исправлена. ↩ [broken link: #rn44_3]

Элронд отвечает, что велит отыскать Этелиона[4] (в Главе XI «третьей фазы» Глорфиндель зовёт Топотуна Ду-финнионом, с. 361). «Были посланы гонцы найти друга Бильбо. Сказано было, что он на кухнях, ибо его помощь ценилась поварами не менее, чем поэтами». Ранее в этой главе было сказано (с. 365), что Фродо не мог видеть Топотуна на пиру, и его отсутствие уцелело в FR (с. 243), но с совсем иной причиной для него.

Что бы Бильбо ни мог сказать о себе, в первоначальной истории это не передано. Весь отрывок (FR, с. 243–244), в котором Бильбо рассказывает о своём путешествии в Дейл, о своей жизни в Ривенделле и о своём интересе к Кольцу — и тягостный случай, когда он просит дать ему его увидеть, — отсутствует.

Они так углубились в дела Шира, что не заметили прихода ещё одного хоббита. Несколько минут он стоял подле них, глядя на них с улыбкой. Вдруг они подняли глаза. — А, вот ты где, Перегрин! — сказал Бильбо. — Топотун! — сказал Фродо.

— И то и другое верно! — рассмеялся Топотун.

— Ну, это несносно со стороны Гэндальфа! — воскликнул Фродо. — Я знал, что ты мне кого-то

---

[4] Примечания: 341

Это имя встречается лишь в первом из двух текстов, но появляется позднее во втором (с. 395). ↩ [broken link: #rn44_4]

напоминаешь, а он посмеялся надо мной.[5] Конечно, ты напоминаешь самого себя, и Фолко, и всех Туков. Ты как-то приходил в Бакленд, когда я был совсем мал, но я этого так и не забыл, потому что ты говорил со Старым Рори о землях за пределами Шира и о Бильбо, которого тебе не дозволяли видеть. Я всё гадал, что с тобою сталось. Но меня озадачивали твои башмаки. Зачем ты их носишь?

— Не скажу тебе причину сейчас, — сказал Топотун тихо.

— Нет, Фродо, не спрашивай этого пока, — сказал Бильбо, выглядя довольно несчастным. — Идём, Перри! Мне нужна твоя помощь. Эта моя песня должна быть закончена нынче вечером.

В этом месте, посреди написания второго текста, мой отец написал поперёк него: «?? Топотуну лучше не быть хоббитом — а Следопытом, остатком Западных Людей, как замышлялось изначально». Конечно, оглядываясь на тексты с первого появления Топотуна, нет никакой возможности, чтобы мой отец «замышлял изначально» сделать Топотуна кем-либо, кроме

---

[5] Примечания: 342

Ср. с. 211, 214, 363. — Перегрин пропал из Шира, когда ему было 33, а Фродо в то время было лишь два года (см. с. 387, примеч. 9). ↩ [broken link: #rn44_5]

хоббита. Первое предположение, что он мог бы им не быть, появляется в «Вопросах и переделках» (с. 223, §6). Но под «замышлялось изначально» мой отец вполне мог разуметь не далее, чем черновики начала главы «Бри» в третьей фазе (с. 331), где мысль, что Следопыты были Людьми, «последним остатком королевского народа из-за Морей», впервые возникла, хотя и не была взята в главу, как она была тогда написана. Может статься, что он уже какое-то время чувствовал, что Топотуну не следует быть хоббитом, но (как он сказал об имени «Бинго», с. 221) он теперь слишком привык к этой мысли, чтобы её менять. Даже теперь он не последовал своему указанию, и Топотун остаётся Перегрином Боффином.

Как и в FR, Фродо сидит один и засыпает под музыку, но песни «Эарендил был мореход» нет (хотя слово «?Вестник», написанное вверху страницы,

— намёк на неё).[6]

Он пробудился от звука звонкого смеха. Музыки больше не было, но на краю его пробуждающегося чувства было эхо голоса, что только что перестал петь. Он поглядел и увидел, что Бильбо сидит на своём табурете, поставленном теперь близ среднего огня, в средоточии круга слушателей.

— Ну же, скажи нам, Бильбо! — сказал один из Эльфов, — которая строка та, что вставил Перегрин?

— Нет! — рассмеялся Бильбо. — Оставляю вас гадать — вы ведь гордитесь своим чутьём на слова.

— Но трудно различить меж двумя хоббитами, — рассмеялись они.

— Вздор! — сказал Бильбо. — Но спорить не

---

[6] Примечания: 343

Когда мой отец писал этот отрывок, он явно держал в уме, по крайней мере как одну возможность, комическую песню, встреченную «звонким смехом», что разбудил Фродо, ибо вверху страницы он написал «Песнь о троллях» — мимолётная мысль, прежде чем она была отдана куда уместнее Сэму в Тролльшоу. Но он также написал «Пусть Б[ильбо] споёт Тинувиэль» и слово «?Вестник». Это ссылка на стихотворение «Странствие» (опубликованное в «Оксфорд Мэгэзин» 9 ноября 1933-го и со многими дальнейшими изменениями в «Приключениях Тома Бомбадила» (1962)). Песня Бильбо «Эарендил был мореход» происходила (в некотором смысле) из «Странствия», и самый ранний текст её всё ещё начинается:

There was a merry messenger,
a passenger, a mariner,

he built a boat and gilded her
and silver oars he fashioned her …
Жил-был весёлый вестовой,
попутчик, путник, рулевой,
он лодку сладил, золотя,
и вёсла ей сребрил тогда…

↩ [broken link: #rn44_6]

стану. Я сонлив после стольких звуков и песен! — Он встал, поклонился и вернулся к Фродо.

— Ну, вот и всё, — сказал он. — Вышло лучше, чем я ожидал. На самом деле, изрядная часть была Перегрина.

— Жаль, что я её не слышал, — сказал Фродо. — Я слышал смех Эльфов, когда просыпался.

— Не беда, — сказал Бильбо. — Услышишь снова, весьма вероятно. Всё равно сплошной вздор. Но трудно тут бодрствовать, пока не привыкнешь, — не то чтобы хоббиты когда-либо обретали эльфийский аппетит к песням, поэзии и всякого рода сказаниям. Они будут продолжать ещё долго…

Слова напева Эльберету (одинаковые в обоих текстах) отличаются от формы в FR:

Elbereth Gilthoniel sir evrin pennar oriel
dir avos-eithen miriel
bel daurion sel aurinon
*penn**á**ros evrin ériol.*

Сладкие слоги падали, как ясные самоцветы смешанных слова и звука, и он замер на миг, оглядываясь.

— Это начало напева Эльберету, — сказал Бильбо. — Они будут петь его и другие песни Бла-

гословенного Царства много раз нынче ночью.

Бильбо повёл Фродо обратно в его верхнюю комнату. Там они сидели какое-то время, глядя на яркие звёзды в окно и тихо беседуя. Они говорили уже не о малых и счастливых новостях далёкого Шира, а об Эльфах, и о широком мире, и его опасностях, и о бремени и тайне Кольца.

Когда Сэм подошёл к двери (в конце главы в FR), Бильбо сказал:

— Верно, Сэм! Хотя я никогда не чаял дожить до того, чтобы мной командовал сын Хэма Скромби. Благослови меня, мне без малого 150, и я гожусь тебе в прадеды.

— Нет, сударь, и я никогда не чаял, что буду этим заниматься.

— Это вина Гэндальфа, — сказал Фродо. — Он выбрал Сэма мне в спутники по приключению, и Сэм относится к своей задаче серьёзно.

Оба текста продолжаются вкратце в то, что стало «Советом Элронда» в FR (заголовок, что мой отец дал тексту Главы XII «третьей фазы», с. 362, впоследствии названной «Многие встречи», когда он предвидел, что она будет содержать и Совет, и «многие встречи», что ему предшествовали).

Фродо проснулся рано на следующий день, чув-

ствуя себя освежённым и здоровым. Сэм принёс ему завтрак и не дал встать, пока тот не поел. Затем пришли Бильбо и Гэндальф и поговорили немного. Вдруг одиноко прозвонил колокол. [Весь остаток текста с этого места был вычеркнут; см. с. 399.]

— Благослови меня! — сказал Гэндальф. — Совет через полчаса. Это предупреждение. Мне пора. Бильбо приведёт тебя на место, как только будешь готов. Сэму лучше пойти с тобою.

Совет держался на высокой поляне среди деревьев на склоне долины, высоко над домом. Падающий ручей бежал сбоку от места встречи, и с журчанием и бульканьем воды мешался звук множества птиц. Там было двенадцать сидений резного камня широким кругом, а за ними много иных, меньших сидений из дерева. Земля была усыпана множеством красных и жёлтых листьев, но деревья над ними были ещё одеты в блёкнущую зелень; ясное небо бледной синевы висело высоко над ними, полное света утра.

Когда Бильбо, Фродо и Сэм прибыли, Элронд уже сидел, и подле него, как и на пиру, были Гэндальф и Глорфиндель. Глоин был там тоже, с младшим гномом, который, как Фродо позднее

обнаружил, был Бурин, сын Балина.[7] Странный эльф, гонец от короля Лесных эльфов… Восточного Лихолесья, сидел подле Бурина.[8] Топотун (как Фродо продолжал звать его, а не Перегрином или эльфийским соответствием Этелион) был там, и весь остальной хоббичий отряд, Мерри, Фолко и Одо. Было, кроме того, трое других советников при Элронде, один — Эльф по имени Эрестор, и двое других сородичей Элронда, из того полуэльфийского народа, что Эльфы называли детьми Лютиэн.[9] И сидел в одиночестве и молчании Человек благородного лица, но тёмный и печальный.

— Это Боромир, — сказал Элронд. — Он прибыл лишь вчера, вечером. Он пришёл издалека, с Юга, и вести его могут быть нам полезны.

---

[7] Примечания: 344

В первом тексте гном при Глоине назван Фрар; на полях карандашом Бурин, сын Балина. Фрар появляется также в наброске Совета Элронда на с. 397, снова заменённый Бурином. ↩ [broken link: #rn44_7]

[8] Примечания: 345

Присутствие Эльфа из Лихолесья было добавлением ко второму тексту. ↩ [broken link: #rn44_8]

[9] Примечания: 346

Как написано, первый текст читался здесь: «двое сородичей самого Элронда, Перельдар, или полуэльфийский народ…» Перельдар вычеркнуто, вероятно, сразу. В «Квенте Сильмариллион» Перельдар, или «Полу-эльдар», — это Данас (Зелёные эльфы): V.215. Данас звались также «Возлюбленными Лютиэн» (там же). В LR (Приложение A I (i)) Элрос и Элронд зовутся Перединель, «Полуэльфы»; более раннее имя для

них было Перингол, Перингиул (V.152). ↩ [broken link: #rn44_9]

Долго было бы рассказывать обо всём, что говорилось на том совете под прекрасными деревьями Ривенделла. Солнце взобралось к полудню и поворачивало к западу, прежде чем все вести были пересказаны. Затем Эльфы принесли пищу и питьё для собрания. Солнце пало низко, и косой свет его был красен в долине, прежде чем спору был положен конец, и они поднялись и вернулись вниз по длинной тропе к дому.

Оба текста на этом оканчиваются. В конце второго мой отец написал: «(Совет должен быть за закрытыми дверями. Фродо приглашён пред лицо Элронда. Вести о мире. Они решают, что Кольцо должно быть уничтожено.)»

Пока Топотун — Перегрин Боффин, и долгожданное «узнавание» между Топотуном и Фродо происходит, Одо всё ещё присутствует: но в бумагах, датированных августом 1939-го, где отождествление Топотуна с Перегрином Боффином впервые появляется, Одо, по-видимому, решительно отброшен. Снова Одо, кажется, оказался непотопляем, хотя, как обсуждалось на с. 375, Фолко на деле принял его характер. — Конечно, эти «ривенделльские» рукописи вполне могут принадлежать к одному времени, и пошаговой реконструкции ждать нельзя. В любом случае,

удаление Одо и (тем более) личность Топотуна были вопросами, долго ворочаемыми, и такие заметки, как «Топотуну лучше не быть хоббитом» или «Одо надо вырезать», — скорее следы долгого спора, чем череда чётких, последовательных решений.

Только что приведённый текст был продолжен в дальнейшей рукописи иной формы, в которой появляется первая полная версия Совета Элронда, но прежде чем перейти к ней, две стороны единственного отдельного листа, по-видимому, несомненно представляют первые выраженные мысли моего отца о Совете. Он был написан карандашом столь бледным и быстрым, что был бы по большей части нечитаем, не пройдись по нему мой отец чернилами, и он сам не мог быть уверен местами в том, что написал, но вынужден был угадывать слова, помечая их вопросами. Передавая этот чрезвычайно интересный текст, я даю эти угаданные им слова курсивом в скобках. В заглавии страницы — отдельное указание, что «дело с Завертью» должно быть «упрощено». Любопытно было бы знать, что он имел в виду: единственное «осложнение», что в итоге было устранено, — это исчезновение Одо, и может статься, что это и есть то, на что он ссылался. Из

первой строки этого текста ясно, что история Одо «третьей фазы» наличествовала.

Кольцепризраки. Они получат *(нет? новых?)* коней *(со временем?)*. Захват Одо объяснён.

Кольцо предложено Элронду. Он отказывается. «Это опасность для всех обладателей: для меня самого более, чем для всех прочих. Это судьба, что хоббиты должны избавить мир от него».

«Что же тогда станется с прочими кольцами?» — «Они утратят свою силу. Но мы должны пожертвовать этой силой, чтобы уничтожить Владыку. Покуда кто-либо в мире держит Правящее Кольцо, у него есть шанс заполучить его обратно. Две вещи можно сделать. Мы можем послать его на Запад или можем уничтожить его. Пошли мы его на Запад давным-давно, того было бы довольно. Но теперь власть Владыки выросла слишком велика, и он вполне пробудился. Это было бы слишком опасно — и война его пришла бы на Шир и разрушила бы Гавани».[10] [На полях написано: Радагаст.]

Они решают, что Кольцо должно быть отнесено к Огненной Горе. Как? — до неё едва ли можно добраться иначе, чем перейдя границы Зем-

---

[10] Примечания: 347

Серые Гавани впервые названы в версии «Древней истории» третьей фазы, с. 319. ↩ [broken link: #rn44_10]

ли Мордор. Бильбо? Нет — «Это убило бы меня теперь. Годы мои растянуты, и я проживу ещё некоторое время. Но у меня больше нет сил для Кольца».

Фродо вызывается идти.

Кто пойдёт с ним? Гэндальф. Топотун. Сэм. Одо. Фолко. Мерри. (7) Глорфиндель и Фрар [написано ниже: Бурин], сын Балина.

На юг вдоль гор. Через Красный Перевал, вниз по Редвею к Великой Реке.

«Берегитесь, — сказал Гэндальф, — Великана Древобрада, что обитает в Лесу между Рекой и Южными Горами». Фангорн?

После времени отдыха они трогаются в путь. Бильбо прощается; даёт ему Жало и свою броню. Прочие вооружены.

Снежная буря.

Оборот листа, хоть и не непрерывный с первой стороной, был, несомненно, написан в то же время и снова чернилами по бледному карандашу:

Сперва его попросили дать как можно более полный отчёт о путешествии. История их дел с Томом Бомбадилом, казалось, заинтересовала Элронда и Гэндальфа больше всего.

Многое из сказанного было теперь уже известно Фродо. Гэндальф говорил долго, проясняя всем

историю Кольца и причину, отчего Тёмный Владыка так его желал. «Ибо он не только желает обнаружить и подчинить утраченные кольца, кольца Эльфов и гномов, — но и без Кольца он по-прежнему лишён большой власти. Он вложил в то Кольцо много собственной мощи, и без него слабее, чем встарь [и вынужден больше опираться на слуг].[11] Встарь он мог угадывать или вполовину видеть, каковы сокрытые замыслы Эльфийских владык, но теперь он слеп в том, что их касается. Он не может делать кольца, пока не вернёт себе главное кольцо. И к тому же ум его движим местью и ненавистью к Эльфам и Людям, что *(оспаривали его?)*».

«Теперь время правдивой речи. Скажи мне, Элронд, существуют ли ещё Три Кольца? И скажи мне, Глоин, если ты это знаешь, остаётся ли хоть одно из Семи?»

«Да, Три ещё существуют, — сказал Элронд, — и было бы воистину худо, если бы Саурон обнаружил, где они, или обрёл власть над их правителями, ибо тогда, быть может, тень его протянулась бы даже до Благословенного Царства».

---

[11] Примечания: 348
Квадратные скобки — в оригинале. ↩ [broken link: #rn44_11]

«Да! Некоторые из Семи остаются, — сказал Глоин. — Не знаю, имею ли я право это раскрывать, ибо Даин не дал мне наставлений на сей счёт. Но у Траина встарь было одно, что нисходило от его праотцев. Мы ныне не знаем, где оно. Думаем, оно было отнято у него, прежде чем ты нашёл его в подземельях давным-давно [или, может, оно было утрачено в Мории].[12] И всё же в последнее время мы получали тайные послания из Мордора, требующие все такие кольца, какие у нас есть или о каких мы знаем. Но есть и другие, всё ещё в нашей власти. У Даина есть одно — и на нём основана его удача: его возраст, его богатство и *(…?)* будущее. И всё же в последнее время мы получали тайные послания из Мордора, велящие нам отдать кольца Хозяину и грозящие нам и всем нашим союзникам в Дейле войной.[13] Из-за этого я и пришёл теперь в Ривенделл. Ибо послания часто спрашивали о неком Бильбо и предлагали нам мир, если мы добудем у него (волей или неволей) его кольцо. Его, сказали они,

---

[12] Примечания: 349

Как примеч. 11. ↩ [broken link: #rn44_12]

[13] Примечания: 350

Текст стоит так, с двумя отрывками, оба начинающимися «И всё же в последнее время мы получали тайные послания из Мордора», но ни один не отвергнут. ↩ [broken link: #rn44_13]

они приняли бы взамен всего. Теперь я понимаю почему. Но сердца наши встревожены, ибо мы догадываемся, что сердце короля Бранда боится и что Тёмный Владыка *(подвигнет?)* восточных людей на какое-то зло. Уже идёт война на *(южных?)* границах. И *(конечно, то дело, о котором?)* я ищу совета, — исчезновение Балина и его народа, — теперь *(раскрыто?)* как часть того же зла».

Боромир, *(владыка? Земля?)* Онда. Эти люди осаждены дикими людьми с Востока. Они шлют к *(Ф…?)* Балина из Мории. Он обещал помощь.

Здесь этот текст оканчивается. Против отрывка, начинающегося «„Да! Некоторые из Семи остаются“, — сказал Глоин», мой отец написал: «Нет! Так не годится — иначе гномы были бы более подозрительны к Бильбо».

В этом тексте, опять-таки, есть кажущееся противоречие с бумагами «августа 1939»: Бильбо даёт свою кольчугу Фродо в Ривенделле и, стало быть, взял её с собою, когда покидал Бэг-Энд, — история, что впервые появляется под датой август 1939 (с. 371, §2), тогда как там же предлагается отбросить «историю Одо» — история, что здесь прямо наличествует. — Братству Кольца предстоит состоять из пяти «ширских хоббитов»: Фродо, Сэма, Мерри, Фолко и Одо, с Топотуном, Гэндальфом, Глорфин-

делем и гномом Фраром (> Бурином).

Каков бы ни был относительный возраст этих текстов, а они едва ли могут быть далеки друг от друга, теперь появились младший Гном, сын Балина, что пришёл с Глоином, — предтеча Гимли, сына Глоина, в LR; Эльф из Лихолесья, предтеча Леголаса; Эрестор, советник Элронда; двое сородичей Элронда, и Боромир — без колебаний так названный с самого начала[14] — из Земли Онд далеко на Юге. Земля Онд названа в наброске, датированном августом 1939 (с. 381). Древобрад теперь помещён не в «Лесу Нельдорет» (с. 384), а в «Лесу между [Великой] Рекой и Южными Горами» — первое упоминание гор, что впоследствии станут Эред Нимрайс, Белыми Горами, и Гэндальф предостерегает против него (как ему и подобало, побывав его пленником, «в Фангорне», с. 363).

Отрывок о Трёх Кольцах Эльфов и Семи Кольцах Гномов следует сравнить с отрывком в версии «Древней истории» третьей фазы, с. 320, где Гэндальф говорит, что не знает, что сталось с «Тремя Кольцами Земли, Моря и Неба», но полагает, что

---

[14] Примечания: 351

Имя Боромир, второго сына Бора, убитого в Битве Бессчётных Слёз, появлялось в поздних «Анналах Белерианда» и в «Квенте Сильмариллион» (V.134, 287, 310). Об этимологии имени см. V.353, 373. ↩ [broken link: #rn44_14]

«их давно унесли далеко за Великое Море», — что, без сомнения, надо связать со словами Элронда в нынешнем тексте: «было бы воистину худо, если бы Саурон обнаружил, где они, или обрёл власть над их правителями, ибо тогда, быть может, тень его протянулась бы даже до Благословенного Царства». В том же отрывке «Древней истории» Гэндальф говорит, что «основанием каждого из Семи Кладов гномов древности было золотое кольцо» и что, как говорят, все Семь Колец сгинули в огне драконов: «И всё же тот рассказ, может статься, не вполне правдив».

С грозящими посланиями королю Даину из Мордора здесь ср. «Вопросы и переделки» (с. 226, §11): «Гномы могли получать угрожающие послания из Мордора — ибо Владыка подозревал, что Единое Кольцо в их кладах». В той же заметке сказано, что «спустя время вестей о них [Балине и его спутниках] не стало. Даин боялся Тёмного Владыки»; так и Глоин говорит здесь, что «исчезновение Балина и его народа теперь раскрыто как часть того же зла». В это время история была в том, что Саурон требовал возврата Колец, которыми Гномы ещё владели, — или кольца Бильбо «взамен всего»; в FR (с. 254) им предлагался возврат трёх из древних Колец Гномов, если они

добудут кольцо Бильбо.

Ссылка на Траина, отца Торина Дубощита, в подземельях Некроманта, где его нашёл Гэндальф, восходит к «Хоббиту» (глава I), но здесь возникает история, что он обладал одним из Колец Гномов и что оно было отнято у него после его пленения (см. FR, с. 281–282, и LR, Приложение A (iii), с. 353–354, 357–358).

Текст «Многих встреч» (сохранившийся в двух формах), данный на с. 391 и далее, продолжался в начало рассказа о Совете Элронда, что держался под открытым небом на поляне над домом, но со слов «„Благослови меня! — сказал Гэндальф. — Совет через полчаса“» (с. 395) мой отец перечеркнул его и прибавил в конце заметку, что Совет должен держаться «за закрытыми дверями» (с. 396). Теперь начинается новая рукопись, берущаяся с «„Благослови меня!“ — сказал Гэндальф», и в ней находится первое полное повествование о прениях Совета. Изначально она была занумерована «XII», с номерами страниц, продолжающимися от «Вдруг одиноко прозвонил колокол» (с. 395). Как уже отмечено, мой отец на этой стадии видел все встречи и обсуждения в Ривенделле как составляющие одну главу и дал номер и заголовок «XII. Совет Элронда» главе третьей фазы, что начина-

ется с пробуждения Фродо в Ривенделле (с. 362).

Рукопись отчасти чернилами, отчасти карандашом, но, хоть и очень черновая, читаема на всём протяжении. Будучи в первой стадии сочинения, она полна изменений, фраз или целых отрывков, постоянно переписываемых в самом акте сочинения, и многие другие поправки, сделанные к отрывкам, что во время написания были оставлены, вероятно, довольно современны им. В общем я даю текст в его окончательной форме, но с указанием более важных изменений.

— Благослови меня! — сказал Гэндальф. — Это предупредительный колокол для совета. Нам лучше тотчас туда отправиться.

Бильбо и Фродо (и Сэм [добавлено: незваный]) последовали за ним вниз по многим лестницам и переходам к западному крылу дома, пока они не пришли к крыльцу, где Фродо нашёл своих друзей накануне вечером. Но теперь свет ясного осеннего утра сиял в долине. Небо было высоко и прохладно над вершинами холмов, и в ярком воздухе внизу несколько золотых листьев слетало с деревьев. Шум бурлящих вод доносился из пенистого русла реки. Пели птицы, и благотворный покой лежал на земле, и Фродо его опасное бегство и слухи о тёмной тени, растущей во внешнем

мире, казались теперь лишь воспоминаниями тревожного сна.

Но лица, что обратились ему навстречу, были суровы.[15] Элронд был там, и несколько других уже сидели вокруг него в молчании. Фродо увидел Глорфинделя и Глоина, и Топотуна (сидевшего в углу).

Элронд приветствовал Фродо и подвёл его к сиденью у своего колена и представил его собранию, говоря: — Вот, друзья мои, хоббит, что удачей и отвагой принёс Кольцо в Ривенделл. Это Фродо, сын Дрого. — Затем он указал и назвал тех, кого Фродо не видел прежде. Был младший гном подле Глоина, [Бурин, сын Балина >] его сын Гимли.[16] Было трое советников собственного дома Элронда: Эрестор, его сородич (муж того же полуэльфийского народа, что известен как

---

[15] Примечания: 352

Это предложение — позднейшая поправка к «Но лица тех, кто сидел в комнате, были суровы». В отвергнутом начале текста Гэндальф говорит: «Нам лучше тотчас отправиться в покой Элронда», и в западном крыле дома он стучит в дверь и входит в «маленькую комнату, западная сторона которой открывалась на крыльцо, за которым земля обрывалась отвесно к пенистой реке». В переработанном начале, как напечатано, Совет Элронда происходит на крыльце (как в FR, с. 252), хотя оно ещё описывалось здесь как «комната», пока не была сделана эта поправка. ↩ [broken link: #rn44_15]

[16] Примечания: 353

Это первое появление Гимли, сына Глоина, было карандашной правкой, но не намного более поздней. ↩ [broken link: #rn44_16]

дети Лютиэн),[17] и подле него двое эльфийских владык Ривенделла. Был странный эльф, одетый в зелёное и бурое, Галдор, гонец от Короля Лесных эльфов в Восточном Лихолесье.[18] И сидел немного поодаль высокий человек благородного лица, но тёмный и печальный.

— Вот, — сказал Элронд, обращаясь к Гэндальфу, — Боромир из Земли Онд, далеко на Юге. Он прибыл ночью и приносит вести, что должно обдумать.

Долго было бы рассказывать обо всём, что говорилось на том совете. Многое из этого было уже известно Фродо. Гэндальф говорил долго, проясняя тем, кто ещё не знал повести полностью, древнюю историю Кольца и причины, отчего Тёмный Владыка так его желал. Затем Бильбо дал отчёт о находке Кольца в пещере Мглистых Гор, а Топотун описал свои поиски Голлума, что вёл он

---

[17] Примечания: 354

В предыдущем рассказе о присутствовавших на Совете (с. 395) трое советников Ривенделла — это Эрестор, названный «Эльфом», и «двое других сородичей Элронда, из того полуэльфийского народа, что Эльфы называли детьми Лютиэн», — что, однако, кажется подразумевающим, что и Эрестор был сородичем Элронда. ↩ [broken link: #rn44_17]

[18] Примечания: 355

В FR (с. 253) Галдор, здесь предтеча Леголаса, — это имя Эльфа из Серых Гаваней, что нёс поручение Кирдана. Галдор в это время ещё не стал именем отца Хурина и Хуора; в «Квенте Сильмариллион» он ещё звался Гумлином. ↩ [broken link: #rn44_18]

с помощью Гэндальфа, и поведал о своих опасных приключениях в Мордоре. Так Фродо узнал, как Топотун выслеживал Голлума, что брёл на юг, через Лес Фангорн и мимо Мёртвых Топей,[19] пока сам не был схвачен и заточён Тёмным Владыкой. — С тех самых пор я ношу башмаки, — сказал Топотун, содрогнувшись, и, хотя он больше ничего не сказал, Фродо понял, что его пытали и как-то повредили ему ноги. Но он был спасён Гэндальфом и избавлен от смерти.[20]

Так повесть была медленно доведена до того весеннего утра, когда Гэндальф открыл историю Кольца Фродо. Затем Фродо был призван продолжить повесть, и он дал полный отчёт обо всех своих приключениях с мига бегства из Хоббитона. Шаг за шагом они расспрашивали его, и всякая мелочь, какую он мог рассказать о Чёрных

---

[19] Примечания: 356

Первое упоминание Мёртвых Топей. ↩ [broken link: #rn44_19]

[20] Примечания: 357

Мой отец взял в скобки отрывок от «С тех самых пор я ношу башмаки» до «как-то повредили ему ноги» и написал на полях (с вопросом), что позднее следует открыть, что у Топотуна деревянные ступни. — Это первое появление истории, что именно Топотун нашёл Голлума (в версии «Древней истории» третьей фазы, с. 320, Гэндальф всё ещё рассказывал Фродо, что сам нашёл Голлума, в Лихолесье), и опыт Топотуна в Мордоре, несколько раз помянутый или намекнутый (см. с. 223, 371), объяснён в то же время. ↩ [broken link: #rn44_20]

Всадниках, была рассмотрена.[21]

Элронд был также глубоко заинтересован событиями в Старом Лесу и на Курганах. — Об Умертвиях я знал, — сказал он, — ибо они близко сродни Всадникам;[22] и я дивлюсь вашему спасению от них. Но никогда прежде не слыхал я об этом странном Бомбадиле. Хотел бы я узнать о нём больше. Знал ли ты о нём, Гэндальф?

— Да, — ответил чародей. — И я разыскал его тотчас, как только обнаружил, что хоббиты исчезли из Бакленда. Прогнав Всадников из Крикхоллоу, я повернул назад навестить его. Смею сказать, он задержал бы путников в своём доме дольше, знай он, что я близко. Но я в этом не уверен: он странное создание и следует собственным помыслам, что мало кто может постичь.[23]

---

[21] Примечания: 358

Написано на полях против этого абзаца: «Пленение Гэндальфа». ↩ [broken link: #rn44_21]

[22] Примечания: 359

См. с. 118–120. ↩ [broken link: #rn44_22]

[23] Примечания: 360

Более ранняя форма этого отрывка заставляет Гэндальфа ответить Элронду: «Я знал о нём. Но я совсем о нём забыл. Надо будет навестить его, как только выпадет случай». Это было изменено — во время написания — на приведённый отрывок, в котором Гэндальф говорит, что на деле навестил Тома Бомбадила после нападения на Крикхоллоу, — первое появление мысли, что встретится снова, хотя встреча Гэндальфа и Бомбадила так никогда (увы!) и не достигла повествовательной формы. Ср. отдельный отрывок, данный на с. 213–214, где Гэндальф говорит в

Ривенделле: «Отчего я не подумал о Бомбадиле раньше! Не будь он так далеко, я бы тотчас вернулся и посоветовался с ним». Ср. также с. 345 и примеч. 11. — Гэндальф не поминает здесь Одо, и к концу этой главы становится ясно, что он был удалён из Ривенделла (см. с. 407, 409). ↩ [broken link: #rn44_23]

— Не могли бы мы и теперь послать к нему вести и получить его помощь? — спросил Эрестор. — Кажется, у него есть власть даже над Кольцом.

— Это не совсем так, — сказал Гэндальф. — Кольцо не имеет власти над ним и для него: оно не может ни повредить ему, ни послужить ему: он сам себе хозяин. Но и он не имеет власти над ним и не может изменить само Кольцо или сломить его власть над другими. И думаю, что владычество Тома Бомбадила видно лишь на его собственной земле — с которой он на моей памяти никогда не ступал.[24]

— Но на его собственной земле ничто, кажется, его не смущает, — сказал Эрестор. — Не взял бы он, быть может, Кольцо и не сохранил бы его там навеки безвредным?

— Взял бы, быть может, если бы весь свободный народ мира умолял его это сделать, — сказал Гэндальф. — Но он не сделал бы этого охотно. Ибо это лишь отсрочило бы злой день. Со временем Владыка Кольца отыскал бы его тайник, и в конце

---

[24] Примечания: 361

В версии «Под вывеской „Гарцующего Пони“» третьей фазы всё ещё явствует, что Том Бомбадил, как было известно, наведывался в трактир в Бри (с. 334). ↩ [broken link: #rn44_24]

концов пришёл бы сам.[25] Сомневаюсь, чтобы Том Бомбадил, даже на своей земле, мог устоять перед той мощью, но я уверен, что нам не следует оставлять его встречать её. К тому же он живёт слишком далеко, и Кольцо пришло из его земли лишь с великим риском. Ему пришлось бы пройти сквозь большую опасность, чтобы вернуться. Если Кольцо должно быть сокрыто — наверняка именно здесь, в Ривенделле, его следует хранить: если у Элронда есть мощь устоять перед приходом Саурона во всей его силе?

— Нет у меня её, — сказал Элронд.

— В таком случае, — сказал Эрестор,[26] — есть лишь две вещи, что нам по силам попытаться: мы можем послать Кольцо на Запад за Море или можем попытаться уничтожить его. Если бы Кольцо ушло на Запад давным-давно, это было бы, быть может, хорошо. Но теперь власть Владыки снова выросла велика, и он пробуждён, и он знает, где

---

[25] Примечания: 362

В черновой наброске этого отрывка мой отец написал: «и в конце концов он пришёл бы сам, и Умертвия бы», вычеркнув эти последние слова по ходу письма и изменив их на: «и даже на своей земле один Том Бомбадил не мог бы устоять перед тем натиском невредимым». — «Владыка Кольца» сперва было написано «Владыка Колец», но изменено тотчас. ↩ [broken link: #rn44_25]

[26] Примечания: 363

Эрестор изменено из Глорфиндель, что было изменено из Элронд. Ср. с. 396. ↩ [broken link: #rn44_26]

Кольцо. Путь к Гаваням был бы чреват величайшей опасностью. С другой стороны, мы не можем своим умением или силой уничтожить Кольцо, а путь к Огненной Горе казался бы ещё опаснее, ведя, как он ведёт, к самой твердыне Врага. Кто разгадает нам эту загадку?

— Никто здесь не сможет, — сказал Элронд сурово.[27] — Никто не может предсказать, какая дорога ведёт к спасению, если ты это разумеешь. Но я могу выбрать, какую дорогу правильно избрать, как мне кажется, — и выбор, право, ясен. Кольцо должно быть низвергнуто в Огонь. Опасность больше на западной дороге, ибо сердце моё говорит мне, что это та дорога, какую Саурон будет ожидать от нас, когда услышит, что случилось. И если мы её изберём, он будет преследовать нас быстро и верно, ибо нам пришлось бы держать к Гаваням за Башнями. Их он наверняка разрушил бы, даже не найдя нас, и не было бы после того Эльфам пути к спасению из темнеющего мира.

— И Шир тоже был бы разрушен, — сказал Топотун тихим голосом, глядя на Бильбо и Фродо.

---

[27] Примечания: 364

Этот ответ Эрестору был сперва отдан Гэндальфу, ибо Эрестор обращал свой вопрос к нему: «Можешь ли ты разгадать эту загадку, Гэндальф?» На что Гэндальф отвечал: «Нет! Не могу. Но я могу выбрать, если хотите, чтобы я выбрал». Затем отрывок был изменён тотчас к приведённой форме. ↩ [broken link: #rn44_27]

— Но на другой дороге, — сказал Элронд, — со скоростью и умением путники могли бы пройти далеко незамеченными. Не скажу, что в этом поиске велика надежда, но лишь так можно достичь хоть какого-то прочного блага. В Кольце сокрыта большая часть древней мощи Саурона. Даже хоть он и не держит его, та мощь всё ещё живёт и работает на него и к нему. Покуда Кольцо живёт на суше или на море, он не будет побеждён. Покуда Кольцо длится, он будет расти, и иметь надежду, и страх, как бы Кольцо не вернулось в его руку, будет вечно тяготеть над миром. Война никогда не прекратится, пока живёт тот страх, и все Люди обратятся к нему.

— Я этого не понимаю, — сказал Боромир. — Отчего бы Эльфам и их друзьям не воспользоваться Великим Кольцом, чтобы победить Саурона? И я скажу, что не все люди к нему примкнут: люди Онда никогда не покорятся.

— «Никогда» — длинное слово, о Боромир, — сказал Элронд. — Люди Онда доблестны и всё ещё верны средь сонма врагов, но одна доблесть не может вечно противостоять Саурону. Многие из его слуг столь же доблестны. Но что до Правящего Кольца — оно принадлежит Саурону и исполнено его духа. Мощь его слишком велика для тех, кто

меньшей силы, как обнаружили Бильбо и Фродо, и в конце концов оно неминуемо приведёт их к нему пленниками, если они его сохранят. Для тех же, у кого есть власть своя, опасность его куда больше. С ним они, быть может, и низвергли бы Тёмного Владыку, но сами воссели бы на его трон. Тогда они стали бы столь же злы, как он, или хуже. Ибо ничто не зло в начале. Даже Саурон не был таким. Я не смею взять Кольцо, чтобы владеть им.

— И я, — сказал Гэндальф.

— Но разве не правда, как я слыхал, о Элронд, — сказал Боромир, — что Эльфы всё ещё хранят и владеют Тремя Кольцами, а ведь и эти пришли от Саурона в древние дни? И у гномов, говорят, тоже были кольца. Скажи мне, Глоин, если ты это знаешь, остаётся ли хоть одно из Семи Колец?

— Не знаю, — сказал Глоин. — Втайне говорилось, что Траин (отец Трора, отца Торина,[28] что пал в битве) обладал одним, что нисходило от его праотцев. Иные говорили, что оно было последним. Но где оно, ни один гном теперь не знает. Думаем, может, оно было отнято у него, прежде чем Гэндальф нашёл его в подземельях

---

[28] Примечания: 365

В «Хоббите» Траин был не отцом Трора, а его сыном. Это сложный вопрос, что будет обсуждён в T. VII. ↩ [broken link: #rn44_28]

Мордора давным-давно[29] — или, может, оно было утрачено в Мории. И всё же в последнее время мы получали тайные послания из Мордора, снова предлагающие нам кольца. Отчасти из-за этого я и пришёл в Ривенделл, ибо послания спрашивали о неком Бильбо и велели нам добыть у него (волей или неволей) кольцо, которым он обладал. За это кольцо нам предлагали [семь >] три таких, какие были у наших отцов встарь. Даже за весть о том, где его найти, нам предлагали дружбу навеки и великое богатство.[30] Сердца наши встревожены, ибо мы видим, что король Бранд в Дейле боится, и, если мы не ответим, Саурон подвигнет других людей на зло против него. Уже есть угрозы войны на юге.

— Похоже, что Семь Колец утрачены или вернулись к своему Владыке, — сказал Боромир. — А что же Три?

---

[29] Примечания: 366

В подземельях Дол Гулдура в Лихолесье в FR (с. 282). ↩ [broken link: #rn44_29]

[30] Примечания: 367

Как этот отрывок был написан сперва, Глоин говорит, что послания из Мордора предлагали Гномам «кольцо», и что им предлагали мир и дружбу, если они добудут кольцо Бильбо или даже скажут, где его найти. В позднейшей переделке его слова приближаются к тому, что он рассказывает в FR (с. 254), а история первого черновика Совета (с. 398), что Гномы ещё обладали некоторыми из своих древних Колец, что у Даина было одно и что Саурон требовал их возврата, уже отброшена. ↩ [broken link: #rn44_30]

— Три Кольца ещё существуют, — сказал Элронд. — Они даровали Эльфам великую власть, но никогда ещё не послужили им в их борьбе с Сауроном. Ибо они пришли от самого Саурона и не могут дать никакого умения или знания, какого он уже не имел при их создании. И каждому роду кольца Владыки приносят такие силы, каких каждый желает и какими способен владеть. Эльфы желали не силы, или господства, или богатства, а тонкости ремесла и знания и ведения тайн бытия мира. Это они обрели, хотя и со скорбью. Но это обратится во зло, если Саурон вернёт себе Правящее Кольцо, ибо тогда всё, что Эльфы измыслили или познали мощью колец, станет его, как и было его умыслом.

Против этого отрывка о Трёх Кольцах Эльфов мой отец написал позднее: «Эльфийские кольца сделаны Эльфами для себя. Семь и Девять были сделаны Сауроном — чтобы обмануть людей и гномов. Они изначально приняли их, потому что верили, что это эльфийские кольца». И он написал также, отдельно, но против того же отрывка: «Изменить это: сделать Эльфийские кольца их собственными, а Сауроновы — сделанными в ответ». Это первое появление этой центральной мысли о происхождении и природе Колец, но,

поскольку она не возникает в самом повествовании до значительно более позднего времени, эти заметки не могут быть современны тексту. — В FR именно Глоин, а не Боромир, поднимает вопрос о Трёх Кольцах Эльфов, но он тоже, как Боромир в нынешнем тексте, утверждает, что они были сделаны Тёмным Владыкой. Элронд исправляет ошибку Глоина, и всё же ранее на Совете (FR, с. 255) Элронд прямо сказал, что Келебримбор сделал Три, а Саурон выковал Единое втайне, чтобы быть их хозяином. Утверждение Глоина (FR, с. 282) поэтому неуместно и, вероятно, есть отзвук первоначального замысла моего отца о Кольцах. Текст продолжается:

— Что же тогда случилось бы, если бы Правящее Кольцо было уничтожено? — спросил Боромир.

— Эльфы не утратили бы того, что уже завоевали, — ответил Элронд, — но Три Кольца утратили бы всю власть после того.

— И всё же эту утрату, — сказал Глорфиндель, — все Эльфы охотно претерпели бы, если бы ею могла быть сломлена власть Саурона.

— Так мы возвращаемся снова к той точке, с какой начали, — сказал Эрестор. — Кольцо должно быть уничтожено, но мы не можем уничтожить его иначе как опасным путём к Огню. Какая сила

или хитрость есть у нас для этой задачи?

— В этой задаче ясно, что великая сила не поможет, — сказал Элронд. — Её должны попытаться слабые. Таков ход вещей. В этом великом деле судьба, кажется, уже указала нам путь.

— Хорошо, хорошо, мастер Элронд! — сказал вдруг Бильбо.[31] — Не говори больше! По крайней мере ясно, на что ты указываешь. Бильбо-хоббит начал это дело, и Бильбо лучше бы его и закончить, или себя самого. Мне было очень уютно здесь, и я продвигался со своей книгой. Если хотите знать, я как раз пишу для неё концовку. Я подумывал поставить «и жил он счастливо до конца своих дней»: это хорошая концовка, и не хуже оттого, что её уже употребляли прежде. Теперь придётся это изменить — что-то не похоже, что это окажется правдой, да и в любом случае придётся быть ещё нескольким главам, даже если я не напишу их сам. Это страшная докука! Когда мне следует отправляться?

Элронд улыбнулся, а Гэндальф громко рассмеялся. — Конечно, — сказал чародей, — если бы ты и впрямь начал это дело, дорогой мой Бильбо, от тебя ждали бы, что ты его и закончишь.

---

[31] Примечания: 368

Ср. с. 371, в конце наброска §2. ↩ [broken link: #rn44_31]

Но «начал» — сильное слово. Я часто пытался намекнуть тебе, что ты лишь вошёл (случайно, можно сказать) в середину долгой истории, что была сложена не ради тебя одного. Это, конечно, верно для всех героев и всех приключений, но не о том сейчас речь. Что до тебя, если хочешь снова моего мнения, я сказал бы, что твоя роль закончена — кроме как летописца. Допиши свою книгу и оставь концовку! Но приготовься написать продолжение, когда они вернутся.

Бильбо рассмеялся в свой черёд. — Никогда прежде не знал я, чтобы ты давал приятный совет, Гэндальф, — сказал он, — или велел мне делать то, чего я и впрямь хотел. Поскольку все твои неприятные советы обычно бывали добрыми, гадаю, не дурен ли этот. И всё же правда, что годы мои растянуты и истончаются, и не думаю, что у меня есть сила для Кольца. Но скажи мне: кого ты разумеешь под «они»?

— Искателей приключений, что посланы с Кольцом.

— Вот именно, и кто же они будут? Это, мне кажется, как раз то, что этому совету теперь надо решить.

Настало долгое молчание. Фродо обвёл взглядом все лица, но никто не глядел на него — кроме

Сэма; в чьих глазах была странная смесь надежды и страха. Все остальные сидели как в глубоком раздумье, с закрытыми глазами или глядя в землю. Великий ужас пал на Фродо, и он почувствовал всепоглощающее желание остаться в покое подле Бильбо в Ривенделле.

Эти слова стоят внизу страницы. Следующая страница, начинающаяся «Наконец с усилием он заговорил», продолжается лишь немного и была заменена другой, начинающейся теми же словами. Привожу обе формы.

Наконец с усилием он заговорил. — Если этой задаче суждено пасть на слабых, — сказал он, — я попытаюсь её исполнить. Но мне понадобится помощь сильных и мудрых.

— Думаю, Фродо, — сказал Элронд, проницательно глядя на него, — что эта задача назначена тебе. Но очень хорошо, что ты предлагаешь себя непрошеным. Вся помощь, какую мы сможем измыслить, будет твоей.

— Но вы ведь не пошлёте его одного, мастер! — вскричал Сэм.

— Нет, разумеется, — сказал Элронд, оборачиваясь к нему. — Ты по крайней мере пойдёшь — раз уж ты здесь, хотя я не думаю, что тебя призывали. Кажется, тебя трудно отделить от твоего хозяина

Фродо.

Сэм притих, но шепнул Фродо: — Далеко ли до этой Горы? В хорошенькую кашу мы себя втравили, господин Фродо![32]

— Заботиться о хоббитах — задача, что не всякому по душе, — сказал Гэндальф, — но я к ней привык. Предлагаю Фродо и его Сэма, Мерри, Фарамонда и меня самого. Это пятеро. И Глорфинделя, если он пойдёт и одолжит нам мудрость Эльфов: она нам понадобится. Это шестеро.

— И Топотуна! — сказал Перегрин из угла. — Это семеро, и подобающее число. У Носителя Кольца будет добрая компания.

Здесь эта версия отрывка оканчивается. Карандашом ниже — неоконченное предложение: «Выбор хорош, — сказал Элронд. — Хотя…».

Другие очень черновые карандашные пометки гласят: «Изменить это. Только хоббиты, включая Топотуна. Гэндальф как [?проводник] на ранних стадиях. Гэндальф говорит, что пойдёт весь путь? Без Глорфинделя». А под этими заметками — одинокое имя Боромир. На обороте этой страницы — примечательный набросок грядущих событий; о нём см. с. 410.

---

[32] Примечания: 369

Глава «Совет Элронда» в FR (II.2) оканчивается здесь. ↩ [broken link: #rn44_32]

Замещающая страница трактует выбор Отряда совсем иначе:

Наконец с усилием он заговорил. — Я возьму Кольцо, — сказал он. — Хотя и не знаю пути.

Элронд проницательно поглядел на него. — Если я верно понимаю всю повесть, что услышал, — сказал он, — думаю, что эта задача назначена тебе, Фродо, и что если ты не найдёшь пути, то никто иной не найдёт.

— Но вы ведь не отошлёте его одного, мастер! — вскричал Сэм, не в силах сдержаться.

— Нет, разумеется! — сказал Элронд, оборачиваясь к нему с улыбкой. — Ты по крайней мере пойдёшь с ним, ибо едва ли возможно отделить тебя от него — даже когда его призывают на тайный совет, а тебя нет.

Сэм притих, но шепнул Фродо: — Далеко ли до этой Горы? В хорошенькую кашу мы себя втравили, господин Фродо!

— Когда мне отправляться? — спросил Фродо.

— Сперва ты отдохнёшь и восстановишь полную силу, — ответил Элронд, угадывая его мысль. — Ривенделл — прекрасное место, и мы не отошлём тебя, пока ты не узнаешь его лучше. А меж тем мы составим планы тебе в руководство.

Позднее в полдень того дня, когда был совет,

Фродо прогуливался в лесу со своими друзьями. Мерри и Фарамонд были возмущены, когда услышали, что Сэм прокрался на совет и был выбран спутником Фродо. — Не он один! — сказал Мерри. — Я зашёл так далеко и не собираюсь теперь оставаться позади. Кому-то с умом следует быть в отряде.

— Не вижу, чтобы твоё включение в этом сильно помогло, — сказал Фарамонд. — Но, конечно, ты должен идти, и я тоже. Мы, хоббиты, должны держаться вместе. Кажется, мы сделались весьма важны в эти дни. Это было бы изрядным открытием для народа там, в Шире!

— Сомневаюсь! — сказал Фродо. — Едва ли кто из них поверил бы хоть слову. Хотел бы я быть одним из них и вернуться в Хоббитон. Кто хочет, пусть забирает всю мою важность.

— Совершенно случайную! Совершенно случайную, как я не устаю тебе твердить, — сказал голос позади них. Они обернулись и увидели Гэндальфа, что спешил из-за поворота тропы. — Хоббичьи голоса разносятся далеко, — сказал он. — В Ривенделле ничего (или, надеюсь, так), но не стал бы я обсуждать дела так громко вне дома. Твоя важность случайна, Фродо, — этим я хочу сказать, что мог быть выбран кто-то другой

и справился бы не хуже, — но она реальна. Никто другой теперь не может ею обладать. Так что будь осторожен — осторожности много не бывает! Что до вас двоих, если я позволю вам пойти, вам придётся делать в точности что велят. И я устрою иначе насчёт снабжения умом.

— А, теперь мы знаем, кто и впрямь важен, — рассмеялся Мерри. — Гэндальф никогда в этом не сомневается и не даёт усомниться никому другому. Так ты уже устраиваешь все приготовления, вот как?

— Конечно! — сказал Гэндальф. — Но если вы, хоббиты, желаете держаться вместе, я возражать не стану. Вы двое и Сэм можете идти — если вы и впрямь готовы. Топотун тоже был бы полезен[33] — он бывал на Юге прежде. Боромир вполне может присоединиться к отряду, раз уж ваша дорога ведёт через его собственную землю. Это будет примерно настолько большой отряд, насколько вообще безопасно.

— Кто будет головой отряда? — спросил Фродо. — Топотун, полагаю. Боромир всего лишь один

---

[33] Примечания: 370

«Топотун тоже был бы полезен» было изменено на «Топотун тоже будет необходим», и, вероятно, в то же время мой отец написал на полях: «Топотун связан с Кольцом». Эта правка, таким образом, происходит из несколько более позднего времени, когда он достигал замысла Арагорна и его родословной. См. примеч. 34. ↩ [broken link: #rn44_33]

из Большого Народа, а они не так мудры, как хоббиты.

— У Боромира есть больше, чем сила и доблесть, — ответил Гэндальф. — Он из древнего рода, какого народ Шира не видел, по крайней мере с дней, что они забыли. А Топотун научился в своих скитаниях многому, что неведомо в Шире.[34] Оба они кое-что знают о дороге: но понадобится больше того. Думаю, мне придётся пойти с вами!

Так велик был восторг хоббитов от этого объявления, что Гэндальф снял шляпу и поклонился. — Я привык заботиться о хоббитах, — сказал он, — когда они ждут меня и не убегают сами по себе. Но я лишь сказал: думаю, мне придётся пойти. Это может быть лишь на часть пути. Мы ещё не составили никаких определённых планов. Весьма вероятно, что и не сможем составить никаких.

Хоббитам нелегко было это сделать. Они продолжали думать и говорить главным образом о путешествии и опасностях впереди. И всё же такова была сила земли Элронда, что во всех их думах не было и тени страха. Надежда и мужество росли в их сердцах, и сила в их телах. Во всякой

---

[34] Примечания: 371

Топотун, конечно, был ещё хоббитом. На полях мой отец написал против этого отрывка: «Исправить это. Лишь Топотун древнего рода» (то есть Топотун — нуменорец, а Боромир нет). ↩ [broken link: #rn44_34]

трапезе, и во всяком слове и песне они находили отраду. Самое дыхание воздуха стало радостью, не менее сладкой оттого, что время их пребывания было коротко.

Дни скользили мимо, хотя осень быстро шла на убыль, и каждое утро занималось ясным и погожим. Но медленно золотой свет делался серебряным, и листья опадали с деревьев. Ветры дули холодом с Мглистых Гор на Востоке. Охотничья Луна круглела в вечернем небе, обращая в бегство меньшие звёзды и поблёскивая в водопадах и заводях Реки. Но низко на Юге одна звезда сияла красным. Каждую ночь, по мере того как луна снова убывала, она сияла ярче. Фродо мог видеть её в окно глубоко в небе, горящую, как гневное око, что следит и ждёт, когда он тронется в путь.

В конце текста мой отец написал: «Новолуние 24 окт. Полная Охотничья Луна 8 нояб.». См. с. 434, примеч. 19.

Рукопись прерывается здесь заголовком «Кольцо уходит на Юг», но без нового номера главы, и то, что следует, было написано непрерывно с предшествующим.

Видно, что бóльшая часть содержания «Совета Элронда» в FR отсутствует, но хотя прошлая

и нынешняя ткань мира здесь куда тоньше, обсуждение того, как быть с Кольцом, в своём существенном узоре доводов уже присутствует.

Гэндальф говорит, что дорога к Огненной Горе лежит через землю Боромира. Вполне может быть, что на этой стадии география земель к югу и востоку от Мглистых Гор была ещё довольно беглой, хотя Лес Фангорн, Мёртвые Топи, Земля Онд (Гондор) и «Южные Горы» появились по именам (с. 397–398, 401). Дальнейшие стороны этого вопроса появляются в следующей главе.

Любопытно, что хотя Элронд в начале говорит, что Боромир приносит вести, что должно обдумать, нам не сказано, каковы были эти вести. В первоначальном черновике Совета (с. 398) сказано, что люди Онда «осаждены дикими людьми с Востока», а в только что приведённом тексте (с. 403) Элронд говорит, что они «всё ещё верны средь сонма врагов».

Одо Болджер наконец-то исчез (по крайней мере под этим именем), а Фолко был переименован в Фарамонда. Это имя появлялось в бумагах, датированных августом 1939-го, но там оно предлагалось для самого Фродо (с. 373). Братство Кольца теперь меняется снова, и не в последний раз: как легко предположить, достижение окон-

чательного состава «Девяти Пеших» доставило моему отцу великие трудности. В первом черновике Совета Элронда (с. 397) должны были быть:

Гэндальф. Топотун. Фродо, Сэм. Мерри. Фолко. Одо. Глорфиндель. Бурин, сын Балина. (9)

В отвергнутой странице только что приведённого текста (с. 406) Отряд становится:

Гэндальф. Топотун. Фродо. Сэм. Мерри. Фарамонд. Глорфиндель. (7) — Заметка к этой странице предлагает, чтобы Отряд состоял только из хоббитов, с Гэндальфом по крайней мере поначалу, но без Глорфинделя. В замещающем тексте (с. 408) Гэндальф предлагает:

Гэндальф. Топотун. Фродо. Сэм. Мерри. Фарамонд. Боромир. (7) — и таков и был состав в первоначальном повествовании о южном пути вплоть до Мории.

Продолжение истории в первоначальной рукописи («Кольцо уходит на Юг») дано в следующей главе, но прежде чем завершить эту, надо привести примечательный набросок грядущих событий, найденный на обороте отвергнутой страницы текста Совета Элронда (см. с. 406). Он явно принадлежит по времени к рукописи, в которую включён. В наброске дальнейшего хода истории, датированном августом 1939-го (с. 381,

§9), нет и намёка на повторное появление Голлума прежде, чем достигнут Мордор, а ссылка в этом на то, что Фродо слышит топоток ног Голлума в Копях, показывает, что он предшествовал первому черновику главы о Мории.

Голлум должен вновь появиться у Мории или после. Фродо слышит топоток.

Лес Фангорн. Каким-то образом — слышит голос, или видит что-то в стороне от тропы, или ? встревожен Голлумом — Фродо должен отделиться от остальных.

Фангорн — вечнозелёный (дуб? остролист?) лес. Деревья огромной высоты. (Белегир [надписано карандашом сверху: Андуин] Великая Река разделяется на много рукавов.) Скажем, 500–1000 футов. Он бежит до самых [Синих >] Чёрных Гор, что не очень высоки (идут СВ-к-С — ЮЗ-к-З), но очень круты с северной стороны.

Если Древобрад вообще войдёт — пусть будет добр и скорее хорош? Около 50 футов высотой, с корявой кожей. Волосы и борода вроде веточек. Одет в тёмно-зелёное, как в кольчугу из коротких сияющих листьев. У него замок в Чёрных Горах и много танов и приверженцев. Они похожи на молодые деревья, [?когда] стоят.

Сделать так, чтобы Фродо стал страшиться

Голлума после встречи, в которой Голлум притворился, что хочет подружиться, но пытался задушить Фродо во сне и украсть Кольцо. Древобрад находит его заблудившимся и уносит вверх, в Чёрные Горы. Лишь тут Фродо обнаруживает, что он дружествен.

Древобрад приводит его на пути к Онду. Его дозорные доносят, что Онд осаждён и что Топотун и ещё четверо [написано сверху: трое?] захвачены. Где Сэм? (Сэм найден в Лесу. Он отказался идти дальше без Фродо и остался искать его.)

Древо-великаны нападают на осаждающих, и спасают Топотуна и пр., и снимают осаду.

(Если этот сюжет используется, лучше будет, чтобы в отряде не было Боромира. Заменить Гимли? сыном Глоина — что был убит в Мории. Но Фродо может нести послания от Боромира к его отцу, К[оролю] Онда.)

Следующая стадия — они отправляются к Огненной Горе. Им приходится огибать Мордор по его западному краю.

В этом кратком наброске мы видим самую отправную точку, в письменном выражении, двух основополагающих «мгновений» в повествовании «Властелина Колец»: отделение Фродо от Отряда (впоследствии воссоединённого с Сэмом)

и нападение «древо-великанов» Фангорна на врагов Гондора, но та повествовательная рамка, какая дана им здесь, была вовсе мимолётной. Мы встречаем также дальнейший ранний образ Великана Древобрада: всё ещё огромной высоты, как в тексте, данном на с. 382–384, где голос его сходил к Фродо «с верхушки дерева», но уже не враждебного, пленителя Гэндальфа (с. 363), «притворяющегося дружелюбным, но на деле в союзе с врагом» (с. 384). Боромир теперь, как сказано, сын Короля Онда, но смерть Гимли в Мории была мыслью, никогда более не развитой. Здесь первое появление эльфийского имени, Белегир, Великой Реки, что текла через Лес Фангорн (см. с. 410). Лес «бежит до самых [Синих >] Чёрных Гор»; ср. набросок Совета Элронда (с. 397), в котором Гэндальф говорит, что Великан Древобрад «обитает в Лесу между Рекой и Южными Горами». Но о Лотлориэне и Рохане пока нет и намёка.

Глава 24. КОЛЬЦО УХОДИТ НА ЮГ

Как я сказал, эта следующая стадия истории была написана непрерывно от первой версии «Совета Элронда». После описания красной звезды на Юге (FR, с. 287) стоит заголовок «Кольцо уходит на Юг», но без нового номера главы, и нумерация страниц непрерывна с предшествующим.

Привожу теперь текст этой самой ранней версии «Кольцо уходит на Юг» (которая простирается несколько в следующую главу FR, II.4 «Путь во тьме»). Это исключительно трудная рукопись, и трудно её передать. Думаю, она не была основана на каких-либо предварительных заметках или

набросках, кроме одного отрывка,[1] — мой отец написал её ab initio как полное повествование, и при этом примечательно, как много её слов уцелело в окончательной форме, несмотря на коренные различия: что Топотун был ещё хоббитом Перегрином и что ни Гнома, ни Эльфа не было. Отряд, как уже отмечено, состоял из Гэндальфа, Боромира и пяти хоббитов — хотя один из них, что и говорить, был не каким-нибудь неискушённым хоббитом из Шира.

Мой отец написал почти всё чернилами, но писал чрезвычайно быстро (хотя с терпением — и некоторой помощью текста FR — все слова, кроме немногих, можно разобрать), так быстро, что часто оставлял написанное, но отвергнутое, мчась дальше к новой формулировке, и выра-

---

[1] Примечания: 372

Отдельная страница, несомненно того же времени, и впрямь даёт предварительный набросок отрывка, что начинается примерно с «По мере того как свет крепчал» на с. 426. Письмо на самом пределе читаемости, быстрым карандашом, ныне очень бледным.

Серый свет рос, являя снежный… мир, в котором тропу, по которой они взбирались, едва можно было разглядеть. Снег больше не падал, но небо грозило ещё. «Чем скорее мы тронемся и начнём спускаться, тем лучше», — сказал Гэндальф. Это было легче сказать, чем сделать. Хоббиты. По одному за раз. [Вычеркнуто: Боромир несёт Фродо (..драгоценную ношу).] Боромир и Гэндальф идут вперёд и нащупывают путь. Местами Боромир исчезал почти по шею. Они начали отчаиваться, ибо снег был мягок. … С великим трудом они прошли вниз лишь ¼ мили и все выбивались из сил. Но вдруг они нашли снег менее густым — «даже это, кажется, было нарочно нацелено в нас», — сказал Гэндальф. Боромир

зашагал вперёд и вернулся, доложив, что [?скоро лишь бело]. Наконец, когда день стал широк, они вышли к местам почти чистым от снега.

Г. указывает место, откуда они тронулись накануне вечером. Совет. Что делать. Мория.

Страница продолжается некоторыми предварительными штрихами для сцены у Западных Врат Мории; см. с. 444. ↩ [broken link: #rn45_1]

жение часто черно и не отделано. Впоследствии он прошёлся по ней карандашом, но огромное большинство этих карандашных изменений принадлежит, я уверен, к времени очень близкому к первоначальному написанию. Немногие, несомненно, позднее и вводят ссылки на Гимли и Леголаса, что хронологически и структурно неуместны. Есть также некоторые правки красными чернилами, но они касаются лишь некоторых географических имён.

Когда Фродо пробыл в Ривенделле около двух недель, а ноябрю шла уже неделя или больше,[2] разведчики начали возвращаться. Иные ходили на север до самых Димрилл-долов,[3] а иные — на юг почти до самой реки Редвей. Немногие перешли горы и Высоким Перевалом, и Гоблинскими Воротами (Аннерхин), и проходом у истоков Глад-

---

[2] Примечания: 373

Даты были поставлены на полях против этого предложения: «7 нояб.?» и «10–11 нояб.»; вдобавок «две недели» было изменено на «3 недели», а «неделя или больше» — на «почти 2 недели». ↩ [broken link: #rn45_2]

[3] Примечания: 374

После «до самых» мой отец сперва написал Димбар, быть может, разумея «Димбар в Димрилл-долах». Имя Димбар появлялось в «Квенте Сильмариллион» (V.261), о пустой земле между реками Сирион и Миндеб.

Об этом применении Димрилл-долов (к северу от Ривенделла) см. с. 360. Когда имя Димрилл-дол было перенесено к югу и на другую сторону Мглистых Гор, оно было заменено на севере на Хоардейл, и это имя было вписано карандашом позднее в текст здесь. ↩ [broken link: #rn45_3]

дена. Эти вернулись последними, ибо спускались в Глухоманье до самых Гладденских Полей,[4] а это был великий путь от Ривенделла даже для быстрейших Эльфов. Но ни они, ни те, кто получил помощь Орлов близ Гоблинских Ворот,[5] не открыли никаких вестей — кроме того, что дикие волки, зовущиеся варгами, снова собираются и снова рыщут между Горами и Лихолесьем. Никакого следа Чёрных Всадников не было найдено — кроме как на скалах под Бродом тел четырёх [надписано сверху: нескольких] утонувших коней и [?одного] длинного чёрного плаща, изрезанного и истрёпанного.

— Никогда не скажешь наверняка, — сказал Гэндальф, — но похоже, что Всадники рассеяны — и им пришлось пробираться, как сумеют,

---

[4] Примечания: 375

Это первое появление имён Гладден (Река) и Гладденские Поля. Река была показана на Карте Глухоманья в «Хоббите», с болотистой землёй при её слиянии с Великой Рекой, наводя на мысль о крае, где росли бы «гладдены» (касатики). У подножия страницы — заметка, что применяется к именам в этом отрывке: «Эти имена даны в хоббичьем переводе. Их подлинные имена были Тум Динкелон; Арад Дайн (Аннерхин); Крандир Редвей, и Палатрин (Палат = Касатик)». Тум Динкелон — это Димрилл-дол, в первоначальном применении (примеч. 3). Не понимаю отсылки «Арад Дайн (Аннерхин)». Мой отец сперва написал Тар и вычеркнул, прежде чем написать Арад. Об именах Реки Редвей см. примеч. 15. В «Этимологиях» нолдоринское слово palath = «поверхность» (V.380). ↩ [broken link: #rn45_4]

[5] Примечания: 376

Ср. Карту Глухоманья в «Хоббите»: «Гоблинские Ворота и Гнездовье».

↩ [broken link: #rn45_5]

обратно в Мордор. В таком случае пройдёт ещё долгое время, прежде чем охота начнётся снова. И ей придётся вернуться сюда, чтобы поднять след, — если нам повезёт и мы будем осторожны и они не получат вестей о нас по пути. Нам лучше тронуться как можно скорее теперь — и как можно тише.

Элронд согласился и предостерёг их странствовать в сумерках и в темноте, как только можно, и таиться, когда смогут, при широком дневном свете. — Когда вести достигнут Саурона, — сказал он, — о посрамлении Девяти Всадников, он преисполнится великого гнева. Когда охота начнётся снова, она будет куда больше и куда ненасытнее.

— Так есть ещё и другие Чёрные Всадники? — спросил Фродо.

— Нет! Есть лишь Девять Кольцепризраков. Но когда они выйдут снова, боюсь, они приведут за собою сонм злых тварей и широко расставят своих соглядатаев по землям. Даже неба над собою остерегайтесь, идя своим путём.

Настал холодный серый день в середине ноября.[6] Восточный ветер струился сквозь голые ветви деревьев и шумел в елях на холмах. Спе-

---

[6] Примечания: 377

Согласно «Повести Лет» в LR (Приложение B), Отряд покинул Ривенделл 25 декабря. ↩ [broken link: #rn45_6]

шащие облака были низки и бессолнечны. Когда безрадостные тени раннего вечера начали падать, искатели приключений изготовились к уходу. Все их прощания были уже сказаны у огня в большом чертоге, и они ждали лишь Гэндальфа, что всё ещё был в доме, говоря несколько последних слов наедине с Элрондом. Их запасная еда, одежда и прочее необходимое были навьючены на двух надёжно ступающих пони. Сами путники должны были идти пешком, ибо их курс пролегал через земли, где было мало дорог, а тропы были грубы и трудны. Рано или поздно им придётся перейти Горы. К тому же они собирались странствовать большей частью в сумерках или в темноте.[7] Сэм стоял подле двух вьючных пони, посасывая зуб и угрюмо глядя на дом, — его жажда приключений была на низком отливе. Но

[7] Примечания: 378

Этот отрывок переписывался снова и снова, и невозможно истолковать последовательность точно: но ясно, что мой отец сперва представлял Отряд верхом, с «большим бурым конём» Боромира, белым конём Гэндальфа и семью пони, пятью для пяти хоббитов и двумя вьючными (см. примеч. 25). Промежуточная стадия видела Боромира одного пешком: «Были пони для всех хоббитов, чтобы ехать, где позволяла дорога, и у Гэндальфа, конечно, был его конь, но Боромир шагал пешком, как и пришёл. Люди его рода не ездили на конях». Напечатанный текст, несомненно, есть окончательная формулировка на этой стадии и, конечно, отличается от той, что в FR (с. 293), где единственным вьючным животным был пони Билла Ферни, которого Сэм звал Биллом. ↩ [broken link: #rn45_7]

в тот час ни у кого из хоббитов не было сердца к их путешествию — холод был в их сердцах, и холодный ветер в лицах. Отблеск света очага шёл из открытых дверей; огни горели во многих окнах, и мир снаружи казался пустым и холодным. Бильбо, закутавшись в плащ, стоял молча на пороге подле Фродо. Топотун сидел, склонив голову к коленям.[8]

Наконец Элронд вышел с Гэндальфом. — Прощайте же! — сказал он. — Да пребудет с вами благословение Эльфов, и Людей, и всего свободного народа. И да воссияют белые звёзды над вашим путём!

— Доброй… доброй удачи! — сказал Бильбо, слегка запинаясь (от холода, быть может). — Не думаю, что ты сможешь вести дневник, Фродо, мой мальчик, но я буду ждать полного отчёта, когда вернёшься. И не слишком задерживайся: я и так уже прожил дольше, чем ожидал. Прощай!

Многие другие из дома Элронда стояли в тенях и смотрели, как они уходят, прощаясь с ними тихими голосами. Не было ни смеха, ни песен, ни музыки. Молча наконец они отвернулись и,

---

[8] Примечания: 379

Ср. FR, с. 293: «Арагорн сидел, склонив голову к коленям; лишь Элронд вполне знал, что значил для него этот час». См. с. 430. ↩ [broken link: #rn45_8]

ведя своих пони, быстро растаяли в сгущающихся сумерках.

Они перешли мост и медленно поднялись по длинным крутым тропам из расколотой долины Ривенделла и вышли наконец на высокие пустоши, серые и бесформенные под туманными звёздами. Затем, бросив последний взгляд вниз на огни Последнего Домашнего Приюта, они зашагали дальше, далеко в ночь.

У Брода они покинули западную дорогу, что пересекала Реку, и, свернув влево, пошли узкими тропами среди складчатых земель. Они шли на Юг. Их намерением было держать этот курс многие мили и дни по западной стороне Мглистых Гор. Край был куда более дик и груб, чем в зелёной долине Великой Реки в Глухоманье по восточную сторону хребта, и их продвижение было бы куда медленнее, но они надеялись так избежать внимания врагов. Соглядатаи Саурона до сих пор редко бывали видимы в западных краях, и тропы были мало кому ведомы, кроме народа Ривенделла. Гэндальф шёл впереди, и с ним шёл Топотун, что знал этот край даже в темноте. Боромир замыкающим шёл позади.

Первая часть их пути была безрадостна и сурова, и Фродо мало что о ней помнил, кроме

холодного ветра. Он дул ледяной от восточных гор много бессолнечных дней, и никакая одежда, казалось, не могла удержать его ищущих пальцев. Их хорошо снабдили тёплой одеждой в Ривенделле, и у них были куртки и плащи на меху, а также много одеял, но они редко чувствовали тепло, что в движении, что на отдыхе. Они беспокойно спали среди дня, в какой-нибудь впадине земли или укрывшись под спутанными терновыми кустами, что росли большими зарослями в тех местах. Поздним вечером их будили, и они ели главную свою трапезу: обыкновенно холодную и безрадостную и с малым разговором, ибо редко рисковали разжечь огонь. Вечером они снова шли дальше, так близко к прямому югу, как только могли найти путь.

Сперва хоббитам казалось, что они ползут, как улитки, и не продвигаются никуда, ибо каждый день край выглядел во многом как и накануне. И всё же всё это время Горы, что к югу от Ривенделла загибались на запад, становились ближе. Всё чаще они не находили троп и должны были делать широкие повороты, чтобы избежать то крутых мест, то зарослей, то угрюмых вероломных топей. Земля была сбита в бесплодные холмы и глубокие долины, полные бурливых вод.

Но когда они пробыли в пути около десяти дней, погода стала лучше. Ветер вдруг повернул к югу. Быстро летящие облака поднялись и растаяли, и вышло солнце.

Настал рассвет в конце долгого, спотыкливого ночного перехода. Путники достигли низкого кряжа, увенчанного древними остролистами, чьи бледные рифлёные стволы, казалось, были образованы из самого камня холмов. Их ягоды сияли красным в свете восходящего солнца. Далеко на юге Фродо увидел смутные очертания гор, что, казалось, теперь лежали поперёк их пути. Слева от этого далёкого хребта высокий пик встал, как зуб: он был увенчан снегом, но его голое западное плечо рдело красным в растущем свете.

Гэндальф стоял подле Фродо и глядел вдаль из-под ладони. — Мы справились хорошо, — сказал он. — Мы достигли границ края, что зовётся Холлин: многие Эльфы жили здесь некогда, в более счастливые дни. Восемьдесят лиг мы прошли,[9] если прошли хоть милю, и мы шли быстрее зимы с Севера. Земля и погода будут теперь мягче — но,

---

[9] Примечания: 380

Это первое появление Холлина, но эльфийское имя Эрегион не появляется. В «Этимологиях» (V.356) эльфийское имя Холлина — Регорнион. — В FR (с. 296) Гэндальф говорит, что они прошли 45 лиг, но это было по прямой: «много долгих миль дальше прошли наши ноги». ↩ [broken link: #rn45_9]

быть может, тем опаснее.

— Опасно или нет, а настоящий восход дивно желанен, — сказал Фродо, откинув капюшон и дав утреннему свету играть на лице.

— Горы впереди! — сказал Фарамонд. — Кажется, мы повернули на восток.

— Нет, это горы повернули, — сказал Гэндальф.[10] — Разве ты не помнишь карту Элронда в Ривенделле?

— Нет, я не очень-то внимательно на неё глядел, — сказал Фарамонд. — У Фродо голова получше на такие вещи.

— Что ж, всякий, кто глядел на карту, — сказал Гэндальф, — увидел бы, что вон там стоит Тарагаэр, или Багряный Рог,[11] — та гора с красным боком. Мглистые Горы там разделяются, и между

---

[10] Примечания: 381

См. «Очерк географии», с. 440–441. ↩ [broken link: #rn45_10]

[11] Примечания: 382

При первом появлении имя «горы с красным рогом» заменялось снова и снова: сперва Блискарн, затем Карнбелег, или Багряный Рог, затем Тарагаэр (см. «Этимологии», V.391); также на полях страницы написаны Карадрас = Багряный Рог и Расхкарон. Все эти имена появляются на современной карте (с. 439). При следующем появлении Карнбелег был заменён на Тарагаэр, а затем имя, написанное сперва, было Карадрас, заменённое на Тарагаэр, и наконец Тарагаэр. Я даю Тарагаэр везде как, по-видимому, предпочитаемое имя на этой стадии. Изменения, сделанные красными чернилами на какой-то более поздней стадии, вернули Карадрас. ↩ [broken link: #rn45_11]

их рукавами лежит земля[12] Карон-дун, Красная Долина.[13] Наш путь там: через Красный Перевал Крис-карон,[14] под боком Тарагаэра, и в Карон-дун, и вниз по реке Редвей[15] — к Великой Реке, и… — Он умолк.

— Да, и куда потом? — спросил Мерри.

— К концу путешествия — в конце концов, — сказал Гэндальф. — Но сперва — вечнозелёный лес Фангорн, сквозь середину которого течёт Великая Река.[16] Но не будем заглядывать слишком далеко вперёд. Порадуемся, что первая стадия благополучно позади. Думаю, мы отдохнём здесь целый день. В Холлине воздух благотворен. Много зла должно постигнуть любой край, прежде чем он вовсе забудет Эльфов, если они однажды в нём обитали.

---

[12] Примечания: 383

О разделении Мглистых Гор на восточный и западный рукав см. «Очерк географии», с. 438. Мой отец сперва написал здесь «великий дол», а замещающее слово, вероятно, но не наверняка, «земля». ↩ [broken link: #rn45_12]

[13] Примечания: 384

Имя дола было сперва Карндум, Красная Долина; сверху были написаны Карондун и Дун-Карон, но они были вычеркнуты. В другом месте этой страницы — Народум = Красный Дол, и имя в тексте было исправлено красными чернилами на Димрилл-дол: Нандухириат (в FR Нандухирион). О прежнем применении Димрилл-дола см. примеч. 3. При последующих появлениях имя — Карндум, Карон-дум, Карон-дун, Дун Карон, а в последнем имя было заменено красными чернилами на Стеклянное Озеро в Димрилл-доле (примеч. 37). Среди этих форм, все означающие «Красная Долина», я довольно произвольно выбрал

Карон-дун стоять последовательной формой в тексте. ↩ [broken link: #rn45_13]

[14] Примечания: 385

Имя перевала было сперва написано Крискарн, с Крис-карон как отвергнутой альтернативой; при последующих появлениях встречаются оба, но с предпочтением Крис-карону (также Крис-каррон, Крис Карон), который я принимаю. Димрилл-лестница заменяет его дважды красными чернилами, в нынешнем отрывке так: «через перевал, что звался [читай: зовётся] Димрилл-лестницей (Пендретдулур) под боком Карадраса». Перевал впоследствии звался Багряными Вратами, а Димрилл-лестница была спуском с перевала на восточной стороне; ср. примеч. 21. С Пендретдулур ср. «Этимологии», V.380, pendrath «проход вверх или вниз по склону, лестница». ↩ [broken link: #rn45_14]

[15] Примечания: 386

Река Редвей, позднейшая Серебрянка, поминалась в наброске, датированном августом 1939-го (с. 381), а при её появлении в начале главы дано эльфийское имя Крандир (примеч. 4). Здесь, над Редвей, написаны имена Ратгарн (вычеркнуто); Раткарн; Неннинг (вычеркнуто), и Карадрас, или Редвей. На полях написано также Наросир = Редвей. В это время Неннинг ещё не появился в «Сильмариллионе» и «Анналах Белерианда» как имя реки в Белерианде к западу от Нарога, что всё ещё звалась Эглор. Красными чернилами было подставлено имя Келебрин (Келебрант в FR). Река зовётся Карадрас на современной карте (с. 439). ↩ [broken link: #rn45_15]

[16] Примечания: 387

В наброске, данном на с. 410, было сказано, что Белегир, Великая Река, разделялась на много рукавов в Лесу Фангорн. См. карту, с. 439. ↩ [broken link: #rn45_16]

В то утро они развели огонь в глубокой впадине, укрытой двумя большими остролистами, и ужин их был веселее, чем когда-либо с тех пор, как они покинули дом Элронда. Они не спешили потом ко сну, ибо у них была целая ночь, чтобы выспаться, и они не собирались идти дальше до вечера следующего дня. Лишь Топотун был угрюм и беспокоен. Спустя время он покинул отряд и бродил по кряжу, глядя на земли к югу и западу. Он вернулся и стоял, глядя на них.

— Что такое? — спросил Мерри. — Скучаешь по восточному ветру?

— Вовсе нет, — ответил Топотун. — Но мне чего-то недостаёт. Я знаю Холлин довольно хорошо и бывал тут во многие времена года. Народ тут теперь не живёт, но многое иное здесь живёт, или жило, — особенно птицы. Но теперь очень тихо. Я это чувствую. Нет ни звука на много миль кругом, и ваши голоса будто заставляют землю звенеть эхом. Не возьму в толк.

Гэндальф быстро поднял глаза. — Но в чём, по-твоему, причина? — спросил он. — Есть ли тут что-то большее, чем удивление при виде целого отряда хоббитов (не говоря о Боромире и обо мне) там, где народ так редко видят?

— Надеюсь, что так, — сказал Топотун. — Но у

меня чувство настороженности и страха, какого здесь прежде никогда не было.

— Что ж! Будем осторожнее, — сказал Гэндальф. — Если берёшь с собою Следопыта, лучше всего к нему прислушиваться — особенно если Следопыт — Топотун, как я уже убеждался. Есть вещи, каких даже опытный чародей не замечает. Перестанем-ка теперь разговаривать, отдохнём тихо и выставим дозор.

Был черёд Сэма нести первую стражу, но Топотун присоединился к нему. Остальные вскоре уснули, один за другим. Тишина росла, пока даже Сэм её не почувствовал. Дыхание спящих было ясно слышно. Взмах хвоста пони и случайные движения его ног стали громкими звуками. Сэму казалось, что он слышит, как скрипят самые его суставы, стоит ему шевельнуться. Над всем висело синее небо, по мере того как солнце ехало высоко и ясно. Последние облака растаяли. Но вдали на юго-востоке тёмное пятно росло и делилось, летя, как дым, на север и запад.

— Что это? — шёпотом сказал Сэм Топотуну. Топотун не ответил, ибо пристально вглядывался в небо, но вскоре Сэм и сам мог увидеть, что это было. Облака были стаями птиц, идущими с великой скоростью, — кружащих, и вьющихся, и

пересекающих всю землю, как будто они что-то искали.

— Ложись плашмя и не шевелись, — прошипел Топотун, увлекая Сэма вниз, в тень остролиста, — ибо целый полк птиц отделился от западной стаи и вернулся, летя низко прямо над кряжем, где лежали путники. Сэм подумал, что это какие-то во́роны крупного рода. Когда они пролетали над головой, послышалось одно резкое карканье.

Лишь когда они растаяли вдали, Топотун шевельнулся. Затем он пошёл и разбудил Гэндальфа.

— Полки чёрных воронов летают туда-сюда над Холлином, — сказал он. — Они тут не местные. Не знаю, чего они ищут, — возможно, где-то на юге творится беда, но думаю, они высматривают землю. Думаю также, что видел ястребов, летящих выше в небе. Это объяснило бы тишину.[17] Нам надо снова двигаться нынче вечером. Боюсь, Холлин больше не благотворен для нас: за ним следят.

— А в таком случае и за Красным Перевалом, и как мы переберёмся через него незамеченными,

---

[17] Примечания: 388

Хотя в FR (с. 298) Арагорн говорит, что видел ястребов, летящих высоко, он не говорит, как Топотун здесь, «Это объяснило бы тишину». ↩ [broken link: #rn45_17]

не знаю, — сказал Гэндальф. — Но об этом мы подумаем, когда подойдём ближе. Что до того, чтобы тронуться отсюда нынче ночью: боюсь, ты прав.

— Хорошо, что мы дали нашему огню давать мало дыма, — сказал Топотун. — Он опять погас (думаю) до того, как птицы пролетели. Его нельзя зажигать снова.

— Ну, если это не досадно! — сказал Фарамонд. Весть была сообщена ему, как только он проснулся (поздним полднем): ни огня, и снова переход ночью. — Я-то предвкушал по-настоящему добрую трапезу нынче вечером, что-нибудь горячее. И всё из-за стаи воронов!

— Что ж, можешь и дальше предвкушать, — сказал Гэндальф. — Впереди тебя может ждать много нежданных пиров! Лично я хотел бы трубку табаку в покое и ноги потеплее. Однако в одном мы, во всяком случае, уверены: чем дальше на юг, тем теплее будет.

— Слишком тепло, чего доброго! — сказал Сэм Фродо. — Не то чтобы я не рад был увидеть ту Огненную Гору и увидеть конец дороги впереди, так сказать. Я думал, что тот Багряный Рог, или как его там, и есть она, пока господин Гэндальф не сказал, что нет. — Карты ничего не говорили

Сэму, и все расстояния в этих странных землях казались столь огромными, что он совсем сбился со счёта.

Путники оставались укрытыми весь тот день. Птицы пролетали над ними время от времени, но по мере того как клонящееся к западу солнце краснело, они исчезли на юг.[18] Вскоре после того отряд снова тронулся в путь, и повернул теперь немного к востоку, держа на пик Тарагаэра, что всё ещё тускло рдел красным вдали. Фродо вспомнил предостережение Элронда остерегаться даже неба над собою, но небо было теперь ясно и пусто над головой, и одна за другой выступали белые звёзды, по мере того как гасли последние отблески заката.

Ведомые Топотуном и Гэндальфом, как обычно, они вышли на добрую тропу. Она казалась Фродо, насколько он мог угадать в сгущающейся тьме, остатками древней дороги, что некогда бежала широкой и хорошо устроенной от ныне покинутого Холлина к перевалу под Тарагаэром. Молодой месяц взошёл над горами и бросил бледный свет, что был полезен, — но не был приветствуем Топотуном или Гэндальфом. Он

---

[18] Примечания: 389

на юг: изменено карандашом из на север. ↩ [broken link: #rn45_18]

постоял лишь немного и оставил их звёздам.[19] К полуночи они снова шли уже час или больше от первого привала. Фродо всё поглядывал на небо, отчасти из-за его красоты, отчасти из-за слов Элронда. Вдруг он увидел или почувствовал, как тень прошла по звёздам — словно они померкли и вспыхнули снова. Он содрогнулся.

— Ты что-нибудь видел? — сказал он Гэндальфу, что шёл как раз впереди.

— Нет, но я почувствовал это, что бы оно ни было, — сказал чародей. — Это может быть ничто, просто клочок тонкого облака. — Голос его не звучал так, будто он сам высоко ценил своё объяснение.[20]

Больше ничего в ту ночь не случилось. Следующее утро было ещё яснее прежнего, но ветер поворачивал обратно к востоку, и воздух был сту-

---

[19] Примечания: 390

Это было 28 ноября (поскольку они шли три ночи после этого и пытали Крис-карон 2 декабря, с. 422, 424). В заметках о фазах Луны (найденных на обороте страницы в предыдущем разделе этой рукописи) мой отец дал следующие даты, показывающие, что в ночь 28-го Луна была в первой четверти:

Последняя четверть / Новолуние / Первая четверть / Полнолуние: 18 сент. / 25 сент. / 2 окт. / 10 окт.; 17 окт. / 24 окт. / 31 окт. / 8 нояб.; 15 нояб. / 22 нояб. / 29 нояб. / 7 дек. ↩ [broken link: #rn45_19]

[20] Примечания: 391

Этот случай был удержан в FR, но он не объяснён. Крылатые Назгулы ещё не пересекли Реку («Две Твердыни», с. 101, 201). ↩ [broken link: #rn45_20]

дён. Ещё три ночи они шли, взбираясь неуклонно и всё медленнее, по мере того как их дорога вилась в холмы, а горы становились всё ближе и ближе. На третье утро Тарагаэр вознёсся перед ними, могучий пик, увенчанный снегом, как серебром, но с отвесными голыми боками, тускло-красными, словно запятнанными кровью.

В воздухе была чернота, и солнце было блёкло. Ветер теперь ушёл к Северу. Гэндальф потянул носом и оглянулся. — Зима позади, — сказал он тихо Топотуну. — Пики позади белее, чем были.

— А нынче ночью, — сказал Топотун, — мы будем высоко на пути к красному перевалу Крис-карон. Что ты думаешь теперь о нашем курсе? Если нас не заметят в том узком месте — и не подстерегут каким-нибудь злом, как там было бы легко, — погода может оказаться столь же дурным врагом.[21]

— Я не думаю ничего хорошего ни о какой части

---

[21] Примечания: 392

Как написано чернилами, и прежде чем карандашные изменения дали приведённый отрывок, Гэндальф говорил: «Зима позади. Идёт снег. На деле он уже пришёл. Пики позади белее, чем были». Ответ Топотуна тот же, но он кончает: «нас может застичь буран, прежде чем мы перейдём перевал». На полях мой отец написал: «? Вычеркнуть пророчество о снеге — пусть придёт внезапно». Он вычеркнул это, но отрывок, как исправлен, делает угрозу снега менее верной. Слова «на пути к красному перевалу Крис-карон» были исправлены красными чернилами на «на пути вверх по Димрилл-лестнице»; см. примеч. 14. ↩ [broken link: #rn45_21]

нашего курса, как ты хорошо знаешь, мастер Перегрин, — огрызнулся Гэндальф. — И всё же нам приходится идти дальше. Нет никакого проку пытаться перейти дальше к югу, в землю Рохан. Короли-Всадники давно на службе у Саурона.[22]

— Нет, я это знаю. Но есть путь — не через Крискарон, как тебе хорошо ведомо.

— Конечно, ведомо. Но я не стану рисковать этим, пока вполне не уверюсь, что иного пути нет. Я обдумаю всё, пока остальные отдыхают и спят.[23]

Поздним полднем, прежде чем были сделаны приготовления к движению, Гэндальф обратился к путникам. — Мы подошли теперь к нашей первой серьёзной трудности и сомнению, — сказал он. — Перевал, которым нам следует идти, вон

---

[22] Примечания: 393

Мой отец сперва написал здесь (исправив на приведённый текст во время написания): «Но нам приходится идти дальше, и нам приходится перейти горы здесь или вернуться. Перевалы дальше к югу слишком далеко и все были под стражей годы назад — они ведут прямо в страну [Безбородых Людей Мани Ароман >] Всадников». В переписанном отрывке отсылка к перевалам дальше к югу убрана, но появляется немного позже: «дальше к югу перевалы заняты» (ср. FR, с. 300: «Дальше к югу перевалов нет, пока не дойдёшь до Прохода Рохан»). Прежде чем было достигнуто имя Рохан, было написано несколько других: Танадор, Ултанадор, Бортендор, Оротан[адор]. После Рохан написано: [= Рочан(дор) = Конеземье]. Это, бесспорно, та точка, в которой возникло имя Рохан. Ср. «Этимологии», V.384: квенийское rokko, нолдоринское roch, конь. Каракуля на полях, кажется, меняет «Короли-Всадники давно на службе у Саурона» на «Рохан, где Короли-Кони или Владыки Коней». Ср. FR, с. 300: «Кто знает, на чьей стороне теперь служат

маршалы Владык Коней?» ↩ [broken link: #rn45_22]

[23] Примечания: 394

В первоначальной истории Топотун стоял за проход Мории, а Гэндальф за перевал; в FR (с. 300) именно Арагорн стоял за перевал. ↩ [broken link: #rn45_23]

там, впереди, — он махнул рукой к Тарагаэру: бока его были теперь темны и угрюмы, ибо солнце ушло, а вершина была в сером облаке. — Нам понадобится по меньшей мере два перехода, чтобы подойти к вершине перевала. По некоторым знакам, что мы видели недавно, боюсь, он может быть под наблюдением или под стражей, и в любом случае у Топотуна и у меня есть сомнения насчёт погоды, при этом ветре. Но, боюсь, нам надо идти дальше. Мы не можем вернуться в зиму, а дальше к югу перевалы заняты. Нынче ночью мы должны идти так быстро, как сможем.

Сердца путников упали от его слов. Но они поспешили со своими приготовлениями и тронулись так бодро, как только могли. Идти было тяжело.[24] Вьющаяся и петляющая дорога давно

---

[24] Примечания: 395

Этот отрывок, от «у Топотуна и у меня есть сомнения насчёт погоды», — карандашная переписка куда более длинного отрывка, в котором Гэндальф вводил в этом месте предмет Мории. Гэндальф говорит: «Топотун думает, что нас, чего доброго, застигнет тяжёлый буран, прежде чем мы переберёмся [см. примеч. 21]. Думаю, нам всё равно придётся это пытать. Но есть другой путь, или был. Не знаю, слыхали ли вы о Копях Мории, или о Чёрном [Провале >] Бездне?» Затем Гэндальф описывает Морию, и после этого первоначальный текст продолжается: «Сердца путников упали от его слов. Все они тотчас проголосовали бы за холод и опасности высокого перевала, а не за чёрные бездны Мории. Но Гэндальф не просил голосовать. После молчания он сказал: „Незачем просить вас решать. Я знаю, какой путь вы выбрали бы, и я выбираю тот же. Мы будем пытать перевал“». Введение Мории было отложено до того, как Отряд был отброшен с перевала бураном, и слова Гэндальфа о ней появляются там в близко схожей форме (см. с. 429 и

примеч. 38). Второе появление отрывка — чернилами и неотъемлемая часть главы. ↩ [broken link: #rn45_24]

была заброшена и местами завалена упавшими камнями, через которые им стоило великого труда найти хоть какой-то путь, чтобы провести вьючных пони.[25] Ночь сделалась смертельно темна под огромными облаками; жгучий ветер кружил среди скал. К полуночи они уже взобрались к самым коленям великих гор и шли прямо вверх под горным склоном, с глубоким оврагом, угаданным, но невидимым, справа. Вдруг Фродо почувствовал мягкие холодные касания на лице. Он вытянул руку и увидел, как белые снежинки оседают на его рукаве. Вскоре они уже падали быстро, кружась со всех сторон в глаза и наполняя весь воздух. Тёмные очертания Гэндальфа и Топотуна, в нескольких шагах впереди, едва можно было разглядеть.

— Не нравится мне это, — пыхтел Сэм позади. — Снег хорош погожим утром, из окошка, но я люблю быть в постели, пока он падает. — На деле снег падал очень редко в большинстве частей Шира, кроме пустошей Северной Чети. Изредка, в январе или феврале, бывала тонкая белая

---

[25] Примечания: 396

«вьючные пони» — карандашное исправление из «кони и пони»; см. примеч. 7. Но когда путники останавливаются под нависающим утёсом, отсылка к «двум пони» (с. 424) — в тексте, как написан сперва. ↩ [broken link: #rn45_25]

пороша, но скоро исчезала, и лишь изредка, в холодные зимы, бывал настоящий снегопад — довольно, чтобы лепить снежки.

Гэндальф остановился. Фродо подумал, подойдя к нему, что тот уже выглядит почти как снеговик. Снег белел на его капюшоне и склонённых плечах, и его уже становилось толсто под ногами на земле.

— Скверное дело! — сказал чародей. — Я никак на это не рассчитывал и не включил снег в свои планы. Он редко выпадает так далеко на юге, кроме как на высоких пиках, а здесь мы и до половины не поднялись даже к высокому перевалу. Гадаю, не приложил ли Враг к этому руку. У него странные силы и много союзников.

— Нам лучше собрать весь отряд вместе, — сказал Топотун. — Не хотелось бы потерять кого-нибудь в такую ночь.

Какое-то время они пробивались дальше. Снег стал слепящей метелью, и скоро был местами почти по колено. — Скоро будет мне выше головы, — сказал Мерри. Фарамонд тащился позади, и ему нужна была вся помощь, какую могли дать Мерри и Сэм. Фродо чувствовал собственные ноги как свинец при каждом шаге.

Вдруг они услышали странные звуки: то могли

быть лишь шутки крепнущего ветра в трещинах и желобах скал, но это звучало как хриплые крики и завывания резкого хохота. Затем камни начали падать, кружась, как листья на ветру, и обрушиваясь на тропу и на скалы по обе руки. То и дело они слышали в темноте глухой рокот, когда огромный валун громово катился вниз со скрытых высот в темноте наверху.

Отряд остановился. — Дальше нынче ночью нам не пройти, — сказал Топотун. — Можешь звать это ветром, если хочешь, но я зову это голосами, и те камни нацелены в нас, или по крайней мере в тропу.

— Я-то зову это ветром, — сказал Гэндальф, — но это не делает остальное неправдой. Не у всех слуг Врага есть тела или руки и ноги.[26]

— Что нам делать? — спросил Фродо. Сердце его вдруг сжалось, и он почувствовал себя одиноким и потерянным в тёмном гонимом снеге, осмеянным демонами гор.

— Остановиться здесь или вернуться, — отве-

---

[26] Примечания: 397

Это предложение было помечено вопросом и заключено в квадратные скобки во время написания. Позднее мой отец написал здесь: «Не все злые твари — Сауроновы», и «Ястребы» (отсылая, по-видимому, к ястребам, что Топотун видел высоко над Холлином и сказал, что они «объяснили бы тишину», с. 420), и на полях: «Гимли говорит, что у Карадраса было дурное имя ещё в дни, когда Саурон был малозначителен» (см. FR, с. 303). ↩ [broken link: #rn45_26]

тил Гэндальф. — Сейчас нас защищают высокая стена слева и глубокий желоб справа. Выше есть широкая мелкая долина, и дорога бежит по дну меж двух длинных склонов. Там мы вряд ли теперь прошли бы без урона, не говоря уже о снеге.[27]

После некоторого спора они отступили к месту, что миновали как раз перед тем, как пошёл снег. Там тропа проходила под низким нависающим утёсом. Он смотрел на юг, и они надеялись, что он даст им какую-то защиту от ветра. Но кружащие порывы налетали с обеих сторон, и снег валил гуще прежнего. Они жались друг к другу, спиной к стене. Двое пони стояли понуро, но терпеливо перед ними и служили чем-то вроде заслона, но вскоре снег был им по брюхо и всё прибывал. Хоббиты, скорчившиеся позади, были почти погребены. Великая сонливость нашла на Фродо, и он почувствовал, что быстро погружается в тёплый и зыбкий сон. Ему казалось, что огонь греет ему пальцы ног, и из теней он слышал голос Бильбо. — Не очень-то я ценю твой дневник, — слышал

---

[27] Примечания: 398

Как написано сперва (но тотчас отвергнуто), содержание этих речей (от «„Это безнадёжно“, — сказал Гэндальф. „Можешь звать это ветром, если хочешь…“») было более сжато и отдано целиком Гэндальфу. ↩ [broken link: #rn45_27]

он его слова. — «Снег(опад) 2 декабря:[28] незачем было возвращаться, чтобы об этом доложить».

Вдруг он почувствовал, что его яростно трясут, и мучительно вернулся к бодрствованию. Боромир поднял его прямо с земли. — Этот снег будет смертью хоббитам, Гэндальф, — сказал он. — Надо что-то делать.

— Дай им вот это, — сказал Гэндальф, роясь в своём мешке, что лежал подле него, и вытаскивая кожаную фляжку. — По чуть-чуть каждому — всем нам. Это очень драгоценно: один из настоев Элронда, и я не чаял, что придётся пустить его в ход так скоро.

Как только Фродо проглотил немного могучего настоя, он почувствовал новую силу в сердце, и тяжёлая сонливость покинула его члены. Остальные ожили так же быстро.

Боромир теперь попытался расчистить снег и сделать свободное пространство под скальной стеной. Найдя, что руки и ноги — медленные орудия, а меч немногим лучше, он взял вязанку из топлива, что они несли на одном из пони на

---

[28] Примечания: 399

В том же отрывке в FR (с. 303) дата — 12 января; Отряд покинул Ривенделл 25 декабря и потому был в глуши девятнадцать ночей. Но в первоначальной истории путешествие было короче: «когда они пробыли в пути около десяти дней, погода стала лучше» (с. 418), тогда как в FR (с. 295) — «две недели». ↩ [broken link: #rn45_28]

случай, если им понадобится огонь в местах, где нет дров. Он туго связал её и воткнул в середину шест, так что она стала похожа на большую колотушку, но он использовал её как таран, чтобы отталкивать мягкий снег, пока тот не утрамбовался твёрдо в стену перед ними и его нельзя было толкать дальше. На мгновение дела стали лучше, и в маленьком расчищенном пространстве путники стояли и переступали с ноги на ногу, топая, чтобы держать члены бодрыми. Но снег продолжал падать неумолимо, и стало ясно, что они, чего доброго, будут все снова погребены в снегу, прежде чем кончится ночь.[29]

— Как насчёт огня? — сказал вдруг Топотун. — Что до того, чтобы выдать себя: лично я думаю, что наше местонахождение уже довольно хорошо известно или угадано — кое-кем.

В отчаянии они решили развести огонь, если смогут, даже если это будет значить пожертвовать всем топливом, что было с ними. Это потребовало даже от силы Гэндальфа, чтобы разжечь мокрое дерево в том ветреном месте.

---

[29] Примечания: 400

Это предложение заменило (вероятно, тотчас): «Но снег продолжал падать неумолимо, и наконец Гэндальфу пришлось признать, что быть погребёнными в снегу было сейчас главной опасностью». Со словами «пришлось признать» ср. примеч. 23 и 30. ↩ [broken link: #rn45_29]

Обычные способы были бесполезны, хотя у каждого из путников были трут и кремень. Они принесли немного еловых шишек и маленькие связки сухой травы на растопку, но никакой огонь не занимался в них, пока Гэндальф не сунул в середину их свой жезл и не вызвал большую искру сине-зелёного пламени, что выпрыгнула наружу.

— Что ж, если какой враг наблюдает, — сказал он, — это меня выдаст. Будем надеяться, иные глаза так же ослеплены бурей, как и наши. Но, во всяком случае, огонь — добрая вещь для глаз. — Дерево теперь горело весело и держало ясный круг вокруг себя, в котором путники собрались, несколько ободрённые, но, оглядевшись, Гэндальф увидел тревожные глаза, явленные пляшущим пламенем. Дерево горело быстро, а снег ещё не убывал.

— Скоро покажется дневной свет, — сказал Гэндальф так бодро, как мог, но прибавил: — если хоть какой-то дневной свет сможет пробиться сквозь снежные тучи.

Огонь горел низко, и последняя вязанка была брошена на него. Топотун встал и вгляделся в черноту наверху. — Сдаётся, его становится меньше, — сказал он. Долго остальные глядели на хлопья,

сходящие вниз из темноты, чтобы на миг явиться белыми в свете огня, но они видели мало разницы. Спустя время, однако, стало ясно, что Топотун прав. Хлопья делались всё реже и реже. Ветер ослаб. Дневной свет начал расти, бледно-серый и рассеянный. Затем снег прекратился вовсе.

По мере того как свет крепчал, он являл бесформенный мир вокруг них. Высокие места были скрыты в облаках (что грозили ещё снегом), но ниже они могли видеть смутные белые холмы, и купола, и долины, в которых тропа, по которой они пришли, казалась вовсе потерянной.

— Чем скорее мы тронемся и спустимся снова, тем лучше, — сказал Топотун.[30] — Здесь, наверху, ещё будет снег! — Но как ни желали они все спуститься снова, легче было об этом говорить, чем управиться. Снег кругом был уже в несколько футов глубиной: хоббитам по шею или местами выше головы, и он был ещё мягок. Будь у них северные сани или снегоступы, и те были бы малополезны. Гэндальф едва мог продвигаться вперёд с трудом, скорее вплавь (и вкапываясь),

---

[30] Примечания: 401

«Топотун» было изменено карандашом на «Гэндальф». В контексте истории на этой стадии Топотун был бы вероятнее тем, кто это скажет (см. примеч. 23 и 29), но в черновом предварительном наброске, данном в примеч. 1, это говорит Гэндальф. ↩ [broken link: #rn45_30]

чем шагая. Боромир был самым высоким в отряде: шести футов ростом и широкоплечим к тому же. Он прошёл немного вперёд испытать тропу. Снег был всюду даже выше его колен, а во многих местах он проваливался по пояс. Положение выглядело довольно отчаянным.

— Я пойду вниз, если смогу, — сказал он.[31] — Насколько я могу разобрать наш вчерашний курс, тропа, кажется, заворачивает прямо за плечо скалы вон там, внизу. И, если я верно помню, в фурлонге-двух ниже поворота мы должны выйти на ровное место на вершине длинного крутого склона — очень тяжело было идти по нему вверх. Оттуда, может, я сумею окинуть взглядом и составить какое-то представление о том, как лежит снег ниже. — Он медленно пробивался вперёд и спустя время исчез за поворотом.

Прошёл почти час, прежде чем он вернулся, усталый, но с обнадёживающими вестями. — Сразу за поворотом глубокий ветровой нанос, и я чуть в нём не утонул, но за ним снег быстро убывает. На вершине склона он не глубже щико-

---

[31] Примечания: 402

Мой отец вписал здесь карандашом: «Боромир знает снег по Чёрным Горам. Он родился горцем», но он это вычеркнул. В наброске, данном на с. 410, сказано, что Лес Фангорн простирался до Чёрных Гор (изменено из Синих Гор, что поминаются на современной карте). ↩ [broken link: #rn45_31]

лотки, а оттуда вниз земля лишь припорошена — или так кажется.

— Может, и припорошена ниже, — буркнул Гэндальф, — но не припорошена здесь, наверху. Даже снег, кажется, был нацелен нарочно в нас.

— Как нам добраться до поворота? — спросил Топотун.

— Не знаю! — сказал Боромир. — Жаль, что Гэндальф не может произвести пламени довольно, чтобы растопить нам тропу.

— Смею сказать, жаль, — огрызнулся Гэндальф, — но даже мне нужны кое-какие материалы, чтобы работать. Я могу зажечь огонь, а не питать его. Что вам нужно — это дракон, а не чародей.

— И впрямь, думаю, ручной дракон был бы сейчас на деле полезнее дикого чародея, — сказал Боромир — со смехом, что никак не умилостивил Гэндальфа.

— Сейчас, сейчас, — ответил тот. — Позже мы ещё увидим. Я достаточно стар, чтобы быть предком твоего прадеда, — но я ещё не одряхлел. Поделом тебе будет, если встретишь дикого

дракона.[32]

— Ну-ну! Когда головы в растерянности, должны служить тела, говорят у меня на родине, — сказал Боромир. — Нам остаётся лишь попытаться пробиться силой. Посадите малый народ на пони, по двое на каждого. Я понесу самого маленького; ты иди позади, Гэндальф, а я пойду впереди.

Он тут же принялся разгружать пони от их ноши. — Я вернусь за этим, когда мы пробьём проход, — сказал он. Фродо и Сэма посадили на одного пони, Мерри и Топотуна — на другого. Затем, подхватив Фарамонда, Боромир зашагал вперёд.

Медленно они пропахивали себе путь вперёд. На то, чтобы добраться до поворота, ушло неко-

---

[32] Примечания: 403

Карандашные изменения переменили говорящих в этом отрывке, но я полагаю, что они позднейшие. Вопрос «Как нам добраться до поворота?» взят у Топотуна и отдан Мерри (вероятно, потому что мой отец решил, что Топотун — Человек), который продолжает: «Жаль, что Гэндальф не может произвести пламени довольно, чтобы растопить нам тропу», и именно Мерри, а не Боромир, делает замечание о ручном драконе и диком чародее. Но поскольку впоследствии именно Боромиру Гэндальф извиняется за свою раздражительность, эти изменения были случайны и не вполне встроены в повествование. То ли в это время, то ли позже замечание о том, чтобы Гэндальф растопил им тропу, было передано Леголасу (ср. FR, с. 305), и это, очевидно, структурно неуместное добавление, как и то о Гимли в примеч. 26. ↩ [broken link: #rn45_32]

торое время, но они сделали это без беды. После короткого привала они с трудом дошли до края наноса. Вдруг Боромир споткнулся о какой-то скрытый камень и упал ничком. Фарамонд был сброшен с его плеча в глубокий снег и исчез. Пони позади взвился на дыбы, а затем тоже упал, вывалив и Фродо, и Сэма в нанос. Топотун, однако, сумел удержать второго пони.

Несколько мгновений всё было смятением. Но Боромир поднялся, стряхивая снег с лица и глаз, и пошёл к голове барахтающегося и брыкающегося пони. Когда он снова поставил его на ноги, он пошёл выручать хоббитов, что сгинули в глубоких ямах в податливом снегу. Подхватив сперва Фарамонда, а затем Фродо, он пропахал себе путь сквозь остаток наноса и поставил их на ноги по ту сторону. Затем он вернулся за пони и Сэмом. — Идите теперь по моему следу! — крикнул он трём оставшимся. — Худшее позади!

Наконец они все вышли к вершине длинного склона. Гэндальф поклонился Боромиру. — Если я был желчен, — сказал он, — прости меня. Даже мудрейший чародей не любит видеть, как его планы идут вкривь. Слава богу за простую силу и здравый смысл. Мы благодарны тебе, Боромир

из Онда.[33]

Они глядели с высокого места, где стояли, на земли. Дневной свет был теперь так полон, как только мог быть, разве что тяжёлые облака разорвутся. Далеко внизу, и над сбитым краем, что падал прочь от подножия склона, Фродо, казалось, видел лощину, из которой они начали восхождение прошлой ночью. Ноги его ныли, а голова кружилась, когда он думал о долгом мучительном переходе вниз. Вдали, ниже него, но всё ещё высоко над нижними холмами, он увидел много чёрных точек, движущихся в воздухе. — Опять птицы, — сказал он тихим голосом, указывая.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал Гэндальф. — Хороши они, или дурны, или вовсе к

---

[33] Примечания: 404

Спуск Отряда сквозь глубокий снег был сперва рассказан совсем иначе, хотя приведённая версия заменила другую прежде, чем та была закончена. Как написано сперва, Гэндальф смягчился к Боромиру тотчас (после «Поделом тебе будет, если встретишь дикого дракона») и, поскольку тот казался уже усталым, дал ему ещё глоток настоя Элронда. Боромир должен был нести каждого хоббита вниз по отдельности (ср. предварительный набросок, данный в примеч. 1) и начал с Фродо; у наноса он споткнулся о скрытый камень, и Фродо был сброшен в глубокий снег и исчез, но Боромир «скоро его извлёк». Сэма принесли вниз следующим («он крайне не одобрял, что его хозяина (с Кольцом) оставляют одного и вне досягаемости при всякой внезапной опасности»). Боромир был затем слишком утомлён, чтобы повторить подъём и спуск ещё трижды, и эта версия кончается торопливыми заметками, говорящими, что Топотуна, Фарамонда и Мерри посадили на пони, тогда как Гэндальф позади и Боромир впереди, неся поклажу,

«пропахивали себе путь вниз, таща и толкая пони вперёд». Затем мой отец написал: «Или изменить всё выше», и предложил, чтобы весь Отряд шёл вниз вместе. Во второй версии, данной в тексте, он не упомянул, что Боромир возвращался ещё раз принести поклажу. История в FR, конечно, совершенно иная, ибо Топотун стал Арагорном. ↩ [broken link: #rn45_33]

нам не относятся, мы должны тотчас идти вниз. — Ветер снова дул упруго над перевалом, скрытым в облаках позади, и уже какие-то снежинки сносило вниз.

Был поздний полдень, и серый свет уже снова быстро убывал, когда они вернулись к своему лагерю прошлой ночи. Они были утомлены и очень голодны. Горы были завешены сгущающимися сумерками, полными снега: даже там, в предгорьях, снег падал тихо. Птицы исчезли.

У них не было топлива для огня, и они согрелись как могли всеми своими запасными мехами и одеялами. Гэндальф уделил им ещё по одному глотку настоя. Когда они поели, Гэндальф созвал совет.

— Мы, конечно, не можем снова идти нынче ночью, — сказал он. — Нам всем нужен добрый отдых, и думаю, нам лучше остаться здесь до завтрашнего вечера.

— А когда мы тронемся, куда нам идти? — спросил Фродо. — Нет проку снова пытать перевал, но ты сам сказал прошлой ночью на этом самом месте, что мы не можем теперь перейти перевалы дальше к северу из-за зимы, ни дальше к югу из-за врагов.

— Незачем мне напоминать, — сказал Гэн-

дальф. — Выбор теперь между тем, чтобы идти дальше нашим путём — той или иной дорогой, — или вернуться в Ривенделл.

Лица хоббитов достаточно ясно выдали удовольствие, что они почувствовали при одном упоминании о возвращении в Ривенделл. Лицо Сэма заметно просветлело, и он взглянул на хозяина. Но Фродо выглядел встревоженным.

— Хотел бы я вернуться в Ривенделл, — признал он. — Но не значило бы это отказаться от всего, что было сказано и решено там? — спросил он.

— Да, — ответил Гэндальф. — Наше путешествие и так уже задержалось, быть может, слишком долго. После зимы оно было бы вовсе тщетным. Если мы вернёмся, это будет означать осаду Ривенделла и, чего доброго, его падение и разрушение.

— Тогда мы должны идти дальше, — сказал Фродо со вздохом, и Сэм снова погрузился в уныние. — Мы должны идти дальше — если есть какая дорога.

— Есть, или может быть, — сказал Гэндальф. — Но я не поминал её вам прежде и едва ли даже думал о ней, пока была надежда на перевал Крис-карон. Ибо это неприятная дорога.

— Если она хуже перевала Крис-карон, она,

должно быть, и впрямь прескверная, — сказал Мерри. — Но теперь тебе лучше рассказать нам о ней.

— Слыхали ли вы когда-нибудь о Копях Мории, или о Чёрной Бездне?[34] — спросил Гэндальф.

— Да, — ответил Фродо. — Кажется, да. Помнится, Бильбо говорил о них давным-давно, когда рассказывал мне сказания о гномах и гоблинах. Но я понятия не имею, где они.

— Они недалеко, — сказал чародей. — Они в этих горах. Они были созданы Гномами клана Дурина много сотен лет назад, когда эльфы обитали в Холлине и был мир между двумя родами. В те древние дни Дурин обитал в Карон-дуне, и было сообщение по Великой Реке. Но Гоблины — свирепые орки[35] в великом числе — изгнали

---

[34] Примечания: 405

Мория переведено как «Чёрная Бездна» в первом, отвергнутом появлении этого отрывка (примеч. 24). Отдельная заметка раньше в рукописи гласит «Мория = Чёрная Бездна», с этимологией yagō, ia; здесь «Бездна» — исправление какого-то другого слова, что я не могу истолковать. Ср. «Этимологии», V.400, корень YAG «зиять, разверзаться», где Мория переведено «Чёрная Бездна». ↩ [broken link: #rn45_34]

[35] Примечания: 406

Это не первое употребление слова Орки в бумагах LR: Гэндальф поминает «орков и гоблинов» среди слуг Тёмного Владыки, с. 211, 364; ср. также с. 187, 320. Но редкость этого употребления на этой стадии примечательна. Слово Орк восходит к «Утраченным сказаниям» и было повсеместно во всех последующих писаниях моего отца. В «Утраченных сказаниях» оба термина употреблялись как равнозначные, хотя порой, по-видимому, различались (см. II.364, статья «Гоблины»).

Ключ можно найти в отрывке, что встречается и в ранней, и в поздней «Квенте» (IV.82, V.233): «Гоблинами они могут зваться, но в древние дни были сильны и свирепы». На этой стадии, кажется, «Орки» должны мыслиться более грозным родом «Гоблинов»; так, в предварительном наброске «Копей Мории» (с. 443) Гэндальф говорит «там гоблины — весьма злого рода, крупнее обычных, настоящие орки». — Между прочим, примечательно, что в первом издании «Хоббита» слово Орки употреблено лишь однажды (в конце главы VII «Небывалое жилище»), тогда как в опубликованном LR гоблины почти не употребляются. ↩ [broken link: #rn45_35]

их после многих войн, и большинство гномов, что спаслись, ушли далеко на Север. Они часто пытались вернуть себе эти копи, но никогда, насколько я знаю, не преуспели. Король Трор был убит там после того, как бежал из Дейла, когда пришёл дракон, как вы, может, помните из сказаний Бильбо. Как сказал нам Глоин, гномы Дейла думают, что Балин пришёл сюда, но вестей от него не приходило.[36]

— Как копи Чёрной Бездны могут нам помочь? — спросил Боромир. — Звучит как имя дурного предзнаменования.

— Так и есть, или стало так, — ответил Гэндальф. — Но приходится ступать той тропой, какую выбирает нужда. Если в копях орки, для нас это обернётся худо. Но большинство гоблинов Мглистых Гор было уничтожено в Битве Пяти Воинств у Одинокой Горы. Есть надежда, что копи всё ещё пусты. Есть даже надежда, что там гномы и что Балин живёт втайне в каком-нибудь глубоком чертоге. Если хоть одна из этих надежд окажется верной, тогда мы можем пройти. Ибо

---

[36] Примечания: 407

Странно, это вовсе не согласуется с тем, что Глоин сказал в Ривенделле (с. 391): «Многие годы дела шли хорошо, и колония процветала; снова было сообщение между Морией и Горой, и много даров серебра было послано Даину». ↩ [broken link: #rn45_36]

копи идут насквозь и под этим западным рукавом гор. Туннели Мории были встарь самыми знаменитыми в северном мире. Были двое тайных врат на западной стороне, хотя главный вход был на Востоке, смотрел на Карон-дун.[37] Я прошёл насквозь, много лет назад, когда искал Трора и Траина. Но с тех пор я там не бывал — никогда не желал повторить этот опыт.[38]

— А я не желаю и единожды, — сказал Мерри. — И я, — пробормотал Сэм.

— Конечно, нет, — сказал Гэндальф. — Кто бы желал? Но вопрос в том: последуете ли вы за мной, если я пойду на риск?

Какое-то время ответа не было. — Как далеко западные врата? — спросил наконец Фродо.

— Около десяти[39] миль к югу от Крис-карона,

---

[37] Примечания: 408

Именно здесь сделана правка красными чернилами на Стеклянное Озеро в Димрилл-доле (примеч. 13). Это первое появление озера в Димрилл-доле; на современной карте оно помечено и названо Зеркальным Озером. ↩ [broken link: #rn45_37]

[38] Примечания: 409

Рассказ Гэндальфа о Мории здесь отличается от более ранней формы (см. примеч. 24) лишь тем, что здесь есть упоминание Дурина, мира между Эльфами и Гномами и Орков (см. примеч. 35) — отвергнутая версия поминает лишь гоблинов. В той версии сказано, что Гномы Карон-дуна «сплавляли свои товары вниз по Великой Реке». ↩ [broken link: #rn45_38]

[39] Примечания: 410

«десять» изменено карандашом на «20». В FR (с. 311) Гэндальф говорит:

«Были врата к юго-западу от Карадраса, миль пятнадцать по прямой, а то и двадцать, как бежит волк». ↩ [broken link: #rn45_39]

— сказал Топотун.

— Так ты знаешь о Мории? — сказал Фродо, глядя на него в удивлении.

— Да, я знаю о копях, — сказал Топотун тихо. — Я был там однажды, и память о том зла, но коли хотите знать, я всегда стоял за то, чтобы пытать тот путь, а не открытый перевал.[40] Я последую за Гэндальфом — хотя последовал бы охотнее, если бы мы могли подойти к вратам Мории более тайно.

— Что ж, идёмте же, — сказал Гэндальф. — Я не ставил бы вам такого выбора, будь хоть какая надежда на иные дороги или хоть какая надежда в отступлении. Пытать ли Морию или вернуться в Ривенделл?

— Мы должны рискнуть Копями, — сказал Фродо.

Как я сказал, примечательно, сколь существенно строение истории было достигнуто в самом начале, при том что различия в действующих лицах столь велики. И впрямь весьма любопыт-

---

[40] Примечания: 411

См. примеч. 23. На полях, вероятно, сделанная во время написания рукописи, заметка: «Топотун был там схвачен». Это разнится с тем, что было сказано ранее, на Совете Элронда (с. 401): «Так Фродо узнал, как Топотун выслеживал Голлума, что брёл на юг, через Лес Фангорн и мимо Мёртвых Топей, пока сам не был схвачен и заточён Тёмным Владыкой». ↩ [broken link: #rn45_40]

но, что ещё прежде, чем мой отец написал хотя бы первый полный черновик «Совета Элронда», он решил, что Отряд должен включать Эльфа и Гнома (с. 397), как теперь кажется столь естественным и неизбежным, — и всё же в «Кольцо уходит на Юг» у нас есть лишь Гэндальф, Боромир и пять хоббитов (один из которых, по правде, — самый необычайно много странствовавший и широко опытный Топотун).

Но, как часто в истории «Властелина Колец», многое из самого раннего письма уцелело — например, в подробностях разговора, — и всё же такой разговор позднее является сдвинутым в новые контексты, отданным иным говорящим и обретающим новое звучание, по мере того как «мир» и его история росли и ширились. Разительный пример дан в примеч. 8, где в первоначальном тексте «Топотун сидел, склонив голову к коленям», пока они ждали ухода из Ривенделла, тогда как в FR «Арагорн сидел, склонив голову к коленям; лишь Элронд вполне знал, что значил для него этот час». Встаёт вопрос: каково на деле отношение между Топотуном = Перегрином Боффином и Бродяжником = Арагорном?

Очевидно, было бы неверно сказать просто, что в истории была роль, которую надо сыграть,

и что сперва эту роль играл Хоббит, а после — Человек. В отдельных случаях, взятых узко, без бóльшего контекста, это могло бы показаться достаточным или почти достаточным объяснением: необходимым, или закреплённым, действием было то, что спутник Сэма Скромби прошипел «Ложись плашмя и не шевелись» и увлёк его вниз, в тень остролиста (с. 420, FR, с. 298). Но это говорит очень мало. Я склонен был бы думать, что первоначальная фигура (таинственная особа, что встречает хоббитов в трактире в Бри) была способна к развитию в разных направлениях, не теряя важных элементов своей «личности» как узнаваемого характера, — даже хотя выбор того или иного направления вёл бы к совсем разным историческим и расовым «личностям» в Средиземье. Так Топотун не был просто переключён с Хоббита на Человека — хотя такое переключение могло произойти в случае господина Баттербура с очень малым возмущением. Скорее, он давно уже был потенциально Арагорном, и когда мой отец решил, что Топотун — это Арагорн, а не Перегрин Боффин, его стать и его история совершенно изменились, но многое от «неделимого» Топотуна осталось в Арагорне и определило его природу.

Можно также подумать, что в истории попытки

на Крис-кароне Топотун умалён против той роли, какую он играл в повествовании о пути от Бри до Ривенделла, в котором, хоть и хоббит, он вовсе обособлен от остальных — мудрый и находчивый вождь великого опыта, на котором покоится вся их надежда. Теперь, в этих физических обстоятельствах, и рядом с Боромиром, он — один из беспомощного «малого народа», как говорит Боромир, кого надо посадить на пони. Конечно, к этому вопросу нельзя подойти без задним числом обретённого знания; останься Топотун на деле хоббитом во «Властелине Колец», он бы и не возник. И всё же соображения в этом роде могли быть одним из элементов в решении о нём, какое мой отец вскоре теперь примет.

Очерк географии и современная карта

Чрезвычайно быструю, грубую и ныне истрёпанную карту, воспроизведённую ниже, можно с полной уверенностью, я думаю, отнести ко времени первоначального написания этой главы. Это было первое изображение Средиземья к югу от Карты Глухоманья в «Хоббите» у моего отца — которую он держал перед собою, как показывают русла рек.

[Здесь в оригинале помещена древнейшая карта земель к югу от Карты Глухоманья в «Хоббите».]

Идя с Севера на Юг по карте, имеем Каррок наверху, и Гладден (Реку) и Гл[адденские] Поля (см. с. 416 и примеч. 4). Холлин назван и грубо помечен пунктиром, а имена, вычеркнутые, справа от гор — Тарагаэр, Карадрас (с окончательной формой Карадрас рядом карандашом), Карнбелег и Расхкарн (см. примеч. 11). Перевал зовётся Димрилл, с (вероятно) вычеркнутым Крис-карон (примеч. 14), и помечено Зеркальное Озеро, первое появление этого имени (см. примеч. 37). К западу от озера помечена Мория; ниже — два неразборчивых имени, а под ними Блискарн (примеч. 11) и

снова Карнбелег, все вычеркнутые.

Разделение Мглистых Гор на два рукава здесь, помянутое Гэндальфом в нынешнем тексте (с. 419, 429) и Гимли в FR (с. 296), показано куда более резко на этой первоначальной карте, чем на позднейших картах моего отца, — где восточный рукав показан на деле менее протяжённым, чем на моей, опубликованной в LR. Об именах долины между рукавами гор см. примеч. 13.

Огромный западный размах Великой Реки (помеченный «большая излучина») уже наличествует, но размещение Леса Фангорн позднее будет вовсе изменено. Что Великая Река текла сквозь середину Фангорна, утверждается Гэндальфом (с. 419 и примеч. 16). Имя Белфалас на северо-востоке Фангорна — красными чернилами (единственный такой пункт); впоследствии Белфалас был прибрежным краем Гондора, и, поскольку falas («берег») было одним из древнейших эльфийских слов (см. I.253), трудно понять, как оно могло относиться к краю леса далеко в глуби земли. Подозреваю, что мой отец написал его на странице после, или до, изготовления этой чрезвычайно быстрой карты и без всякой связи с нею, так что в этом контексте оно не имеет значения.

О различных предлагаемых именах реки Редвей в тексте см. примеч. 15; среди них Карадрас, что написано на карте (но перечёркнуто карандашом).

Поперёк Мглистых Гор дальше к югу написано: «Поместить этот перевал в Рохан дальше к югу» (о перевалах через Горы к югу от Карадраса см. примеч. 22). У низа карты слева написано: «Рохан. Земля Королей-Коней. Гиппаналетийцы… [возможно, kn — сокращение „королевство“] Анаксиппийцы Рохирот Рочирот». Гиппаналетийцы и Анаксиппийцы («Владыки Коней») удивительны.

В правом углу: «Ниже здесь Синие Горы». Сравни слова Гэндальфа в первом наброске «Совета Элронда» (с. 397): «Великан Древобрад, что обитает в Лесу между Рекой и Южными Горами»; набросок, данный на с. 410, в котором сказано, что Лес Фангорн поднимается в Синие (> Чёрные) Горы, и отвергнутую заметку к нынешнему тексту, в которой сказано, что Боромир был «рождён горцем» в Чёрных Горах (примеч. 31).

Встаёт вопрос о линии Мглистых Гор. В этом первоначальном тексте сказано (с. 418), как и в FR (с. 295), что к югу от Ривенделла горы загибались на запад, и это показано на Карте Глухоманья в

«Хоббите». Видно, что если линию гор там, где она покидает ту карту, на некотором расстоянии к югу от истоков Гладдена, продолжить без дальнейшего изгиба на запад, то тропа, бегущая на юг от Брода Ривенделла, упрётся в горную цепь где-то близ Карадраса. Это, на деле, в точности то, что показано на трёх картах моего отца, что являют весь хребет Мглистых Гор. На двух из них горы идут прямой линией примерно от широты Ривенделла (как и на моей карте, опубликованной в LR); на одной из них (самой ранней) линия чуть-чуть загибается на запад от места к северу от Холлина, но на всех трёх линия, проведённая на юг от Брода, должна пересечь горы под острым углом в краю Холлина, просто потому что линия гор — юг-юго-запад.

Поэтому любопытно, что первоначальная карта-набросок, обсуждаемая здесь, на деле не согласуется с первоначальным текстом (с. 418). Путники шли на юг от Брода, и на границах Холлина «далеко на юге Фродо увидел смутные очертания гор, что, казалось, теперь лежали поперёк их пути. Слева от этого далёкого хребта высокий пик встал, как зуб»: то был Тарагаэр, Багряный Рог (Карадрас). И когда Фарамонд сказал, что, по его мысли, они, должно быть, повернули

на восток, раз горы теперь были перед ними, Гэндальф сказал: «Нет, это горы повернули». Но на старой карте линия, проведённая на юг от Брода, упёрлась бы в горы лишь далеко к югу от Мории и Красного Перевала, и это потому, что мой отец загнул линию гор почти прямо на юг в краю Холлина, так что курс от Брода и линия гор тогда становятся почти параллельны. Это, возможно, не более чем следствие быстроты и грубости, с какими была сделана карта, — простейший указатель, но любопытно, что пунктирная линия, означающая путь путников, и впрямь резко поворачивает на юго-восток к перевалу — как Фарамонд и думал!

Барбара Стрейчи, пишущая об этом вопросе в «Странствиях Фродо» (Карта 17), замечает: «Горы загибались на запад по мере того, как они шли; более, на мой взгляд, чем явствует из карт Средиземья, особенно к югу от Багряного Перевала. Фродо сказал, что они, казалось, „стоят поперёк пути“, каким шли Спутники» (FR, с. 295). Это спорно, но довод усиливается ответом Гэндальфа Пиппину, что сказал, что они, должно быть, повернули на восток: «Нет, но ты видишь дальше вперёд в ясном свете. За теми пиками [то есть Горами Мории] хребет загибается на юго-за-

пад» (FR, с. 296). Ни на одной из карт моего отца нет перемены в направлении главного горного хребта к югу от Карадраса. Но все показывают некоторую степень горного отростка на запад от главного хребта в том месте, где Гландуин стекает к Сероводью: очень малую на одной (и так представленную на моей карте в LR), более заметную на второй, а на третьей (самой ранней) доходящую до настоящего разделения хребта, с широким рукавом гор, бегущим на юго-запад. На обстоятельной карте цветными мелками, что я сделал в 1943 году (см. с. 200), это снова резко выраженная черта. Может статься, что именно на это и ссылался Гэндальф.

В этой связи можно помянуть, что на моей карте, опубликованной в LR, горные высоты, показанные простирающимися от главного хребта на запад к северу от Холлина, сильно преувеличены против того, что разумел мой отец: «у подножия главного хребта была навалена всё более широкая земля унылых холмов и глубоких долин, полных бурливых вод» (FR, с. 295).

Глава 25. КОПИ МОРИИ

У меня мало сомнений, что первый черновик этой главы был написан непрерывно от конца «Кольцо уходит на Юг», как по внутренним свидетельствам, так и по внешним (по природе рукописи). Но есть также очень интересный двухстраничный «Набросок главы о Копях Мории», что, я думаю, непосредственно предшествовал её написанию. Этот «Набросок» чрезвычайно труден для чтения, и некоторые слова можно лишь угадать.

Их приключения должны быть сделаны иными, чем у Одинокой Горы. Туннели, ведущие во все стороны, поднимающиеся вверх и круто сбегающие вниз. Лестницы. Ямы. Шум воды в темноте.

Гэндальф ведёт главным образом общим чувством направления. Они принесли одну связку факелов на случай нужды, по 2 каждому. Гэндальф не будет ими пользоваться, пока не понадобится. Слабая искра от его посоха. Гламдринг не светится, стало быть, гоблинов поблизости нет.

Как далеко идти. Сколько займёт. Гэндальф по-

лагает, по меньшей мере 2 дня, может, и больше. Мысль о ночи (или двух!) в Мории их ужасает. Фродо чувствует растущий страх. Быть может, его приключения с Кольцом сделали его чутким. Пока другие поддерживают дух обнадёживающими разговорами, он чувствует, как уверенность во зле наползает на него, но молчит. Ему постоянно мерещится, что он слышит топоток ног [?какого-то создания] позади — [?это] Голлум, как окажется много позже.

Было около десяти часов утра, когда они вошли. Они мало отдыхали. Они шли (с 2 привалами), пока не утомились так, что дальше идти было невмочь. Они вышли к тёмной арке, ведущей в 3 прохода, все ведущие в том же общем направлении, но левый вниз, правый вверх, средний (по-видимому) ровный. Гэндальф не может выбрать: он не помнит этого места.

Они останавливаются на ночь в маленькой каморке (почти как караульная, что стережёт входы) как раз [?слева] от них. Глубокая яма справа. Туда падает камень. Несколько минут, прежде чем они слышат, как шум его достигает дна. После того некоторым мерещится далёкое эхо тихих стуков с промежутками (как сигналы?). Но ничего больше в ту ночь не происходит. Гэн-

дальф спит мало, пытаясь выбрать дорогу. [?В конце] выбирает правый, восходящий путь. Они идут почти 8 часов, не считая привалов.[1]

Выходят к великому чертогу. Дверь в [?южной] стене. Тусклый свет — [?высокая ?огромная] шахта вроде дымохода, наклонно идущая вверх. Высоко вверху проблеск дневного света. Проблеск падает на большой квадратный стол из камня [надписано сверху: гробницу].

Есть ещё одна дверь в западной [надписано сверху: восточной] стене. Копья, и мечи, и [? сломанные лежат] у обеих дверей.

Проблеск света являет резные буквы. Здесь лежит Балин, сын Бурина, Владыка Мории. В нишах сундуки и несколько мечей и щитов. Сундуки пусты, кроме одного. Тут книга с каким-то гномьим письмом.

Рассказывает, как Балин пришёл в Морию. Затем рука меняется и рассказывает, как он умер — от [?] стрелы, что прилетела внезапно. Затем как «враги» вторглись в восточные ворота. Мы не можем выйти из западных ворот из-за «обитателя воды». Краткий рассказ об осаде. Последняя каракуля гласит: «они идут».

---

[1] Примечания: 412

До этого места текст этого «Наброска» был перечёркнут, но остаток — нет. ↩ [broken link: #rn47_1]

«Думаю, нам лучше идти», — сказал Гэндальф. В этот миг раздаётся звук, как великий гул далеко внизу. Затем ужасный звук, как рог, отозвавшийся бесконечным эхом. Гэндальф прыгает к двери. Звук, как гоблинские ноги.

Гэндальф выпускает слепящую вспышку и кричит: «Кто идёт?» Рябь … хохота — и какие-то низкие голоса.

Гэндальф говорит, что там гоблины — весьма злого рода, крупнее обычных, настоящие орки.[2] Также наверняка какой-то род тролля их ведёт.

План обороны. Они собираются у восточной двери. Но [?южная] дверь подпёрта приоткрытой клиньями. Огромная рука и плечо появляются у … двери. Гэндальф рубит её Гламдрингом. Фродо колет ступню Жалом. Жуткий крик. Стрелы свистят внутрь сквозь щель.

Орки прыгают внутрь, но убиты.

[?Гул], когда огромные камни бьют в дверь.

Они выбегают через восточную дверь — открывается наружу — и захлопывают её. [?Они мчатся] вверх по длинному широкому туннелю. Шум вскоре показывает, что восточная дверь сломана.

---

[2] Примечания: 413

См. с. 437, примеч. 35, и ср. соответствующий отрывок в FR (с. 338), где Гэндальф говорит: «Там Орки, очень много их. И некоторые крупны и злы: чёрные Урук-хай Мордора». ↩ [broken link: #rn47_2]

Погоня за ними.

Здесь следует утрата Гэндальфа.

Карандашом на полях против рассказа о нападении на чертог написано:

Орк в чёрной кольчуге впрыгивает и идёт на Фродо с копьём — его спасает эльфийская кольчуга, и он сражает орка.

Это очень разительный пример важного повествовательного отрывка «Властелина Колец» в самый миг его возникновения. Здесь, как и в других местах, многие из самых существенных элементов наличествовали с самого начала: развилка трёх дорог, сомнение Гэндальфа, караульная, падающий камень и подземный стук, что последовал за ним, чертог с гробницей Балина, письмо в книге, тролль и многое иное. Что Голлум должен следовать за ними в Мории, было предложено в наброске, данном на с. 410: «Голлум должен вновь появиться у Мории или после. Фродо слышит топоток».

Меч Гэндальфа Гламдринг (Молот Врагов), что он взял из логова троллей и который (как сказал ему Элронд) «некогда носил король Гондолина», теперь вновь является из «Хоббита».

Отец Балина (Фундин в «Хоббите», как и в LR) здесь, что удивительно, Бурин; это гномье имя

(встречающееся в древнескандинавском) прежде было дано сыну Балина, в первых черновиках «Совета Элронда» (с. 395, 397), прежде чем он был заменён Гимли, сыном Глоина (с. 400).

История, что Бильбо дал Жало и свою «эльфийскую кольчугу» Фродо перед уходом из Ривенделла (FR, с. 290–291), вошла в набросок, данный на с. 397.

Это не первая отсылка к утрате Гэндальфа; см. с. 381, а о первом наброске этого события см. с. 462.

Этот «Набросок» начинается, когда Отряд уже внутри Мории. О истории их подхода к Западным Вратам и открытия двери, по-видимому, есть лишь следующее в качестве подготовительного наброска (хотя «обитатель воды» перед Западными Вратами появляется в «Наброске», с. 443, в словах книги, найденной в чертоге с гробницей Балина). Он следует за наброском спуска с Красного Перевала в снегу (с. 431, примеч. 1) и был написан в то же время.

Западные ворота Мории — гномьи ворота (закрытые, как Одинокая Гора), но открываемые не в установленное время, а [?особым ?речевым] заклятием. Гэндальф знает или [?думает], что это должно быть одно из [?трёх] на древнем языке — ибо Эльфы Холлина сотворили заклятие.

Кусты остролиста растут перед этими воротами. Тогда Гэндальф понимает, что это эльфийское заклятие.

На следующий день погода снова переменилась, почти как если бы она повиновалась приказам некой силы, что теперь оставила мысль о снеге, раз уж они отступили от Крис-карона. Ветер ночью повернул к югу. Утром он забирал на запад, и начинался дождь. Путники разбили шатёр в укрытой впадине и оставались тихи весь день, пока полдень не стал клониться к вечеру.

Весь день они не слышали ни звука и не видели ни признака какой-либо живой твари. Как только свет начал гаснуть, они снова тронулись. Лёгкий дождь всё ещё падал, но это поначалу не очень их тревожило. Гэндальф и Топотун повели их в обход прочь от Гор, ибо они задумали подойти к Мории вверх по течению ручья, что выбегал из подножия холмов недалеко от скрытых ворот. Но, по-видимому, так или иначе они, должно быть, сбились в темноте, ибо была чёрная ночь под затянутым небом. Во всяком случае, они не вышли к ручью, и утро застало их блуждающими и барахтающимися в мокрых и топких местах, полных красных луж, ибо в низинах было много

глины.[3]

Их несколько утешила перемена погоды: облака разорвались, и дождь прекратился. Солнце выглянуло проблесками. Но Гэндальф был раздосадован задержкой и решил снова двигаться днём, после всего нескольких часов отдыха. В небе не было ни птиц, ни иных зловещих знаков. Они правили теперь прямо назад к горам, но и Гэндальф, и Топотун были изрядно озадачены тем, что не нашли ручья.

Когда они снова вышли к предгорьям и нижним склонам, они набрели на узкое русло в глубоком ложе, но оно было сухим, и не было теперь воды среди красноватых камней на дне. Было, однако, ещё нечто вроде открытой тропы на левом берегу.

— Здесь, я уверен, и бежал ручей, — сказал Гэндальф. — Сираннон, Привратный Ручей,[4] называли его. Так или иначе, наша дорога лежит вверх по этому ложу. — Ночь теперь уже падала,

---

[3] Примечания: 414

В FR (с. 313) Отряд двигался к Мории на юг днём, и они «блуждали и карабкались по бесплодному краю красных камней. Нигде не могли они видеть ни проблеска воды…» ↩ [broken link: #rn47_3]

[4] Примечания: 415

Мой отец сперва написал здесь (тут же изменив): «Карадрас дилтен, Малый Редвей». О Карадрасе как имени реки Редвей (позднейшей Серебрянки) по другую сторону Гор см. с. 433, примеч. 15. ↩ [broken link: #rn47_4]

но, хотя они уже устали, особенно хоббиты, Гэндальф понукал их идти дальше.

— Ты не думаешь ли взобраться на вершину гор нынче ночью, чтобы пораньше поглядеть на рассвет? — спросил Мерри.

— Подумал бы, будь хоть какая возможность это сделать! — сказал Гэндальф. — Но никто не взберётся на горы здесь. Ворота не высоко, а в одном месте близ подножия великого утёса. Надеюсь, я смогу его найти, — но всё, кажется, странно переменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз.

Прежде чем ночь состарилась, луна, теперь лишь в двух днях от полной,[5] взошла сквозь облака, что лежали на восточных пиках, и светила урывками вниз над западными землями. Они брели дальше, усталыми ногами спотыкаясь среди камней, пока вдруг не вышли к стене скалы футов в тридцать высотой. Через неё сбегал струящийся водопад, но явно водопад этот был некогда куда сильнее. — А! Теперь я знаю, где мы! — вскричал Гэндальф. — Здесь были Лестничные Водопады. Гадаю, что с ними сталось. Но если я прав, есть лестница, высеченная в камне слева:

---

[5] Примечания: 416

Была теперь ночь 5 декабря, а полнолуние было 7-го (см. с. 434, примеч. 19). ↩ [broken link: #rn47_5]

главная тропа идёт дальше в обход и вверх по склону. Выше водопадов была — или есть — широкая мелкая долина, по которой тёк Сираннон.

Очень скоро они нашли лестницу, и, сопровождаемый Фродо и Топотуном, Гэндальф быстро поднялся. Когда они добрались до верха, они открыли причину высыхания ручья.

Луна теперь клонилась к западу. Она ярко светила какое-то время, и они увидели простёртое перед их ногами тёмное недвижное озеро, поблёскивающее в лунном свете. Привратный Ручей был запружен и заполнил всю долину. Лишь струйка воды убегала через старые водопады, ибо главный сток озера был теперь поодаль, у южного конца.[6]

Перед ними, смутный и серый за тёмной водой, стоял утёс. Лунный свет лежал бледно на нём, и он выглядел холодным и грозным: последняя преграда всякому проходу. Фродо не мог разглядеть ни признака каких-либо ворот или входа в хмуром камне.

— Этот путь перекрыт! — сказал Гэндальф.

---

[6] Примечания: 417

Это предложение было заключено в квадратные скобки, а заключительные слова «откуда они слышали плеск бегущей воды» вычеркнуты. Эти изменения относятся ко времени написания рукописи. ↩ [broken link: #rn47_6]

— По крайней мере, перекрыт, насколько можно видеть ночью. Не думаю, чтобы кто захотел попробовать переплыть при луне — или при ином свете. У заводи нездоровый вид. Когда она была сделана и зачем, не знаю, но не для доброй цели, догадываюсь.

— Надо попытаться найти путь в обход по главной тропе, — сказал Топотун. — Даже не будь озера, мы не провели бы наших пони вверх по узкой лестнице.

— А даже если бы и провели, они не смогли бы войти в Копи, — сказал Гэндальф. — Наша дорога там, под горами, поведёт нас тропами, где им не пройти, — даже если пройдём мы.

— Я гадал, подумал ли ты об этой загвоздке, — сказал Топотун. — Полагал, что подумал, хоть ты её и не поминал.

— Незачем поминать, пока не понадобится, — ответил чародей. — Мы возьмём их так далеко, как сможем. Ещё посмотрим, не затоплена ли [?другая] дорога тоже: в каковом случае мы, может, и вовсе не доберёмся до ворот.

— Если ворота ещё там, — сказал Топотун.

Им не стоило большого труда найти старую тропу. Она отворачивала от водопадов и вилась к северу некоторое время, прежде чем снова

повернуть на восток, и взбиралась по длинному склону. Когда они достигли его вершины, они увидели озеро, лежащее справа. Тропа жалась к самому его краю, но не была затоплена. По большей части она была чуть выше воды, но в одном месте, у самого северного конца озера, где была склизкая и стоячая заводь, она исчезала на короткое расстояние, прежде чем снова повернуть к югу, к подножию великого утёса.

Когда они достигли этого места, Боромир пошёл вперёд и обнаружил, что тропа лишь чуть залита. Осторожно они пробрались гуськом следом за ним. Ступать было склизко и опасно; Фродо почувствовал странное отвращение от самого касания тёмной воды на ногах.

Когда Фарамонд, последний в отряде, ступил на сушу, раздался тихий звук — всплеск, а за ним «плюх», словно рыба возмутила недвижную гладь воды. Быстро обернувшись, они увидели в лунном свете рябь, заострённую [?] тёмными тенями: большие круги расходились наружу от какой-то точки близ середины заводи.[7] Они замерли, и в тот самый миг свет погас, ибо луна

---

[7] Примечания: 418

Хотя употреблено слово «заводь», отсылка явно к озеру, а не к «заводи», через которую они только что прошли. «Тихий булькающий звук» исходит от «озера». ↩ [broken link: #rn47_7]

упала и сгинула в низких облаках. Раздался тихий булькающий звук в озере, а затем тишина.

Было слишком темно, чтобы искать ворота в той изменившейся долине, и остаток ночи путники провели несчастливо, сидя настороже между утёсом и тёмной водой, которой они больше не видели. Никто из них не спал более чем кратко и беспокойно.

Но с утром дух их ожил. Медленно свет достиг озера: тёмная гладь его была недвижна и не тронута ни ветерком. Небо было ясно вверху, и медленно солнце взошло над горами за их спинами и засияло на западных землях перед ними. Они немного поели и отдохнули после безрадостной ночи, пока солнце не достигло юга и его тёплые лучи не легли вкось, прогоняя тени великой стены позади. Тогда Гэндальф встал и сказал, что самое время начать поиск ворот. Полоса суши, оставленная озером, была довольно узка, и тропа их вела их близко под лицом утёса. Когда они прошли почти милю к югу, они вышли к нескольким островолистам. Были пни и мёртвые брёвна, гниющие в воде, — остатки старых зарослей или живой изгороди, что некогда окаймляла затопленную дорогу через утонувшую долину. Но прямо под утёсом стояли, ещё живые и креп-

кие, два высоких дерева с огромными корнями, что простирались от стены до самого края воды. Издали, с той стороны, в урывочной луне, Фродо счёл их простыми кустами на грудах камня: но теперь они вздымались над его головой: прямые, безмолвные, тёмные, кроме своих гроздьев ягод: стоящие, как часовые или столбы, в конце дороги.

— Ну, вот мы и пришли наконец! — сказал Гэндальф. — Здесь оканчивался эльфийский путь из Холлина. Остролисты были посажены эльфами в старые дни, чтобы отметить конец их владений, — западные ворота были сделаны главным образом для их нужды в торговле с гномами. Это конец нашей тропы — и теперь, боюсь, мы должны проститься с нашими пони. Добрые животные пошли бы почти всюду, куда мы им велим, но не думаю, что мы могли бы заставить их войти в тёмные проходы Мории. Да и в любом случае за западными воротами много крутых лестниц и много трудных и опасных мест, где пони не пройти или они станут опасной обузой. Если нам суждено пробиться, нам надо идти налегке. Многое из того, что мы взяли против лютой погоды, не понадобится внутри, ни когда мы выйдем на другую сторону и повернём на юг.

— Но вы ведь не оставите бедных животных в этом богом забытом месте, господин Гэндальф! — запротестовал Сэм, что был особенно привязан к пони.

— Не тревожься, Сэм! Они со временем найдут дорогу домой. У них носы мудрее даже, чем у большинства их рода, и эти двое уже возвращались к Элронду издалека прежде. Думаю, они подадутся на запад, а затем выберутся обратно к северу через край, где найдут траву.

— Я был бы счастливее, если бы мне позволили отвести их назад, мимо брода и вниз к старым водопадам, — сказал Сэм, — я хотел бы, так сказать, попрощаться и направить их на дорогу.

— Хорошо, можешь, — сказал Гэндальф. — Но сперва давайте разгрузим их и распределим то добро, что собираемся оставить себе.

Когда каждому в отряде была дана доля сообразно его росту — большая часть съестного и бурдюки с водой, — остаток был снова закреплён на спинах пони. В каждую связку Гэндальф вложил краткое послание Элронду, написанное тайными рунами, рассказывающее ему о буране и об их повороте к Мории.

Затем Сэм и Топотун увели коней.

— Теперь поглядим на ворота! — сказал Гэн-

дальф.[8]

— Я не вижу никаких ворот, — сказал Мерри.

— Гномьи ворота не сделаны, чтобы их видели, — сказал чародей. — Многие вовсе незримы, и их собственные хозяева не могут их найти, если тайна утрачена. Но эти ворота не были сделаны вполне[9] тайными, и, если только всё не переменилось совершенно, глаза, что знают, чего искать, могут различить знаки. Идёмте поглядим!

Он шагнул к стене утёса. Прямо посередине, в тени деревьев, было гладкое место, и над ним он провёл руками туда-сюда, бормоча слова под нос. Затем отступил. — Глядите! — сказал он. — Видите что-нибудь теперь? — Солнце светило поперёк лица стены, и, пока путники глядели на неё, им показалось, что на поверхности, где прошла рука Гэндальфа, явились слабые линии, как тонкие серебряные жилки, бегущие в камне;

---

[8] Примечания: 419

Весь отрывок от «Ну, вот мы и пришли наконец» на с. 448 до этого места — вставка на листке, заменяющая следующее в первоначальном тексте: «„Вот ворота, — сказал Гэндальф. — Здесь оканчивалась дорога из Холлина, и эльфы посадили эти деревья в старые дни, ибо западные ворота были сделаны главным образом для их нужды в торговле с гномами“». Замена, несомненно, относится к первому написанию главы, ибо об отправке пони Сэмом и Топотуном упомянуто далее в тексте, как он написан. ↩ [broken link: #rn47_8]

[9] Примечания: 420

Слово «вполне» заключено в квадратные скобки. ↩ [broken link: #rn47_9]

сперва они казались бледными нитями паутины, столь тонкими, что видны были лишь урывками, где их ловило солнце, но медленно они ширились, и узор их можно было угадать. Наверху, так высоко, как Гэндальф мог дотянуться, была арка из переплетённых букв в эльфийском начертании; ниже, казалось (хотя рисунок местами был размыт и обломан), был очерк наковальни и молота, а над ним корона и серп луны. Яснее всего прочего бледно сияли три звезды со многими лучами.[10]

— Это эмблемы Дурина и Эльфов, — сказал Гэндальф. — Они из некоего серебряного вещества, что видно лишь когда к нему прикоснётся тот, кто знает некие слова, — ночью под луною они сияют ярче всего.[11] Теперь вы видите, что мы наверняка нашли западные ворота Мории.

— Что говорит надпись? — спросил Фродо, что пытался разобрать письмена. — Я думал, что

---

[10] Примечания: 421

В FR (с. 318) молот и наковальня «увенчаны короной с семью звёздами», и «яснее всего прочего сияла посреди двери одна звезда со многими лучами». В первоначальном черновике нет упоминания о двух деревьях, несущих серпы луны. ↩ [broken link: #rn47_10]

[11] Примечания: 422

В FR надпись на дверях — из итильдина, что отражает лишь звёздный и лунный свет (с. 318). В этом первоначальном черновике, конечно, иная схема времени — середина дня, а не ранняя ночь (см. примеч. 28). ↩ [broken link: #rn47_11]

знаю эльфийские буквы, но эти прочесть не могу, так они перепутаны.

— Слова на эльфийском языке, а не на обычном, — сказал Гэндальф. — Но они не говорят ничего особо важного для нас. Уж конечно, они не называют отпирающего заклятия, если ты об этом думаешь. Они просто говорят: «Врата Дурина, Владыки Мории. Молвите, друзья, и входите». А под этим, очень мелко и теперь блёкло: «Нарфи сделал их.[12] Келебримбор из Холлина начертал эти знаки».

— Что значит «молвите, друзья, и входите»? — спросил Фродо.

— Это достаточно ясно, — сказал Гэндальф, — если вы друзья, молвите пароль, и тогда дверь отворится, и вы сможете войти. Иные гномьи ворота отворятся лишь в особое время или для особых лиц, а у иных есть ключи и замки, что необходимы, даже когда все прочие условия исполнены. В дни Дурина эти ворота не были тайными: они обыкновенно стояли открытыми, и привратники сидели здесь. Но если они были затворены, всякий, кто знал отпирающие слова, мог их молвить и войти.

---

[12] Примечания: 423

Сперва было написано: «Нарфи сделал Двери». ↩ [broken link: #rn47_12]

[Здесь в оригинале помещена надпись на Западных Вратах Мории.]

— Так ты их знаешь?

— Нет! — сказал Гэндальф.

Остальные глядели удивлённо и обескураженно — все, кроме Топотуна, что знал Гэндальфа очень хорошо. — Тогда какой был прок вести нас сюда? — гневно спросил Боромир.

— А как ты вошёл, когда исследовал Копи, как ты только что нам сказал? — спросил Фродо.

— Ответ на твой вопрос, Боромир, — сказал чародей, — в том, что я не знаю — пока. Но мы скоро увидим, и, — прибавил он с блеском в глазах под щетинистыми бровями, — можешь начинать грубить, когда это окажется бесполезно: не раньше. Что до твоего вопроса, — сказал он, резко оборачиваясь к Фродо, — ответ очевиден: я не входил этим путём. Я пришёл с Востока. Если тебе любопытно, могу прибавить, что эти двери открываются наружу от толчка, но ничто не откроет их вовнутрь. Они могут распахнуться или могут быть сломаны, если у тебя довольно силы.

— Что же ты будешь делать? — спросил Мер-

ри,[13] которого щетинистые брови Гэндальфа не очень смутили, и в сердце своём он надеялся, что двери окажется невозможно открыть.

— Я попытаюсь найти отпирающие слова. Я некогда знал всякую формулу и заклятие на любом языке эльфов, гномов или гоблинов, что когда-либо употреблялись для таких целей. Я и теперь помню две-три сотни, не напрягая ума. Но думаю, нескольких попыток должно хватить. Отпирающие слова были на эльфийском, как и написанные слова, — я уверен: по знакам на дверях, по остролистам и из-за того, для чего дорога и ворота изначально были сделаны. — Он шагнул к скале и легко коснулся жезлом серебряной звезды, что была близ середины эмблем, прямо над короной.

Annon porennin Diragas·venwed diragath·telwen porannin nithrad[14]

сказал он. Серебряные буквы поблёкли, но серый голый камень не шелохнулся. Много-много

---

[13] Примечания: 424

Мерри заменил Фродо, что заменил Боромира; о Боромире, по-видимому, было сказано, что его не очень смутили щетинистые брови Гэндальфа и что он втайне желал, чтобы двери остались затворены. ↩ [broken link: #rn47_13]

[14] Примечания: 425

Не могу это истолковать. В FR (с. 320) призыв Гэндальфа значит: «Эльфийские врата, отворитесь теперь для нас; врата Гномьего народа, внемлите слову [beth] моего языка». ↩ [broken link: #rn47_14]

раз он пробовал иные формулы одну за другой, но ничего больше не происходило. Затем он пробовал отдельные слова, произнесённые повелительным тоном, и наконец (как будто потеряв терпение) выкрикнул: Édro, édro! — и сопроводил это словом «откройся!» на всех языках, какие мог вспомнить. Затем он сел в молчании.

Боромир широко улыбался за его спиной. — Похоже, нам ещё понадобятся обратно те пони, — сказал он вполголоса. — Мудрее было бы придержать их, пока ворота не открыты.[15] — Если Гэндальф и слышал, он не подал виду.

Вдруг в тишине Фродо услышал тихий всплеск и бульканье в воде,[16] как и накануне вечером, только тише. Быстро обернувшись, он увидел слабую рябь на глади озера — и в тот же миг уви-

---

[15] Примечания: 426

Текст этого отрывка, от «Затем он сел в молчании», как написан сперва, читался: «Лишь Топотун, казалось, был встревожен. Боромир широко улыбался за его спиной. Сэм отважился шепнуть Фродо на ухо: „Никогда прежде не видал я, чтобы старый Гэндальф лез за словом в карман, — сказал он. — Похоже, нам как-то не суждено пройти эти ворота“. — „У меня чувство страха, — сказал Фродо медленно, — то ли перед воротами, то ли перед чем-то ещё. Но не думаю, что Гэндальф побеждён, — он напряжённо думает, мне сдаётся“». Впоследствии шёпот Сэма Фродо был отдан Мерри, с добавлением: «Не след было ему отсылать пони, пока он их не открыл». ↩ [broken link: #rn47_15]

[16] Примечания: 427

Написано карандашом здесь: «Звук волков вдали в то же время, что и всплеск в воде». Но это было бы добавлено, когда время их входа в Копи было изменено; ср. FR, с. 321, и примеч. 28. ↩ [broken link: #rn47_16]

дел, что Сэм и Топотун вдали переходят брод на обратном пути. Рябь на воде, казалось, двигалась в их направлении.

— Не нравится мне это место, — сказал Мерри, что тоже увидел рябь. — Хотел бы я, чтобы мы могли вернуться или чтобы Гэндальф что-нибудь сделал и мы могли бы идти дальше — если придётся.

— У меня странное чувство, — сказал Фродо медленно, — страх то ли перед воротами, то ли перед чем-то ещё. Но не думаю, что Гэндальф побеждён: он напряжённо думает, мне сдаётся.

Оказалось, что Фродо был прав, ибо чародей вдруг вскочил на ноги со смехом. — Понял! — вскричал он. — Конечно, конечно! Нелепо просто — когда подумаешь! — Подняв жезл, он встал перед скалой и сказал ясным голосом: Mellyn! (или Meldir!)[17]

Три звезды кратко вспыхнули и снова погасли. Затем безмолвно очертилась большая дверь, хотя прежде не было видно ни тончайшей трещины, ни шва. Медленно она начала распахиваться наружу, дюйм за дюймом, пока не легла прямо к

---

[17] Примечания: 428

Эти слова были вычеркнуты карандашом, и подставлена форма Melin. В «Этимологиях» (V.372), корень MEL, даны нолдоринские mellon и meldir «друг», а также квенийское melin «дорогой». ↩ [broken link: #rn47_17]

стене.[18] За нею виднелось подножие тенистой лестницы, что взбиралась во мрак внутри. Весь отряд стоял и глядел в изумлении.

— Я всё-таки ошибся, — сказал Гэндальф. — Отпирающее слово всё это время было написано там. «Молвите, друзья, и входите», — говорило оно, и, когда я молвил эльфийское слово, что значит «друзья», оно отворилось. Совсем просто! А теперь мы можем войти.

Но в этот миг Фродо почувствовал, как что-то схватило его за лодыжку, и он упал. В тот же миг Сэм и Топотун, что только что вернулись, вскрикнули, подбегая. Резко обернувшись, остальные увидели, что длинная рука, извилистая, как щупальце, протянулась из тёмного края озера. Она была бледно-зеленовато-серая и мокрая: её палый конец держал ступню Фродо и тащил его к воде.

Сэм метнулся к нему с обнажённым ножом и рубанул по ней. Пальцы выпустили Фродо, и Сэм оттащил его прочь, но тотчас воды озера начали вздыматься и кипеть, и ещё двадцать извивающихся рук выползли, рябя, наружу, направляясь

---

[18] Примечания: 429

В FR две двери, и, несмотря на единственную дверь, описанную здесь, надпись несёт слова «Врата Дурина»; Гэндальф говорит им: «эти двери открываются наружу, но ничто не откроет их вовнутрь. Они могут распахнуться или могут быть сломаны...» ↩ [broken link: #rn47_18]

к путникам, словно ведомые чем-то в глубоких заводях, что могло видеть их всех.

— В воротный проход! Живо! Вверх по лестнице! — закричал Гэндальф, выводя их из ужаса, что приковал их к месту.

Времени было в обрез. Гэндальф проследил, чтобы все вошли внутрь, а затем прыгнул вслед за Топотуном, но не поднялся он и на четыре ступени, как ползущие пальцы обитателя заводи достигли утёса.[19]

Он помедлил. Но если он и размышлял, как затворить дверь или какое слово сдвинет её изнутри, в том не было нужды. Ибо руки схватили дверь и со страшной силой захлопнули её. С раскатистым эхом она захлопнулась за ними, и они замерли на лестнице в смятении, по мере того как звуки рвущегося и крушащегося глухо доходили сквозь камень снаружи. Гэндальф сбежал вниз к двери и упёр … и молвил … слова;[20] но, хотя

---

[19] Примечания: 430

Как написано сперва (и не вычеркнуто), этот отрывок читался: «Времени едва хватило; Топотун, что шёл последним, не поднялся и на четыре ступени, как руки твари в воде начали нащупывать и ощупывать стену». ↩ [broken link: #rn47_19]

[20] Примечания: 431

В первом из этих пробелов текст, кажется, читается «в неё» или, возможно, «к ней» (в каковом случае «его жезл» был опущен; ср. FR, с. 322, «он упёр свой посох в двери»). Во втором слово выглядит как «откройся» (быть может, «отпирающее»). ↩ [broken link: #rn47_20]

дверь застонала, она не шелохнулась.

— Боюсь, дверь теперь завалена за нами, — сказал он. — Если я верно угадываю, деревья повалены поперёк неё, и валуны прикачены к ней. Жаль деревьев — они были прекрасны, и стары, и … так долго.[21] Что ж, теперь нам остаётся лишь идти дальше — больше делать нечего.

— Я страх как рад, что сперва увидел тех бедных животных в безопасности, — сказал Сэм.

— Я чувствовал, что нечто злое близко, — сказал Фродо. — Что это было, Гэндальф?

— Не мог бы сказать, — ответил Гэндальф, — времени не было разглядеть руки. Все они принадлежат одной твари, сказал бы я, судя по тому, как они двигались, — но это всё, что я могу сказать. Нечто, что … вползло, или было изгнано, из тёмных вод под землёй, догадываюсь. Есть твари древнее и гаже гоблинов в тёмных местах мира. — Он не высказал вслух свою неуютную мысль, что Обитатель Заводи схватил Фродо среди всего

---

[21] Примечания: 432

Неразборчивое слово — просто череда закорючек; уж точно не «стояли», слово, что здесь в FR. Возможно лишь, «уцелели». ↩ [broken link: #rn47_21]

отряда не случайно.[22]

Гэндальф теперь пошёл впереди и дал своему жезлу слабо светиться, чтобы они не зашли в незримые опасности в темноте. Но великая лестница была цела и невредима. В ней было двести ступеней, широких и пологих, и наверху они нашли перед собою ровный пол.

— Поедим-ка здесь, на площадке, раз уж столовой нам не найти, — сказал Фродо. Он оправился от ужаса хватающей руки и чувствовал необычайный голод. Мысль была всем по душе. После того как они поели, Гэндальф снова дал им отведать настоя.

— Его надолго не хватит, — сказал он, — но, думаю, он нам нужен после того дела у ворот. И нам понадобится всё, что осталось, прежде чем мы пройдём, если только не повезёт. С водой тоже обращайтесь бережно! В Копях есть ручьи и колодцы, но их лучше не трогать. Не выйдет нам случая наполнить фляги, пока не спустимся

---

[22] Примечания: 433

Действительное чтение здесь — «не случайно». Предложение было заключено в квадратные скобки во время написания, но схожее предложение остаётся в FR. ↩ [broken link: #rn47_22]

в Дунруин.[23]

— Сколько мы будем идти, чтобы пройти насквозь? — спросил Фродо.

— Этого я не знаю, — ответил Гэндальф. — Всё зависит. Но идя прямо (без бед или потери пути), мы потратим по меньшей мере три-четыре перехода. От Западных дверей до Восточных врат не меньше сорока миль по прямой, а мы можем и не найти самых прямых проходов.

Они отдохнули теперь лишь недолго, ибо все жаждали покончить с путешествием как можно скорее и готовы были, как ни устали, идти дальше ещё несколько часов. У них не было ни топлива, ни средств сделать факелы, и им предстояло искать путь большей частью в темноте.[24] Гэндальф шёл впереди, держа в левой руке свой жезл, бледного света которого было довольно, чтобы осветить землю перед его ногами. В правой руке он держал меч Гламдринг, что хранил с

---

[23] Примечания: 434

Дунруин заменило, по-видимому, во время написания, Карондум (см. с. 433, примеч. 13). Впоследствии карандашом был вписан Димрилл-дол. ↩ [broken link: #rn47_23]

[24] Примечания: 435

Это предложение было заменой (по всей видимости, сделанной во время написания; см. примеч. 31) на: «В смятении нападения у Западных Врат некоторые из связок и пакетов были оставлены на земле, но у них всё ещё была одна связка факелов, что они принесли с собою на случай нужды, но ещё ни разу не использовали». ↩ [broken link: #rn47_24]

тех пор, как тот был найден в логове троллей.[25] От него не исходило свечения — что было некоторым утешением, ибо, будучи мечом древней эльфийской работы, он светился холодным светом, если поблизости были гоблины.

Он повёл их вперёд сперва по проходу, в котором они остановились. По мере того как свет его жезла тускло освещал их тёмные устья, можно было видеть или угадывать иные проходы и туннели: поднимающиеся вверх, или круто сбегающие вниз, или внезапно сворачивающие за скрытые углы. Это сбивало с толку донельзя. Гэндальф вёл главным образом своим общим чувством направления: и всякий, кто бывал с ним в путешествии, знал, что он никогда не терял его, ни в темноте, ни днём, ни под землёй, ни над нею: лучше умея держать путь в туннеле, чем гоблин, и реже теряясь в лесу, чем хоббит, и вернее находя дорогу сквозь ночь, чёрную, как Бездна,

[25] Примечания: 436

Слова, что следуют за Гламдрингом, заключены в квадратные скобки. Гламдринг появился в «Наброске» к главе; см. с. 442–444. ↩ [broken link: #rn47_25]

чем кошки Королевы Берутиэль.[26] Не будь это так, более чем сомнительно, чтобы отряд прошёл хоть милю без беды. Ибо там было не только много троп на выбор — там во многих местах были ямы по сторонам туннеля и тёмные колодцы, в которых далеко внизу слышалось бульканье воды. Гниющие пряди верёвок свисали над ними со сломанных воротов. Были опасные пропасти и трещины в скале, и порой пропасть разверзалась прямо поперёк их пути. Одна была так широка, что Гэндальф сам чуть в неё не оступился. Она была все десять футов шириной, и Сэм споткнулся на прыжке и упал бы назад на дальний берег, не схвати Фродо его руку и не [?рвани] его вперёд.

Их шаг был медлен, и путь начинал казаться нескончаемым. Они очень устали, и всё же не было утешения в мысли остановиться где-либо. Дух Фродо на время поднялся после спасения от водяного чудища, но теперь глубокое чувство тревоги, переросшее в страх, снова наползло на него. Хотя он и был исцелён в Ривенделле от удара ножа, вероятно, то мрачное приключение

---

[26] Примечания: 437

Это предложение менялось в самом акте письма, причём последовательные стадии не вычёркивались: «чем любая кошка, что когда-либо ходила», «чем кошка Бениш Армона», «чем кошки Королевы [?Тамар >] Марголиантэ Берутиэль» — оба эти имени оставлены стоять. ↩ [broken link: #rn47_26]

оставило свой след, и он был особенно чуток, и в любом случае именно он нёс Кольцо на цепочке у груди.[27] Он чувствовал уверенность во зле впереди и во зле, что следует позади. Но он молчал.

Путники говорили редко и тогда лишь торопливым шёпотом. Не было ни звука, кроме звука их собственных ног. Если они останавливались на миг, они не слышали вовсе ничего, разве что изредка слабый звук струящейся или капающей воды. Лишь Фродо начал слышать или воображать, что слышит, нечто ещё: как слабый шаг мягких ног следом. Он никогда не был достаточно громок или близок, чтобы Фродо мог увериться, что слышит его, но, раз начавшись, он никогда не прекращался, разве что прекращали идти они. И это не было эхо, ибо, когда они останавливались (а они делали это время от времени), он топотал ещё некоторое время, а затем затихал.

Было около десяти часов утра, когда они вошли

---

[27] Примечания: 438

Первоначальный отрывок, что следует здесь, был заключён в квадратные скобки и позднее вычеркнут карандашом: «Пока другие пытались поддержать дух обнадёживающими разговорами и спрашивали шёпотом о землях [вычеркнуто: Дунруина и Фангорна] за горами, о доле Редвея, о лесе Фангорн и о том, что за ним, он чувствовал уверенность…» Это происходит из «Наброска» к главе (см. с. 442). ↩ [broken link: #rn47_27]

в Копи.[28] Они шли уже много часов (с краткими привалами), когда Гэндальф пришёл к своему первому серьёзному сомнению. Они вышли к широкой тёмной арке, открывавшейся в три прохода: все три вели в том же общем направлении, на Восток, но левый проход, казалось, нырял вниз, правый — взбирался вверх, тогда как средний путь, казалось, шёл ровно (но был очень узок).

— У меня нет об этом месте никакой памяти! — сказал Гэндальф, неуверенно стоя под аркой. Он поднял свой жезл в надежде найти какие-нибудь путевые знаки или надпись, что могли бы помочь. Но ничего такого не было видно.

— Я слишком устал, чтобы выбирать, — сказал он, качая головой, — и, думаю, вы все так же утомлены, как я, или больше. Нам лучше остановиться здесь на ночь — если вы понимаете, о чём

---

[28] Примечания: 439

В «Наброске» (с. 442) сказано, как и здесь, что «было около десяти часов утра», когда они вошли в Копи. Это не согласуется с тем, что сказано на с. 447, что когда «солнце достигло юга», Гэндальф «встал и сказал, что самое время начать поиск ворот», и солнце светило поперёк лица утёса, когда он являл знаки. Это наводит на мысль, что дверь была открыта ранним полднем. Предложение в тексте здесь было изменено карандашом на «пять часов вечера», но трудно сказать, к какой форме истории это относится. В FR была полная тьма — «зажглись бессчётные звёзды», — когда они вошли в Копи (с. 320, 326), и, хотя было начало декабря, было наверняка позже пяти часов. Несколькими строками ниже в нынешнем тексте, однако, другое изменение в схеме времени ясно вводит ту, что в FR; см. примеч. 29. ↩ [broken link: #rn47_28]

я. Внутри, конечно, всё ночь, но снаружи, сдаётся мне, ночь уже пришла. Прошло все десять часов с тех пор, как мы покинули ворота.[29]

Они ощупью искали в темноте место, где могли бы отдохнуть с каким-то чувством безопасности. Слева от великой арки было устье пониже, и, исследовав его ближе, они обнаружили, что это каменная дверь, что была полузатворена, но легко отошла назад от мягкого толчка. За нею, казалось, была каморка или каморки, высеченные в скале.

— Полегче, полегче! — сказал Гэндальф, когда Мерри и Фарамонд рванулись вперёд, рады найти место, где могли бы отдохнуть с какой-то безопасностью. — Полегче! Вы не знаете, что может быть внутри. Я пойду первым.

Он осторожно вошёл, а за ним остальные. — Вот! — сказал он, указывая жезлом на середину пола. Они увидели перед своими ногами круглую дыру, как устье колодца. Гниющие пряди верёвки лежали у края и тянулись вниз, в тёмную яму;

---

[29] Примечания: 440

Слова «ночь уже пришла» были изменены карандашом на «ночь уже стара», а следующее предложение, что было заключено в квадратные скобки, вычеркнуто. Как написано, текст согласуется с историей, что они вошли в Копи около десяти утра, — теперь было бы около 8 вечера (см. примеч. 28). Как изменено, оно согласуется с FR, с. 326 («снаружи поздняя Луна едет к западу, и полночь миновала»). ↩ [broken link: #rn47_29]

обломки разбитого камня лежали рядом.

— Кто-нибудь из вас мог бы упасть туда и до сих пор ждать, когда долетит до дна, — сказал чародей Мерри. — Гляди под ноги! Это, кажется, была своего рода караульная, поставленная стеречь те проходы, — продолжал он. — Дыра, думаю, — колодец, и, без сомнения, была некогда покрыта каменной крышкой. Но та теперь сломана, так что берегись падения.

Сэма[30] странно влекло к колодцу, и пока остальные стелили постели из одеял в тёмных углах комнаты, как можно дальше от колодца, он подкрался к краю и заглянул вниз. Холодный воздух, казалось, поднялся к его лицу из незримых глубин. Движимый внезапным порывом, он нашарил рукой свободный камень и дал ему упасть.

Казалось, прошла почти целая минута, прежде чем раздался какой-либо звук, — затем далеко внизу был «плюнк», словно камень упал в глубокую воду в пещеристом месте, — очень отдалённый, но усиленный и повторённый в полой скале.

---

[30] Примечания: 441

«Сэм» заменил «Мерри» во время написания, ибо в конце этого эпизода именно Сэм, не изменённый из Мерри, несёт первую стражу в наказание за брошенный в колодец камень. ↩ [broken link: #rn47_30]

— Что это? — вскричал Гэндальф. Он успокоился, когда Сэм сознался в том, что сделал, но он был сердит, и Сэм мог видеть, как его глаза блестят в темноте. — Дурень! — проворчал он. — Это серьёзное путешествие, а не хоббичий школьный пикник. Брось себя самого туда в следующий раз, и тогда от тебя больше не будет докуки. Теперь молчи!

Несколько минут не было слышно ничего, но затем из глубин донеслись слабые стуки, что прекратились, и были смутно отзвучены, а затем, после короткой тишины, повторились. Это звучало странно похоже на сигналы какого-то рода. Но спустя время стуки замерли вовсе и больше не слышались.

— Это, может, и не связано с тем камнем, — сказал Гэндальф, — да и в любом случае, может, и не связано с нами, — но, конечно, это может быть что угодно. Не делай больше ничего такого. Будем надеяться, что отдохнём без помех. Ты, Сэм, можешь нести первую стражу. И держись у двери, подальше от колодца, — проворчал он, заворачиваясь в одеяло.

Сэм несчастно сидел у двери в кромешной тьме, но всё оборачивался, из страха, что какая-нибудь неведомая тварь выползет из колодца. Он желал,

чтобы можно было прикрыть дыру, хоть бы одеялом, но не смел подойти, даже хотя Гэндальф, казалось, храпел.

Гэндальф на деле не спал, а храп шёл от Боромира, что лежал рядом с ним. Чародей снова напряжённо думал, пытаясь припомнить всё, что мог, о своём прежнем пути в Копях, и пытаясь решить, какой курс взять дальше. Спустя около часа он встал и подошёл к Сэму.

— Заворачивайся в одеяло и поспи, парень! — сказал он более ласковым тоном. — Ты-то можешь уснуть, думаю. Я не могу, так что могу и постеречь.

— Я знаю, что со мной такое, — пробормотал он. — Мне нужна трубка, и, пожалуй, рискну. — Последнее, что Сэм увидел, прежде чем сон взял его, было видение старого чародея, сидящего на корточках на полу, заслоняя пылающую щепку в корявых ладонях меж колен. Огонёк на миг осветил его острый нос и клубы дыма.

Это Гэндальф разбудил их всех ото сна. Он стерёг один около шести часов и дал остальным отдохнуть. — А меж тем я решился, — сказал он. — Не нравится мне чутьё среднего пути, и не нравится мне запах левого — там, внизу, спёртый воздух, или я не проводник. Я возьму правый

путь — пора нам снова начать подниматься.

Восемь тёмных часов, не считая двух кратких привалов, они шли вперёд, и не встретили опасности, и не слышали и не видели ничего, кроме слабого мерцания света чародея, что подскакивал, как блуждающий огонёк, перед ними. Проход, что они выбрали, неуклонно вился вверх, идя, насколько они могли судить, большими дугами, и неуклонно расширялся. Ни по одну сторону теперь не было устьев иных галерей или туннелей, и пол, хоть и груб во многих местах, был цел и без ям и трещин. Они шли быстрее, чем накануне, и, должно быть, покрыли миль двадцать или больше, пятнадцать, быть может, по прямой на восток. По мере того как они шли вверх, дух Фродо немного поднялся, но он всё ещё чувствовал гнёт и всё ещё порой слышал или думал, что слышит, позади и сквозь топоток их собственных ног следующий шаг, что не был эхом.

Они прошли почти столько, сколько хоббиты могли вынести без отдыха и сна, и все думали о месте, где остановиться на ночь, когда вдруг стены справа и слева исчезли. Они замерли. Гэндальф, казалось, был доволен. — Думаю, мы достигли обитаемых частей, — сказал он, — и

недалеко от восточной стороны. Я чувствую перемену в воздухе и догадываюсь, что мы в широком чертоге. Думаю, рискну немного посветить.[31]

Он поднял свой жезл, и на краткий миг тот вспыхнул, как зарница. Огромные тени взметнулись и бежали, и на секунду-другую они увидели обширный свод высоко над головами. Со всех сторон простирался огромный пустой чертог с прямыми тёсаными стенами. Четыре входа они мельком увидели: тёмные арки в стенах: одна на западе, которой они пришли, одна перед ними на востоке и по одной с каждой стороны. Затем свет погас.

— Это всё, на что я отважусь пока, — сказал чародей. — Здесь были большие окна на горном склоне и шахты, ведущие к свету и верхним пределам копей. Думаю, мы где-то здесь. Но сейчас ночь, и мы не можем сказать до утра. Если я прав, завтра мы, может, и впрямь увидим, как заглядывает утро. Но пока нам лучше не идти дальше без разведки. Ещё немалый путь будет,

---

[31] Примечания: 442

Этот отрывок сильно менялся по ходу сочинения. Сперва «Гэндальф дозволил зажечь два факела, чтобы помочь в разведке. Их свет не нашёл свода, но был достаточен, чтобы показать, что они вышли (как и угадывали) в широкое пространство, высокое и просторное, как великий чертог». Однако было сказано, изменением, по-видимому сделанным в ходе первоначального сочинения (см. примеч. 24), что у них не было ни факелов, ни средств их сделать. ↩ [broken link: #rn47_31]

прежде чем мы пройдём, — Восточные Врата на куда более низком уровне, чем это место, и дорога вниз долга. Отдохнём, если сможем.

Они провели ту ночь в великом пустом чертоге, сгрудившись в углу, чтобы спастись от сквозняка, — казалось, был ровный поток студёного воздуха внутрь через восточную арку. Обширность и громадность туннелей и выработок наполняла хоббитов недоумением.[32] — Должно быть, тут было могучее племя гномов в своё время, — сказал Сэм, — и каждый трудился усердно, как барсук, сотню лет, чтобы сделать всё это, — да к тому же большей частью в твёрдой скале. Зачем они всё это делали? Не жили же они в этих мрачных норах, неужто?

— Недолго, — сказал Гэндальф;[33] — хотя рудокопы часто проводили долгие сроки под землёй, я думаю. Они находили драгоценные металлы и самоцветы — очень обильно в более ранние дни. Но копи были всего знаменитее металлом, что в

---

[32] Примечания: 443

Отрывок в FR, с. 329, от «Вокруг них, пока они лежали, висела тьма…» до «настоящего ужаса и дива Мории» был сперва набросан на полях рукописи здесь, быть может, довольно скоро после написания основного текста. ↩ [broken link: #rn47_32]

[33] Примечания: 444

«Гэндальф» — ранняя поправка из «Топотун», и в следующей реплике тоже. ↩ [broken link: #rn47_33]

сколько-нибудь большом количестве находился лишь здесь: серебром Мории, или истинным серебром, как иные его зовут. Итиль[34] зовут его Эльфы и ценят его и поныне выше золота.[35] Оно почти столь же тяжело, как свинец, и ковко, как медь, но гномы могли неким своим секретом сделать его твёрдым, как сталь. Оно превосходит обычное серебро во всём, кроме красоты, и даже в ней ему равно. В свои дни гномьи владыки Уруктарбуна[36] были богаче любого из Королей Людей.

— Что ж, мы и не видали никакого серебра с тех пор, как вошли, — проворчал Сэм, — ни самоцветов тоже. Ни гномов.

— Не думаю, чтобы увидели, пока не поднимемся выше[37] и ближе к восточным входам,

---

[34] Примечания: 445

Итиль — ранняя, быть может, непосредственная замена Эрцелеба. ↩ [broken link: #rn47_34]

[35] Примечания: 446

Этот отрывок был изменён в самом акте письма из: «…очень обильно в более ранние дни, и особенно серебро. Серебро Мории было (и поныне есть) прославлено, и многие держали его драгоценным…» Это место, где впервые возник замысел мифрила, хотя ещё не имя (см. примеч. 34). Отсылка к мифрилу в «Хоббите» (глава XIII, «Не дома») вошла в третье издание 1966 года: до того текст гласил: «Она была из серебрёной стали и украшена жемчугом, и к ней шёл пояс из жемчуга и хрусталя». Это было изменено на: «Она была из серебряной стали, что эльфы зовут мифрилом, и к ней шёл пояс из жемчуга и хрусталя». ↩ [broken link: #rn47_35]

[36] Примечания: 447

Против Уруктарбуна карандашом помечено Азанулбизар, что в FR — гномье имя Димрилл-дола. Если Уруктарбун — это Мория (а следующая переработка этого текста имеет «гномьи владыки Казад-дума»), то Азанулбизар, может, был задуман заменить его и относиться сперва к Мории; с другой стороны, мой отец, быть может, желал назвать «гномьих владык» владыками Димрилл-дола. Можно помянуть, что вложен в эту рукопись, хотя и написан на иной бумаге и, по-видимому, принадлежит к более поздней стадии, когда Гимли стал членом Отряда, лист первичных набросков его песни в Мории, и в них встречаются строки:

> *When Durin came to Azanûl*
> *and found and named the nameless pool.*

В заметках, написанных годы спустя (после публикации «Властелина Колец»), мой отец заметил, что «истолкование гномьих имён (из-за скудного знания кхуздула) во многом неопределённо, кроме того, что, поскольку этот край [то есть Мория и Димрилл-дол] был изначально гномьим домом и в первую очередь назван ими, синдаринские и вестронские имена, вероятно, по происхождению схожего смысла». Он истолковал (нерешительно) Азанулбизар как содержащее ZN «тёмный, тусклый», ûl «потоки» и bizar — дол или долина, всё в целом, таким образом, означая «Дол Тусклых Потоков».

Имя Казад-дум уже появлялось в «Квенте Сильмариллион» (V.274), где было именем Гномьего города в Синих Горах, что Эльфы звали Ногрод. ↩ [broken link: #rn47_36]

[37] Примечания: 448

Слово «выше» здесь странно (и мой отец позднее поставил против него вопрос), ибо утверждение, что Восточные Врата были на куда более низком уровне, чем великий чертог, где они теперь были, — часть первоначального сочинения. ↩ [broken link: #rn47_37]

— сказал Гэндальф.

— Надеюсь, мы всё-таки найдём гномов в конце концов, — сказал Фродо. — Я бы много отдал, чтобы повидать старого Балина. Бильбо был к нему привязан и был бы рад вестям о нём. Он навещал его в Хоббитоне как-то давным-давно, но это было прежде, чем я переехал туда жить.

Но эти слова унесли его мысли далеко прочь от темноты, и воспоминания о Бэг-Энде, пока Бильбо был ещё там, [?густо] нахлынули в его ум. Он всем сердцем желал вернуться туда, косить лужайку или возиться среди цветов, и чтобы он никогда не слыхал о Кольце.[38] Был его черёд стеречь. Когда настала тишина и один за другим остальные уснули, он снова почувствовал, как странный страх осаждает его. Но, хотя он слушал бесконечно сквозь медленные часы, пока его не сменили, он не услышал звука ничьих шагов. Лишь однажды, далеко, где, как он догадывался, стояла западная арка, ему почудилось, что он видит две бледные точки света — почти как светящиеся глаза. Он вздрогнул — «должно быть, я

---

[38] Примечания: 449

Этот отрывок уцелел в FR (с. 331–332), но там мысли Фродо обращаются к Бильбо и Бэг-Энду по иной причине — из-за упоминания Гэндальфом кольчуги Бильбо из мифриловых колец. Серебро Мории только-только возникло (примеч. 35), и связь с кольчугой Бильбо ещё не была сделана. ↩ [broken link: #rn47_38]

почти уснул, — подумал он, — я был на краю сна». Он протёр глаза и встал и оставался стоять, вглядываясь в темноту, пока его не сменил Мерри. Он быстро уснул, но спустя время ему показалось во сне, что он слышит шёпоты и видит две бледные точки света, приближающиеся. Он проснулся — и обнаружил, что остальные тихо говорят подле него и что тусклый свет на деле падает на его лицо. Высоко над восточной аркой, через шахту близ свода, шёл серый проблеск. И через чертог, через северную арку, свет тоже мерцал, слабо и отдалённо.

Фродо сел. — Доброе утро! — сказал Гэндальф. — Ибо это снова наконец утро. Я был прав, видишь. Прежде чем кончится нынешний день, мы должны добраться до Восточных Врат и увидеть

воды Хелеворна в Димрилл-доле перед собою.[39]

И всё же чародей чувствовал некоторое сомнение насчёт их точного положения — они могли быть далеко к северу или к югу от Врат. Восточная арка была вероятнейшим выходом, и сквозняк, что тёк через неё, казалось, обещал проход, ведущий вскоре к наружному воздуху, но за устьем не было и следа света. — Если бы я только мог выглянуть из одной из этих шахт, — сказал он, — я бы лучше знал, как быть. Мы могли бы блуждать туда-сюда без конца и как раз разминуться с выходом. Нам лучше немного разведать, прежде чем тронемся. И пойдём сперва к свету.

Пройдя под северной аркой, они спустились по широкому коридору, и, пока они шли, мерцание света крепло. Свернув за резкий угол, они вышли

---

[39] Примечания: 450

В предыдущей главе имя Димрилл-дол появляется как поправка (с. 433, примеч. 13), вместе с первым упоминанием озера в доле, там названного Стеклянным Озером; Зеркальное Озеро названо на карте, воспроизведённой на с. 439. Эльфийское имя Хелеворн (в «Этимологиях», V.365, переведённое «чёрное стекло»), данное ему здесь, появлялось в «Квенте Сильмариллион» как имя озера в Таргелионе, подле которого обитал Крантир, сын Фэанора. Никакого иного эльфийского имени для Зеркального Озера не записано в опубликованных писаниях, но в заметках, помянутых в примеч. 36, мой отец сказал, что синдаринское имя, не данное в LR, было на деле Нен Кенедриль, «Озеро-Зеркало». Истолковывая Хелед-зарам как «вероятно, „стеклянная заводь“», он отметил: «kheled было, несомненно, гномьим словом для „стекла“ и, по-видимому, есть исток синдаринского heleð „стекло“. Ср. Озеро Хеле(д)ворн близ Гномьих краёв на севере Дор Карантира [Таргелиона]: оно означает „чёрное стекло“ и, вероятно, тоже есть перевод гномьего

имени (данного Гномами: то же, вероятно, и в краю Мории), такого как Нараг-зарам (что NRG было кхуздулом для „чёрный“, видно в гномьем имени Мордора: Наргун)». ↩ [broken link: #rn47_39]

к большой двери справа. Она была полуоткрыта, и за нею была большая квадратная палата. Она была лишь тускло освещена, но их глазам, после столь долгого пребывания в темноте, она казалась почти ослепительно светлой, и они моргали, входя. Их ноги потревожили глубокую пыль и спотыкались среди вещей, лежавших на полу у дверного проёма, чьи очертания они сперва не могли разобрать.

Они увидели теперь, что палата освещена широкой шахтой высоко в дальней стене — она шла наклонно вверх, и далеко вверху виднелся маленький квадратный лоскут неба, где она выходила наружу. Свет падал прямо на стол посреди палаты — квадратную глыбу фута в три высотой, на которую была положена большая плита белёного камня.

«Похоже на гробницу!» — подумал Фродо и пошёл вперёд поглядеть на неё ближе, со странным чувством предчувствия. Гэндальф быстро подошёл к нему. На плите было глубоко высечено

рунами:[40]

БАЛИН СЫН БУРИНА ВЛАДЫКА МОРИИ

Гэндальф и Фродо переглянулись. — Значит, он мёртв. Я как-то этого боялся, — сказал Фродо.

Хотя набросок истории о проходе через Морию продолжается далеко за эту точку (с. 443), этот первый черновик повествования остановился здесь. Мой отец нацарапал несколько едва разборчивых заметок на пустом остатке страницы, а годы спустя (когда, как я думаю, страница отделилась от остальной главы: см. примеч. 40) он расшифровал их так.

«Балин, сын Бурина» изменено на «Балин, сын Фундина», как в «Хоббите» (см. с. 444).

В конце повествования чернилами написано, как в FR: «Гимли набросил капюшон на лицо».

---

[40] Примечания: 451

Когда рукопись этой главы была найдена среди бумаг моего отца, она оканчивалась у подножия страницы, на словах «большая плита белёного камня» на с. 460. Я полагал, что именно здесь мой отец прервался, пока, за несколько дней до того, как машинопись этой книги должна была идти в печать, я совершенно неожиданно не наткнулся на дальнейшую страницу, начинающуюся со слов «„Похоже на гробницу!“ — подумал Фродо», что, очевидно, была отделена от остальной главы давным-давно, из-за надписей. Было, конечно, слишком поздно воспроизводить их в этой книге, но рассказ о рунических алфавитах, как мой отец их замышлял в это время, и о письме на гробнице Балина и в Книге Мазарбул будет, надеюсь, опубликован в Томе VII.

Можно, однако, здесь заметить, что именно в этой точке мой отец решил оставить древнеанглийские (или «хоббичьи») руны и использовать настоящие руны Белерианда, что были уже в развитой форме.

Надпись на гробнице («Балин, сын Бурина, Владыка Мории») была сперва написана первыми, а затем тут же ниже «ангертас», дважды, с теми же словами, но рунами, что различаются в некоторых точках.

На обороте этой вновь обнаруженной страницы, и, как я думаю, весьма вероятно, того же времени, — очень грубо набросанный карандашом рисунок «Страницы из Книги Балина», рунами, представляющими английский, записанный фонетически, что читается так:

Мы изгнали Орков из … стражи … первого чертога. Мы сразили многих под ярким солнцем в доле. Флои был убит стрелою … Мы … Мы заняли двадцать первый чертог … северного конца. Там есть … шахта … Балин поставил своё кресло в палате Мазарбул … Балин — Владыка Мории …

А в правом нижнем углу страницы, оторванном от остального, — имя Казаддум. ↩ [broken link: #rn47_40]

«Руны ?Гномов».

«(они) озираются и видят сломанные мечи, и ?лезвия топоров, и расколотые щиты».

«?Истоптанная книга в пятнах крови и брошена в углу. Прочесть можно лишь часть. Балин был сражён в ?стычке в Димрилл-доле. Они взяли ворота, они идут».

На обороте страницы — первый набросок «Страницы из Книги Балина» (см. примеч. 40).

Может статься, что мой отец не чувствовал в это время, что достиг конца главы, и намеревался продолжить историю, но из его собственных слов в Предисловии ко Второму Изданию (1966), в котором он изложил некоторые воспоминания о стадиях написания книги, известно, что он остановился надолго именно в этой точке. Он сказал там, что к концу 1939 года «повесть ещё не достигла конца Книги I» (и ясно, что он имел в виду Книгу I FR, а не Том I «Властелина Колец»), и что

Несмотря на мрак следующих пяти лет, я обнаружил, что повесть уже нельзя вовсе оставить, и я брёл дальше, по большей части ночами, пока не встал у гробницы Балина в Мории. Там я остановился надолго. Прошёл почти год, прежде чем я двинулся дальше и так дошёл до Лотлориэна и Великой Реки в конце 1941 года.

Это может означать лишь, что повесть была прервана в Мории в конце 1940 года.

Кажется невозможным согласовать эти даты с прочими свидетельствами, что существуют по этому предмету. Думаю, крайне вероятно, даже фактически несомненно, что эти последние главы, ведущие историю от Ривенделла до Мории, принадлежат к последней части 1939 года, и впрямь, мой отец сам сказал, в письме к Стэнли Анвину от 19 декабря 1939 года, что он «никогда вполне не оставлял работу» над «Властелином Колец» и что «она достигла Главы XV» («Письма», № 37). Номера глав на этой стадии, к несчастью, столь сбивчивы, что свидетельство, какое они дают, очень трудно использовать, но если заметить, что номер «XV» был помечен карандашом на первоначальной рукописи «Совета Элронда» и что глава, что впоследствии продолжала историю с того места, где оканчивается нынешний текст, — изначально называвшаяся «Копи Мории (ii)», а после «Мост Казад-дума», — занумерована «XVII», то кажется вероятным, что именно к «Копям Мории» мой отец отсылал в письме декабря 1939-го. В любом случае «Глава XVI» никак не могла бы быть одной из глав Книги I в FR. Я уверен поэтому, что — более чем четверть века спустя

— он ошибся в воспоминании о годе. Но было бы немыслимо, чтобы он ошибся в воспоминании о том, что «остановился надолго у гробницы Балина в Мории». Внутренние свидетельства в любом случае наводят на мысль, что «волна» сочинения, что несла историю от Совета Элронда до палаты с гробницей Балина, пришла к концу здесь. Все последующие тексты покоятся на развитой форме Совета и ином составе Отряда Кольца.

Здесь и эта история останавливается тоже. Но прежде чем кончить, остаётся ещё один обрывок наброска, найденный на той же отдельной странице, что несёт предварительные наброски спуска с Красного Перевала (с. 431, примеч. 1) и заклятия, что держало Западные Врата Мории (с. 444). Он на деле есть продолжение «Наброска главы о Мории», данного на с. 442–443, что оканчивается словами: «Погоня за ними. Здесь следует утрата Гэндальфа». Написанный бледной карандашной каракулей, он чрезвычайно труден для чтения.

Их преследуют гоблины и Ч[ёрный] В[садник] [надписано сверху: Балрог] после бегства из Гробницы Балина — они выходят к мосту из тонкого камня над бездной.

Гэндальф поворачивает назад и сдержива-

ет [?врага], они переходят мост, но Ч[ёрный] В[садник] прыгает вперёд и схватывается с Гэндальфом. Мост трескается под ними, и последнее, что они видят, — это Гэндальф, падающий в яму с Ч[ёрным] В[садником]. Вспышка огня и синий свет вверх из бездны.

Их горе. Топотун теперь ведёт отряд.

(Конечно, Гэндальф должен вновь появиться позже — вероятно, падение не так глубоко, как казалось. Гэндальф подминает Балрога под себя и так… … и в конце концов, следуя подземному потоку в бездне, он нашёл выход — но он не объявляется, пока у них не было много приключений: и впрямь не раньше, чем они окажутся на [?границах] Мордора, а Король Онда будет разбит в битве.)

Это, кажется, ясно показывает, что ещё прежде, чем была написана история о падении Гэндальфа с Моста Казад-дума, мой отец вполне намеревался, чтобы тот вернулся.